Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»

На правах рукописи

ГИЛЕМШИН Флер Фоатович

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА КЫССА В СИСТЕМЕ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
Доктор филологических наук,
профессор
Галиуллина Гульшат Раисовна

Казань – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 5
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА……. 19
1.1. Литературный язык: теоретико-методологические аспекты исследования 19
1.2. Факторы, влияющие на формирование и развитие татарского литературного языка 37
1.3. Письменные памятники на старотатарском литературном языке: 51
краткий обзор
1.4. XIX век – начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка 69
Выводы по главе
ГЛАВА 2. ЯЗЫК ЖАНРА КЫССА КАК СИНТЕЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПИСЬМЕННОГО И НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО ФОРМ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА 84
2.1. Вторичные тексты в татарской культуре 84
2.2. Жанр кысса как объект филологических исследований 101
2.3. Жанровые и стилевые особенности текстов кысса 110
2.3.1. Общая характеристика деятельности авторов кысса 114
2.3.2. Жанровые и стилеобразующие факторы 123
2.4. Трансформации при переводе текстов кысса на татарский язык 137
Выводы по главе
ГЛАВА 3. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ЖАНРА КЫССА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 179
3.1. Религиозная лексика 181
3.2. Человек 197

3.3. Соматическая лексика 200
3.4. Лексика, выражающая состояние субъекта 217
3.5. Лексика, выражающая действие субъекта 225
3.5.1.Слова, обозначающие конкретные действия 226
3.5.2.Слова, выражающие физиологические действия 230
3.5.3.Слова, обозначающие абстрактные действия 235
3.6. Лексика, выражающая движение субъекта 238
3.7. Термины родства, функционирующие в текстах кысса 242
3.7.1.Термины родства по крови 243
3.7.2.Термины родства по браку 252
3.8. Наименования быта в текстах кысса 257
3.9. Лексика, относящаяся к роду деятельности людей 266
3.10. Лексико-тематическая группа «Природа» 273
3.10.1. Живая природа 274
3.10.1.1.Названия домашних животных 274
3.10.1.2.Названия диких животных 277
3.10.1.3.Названия насекомых 280
3.10.1.4.Названия птиц 282
3.10.1.5.Слова, связанные с растительным миром 286
3.10.2. Неживая природа 290
Выводы по главе
ГЛАВА 4. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ КЫССА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ТРАДИЦИЙ 299
4.1. Имя существительное 301
4.2. Имя прилагательное 327
4.3. Имя числительное 333
4.4. Местоимение 342
4.5. Глагол 357

4.6. Наречие 401
4.7. Служебные части речи 406
4.7.1. Послелоги 406
4.7.2. Союзы 413
4.7.3. Частицы 421
Выводы по главе
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 431
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 443
ПРИЛОЖЕНИЕ 475

ВВЕДЕНИЕ

Исследование истории, текущего состояния, перспектив развития национальных языков, литератур предполагает разновекторные прочтения, актуализацию широкого спектра методов и приемов, одновременную проблематизирующую сфокусированность на разных проблемно-тематических уровнях. Микроособенности должны быть проанализированы и в аспекте макропроцессов, сквозь призму глобально-магистральных характеристик. Еще один важный элемент эффективного гуманитарного исследования (в нашем случае – филологического) – рассмотрение совокупности реалий взаимодействия, системный анализ путей и механизмов контактирования, сценариев межкультурной коммуникации. Язык, литература, духовная культура этноса – открытые системы, пространство сближений и столкновений, коллективного и личностно-индивидуального. Эти подчас имплицитные оппозиции, гуманитарные «композиты» – сами по себе синтетические – требуют особой «расширенной» оптики прочтения, научного понимания. В этом смысле представленная диссертационная работа являет собой пример многозадачного гуманитарного исследования, в рамках которого осуществляется интерпретация исторически сложившихся, перманентно трансформирующихся результатов диалога культур, конфессий, этнохудожественных ментальностей. На примере истории одного литературного жанра мы фактически проявили полный неочевидных нюансов процесс становления, содержательного развития татарского языка. Это тот случай, когда художественные тексты в динамическом разрезе становятся релевантным материалом для лингвистических исследований.

Произведения, относящиеся к жанру кысса, занимают особое место в системе татарского литературного языка. Предпосылки возникновения и распространения этих произведений среди тюрко-татарского народа возникли еще в ранних этапах существования литературного языка, однако, как жанр, с присущей ей языковой и стилистической характеристикой,

вобравшей в себе особенности литературного языка, кысса окончательно сформировалась во второй половине XIX – начала XX века. Данный период характеризуется сложной не только общественно-политической и культурной ситуацией, но и в плане развития литературного языка он был довольно противоречивым, т.к. является переходным этапом. Тем не менее, в этот период в татарском литературном языке укрепляются такие основные критерии литературного языка как наддиалектность, наличие обработанных норм, которые формировались в процессе эволюции всех подсистем национального языка.

В татарском языкознании сложилась прочная традиция исследования исторических письменных памятников в диахронии и синхронии, опубликованы монографии по исследованию языка определенного периода, изданы обобщающие работы по истории татарского литературного языка. Огромным достижением в разработке теоретико-методологических аспектов татарского литературного языка является трехтомный монографический труд «История татарского литературного языка» (2015-2020), который направлен на комплексное последовательное описание истории литературного языка, основными критериями которого являются такие понятия как «норма» и «вариативность нормы».

Актуальность исследования обусловлено тем, что при всем многообразии исследований, посвященных изучению проблем истории татарского письменного литературного языка, труды, посвященные комплексному анализу языка художественных вторичных произведений, относящихся к жанру кысса, XIX половины - начала XX века отсутствуют.

Эти произведения сыграли огромную роль в формировании современного литературного языка и становлении его литературных норм. Комплексное изучение текстов кысса с учетом анализа их разнородных особенностей, сложного внутреннего устройства, формирующего воздействия внешних факторов дает возможность проявить концептуальные трансформационные процессы, происходящие в языке, литературе, культуре,

общественной жизни татарского народа. В ходе анализа произведений были установлены важные сценарии литературно-художественного поиска наиболее приемлемых лексических единиц и грамматических форм, впоследствии принятых в качестве языковой нормы, обозначена конституирующая роль словесности в процессе «вызревания» и обогащения национального языка. Изучение языкового, стилистического своеобразия произведений жанра кысса сквозь призму лексико-семантических изменений, грамматических новшеств и вариаций, специфики построения текста вносит значительный вклад в решение как частных, так и общих проблем татарского языкознания, способствует определению ключевых схем развития татарского литературного языка.

К числу недостаточно изученных вопросов татарского языкознания относится многомерная реальность межкультурного взаимодействия, оказавшая существенно воздействие на становление и интенсивное самонаполнение татарского литературного языка. К актуальным и малоизученным сферам мы причисляем и этно-, лингвокультурологические измерения литературы, также играющие конституирующую роль в процессе формирования языка. На сегодняшний день в рамках татарской гуманитаристики нет исчерпывающих исследований таких релевантных составляющих национальной культуры, как традиции восточной классики, их значения в истории зарождения, «взросления» языка, словесности. Разработка этих научных сюжетов тем более важна, что к числу факторов, обусловливающих самобытность татарской культуры, можно отнести такие, как, во-первых, ее генетическая связь с истоками – исламской литературой, а также типологическая связь с древним восточно-мусульманским мировоззрением, во-вторых, собственно национальный (ареальный) образ мира, национальные традиции, которые напрямую влияли на язык и мышление. С принятием ислама Волго-Уральский регион вошел в зону общемусульманской цивилизации. В национальной культуре, в цивилизационной системе которой мы рассматриваем всю совокупность

языковых реалий, наряду с этническими традициями, получили развитие традиции общемусульманской культуры. В основе этого сложного процесса – взаимовлияние разных, генетически неродственных культур: тюрко-татарской, арабской и персидской. Подобное интегративное явление было связано как с особым – «высоким» – статусом арабской и персидской культуры, так и культурой тюрко-татарского народа, приобщенного к исламу. В исследуемых нами произведениях взаимопроникновение обозначенных культур прослеживается на основных уровнях – структурно-композиционном, содержательном, языковом и стилистическом.

Объектом исследования являются художественные вторичные произведения второй половины XIX – начала XX века, относящиеся к жанру кысса, которые оказали значительное влияние на формирование современного татарского литературного языка, его литературных норм, национальной литературно-художественной традиции.

Предметом исследования выступают лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на формирование жанра кысса; стилистические приемы, объединяющие исследуемые произведения в единый жанр, содержательные и лексико-семантические трансформации, лексико-семантические особенности и морфологическая структура текстов кысса анализируемого периода.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в комплексном изучении богатой языковой системы художественных вторичных произведений второй половины XIX – начала XX века, объединенных под общим названием «кысса».

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– определить факторы, влияющие на формирование и развитие жанра кысса в контексте татарского литературного языка; (тозәттек)

– отразить характерные черты татарского литературного языка второй половины XIX – начала XX века, на котором создавались произведения, относящиеся к жанру кысса;

– определить содержание и объем понятия *кысса*, описать картину становления и развития жанра в контексте арабско-персидских-тюрко-татарских литературных и культурных контактов;

– показать степень влияния оригинальных текстов на вторичные тексты, создаваемые татарскими просветителями;

– выявить стилевые и жанровые особенности исследуемых литературных памятников, которые, с одной стороны, выступают как переводные тексты, а с другой – им свойственна совершенно особая языковая, стилевая оригинальность;

– проанализировать лексико-семантические и морфологические особенности текстов кысса и выявить общее и особенное в контексте литературного языка второй половины XIX – начала XX века;

– установить и представить лексическое ядро изучаемых произведений и акцентировать их семантические особенности, проследить их место в подвижной системе литературного языка;

– выявить причины вариативности морфологических форм в языке исследуемых произведений и определить инвариантную форму, впоследствии ставшей морфологической нормой современного татарского языка;

– установить взаимосвязь между языком произведений изучаемого жанра и тенденциями развития татарского литературного языка второй половины XIX – начала XX века.

Методология исследования. В соответствии с характером изучаемого материала и поставленных задач, методология исследования заключается в комплексном подходе.

Основным методом решения поставленных задач является метод диахронического анализа, который дополнялся методами синхронного анализа.

Для описания языковых фактов, обобщения и интерпретации, классификации фактического материала, для изучения и анализа теоретических материалов, для описания языкового своеобразия каждого произведения использовался описательный метод.

В целях выявления изменений структуры и состава языка произведений, при определении генетической принадлежности лексем, при сравнении языковых явлений различных периодов применялся сравнительно-исторический метод.

Методы контекстуального и лексико-семантического анализа использовались при интерпретации семантики слов, при изучении трансформационных процессов, происходящих при переводе текстов кысса на татарский язык.

Сравнительно-сопоставительный метод использовался при сопоставительном анализе текстов на татарском языке с оригиналами на арабском языке и переводами на староосманском языке, а также при сравнении исследуемых произведений.

Для определения жанровой и стилистической общности произведений был применен лексико-стилистический метод.

В целях определения этнонациональной специфики лексических единиц и морфологических форм, для выявления межъязыковых соответствий в текстах кысса использовался контрастивный метод.

Помимо лингвистических методов, в работе использованы литературоведческие и лингвокультурологические методы и приемы (структурно-семантический метод, прием медленного чтения, эстетический анализ и др.). Также были привлечены отдельные методы и приемы, факты смежных гуманитарных наук: истории, культурологии, теологии и философии.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые в истории татарского языкознания репрезентативный комплекс переводных произведений второй половины XIX – начала XX века вводится в научный оборот, подвергается многофакторному гуманитарному анализу в контексте становления и развития современного татарского литературного языка, доказывается их принадлежность к жанру кысса, обосновывается их жанровая, стилистическая и языковая общность. В диссертационном исследовании впервые производится комплексный сравнительно-сопоставительный анализ оригиналов и переводов, выявляются общие и специфические аспекты, доказывающие, в том числе их, оригинальность как самостоятельных произведений.

Новизна работы состоит также в том, что произведения второй половины XIX – начала XX века, относящиеся к жанру кысса, не были прежде изучены в аспектах лексико-семантической вариативности и исторической морфологии, в контексте народно-разговорного и литературного языка, а также языка-оригинала и языка-посредника переводов произведений.

Теоретико-методологическую базу диссертационной работы составляют труды исследователей, в которых раскрываются: проблемы литературного языка (К.С. Аксаков, В.А. Богородицкий, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Ф. Будде, Ф.И. Буслаев, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.И. Горшков, Е.А. Земская, Л.П. Крысин, Н.А. Мещерский, П.А. Плетнев, Б.А. Успенский, Ф.П. Филин, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и др.); вопросы теории и истории татарского литературного языка (Г.Х. Алпаров, И.Б. Баширова, М.З. Закиев, Л. Заляй, Х.Р. Курбатов, Э.Н. Наджип, Ф.Ш. Нуриева, Ш.А. Рамазанов, А.Н. Самойлович, Э.Р. Тенишев, Ф.С. Фасеев, В.Н. Хангильдин, В.Х. Хаков, Ф.С. Хакимзянов, Ф.М. Хисамова и др.); вопросы в области теории и истории перевода, литературных взаимодействий (Ш. Абилов, О.Ю. Багдасарян, М.П. Брандес, М.В. Вербицкая, А.Н. Веселовский, Д. Дюришин, В.М. Жирмунский, В.И.

Карасик, Короглы Халыг, Л.К. Латышев, Ю.М. Лотман, Х.Ю. Миннегулов, А.Т. Сибгатулллина, А.Г. Тагирджанов, А.А. Тимерханов, Н.Ш. Хисамов, А.Д. Швейцер и др.); специфика и история изучения жанра кысса (Дж. Алмаз, М.Х. Гайнуллин, Р.К. Ганиева, П.А. Гринцер, Д.Ф. Загидуллина, Дж. Г. Зайнуллин, Н.Ф. Катанов, А.П. Квятковский, Л.Х. Мухаметзянова, В.М.Насилов, А.Ш. Салихов и др.); лексико-семантические и морфологические аспекты татарского языка (Р.Г. Ахметьянов, Г.Р. Галиуллина, Ф.А. Ганиев, Р.Р. Замалетдинов, Ф.С. Сафиуллина, Д.Г. Тумашева, Ф.Ю.Юсупов и др.)

Материалом для исследования послужили: татарский перевод сборника сказок «Тысяча и одна ночь» («Мең дә бер кичә»), выполненный Ф. Халиди, под названием «Әлф ләйлә вә ләйлә», изданный в типографии Казанского университета в шести томах в 1897-1899 гг. Печатный вариант данного перевода в полном комплекте хранится в библиотеке ФИЦ КазНЦ РАН. Второй, неполный комплект перевода Ф. Халиди находится в Научной библиотеке КФУ. У этого комплекта отсутствует третий том. Для сравнения перевода «Тысяча и одна ночь» использовались книги на османо-турецком языке «Tercume-i elf leylet ve leylet». Турецкий перевод сказок «Тысяча и одна ночь» , которые были изданы в 4-х томах в Стамбуле, 1870 году. Объем книг разный: 1 том -392 с., 2 том – 391 с., 3-й том – 368 с., 4-й том – 289с. В качестве арабского оригинала был использован комплект книг в четырех томах, изданных в Бейруте, в издательстве Дарул-мактабатил-хилал, в 2009 году. Русскоязычный вариант был представлен в переводе Михаила Салье, изданный в Москве, в 8 томах в 1996 году.

Книга «Тутинаме» («Тутыйнамә») Г. Фаезханова, изданная в Казани, в типографии Торгового Дома «Братья Каримовы» в 1916 году. Объем-175 с. Источник хранится в Научной библиотеке КФУ. Для сравнения использовалась книга «Тутынаме» на староосманском языке (212 стр.), изданная в Каире в издательстве Булак, в 1267 году по хиджре (в 1851 году). Доступна и в электронной версии.

Книга «Калила и Димна» («Кәлилә вә Димнә») в переводе Г. Фаезханова, изданная в Казани в 1889 году. Объем книги – 87 с. Источник хранится в фондах Научной библиотеки КФУ. В качестве оригинала арабского текста была выбрана книга на арабском языке, изданная в Казани, в типографии «Миллят», в 1910 году, хранящаяся в отделе редких рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Она состоит из 326 страниц, содержит подтекстный словарь на татарском языке. Русские переводы фрагментов из арабского оригинала были извлечены из книги “Калила и Димна” в переводе Б. Шидфар, изданной в Москве 1986 году.

Книга «Рассказ о сорока везирах» («Кырык вәзир кыйссасы») К. Насыри издана в Казани в издательстве Казанского университета в 1851, всего - 160 стр. Хранится в фондах научной библиотеки КФУ. Источником татарского перевода стала книга на староосманском языке «Тарихе кырык везир» изданная в 1321 году по хиджре (1903 г.). Издатель – библиотека «Аманият». («Тарихе кырык везир». Табиг вә нәшире Аманият кутубханәсе. Матбагату Абу Дыя, 1321) Книга состоит из 261 стр.

Книга «Абугалисина» («Әбүгалисина кыйссасы») опубликована в 1894 году в Издательстве Казанского университета состоит из 112 стр. Для сравнения использовали электронный вариант книги «Канжинаи хикмет» на староосманском языке, хранящаяся в Библиотеке Ататюрка муниципалитета Буюкшехир Стамбула (Турция). Год, место издания, типография не указаны.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке методики комплексного исследования текстов кысса второй половины XIX – начала XX века с жанровой, стилистической, структурно-композиционной, лексико-семантической и морфологической характеристикой в контексте языковой, общественно-культурной и исторической ситуациями, способствующими созданию изучаемых произведений. Значимым является и введение в научный оборот печатных переводных текстов второй половины XIX – начала XX века в сравнительном аспекте с оригиналами и

источниками-посредниками рассматриваемых произведений. Полученные результаты имеют важное значение для изучения истории становления современного татарского литературного языка и роли произведений, относящихся к жанру кысса, в этом процессе. Теоретическая значимость исследования помимо перечисленного, определяется разработкой и последовательной апробацией комплексного рассмотрения сложных синергетических взаимосвязей языка, художественной литературы, этнической культуры, исторических процессов и религии.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены в составлении исторических словарей татарского языка, в преподавании общих и специализированных курсов в системе высшего образования по истории татарского языка, исторической грамматике, переводоведению, литературы, сравнительно-сопоставительному изучению языков и литератур, а также в качестве дополнительного и справочного материала для исследователей культуры, теологии и истории.

Основная гипотеза научного исследования: произведения, созданные во второй половине XIX – начала XX века на основе арабских оригинальных текстов и переводов на староосманском языке, продолжающие языковые и литературные традиции, заложенные на более ранних этапах, объединяют в себе жанровые и структурно-композиционные особенности, характерные для жанра кысса. Индивидуальная манера и стиль автора, взаимодействие формы и содержания, стилеобразующие факторы, языковое и стилистическое своеобразие, способы переосмысления первоисточника и интерпретация текста в рамках родной культуры автора-переводчика, взаимодействие разных языковых пластов и систем в рамках одного произведения, различия в количественном плане от оригиналов дают основание полагать, что они являются самостоятельными произведениями. В структуре и содержании этих произведений наблюдается естественное присутствие арабского, персидского и собственно тюрко-татарского элементов. Исследуемые

произведения создавались на основе народно-разговорного языка и отражают те тенденции, которые наблюдались в языке рассматриваемого периода. В этих произведениях наблюдается синтез восточных литературных и языковых традиций и фольклорных мотивов татарского народа, а также проявляются собственно авторские элементы повествования. Анализируемые произведения внесли существенный вклад в становлении современного татарского литературного языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование и описание языка письменных литературных памятников должно осуществляться в парадигме теории литературного языка в комплексе с экстралингвистическими факторами, т.к. описание становления и развития литературного языка позволяет объективно оценить и представить процессы, происходящие в языке определенного периода.

2. Жанр кысса в татарской культуре окончательно сформировался во второй половине XIX – начала XX века, базируясь на арабских оригинальных текстах и переводах со староосманского языка, который выступает в качестве языка-посредника. На основе комплексного анализа доказано, что произведения «Тысяча и одна ночь» («Мең дә бер кичә»), «Тутинаме» («Тутыйнамә»), «Калила и Димна» («Кәлилә вә Димнә»), «Рассказ о сорока везирах» («Кырык вәзир кыйссасы») и «Абугалисина» («Әбүгалисина кыйссасы») относятся к жанру кысса, т.к. жанровая характеристика и анализ стилистических средств подтверждают их жанровую общность. Стилистические приемы указывают на традиции стиля письменного литературного языка анализируемого периода.

3. Проанализированные произведения привнесли в татарскую литературу новые сюжеты, обогатили татарский язык новыми стилистическими приемами и лексическими единицами, способствовали формированию новых языковых традиций. Трансформации, наблюдаемые в текстах кысса, произошли исходя из потребностей и возможностей как языка исследуемого периода в целом, так и с учетом особенностей

мировосприятия татарского читателя. Авторы в едином контексте представили восточную экзотику и литературные традиции, сохраняя структуру оригинальных текстов; особое внимание было уделено назидательно-дидактическим аспектам. Используя хадисы и отрывки из Корана или же комментируя фрагменты религиозного и морально-этического содержания, авторы смогли передать эстетическую и смысловую нагрузку кысса, при этом синтезируя языковые средства старотатарского литературного и народно-разговорного языков.

4. Анализ лексического состава произведений позволяет выделить такие лексико-семантические элементы как: заимствования - специфические слова и выражения, которые проникли в национальный язык преимущественно из арабского и персидского языков; семантические дивергенты - слова и выражения, которые, имеют одинаковую форму в языке оригинала или в языке-посреднике, но отличаются своим смысловым содержанием в татарском языке; слова и выражения, которые при одинаковом содержании в языке оригинала в языке-посреднике имеют специфическую форму выражения в татарском языке; слова и выражения, которые в современном литературном татарском языке имеют различную частоту употребления или различную стилистическую окраску. В текстах кысса заметно активное функционирование различных вариантов лексем, генетически восходящих к разным языковым группам, которые служат для обозначения того или иного понятия.

5. Лексический состав произведений указывает на продолжение традиций старотатарского литературного языка, также регистрируются стремление авторов отыскать наиболее приемлемые варианты слов, которые отражали бы природное своеобразие татарского национального языка. Образование новых наименований на базе татарского языка, гибридные варианты, а также попытки включения европейских заимствований в тексты показывают основные пути становления современного татарского литературного языка. Лексический состав произведений позволяет

проследить процессы лексико-семантических изменений, происходящих в языке конца XIX – начала XX века и специфику становления татарского литературного языка.

6. Морфологическая структура произведений демонстрирует основные пути становления морфологических норм татарского литературного языка, взаимоотношений традиций старотатарского литературного и народно-разговорного языка, а также влияние арабского и староосманского языков.

7. Изученные нами произведения создавались на основе определенного прототекста на базе татарского языка рубежа XIX–XX веков и отражают те тенденции, которые наблюдались в языке исследуемого периода. В этих произведениях наблюдается синтез восточных литературных и языковых традиций с фольклорными мотивами татарского народа, а также собственно авторских элементов повествования.

Апробация работы. Основные положения и результаты настоящего исследования отражены в трех монографиях и 37 научных статьях, 20 из которых опубликованы в научных рецензируемых журналах, включенных в Перечень изданий, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Отдельные проблемы, затрагиваемые в исследовании, были неоднократно изложены на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Современные проблемы русистики и лингвометодологии» (Казань, 25-26 января 2010 г.); «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань, 29 сентября - 1октября 2010 г.); «Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей» (Казань, 28 октября 2011 г.); «Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика» (Казань, 12-15 октября 2015 г.); «Лексикографията в началото на XXI в.» (Болгария, София, 15-16 октября 2015 г.); «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом, народно-разговорном дискурсах» (Кострома, 18-23 марта 2016 г.), «Татарское языкознание в контексте

Евразийской гуманитарной науки» (15-19 ноября 2021 г.), в Казанском международном лингвистическом саммите 2021 (15-19 ноября 2021 г.) и др.

Структура работы. В соответствии с поставленной целью, задачами принята следующая структура работы: введение, четыре главы с соответствующими параграфами и разделами, заключение, список источников и использованной литературы.

ГЛАВА 1 ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1.1. Литературный язык: теоретико-методологические аспекты исследования

Литературный язык – основная, наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации [Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 2000: 270]. ЛЯ воспринимается как высшая форма языка и противопоставляется территориальным и социальным диалектам, которые, в свою очередь, составляют национальный язык.

В историческом развитии литературная форма вбирает в себе те или иные элементы диалектов и других форм существования языка. Процесс включения в состав литературного языка этих разнородных элементов зависит не только от интралингвистических факторов, важную роль играют и экстралингвистические реалии. Речь идет о взаимодействии, взаимоналожении внешнего и внутреннего, своего и чужого, старого и нового. Многоаспектность, продолжительность формирования литературного языка предопределяют значительную сложность решения научных задач, связанных с проблемами языкового становления, развития. Поэтому неудивительно, что в определении статуса и смыслового объема понятия *литературный язык* сосуществуют различные трактовки, имеют место разные точки зрения. Однако ключевым фактором, на наш взгляд, являются языковые нормы, выполняющие функцию фильтра тех средств, которые проникают в литературный язык.

Следует заметить, что в мировой лингвистике существуют различные термины для обозначения литературного языка. Так, в англоязычных странах в значении «общепринятый, нормативный язык» употребляется дефиниция

standart – стандартный язык, стандартизированный язык, который получил большое распространение.

Литературный язык относится к кодифицированным формам языка: он подвергается обработке в соответствии с языковыми нормами.

Несмотря на различные наименования термина, его суть и содержание сводится к тому, что под литературным языком понимается язык культуры, науки и образования, делопроизводства, законотворчества, язык интеллигенции.

В отечественной лингвистике проблемам литературного языка, определению содержательных границ термина были посвящены работы К.С. Аксакова, В.А. Богородицкого, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Ф. Будде, Ф.И. Буслаева, В.В. Виноградова, Г.О. Винокур, А.И. Горшкова, Е.А. Земской, Е.Ф. Карского, Л.П. Крысина, Е.М. Лазуткиной, Н.А. Мещерского, П.А. Плетнева, А.И. Соболевского, Н.С. Трубецкого, Б.А. Успенского, Ф.П. Филина, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского и др.

В разработку теории татарского литературного языка большой вклад внесли такие ученые как Г.Х. Алпаров [Г.Х. Алпаров, 1926, 1945, 2008], И.Б. Баширова [Бәширова, 1999, 2008], В.А. Богородицкий [Богородицкий, 1934], М.З. Закиев [Закиев, 1963, 1975, 1995, Зәкиев, 1958, 1984, 2013], Л. Заляй [2000], Х.Р. Курбатов [Курбатов, 1971, 1988, 1999], Э.Н. Наджип [Наджип, 1965], Ф.Ш. Нуриева [Нуриева, 1993, 1999, 2004], Ш.А. Рамазанов [Рамазанов, 1954], А.Н. Самойлович [Самойлович, 1914, 2005], Ф.С. Сафиуллина [Сафиуллина, 1974, 1978, 1990], Тенишев [Тенишев, 1997, 2006, 2011], Ф.С. Фасеев [Фасеев, 1982], В.Н. Хангильдин [Хангилдин, 1976], В.Х. Хаков [Хаков, 1961, 1963, 1965, 1972, 1979, 1985, 1993, 1999, 2003], Ф.М. Хисамова [Хисамова, 1970, 1990, 1999, 2012], Ф.Ю.Юсупов [Юсупов, 1986, 2004] и др.

В отечественной лингвистике существуют различные трактовки самого термина «литературный язык». Однако во всех трактовках подчеркивается, что литературный язык является результатом коллективной творческой

деятельности, отражает существующую реальность, социум, в котором он реализуется, указывается тесная связь исследований литературного языка с изучением литературы, истории языка, истории культуры народа. В большинстве работ подчеркивается первоважная роль диалектов, «живого» языка в формировании и развитии литературного языка. Продуктивные в современном языкознании конструкты «диалектная основа литературного языка» и «наддиалектность литературного языка» при этом сложились уже во второй половине XX века.

Основоположник Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэн де Куртенэ в своей работе «Язык и языки» (1904) акцентировал внимание на разнообразии языков и их форм существования в рамках «одного племенного или национального языка» [Бодуэн 1963, 2: 74] и указал, что «разнообразие языков может быть рассмотрено с трех точек зрения: 1) с точки зрения общественных наслоений, как языки разных возрастов, полов, сословий, классов общества; 2) с точки зрения географии и топографии, как разнообразие местных говоров и племенных языков; 3) как разнообразие языковых состояний, следующих одно за другим во временной последовательности. Между всеми говорами, свойственными известной языковой области или известной языковой территории, особое место отводится прежде всего выросшему на той почве письменному или литературному языку» [там же: 91]. Здесь же он сфокусировал внимание на искусственном характере литературного языка, на том, что основным источником ЛЯ является наиболее распространенный говор.

Ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ Л.В. Щерба пишет, что «… литературный язык, прежде всего, противополагается диалектам. … Это противоположение литературного и разговорного языков. Надо прежде всего предостеречь от смешения литературного и письменного языков: всякий письменный язык будет, конечно, литературным в том смысле, какой я придаю этому термину, но литературный язык не обязательно должен быть письменным. Наиболее очевидным примером этого являются разные виды

ораторской речи. Но сюда же, конечно, относится и всё так называемое народное творчество, будут ли это былины, или частушки, или сказки, или просто рассказы, анекдоты» [Щерба, 1957: 115]. Далее, описывая монологическую речь (литературный язык) и диалогическую речь (разговорная речь), ученый подводит к мысли, что «все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накопляются в кузнице разговорной речи» [та же: 116]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что элементы разговорной речи, пройдя своего рода «очищение», легитимизацию в различных жанрах, проникают в литературный язык и образуют его составную часть. Народное творчество является тем важным «метажанром», в котором происходит слияние разнообразных языковых компонентов и начинает выкристаллизовываться литературный язык.

В своей работе «Избранные труды. История русского литературного языка» В.В. Виноградов дает следующее определение литературному языку «литературный язык – общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной» [Виноградов, 1978: 288]. В то же время великий русский ученый указывает и на то, что ни одно языковое явление не трактуется так широко и разнообразно как литературный язык. Это связано со множеством факторов, среди которых мы выделяем наличие развитой традиции художественной литературы, (т.к. на основе художественных произведений происходит селекция и фильтрация языкового материала, который проникает в литературный язык; имеет важное значение и такой фактор как исторический период формирования литературного языка, т.к. у народов, у которых литературный язык формировался значительное позже, критерии и границы могут быть не четко обозначены; значимость языка для языкового сообщества в целом, т.к.

социальные и территориальные диалекты не могут быть общезначимыми, они служат для определенного слоя носителей языка. Также наблюдается сужение самого объема понятия «литературный язык», который все чаще отождествляется с языком письменности. Встречаются и точки зрения, где под литературным языком понимается, прежде всего, язык художественной литературы. Вместе с тем на современном этапе развития лингвистки уже сформировалось мнение об объемности термина «язык художественной литературы», который, помимо элементов литературного языка, может включить и элементы национального языка. Несомненно, язык художественной литературы играет важную роль в формировании и развитии литературного языка: в языке художественной литературы проходят апробацию многие элементы общенационального языка, ставшие впоследствии частью литературного языка.

В отечественном языкознании работы Г.О. Винокура по истории русского литературного языка имеют огромное значение. Исследуя возникновение литературного языка, автор приходит к выводу, что на начальной стадии древнерусского литературного языка ярко прослеживается «взаимопроникновение книжного и обиходного начал языка, так что одно из них пополняет другое и оба вместе сливаются в своеобразное синтетическое единство, или по крайней мере обнаруживают тенденцию к такому слиянию» [Винокур, 2017: 96]. Далее он доказывает, что синтезирование двух начал является самым характерным явлением в истории русского литературного языка и в XX веке развивается по исконно наметившемуся пути слияния обиходной и книжной речи в одно плотное и прочное целое [там же: 191]. В целом, в возникновении и развитии любого литературного языка эти две системы являются основополагающими.

В работах Б.А. Успенского подчеркивается, что между литературным и разговорным языком всегда существует взаимодействие и противопоставление. Оно осуществляется за счет определенного набора признаков. Совокупность таких признаков, прежде всего, и определяет

(конституирует) норму литературного языка. История этих признаков (противопоставляющих литературный и живой язык на разных исторических этапах) является одним из основных моментов истории ЛЯ [Успенский, 1995: 80].

Влияние социума на язык, на становление литературного языка подчеркивается и в современных исследованиях. Так, например, Л.П. Крысин, известный исследователь в области лексикологии, социолингвистики, акцентирует внимание на том, что на каждом этапе исторического развития ЛЯ заметно взаимодействие и взаимообмен между другими формами национального языка и его литературной формой. Этот процесс непременно происходит под воздействием суггестивных социальных процессов, которые протекают в обществе. Они вносят свои изменения в нормативную систему литературного языка, тем самым корректируя существующие нормы на эволюционных этапах ЛЯ. Поэтому понятие «литературный язык» может определяться как на основе лингвистических свойств, присущих данной подсистеме языка, так и путем отграничения совокупности носителей этой подсистемы, выделения ее из общего состава людей, говорящих по-русски. Первый способ определения лингвистичен, второй - социологичен [Беликов, Крысин, 2001: 34]. Изучая социальную и функциональную дифференциацию русского языка, он употребляет термины «литературный язык» и «носитель литературного языка». Последний подразумевает тех людей, для которых русский язык не является родным, однако в речи они соблюдают существующие в современном русском литературном языке нормы. На основе своих наблюдений он приходит к выводу, что «русский литературный язык гетерогенен (по всей видимости, это свойство присуще многим современным литературным языкам)» [Беликов, Крысин, 2001: 38].

В татарском языкознании вопросы, касающиеся истории формирования литературного языка, теоретических аспектов понятия «литературный язык» рассматриваются в трудах тюркологов. Предложенные А.Н. Самойлович,

Э.Р. Тенишевым, Э.Н. Наджипом варианты периодизации легли в основу исследований татарского литературного языка.

О разнообразии мнений относительно терминологии и периодизации тюркоязычных памятников пишет Э. Наджип: «один и тот же памятник одни называют древнетюркским, другие – старотюркским, а это не одно и то же. При определении происхождения того или иного памятника одни ученые обращаются к названиям современных народов, другие – к более ранним, общеплеменным названиям, а третьи исходят из территориального признака» [Наджип, 1970: 49].

Первым тюркологом, кто обратил внимание на данную проблему и заложил основу периодизации тюркских литературных языков, был А.Н. Самойлович. Его положение о единстве литературного языка тюркоязычных народов и об изменчивости его под влиянием живых диалектов заложен в основу периодизации тюркских литературных языков, и в настоящее время является общепринятым [Благова, 1997: 163; Нуриева, 2005: 59]. В его работах на основе изучения тюркских письменных памятников выделяется три периода письменной культуры тюрков. При этом ученый в работах не разграничивает понятия *литературный язык* и *язык литературы*. Ученый, будучи востоковедом, основное внимание при классификации уделяет развитию тюркских языков в рамках исламской культуры. Весьма ценными являются высказывания А.Н. Самойловича о смешанном характере тюркских литературных языков не только на лексическом, но и на грамматическом уровнях как следствие отражения в них и особенностей образовавших его живых наречий, и архаических черт, заимствованных из более старого литературного языка [Самойлович, 1914: 11].

По мнению Ф.Ш. Нуриевой, А.Н. Самойлович указывал на преемственность современного татарского языка по отношению к литературному языку Золотой Орды: «казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не в XV в., как принято утверждать, а в еще более

ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы» [Нуриева, 2005: 60].

Позже идеи А.Н. Самойловича о периодизации тюркских литературных языков были развиты в трудах известного тюрколога Э.Р. Тенишева. Ученый при стратификации истории тюркских литературных языков придерживается не только хронологического подхода, но и предлагает их рассматривать и в пространственном отношении как региональные варианты. Теоретические положения Э.Р. Тенишева основаны не только на чисто лингвистических фактах, но и на современных теориях развития литературного языка, их типологии, существенным компонентом которых является социолингвистический и комплексный подходы к изучаемой проблеме.

Изучая язык тюркоязычных письменных памятников, он отмечает, что их большая часть имеет статус литературных (их отличает обработанность, наддиалектность, наследование традиции, функционально-стилистическая вариативность), меньшая часть воплощает в себе диалектную или полудиалектную (устный литературный, городской говор) форму [Тенишев, 1997: 35; 2011: 186]. Анализируя варианты старых литературных языков, он выделяет непосредственно связанный с современными тюркскими языками *литературный язык тюрки,* формировавшийся на основе чагатайского языка: «С появлением на исторической арене современных тюркоязычных народов до формирования их в отдельные нации чагатайский язык использовался как литературная форма. Постепенно он вбирал в себя местные народные элементы (городских и сельских говоров), что привело к появлению локальных вариантов письменного языка, которые в целом в отличие от чагатайского можно именовать литературным языком тюрки. Язык тюрки существует в нескольких вариантах: среднеазиатском (узбекский, уйгурский), поволжском (татарский, башкирский), арало-каспийском (казахский, каракалпакский, киргизский), северо-кавказском (карачаево-балкарский, ногайский, кумыкский), малоазийском (турецкий); его функционирование знаменует начальный этап формирования

современных тюркских национальных литературных языков. В то же время у тюркоязычных народов не прерывалась чагатайская и даже более ранняя хорезмская традиция: фольклористы отмечают исполнение и пересказ образцов старых литературных произведений хорезмского и чагатайского круга у современных татар, казахов, карачаевцев и балкарцев» [Тенишев, 1997: 36]. Таким образом Э.Р. Тенишев считает литературный язык тюрки начальным этапом формирования старотатарского литературного языка. В исследованиях Э.Р. Тенишева старотатарский литературный язык представлен как структурированное единое целое, он существовал довольно длительное время (XIII — XVIII вв. и вплоть до 30-х гг. XX века). Его языковую основу составили караханидско-уйгурский, хорезмско-тюркский, огузско-уйгурский, булгарский, чагатайский и собственно татарский языки. Региональные варианты старотатарского литературного языка имеют единообразные лингвистические признаки отдельных текстов.

Социолингвистический и этнолингвистический подходы в изучении татарского литературного языка прослеживается в работах известного татарского языковеда-диалектолога Л.З. Заляя. Изучая татарские диалекты, ученый систематизирует языковые факты, составляющие основу литературных норм татарского языка. Исследуя его историю, Л. Заляй обобщает научные мысли своих предшественников и обозначает следующие пункты: 1) необходимо начать изучение истории языка с момента его формирования, пока он изучается, начиная с XVIII – XIX вв.; 2) язык – неотъемлемая часть общественной жизни, поэтому он должен изучаться во взаимосвязи с жизнью народа; 3) показатель литературного языка – письменность, поэтому изучение истории языка и истории письменности должны быть рассмотрены в комплексе; 4) в формировании литературного языка огромное место занимают диалекты, поэтому при изучении истории литературного языка нужно учитывать развитие диалектов языка; 5) отличие литературного языка от общенародного языка – наличие стилей; история

литературного языка – это история функциональных стилей [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 194].

По сути, указанные аспекты по изучению истории татарского литературного языка послужили своего рода программными тезисами для последующих исследований. Каждый из вышеперечисленных тезисов в последующие годы реализовался в монографических комплексных исследованиях по истории татарского литературного языка. Эти работы стали основополагающими и внесли большой вклад в разработку теоретических основ татарского литературного языка.

В многочисленных работах, посвященных изучению различных аспектов как истории, так и современного состояния татарского языка, видный языковед М.З. Закиев акцентирует внимание на проблемах эволюции литературного языка. В своей статье «О периодизации истории тюркских письменных литературных языков», опубликованной в 1975 году в журнале «Советская тюркология», он пишет, что в XV-XVI вв. образуются различные локальные варианты старотюркского литературного языка, получившие позже отдельные наименования, которые были ближе друг-другу, нежели к соответствующим народно-разговорным языкам [Закиев, 1975: 10].

Эта мысль развивается и во вводной части, написанной М.З. Закиевым, трехтомного коллективного труда «Татарская грамматика». Так, формирование старотатарского литературного языка языковед связывает с указанным периодом в народно-разговорном окружении Поволжья и Приуралья [Татарская грамматика, 1993: 34]. Здесь же подчеркивается, что старотатарский литературный язык был полифункциональным языком и оказывал существенное влияние на становление норм татарского национального литературного языка [там же: 35].

В.Х. Хаков проделал большую работу по исследованию проблем формирования и развития татарского национального литературного языка. Он, на основе вышеуказанной концепции Э.Р. Тенишева, продолжил исследования по татарскому литературному языку в лингвистическом и

социологическом аспектах. Необходимо отметить, что в работах В.Х. Хакова история татарского литературного языка сформировалась как новая самостоятельная научная отрасль татарского языкознания в рамках научной тематики «Исследование языка тюркских и тюрко-татарских письменных памятников XIII – XIX вв. и их роль в формировании современного татарского литературного языка».

В своих работах В.Х. Хаков обращал большое внимание на вопросы стилистической дифференциации татарского литературного языка. На основе комплексного изучения тюрко-татарских письменных памятников в лингвистическом и стилистическом ракурсах, ученый разрабатывает свою концепцию, основная суть которой заключается в том, что литературные языки формируются на основе функциональных стилей. Основные идеи его концепции отражены в серии монографий по истории татарского литературного языка.

Так, например, в работе «Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше» (1972) В.Х. Хаков рассматривает основные закономерности формирования и развития татарского национального литературного языка в XIX и начале XX вв. – в период образования татарской нации. Необходимо обратить внимание, что ученый описывает процессы становления его единых норм и функциональных стилей. Он обращает внимание на характерные особенности таких функциональных стилей татарского языка как научный, официально-деловой, эпистолярный. В данной работе автор также в историческом аспекте исследует специальную терминологию по математике, астрономии, географии, биологии, юриспруденции, лингвистике и т.д. Данный аспект анализа демонстрирует специфику формирования в татарском языке научного стиля.

В монографиях «Татар әдәби теле тарихы» (1993), «Тел – тарих көзгесе» (2003) В.Х. Хаков обращает внимание на историю развития норм татарского литературного языка со времени его возникновения до наших дней, имеющего многовековую письменную традицию, выявляется

генеалогическая связь татарского языка с языками древних тюркских племен и народностей, дается описание наиболее важных процессов развития языка донационального и национального периодов, осуществлена конкретная периодизация, анализируются отдельные исторические периоды развития татарского языка: 1. Булгарский период. Возникновение и развитие письменно-литературного тюрки Поволжья (X–XIII вв.). 2. Развитие старотатарского литературного языка в эпоху Золотой Орды (2-я половина XIII в. – 30-е годы XV в.). 3. Татарский литературный язык в период Казанского ханства (сер. XV в. – сер. XVI в.). 4) Татарский литературный язык XVII – XVIII вв. 5) Формирование татарского национального литературного языка (с конца XVIII в. до начала XX в.). 6. Татарский литературный язык в XX в. и в начале XXI в. [Казанская лингвистическая школа, 2008: 298].

Заслуживает внимание и тот факт, что автор рассматривает формирование языковых норм поволжского тюрки и старотатарского языка: «Татарский литературный язык XV–XVI веков объединяет в себя несколько пластов (древнетюркский, поволжский тюрки, татарский разговорный). Древнетюркский язык в этом периоде в виде огузской, уйгурской, кипчакской традиций находит отражение в определенном объеме в каждом произведении и жанре. На развитие поволжской тюрки огромное влияние оказали среднеазиатские тюркские письменные языки (особенности Караханидской эпохи, уйгурские, позже чагатайские формы). Эти особенности, со временем, слились с народно-разговорным языком и составили основу татарского литературного языка» [Хаков, 2003: 80].

Изучая литературные памятники Волжской Булгарии, исследователь истории татарского языка Ф.С. Фасеев сфокусировал внимание на том, что «этот тюрки нельзя назвать общетюркским литературным языком, скорее, он является всего местно-региональным языком, поволжский тюрки, если назвать по-современному – старотатарский литературный язык. Он, начиная с XII–XIII веков и почти до XX века, использовался в Булгарско-Казанско-

татарской литературе и письменной культуре» [Фасеев, 1976: 170-172]. В связи с государством (регионом) или династией, где создавались памятники, язык письменных памятников назывался им: «Булгарское тюрки», «Золотоордынское тюрки», «Казанское тюрки», «Поволжское тюрки» [Фасеев, 1966: 812]. В данном случае на первое место поставлено наличие на языке текстов общетюркской традиции, идущей из глубины веков.

В разработку теории татарского литературного языка немалый вклад внес Ф.С. Хакимзянов. Для изучения эпитафических памятников Волжской Булгарии исследователь выбирает комплексный социолингвистический подход. Описывая язык и фиксируя языковые элементы данного периода, Ф.С. Хакимзянов исходил из исторической и культурной ситуации, из сохранившихся источников, дающих ценную информацию о языке Волжской Булгарии. На основе такого подхода он описывает процесс формирования в XI–XII вв. наддиалектного койне общетюркского типа, образованное от кипчакских диалектов и первоначального варианта тюрки в полиэтнической Волжской Булгарии: «здесь проживали носители не только разных диалектов, но и разных языков. Принятие ислама вызвало приток духовенства и их приверженцев из средней Азии, к тому же Булгар был не только политическим, но и торговым центром. Все это привело к образованию койне – языка междиалектного общения, который, как показывают примеры М. Кашгари, имел общетюркские черты» [Хакимзянов, 1978: 21-22; 1987: 10]. Таким образом, Ф.С. Хакимзянов проанализировал одну из актуальных проблем – механизм влияния и взаимодействия разных диалектов и языков в определенный период развития литературного языка, что иллюстрирует характер эволюционных процессов в языке.

Ф.М. Хисамова внесла значительный вклад в изучение татарского литературного языка. Ее научные разработки охватывают два направления: историю татарского литературного языка и грамматическую структуру современного татарского языка. Оба научных направления ориентированы на разработку теоретических аспектов литературного языка. В ее трудах

большое внимание уделяется историческому развитию и трансформациям грамматических форм татарского языка и специфике становления морфологических норм [Хисамова, 1970, 2006 и др.].

В ее работах по истории языка, опираясь на достижения современной лингвистики, с применением типологического подхода, комплексно описан язык дипломатии и официально-деловой письменности XVI - начала XIX вв. [Хисамова, 1981, 1990, 1999, 2012 и др.]. На материале указанного функционального стиля Ф.М. Хисамова, придерживаясь концепций предыдущих исследователей татарского литературного языка о необходимости рассмотрения языка в непрерывной связи с историей народа, с социально-политической и культурной ситуацией анализируемого периода, сумела в комплексе описать функционирование регионального татарского языка в качестве государственного и доказать существование регионального литературного языка. Как указывает исследователь, «подробное и системное изучение языка самых различных циклов деловых документов дает основание утверждать, что распространенное на довольно большой территории и функционировавшее в течение ряда веков татарское деловое письмо было однотипным как в структурно-языковом, так и в функционально-стилистическом планах. Эта региональная письменно-литературная традиция в своей базисной системе была весьма близкой к общенародному татарскому языку, а в традиционной своей части она восходила к литературному языку Казанского ханства и Золотой Орды.» [Хисамова, 2012: 373-374]. Она отмечает, что употребление регионального литературного языка не ограничивалось лишь деловой сферой. В структурном плане в языке произведений Мухаммадьяра, Мавла Кулыя и др., а также в языке татарских исторических источников XVII-XVIII вв. много общего с языком деловой письменности, а общность языковых показателей письменных памятников различных жанров, созданных в определенном регионе, является одним из веских доказательств наличия региональной литературной традиции, литературного языка.

В разработке теоретических аспектов татарского литературного языка большое значение имеет научная деятельность И.Б. Башировой. Ее труды по истории татарского языка и стилистике можно объединить в одну комплексную проблематику – всестороннее исследование нормы и вариативности языковых знаков татарского языка в диахронии и синхронии. Среди многочисленных работ необходимо особо отметить ее исследование «Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола» (1999; 2000). В данной работе И.Б. Баширова применяет системно-комплексный подход в исследовании татарского литературного языка, впервые предлагает научно-методическую концепцию системного описания основных сущностных признаков татарского литературного языка конца XIX – начала XX века, выявляет функционально-стилистические возможности основных грамматических категорий имени существительного и глагола [Баширова, 2000: 7].

Для нашего исследования ее работы представляют особый интерес, т.к. данный период характеризуется сложной не только общественно-политической и культурной ситуацией, но и в плане развития литературного языка он был довольно противоречивым, т.к. является переходным этапом.

Разносторонне изучив функционирование языковых единиц в разных жанрах изучаемого периода, И.Б. Баширова заключает, что литературный язык, как и весь язык, социально акцентирован, структурен, исторически подвижен. Литературный язык не может быть полностью нормативным, потому что языковая норма находится в постоянном развитии, поэтому наряду с устоявшимися, нормативными или уже отжившими формами сосуществуют и новые, еще не нормированные. С литературным языком взаимодействуют и ненормированные подсистемы языка. Понятие вариативности, по мнению автора, является сущностным признаком литературного языка [Баширова, 2000: 13]. Таким образом, в своей работе

исследователь доказала существование вариантов норм не только в разных подсистемах языка, но и внутри одной подсистемы, что является характерной особенностью для переходных этапов развития литературного языка.

На комплексное изучение литературного языка золотоордынского периода посвящены работы Ф.Ш. Нуриевой, которые дополняют и вносят коррективы в теорию формирования и развития татарского литературного языка в целом [Нуриева, 2004, 2005, 2015, 2018 и др.]. В своих исследованиях она разрабатывает и совершенствует концепцию системного анализа тюркоязычных литературных памятников, которые относятся к начальному этапу становления письменно-литературной формы языка и его нормирования. В ее исследованиях впервые в татарском языкознании установлено, что распространение кыпчакского слоя, начиная с XIV века, в традиционные литературные варианты тюркских литературных языков средневековья привело к формированию на его основе письменного языка, который стал фундаментом для развития регионального литературного языка кыпчакского типа – старотатарского литературного языка, функционировавший в дальнейшем в Поволжском регионе и за его пределами. Как указывает Ф.Ш. Нуриева: «Наши исследования показывают, что в культурных центрах Золотой Орды с начала XIV века (как условная дата) начинает формироваться тот региональный вариант тюрко-татарского литературного языка, который в тюркологии именовался «поволжский тюрки», а как принято в современном татарском языкознании, «старотатарский литературный язык». Язык в дальнейшем своем развитии прошел сложный путь, и все же в его структуре еще длительное время были видны следы караханидско-уйгурской традиции, базовой для всех тюркских литературных языков, но ее признаки проявлялись здесь как периферийные» [Нуриева, 2004: 343].

Автор в своих работах неоднократно возвращается и к термину «смешанный язык», который применяется в отношении тюркских литературных языков. Подчеркивая разное толкование и содержание

указанного термина, она доказывает некорректность применения этого термина в отношении использования различных форм или языковых элементов в рамках одного произведения. Вместо данного термина Ф.Ш. Нуриева считает более уместным и правильным использование терминов «норма» и «вариативность» [Нуриева, 2004: 343; 2005: 61].

Огромным достижением в разработке теоретико-методологических аспектов исследования татарского литературного языка является проект Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова «История татарского литературного языка», который представляет собой комплексное последовательное описание истории литературного языка, основными критериями которого являются такие понятия как «норма» и «вариативность нормы» [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 3]. В настоящее время результаты данного исследования, планируемого в виде коллективной монографии, опубликованы в трех томах (2015, 2018, 2019, 2020). В работе учитывается достижения татарского языкознания и тюркологии в определении периодов развития татарского литературного языка. На основе большого количества письменных памятников, начиная с Булгарского периода до начала XX века, авторы комплексно рассматривают графо-орфографические, морфологические и лексико-семантические особенности старотатарской письменности. Важным аспектом данного исследования является и то, что впервые в татарском языкознании ставятся вопросы о системности использования языковых знаков, о существовании графо-орфографической традиции в передаче звуков арабскими графемами, о становлении нормы, о причинах возникновения вариативности литературной нормы [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 636]. Такой подход позволяет комплексно представить всю картину развития татарского литературного языка, а также поставить точку в дискуссиях об отношении отдельных литературных памятников к татарской культуре.

В современном татарском языкознании проблемы функционирования литературного языка начали активно рассматриваться и в несколько ином

ракурсе, а именно, в сравнении с разговорным языком. Изучение взаимодействия литературного языка и разговорной речи представлено в монографических исследованиях ряда авторов. Так, например, впервые на синтаксическом уровне данная проблема была рассмотрена в монографической работе Ф.С. Сафиуллиной [Сафиуллина, 1978].

В ряде монографических работ И.М. Низамова затронуты вопросы, связанные с влиянием разговорной речи на литературный язык [Низамов, 2002, 2006, 2011].

В коллективной монографии «Современная татарская разговорная речь: идентификационные признаки и социальная дифференциация» (авторы: Галиуллина Г.Р., Кадирова Э.Х., Хадиева Г.К. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. – 220 с.) впервые, на материале живой спонтанной речи сделана попытка выявления лингвистических признаков и отдельных социальных параметров современной татарской разговорной речи. При анализе материала авторы опираются на современные нормы татарского языка. В связи с этим в работе немалое место уделяется и описанию современных лексических, фонетических и грамматических норм татарского литературного языка. На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу, что современные процессы, протекающие в общественной жизни, оказывают значительное влияние на современную разговорную речь, которая, в свою очередь, оказывает влияние на существующие нормы современного татарского литературного языка [Современная татарская разговорная речь, 2020: 4].

Таким образом, в современной лингвистической науке объем и основные критерии конструкта «литературный язык» определены, его становление и развитие обусловлено не только языковыми факторами, на разных этапах эволюции языка содержание и нормы литературного языка менялись в зависимости от внеязыковых реалий.

В ходе разработки теоретических концепций относительно татарского литературного языка, его периодизации учитывались разные подходы,

принимались во внимание разные точки зрения. И все же на сегодняшний день в научной среде сложилось единое мнение по поводу его возникновения, о периодизации и формировании, развитии литературных норм. Как показал общий обзор, в этом вопросе важную роль сыграли социокультурные, политические и исторические факторы, которые будут более подробно рассмотрены в следующем параграфе нашей работы.

1.2. Факторы, влияющие на формирование и развитие татарского литературного языка

Татарская культура и язык формировались под влиянием различных факторов, среди которых наиболее важное значение имеет мусульманская цивилизация. Она оказала значительное влияние на становление письменно-литературного старотатарского языка периода Волжской Булгарии (на еще более ранних этапах развития письменной культуры тюрков). Учитывая тот факт, что история татарского литературного языка непосредственно связана с письменным наследием народа и формировался в его лоне, мы считаем необходимым рассмотрение данного вопроса в рамках историко-культурного и литературного прошлого. Такой подход, по нашему мнению, дает полное и последовательное представление об исследуемой проблеме в рамках нашей работы.

Итак, возникновение ислама в VII в. на западной части Аравийского полуострова, в городах Мекка и Медина, открывает новую страницу в истории многих народов. Новая религия, несмотря на различные трудности на пути распространения, становится огромной политической силой, идеологией нового государства раннего Средневековья – Арабского халифата. В странах, входивших в состав Халифата, в этот исторический период активно развивалась мусульманская культура. Города Басра и Куфа превращаются в центры развития арабского языка и грамматики.

Благодаря Аббасидам, новая столица халифата – Багдад, основанная в 762 году – обрела статус международного центра искусств и наук, где ведущие позиции принадлежали иранцам. Правление Аббасидов отмечено бурным развитием естественных и гуманитарных наук. Арабский язык превратился в средство международного и культурного общения, стал первым-основным языком практически для всех писателей, мыслителей и философов, проживавших на территории халифата. С VIII в. на арабский язык начали переводиться греческие сочинения, что послужило толчком к возникновению традиций мусульманской философии. В годы правления Ал-Мамуна (ум. в 833 году) в столице халифата открывается своеобразная академия Среднего Востока «Дом мудрости», куда съезжаются крупнейшие учёные, поэты, врачи, музыканты, певцы.

Эпоха Аббасидов стала периодом расцвета мусульманской государственности, возрождения и процветания многих национальных культур на территориях, завоеванных арабами под флагом ислама. В это время произошла «интернационализация ислама» [Большаков, 2006: 532].

По мнению ученых, начало распространения ислама на территории Волго-Уралья относится к VII веку и связано с распадом Западно-Тюркского Каганата и формированием двух новых тюркских государств: в Причерноморье Великой Булгарии и в Прикаспийском регионе – Хазарского каганата [Давлетшин, 2013: 7].

В 921 году булгарский правитель Алмуш отправил посольство ко двору халифа в Багдад. Булгары обратились к халифу с просьбой о военной помощи против хазар и изъявили желание лучше узнать об исламе. В мае 922 году из Багдада в Булгарию прибыло ответное посольство во главе со Сусан ар-Раси. Результатом данного визита стало принятие Эльтебер Алмушом мусульманства. Это событие можно назвать эпохальным в истории народов Поволжья, получивших импульс для дальнейшего культурного, экономического и политического развития.

По поводу истории появления ислама на этой территории существует несколько гипотез: согласно первой, одно из булгарских племен, баранджары, приняли ислам сразу после походов Марвана в 737 году в Хазарию и переселились на новые места уже мусульманами. Подтверждение этой гипотезы можно найти в записках секретаря Багдадского посольства Ибн Фадлана: «И мы видели среди них домочадцев (одной семьи, то есть племени), они составляют пять тысяч душ мужчин и женщин, уже все они приняли ислам. Они известны (под названием) Баранджар» [Хайри, 2013: 354].

Согласно другой версии, которой придерживались такие ученые, как Ш. Марджани, Р. Фахретдинов, ислам распространили здесь проповедники-торговцы из Хорезма. В пользу «хорезмийской» версии проникновения ислама говорит и тот факт, что еще с древнейших времен в булгарском, а потом и в татарском языке закрепились персидские слова, используемые для обозначения религиозных терминов, при этом их арабские аналоги широкой массе неизвестны. Например, персидские «намаз» вместо арабского «салят»; «ураза» вместо «саум»; «пайгамбар» вместо «наби»; «фарешта» вместо «маляка»; «Ходай» наряду с «Аллах» и т.д. Все эти слова являются живыми свидетельствами проникновения ислама из Средней Азии, где персидский язык в то время был весьма распространен, в том числе и среди тюрков, и где эта лексика активно употреблялась. Г.М. Давлетшин отмечает, что дошедшая до нас в передаче ал-Гарнати заметки булгарского историка XII в. Йакуб ибн Нугмана из его книги «История Булгара» свидетельствует о принятии булгарами ислама из Бухары [Давлетшин, 2013:17].

С распространением ислама среди булгар достижения мусульманской цивилизации, науки и знания из мусульманского ареала стали достоянием местного населения. Булгары меняют руническую письменность на арабский алфавит (хотя известны факты, что руника не полностью вышла из употребления после 922 г. [Давлетшин, 1990: 113-116]). Ссылаясь на

нумизматический материал и археологические находки, Г.М. Давлетшин пишет о раннем проникновении арабской письменности.

Основам религиозных знаний и арабской письменности обучали в мектебах – начальных школах при мечетях, которые появились в булгарских городах и селениях. Высшее образование булгарские юноши получали, обучаясь у среднеазиатских ученых в Бухаре, Самарканде, Балхе, Багдаде, Мерве, Газне, Нишапуре и т.д. Владение арабским языком открывало доступ к сочинениям выдающихся ученых и поэтов Востока того времени. Ссылаясь на труды Ш. Марджани, Г.М. Давлетшин пишет, что богословие в Булгарии развивалось по нескольким направлениям: чистая теология; риторические произведения; религиозно-дидактические произведения; труды о сохранении чистоты ислама, направленные против язычества. Марджани приводит в пример названия книг Ходжа Ахмеда ал-Булгари – богослова XI века – «Тарикать ал-Болгария»; «Фаваид ал-Болгария»; «Джамиг ал-Болгария»; посвященные фикху (мусульманскому праву) [Давлетшин, 2004: 203]. Эти труды до наших дней не дошли.

Кроме того, сохранились многочисленные сведения о распространении в Булгарии суфизма, прежде всего, идей тариката Ясевия [Сибгатуллина, 1999: 25-46]. Об этом свидетельствует и популярность среди татар произведений тюркских поэтов-суфиев XII века Ахмеда Ясави (конец XI века -1166) и его ученика Сулеймана Бакыргани (ум. 1186), разъясняющих основы суфийского учения: их творчество стало объектом подражания для многих поэтов, а сборники вплоть до 1917 г. оставались настольными книгами, незаменимыми учебниками в мектебе и медресе [Сибгатуллина, 2002: 423].

В Волжской Булгарии жили и творили многие крупные ученые и богословы, наиболее известными были: ученый-философ Сулейман ибн Дауд ас-Саксини ас-Сувари, богословы и писатели Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Булгари, Бурхануддин Ибрагим ибн Йусуф ал-Булгари, ал-Ханафи Бурхануддин Ибрагим ибн Хызр ал-Булгари, ходжа Ахмед ал-Булгари, врачеватель и фармаколог Таджеддин ибн Йунус ал-Булгари и др.

Булгарский период в развитии тюрко-татарской литературы знаменит поэмой Кул Гали «Кыссаи Йусуф» (1233).

Давая оценку особенностям распространения ислама на этих землях, можно опереться на обобщение Ю.М. Кобищанова: «Более чем четырехсотлетний период между принятием булгарами ислама и разгромом Булгарии татаро-монголами составляет важнейший этап в формировании очага исламской цивилизации в Северной Евразии. Обширное, сложно организованное раннефеодальное государство волго-камских булгар появилось не менее чем за век до его исламизации, но распространение ислама и исламской цивилизации придало ему более сложную и прочную организацию» [Очерки истории, 2002: 49].

Дальнейшее функционирование и укрепление ислама на Волго-Уралье напрямую связано с образованием монгольской державы в конце XII – первой четверти XIII веков в Центральной Азии и образованием в результате ее распада в XIII-XVI вв. государства Улуса Джучи – Золотой Орды.

В 1236 году Волжская Булгария испытала на себе тяжелое бремя монгольского нашествия. Несмотря на то, что после монгольского завоевания Волжская Булгария была включена в состав Золотой Орды, она обладала некоторой автономией: сохраняла свое название, свои города, правителей и экономику; даже монетное дело следовало булгарской традиции чеканки, не испытывая монгольского влияния. Город Булгар превратился в один из крупных торгово-ремесленных и культурных центров Золотой Орды, контролировал на северной окраине государства водные и караванные пути между странами Европы и Азии.

М.А. Усманов называет Золотую Орду «новым государственным образованием, сохранившим, естественно, элементы монгольской (чингизидской) государственной культуры». Тем не менее, подчеркивается, что «доминирующее положение в нем занимал конгломерат тюркоязычных этносов, ассимилировавший пришлых монголов, в т.ч. самих Чингизидов» [Усманов, 2009: 5]. В этом, видимо, кроется причина своеобразия

утверждения ислама и вместе с ним новой культурной ориентации на данной территории.

В период правления хана Узбека (1312–1341), вступившего на престол язычником, а позднее принявшего мусульманство, ислам был объявлен государственной религией. В этот период Золотая Орда была далека от традиционного ислама, скорее эта система верований может быть определена в качестве «народного ислама» [Измайлов, Усманов, 2009: 609]. В целом, принятие ислама в государстве Джучиева Улуса способствовало его дальнейшему укреплению в Волго-Уральском регионе.

Возвращаясь к вопросу об особенностях ислама в Золотой Орде, следует подчеркнуть, что он с самого начала формировался в модусе суфизма. Сохранились сведения о том, что на территории государства были раскиданы суфийские скиты, которые находились под покровительством властей. Вся литература данного периода, начиная с классических примеров – поэмы «Хосров и Ширин» (1342) Кутба [Исмайлов, 2001: 82-95], «Гулистан бит-тюрки» (1391) Саифа Сараи, «Мухаббат-намэ» (1353) Хорезми, проникнута идеями суфизма. Дошедшие до нас скудные сведения о других поэтах того времени – Мавляна Казий Мухсина, Мавляны Исхака, Гимада Мавляви, Ахмеда Ходжа Сараи, Габдельмаджида, Туглы Ходжав, Хасан углы и других [Средневековая татарская…, 1999: 70], также указывают на это.

В данный период формируется татарская богословская литература, появляются первые тафсиры (толкования), первоисточником которых являются Коран и хадисы. Этому предшествовали тафсиры на арабском языке, которые были хорошо известны среди татар-мусульман. Например, один из таких тюркоязычных тафсиров, созданных в XII–XIII вв. в Средней Азии, был найден в г. Карши [Зайнуллин, 1999: 10]. Под влиянием тафсиров и «сиратен-наби» (рассказывающие о жизни Мухаммада сочинения) рождаются дидактико-назидательные произведения: «Кыссас ал-анбия» (1310) Рабгузи, «Нахдж ал-Фарадис» (1358) Махмуда Булгари, «Джумджума

султан» Хисама Кятиба, «Кисекбаш китабы» неизвестного автора и др., которые пронизаны положениями и идеями суфизма. К этому периоду относится и текст мусульманской юриспруденции «Иршад ал-мулук вас-салатин» (1387) Берке Факиха. Текст включает в себя свод законов шариата, является сборником фетв, собранных из произведений известных ученых – знатоков законов шариата.

После распада Золотой Орды в XV веке на огромной территории от Польши до Западной Сибири возникло множество самостоятельных государственных образований, среди которых были Крымское, Казанское, Касимовское, Астраханское, Тюменское (позже Сибирское) ханства, а также Большая Орда и Ногайская Орда. В ханствах сформировалась разветвленная система религиозных учреждений и сложилось сословие мусульманского духовенства во главе с верховным сеидом. Духовенство играло активную роль в государственных делах ханств, участвовало и в военных операциях. Дипломатическая деятельность, а также участие в государственных делах требовали от мусульманского духовенства достаточного уровня грамотности, а от дипломатов – глубоких знаний во многих областях. Не случайно последний верховный сеид Казанского ханства Кул-Шариф был хорошо осведомленным в астрономии, истории, военных и государственных делах, к тому же был писателем и поэтом [Давлетшин, 2013: 49-50].

Ислам в мусульманских государствах Поволжья, Приуралья и Сибири имел свои особенности, уходящие корнями в религиозную ситуацию и конфессиональную политику Золотой Орды. Традиционно наибольшее распространение получила ханафитская религиозно-правовая школа, но наряду с ханафитами были приверженцы и других суннитских мазхабов. Во многих областях широкое распространение получил суфизм, имевший среднеазиатские (Поволжье) или персидские (Крым) корни.

Одно из послеордынских мусульманских формирований – Казанское ханство, складывается в 30–40-е гг. XV в.: выходцы из Золотой Орды объединили земли Среднего Поволжья вокруг Казани. Ислам являлся

официальной государственной религией в Казанском ханстве, что прослеживается по материалам дипломатической переписки, ярлыков казанских ханов и т.д. Наличие хадисов, тафсиров, и даже «Корана татарского» свидетельствует о безусловном продолжении общих традиций мусульманского богословия. К примеру, сохранились толкования к Корану «Корьән тәфсире» (1508). В мектебах и медресе обучали правильному чтению Корана, заучиванию его наизусть. Известно, что в Казани жил и работал ученый-богослов Касым Шейх (Ибрагим ал-Казани). В 1552 г. был составлен сборник хадисов на татарском языке. В 1554 году Аднаш Хафиз подготовил сборник «Сирадж ал-кулуб» («Светоч сердец»), в котором от имени пророка Мухаммада автор призывает своих читателей быть просвещенными, проявлять доброту, щедрость в отношении обездоленных, наставляет сохранять веру и твердости духа [Средневековая татарская…, 1999: 142-147].

Образованные люди Казанского ханства знали несколько языков, особенно широко использовались арабский и персидские языки. К эпохе Казанского ханства относится «Арабско-тюркский словарь»; сохранившийся в варианте, относящемся к 80-м годам XIX века. Г. Давлетшин отмечает, что русские источники вместо перечисления народов Казанского ханства перечисляют их языки. «Но татарский язык в государстве был официальным, разговорным, литературным и, отчасти, международным языком» [Давлетшин, 2014: 534].

В этот период художественная литература остается самым действенным средством распространения богословских знаний. Известный поэт, сеид и дипломат Кул Шариф, считавший своими литературными учителями тюркских поэтов–суфиев А. Ясави и С. Бакыргани, в стихотворениях распространял суфийские концепции и идеи. Например, в стихотворении «Хакыйкать чын гашыйклар юлына…» («Путь истинных влюбленных…») Кул Шариф упоминает восемь своих диванэ – учителей, известных в истории суфизма личностей: Фаридетдина Гаттара (1119–1221);

дервиша Бохлула; Мансура Халладжа (убит в 922 г.); Шаха Борыкай, ученика Ш. Табризи (ХШ в.); Хисаметдина Челяби, дервиша Руми; Бахаветдина Валида, отца Дж. Руми; Ш. Табризи; Вайсел-Карани. Те же мотивы, описание состояний приближения к Аллаху встречаются и в творчестве других поэтов. Это – казанский хан Мухаммад–Эмин (на престоле в 1487–1496, 1502–1518 гг.), поэты Гарифбек и Мухаммад Шариф, Умми Камал (умер в 1475 г.), Мухаммадьяр (ок.1497–1552), по некоторым сведениям, являвшийся членом суфийского ордена [Амирханов, 2 1993: 91]. Их творчество подчиняется поэтическому воплощению суфийской концепции мироздания.

Наряду с исламом в Казанском ханстве продолжала бытовать и традиционная народная культура – устное творчество, верования, обряды, праздники, представления общим знаменателем некоторых выступают утопические культы [Усманов, 1985: 177-185]. Этот сегмент духовной организации как раз более всего способствовал выделению тюрко-татарской составляющей в процессе формирования единой мусульманской культуры.

Таким образом, данный обзор свидетельствует о том, что предки современных татар начинают знакомиться с исламом уже в VIII–IX вв.; приезд в 922 году из Багдада посольства стал лишь официальным закреплением, оформлением на межгосударственном уровне принятия ислама в самой северной части мусульманского мира. В период Золотой Орды ислам переживал сложный и неустойчивый этап своего бытования, тем не менее, расцвет науки, просвещения, культуры, искусства показывает силу влияния мусульманской составляющей на все без исключения сферы жизнедеятельности средневековой державы.

В образовавшихся после распада Золотой Орды тюрко-татарских ханствах ислам закрепился как государственная религия, охватив институты управления, быт, культуру, просвещение и иные области. В Казанском ханстве «население в основном жило по канонам шариата»; и ислам стал «многовековой традицией» [Давлетшин, 2014: 532]. При этом татары адаптировали многие исламские каноны к своему менталитету.

«Художественная культура татар с принятием ислама развивалась в обширном мире мусульманской цивилизации, под влиянием которой происходило формирование и развитие ее духовно-эстетических ценностей. В национальном искусстве, наряду с этническими традициями, получили развитие традиции мусульманского искусства, оказавшего влияние на идейно-художественное содержание и стилевую направленность произведений» [Валеева-Сулейманова, 2002: 27]. Это был сложный процесс, фундаментом которого прежде всего служило взаимовлияние разных культур. Исследователи также обращают внимание на роль тюрков «в создании и развитии арабоязычной и персоязычной науки и культуры» [Миннегулов, 1993: 92].

В методологическом плане изучение данного явления опирается на концепцию пятого вида сравнительных исследований явлений культуры по классификации известного компаративиста Н.И. Конрада [Конрад, 1972: 6]. Вместе с тем в данном случае речь идет о взаимовлиянии не двух, а трех культур: тюрко-татарской, арабской и персидской.

Такая ситуация возникает из-за особенностей проникновения ислама в Волго-Уральский регион. После принятия ислама «Волжская Булгария была включена в высокоразвитую восточную цивилизацию. Проводниками этой цивилизации были два великих языка: арабский – язык Корана, религии и персидский – язык культуры, в первую очередь, оригинальной персидской поэзии. Еще один факт считается доказанным: «тюркский язык имел широкое распространение в различных сферах жизни и духовной культуры мусульманского мира, где существовало арабо-персидско-тюркское трехъязычие с доминирующим положением первого и второго в науке и культуре» [Миннегулов, 1993: 92].

На территории всех стран, входивших в средние века в состав Арабского халифата, классический арабский язык принимается как язык государственных учреждений, религии и литературы. Его можно сравнить с латинским языком в средневековой Западной Европе. На его основе

сложилась особая культура, которая имела отличия от арабской средневековой культуры – культуры Аравии и стран, подвергшихся арабизации, в которых проистекал этногенез арабской народности. Сформировавшуюся в VII–X вв. в ходе взаимодействия арабов и народов Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Юго-Западной Европы культуру принято назвать арабо-мусульманской. Данное понятие обозначает как культуру собственно арабов, так и средневековую арабоязычную культуру других народов, вошедших в состав Халифата. Арабы, переработав часть культурного наследия персов, сирийцев, коптов, иудеев, народов Средней Азии, а также наследия античной культуры, добились больших успехов в области художественной литературы, филологии, истории, географии, математики, астрономии, медицины, логики и философии, а также в области архитектуры, орнаментального искусства и художественного ремесла.

Вместе с тем, применительно к Волго-Уральскому региону используется другой термин – «мусульманская культура»; которая образовалась при тесном взаимодействии культур народов арабо-, ирано- и тюрко-мусульманского мира [Валеева-Сулейманова, 2002: 28]. Подобные интегративные явления были связаны как с состоянием арабской культуры, так и культуры народов, воспринимающих ислам. Как указывает Х.Ю. Миннегулов, признанный исследователь истории татарской литературы, «Бытовые, экономические, политические, культурные взаимосвязи, единство религии, письменности – вот основные предпосылки и факторы образования относительно единой системы мусульманского мира» [Миннегулов, 1993: 92].

По мнению исследователей, наибольший расцвет арабской культуры приходится на VIII–XI вв. Еще в VIII–IX вв. были письменно зафиксированы многие произведения доисламской арабской устной поэзии. Известный поэт-панегирик Абу Таммам и его ученик аль-Бухтури составили два сборника «Хамаса» («Песни доблести»), включавших в себя произведения свыше 500

древнеарабских поэтов. Также много образцов древнеарабской поэзии вошло в большую антологию «Китаб ал-агани» («Книга песен»), составленную арабским писателем, ученым и музыкантом Абу-л-Фараджа Исфахани. Самыми яркими представителями придворной и городской поэзии считаются известный автор любовных стихотворений Абу Нувас (756 – около 810), мастер-гончар Абу-л-Атахия (VIII – начало IX в.), поэт-воин Абу Фирас (X в.) и мастер изысканного стиха Мутанабби (X в.). Вместе с Кораном, исламом, арабским языком, системой образования, которая «была перенята у арабов» [Махмутов, 2006: 97], эта культура проникает в духовный мир народов Волго-Уралья.

К IX в. под непосредственным влиянием арабского языка и искусства возникает второй очаг расцвета мусульманской культуры – в Иране начинает развиваться литературный язык фарси. Основываясь на фольклорном наследии иранских народов, Абулькасым Фирдоуси создает величественный героический эпос «Шахнаме». Родоначальником новоперсидской поэзии, ставшей выражением новой традиции, созданной персами-мусульманами, которые в совершенстве овладели арабским стихосложением, но сохранили привязанность к своему родному языку, считается Рудаки (860–941).

Культура фарси достигает высокого уровня развития в Бухаре, столице Саманидов, так как этот язык (назывался также дари, «придворный язык») быстро распространяется в Средней Азии как через торговые, так и иные пути, а оттуда – на север, в регион Поволжья. Новоперсидский язык становится, наряду с арабским, языком ислама; мусульманская культура, «перешагнув» свою арабскую основу, превращается в многонациональную и многоязычную культуру и религию.

Персидская литература подарила миру такие имена, как Низами Гянджеви (1141–1209), Саади Ширази (1203–1292), Абдурахман Джами (1414–1492), Омар Хайям (1040/48–1129), Джаляледдин Руми (1207–1273), Алишер Навои (1441–1501) и др. Они стали источником вдохновения для

тюрко-татарских поэтов золотоордынского периода: Кутба, Хисама Кятиба, Сайфа Сараи и др.

Таким образом, распространение ислама на север активизирует генетически-контактные культурные связи, подразумевающие, прежде всего, прямые и внешние контакты, которые обусловлены историческими, общественно-политическими и внутрилитературными факторами. В своей работе мы опираемся на предложенное Д. Дюришиным разделение контактов на внешние и внутренние. К внешним относятся «контакты без видимого прямого воздействия на сам литературный процесс»; к внутренним – «контакты, при которых взаимность национальных литератур находит прямое художественное воплощение [Дюришин, 1979: 105-106]. Оба из указанных контактов наблюдались в тюрко-татарской культуре и литературе, соответственно и в языке художественной литературы – в литературном языке.

В процессе контактирования культур цементирующим началом, безусловно, выступал ислам: «многие доисламские культурные традиции у арабов, персов и тюрков продолжались; но они, как правило, были согласованы с предписанием ислама, переработаны, переосмыслены в мусульманском духе. Кроме того, условия жизни, этнические особенности народа, особенно язык, послужили основой сохранения национальной специфики каждой культуры в рамках мусульманской общности» [Миннегулов,1993: 92].

Следует отметить, что расцвет арабской культуры был в известной мере связан с её открытостью «встречным течениям»; причем эта открытость поощрялась, направлялась и контролировалась: арабы активно изучали античное научное наследие, особое внимание уделяли переводу важных трудов, это способствовало развитию таких естественных и точных наук, как математика, астрономия, география, медицина, химия и т.д. Например, на рубеже VIII–IX вв. появились два арабских перевода главного

астрономического труда Птолемея «Мегале синтаксис» («Великое построение») под заглавием «Ал-Маджисти».

Эта практика распространилась и продолжала существовать на уровне других компонентов мусульманской культуры. Так, наиболее ранние памятники персидской литературы являются переводами арабских трудов, например, персидский перевод «Истории» Табари или его тафсира (комментарий) к Корану. Арабские прозаические сочинения активно переводятся на персидский, и это воспринимается естественно, как логическое продолжение ренессанса арабской культуры. В это время культура фарси начинает влиять на арабскую культуру, просвещение, в том числе и на такую связанную с богословием науку, как филология. Например, в VIII–IX вв. сложились куфийская и басрийская филологические школы, один из представителей последней – перс Сибавейхи составил арабскую грамматику, которая легла в основу всех последующих грамматик.

Необходимо подчеркнуть, что практика перевода письменного культурного наследия была принята и предками татар: среди известных в средневековье трудов, распространенных на территории Поволжья и Приуралья, значительное место занимали переводные работы.

Таким образом, в формировании и развитии татарской культуры, духовного наследия, в том числе языка, мусульманская цивилизация сыграла огромную роль. Существующие традиции в мусульманском мире, в восточной цивилизации затем были приняты предками татар. Мы можем констатировать, что с самого начала распространения ислама особая роль принадлежала внешним прямым контактам, а в литературном наследии мы фиксируем как внешние, так и внутренние контакты. Арабская, персидская и тюрко-татарская культуры были вовлечены в единое пространство, центральным компонентом которого выступал ислам, и религиозный фактор стал структурообразующим, ведущим к сближению разных культур.

1.3. Письменные памятники на старотатарском литературном языке: краткий обзор

Как уже было сказано выше, основу старотатарского литературного языка составляет литературный язык тюрки. Сформировавшиеся на его основе традиции затем образовали базис региональных литературных языков. Письменные памятники, написанные на языке тюрки, свидетельствуют о взаимосвязи арабских, персидских и тюркских языковых элементов в системе произведений и эксплицируют влияние мусульманской идеологии на само произведение.

Это явление наблюдается и при аналитическом рассмотрении материалов средневековой татарской литературы, которая включает в себя литературу булгарского, золотоордынского периодов, времен татарских ханств и позднего средневековья.

Более подробно в общетеоретической перспективе о периодизации и специфике использования старотатарского литературного языка написано в соответствующем разделе первого тома «Татар әдәби теле тарихы», выполненным И.Б. Башировой [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 21-133]. Мы же, базируясь на достижениях современного татарского языкознания, попытаемся акцентировать внимание на роли и особенностях влияния мусульманской цивилизации на развитие старотатарского литературного языка, а также своеобразии отражения взаимосвязи тюркских и заимствованных языковых элементов в языке художественных произведений.

Обособленное использование тюркского языка началось, по мнению ученых, с творчества Юсуфа Баласагуни (462 – 1069/1070), Ахмеда Ясави (1091–1166) и его ученика Сулеймана Бакыргани (1111–1186).

В русском переводе произведения «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни о языке произведения говорится: «…Ученые и мудрые мужи Мачина согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто не составил лучше этой книги, сочиненной на языке богранханском и

тюркской речью» [Хас-Хаджиб, 1983: 5]. Получается, тюрки разговаривали на богранханском языке, характерном для времен правления в Караханидской империи правителя Кара-Богра-хакана. В этом названии отражаются хронология, исторические традиции, династия и местность, где было написано произведение.

По мнению ученых, исследовавших данное произведение, оно «является первым, старейшим и пока единственным сочинением на одном из тюркских языков, основанным на мусульманской идеологии и пропагандирующим эту идеологию» [Хас-Хаджиб, 1983: 502-506]. Иначе говоря, Ю. Баласагуни, наряду с традиционными архаическими формами и словами, для более полного доведения до читателя идеологии ислама, активно употреблял арабские и персидские заимствования. Этот язык ученые определили как письменно-книжный язык аристократического типа [Благова, 1977: 99-100, Нуриева, 2004: 35]. Что касается аристократически-престижного, то имеется в виду насыщенность текста арабо-персидскими заимствованиями и написание их согласно языку-источнику [Вәлиди, 1919, 2007: 55]. Наличие в произведении фразы автора «Для неучей - книга сия под запретом» указывает на то, что книга была адресована образованным людям [Благодатное знание, 1983: 498].

Вместе с этим на обширной территории, центром которой был Кашгар, по правилам арабского языка был составлен словарь «Диван лугат ат-турк» М. Кашгари (466–1072/1074), подготовлен тафсир Корана. Как видно из примеров, на одном из древних тюркских языков создавались произведения различного стиля [Тенишев, 1997: 35].

В XII веке творчество великого суфийского поэта Ахмеда Ясави и его талантливого ученика Сулеймана Бакыргани способствовало возникновению в Туркестане центра литературы и суфийских практик Яса. Создавались произведения, язык которых, в отличие от насыщенного элементами древнеуйгурского языка «Кутадгу Белек», оказался под сильным влиянием диалекта, граничащего с Караханидами, говорами кимако-кипчако-искилских

племен. При этом представители данного литературного направления обращались к лексике тюркских народов, живущих разбросанно. Был избран путь формирования всеобщего тюркского языка: «В этот период в литературном языке придавалось особое, принципиальное значение сохранению общетюркских элементов в позиции, близкой к разговорному языку. Являющийся новшеством для литературы, этот принцип тюркский язык ясавидов начал превращать в общетюркский литературный говор… их тюркский литературный язык начал распространятся на далекие области. Язык поволжского произведения «Кыссаи Йусуф» был основан на этом принципе. Старый письменный тюркский язык, его архаизмы использовались как историческая традиция» [Гайнетдинов, 2014: 274-275].

По мнению турецких ученых, Ахмед Ясави, когда писал свой «Диване хикмат» пожелал, чтобы язык его было понятен всем ученикам и последователям Ясавия, живущим в различных регионах, следующим его стилю и прославляющим его. Литературная речь наряду с суфийской идеологией стала действенным способом пропаганды и консолидации соплеменников. Надо понимать, что под названием «общетюркские слова» имелась в виду лексика «Диване лугат ат-турк», которая использовалась без распределения на языки племен и имела единую форму и значение [Димерчезаде, 1972: 31-32], то есть речь идет о словах, употребляющихся во всех тюркских языках.

Письменный литературный язык, развивавшийся в литературных центрах Кашгара и Ясы, в зависимости от категории читателей, функционировал в двух ипостасях: в первом случае, например, в «Кутадгу Белек»; он ориентирован в основном на свой регион (региональный тюркский язык), а во втором – это прежде всего творчество ясавидов, т.е. происходит «литературизация» общетюркского разговорного языка. Как указывает ученый-литературовед М. Гайнутдинов, «А. Ясави, С. Бакыргани … своим творчеством сформировали из говора булгар, булгаро-татарских

лексических единиц и фонетических, грамматических форм литературный язык». [Гайнетдинов, 1992: 94].

Произведения, созданные в регионах Кашгар и Яса, были основаны на исламской идеологии и носили религиозно-дидактический характер. Из-за этого невозможно было отказаться от активного употребления арабских и персидских заимствований. Интересно в этом отношении мнение С.Н. Иванова, переводившего «Кутадгу Белек» на русский язык. Он заявил о недостаточности смысловых оттенков и нюансов суфизма в произведении и предложил рассмотреть его отдельно от произведений общемусульманского направления [Хас-Хаджиб, 1983: 536].

Таким образом, возникает вопрос – не влияет ли наличие религиозного содержания в произведениях указанного времени на масштабы использования заимствований? Для определения объема арабо-персидских заимствований в произведениях «Кутадгу Билиг» и «Дивани Хикмат»; необходимы исследования сравнительно-сопоставительного плана. Если рассуждать предположительно, то следует иметь в виду, что Ахмед Ясави для понимания смысла аята и хадисов считал пригодным тюркский язык: «...Хушламайдур галимнәр сезне-айган төркине / Гарифләрдин ишетсәң ачар күңел милкене / Айәт, хәдис мәгънәсе төрки булса муафикъ / Мәгънәсенә йиткәнләр йиргә куяр бүркине...» [Татар әдәбияты..., 2014: 2, 139] (Не одобряют ученые вас, говорящих на тюрки / Если услышишь от знающих, то поднимется настроение / Предпочтителен на тюрки значения айатов и хадисов / Те, кто достигнет их смысла, то сложат свои шапки на землю…). Тогда становится ясно, что в языке «Диване хикмат» заимствования используются не столь активно, чтобы его можно было назвать аристрократическим. Можно констатировать, что Юсуф Баласагуни и Ахмед Ясави, хотя и называли язык своего творчества тюркским, в зависимости от адресата и количества арабо-персидских заимствований и тюркских слов, язык тюрки первого развивался в аристократическом направлении, а язык второго сближался с народно-разговорным языком.

Обособленность, связанная с адресатом, усиливается под воздействием требований различных стилей. Это явление отчетливо наблюдается в произведениях, написанных в период расцвета Булгарского ханства. В XI–XII вв. в Волжской Булгарии, под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов появляется преобладающее койне, образованное на базе говоров кипчакского типа [Хакимзянов, 1978: 21-22]. Этот язык, состоящий из двух стилей, в течение XIII – XIV вв., выполняет функцию написания текстов-штампов на надгробных камнях. Один из них перестает существовать после XIV века; другой, обычный тюрки, продолжает существовать и в наши дни: на надгробных камнях, в основном, используются определенные, превращенные в штампы формы арабского языка [Хакимзянов, 1983: 3-24; 2008: 37-41].

В той же Волжской Булгарии, в 10–30 годах XIII века была создана на угузо-кипчакской основе поэма Кул Гали «Кыссаи Йусуф»; отличающаяся от эпитафических надписей жанром и языковыми особенностями [Кол Гали, 2008: 10]. Однако Кул Гали, в отличие от авторов «Кутадгу Билиг» и «Дивани Хикмет», не упоминает о том, на каком языке написано произведение. Только в конце произведения констатируется: Йосыф сәүчи кыйссасын кыйлдук гәйән / Гарәб, гажәм деленчә кыйлдук бәйан / Укымага, дыңламага улды асан / укыяннар дога илә үксүн имди... [Кол Гали, 1983: 292] (Изложили мы сказание о пророке Йусуфе, Сочинили по арабским и персидским преданиям, Стало легко для чтения и слушания, Читающие пусть сотворят молитву (за нас) [Кол Гали, 1983: 422]. Ф. Фасеев, подготовивший описания рукописей и текст к изданию, к данному отрывку дает такие комментарии: «Автор при написании данного отрывка конкретно зафиксировал то, что он пользовался арабо-персидскими источниками (…) он не касается вопроса, были ли до него тюркские источники или тюркоязычные произведения, но его слова: «Әй дәрига, дикмә кемсә дөзүмәде / Фәһме иксүк кемсәләр язумады... (К сожалению, кто угодно не смог написать [это стихотворение]. Люди, у которых недостаточно таланта не смогли написать)»

– дают основание предполагать, что некоторые попытки создания подобного произведения были, но не увенчались успехом. Указание автора на использование арабо-персидских заимствований звучит частичным ответом на основной вопрос о языке произведения [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 26].

Дело в том, что в нашем ареале в то время литературным или научным языком могли служить только арабский, или персидский, или тюркский языки (четвертого языка вообще не было). В «Сказании» представлен тюркский язык, обработанный как классический образец. Из-за того, что автор жил и творил в тюркской среде, он не видел необходимости указывать на то, что написал свое произведение на тюркском языке. Однако данный тюрки нельзя назвать общетюркским литературным языком, скорее, он является местно-региональным языком. Это поволжский тюрки, если назвать по-современному – старотатарский литературный язык. Он, начиная с XII–XIII веков и почти до XX века, использовался в Булгарско-Казанско-татарской литературе и письменной культуре» [Фасеев, 1976: 170–172].

Эта гипотеза подтверждается и в научном труде Х.Х. Кузьминой, посвященном комплексному исследованию лексического состава поэмы «Кыссаи Йусуф» [Кузьмина, 2001: 7]. Способы передачи отдельных понятий тюркского языка явственно свидетельствует о справедливости вывода, сделанного в свое время Э.Р. Тенишевым: «...Язык «Кысса-и-Йусуф» несет на себе печать высокой пробы, это плод гранильной работы над словом» [Тенишев, 1987: 134].

Вместе с этим в данном сказании, как и в других – последующих – лиро-эпических произведениях продолжается употребление арабо-персидских заимствований, связанных с основной темой – исламской идеологией: вера в Аллаха, ответственность за свои поступки и слова, духовное богатство и др.

Ученые по-разному объясняют языковые особенности произведения. В поэме «Кысса-и-Йусуф»; с одной стороны, ощущается влияние произведения

«Кутадгу Белек»; исполненного в высоком аристократическом стиле, на языке, богатом древнетюркскими формами, берущими начало с Орхоно-Енисейских надписей и арабо-персидских заимствований. С другой, – имеют место фрагменты олитературенного (окультуренного) народно-разговорного языка, получившего распространение в произведениях А. Ясави, С. Бакыргани. Так что поэму Кул Гали «Кысса-и-Йусуф» можно назвать произведением, написанным на литературном булгарском, тюрки, основанном на угузо-кипчакском литературном языке, который является продолжением авторитетно-аристократического тюрки.

Вместе с этим из высказываний ученых о том, что тюркское население Волжской Булгарии с этногенетической и духовно-культурной стороны находилось близко к казанским татарам [Усманов, 1972: 25], в тексте «Кыссаи Йусуф» заметно «… использование северо-кипчакских форм, т.е. форм татарского языка Поволжья» [Тенишев, 1994: 30], а «на старую Караханидско-уйгурскую (точнее, хорезмско-тюркскую) основу наслоились южно-огузские и северо-кыпчакские) элементы» [Тенишев, 1987: 135-137] «… у наших предков булгаро-татарский язык был формирован именно в булгарский период» [Зәкиев, 2008: 91], а «Кул Гали – один из знаменитых поэтов, открывший страницу возрождения булгаро-татарской литературы Булгарского периода» [Ганиева, 2014: 214]. Как указывает известный исследовтель М.В. Гайнутдинов, язык, на котором писал Ахмед Ясави, является самой радикальной народной формой дореволюционного татарского литературного языка» [Гайнетдинов, 2014: 253]. Учитывая вышеуказанные мнения, есть основание полагать, что поволжский тюркско-булгарский литературный язык (булгарский тюрки) явился почвой для образования татарского литературного языка [Татар әдәби теле..., 2015: 32-36].

Именно эта особенность позволяет относить современный татарский литературный язык к числу старописьменных языков. Как трактуется в общетюркологических трудах, языки тюркской группы, с историей письменности начиная с VI, VIII–IX, X–XII веков и имевшие литературные

памятники с датой написания в XII–XIII веках, относятся к старописьменным языкам. Из 15 древних и существующих в настоящее время тюркских языков шесть можно перечислить к таким: азербайджанский, турецкий, туркменский, уйгурский, узбекский и татарский языки [Языки мира: Тюркские языки, 1997: 160, 395, 413, 427, 438, 358]. Старописьменность татарского языка подтверждается творчеством ясавидов в регионе Яса – Туркистан, написанной в Волжской Булгарии поэмой Кул Гали «Кысса-и Йусуф» и надгробными штампами-текстами.

Как подчеркивается в специальной научной литературе, старописьменные языки основываются на письменной литературной норме, т.е. продолжается традиция нормы. Под термином «письменная норма» подразумевается система графических знаков и их графическо-орфографический порядок [Ахманова, 1969: 533]. В старописьменном татарском языке графическо-орфографический порядок основывался на правилах арабского письма. Арабско-персидские заимствования, принятые как средства распространения, пропаганды исламской религии, пишутся по правилам языка-источника. Именно обилие лексических и грамматических заимствований выступает основанием появления стабильности письменной нормы. Тюркско-татарские слова пишутся на основе определенно-устойчивой старой письменности, иногда проявляются и моменты вариативности. В случаях преобладания в текстах огузских или кипчакских языковых особенностей представители различных тюркских общин могли читать письменный памятник, написанный на основе общей графики, “подгоняя” эти особенности под диалектные особенности своего региона.

Указанные свойства характерны для языка произведений, созданных в Золотой Орде. В середине XIII века, после монгольских нашествий, у появившегося на Средней Волге государства Золотая Орда официальный язык основывался на кипчакском варианте. В этом расположенном на значительной территории государстве со столицей Сарай существовало несколько культурных центров [Наджип, 1975: 16]. Один из них – бывшее

Булгарское государство – регион, где традиции литературного языка обогащаются местными кипчакскими разговорными формами [Усманов, 1972: 25; Хаков, 2003: 54] и развивается литература в различных жанрах и стилях. Как видно из сохранившихся письменных памятников, в этом регионе в достаточно большом количестве появились не только художественные произведения, но и научные труды и словари.

Второй культурный центр Золотой Орды – Мамлюкский Египет: «… тюрки принесли с собой свой язык, особенную культуру и литературные традиции»; а «тюркские письменные памятники, появившиеся в мамлюкской среде, отличаются своим тематическим масштабом» [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 40].

В татарской филологии изучению языка произведений этой эпохи были посвящены научные статьи [Махмутова, 1982], докторские [Нуриева, 2004] и кандидатские [Ахметгалеева, 1979, Нуриева, 1993, Исламова, 1998, Гарипова-Гайнуллина, 2003, 2010, Закирова, 2007] диссертации, отдельные монографии. Литературоведы, наряду с изучением языка этих произведений, в своих трудах определяют место каждого из них в рамках всей тюркской литературы и подчеркивают их новизну, приводяшую к развитию общественно-политической и культурно-эстетической мысли своей эпохи [Татар әдәбияты тарихы, 2014].

В Булгарском регионе Золотой Орды еще до появления художественных произведений был составлен словарь «Кодекс Куманикус» (1303) – «Словарь кыпчакских языков». В первой части словаря приводится распределенный на тематические группы латинско-персидско-куманский словарь из 1600 слов. Вторая часть состоит из куманско-немецкого словаря. Относительно целей написания данного труда существуют разные мнения. Х. Махмутов, изучив загадки, вошедшие в сборник, отмечает, что «материалы, имеющиеся в «Словаре кыпчакских языков» обладают огромным значением по отображению особенностей древнего татарского языка. Язык книги отмечается и в самом сборнике как «татарский язык» («Исус Христос битик

тилинцә, татарца коткардацы»; «татар тилгә көнәлди» h.б.)» [Мәхмүтов, 1984: 519-525, Нуриева, 2004: 283-292].

Словарь изучен и в общетюркском контексте [Радлов, 1887], в татарской филологии отмечается близость языка с мишарским диалектом. Л.Т. Махмутова, опираясь на труды В.В. Радлова, исследовала лексический состав куманско-немецкого словаря во взаимоотношении с татарским языком и пришла к выводу о том, что значительная часть исконно-тюркской лексики, зафиксированной в «Codex Cumanicus»; характерна как для татарского литературного языка, так и татарских говоров. Довольно значительная часть слов пока обнаружена лишь в говорах, а в литературном языке они либо отсутствуют, либо относятся к числу устарелых [Махмутова, 1982: 72-76].

Исследователи отмечают близость языка «предоставляющего много сведений о лексике, фонетике и грамматике мамлюкских тюрков»; составленного Асиретдином Абу Хайан аль-Андалуси аль-Гарнатием словаря «Китаб аль-идрик ли лисан аль-атрак» (1312) и «Словаря кыпчакских языков», а также других произведений того периода. Важно то, что эти сведения дают возможность «определить изменения в истории развития татарского языка» [Хаков, 2003: 66-70, Исламов, 2014: 381].

В данном отношении достойно внимания мнение известного этимолога Р.Г. Ахметьянова: «этноним «Татары» известен с V века. «Татарский язык» как определенный конкретный язык прослеживается только с XIII века (язык «Codex Cumanicus»). Уже в том периоде татарский язык был обогащен арабо-персидскими элементами и был близок к языку древних рунических памятников; в отличие от соседних кипчакских языков, западный кипчакский язык без изменений сохранил древний тюркский консонантизм, имеет развитый письменный вариант. Утверждение о том, что письменный татарский язык появился XVI веке (например, в популярной книге С. Брука «Народы мира»; изданной в 1982 году), противоречит истории татарского народа. Татарский язык изначально сформировался при участии письменного языка, именно этим объясняется обилие в нем общетюркских эталонных

элементов» [Әхмәтьянов, 2, 2015: 230]. Данное мнение в определенной степени подтверждается и нашими исследованиями.

Ф.Ш. Нуриева, исследовавшая язык произведений золотоордынского периода, подчеркивает отличие языка «Словаря кыпчакских языков» от языка художественных произведений, ссылаясь на структурообразующие признаки стилей: «...устно разговорное койне совершенно четко фиксируется в рассматриваемом регионе и отражено оно в «Codex Cumanicus» [Нуриева, 2004: 343].

Когда речь идет о художественных произведениях, написанных на поволжском тюрки – булгарском-старотатарском языке в Булгарском регионе Золотой Орды – наряду с традиционными поэтическими произведениями мы должны учитывать так же определяющие его жанровое возрождение первые прозаические произведения «Кыссас аль-анбия» (1310) Бурханетдина Рабгузи и «Нахдж аль-Фарадис» (1353) Махмуда Булгари. Как указывал М.В. Гайнутдинов, «основанное на исламской идеологии и мифологии художественное произведение универсального содержания «Кыссас аль-анбия» – книга программного типа и возрожденческой направленности, первый образец прозаического повествования (…). Книга создана с целью стать опорой, орудием и символом превращения Ислама в государственную идеологию в Золотой Орде. (...) Ее размах, масштабность обеспечили оживление в основанном Ахмедом Ясави и его учениками суфийском направлении тюркской литературы; наравне с религиозной литературой на арабском и персидском языках способствовали формированию исламской литературы на тюркском языке» [Татар әдәбияты..., 2014: 261, 266-267, 272]. Понятно, что это определение можно было бы повторить и по отношению к произведению «Нахдж аль-Фарадис» (1358).

Рукописи этих произведений, их изученность, графо-фонетические, морфологические и лексико-семантические особенности были исследованы Ф.Ш. Нуриевой [Нуриева, 2004: 48-86] и А.Р. Исхаковой [Исхакова, 2005].

Ими подтверждается мнение, высказанное в свое время Э.Р. Тенишевым: «Язык поэмы Кул Гали – не единственная разновидность средневекового поволжского «тюрки». Другой его вид – «Кыссас аль-анбия» Рабгузи, воплощающий в себе в наибольшей степени старую караханидско-уйгурскую традицию» [Тенишев 1987: 137].

Таким образом, в XIII–XIV веках одновременно со словарем «Codex Cumanicus», написанном на варианте народно-кипчакского тюркского языка с обильным употреблением арабо-персидских заимствований, наблюдается дальнейшее развитие аристократо-престижного направления, которое легло в основу произведений «Хусров ва Ширин» (1342) Кутба, «Мухаббат-наме» (1353) Хорезми, «Джумджума султан» (1369) Х. Кятиба, «Гулистан бит-тюрки» (1391) С. Сараи, «Кисекбаш китабы» (XIV) и трактата по медицине «Иршад аль-мулюк вас-салатин».

Как указывает Ф.Ш. Нуриева, хотя соотношение аристократического тюрки и народно-разговорного тюрки в разных произведениях выглядит по-разному, наблюдается преобладание последнего. Опираясь на свои исследования, исследователь утверждает, что с начала XIV века начинает формироваться поволжский тюрки язык («старотатарский литературный язык») - региональный вариант тюрко-татарского литературного языка. В процессе эволюции языка в его структуре еще длительное время сохранились следы караханидско-уйгурской традиции, базовой для всех тюркских литературных языков, но ее признаки проявлялись в старотатарском литературном языке как периферийные [Нуриева, 2004: 343].

Изменения литературного языка обозначенного типа отражены и в письменных памятниках, созданных в середине XIII – начала XIV вв. в Мамлюкском Египте. Например, автор «Тюркского Шахнаме» относительно этого момента отмечает, что «не выражай свои мысли на языке шахов, а говори как дервиш на тюркском». Таким образом, подчеркивается, что текст должен быть понятен широкому кругу читателей.

Подобная тенденция прослеживается и в произведениях, созданных в период Казанского ханства. Это государство, образовавшееся в результате распада Золотой Орды, стало продолжением развития культурно-экономической жизни и письменной традиции Булгарии – одной из областей Золотой Орды. М. Ахметзянов отмечает: «бросается в глаза то, что литературные памятники XV–XVI века являются продолжением, логическим развитием литературных процессов XIII–XIV веков» [Татар әдәбияты..., 2014: 2, 6].

Стиль художественной литературы, согласно традиции, развивался в рамках поэтическо-стихотворной речи. Влияние религиозной и светской литературы, следующей традиционному авторитетному классическому стилю, созданной в XII–XIII веках («Кутадгу билиг»; «Кыссаи-Йусуф»), а также в XIV веке в Золотой Орде, продолжается в произведениях, написанных до середины XVI века в Казанском ханстве: стихотворения Умми Камала, трактаты «Мугджизнаме» (1515) «Мансур Халладж кыйссасы» Максуди (Мухаммада Амина), поэмы «Тухфаи Мардан» (1539) и «Нуры содур» (1542) Мухаммадьяра, творчество Кул Шарифа (1550–1552), прозаическое произведение «Сирадж аль-Кулуб» Аднаша Хафиза.

Вместе с тем развиваются и расширяются границы народно-разговорного языка. Например, как отмечает М. Ахметзянов, «Ногайская Орда составляет главную сокровищницу татарской литературы. Её произведения были широко распространены не только на территории Золотой Орды, но и в казахских степях» [Әхмәтҗанов, 2014: 20].

В Казанском ханстве, как и во времена Золотой Орды, продолжается обмен официальными письмами, составление правителями приказов, указаний и ярлыков для нижестоящих личностей на татарском языке [Усманов, 1979: 28-58], т.е. развиваются официально-канцелярский и дипломатический стили, создаются различные научные труды: «Можем считать ярлыки, письма и записи прокламационного характера казанских ханов истоком публицистики в татарской литературе. Даже составленное в

середине XVI века «Толкование Корана» нужно рассмотреть с языковой и стилистической точки зрения как произведение, сыгравшее большую роль в формировании публицистики»; однако «изучение письменного наследия Казанского ханства как первых зародышей нашей публицистики сводится к нулю» [Татар әдәбияты...2014: 24-25].

В текстах, написанных в период расцвета Казанского ханства, сами авторы традиционно указывают, что пишут на тюркском языке. В поэме «Нуры содур» Мухаммадьяр десять раз упоминает о том, что происходящие в отдельных частях ситуации описываются на тюрки: «Төрки теленчә мәгънә сүзләрен ясаб / Шah атыга бетедем ошбу китап» (Сочинив мудрые слова на тюркском, Я написал эту книгу для Шаха)[1] [Мөхәммәдъяр, 1997: 173]. «Бер тәки (мән) хикмәт сүзен әйтәйем / Мәгънәсен төрки уш нәзым итәйем» (Я скажу мудрые слова, Сочиню их на тюркском) [там же: 178] «Мәгънәсен төрки теленчә, и йегет / Шәрех итәм, җан вә дил берлә ишет» (Толкую смысл на тюркском, Эй, парень, ты слушай сердцем и душой) [там же: 188] и т.д. Как видно из приведенных примеров, фраза «смысл передается на тюркском языке» каждый раз, при помощи новых словосочетаний получает новое звучание. Осуществляя филологическое исследование, литературоведы определяют язык этих произведений как татарский язык. М. Ахметзянов отмечает: «Самая главная, бросающаяся в глаза особенность в истории татарской литературы XV–XVI веков – близость литературного языка к народно-разговорному языку» [Татар әдәбияты..., 2014: 2, 20]. Впрочем, это мнение соответствует действительности только по отношению к творчеству поэтов, которые жили в Ногайской Орде и творили на разговорном татарском, казахском, киргизском и узбекском языках. Это Хасан Кайгы, Казтуган, Дусмамбет, Чалгиз Джырав. Язык произведений этих поэтов, связавших свое творчество с татарами Ногайской Орды, Крыма, Казани, Астраханского ханства, квалифицируется как татарский [Татар әдәбияты..., 2014: 59].

[1] Здесь и далее перевод наш: *Ф. Гилемшин*

Язык произведения «Мугджизнаме» Максуди также принято считать татарским. М.В. Гайнутдинов пишет: «Ситуация, которая создает пафос «Мугджизнаме»; относится к Казанскому ханству. Языковая-стилистическая и поэтическая основа так же в пределах особенностей той региональной литературы. Состав слов, окончания, падежные аффиксы, строение предложения и мысли, образные выражения, тропы – все татарские. Короче, оно – типическое татарское стихотворение» [Гайнетдинов, 2014: 74].

По времени составления относящееся к середине XVI века произведение Утамеша Хаджи «Чынгызнаме» также характеризуется как «написанное на татарском, непонятные современному читателю слова, кроме религиозных слов, почти отсутствуют» [Татар әдәбияты, 2014: 159].

Относительно вариантов языка дастана «Чура батыр» также существует схожее мнение: наличие в них архаических лексических единиц считается свидетельством того, что этот дастан давно существовал у татар как художественное произведение [Әхмәтҗанов, 2014: 178].

Надо отметить, что язык произведений периода Казанского ханства отличается от современного татарского литературного языка. Об отдельных особенностях татарского литературного языка XV–XVI вв., объединяющего древние традиции письменного языка тюрки и народно-разговорного мы уже писали в первом параграфе нашей работы. Произведения, написанные начиная с XV века на арабской графике в Поволжском и Уральском регионе, можно назвать произведениями, написанными на старотатарском языке на тюрко-татарской основе.

После падения Казанского ханства языковая ситуация существенно не меняется: «В сложной общественно-политической обстановке, избегая христианизации, представители различных диалектов создавали общие поселения»; а «из различных говоров появился на общенародном языке язык фольклора» [Зәкиев, 1998: 538-541]. Например, об этом свидетельствует язык дастана «Чура батыр»; текст которого ученый-фольклорист М.Х. Бакиров

определяет как идентичный текстам «общетюркского героического эпоса эпохи Казанского ханства» [Татар әдәбияты..., 2014: 2, 176].

Структура другого произведения – «Сираджуль-Кулуб» («Светоч сердец») (1554) Аднаша Хафиза, которая состоит из сорока разделов, совпадает со структурой таких трактатов, как «Нахдж аль-Фарадис», «Рассказы сорока визирей»; «Сорок садов» Каюма Насыри и других произведений. Интересны пояснения Аднаша Хафиза относительно языковых особенностей книги, о которых он пишет, что текст изначально был написан на арабском языке, а его часть – на персидском языке, однако, когда «наступил конец света» и не осталось желающих получить образование по книгам, написанным на арабском или персидском языках, он написал его на тюрки: «Бу китап гарәб теленчә ирде, бәгъзысы – гаҗәм теленчә ирде. Замана ахыр булды. Гыйлемгә рәгъбәт кыйлучы калмады ирсә, түрки теленчә кыйлдык» [Гайнетдинов, 1999: 146] (Эта книга – была на арабском языке, некоторые были на персидском языке. Наступил конец света, из-за того, что не остались желающие получить знания, перевели на язык тюрки). «Конец света»; видимо, означает события, связанные с взятием Казани войсками Ивана Грозного; понятие «тюрки» используется для обозначения языка выживших после падения Казанского ханства.

Таким образом, со второй половины XVI века понятие «тюркский язык» начало использоваться в значении письменного языка, основанного на разговорном языке народа, проживающего на территории Казанского ханства.

В этом же значении термин «тюркский язык» употреблялся в значении письменного языка татарского народа в произведении «Таварихе Булгария» Муслими Хисаметдина бину Шарафутдина, точное время написания условно относится к данному периоду [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 49].

В начале XVII века Кадыр Али бек путем перевода отдельных частей книги иранского ученого Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» и добавлением оригинальной части написал исторический трактат «Джами ат-таварих»

(Сборник летописей, 1602). М.Г. Усманов, изучив язык и стиль данного произведения, отмечает, что «Джами ат-таварих» написан на адаптированном к местным условиям золотоордынско-хорезмском литературном языке: «Говорить о каком-то абстрактном «тюрки» нет основания. Есть конкретный пестрый старотатарский литературный язык, который мог возникнуть и развиваться лишь в условиях Поволжья в XVII–XVIII вв.» [Усманов, 1972: 68]. Исследовавшая языковые особенности «Джами ат-таварих» в лингвистическом плане З.А. Хисамиева, изучив кипчакские формы, архаические элементы, особенности, присущие татарскому языку, употребление заимствованной лексики в произведении, указывает на то, что традиции средневекового письменного литературного языка смешиваются с татарским разговорным языком [Хисамиева, 1980: 17-20].

Язык произведений, написанных в XVII веке, продолжает обозначаться авторами или переводчиками как тюркский язык – например, язык перевод арабской книги «Мунаббихат» («Пробуждение») (1630) [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 52]. Исследователь истории татарской литературы Ш. Абилов, отрицая гипотезу о переводе с арабского пишет, что «Текст рукописи совершенно отличен от «Мунаббихат» Ахмеда бен Али. Автор новой рукописи заимствовал у старой «Мунаббихат» лишь название и внешнюю композиционную канву» [Абилов, 1970: 87]. Определяя язык данного произведения, он указывает на то, что произведение написано на «чисто татарском языке» [там же].

Необходимо отметить, что традиция заимствования внешней композиционной канвы было довольно распространенным явлением в истории татарской литературы.

В 80-х гг. XVII века увидело свет произведение неизвестного автора «Дафтаре Чынгызнаме»; объединяющее в себе шесть дастанов. М.Г. Усманов, касаясь языка произведения, отмечает: «Язык же нашего «Дафтар» – это выдержанный кипчакско–татарский письменный язык, причем очень близкий к разговорной речи, и истоком его является литературный

кыпчакский язык времен Золотой Орды» [Усманов, 1972: 125]. Этого же Мунаббих мнения придерживались и другие исследователи сборника: Г. Рахим, Ш. Абилов и Я.С. Ахметгалеева [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 53].

В классическом аристократическом тюркском языке написано произведение «Субат аль-гаджизин» («Правила веры в тюркском языке») Суфи Аллахияра, которое появилось на свет в последней четверти XVII века.

Продолжение традиции сближения традиционного письменного языка с народно-разговорным четко прослеживается и в поэтических произведениях, среди которых исследователи выделяют стихи Габди (конец XVII в.), «Илаһи бәетләр» («Божественные баиты») Габдессалама (XVIII в.), жанры касыды, мунаджаты, оды, наставления и др. [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 57].

Таким образом, вышеназванные письменные источники, как замечают их авторы, написаны на казанском тюрки. Это обстоятельство следует воспринимать как продолжение классической письменной традиции. Речь идет и о приближении к народному разговорному языку: они насыщены формами кипчакско-татарского разговорного языка. Эта особенность продолжается с эпохи Золотой Орды.

Усиление влияния народно-разговорного языка на язык художественных произведений наблюдается во второй половине XVIII века. XVIII век в истории татарского народа характеризуется началом духовного возрождения татар. Начало книгопечатания, подготовка квалифицированных переводчиков, расширение функциональных стилей и другие факторы нашли отражение и в письменной литературе.

В 1756 году Батырша – Габдулла Галиев написал трактат «Гарзнаме». Это письмо-прошение арестованного предводителя восстания Батырши, обращенное к императрице Елизавете I. С точки зрения современной филологии, оно атрибутируется как текст, написанный на старотатарском языке. Это историко-мемуарный очерк, пожалуй, самое актуальное, публикуемое произведение своего времени [XVIII йөз татар...,

2012: 4]. Вместе с тем ученые, изучившие данный текст, обращают внимание на его частные особенности, отличающие его от произведений других стилей, и на мастерство автора как знатока родного языка, его незаурядные способности как мыслителя и литератора [Хисамова, 2012: 287; Бәширова, 2010: 525]. Как пишет исследователь данного письменного памятника Ф.М. Хисамова: «в основе языка гарзнаме (диалектная основа) лежит общенародный татарский язык (койне) того времени. В традиционной части язык гарзнаме более близок к среднеазиатскому (чагатайскому) литературному языке. …. Язык гарзнаме не лишен влиянии огузской письменной традиции…» [Хисамова, 2012: 289].

Таким образом, к концу XVIII века лингвокультурное и общественное развитие, трансформационные процессы в языке приводят к обособлению жанров и стилей литературного языка. Обогащается старотатарский язык новыми стилями, новыми формами. Заметно усиление влияния народно-разговорного языка на литературный язык во всех жанрах на данном периоде развития языка. Несмотря на то, что даже в конце указанного периода продолжается применение термина тюрки (например, в произведениях Т. Ялчыгула «Рисаляи Газиза» («Послание Газизе») (1795 год); Г. Утыз-Имяни), он уже используется для противопоставления арабскому и персидскому языкам старотатарского литературного языка.

1.4. XIX век – начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка

XIX в. занимает особое место в истории и культуре татарского народа, как и в истории многих народов, проживающих в Российской империи. Составление первых грамматик [Гиганов, 1801], [Хальфин, 1809], [Троянский, 1860], [Иванов, 1842], начало системного изучения татарского языка, открытие типографии в Казани, книгопечатание на татарском языке, развитие литературы, ее обогащение различными жанрами, подготовка квалифицированных специалистов и переводчиков в области восточной,

тюркской филологии и многие другие факторы повлияли и на развитие татарского литературного языка. Характеризуя язык исследуемого периода, Р.Ф. Мирхаев акцентирует внимание на том, что «взаимодействуя на протяжении всей своей истории с различными языками, татарский язык, в особенности его письменно-литературная форма, не мог избежать влияния со стороны этих языков. Поэтому собственно татарские формы тесно переплелись с элементами арабского, персидского, чагатайского и османо-турецкого языков» [Мирхаев, 2015: 49].

В языковом плане этот период характеризуется усилением влияния разговорного языка на литературный язык: наряду с аристократическим тюрки появляются произведения, написанные на старотатарском литературном языке, с активным использованием лексики и грамматических форм народно-разговорного языка, которые прошли в определенной степени обработку, были подчинены нормам литературного языка того времени.

Как пишут авторы многотомного труда «Татар әдәби теле тарихы», в этот период наблюдается параллельное употребление этих двух тюркских языков [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 74].

Таким образом, старотатарский литературный язык, продолжая функционировать в письменных литературных памятниках, обогащается новыми языковыми явлениями, грамматическими формами и стилистическими средствами. Рассмотрим некоторые особенности литературного языка в контексте литературных произведений того периода.

Очевидно, что эволюция языка сопровождается трансформацией языковых единиц параллельно с экстралингвистическими сдвигами, связанными с изменениями в повседневной жизни или политической обстановки. Поэтому при анализе литературного языка языковые единицы должны рассматриваться не только как языковое явление (определяя структуру), но и как созданный автором письменный текст (художественная речь) [Серебренников, 1988: 4; Тенишев, 1988: 67-78, Сравнительно-историческая, 2006: 44]. Вместе с тем только исследование каждого

письменного текста как непрерывно развивающейся единицы открывает возможности для получения объективно-научного результата в истории литературного языка, т.к. в каждом тексте раскрываются особенности сохранения, обогащения и совершенствования письменной традиции [Җәләй, 1938: 58-66]. Об этом свидетельствует и история развития татарского письменного литературного языка.

Как известно, в последней четверти XVIII века политика царского правительства в национально-религиозном вопросе изменилась в сторону смягчения, определенную самостоятельность обретает национальное мусульманское образование. Ислам получил официальное признание, количество мечетей стало расти. Это способствовало, как было указано выше, переменам в сфере функционирования тюрко-татарского письменного языка, в котором произошло обособление двух параллельно развивавшихся в течение многих веков аристократическо-авторитетного и народно-разговорного вариантов; первый вариант все более обогащается арабо-персидской лексикой и тюркской архаикой. Тем более, что появляется целый слой молодых татар, получивших богословское образование за границей, читающих в оригинале арабскую и персидскую литературу. Так, получивший международное признание имам, секретарь и главный советник Посольства Бухары в Османской империи А. Каргалы после возвращения на родину столкнулся с недостаточно образованными муллами, которые проводили политику организованного правительством Духовного управления мусульман. Началось противостояние, названное позже «Движением абызагаев»; которое нашло отражение в «Книге Бадавам» [Татар әдәбияты..., 2014: 360-365].

Это противостояние сказалось и на языке произведений, которые сочиняли представители двух непримиримых лагерей. Считавшие религиозных деятелей – предствителей Духовного управления невеждами, Г. Утыз Имяни и А. Каргалы стали целенаправленно обогащать язык своих произведений арабо-персидскими словами и понятиями, а в ряде случаев

переходили на персидский язык. Такая ситуация характерна для творчества и некоторых других писателей. В результате в первой половине XIX века литературный язык становится все более сложным для восприятия и понимания [Татар әдәбияты…, 1985: 64]. Из представителей этого направления можно указать Х. Салихова (1794–1867), Ш. Заки (1822–1865), Г. Чокрыя (1826–1889), которые осознанно усложняли язык, обогащая его архаичными общетюркскими формами и арабо-персидскими словами, тем самым адресовали свои произведения высокообразованному слою населения.

Данную особенность можно наблюдать в стихах и поэмах Г. Кандалыя (1797–1860), в творчестве Мифтахутдина Акмуллы (1831–1895), Якова Емельянова (1848–1893) и других. Они, наряду с общеразговорными формами с легкостью использовали свои родоплеменные и местные языковые единицы; в авторских стихотворениях переплетается авторитетный тюркский язык с народным тюрки [Татар әдәби теле әдәбияты тарихы, 2015: 90]. Кстати, этим объясняется и синтетизм на начальном этапе творчества Г. Тукая (1886–1913) [Бәширова, 2015: 90-103].

В середине XIX века просветитель К. Насыри (1825–1902) обращает внимание на особенности разговорного и письменного языков. Отвечая запросам своего времени, он пишет учебники русского и татарского языков, составляет словари. Наряду с языками, он изучает литературу, историю, математику, географию, геометрию, ботанику, медицину, пишет научные труды, отмечая, что у каждой науки есть свой особый язык. Поэтому вводится в практику использование отдельных терминов для каждой отрасли науки; напротив, религиозно-дидактические труды о воспитании и литературные произведения, адресованные детям, пишутся на понятном народном языке. Так, во введении к повести «Абугалисина» К. Насыри отмечает, что из-за большого количества арабских и персидских слов он адаптировал текст для широких слоев мусульман Российской империи [Насыйри, 1974: 208]. Результат не заставил себя ждать: эта книга в течение 1881–1908 годов была переиздана восемь раз. Таким образом, один автор в

своих произведениях, относящихся к разным жанрам и стилям, мог использовать различные варианты литературного языка. Это закрепляло функционально-стилистическое обособление в письменном татарском языке и представление о том, что употребление татарского языка можно распределить на простой, деловой, научный стили, последнее получило практическое подтверждение в творчестве Каюма Насыри [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 105-111].

В конце XVIII века широкое распространение получили произведения, написанные с привлечением сюжетов и образов, относящихся к народному творчеству: «Киссаи Буз егет» (1874) и «Киссаи Тахир и Зухра» (1879) Ахмеда Уразаева-Курмаши (1855–1883) [Татар әдәбияты..., 1985: 95]. Среди них – и созданные на основе известного индийского произведения «Тутынаме»: «Китабе Тутыйнамә» (1851), и «Хикмәтле тутый хикәяте» (1885).

В 1887 году это произведение под названием «Тутыйнаме Китабы» («Книга Тутынаме») увидело свет в переводе просветителя Габделгалляма Фаизханова. Во введении Г. Фаизханов отмечает, что перевел это произведение со староосманского языка на татарский [Фәизхан, 1896: 2]. Книга издавалась пять раз. В том же году появилась его другая книга – «Татар телигә кыскача гыйльме сарыф» («Краткая морфология татарского языка»). В 1887 году он выпустил сборник сказок, загадок и баитов под названием «Хикаят ва макалат» («Рассказы и статьи»). В 1888 году была издана «Гомуми җәгърәфия рисаләсе» («Пособие по общей географии»), в 1889 году – «Калила и Димна»; в 1891 году он перевел произведение Абулгази Бахадирхана «Тарих шаджараи тюрк» («История родословной тюрков»), а в 1893 году увидел свет «Китабы мухаррик аль-фикра» («Книга, будящая мысль»). Г. Фаизханов во всех своих произведениях отмечает, что пишет на своем языке – на языке казанских татар, т.е. на близком к народно-разговорному языку.

Таким образом, идет процесс литературизации разговорного татарского языка, и в последней четверти XIX века на арене появляется новый вид художественной литературы – драматургия, которая еще сильнее сблизила литературный и народно-разговорный языки.

Наглядно это можно увидеть в первых татарских драмах. Так, например, в 1887 году появилась первая драма Габдрахмана Ильяси «Бичара кыз. Фаҗига. Драма» («Несчастная девушка. Трагедия. Драма»), а в 1888 году Фатих Халиди написал пьесу «Рәдде бичара кыз. Драм, өч фасыл, биш действия» («В ответ несчастной девушке. Драма, три части, пять действий»); которая на сюжетном уровне, контекстуально связана с предыдущей драмой. Появление этих пьесс явилось первым практическим шагом избавления от искусственного литературного языка [Татар әдәбияты, 1957: 552].

Фатих Халиди (1850–1923) продолжил свою творческую деятельность как автор переводных и оригинальных прозаических произведений. В 1898-1899 годах он издал в шести томах перевод известного сборника сказок «Әлфе Ләйлә вә Ләйлә» («Тысяча и одна ночь»). В 1901 году увидела свет другая его книга – «Мәшһүр гашыйк – мәгъшук Ләйлә илә Мәҗнүн хикәяте» («Рассказ известных влюбленных Лейли и Маджнун»). Позже он в духе произведения «Тысяча и одна ночь» пишет свое оригинальное произведение «Әлфе сәхәр вә сәхәр» («Тысяча и одно утро») (1903–1904). Наряду с этим Халиди продолжает писать драмы и издавать различные календари. В отличие от творчества Г. Фәизханова и Ш. Рәхмәтуллина, наследие Ф. Халиди было подробно изучено. В монографии З. Мухаметшина дается подробный анализ творчества известного просветителя [Мөхәммәтшин, 2001:160]. В указанных произведениях Ф. Халиди продолжал традицию сближения двух языков в своих произведений.

Можно назвать конец XIX – начало XX века «золотым периодом» развития общетюркского письменного языка. Эпоха расцвета обусловлена творчеством известных просветителей татарского народа таких, как Каюм Насыйри, Габделгаллям Фаизханов, Фатих Халиди, которые занимались

изучением языка, истории, литературы, культуры татарского народа. В этом плане имеют важное значение их переводы памятников Восточной литературы, которые стали определенной ступенью в формировании и развитии национального эстетического мировосприятия и миропредставления.

В период, когда с турецкого на татарский язык переводились известные произведения Востока, под влиянием изменений в культурной жизни сложились условия для объединения языковых элементов огузской и кипчакской групп тюркского языка в так называемый общетюркский язык: в 1883 году в Крыму стала издаваться первая в тюркском мире газета «Тарджеман». В издании газеты активное участие принимали и такие представители татарской интеллигенции, как Зухра Акчурина, Муса Акъегетзаде и др.

Язык газеты в монографическом плане был исследован Л.И. Гимадеевой. В начале издания язык газеты основывался на письменных традициях тюрко-татарского языка. Редактор газеты Исмаил Гаспринский, имея в виду возможности добиться доступности газеты для читателей разных тюркских народов, издавал газету на некоем «среднем языке», называя его общетюркским литературным языком [Гимадеева, 2000: 7]. Под термином «средний язык» имелся в виду обогащенный огузскими элементами традиционно-авторитетный вариант тюркского языка. Тем самым, в плане литературного языка появился новый язык общения, а газета стала самой востребованной газетой в Поволжье.

В конце XIX века известные татарские просветители, такие, как З. Бигиев (1870–1902), М. Акъегетзаде (1864–1923), Ф. Карими (1870–1937), Р. Фахретдин (1858–1936) некоторые свои произведения писали на общетюркском языке; другие произведения сочиняли на наречии, близком к разговорному языку, а в научных трудах использовали обогащенный арабо-персидскими заимствованиями традиционно-авторитетный тюрки. Например, адресованные простому читателю романы «Өлүф, йәки Гүзәл кыз

Хәдичә» («Тысячи или красавица Хадиджа»; 1887) и «Гөнаһе кәбаир» («Большие грехи»; 1890) З. Бигиева близки к разговорному языку, а путевые заметки, рассказывающие о тюркском мире «Мәвәраэннаһергә сәяхәт» («Путешествие в Транс-Осканию»; 1902), содержат большое количество огузских слов и лингвистических форм.

Такое же явление прослеживается и в творчестве известного литератора, педагога, переводчика и журналиста Фатиха Карими. Произведения «Салих бабайның өйләнүе» («Женитьба деда Салиха»; 1897, 1901), «Җиһангир мәхдүмнең авыл мәктәбендә укуы» («Учеба махдума Джигангира в сельской школе»; 1899) и др., статьи, изданные в газете «Вакыт»; написаны на близком к народно-разговорному языку. Различные произведения научного или религиозного характера содержат большое количество арабо-персидских заимствований и написаны на классическо-авторитетном варианте старотатарского языка. Адресованные тюркскому миру произведения «Аурупа сәяхәтнамәсе» («Путевые записки Европы»; 1902) и «Кырымга сәяхәт» («Путешествие в Крым»; 1904) были написаны на общетюркском языке «Тарджемана» [Татар әдәби теле тарихы, 2015: 567-569].

В творчестве известного мусульманского религиозного деятеля, философа, педагога, историка, писателя и публициста Р. Фахрутдинова прослеживается три стиля. Написанные для широких слоев населения светско-дидактические произведения о необходимых в повседневной жизни правилах и порядках «Тәрбияле ана» («Воспитанная мать»; 1898), «Тәрбияле бала» («Воспитанный ребенок»; 1898), «Тәрбияле хатын» («Воспитанная женщина»; 1899), также произведения художественной прозы «Сәлимә, йәки Гыйффәт» («Салима или целомудрие»; 1898), «Әсма, йәки гамәл вә җәза» («Асма или поступок и наказание»; 1903) написаны на народно-разговорном варианте классического старотатарского языка.

Произведение «Асар» (1900–1908), состоящее из двух томов и четырнадцати частей, написано на обогащенном арабо-персидскими

формами традиционном классическом старотатарском языке. Произведения религиозного содержания «Коръән вә тәбәгать» («Коран и издания») (1900), «Мөхәммәд галәйһис-сәлам» («Пророк Мухаммад, мир ему… ») (1908), «Җәвамигуль-Кәлим шәрхе» («Толкование Джавамигуль-Калим») (1911), а также большинство статей, опубликованных в журнале «Шура» (1909–1918), написаны на общетюркском языке газеты «Тарджеман».

Наряду с этим происходят изменения в структуре повествования и в функциях авторской речи. В повести Каюма Насыйри «Кырык вәзир кыйссасы» («Рассказ сорока визирей»; 1868) повествование ведется посредством выражений «...хатын әйтте» («...женщина сказала»), «...вәзир әйтте» («...визирь сказал»). В сборниках «Кырык бакча» («Сорок садов»; 1880), «Фәвакиһ әл-җөласә фи-л әдәбият» («Плоды собеседований в литературе») (1884) отдельные рассказы начинаются с выражений: «...Локман хәким әйтте» («...мудрый Лукман сказал»), «...Нәүширвәнгә әйттеләр» («...Ануширвану сказали»), «...бер кеше әйтте» («...кто-то сказал»), «...Арсту әйтте» («...Аристотель сказал»), – так до читателя доводится какая-нибудь идея, истина. Повествователь идентифицируется как автор, лицо истинного автора скрыто. Эту особенность Каюм Насыйри теоретически обосновал так: «Гыйльме мөхазара» гарәпчә, гыйлемнәр һәм әдәбият фәне җөмләсеннән бер фәндер ки, мәҗлесләрдә вә сөхбәтләрдә җөмлә арасында сүзнең җаена туры китереп, хикәяләү рәвешендә икенче бер кешенең фикерләрен дә кертеп сөйләүдән гыйбарәттер» (Научное собеседование (повествование), по-арабски означает научный предмет, касающийся литературы и других отраслей науки, который в ходе разговора во время различных посиделок или прочих общений, при обсуждении различных тем допускает использование мнений других людей) [Насыйри, 1975: 250-280].

Слова расказчика описывающие события в «Әбүгалисина кыйссасы» («Рассказе Абугалисины», (1881), начиная с введения, в основной части и до конца произведения доносятся до читателя путем повтора в форме «он сказал» [Насыйри, 1898: 2-112; 1974: 207-333]. В сборнике сказок «Тысяча и

одна ночь» ходом сюжета руководит Шахрезада, однако в этом случае рассказ начинается словами «...үткән заманда бер балык тотучы бар иде» («Жил-был в древние времена некий рыбак...») и усложняется диалоговыми формами, переплетающимися друг с другом [Әлф ләйлә вә ләйлә, 1: 24]. Таким образом, стиль повествования, начиная со времен «Нахдж аль-Фарадис» Махмуда Булгари [Нуриева, 1999: 30-32, 2004: 9-10] просуществовал вплоть до начала XX века.

В отличие от вышеназванных текстов, в первом произведении реалистической прозы «Хисамеддин менла» (1886) М. Акъегетзаде автор начинает свой рассказ о том, где и когда происходит событие. Как единственный человек, описывающий событие, определяет его порядок (сюжет), обращаясь к читателю, ускоряет действие, дает комментарии, распределяет персонажи в положительные и отрицательные герои. Так меняется существовавший более 500 лет способ повествования, художественный замысел писателя начинает доводиться до читателя в виде конкретного мнения автора. Это новшество, впервые примененное в романе «Хисаметдин менла»; с некоторыми особенностями, получило дальнейшее развитие в творчестве З. Бигиева, Ф. Карими, Р. Фахрутдина, Г. Гафурова-Чыгытай, Ш. Мухаммадова, З. Хади, М. Гафури [Бәширова, 1979: 7-41].

В начале XX века начинают свое творчество те, кто будет признан классиками татарской литературы. Г. Исхаки во введении к повести «Кәләпүшче кыз» («Девушка-тюбетейщица» (1900), «написанном в целях объяснения того, из чего состоит литература»; отмечает, что задача литературы – не пересказ прошедших событий или известных сюжетов, а представление читателю представлений автора об общих закономерностях бытия [Исхакый, 1998: 113]. Эта мысль уточняется в рассказе Ф. Амирхана «Танымаганлыктан таныштык» (1909) («Познокомились из-за неузнавания») [Әмирхан, 1984: 57]. Таким образом, в национальном художественном процессе меняется цель повествования, татарские поэты и писатели

констатируют необходимость изложения в художественных произведениях авторской (субъективной) идеи.

Как показал анализ, в рамках рассматриваемого периода татарский литературный язык расширяет свои функциональные возможности и в жанрово-стилистическом плане: «он до середины XIX века применялся в произведениях поэзии и религиозно-дидактической литературы, а также в исторических источниках, деловых бумагах, путевых заметках и т.д. В дальнейшем классический старотатарский письменно-литературный язык начинает употребляться в новых для него литературных и публицистических жанрах, таких как проза, драматургия и газетные статьи (пресса)» [Мирхаев, 2015: 49]. В свою очередь, в зависимости от жанра, татарский литературный язык в функциональном плане имел свои отличительные черты, варьирование как языковых форм, так и параллельное употребление языковых единиц, относящихся к разным неродственным языкам.

Таким образом, татарский литературный язык постепенно развивался в течение многих веков, на этот процесс оказывали влияние как общественно-политические условия и межнациональные литературно-культурные связи, так и состояние общественной мысли, взаимосвязь разговорного языка с устным народным творчеством и др. Полученное автором текста образование, его представления об интеллектуальном уровне адресата сказывались на избираемом им жанре-стиле, тематике-проблематике и особенностях изложения. Эти факторы напрямую были связаны с появившимися в литературном языке новшествами, способствовали продолжению (или прерыванию) письменных норм.

Старотатарский язык, основу которого составляли два варианта тюрки, называемые (1) аристократический, авторитетный тюрки, активно употребляющий архаичные слова, формы и арабо-персидские заимствования и (2) народный тюрки, использующий окультуренные общетюркские слова и минимальное количество арабо-персидских заимствований, начинает функционировать как трехвариантный. Поэтому в произведениях ряда

писателей происходит переплетение традиции и новации. Огузский, третий вариант, функционирующий на близком к «среднему языку» газеты «Тарджеман»; расширил сферу общения на письменном литературном языке. Несмотря на критику в теоретическом плане со стороны некоторых представителей татарской интеллигенции, «средний язык» продолжает свое существование с некоторыми изменениями вплоть до начала XX века. Например, огузский вариант получает продолжение и в поэтических произведениях начального периода творчества татарского поэта Габдуллы Тукая. Изменение стиля повествования в художественных прозаических произведениях оказало своеобразное влияние на функционирование литературного языка.

В изучаемом периоде татарский литературный язык функционировал с семью стилями, присущими им различными свойствами и жанрами: стиль духовно-религиозной литературы, стиль художественной литературы, сформированный на основе исследования различных отраслей научной деятельности стиль научной литературы, сформированный с целью ведения общественно-политических вопросов публицистический стиль, стиль официальных документов, сформированный с целью урегулирования повседневной жизни обнародования решений и указов правительства, эпистолярный стиль, необходимый людям для поддержания взаимоотношений между собой, ремесленно- профессиональный стиль, сформированный с целью обучения различным ремеслам. Эти своеобразные типы письменной речи укрепляются в ходе длительных приемственностей в сосуществовании книжно-письменного и живого-разговорного форм языковой системы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

1. Литературный язык является высшей формой национального языка, характеризующийся наддиалектностью, наличием обработанных норм,

которые формировались в процессе эволюции всех подсистем национального языка. В лингвистике общепризнанным фактом является его зависимость от внешних факторов. Литературный язык, в зависимости от социально-исторических, культурных факторов, имеет обыкновение меняться и трансформироваться. Эта особенность выявляется в ходе исторического развития татарского литературного языка. По причине участия в формировании и развитии татарского литературного языка различных языковых традиций, в разработке теоретических вопросов, связанных с татарским литературным языком, его периодизации, существовали разные точки зрения, однако на современном этапе сложилось единое мнение и разработана единая научная концепция, трактующая проблемы и реалии возникновения, периодизации, формирования и развития литературных норм.

2. Материал, представленный во втором параграфе настоящей работы, свидетельствует о том, что одним из наиболее основных экстралингвистических факторов, влияющих на формирование и развитие татарского литературного языка, культуры в целом, является мусульманская цивилизация, в основе которой – исламская религия. Языковые традиции, заложенные с момента возникновения ислама и обогащенные в последующие периоды созданными в арабском мире трудами, переводными с древних западных источников работами, позже синтезировавшие элементы иранской культуры, оказали прямое воздействие на тюрко-татарскую культуру. Проводниками в высокоразвитую восточную цивилизацию были два языка: арабский – язык Корана, религии и персидский – язык культуры, в первую очередь, оригинальной персидской поэзии. Существующие традиции в мусульманском мире, в восточной цивилизации были приняты предками татар. Мы можем констатировать, что с самого начала распространения ислама особая роль принадлежала внешним прямым контактам, а применительно к литературному наследию мы замечаем роль как

внешнего, так и внутреннего контактов. Арабская, персидская и тюрко-татарская культуры были вовлечены в единое пространство, центральным компонентом которого выступал ислам, и религиозный фактор стал структурообразующим, ведущим к сближению разных культур.

3. Как показывает многоаспектный анализ языка произведений, написанных на старотатарском языке, и мнений ученых, изучавших эти произведения в лингвистическом аспекте, арабо-персидские заимствования проникли под влиянием исламской религии и служат показателем аристократического языка. Они были ориентированы на пропаганду мусульманства, и, как правило, сохранили графическую традицию языка-источника. Народно-разговорный язык, зафиксированный в произведениях всего рассмотреннного периода, составлял основу произведений и был понятен широкому кругу читателей. Преобладание народно-разговорного языка в литературном языке на последующих этапах развития староататарского литературного языка только усиливается. Обогащается старотатарский язык новыми стилями, новыми формами. Заметно усиление влияния народно-разговорного языка на литературный язык во всех жанрах на данном хронологическом отрезке развития языка.
4. К началу XIX века старотатарский язык предстает как синтез форм собственно татарского, арабского, персидского, чагатайского и османо-турецкого языков. Литературное наследие этого периода показывает, что параллельно с аристократическим тюрки появляются произведения, написанные на старотатарском литературном языке, в котором активно используются прошедшие в определенной степени обработку и подчиненные нормам литературного языка того времени лексика и грамматические формы народно-разговорного языка. Старотатарский литературный язык, продолжая функционировать в письменных литературных памятниках, обогащается новыми языковыми явлениями, грамматическими формами и стилистическими средствами.

ГЛАВА 2. ЯЗЫК ЖАНРА КЫССА КАК СИНТЕЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПИСЬМЕННОГО И НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО ФОРМ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Вторичные тексты в татарской культуре

Под вторичным текстом обычно подразумевается текст, созданный на основе другого текста и сохраняющий его исходное содержание. В мировой культуре вторичные тексты существовали с античных времен. Все стадии проникновения вторичных текстов в другую культуру описаны в работе Ю.М. Лотмана «Статьи по семиотике и топологии культуры» (1992). Как он указывает, «…тексты переводятся с «чужого» языка (в широком семиотическом значении понятия «язык») на «свой». Одновременно они подвергаются разнообразной трансформации по законам воспринимающей культуры» [Лотман, 1992: 122]. В своей работе автор сознательно уходит от понятия «влияние», заменяя его «диалогом», при этом подчеркивая, что в истории взаимодействие культур всегда диалогично. В качестве одной из черт диалога Ю.М. Лотман выделяет выработку общего языка общения, которая происходит в несколько этапов. «Сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего, причем память на этом этапе фиксирует также тексты на чужом, непонятном языке (например, усвоение ребенком, погруженным в иноязычную среду, новой лексики или накопление в книгохранилищах некоторой молодой культуры текстов; поступающих из транслирующего их культурного центра). Следующим этапом является овладение чужих языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им, новых. Затем наступает критический момент: чужая традиция коренным образом трансформируется на основе исконного семиотического субстрата «принимающего». Чужое становится своим, трансформируясь и часто коренным образом меняя свой облик [Лотман, там же].

В разработку теории вторичных текстов в отечественной лингвистике большой вклад внесла М.В. Вербицкая. В своей фундаментальной работе «Теория вторичных текстов» (2000) ученый трактует вторичный текст следующим образом: «В истории мировой литературы существует множество произведений, характеризующихся стилистической несамостоятельностью и, тем не менее, обладающих несомненной эстетической ценностью. Их авторы сознательно и последовательно воспроизводят характерные черты лингвостилистической и композиционно-образной организации другого произведения или произведений. Подражание стилистической манере другого писателя, произведения или литературного направления, воспроизведение особенностей функционального стиля или социально-психологического типа речи служит разным целям и приобретает разные формы в качестве стилизации, пародии, сказа, перифраза, пастиччо и т.д. Такого рода тексты было предложено называть вторичными [Вербицкая, 2000: 3]. Акцентируя внимание на общефилологическом характере исследований по проблеме вторичных текстов, М.В. Вербицкая указывает на то, что данный аспект до сих пор не осознается как самостоятельная область филологических исследований, которая требует единства лингвистического и литературоведческого подходов. Впервые введенный в 1983 году М.В. Вербицкой термин «вторичный текст» в отечественном языкознании впоследствии стал широко применяться в различных лингвистических исследованиях и в результате чего границы его значения существенно расширились. На сегодняшний день существует большое количество трактовок понятия «вторичный текст», объем самого понятия и критерии определения текстов как вторичные существенно разнятся. Несмотря на то, что в рамках современной отечественной лингвистики по теории вторичных текстов опубликовано немало работ (например, Л.В. Полубиченко (1991); Л.М. Майданова (1994); В.И. Карасик (1997); А.С. Гавенко (2002); С.В. Касимова (2010); Ю.А. Дымант (2017) и др.), обзор этих аналитических

опытов свидетельствует об отсутствии единого подхода к решению данной проблемы. Все современные подходы, применяемые к исследованию вторичных текстов, перечислены в статье О.Ю. Багдасарян «Теоретические подходы к изучению вторичных текстов», в которой довольно широко рассматриваются специфическая интертекстуальность вторичных текстов, их связь с переводом и репродукцией, с проблемами повторения в искусстве XX века [Багдасарян, 2014: 139].

Относительно вторичных текстов применяются и другие термины. Так, например, в работах известного теоретика перевода А. Лефевера встречается такое понятие, как переписывание (rewriting), под которым понимается создание текста на базе другого текста с целью его адаптации в соответствии с определенным мировоззрением, социальными и культурными нормами и художественной традицией [Дымант, 2017: 39].

Известный лингвист-переводчик Л.К. Латышев обращает внимание на такой тип вторичных текстов как пересказ. Пересказ, как он подчеркивает, один из видов языкового посредничества, используемый для передачи главным образом литературных произведений. При пересказе могут опускаться мало что говорящие иностранному читателю детали повествования, менее точно, чем в переводе воспроизводиться текст [Латышев, 2013: 8].

В исследованиях, посвященных теории вторичных текстов, в качестве одной из категорий данного типа текстов выделяется перевод. Л.В. Полубиченко, рассматривая теоретические и практические вопросы филологической топологии, расширяет границы понятия «вторичный текст» и предлагает вторичным, или производным, считать любой текст, созданный на основе определенного прототипа – прототекста – и тесно с ним взаимодействующий. Такой подход позволяет исследователю, в частности, отнести к группе вторичных текстов тексты переводов [Дымант, 2017: 22].

Перевод в целом, и – в частности – перевод художественной литературы, представляет собой особый вид вторичного текста, который

характеризуется, прежде всего, своими целевыми функциями – в максимально возможной степени воспроизводить средствами другого языка все особенности первичного текста (содержательные, формальные, стилистические) и полноправно замещать первичный текст в принимающей культуре. Как указывает известный отечественный лингвист, один из основоположников отечественной теории перевода А.Д. Швейцер: «для выделения перевода из других видов межъязыковой коммуникации необходимо сочетание двух признаков: вторичности текста и установки на замещение (репрезентацию) исходного текста в другой языковой и культурной среде» [Швейцер 1988: 48].

М.П. Брандес процесс перевода характеризует следующим образом: «Перевод выполняет две функции: репродукционную и реализационную. Репродукционная связана с декодированием, иными словами, со сбрасыванием кодовой формы языка оригинала, реализационная — объективация продукта первичного творчества в другом языке, перевод оригинала из области первичного творчества в область вторичного творчества. В реализационной функции заключена преобразовательная функция перевода» [Брандес 1988: 39].

В татарском языкознании теория вторичных текстов продолжает оставаться одной из неразработанных проблем, хотя в последнее время систематически появляются работы, касающиеся проблем перевода, например, работы Р.А. Юсупова [Юсупов, 2010], А.А. Тимерханова [Салимова Д. А., Тимерханов А.А., 2012], Д.А. Салимовой [Салимова, 2012], Э.К. Хабибуллиной [Хабибуллина, 2016] и др.

В литературоведении вторичные тексты также остаются одной из востребованных тем. А.Н. Веселовский, разрабатывая теорию заимствований, акцентирует внимание на том, что в древнем безымянном творчестве разных народов сходство «мотивов» возникает не потому, что они заимствуют их друг у друга в процессе своего культурного общения. Это сходство возникает потому, что разные народы проходят аналогичные стадии общественного

развития, вследствие чего у них возникают социальные отношения одного порядка, а отсюда и сходство их интересов, их воззрений на жизнь, которые, выражаясь в словесном творчестве, порождают сходство его мотивов. «Мотивы не заимствуются, а самозарождаются в определенных условиях общественной жизни древних родов, племен, народностей» [Веселовский, 1989, с. 300-307].

А.Н. Веселовский разграничил понятия сюжета и мотива. «Мотивы» словесных произведений, по его мнению, представляют собой «простейшие повествовательные единицы»; и «сюжеты» этих произведений – определенные «комбинации мотивов». Если сходные «мотивы» могут «самозарождаться»; то сходство «сюжетов» как определенных сочетаний мотивов дает исследователю право предполагать их заимствование творчеством одного народа из творчества другого и при этом выявлять те пути культурных общений, на которых такие заимствования могли произойти. Такой переход может совершиться как литературным, так и устным путем [Веселовский, 1940: 507]. Образец так называемого литературного пути – перевод восточных сказочных сборников Панчатантра, Семь мудрецов и др. Из индийских источников при помощи арабских версий могли переходить литературным путем и отдельные повести, распространявшиеся в таком виде, либо входившие в состав отдельных сборников. Примером могут служить сказки 1001 ночи арабский (восходящий к персидскому источнику), оригинал которой упоминается в X веке [там же: 508].

В литературоведении внешние и внутренние контакты рассматриваются как единое целое: первые являются результатом вторых. Культурно-исторические, религиозные, политические факторы напрямую оказывают влияние на литературный процесс. Внутренние контакты находят выражение в различных формах межлитературной рецепции, которая определяется как «пересечение воздействия и восприятия, «воссоздания» и «пересоздания»; приводящее к порождению смысла» [Зинченко, 2002: 192].

К формам межлитературной рецепции относят влияние (использование некоторых сторон художественного опыта своего предшественника), заимствование (перенесение элементов одной художественной системы в другую), аллюзию (намек, отсылка читателя к определенному художественному приему, мотиву, идее и др.) и т.п. [Дюришин, 1979: 153].

В работах отечественных и зарубежных компаративистов, особенно рубежа XX–XXI вв., сам термин «влияние» оценивается негативно. Об этом мы уже писали в начале данного параграфа. Например, Ю.М. Лотман сознательно не употреблял данный термин, отдавая предпочтение термину «диалог». Как пишет Д. Дюришин в своей работе «Теория сравнительного изучения литературы», «термин “влияние” в своем исконном значении отдает заведомое предпочтение воспринимаемому, «воздействующему» элементу, оттесняя на задний план, в сущности, перекрывая творческую активность воспринимающего литературного явления. Иными словами, он представляет собой продукт прямолинейно толкуемой причинности, т.е. принимаемое явление всегда оказывается причиной, а принимающее – следствием. С этих позиций невозможно системно истолковать законы межлитературного процесса, разобраться в сложном переплетении связей и их функциональной значимости в этом процессе. Вот почему термин “влияние” в лучшем случае мы рассматриваем как сугубо вспомогательный; по существу же, если последовательно придерживаться терминологической системы сравнительного изучения литературы, он представляется неадекватным и непродуктивным» [Дюришин, 1979: 143].

Относительно татарской литературы речь идет не о механическом влиянии, а о создании в результате взаимовлияния различных по типу творческого мышления литератур такой формы, которая стала общей для мусульманской литературы в целом.

В результате диалога арабской, персидской, тюркской литератур и культур, влияния Востока возникло множество произведений, часть из которых генетически является вторичными текстами. По мнению

литературоведа Х.Ю. Миннегулова, «арабо-персидское влияние прослеживается уже в общетюркском памятнике – «Диване» (1072–1074) Махмуда Кашгари»; хотя в тексте доминируют домусульманские традиции. «Первое дошедшее до нас крупное тюркоязычное произведение «Кутадгу билик» (1069) создано уже, с одной стороны, на основе духовных и умственных достижений древних тюрков, с другой – в результате творческого использования мусульманской культуры» [Миннегулов,1993: 93-94].

С момента принятия ислама тюрками Поволжья и Приуралья научное и литературное наследие Востока активно начало распространяться среди населения этих территорий. Татарская литература булгарского периода, важный этап истории которой совпал по времени с принятием ислама булгарами, развивается под сильным влиянием арабо-персидской мусульманской культуры. Принятие ислама привело к усилению значимости городской культуры, неотъемлемым элементом которой является письменная литература, как представленная художественной литературой, так трудами по истории, логике, медицине, риторике, мусульманскому праву.

Культурный и литературный диалог был не только односторонним. Названия многих булгарских письменных трудов упоминаются в арабо-персидских сочинениях или биобиблиографических трактатах татарских мыслителей XIX в. Так, религиозно-суфийские сочинения Ибн Дауда ас–Саксини ас–Сувари, Бурханеддина ал–Булгари и других активно цитируются их последователями. В этих свидетельствах содержатся интересные сведения о том, как возникал литературный обмен. Например, ученый-богослов Дауд Сувари Саксини обрел славу благодаря труду из семидесяти глав дидактико-назидательного характера «Бахджат аль-энвар мин хакикат аль-асрар» («Красота лучей из истины тайн»), созданном на персидском языке, о котором писали Ш. Марджани и Заки Валиди-Тоган [Средневековая, 1999: 46]. Считается, что автор – выходец из булгарского племени сувар. Книга рассказывает о важных этических законах ислама на персидском языке,

опираясь на материал Корана и хадисов. Автор сам переводит книгу на арабский, назвав ее «Захрат ар-рийаз ва нузхат аль-кулюб аль-мараз» («Цветок сада, радующий больные сердца»). Тем самым он доводит до внимания арабоязычного читателя особенность понимания основ ислама булгарскими мусульманами.

Одним из ранних булгарских ученых считается Ходжа Ахмед ал-Булгари. Его книги «Тарикать эл–болгария» («Суфийский путь булгар»), «Ал-фаваид» («Пользы нравоучения»), «Ал-Джамиг» («Всеобъемлющий»; книга по фикху – мусульманской юриспруденции), – были широко известны в мусульманском мире. Существует мнение, что трактат шейха Ходжы Ахмеда аль–Булгари «Тарикать эл–болгария» свидетельствует о формировании суфийского ордена [Сибгатуллина, 2013: 423].

Среди сохранившихся со времен Волжской Булгарии письменных источников следует отметить труд по медицине «Ат-тирйак» («Большое противоядие»; 1220–1221) Таджеддина ибн Йунус ал-Булгари. Историк Ягкуб ибн Нугман, будучи главным кадием Булгар, написал книгу «История Булгарии», которая до нас не дошла. Несколько позже, в XIV веке, Бурнахетдин Ибрагим ибн Йусуф ал-Булгари посвятил труды вопросам риторики, описанию лекарств, составил комментарии к книге Самарканди «Адаб». Есть сведения о книгах, посвященных изучению небесных тел, отдельных явлений природы [Средневековая, 1999: 48-49].

Знаковым произведением периода Булгарского государства считается поэма Кул Гали «Кыссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе»; 1233), которая рассказывает о жизни пророка Йусуфа, ставшем правителем Египта (от рождения и до смерти). Данное произведение является ярким примером одного из первых вторичных литературных текстов. Коранический сюжет (12–я сура) о Йусуфе поэт дополнил деталями из ряда источников: «Тефсира» Табари (IX в.), поэмы “Йусуф вэ Зулейха” («Йусуф и Зулейха») Фирдоуси, прозаического сочинения Абдаллаха Ансари «Анис ал-мюридин ва шамс ал-маджалис» («Друг мюридов и солнце собраний»; XI в.). «В такой

полноте поэтический сюжет Йусуфа отвечал и светским, и религиозным запросам тюркского общества, которое получило возможность через яркий и увлекательный рассказ об удивительной судьбе героя приобщиться к мусульманским художественно-эстетическим и нравственно-духовным ценностям» [Хисамов, 2001: 12-13]. Вместе с тем ученые отмечают в структуре и поэтике произведения сильное влияние традиций устного народного творчества тюркских народов [Миннегулов, 1993: 96.].

Вслед за поэмой Кул Гали стали появляться назира (подражания) этому произведению. Н.Ш. Хисамов, исследователь поэмы в широком тюрко-татарском контексте, называет среди наиболее известных турецких поэтов Шайада Хамзу и Сули Факиха (XШ в.), Ахмеди (XIV в.), узбекского поэта Дурбека (XV в.), туркменского Андалиба (XVIII в.) [Хисамов, 2001: 12-13]. Созданные на «общий сюжет, путем идейно-художественного переосмысления творческого опыта предшественников, путем контаминации содержательных кусков и мотивов, детализации эпизодов, мотивации или новой мотивировки действия и поступков героев, драматизации ситуаций, психологизации образов и усовершенствования поэтического языка» [Хисамов, 2001: 204] эти произведения указывают на то, что посредством подобных заимствований происходила выработка более совершенных поэтических форм и средств. По мнению еще одного исследователя, Халыга Короглы, долголетие поэмы «явилось поистине триумфом тюркского языка в период казавшегося абсолютным господства персидского в литературах ближнего Востока и Средней Азии» [Короглы Халыг, 1987: 144].

В арабской поэтике для выражения форм поэтических заимствований употребляли термины سرق «сарика» и «сарак» (букв. кража, взятие), в персидско-таджикской – جواب «джаваб» (ответ), تتابع «татаббу» (следование), مقابلة «мукабила» (выход навстречу), طريق «тарик» (в манере). Эти формы в современной науке объединяются в единую – «назира»; которая предполагает также и использование чужого текста посредством его переработки, и парафразу – заимствование тем и героев предшествующего

литературного источника и т.д. Н.Ш. Хисамов выделяет три типа таких «назире»: поэтический; поэтико-структурный; поэтико-состязательный [Хисамов, 1996: 89-96]. Эта форма свидетельствовала о том, что вышеназванные культуры развивались самостоятельно. «Способность к переложению традиционных литературных мотивов» считалась «свидетельством оригинальности поэтов» [Арабская средневековая…, 1928: 124] и вместе с тем служила обязательным условием создания единого литературного пространства. Такая тенденция сохранилась и укрепилась в истории тюрко-татарской литературы золотоордынского периода.

Сформировавшееся во второй половине XIII в. в Поволжье, Приуралье и северном Хорезме государство способствовало дальнейшей интеграции народов и их культур, создало плодородную почву для возникновения литературных произведений разных жанров и стилей. Писатели Золотой Орды еще интенсивнее стали вести диалог с мусульманским духовным наследием.

Многие выходцы из Поволжья работали далеко за пределами родины: Джамалетдин Юсуф Сараи в Тебризе занимался обучением, Шейх Ахмед Мавляна-заде Сараи давал уроки в медресе Сирии и Каира, Ибн Арабша был вызван Аксак Тимуром в Самарканд. Особенно радушный прием находили они в Египте, и в итоге их язык стал литературным языком среди мамлюков. Г. Тагирджанов обращает внимание на влияние памятника тюркской литературы «Кутадгу билик» («Благодатное знание») на творчество поэта Берке Факиха [Таһиржанов, 1979: 103]. Поэтический сборник «Айадмур ал–мехъяви» кыпчакского поэта Ат–Танбаге или книга по риторике Садетдина Тафтазани «Китаб ал–хитта ал–Марсума» стали неоценимым вкладом тюркоязычных авторов в арабскую культуру [Средневековая, 1999: 68-69]. Среди произведений, созданных выходцами из Булгар в золотоордынский период на арабском языке, С.М. Гилязутдинов называет богословские трактаты «Усул ал-Хусами» («Правила аль-Хусами») (1350) Ибрагима Булгари, «Усул ал-имам фахр ал-ислам» («Правила имама Фахр ал- Ислама») (1363) Ибрагима Кирамитмени и др. [Гилязутдинов, 2011: 153].

Творения Кутба, Саифа Сараи, Хорезми определяют основу художественного наследия данного периода и свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития духовной культуры Золотой Орды.

Поэма Кутба «Хосров и Ширин» (1342), посвященная золотоордынскому хану Тенибеку, является вольным переводом с персидского (фарси) на тюрки одноименной поэмы Низами [Миннегулов, 1993: 103]. Основной темой выступает любовь во всех её проявлениях (земная и божественная); произведение затрагивает многие вопросы бытия и земной жизни. В частности, в нем прослеживаются мотивы справедливого правителя, ответственности, вечного сохранения честного имени и др. В отличие от некоторых подражателей Низами, Кутб «сохраняет основную тему и идею, сюжет и персонажей оригинала. Более того, он осознанно не стремится к соперничеству с Низами, питает чувство глубокого уважения к нему. Персоязычная поэма в целом отвечает духовно-эстетическим потребностям, исканиям тюркского поэта. Но в процессе работы Кутб творчески подходит к оригиналу, в результате чего в рамках единства темы, сюжета, персонажей возникает множество различий в деталях, изобразительных средствах, в трактовках тех или иных вопросов» [Там же: 109]. В результате сравнительного анализа двух памятников ученый приходит к выводу, что поэму Кутба назвать переводом нельзя, она – и не оригинальное произведение: «правильнее будет назвать тюркский «Хосров и Ширин» полуоригинальным, полупереводным произведением» [Там же: 115].

Исследователи всегда отмечали и влияние на творчество Кутба традиций тюркоязычных литератур, наличие которых свидетельствует о существовании единого тюркского художественного канона, который имел имманентное воздействие на весь творческий процесс. В частности, А. Тагирджанов доказал на материале текстового анализа использование Кутбом мотивов и художественных решений поэмы Кул Гали [Таһиржанов,

1979: 139]. Х. Миннегулов указал на типологические параллели с поэмой Баласагунлы «Кутадгу билик» [Миннегулов, 1993: 121] и т.д.

Саифа Сараи (ок. 1321–1396) называют самым плодотворным и талантливым продолжателем начинаний Кутба, особенно в области диалога с классикой Востока, в афористичном мышлении, которое берет начало от «Кутадгу билик» и других памятников. Сегодняшнему читателю известны лишь несколько его произведений. Самое крупное сочинение Сараи «Гулистан бит-тюрки» («Тюркский Гулистан»; 1391) написано на основе знаменитого персидского «Гулистана» (1258) Саади, которое татары переписывали в течение многих столетий. И источник, и оригинал являются классическим образцом произведений с «ящичной композицией»; структура которых состояла из определенного количества самостоятельных композиционных единиц различного объема, написанных и в стихах, и в прозе. Произведение состоит из отдельных ситуативных рассказов-хикаят, где описывается поучительное событие и на этом фоне оцениваются положительные или отрицательные качества, присущие людям. Это дидактическое, проповедническое сочинение показывает человека и его место в мире и среди ему подобных, в то же самое время рассказывает об основных моментах жизнедеятельности человека, дает наставления, советы. В нем воспеваются такие человеческие качества, как справедливость, скромность, доброта, щедрость, верность и т.д.

По мнению ученых, С. Сараи также творчески подходит к оригиналу, в целях доступности текста жертвует определенными моментами подлинника, допускает сокращения, изменения. Исходя из этого, Х.Ю. Миннегулов называет «Гулистан бит тюрки» «памятником самостоятельной эстетической значимости» [Миннегулов, 1993: 147].

Произведение Хорезми «Мухаббат-наме» («Книга о любви»; 1354), посвященная беку из ханской династии Золотой Орды Мухаммаду Ходже, считается первым произведением жанра поэтического нама в тюркоязычной литературе. В качестве образца взято популярное на Востоке произведение «Мухаббат–наме» («Книга о любви»), которое представляло собой собрание

любовных посланий, облаченных в стихотворную форму. Книгу можно рассматривать в виде стихотворного дивана, составленного из писем влюбленного юноши к своей возлюбленной. Композиционно письма объединяет застолье бека, во время которого рассказчик постоянно обращается к хозяину стола, прославляя женскую красоту и силу любви.

Этот период в истории татарской культуры примечателен формированием татарской богословской литературы, появлением первых тафсиров (толкований), первоисточником которых являются Коран и хадисы.

Под влиянием тафсиров и «сират ан–наби» (рассказывающих о жизни Мухаммада сочинения) рождаются дидактико–назидательные произведения: «Кыссас аль-анбия» («История пророков»; 1310) Рабгузи, «Нахдж аль-фарадис» («Открытые врата в рай»; 1358) Махмуда Булгари, «Джумджума султан» Хисама Кятиба, «Кисекбаш китабы» («Рассказ об отсеченной голове») неизвестного автора и др. Композиция сочинений подобного рода канонична: та или иная мысль религиозного или морально-этического содержания иллюстрируется затем в рассказе судьбами героев, их отношениями. Большинство сюжетов помещенных в этих книгах хикаятов восходит к арабским и персидским источникам.

Автор «Нахдж ал-Фарадис» (1358) Махмуд ибн Гали ал–Булгари ас–Сараи (конец XIII в.–1360 гг.) опирался на большое количество трудов (более 20) известных мусульманских богословов. Книга является контаминацией религиозно–этических учений, получивших художественную форму воплощения. В качестве иллюстраций приведено множество хикаятов, хадисов, высказываний известных в мусульманском мире людей, они были призваны вырабатывать верность исламу и иммунитет к соблазнам, подстерегающим мусульманина на пути к райскому блаженству.

В одном ряду с ней стоит «Кыссас аль-анбия» («Рассказы о пророках»; 1310 – 1311) Рабгузи. Как уже отмечали в предыдущем параграфе, данное произведение является переводом с персидского языка книги «Кысас ал-

анбия» Абу Исхака Нишапури, переведенного в свою очередь из арабского языка.

«Джумжума султан» (1369) Хисама Кятиба – лиро-эпическое произведение религиозно-дидактического содержания, написано под влиянием восточной поэмы «Джумджума–наме» иранского поэта Фаридетдина Аттара.

Литература периода Казанского ханства (вторая половина XV – первая половина XVI века) «по языку, и по идейно-тематическим, и по поэтическим особенностям является прямым наследником и продолжателем традиций литературы Золотой Орды. Она пропитана мусульманской идеологией, суфийскими мотивами и образами. В ней, как и в литературе предыдущих веков, заметно сильное влияние арабо-персидской и тюркских литератур» [Миннегулов, 2014: 38]. Тем не менее, этот период в развитии татарской литературы имеет свои особенности с точки зрения функций и роли взаимосвязей. Это объясняется тем, что начинается «эпоха собственно национальной литературы, связанная с обособлением тюркских народов» [Амирханов, 2, 1993: 47]. В связи с этим сила единого канона начинает ослабевать. Хотя и сохраняется влияние традиций мусульманской культуры в целом, и татарская литература остается в рамках общемусульманской литературы, в этот период обращение к формам назире, такие факты, как влияние одного произведения, стиля одного писателя или поэта на другого, остаются в прошлом.

В этот период вторичные тексты соседствуют с текстами на тюркском языке, появляется даже «Коран татарский». Сохранились, например, сведения о том, что в Казани жил и работал ученый–богослов Касым Шейх (Ибрагим ал–Казани). К данному периоду относят создание дидактико-философского трактата «Насихат ас–салихин» («Советы добродетелей») анонимного автора, в котором интерпретированы отдельные положения мусульманской юриспруденции и этики. В 1552 г. был составлен сборник хадисов на татарском языке. Сын члена посольской делегации в Москве

Аднаш Хафиз в 1554 году составил сборник «Сирадж ал–кулуб» («Светоч сердец»), который построен в форме ответов пророка Мухаммада на вопросы, заданные ему еврейским старшиной о сотворении и конце мира, жизни некоторых пророков и исторических личностей. В качестве источников труда называют не только священную книгу «Коран», но и сборники хадисов Ахмеда ибн Ханбала, Мухаммада аль-Бухари, Муслима ибн Хаджаджа (ан-Нишапури), Мухаммада ибн ат-Тирмизи и др. Кроме того, исследователи обнаруживают генетическую и типологическую схожесть с произведениями Б. Рабгузи, М. Булгари, Х. Кятиба, с «Книгой Малики» [Гайнетдинов, 2014: 88].

Творивший в этот период поэт Мухаммадьяр (ок.1497–1552), оставивший после себя два крупных произведения – поэмы «Тухфаи мардан» («Дар мужей»; 1540) и «Нуры содур» («Свет сердец»; 1542), творчески использует сюжеты и образы из «1001 ночи»; «Калилы и Димны»; произведений Аттара и Саади» [Миннегулов, 2014: 38]. В его поэмах сохраняются композиционная структура, мотивы и сюжетные линии арабских и персидских произведений. Так, например, поэма «Тухфаи мардан» состоит из семи произведений–рассказов (хикаят), каждый из которых является иллюстрацией к общей идее поэмы: добро всегда побеждает зло, хорошие люди получают по заслугам, злодеев ждет наказание. Его дидактическая поэма «Нуры содур» состоит из десяти разделов, каждый из которых посвящен одной этической категории: справедливости, доброте, щедрости, смелости, скромности и др. Рассказы созвучны с предыдущей поэмой Мухаммадьяра, Ш. Абилов указывает на влияние персидской литературы на творчество поэта: «Поэма «Нуры содур» своей композицией напоминает поэмы Низами «Махзан аль-асрар» («Сокровищница тайн») и «Хафте пейкар» («Семь красавиц») [Борынгы, 1968: 169-170].

С.М. Гилязутдинов, предпринявший сравнительно-сопоставительный анализ поэмы Мухаммадьяра с известными произведениями на фарси –

«Панд наме» («Книга назидания») ; «Мантик ат-тайр» («Язык птиц»); «Асрар наме» («Книга тайн») Фаридеддина Аттара, «Маснавий и магнави» («Духовные двустишия») Джаляледдина Руми, «Гулистан» («Розовый сад»); «Бустан» («Сад») и «Панд наме» («Книга назидания») Саади Ширази, «Панд наме» Махмуда, «Панд наме» Баба Фагани – приходит к заключению, что «Мухаммадьяр не переводил целиком ни одно из вышеуказанных сочинений, а использовал отдельные их сюжеты и мотивы, и, опираясь на их композицию, создал оригинальную поэму на татарском языке» [Гилязутдинов, 2011: 94].

И после падения Казанского ханства в художественном процессе наблюдаются обращения к арабской и персидской литературе. Так, большую часть «Джамий ат–таварих» («Сборник летописей») Кадыра Али–бека составляет перевод сочинения персидского ученого-историка Рашид ад-Дина, которое состояло из трех частей: «История монголов»; «Общая история и правление Ульджайту хана»; «Географические сведения». К этим материалам Кадир Али–бий добавил разделы о царе Борисе Федоровиче, об Урузмухаммаде, о Казанском ханстве и Поволжье, где приведены многие сведения из жизни Касимовского двора, описана жизнь служилых татар [Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв., 1999: 161]. В 1630 году выполняется перевод книги «Мунаббихат» («Пробуждение») арабского теолога Ахмеда ибн Али Гаскилани ал–Мисри аш–Шафигый, сборника нравственных поучений и советов и т.д.

Влияние арабской и персидской литературы на литературный процесс продолжалось и в более поздние периоды, обогащая татарскую литературу как оригинальными, так и вторичными художественнами произведениями.

Отталкиваясь от вышесказанного, следует констатировать, что на основе поэмы Низами «Хосров и Ширин» создано одноименное произведение тюркоязычного поэта Кутба. Заимствуя тему, сюжет, систему персонажей, композиционную структуру персидского оригинала, Кутб приблизил текст-источник к условиям тюркской жизни, образному

мышлению и особенностям мировосприятия своих читателей. Фрагменты из «Гулистана бит-тюрки» С. Сараи, представляющего собой перевод «Гулистана» Саади, написаны как назира на соответствующие части персидского текста; ряд стихотворений С. Сараи – назира на газели и касыды современников и соотечественников (Туглы Ходжа, Хасан оглы, Хорезми и др.). Х. Кятиб в философской поэме «Джумджума султан» обратился к разработке известного в мировой литературе и положенного в основу поэмы Ф. Аттара «Джумждуманаме» сюжета об отрезанной голове. Образы и мотивы поэзии Ф. Аттара повторяются в произведениях М. Булгари, Мухаммадьяра, Утыз Имяни, А. Каргали и др. [См.: Аминева, 2008: 270-271].

Таким образом, в художественном процессе имело место синтетическое начало, обусловленное естественностью присутствия арабского, персидского и собственно тюрко-татарского элементов. Кроме того, в средневековье личному, творческому началу отводилась второстепенная роль. Художник видел свою задачу в воспроизведении устоявшихся приемов, в выражении общезначимых идей и понятий, в передаче известных сюжетов и мотивов, в наполнении их новым содержанием и т.д. Источником тем и сюжетов для многих произведений татарского средневековья, а также в более поздние периоды послужили памятники персидско-таджикской и арабской литературы. Художественные вторичные тексты, возникшие под влиянием этих литератур, не являются прямыми переводами. Они обогащены сюжетами и мотивами той среды, где жили наши предки. Авторы, используя уже известные сюжеты и мотивы арабских и персидских произведений, и, опираясь на их композицию, создали оригинальные произведения на татарском языке. Учитывая эту особенность, в нашем исследовании термин «вторичный текст» мы используем в широком смысле, включая в его значение такие аспекты как создание нового текста на основе определенного прототипа – прототекста, использование элементов перевода и пересказа.

2.2. Жанр *кысса* как объект филологических исследований

Распространение ислама, установление взаимосвязей между арабской, персидской и тюркской литературами способствовали, как уже указали выше, формированию единого художественного пространства – мусульманской литературы. Мультилингвальность литературного процесса, существование разветвленной сети переписывания различных текстов, беспрепятственное переложение сюжетов и мотивов с одного языка на другой, особенности отношения к новизне и художественной ценности текстов, возможность авторского комментирования – стали теми факторами, которые способствовали созданию и развитию единой мусульманской литературы со своеобразными жанровыми особенностями.

Среди литературных жанров, которые сформировались под влиянием восточной литературы и культуры особое место занимает жанр кысса. В поэтическом словаре А.П. Квятковский дает следующую трактовку данного термина: кы’сса, кысса (*араб.* – сказание, рассказ) – литературный и фольклорный жанр историко-героического или любовно-приключенческого характера. Распространен на Ближнем и Среднем Востоке, в Средней и Юго-Восточной Азии. Кысса во многом близка к дастану [Квятковский, 1966: 65]. Термин قصة «кысса» имеет арабское происхождение и переводится на русский язык как «история, рассказ, повесть, новелла» [Баранов, 1985: 639]. В толковом словаре татарского языка лексеме «кысса» дается следующая характеристика: 1) Жанр художественного произведения с несколькими сюжетами, основанный на историческом событии или легенде; разновидность дастана. 2) Художественное произведение, рассказ. 3) *Рел.* Фантастический рассказ, предание, легенда, жизнеописание святых и пророков [ТТАС III, 2017: 675].

В «Словаре литературоведческих терминов и понятий (2007) дается более расширенное толкование данного понятия: кысса (араб. рассказ, историческое повествование, событие) – название эпического и лиро-

эпического жанра в восточной литературе и фольклоре. В арабской, персидской, турецкой литературе часто употребляется в значении рассказ (хикәят), сказка, повесть, поэма, легенда, предание, дастан, басня (мәсәл), и др. [Әдәбият белеме ..., 2007: 92].

В восточной литературе и культуре также существуют разные трактовки данного термина. Так, например, «в турецкой науке, для обозначения понятия *сказка* используется производный от арабских «меселъ» («mesel») и «амсал» («amsal», мн.) термин «масал» («masal»), переводимый на русский язык как «сказка», «басня», «байка», «легенда», «небылица», «побасенка», «домысел». До начала XX в. понятие «сказка» в среде турецких литераторов могло обозначаться целым рядом терминов: «масал» («masal» — сказка), «кысса» («kissa» — сказание, повесть), «дестан» («destan» - былина, поэма), «хикайе» («hikaye» — рассказ), что было обусловлено полифункциональным характером жанров и общим для них арсеналом стилистических приемов - элементы сказки буквально пронизывали романические и героические поэмы, обрамленные повести и другие традиционные жанры турецкой литературы Средних веков и Нового времени», пишет исследователь турецкой литературной сказки Е.И. Ларионова [Ларионова, 2009: 28].

Исследователь таджикского романа XX века А.Ш. Салихов указывает, что «... в таджикском литературоведении при изучении и классификации эпических произведений персидско-таджикской классической литературы ученые применяют два термина. Для одних произведений применяют термины *дастан* и *кысса* (дастан, сказание, рассказ), а для других прозаических произведений используют термин *роман*. Термины *достон* и *кысса* употребляются чаще всего для обозначения таких жанровых произведений, которые по содержанию больше относятся к народным сказаниям и приключенческим поэмам, а термин *роман* употребляется для обозначения крупнопланных произведений типа «Абумуслимнаме», «Тутынаме», «Самак Айяр», «Доробнаме» и др.» [Салихов, 2011: 17].

Как видно из приведенных определений, термин *кысса* объединяет довольно большое количество жанров, основной характеристикой которых является повествование, часто основанное на сказочном сюжете, комбинирование фольклорных мотивов и письменных литературных традиций. В произведениях, относящихся к жанру кысса, также часто наблюдается слияние переводных и оригинальных литературных мотивов и языковых, стилистических форм разных языков.

В татарской литературе произведения, содержащие в названии лексему «кысса», известны уже с XIII века. Большинство этих произведений являются вторичными текстами, возникшими под прямым влиянием литературы Востока.

Самым первым из них является поэма булгарского поэта средневековья Кул Гали «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе»), которая была написана в Волжской Булгарии, предположительно в первой половине XIII века. В татарской филологии данное произведение неоднакратно стало объектом монографических исследований как в литературоведческом, так и лингвистическом аспектах со стороны таких ученых как Ш.Марджани, Г. Газиз, Г. Рахим, А. Самойлович, Дж. Алмаз, А. Боровков, А.Наджип, А.Р. Тенишев, В.Х. Хаков, М.З. Закиев, Н.Ш. Хисамов, Ф.М. Хисамова, Р.К. Ганиева, Ф.Х. Хакимзянов, Ф.Ф. Фасеев, Ш.А. Абилов, Х.Х. Кузьмина и др.

Из дошедших до наших дней подобных памятников следует упомянуть и произведение «Кыссаи аук» («Сказание о дичи»), которое в рукописных вариантах известно также как «Авык китабы» («Книга аук»), «Дастане киек» («Дастан про дикого животного»), «Китабе авык» («Книга аук»). По мнению ученых произведение было написано XVII веке. [Әхмәтҗанов, 2019: 108].

Произведение «Кыссасел энбия» или «История пророков», написанный в 1310-1311 гг. Насреддином Рабгузи также получило широкое бытование среди татар. Нередко его называли «Кыссаи Рабгузи». Это одно из самых распространенных в мусульманском мире произведений религиозно–дидактического характера, которое также состоит из множества кысса,

пересказывающих биографии пророков (Адама, Нуха, Дауда, Сулеймана, Юсуфа и др.). В книгу включены аяты из Корана, различные легенды, высказывания богословов. Ученые отмечают, что трактат написан на основе арабо-персидских источников, в частности, «Йусуф и Зулейхи» Фирдоуси [Тагирджанов, 1987: 53]. Известный ученый Халыг Короглы отмечает, что «труд является переводом с персидского языка книги «Кысас ал-анбия»; очевидно, Абу Исхака Нишапури. В основу же персидского оригинала, по-видимому, была положена арабоязычная книга примерно V века хиджри (XI в.) Ваххаба ибн Мунаббахи» [Поэт-гуманист Кул Гали, 1987: 144.]. Как подчеркивают исследователи, автор написал это произведение по просьбе монгольского хана Насруддина Токбуга. К этому времени на Востоке существовали книги на арабском, персидском языках, описывающие историю пророков. Рабгузи изучил все предшествующие книги, объединил, дополнил их и написал свою книгу на тюркском языке, который, в то время, был един для Поволжского и Хорезмского региона. Поэтому язык произведения очень близок языку памятников татарской литературы средневековья и последующих лет [Татар әдәбияты тарихы, 1, 1984: 166].

Текст «Кыссасел энбия» стал объектом исследования многих тюркологов. В частности, к данному произведению обратили внимание П.М. Мелиоранский, А.Н. Самойович, С.Е. Малов, Н.И. Ильминский, А.М. Щербак, А.Р. Тенишев, А.Н. Баскаков, В.М.Насилов и др. В татарском языкознании данное произведение в монографическом аспекте исследовано А.Р. Исхаковой, М.В. Гайнетдиновым. В первом томе “Истории татарского литературного языка (2015), наряду с другими письменными памятниками периода Золотой Орды, Ф.Ш. Нуриева исследует данное произведение.

Следующее произведение – «Кыссаи Сайфульмулюк», был написан в XIV веке поэтом, носящим псевдоним Маджлиси [Татар әдәбияты тарихы, 1, 1984: 313]. По мнению некоторых ученых, автор любовной поэмы, основанной на сюжете сказки о Сайфульмулюке из «Тысячи и одной ночи»,

жил и сочинял стихи во времена царя Бабура. Основываясь на это, можно предположить, что он жил в конце XV – начала XVI вв. [Яхин, 2011: 133].

Из памятников, достойных внимания, следует указать также произведения Ахмата Уразаева Курмаши «Кыйссаи Бүз егет» и «Кыйссаи Tahир илә Зөhрә».

Ахмат Уразаев-Курмаши, в отличие от своих предшественников, начал писать на языке, основанном на живой разговорной речи. В его поэмах «Кысса-и Тахир и Зухра», «Кысса-и Буз джигит» наблюдается органическое переплетение и соединение разговорного языка с литературным [Шамарова, 2017:169-173].

Необходимо отметить, что вышеуказанные многие поэтические или написанные с элементами прозы произведения, называемые «кысса» относятся к разряду дастанов. Касаясь этого вопроса, Л.Х. Мухаметзянова, изучавшая язык книжных дастанов, отмечает: «Слово “кысса” – самоназвание, активно используемое казанскими татарами в отношении эпос - дастанов. Это слово могло обрести популярность у татар под влиянием знаменитой поэмы “Кысса - и Юсуф” знаменитого булгарского поэта Кул Гали, т.е. бесспорно то, что в качестве термина дастанного творчества казанских татар это понятие могло проникнуть в народный язык не позднее XIII в.» [Мухаметзянова, 2015: 106].

Эта тенденция наблюдается и в произведениях, написанных в XIX - начале XX века, таких как «Кыйссаи авык», «Кыйссаи Сайфульмулюк», «Кыйссаи Буз егет», «Tahир - Зөhрә кыйссасы», «Кыйссаи Саидбаттал», «Кисекбаш кыйссасы», «Кыйссаи Сякам», «Кыйссаи Кузы-Корпеш».

Л.Х. Мухаметзянова указывает, что дастаны, которые татары называют кыссами, чаще всего произведения стихотворного, а также прозаического и смешанного характера, как правило, сложные по сюжету, которые часто восходят к известным поэмам определенного известного автора, т.е. дастаны книжного происхождения народ называл кыссой [Мухаметзянова, там же].

Таким образом, можно утверждать, что в истории татарской литературы существовала традиция объединения под общим названием *кысса* произведений, написанных в поэтической или смешанной с прозой форме, для которых характерно повествование, комбинирование фольклорных мотивов и письменных литературных традиций.

Рассматриваемые нами произведения в жанре кысса, как уже сказано выше, относятся к категории «художественное произведение», «рассказ». Татарская литература второй половины XIX века была очень богата подобными произведениями. Как известно, в этот период, в процессе сближения литературного языка с народно-разговорным языком, в татарской литературе приобретают право на самостоятельное существование и развитие образцы традиционной прозы.

Одной из распространенных форм этого жанра является обрамленная повесть (*кысалы кыйсса*). Для данного литературного жанра характерно объединение посредством связующей повествоватвовательной рамки разнородных рассказов новеллистического, сказочного или басенного типа [Гринцер, 1968: 370-371].

Еще на рубеже XIX–XX вв. татарские просветители обращали внимание на место этих произведений в формировании тюрко-татарской литературы. Проникшие в татарскую литературу и культуру в целом в результате переводов восточных произведений, относящихся в широком смысле к жанру кысса, они стали весьма популярными среди татарского народа.

В научной литературе обычно рассматриваются литературные контакты как обязательное условие для «усвоения сюжетов, образов, приемов, жанров, стихосложения и т.п.» [Берков, 1981: 38.]. При этом средневековые восточные сборники произведений стали теми скрепами, которые обеспечивали единство мусульманской литературы, задавая единые правила развития исходных фольклорных форм, превращения их в авторские поэтики. Их «ящичная» композиция превратилась в ведущий жанр

мусульманской литературы – обрамленные повести, ставшие основной формой одного из трех направлений средневековой мусульманской литературы – религиозно-дидактическую.

Как указывают исследователи данного жанра, его истоки восходят к индийской литературе [Benfey, 1859; Шкловский, 1929; Гринцер, 1963; Миннегулов, 1988; 1993; Аминева, 2014 и др.]

В «Предисловии» к переводу «Панчатантры» – древнеиндийскому сборнику мифов, сказок, басен, Т. Бенфей высказал гипотезу, в соответствии с которой многие писатели стран Ближнего Востока, Греции, а позднее – в Италии, Испании, средней Европы заимствовали те или иные «мотивы» древнеиндийских сказок, легенд, басен и положили их в основу своих произведений. Он также указал и на пути культурных коммуникаций разных народов тех времен, которые способствовали все более широкому знакомству с произведениями древнеиндийского творчества и тем самым возможному переходу («миграции») их мотивов из одних национальных литератур в другие. Ученый полагал, что заимствование мотивов одной национальной литературой из других литератур определяет развитие литературы [Шор, 1930, 1: 450-451].

К произведениям данного жанра в татарской литературе следует отнести «Кырык вәзир кыйссасы» («Рассказ о сорока визирях») (1861) в переводе Каюма Насыри, «Тутыйнәмә» («Тутинаме») (1887) и «Кәлилә и Димнә» («Калила и Димна») (1889–1891 гг.), в переводах Габделгалляма Фаизханова, «Әлф ләйлә вә ләйлә» («Тысяча и одна ночь») (1897–1899) в переводе Фатиха Халиди и др., которыми была богата татарская литература второй половины XIX века.

Произведения в этом жанре стали объектом исследования многих ученых. Одним из них был известный тюрколог Н.Ф. Катанов. После публикации первого тома татарского перевода Ф. Халиди «Әлф ләйлә вә ләйлә» («Тысяча и одна ночь») он выступил с критикой в журнале «Деятель». Его не устраивало обилие арабо-персидских слов в татарской версии

знаменитого сборника арабских сказок. Видимо, замечания ученого были учтены переводчиком, на что указывают положительная оценка качества перевода, данная Катановым в рецензиях на последующие тома татарской версии «Тысяча и одна ночь» [Мухаметшин, 2001: 10].

Особое место среди исследователей произведений данного жанра занимает известный литературовед Х.Ю. Миннегулов. В его научных трудах было рассмотрено множество произведений жанра кысса, в том числе он много внимания уделил и «обрамленным повестям». В своей работе “Шәрык һәм татар әдәбиятында кысалы кыссалар” (Казань, 1988) ученый рассматривал в ракурсе контактов татарской дореволюционной литературы с классикой Востока жанровые и идейно-художественные особенности восточных и татарских обрамленных повестей «Калила и Димна», «Книга попугая», «1001 ночь», «1001 день» «1001 утро» и др. В более поздних работах исследователь не раз возвращался к данной тематике. Большой интерес ученый проявил к изучению татарской версии произведения «Калила и Димна» в переводе Г. Фаезханова. Сравнивая татарский перевод с персидским вариантом произведения, ученый замечает, что «…основное содержание и идейная направленность русского и татарского переводов всех 14 глав в целом совпадаают. Но в отдельных эпизодах… имеются значительные расхождения… В переводе Фаезханова отсутствует история Барзуи, глава об аль-Мукаффе, и др. … в отличие от оригинала, в татарском тексте царь Дабшалим с самого начала представлен как положительный герой, справедливый правитель [Миннегулов, 1993: 255].

Огромное внимание к изучению творчества писателей второй половины XIX века уделил М.Х. Гайнуллин. В его монографии «Татар әдәбияты. XIX йөз» («Татарская литература. XIX век») (1954) подробно рассматриваются такие произведения К. Насыри как «Кырык вәзир кыйссасы», «Әбугалисина», «Кырык бакча», и др., написанные в исследуемом жанре [Гайнуллин, 1954: 151].

Исследований языковых аспектов произведений, относящихся к жанру кысса, в татарском языкознании немного. В разные периоды исследователи обращали внимание на отдельные языковые и стилистические особенности данных произведений или же рассматривали в сравнительном плане отдельные языковые явления в процессе изучения других произведений.

Язык и стиль обрамленной повести «Калила и Димна» стал объектом исследования известного востоковеда Дж. Г. Зайнуллина. Он комплексно изучил рукописные варианты татарской версии, переводов, а также заимствования литературных сюжетов, мотивов, идей индийского эпоса. В рамках своего литературного исследования ученый рассматривал арабские, персидские, турецкие, русские, узбекские версий «Калилы и Димны», выявил различия между ними. В своей работе он проанализировал отдельные языковые средства, которые встречаются в татарской версии произведения [Зайнуллин, 1987].

В монографическом плане нами впервые в татарском языкознании было проведено комплексное исследование фонетических, морфологических, лексических и стилистических особенностей языка татарского перевода «Тысяча и одной ночи» с сопоставлением их с фактами современного татарского литературного языка и его диалектов [Гилемшин, 1998].

В целом есть все основания заключить, что рассматриваемые нами произведения, относящиеся к жанру кысса, привлекали внимание как литературоведов, так и лингвистов. Индивидуальная манера и стиль автора, взаимодействие формы и содержания, стилеобразующие факторы, языковое и стилистическое своеобразие, способы переосмысления первоисточника и интерпретация текста в рамках родной культуры автора или переводчика, взаимодействие разных языковых пластов и систем в рамках одного произведения - все эти аспекты требуют единства языковедческого и литературоведческого подходов для решения изучаемой проблемы.

2.3. Жанровые и стилевые особенности текстов кысса

Исследуемые нами в рамках данной диссертационной работы произведения «Мең дә бер кичә» («Тысяча и одна ночь»), «Кырык вәзир кыйссасы» («Рассказ о сорока везирах»), «Әбүгалисина кыйссасы» («Абугалисина»), «Тутыйнамә» («Тутыйнаме»), «Кәлилә вә Димнә» («Калила и Димна»), относящиеся к жанру кысса, прошли долгий путь, прежде чем попасть в татарской культуру и стать ее неотъемлемой частью. Эти вторичные тексты, пройдя такие этапы как перевод, пересказ, переписывание, стали восприниматься татарским народом как оригинальные, свои произведения. На протяжении ряда столетий они были любимыми книгами татар, читались в оригинале, в различных переводах и версиях. Представленные в них хикаяты включали в себя много общегуманистических идей, соответствовавших народным представлениям о человеке, об обществе. Кроме того, они служили источником житейского опыта, народной мудрости, способствовали сохранению и продолжению нравственных традиций» [Миннегулов, 1993: 350].

Как уже отмечалось выше, эти произведения проникли в нашу среду как наследие восточной культуры и религии, где они зародились и/или адаптировались под существующие реалии. Священная книга мусульман Коран стала первым памятником арабской письменности. Влияние Корана ощущается во всей последующей арабской литературе. Вместе с тем новый подъем литературы сопровождался и усилением интереса к изучению арабской старины, разрабатывалась теория языка, стиля и метрики, осуществлялись переводы основных сочинений арабской древности. Зарождавшаяся в то время новая литература включала предания, легенды и описания отдельных событий. К ним принадлежал сборник IX в. «Тысяча сказок» («Хезар афсане») – прототип «Тысячи и одной ночи». В его основе лежали переработанные сюжеты сказаний многих народов, действие которых было перенесено в арабскую городскую среду. Еще в средние века арабские мыслители Масуди и Ан-Надим указывали на их индийское и персидское

происхождение и перевод на арабский язык при Аббасидах. Параллельно сформировалось мнение о том, что сборник – памятник арабской литературы. На основе анализа отдельных названий и терминов были предприняты попытки обозначить его «египетское» или же «греческое» происхождение. Благодаря исследованиям И. Эструпа утвердилось мнение, что арабская версия сборника «Тысяча сказок» благодаря переписчикам в разные периоды насыщалась разными элементами: мамлюкскими, багдадскими и т.д. [Миннегулов, 1993: 278-283]. Форма «Тысяча и одна ночь» структурированная по принципу обрамленной повести, позволяла включать в сборник все новые, имеющие самостоятельное значение тексты, превращая произведение фактически в памятник многих литератур. По мнению ученых, хотя произведение на татарский язык было переведено Ф. Халиди в 1897 г., хикаяты, составляющие основное содержание произведения, были известны татарам с давних пор, читались в оригиналах, «проникали по различным каналам и через различные языки» [Миннегулов, 1993: 264-275].

Среди татарского народа также большой популярностью пользовались памятники древнеиндийской культуры «Калила и Димна» и «Тутынаме»; переведенные с санскрита на персидский язык еще в средние века. Произведение «Калила и Димна», как уже отмечалось выше, входило в состав знаменитого древнеиндийского сборника «Панчатантра» («Пятикнижие»), составленного в III–IV вв. в Индии. В VIII в. текст был переведен на арабский язык персидским автором Ибн ал-Мукаффой (720-756) со значительной переработкой. В XII в. Низаметдин Абдулмагаль Насруллах перевел его с арабского на классический персидский язык. В XVI в. был выполнен еще один перевод – Фахретдина Али ибн ал-Хусайн ибн Али ал-Вагиз ал-Кашифи (1463–1532) [Миннегулов, 1993: 251-252].

Считается, что сюжет произведения «Калила и Димна» в различных версиях был распространен среди казанских татар еще в средние века. Известна татарская версия, относящаяся приблизительно к XV–XVI вв. [Зайнуллин, 1987: 18]. По сведениям Г.Г. Зайнуллина, отдельные идеи и

мотивы рассказов перекликаются и с поэмой Кул Гали «Кыссаи Йусуф»; один сюжет включен в «Нахдж ал-Фарадис»; в поэмах Мухаммадьяра «Тухфаи мардан» и «Нуры содур» использованы два рассказа из этого сборника [Средневековая татарская, 1999: 215]. В 1888 г. само произведение «Калила и Димна» было переведено с арабского языка на татарский и издано Г. Фаизхановым тремя книгами. Анализ влияния «Калилы и Димны» на последующее развитие татарской литературы, предпринятый Г.Г. Зайнуллиным и Х.Ю. Миннегуловым, свидетельствует, что – кроме заимствования сюжетов – относительно таких нарративных источников необходимо вести речь и о масштабном общекультурном их влиянии.

Учитывая мнение А.Н. Веселовского, высказанное выше, на основе сравнительно-типологического анализа «Калилы и Димны» в контексте истории тюрко-татарской литературы можно утверждать, что относительно данного текста уместно вести разговор и о заимствовании сюжетов, и о «самозарождении» схожих мотивов в разных (индийской, арабской, персидской, тюркско-татарской) литературах.

Схожая история и судьба у другого памятника древнеиндийской культуры – «Тутынаме»; который проанализирован Х.Ю. Миннегуловым [Миннегулов, 1993: 264-275]. Ученый также приходит к выводу об общности сюжетов, мотивов, образов в этих двух памятниках старины, и в качестве одного из факторов называет общность жанра, саму природу обрамленных повестей.

Особой популярности произведений как «Калила и Димна»; «Тутынаме», так и «Тысяча и одна ночь» и других, анализируемых нами произведений, по всей вероятности, способствовала именно эта форма – «ящичная» композиция, которая позволяла с легкостью адаптировать хикаяты-новеллы к новым географическим, историческим, социальным условиям. Принятие ислама, необходимость доступного, простого объяснения основ новой религии, ее этических норм и законов шариата – превратили ящичную композицию в основную форму литературного диалога

с читателем, позволяющую вести разговор на религиозные, философские, социально-бытовые и иные темы.

Влияние литературных жанров и форм одной литературы на развитие другой литературы общеизвестно. По мнению П. ван Тигема, в литературных произведениях предметом влияния и заимствования, в первую очередь, выступают «литературные жанры и формы искусства, стили или способы выражения»; затем «сюжеты, темы, типы или легенды»; «идеи или чувства». В соответствии с этой концепцией, влияние – это вместе с тем и заимствование, и без него оно не может происходить, равно как и наоборот. П. ван Тигем считает, что иностранные литературные «влияния» могут помогать писателям и национальным литературам в развитии и оформлении их собственной «манеры мыслить и чувствовать» [Аминева, 2014: 24]. О специфике влияния «больших» литератур на литературы национальные написано в работах Н.М. Валеева [Валеев, 1985; 2001], А.А. Арзамазова [Арзамазов, 2018; 2021].

Эти процессы мы наблюдаем на примере вышеназванных произведений. В результате влияния иных литератур жанр обрамленной повести, «ящичная» композиция, легко адаптировалась и превратилась в одно из направлений развития татарской литературы вплоть до начала XX века. По своей жанровой и композиционной структуре обрамленные повести очень близки произведениям «ящичной композиции», таким, как например, «Маснави» Руми, «Гулистан» Саади и «Гулистан бит-тюрки» С. Сараи, «Кыссаи Рабгузый»; «Нахдж аль-фарадис» Булгари, поэмы Мухаммадьяра и др., о которых мы уже упомянули в предыдущем параграфе. Все указанные произведения включают разнородных, относительно самостоятельных композиционных единиц – хикаятов, новелл. В них на первый план выходит нравственно-дидактическая проблематика, наблюдается близость к фольклору, особенно к сказкам, притчам, стиль, как правило, характеризуется сочетанием прозы и стихотворений.

2.3.1. Общая характеристика деятельности авторов кысса

Рассматривая стиль того или иного текста, необходимо учитывать такие факторы, кто является автором изучаемого текста, в каких пропорциях, формах автор воспроизводит язык изучаемого периода, какие социальные нормы существуют, какие приемы применяются автором для эстетического воздействия, в какой среде и в каких социокультурных условиях создается текст.

По этой причине, прежде чем перейти к выявлению стилевых особенностей исследуемых нами произведений, считаем необходимым представить своеобразную интродукцию темы, произвести обзор деятельности авторов-переводчиков, рассмотреть их вклад и отношение к основным направлениям развития татарского литературного языка и языковым нормам, составляющим базу литературного языка. Это ключевой момент, потому что их взгляды, языковые приоритеты сыграли важную роль и оказали сильное влияние на формирование татарского литературного языка в изучаемом нами периоде. Данное обстоятельство связано как с деятельностью авторов в области татарской филологии, так и с масштабностью и популярностью среди татар созданных ими произведений.

Одним из наиболее известных произведений, относящихся к жанру кысса, является сборник «Тысяча и одна ночь». Перевод арабских сказок на татарский язык был выполнен известным просветителем, писателем и драматургом Мухаммадом Фатихом Халиди и издан в 1897-1899 гг. в типографии Казанского императорского университета. Источником этого перевода стал сборник сказок ‘Тысяча и одна ночь’ на староосманском языке, осуществлённый турецким просветителем Закиром Ахмедом Назифом. О нем (год рождения не известен, умер в 1858 году) и о его переводе арабских сказок нам удалось найти незначительное количество сведений. Известно, что после окончания медресе в Стамбуле он преподавал (1830), затем работал в должностях судьи в Иерусалиме (1850) и Мекке (1851), военного судьи в Анатолийском регионе; известен как автор переводных, биографических

произведений и сборников, таких, как ‘Риядун-Нукаба’ (‘Сады глав шерифов’). Это история жизни, состоящая из пятидесяти восьми глав шерифов (потомков пророка Мухаммада) с эпохи Баязида II до 1834 года), ‘Сефинетул-Вузера’ (‘Корабль визирей’) биографии капитанов пашей), ‘Сказки ‘Тысячи и одной ночи’ (перевод с арабского языка), ‘Телхисул Месани’ (‘Краткое изложение Месани’) (перевод) и др. Сборник в переводе Закира Ахмеда Назифа вышел в свет под названием ‘*Tercüme i elf leyle ve leyle*’ в Стамбуле, в 1851 году [Миннегулов, 1993: 286] в шести томах, и в 1870 году в четырех томах.

Фатих Халиди, в начале каждого тома указывает, что перевел произведение «Тысяча и одна ночь» с османо-турецкого языка:

بو منکده بر کیچه کتابنی ترجمه قیلدوم عثمانلی ترکی تلندن روسیه داکی مسلمانلر ترکی تلنه محمد فاتح ملا حماد اوغلی خالدی

Bu meŋ dä ber kičä kitabyn tärcemä qyldym ğosmanly törki telendän Rusijädäge möselmanlar törki telenä, Möxammäd Fatix mulla Xammad uğly Xalidi [Әлфу: 1]. ‘Эту книгу ‘Тысяча и одна ночь’ перевёл с османо-турецкого на тюркский язык мусульман России, Мухаммад Фатих сын муллы Хаммада Халиди’.

Фатих Халиди (1850 – 1923) – многогранная личность, внесшая в развитие татарской литературы и языка большой вклад. Он известен как просветитель, писатель и драматург, ученый и переводчик. Ф. Халиди родился в 1850 году в деревне Яна Сала Тетюшского уезда Казанской губернии. Через год после его рождения семья переехала в Казань; отец Хаммад стал муллой и мударрисом (учителем). Маленький Фатих начальное образование получил у своего отца, потом продолжил образование в знаменитом в то время медресе Кышкар, где изучал арабский язык. Позже он занялся книжной торговлей и открыл магазин, самостоятельно выучил русский язык.

Заложенная еще с детских лет любовь к литературе взяла верх: начиная с 80-х годов XIX века его жизнь была посвящена творчеству. К великому сожалению, во время пожара в 1920 году, большая часть

творческого наследия литератора была утеряна, уцелели лишь изданные им восемнадцать книг и несколько настольных календарей [Мухаметшин, 2001: 9].

Литературная деятельность Фатиха Халиди началась в 80-х годах XIX века с пьесы «Рәдде бичара кыз» («В ответ несчастной девушке»). Уже в первой пьесе он ориентировался на образцы литературного и народно-разговорного языка.

Дальнейшее развитие его деятельности протекало по двум направлениям: сочинение пьес на татарском языке, перевод произведения «Тысяча и одна ночь» и создание на его основе произведения «Мең дә бер сәхәр» (‘Тысяча и одно утро’).

В 90-х годах XIX века Ф. Халиди занимался составлением настольных календарей. В этот период им были переведены произведения восточной классики, такие, как: «Җиһанабад падишаһының угыллары кыссасы» (1896) (‘Рассказ о сыновьях царя Джиханабада’), «Болгарның солтаны гадел Туктамыш хан кызы Хәлимә бәхәсе» (1897) (‘Спор дочери хана Булгара Туктамыша’), «Мең дә бер кичә» (1897–1899) (‘Тысяча и одна ночь’), «Ләйлә вә Мәҗнүн» (1904) (‘Лейла и Меджнун’), ‘Кемгә тиешле?’ (1904) (‘Кому должен? ’) и др.

Фатих Халиди умер 7 апреля 1923 года в Казани в возрасте 73 лет.

С момента издания татарского перевода сказок ‘Тысяча и одна ночь’ прошло уже более ста двадцати лет, перевод Фатиха Халиди до настоящего времени продолжает оставаться единственным полным татарским переводом знаменитого сборника арабских сказок. Татарская версия, являющаяся вторичным текстом «Тысяча и одна ночь» в его переводе, создана на стыке фольклорных и литературных традиций. Данное произведение способствовало трансформации как художественной парадигмы, сместив акценты с религиозного в сторону светского дискурса, так и татарского письменного литературного языка.

Историк, филолог, публицист и переводчик Габдулгаллям Фаизханов родился в 1850 году в семье крестьянина, в деревне Сабачай (Собачий Остров), Курмышского уезда, Симбирской губернии. После получения традиционного религиозного образования в деревенском медресе, продолжил обучение в Казани, в медресе Шигабутдина Марджани. В 1880 году он окончил татарскую учительскую школу в Уфе и продолжил работать в различных торговых конторах, а также занимался научной, литературной и публицистической деятельностью. К его творческому наследию относятся такие издания, как: «Татар телгә кыскача гыйльме сарыф» («Краткая морфология татарского языка», 1887), «Гомум җәгърафия» («Всеобщая география», 1888), переводы произведений «Тутыйнамә: һинд фантастик хикәяләре» («Тутынаме: фантастические индийские рассказы», 1891), «Мөхәррик әл-әфкяр: фикерләр уяткыч» («Двигатель мыслей», 1891), «Хикайәт вә мәкаләт: халык әкиятләре һәм мәкальләре» («Рассказы и статьи», 1891), «Ибн әл-Мөкаффаг. Кәлилә вә Димнә: һинд мәсәлләре» («Ибн Мукаффа. Калила и Димна: индийские басни», 1889–1891), «Баһадирхан Ә. Шәҗәрәи төрки: төрки халыкларның нәсел язуы» («Родословная тюркских народов» Абульгази Бахадирхана, 1891), и др., а также Габдулгаллям Фаизханов выпустил настольный календарь 1893 года. [Әдипләребез, 1, 2009: 477].

Умер Г. Фаизханов 13 января 1910 года в Уфе.

В 1887 году в издательстве Казанского императорского университета вышел в свет татарский перевод «Тутынаме» Г. Фаизханова. Основой для татарского перевода стало Казанское издание «Тутынаме» на староосманском языке, о чем сам Фаизханов говорит в предисловии своего перевода: «я … Габдулгаллям сын Фаизхана … увидев книгу «Тутынаме» на староосманском языке … перевел со староосманского языка на свой татарский язык». [Тутинаме,1916: 2].

В основу «Тутынаме» легло древнеиндийское произведение «Шукасаптати», т.е. «Семьдесят рассказов попугая», которое в 1330 году

было переведено на персидский язык Зийаддином Нахшаби под названием «Тутынаме» [Миннегулов, 1993: 265].

Во времена султана Баязида Первого (1389-1402) текст «Тутынаме» был переведен на османо-турецкий язык. В 1851 году в издательстве Казанского университета увидел свет данное произведение на староосманском языке, однако ни переводчик, ни дата текста на нем не указаны. Ученый Х.Ю. Миннегулов, внесший огромный вклад в исследование данного произведения, указывает, что «…основу турецко-османского текста, опубликованного в Казани, составляет книга Нахшаби. Основная канва, многие образы и сюжеты, общая идейно-эстетическая направленность обоих изданий совпадают… Казанское издание 1851 года – не перевод в обычном слове этого слова, а версия, созданная принципами и средствами, присущими средневековой литературе. Его автор, кроме книги Нахшаби, использовал и другие варианты, переводы «Тутынаме», в том числе и «Шукасаптати» [Миннегулов, 1993: 265, 268].

Другое его произведение под названием «Калила и Димна» появилось также в результате перевода. В предисловии к книге Г. Фаизханов отмечает, что перевел его с арабского языка. В основе книги лежит одноименное сочинение арабско-персидского писателя Ибн аль-Мукаффа, состоящее из 14 глав. Сочинение Ибн аль-Мукаффы, в свою очередь, является арабским переводом индийской «Панчатантры» (букв. «Пятикнижие»).

Произведение начинается с рассказа о льве – царе зверей и двух шакалах – Калила и Димна. Основной рамкой произведения выступает беседа Дабшалима с Бейдебой, которая служит вступительным рассказом или основой для всех 14 глав.

Перевод Г. Фаизханова незначительно отличается от арабского оригинала. Это касается, в основном, вступительной части, где вместо истории Барзуи и главы об Ибн аль-Мукаффы приведен «Дастан о Дабшалиме и Бейдебе». Здесь Дабшалим выступает в роли справедливого

царя, в отличие от оригинала, представлен в качестве положительного героя [Миннегулов, 1994: 255].

По мнению Г.Г. Зайнуллина, Г. Фаизханов в процессе написания предисловии к переводу «Калилы и Димны» пользовался произведением персидского поэта Хусейна Ваиза Кашифи «Анвари Сухейли» («Созвездие Канопуса»), которое также является обработкой «Калилы и Димны» [Зайнуллин, 1987: 15].

Большой вклад в процесс сближения восточной литературы с татарской литературой и формирования литературных норм татарского языка внес известный писатель, ученый и этнограф Каюм Насыри.

Каюм Насыри родился 2 февраля 1825 года в деревне Верхние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии (ныне Зеленодольский район РТ) в семье известного богослова и мастера каллиграфии Габденасыра бин Хусейна. Начальное образование получил у своего отца. 1841-1855 гг. учился в медресе в Казани, изучал арабский, персидский, турецкий языки, в совершенстве освоил родной и тайно изучал русский язык.

С 1855 года работал преподавателем татарского языка в Духовном училище, потом 15 лет преподавал в Духовной семинарии. Позже стал вольным слушателем Казанского университета.

После ухода из духовной семинарии, до 1876 года К. Насыри занимается обучением татарских детей русскому языку. Однако, разногласие с инспектором нерусских детей вынудило его оставить преподавание и Насыри приступить к серьёзной литературной и научной деятельности.

Каждую весну он ездил в свою родную деревню, участвовал весенних полевых работах, летом выезжал в села, изучал языковые особенности, традиции, собирал исторические и фольклорные источники. В этот период он пишет самые солидные произведения в различных областях: языкознания, методики преподавания, педагогики, истории и литературы и издавал их на собственные средства.

В 1885 году он становится членом Общества археологии и этнографии Казанского университета. Результаты его этнографических и исторических исследований с большим интересом заслушивались на заседаниях данного Общества.

На закате дней К. Насыри разбил паралич, он скончался 20 августа 1902 года в возрасте 77 лет и был похоронен в Казани на кладбище Ново-Татарской слободы.

Из-под его пера вышли такие произведения, относящиеся к жанру кысса, как «Кырык вәзир кыссасы» («Рассказ о сорока визирях») и «Абугалисина».

В основу оригинального текста «Кырык вәзир кыссасы» легло произведение турецкого писателя Ахмада Мисри. Как указывают турецкие источники, в 1446 году Ахмад Мисри перевел на турецкий это произведение с арабского языка [https://islamansiklopedisi.org.tr/kirk-vezir], оригиналом стало произведение «Хикайет-и эрба'ин-и субх вэ меса» («Рассказы сорока утр и вечеров»), которое, к сожалению, до наших дней не дошло.

Деятельность Насыри в области художественной литературы началась именно с этого произведения, которое он подготовил на татарском языке и издал 1868 году.

В восточной литературе есть книга – «Синдбад-наме» или «Рассказ о семи мудрецах», в которой повествуется о судьбе юного принца, оклеветанного мачехой и приговоренного к смертной казни. Визири царя, рассказывая поучительные рассказы, откладывают казнь принца до тех пор, пока не восторжествует правда.

Сюжет об оклеветанном мужчине, становящимся объектом неудачного домогательства женщины, имеет место в других культурах народов мира. Примером этого служат образы Иосифа и Потифара в Ветхом Завете, в древнегреческой мифологии – Пелея и Астамидии, Беллерофонта и Сфенебея, Ипполита и Федры, и т.д.

Произведение «Кырык вәзир кыссасы» выступает как продолжение этих традиций: у персидского султана по имени Ханкин растет проницательный и прекрасный сын, от красоты которого никто не оставался равнодушным. Мать этого юноши была из дочерей царя Китая. Однажды она внезапно заболела, не смогла справиться с болезнью и умерла. Шах женился на молодой девушке, которая, в свою очередь, соблазнившись красотой парня, не смогла совладать с собой и влюбилась в сына царя. Царевича же интересовала, прежде всего, учеба. Однажды его учитель по расположению планет предсказал судьбу парня, определил период неудач из сорока дней и посоветовал ему молчать в течение этого времени.

Девушка пытается объясниться принцу в любви, излагает ему план отравления царя. Принц молчит и оставляет её запросы без ответа. Возмущенная девушка ранит себя и идет к королю, говорит, что принц на нее напал, и убеждает его убить сына. Услышав это решение шаха, сорок визирей каждый день начинают убеждать царя не спешить и рассказывают различные поучительные рассказы ему, доказывая, что женщины обманщики и что им нельзя доверять, чтобы пожертвовать принцем, в то время женщина пытается доказать при помощи различных историй свою правоту. На сороковой день, учитель сообщает царевичу, что опасность миновала, и принц рассказывает отцу, что с ним случилось. Царь убеждается в невиновности сына, просит прощения у своих визирей и наказывает свою молодую жену.

Помимо произведений, имеющих форму «рамочных конструкций», перу К. Насыри принадлежит множество других переводных произведений. Одно из них – рассказ про известного ученого, философа, юриста и медика Востока Али Ибн-Сины (Авиценна) - «Абугалисина» (1872).

Произведение является переработкой знаменитой книги турецкого писателя Зыяддина Саита Яхъя «Канжинаи хикмет», об этом переводчик сообщает в предисловии книги. Каюм Насыри, объясняя причину перевода данного произведения, пишет: *Ošbu Äbu Gali Sina qyjssasy 1281 nče jylda Qazan ähälisendän ber adämneŋ himmäte belän ber märtäbä tabyğ qylynmyš ide.*

Läkin ğyjbarätendä ğaräb wä farsy süzläre küblek säbäble bäğze adämlär fajdasyndan mäxrümlärder... ošbu Äbu Gali Sina qyjssasyn xalyq aŋlarlyq iteb rus mämläkätendäge möselmanlar telenä tärcemä qylsam ikän dib küb zamandan birle küŋelemdä bar ide. Älxäl täwäkkälän ğalä Allah tärcemäsenä šuruğ qyldym… [Насыйри, 1894: 3]. «Данный рассказ “Абугалисина” усилием одного из жителей Казани в 1261 году один раз уже был издан, однако, из-за обилия арабо-персидских слов некоторые люди не могут воспользоваться… Чтобы людям было понятно, я уже давно хотел перевести данный рассказ «Абугалисина» на язык мусульман, проживающих в России, и незамедлительно, полагаясь на Аллаха, приступил к переводу…». [Насыйри, там же].

«Произведение «Абугалисина» К. Насыри перевел не случайно. Оно соответствовало его просветительским взглядам, стремлению популяризации научных взглядов и демократическим интересам» [Гайнуллин, 1954:152].

Произведение состоит из введения, четырех глав и заключения. Введение книги, которое называется «Начало начал, или рассказ о рождении близнецов Абульхариса и Абугалисины и первые их приключения на нелёгком пути к познанию мудрости», рассказывает о жизни братьев-близнецов Абугалисины и Абульхариса в начальном этапе. Первая глава включает в себе рассказ об Абульхарисе и Багдадском халифе. Вторая глава – рассказ об Абугалисине и правителе Египта. Третья глава посвящена рассказу об Абугалисине и правителе Бухары, четвертая включает в себе рассказ об Абугалисине и правителе государства Кирман. В заключении рассказывается о смерти Абугалисины.

Как видим из вышеприведенного обзора, все авторы рассматриваемых произведений являются видными деятелями науки и культуры своего времени. Они свободно владели арабским, персидским и турецким языками, видели свою миссию в приближении письменного литературного языка к народно-разговорному языку. В целом, все рассматриваемые произведения, сохранив композицию и жанровые особенности оригинала или турецкого

перевода оригинала, были дополнены новыми сюжетами и элементами, адаптированы под татарского читателя. Эти вторичные тексты смогли соединить в себе арабско-персидские литературные и языковые традиции с фольклорными мотивами своего народа, а также собственно авторские элементы повествования.

2.3.2. Жанровые и стилеобразующие факторы

Употребление языка — это не непосредственный процесс конструирования слов и предложений в рамках грамматических установлений языка, а такой процесс, который опосредован исторически сложившимися и складывающимися формами его осуществления, социально установившейся традицией, регламентирующей характер и порядок практических действий человека с языком [Брандес, 1988: 46].

В изучаемых произведениях мы отчетливо фиксируем общие жанровые и стилеобразующие факторы, которые позволяют нам рассмотреть их в рамках одного жанра. Помимо общих стилеобразующих средств, естественно, в каждом произведении четко прослеживаются индивидуальная манера автора, специфика оригинала текста, которые делают их уникальными произведениями. В рамках данного параграфа мы попытаемся раскрыть те жанровые и стилеобразующие аспекты, которые позволяют их рассмотреть в рамках одного жанра.

Основным стилистическим приемом, характерным для всех произведений жанра кысса, является использование элементов сказки. Данный прием лежит в основе всех рассматриваемых нами произведений несмотря на то, что композиция текстов отличается.

Жанрообъединяющим признаком является оформление вводной и заключительной части произведений.

Вводная часть текстов указывает на их общность со сказками. Для описания событий используются прошедшее или давнопрошедшее временные формы, а также специальные лексические единицы, выражающие данный тип

темпоральности (*qadim zamanda; täwarix kitablarynda* и др.), например, *Täwarixlarda jazylybdyr ki, Hindstanda ber däwlätle padišah bar ide, kem täxetkä utyrğač fäqyjrlärneη xälenä märxämät belän nazyr salyb anlarnyη xaräb xällären tözätde* [КД: 2] ‘В исторических книгах пишут, что в Индии жил-был некий царь, который когда сел на престол, с милосердием отнесся к бедным людям и исправил их тяжелое положение’; *Riwajän äxbär wä näqyjlän äsär ošbu tariq üzrä riwajät qylyrlar ki hicrätneη öčjöz jitmeš öčenče jylynda Buxara wiläjätendä šäcäğ digän awylda ber ata ber anadan igez ike bala dönjağa kileb berenä Äbuğalisina ikenčesenä Äbulxaris dib isem qujdylar* [Әбу: 3]. Как сообщают летописцы и утверждают сказители, в триста семьдесят третьем году по хиджре — лунному календарю — в государстве, в селении Шаджег в одной семье родились два сына-близнеца. И отец с матерью им дали имена: одному — Абугалисина, другому — Абульхарис.”; *Täwarix kitablarynda riwat qilyb jazalar, ğacäm jortynda Xankin isemle ber oluğ padišah bar ide, jide äqlim anyη quly astynda ide* [КВ: 2] ‘В исторических книгах повествуя пишут, что в Персии жил-был великий царь по имени Ханкин, в его подчинении были семь провинций...’; *Ähel xikäjätdän šul räwešle riwajät itdelär ki, Suf tarafynda ber oluğ šähär bar ide, mal wä niğmät ilä tuly ide. Wä atrafynda küb awyllar wä šähärlär tözelmeš ide* [ТН: 2] ‘Рассказчики повествуют таким образом, что на стороне Суфа был огромный город, который был полон счастья и богатства. Вокруг него было построено много деревень и городов’; *Qadim zamanda Čin Mačin wä Hindstan cäzirälärendä bäne Sasandan ber ğazyjm ğaskäre küb padišah war ide. Bu padišahnyη ike ğakil wä danä uğyllary war ide* [Әлфу: 2] ‘В древние времена в островах Индокитая жил-был царь с огромной армией из рода Сасанидов. У него были два умных и образованных сына’.

Фрагменты показывают, что начало всех изучаемых произведений весьма схожи, несмотря на то, что в композиционном плане существуют отличия (например, “Абугалисина” К. Насыри).

В заключительной части всех анализируемых произведениях заметна дидактическая тенденция, однако здесь бросаются в глаза некоторые отличия.

Например, рассказы внутри произведений с рамочной конструкцией демонстрируют близость текстов кысса к народным жанрам, они оформлены в виде дидактико-назидательных выражений, притч, например, в конце рассказов имеются фразы: *jä padišah, bu xikäjäne anyŋ öčen söjlädem ki…* ‘О, правитель, эту историю я рассказала’ для того, чтоб…»; *Täŋre Tägälä barčany doşman mäkrendin üz imanynda qylgaj* ‘Да защити всевышний всех от уловок врагов и оставит нас в своей вере’ и др.

Конец «Мең дә бер кичә» и «Тутыйнамә» также созвучны с заключительной частью татарских народных сказок: *Xuca Säğid däxi Mahšäkärne qylmağan gönahyna täwbä wä istiğfar itdereb qajtadan mäxäbbätlek belän dönjada bixudur ğömer kičerdelär wä tutyj kamil däxi bäğze waqytlarda Xuca Säğid janyna kileb kiteb jörer ide. Axyry ğomerläre bu räwešle räxätdä üteb dönja läzzätendän küŋelläre telägänčä öleš aldylar.* [ТН: 175] ‘Ходжа Сагид заставил Махшакара покаяться за не совершенные грехи, и вернув былую любовь прекрасно продолжили жить, и попугай иногда посещал Ходжу Сагида. В итоге, их жизнь, таким образом, прошла в удовольствии, и черпнули они из мирских удовольствий столько, сколько захотели...’; *Šahrezad balalarny padišah janyna qujyb äjtde: bän bunlarny ošbu meŋ dä ber kičä ečendä tuğyrdym, imdi anlar xaqynda bäne qatyjl qylmaj, mäğfu qulmağyŋyzny ütenämen, digäč, padišah jyğlarğa bašlab uğyllaryn qočağyna alyb anlarny übeb, soŋra Šahrezadqa äjtde: wallahi bunlar bulmasalar da ğafu qylğan idem, čönki säneŋ ğafifä wä nazyjfä uldyğyŋ kürdem dib. Šahrezad ätkäse wäzirne janyna aldyryb küb xörmätlär ideb, äjtde: äj qajyn atam xäzrätläre, qyzyŋyzny ğafu qyldym dijeb, jide kön tuj ideb, šadlyqda, ülgänče, jäğni ğomerläre bujynča qaldylar* [Әлҗилдү, 6: 381] ‘Шахрезад положив детей возле царя, сказала: “Я их родила в течение этих тысячи и одной ночи, ради них не убивай, прошу простить меня”. Царь начал плакать и обняв своих сыновей, сказал Шахрезаде: “Ей богу, я и так, без них простил тебя, потому что убедился в твоей целомудренности и чистоплотности”. И вызвал визиря - отца Шахрезады и с уважением сказал

ему: “О, мой свекор, я простил Вашу дочь». Семь дней они праздновали свадьбу и всю жизнь, до своих последних дней остались в радости’.

В заключительной части «Кәлилә вә Димнә» и «Абугалисина» прослеживается религиозный контекст, характерный для письменного литературного наследия: *Bäjdäba xäkim padišahqa baqdy, läkin Räj mälik hič süzläšmäde, Bäjdäba xäkim soŋ süzen dide Allahynyŋ här ešenä bujsynmaq kiräkder dib* [КД: 245] ‘Мудрец Байдаба взглянул на правителя, однако царь Рай ничего не сказал, Мудрец Байдаба сказал свое завершающее слово: «Необходимо подчиняться каждому делу Всевышнего…»’; *Ämma Säjjid Jaxja äfände äjtde: bu riwajätne šuilä išetdem ki, jidenče šišäne tükmägä kitergändä ajağyna ber närsä törteleb qulyndan šišä tošeb uwaldy dide, härqajsy riwajät bulsa da, xäjät nasyjb bulmajynča bu xäldä beriz – beriz dib qaldy, wä mä täšä'unä illä inšä'ä Allah mäğnäse zahir buldy* [Әбу: 112] ‘Однако, господин Саид Яхъя сказал: я эту легенду слышал в таком виде: когда он нес седьмую бутылку на слив, что-то зацепила его за ногу, бутылка упала и разбилась. Если даже все это легенда, ему не суждено было жить, и он остался в таком состоянии, произнося звуки “бриз-бриз”, и стал очевиден смысл (айата): «Но вы этого не пожелаете, пока не пожелает Аллах»’ [Коран, 1990: 491].

А в «Кырык вәзир кыссасы» указанные выше особенности, характерные для концовки, представлены в синтезе: *Andan soŋ padišah barča wäzirlären, biklären, wä bašqa ğawam xalqyn cyjyb oluğ zyjäfät qyldy, ničä ujynčylar törle niğmätlär belän šahzadäne xalas buluyna šadlyq ideb qyryq köngäčä zäwyq wä safalar itdelär. Andan soŋ ničä jyl ğomer söreb ğadellek belän mäšğul buldylar, Xaq Täbäräk wä Täğalä xäzrätläre härqajsymyzny izgeleklärgä öläšdereb xatynlarnyŋ mäker xäjläsendän imin itsen. Amin.* [КВ: 159] ‘После этого правитель собрал всех своих визирей, беков, простых людей и устроил большой пир, с участием большого количества музыкантов. Много было различных блюд, от радости сорок дней отпраздновали освобождению принца. Потом, в течение многих лет справедливо жили. Всевышний пусть каждому из нас распределит доброту и хранит от зла и хитрости женщин. Амин’.

Объединяющей линией всех рассматриваемых произведений является использование вставочных элементов (рассказов, новелл), связанных с основным замыслом текстов. Такой подход усиливает воздействие художественного слова.

Общей особенностью рассматриваемых произведений является простота языка, что связано с повествовательным характером, общим со сказками. Так, например, *Sabax jaqyn bulğač Šährezad xikäjädän tuqtady* [Тыс: 16] ‘Когда наступило утро, Шахрезада прекратила речь’; *Anyŋ xezmätendä ike danä wä ziräk šağal bar ide, bereneŋ aty Kälilä, bereneŋ aty Dimnä ide* [КД: 30] ‘У него на службе были два умных и мудрых шакала, одного из них звали Калила, другого Димна’; *Tutyj äjtde: äwälge zamanda Hind jortynda ber säwdägär bar ide* [ТН: 10] ‘Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец…’; *Äbuğalisina simija quäte belän Nil därjasyndan Misyr šähärenä čyqdy* [Әбу: 8] ‘С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет’ и др.

Стилистической общностью является наблюдаемый во всех анализируемых произведениях плавный, монотонный, лишенный внутреннего напряжения ритм описания.

Еще одной из стилистических особенностей является неприметный образ автора. В анализируемых нами текстах повествование ведется от имени одного из героев произведения или же от имени третьего лица, который, в основном, представлен в начале произведений. Также приводится ссылка на исторические летописи, в которых данная история уже была рассказана. Например, «Абугалисина» в переводе Каюма Насыри начинается словами: ***Riwajän äxbär*** *wä näqyjlän äsär ošbu tariq üzrä* ***riwajät qylyrlar ki*** *hicrätneŋ öčjöz jitmeš öčenče jylynda* ... [Әбу: 3] ‘Как сообщают летописцы и утверждают сказители, в триста семьдесять третьем году по хиджре в деревне Шаджаг Бухарской области родились от одной матери и одного отца два близнеца, одного назвали Абугалисина, другого Абульхарис’.

В произведении «Кырык вәзир» рассказы начинаются фразами *wäzir äjtde* ‘Визирь сказал’ или *xatyn äitde* ‘Женщина сказала’. Например: ***Wäzir äjtde:*** *cihan sarajynda ber olğu padišah bar ide* [КВ: 95] ‘Визирь сказал: «Жил-был в мире великий царь’; ***Xatyn äitde:*** *ber awylnyŋ törekläre ber kön ber šähärgä kildelär* [КВ, с. 94] ‘Жители некой деревни однажды прибыли в город…’; ***Xatyn äitde, äjtälär,*** *cihan sarajynda ber oluğ padišah bar ide* [КВ: 12] ‘Женщина говорит: повествуют, что в мире жил-был крупный царь…’.

Рассказы в «Мең дә бер кичә» также начинаются повествованием от имени третьего лица, это может быть визирь, старик, женщина, шах и др.: ***Wäzir xikjätenä bašlab:*** *ber igenče säwdägär bar imeš, Xaq Täğalä aŋa küb xajwannar häm küb mallar wirmeš* [Тыс., I: 7] ‘Визирь приступив к своему рассказу: жил-был торговец-земледелец, Всевышний одарил его большим количеством животных и богатством’; ***Qart äjtäder:*** *äfändem, qylymdağy kiek bänem ğamym qyzy, jäš waqytda bäŋa nikax iteb wirmešlär…* [Тыс., I: 11] ‘Старик говорит: О, мой господин, это животное у меня на руках - дочь моего дяди, в юности выдали её за меня замуж…’; ***Šah äjtde:*** *farsy padišahlarynda Sindbad isemendä ber šah bar ide* [Тыс., I: 23] ‘Шах сказал: «Среди персидских царей был правитель по имени Синдбад…»’. Здесь же встречаем интересную форму указания на летописи: ***Qyzylbaš dijär ki:*** *bän asylymda ber padišahnyŋ uly ulyb…* [Тыс., I: 42] ‘Календарь говорит: я был сыном одного из правителей…’.

В «Калиле и Димне» рассказы повествуются из уст двух шакалов – Калилы и Димны. Нередко они начинаются словами, где ссылаются на исторические летописи: ***Täwarixlarda jazylu budyr ki****, Hindstanda ber däwlätle padišah bar ide* ... [КД: 2] ‘В исторических (книгах) пишут, что в Индии жил-был могущественный царь’.

Во всех анализируемых нами произведениях активно используются арабские и персидские заимствования. О причинах изобилия заимствований в духовном наследии татарского народа мы уже писали выше, поэтому здесь не будем подробно останавливаться на этой важной лингвокультурной

детали. Данная особенность – одна из характерных черт старотатарского литературного языка изучаемого периода.

Среди лингвостилистических специфических реалий анализируемых произведений повсеместно фиксируется влияние языка-посредника. Турецкий язык, генетически общий с татарским языком, был понятен большинству татар, особенно образованной части населения. По этой причине при переводе на татарский язык текстов кысса, часть лексики турецкого языка не переводилась на татарский. Вплоть до 30-х гг. XX века основу старотатарского литературного языка, наряду с караханидско-уйгурским, хорезмско-тюркским языками составлял огузо-турецкий язык. Не только в переводных, но и в собственно татарских текстах такая лексика употреблялась довольно часто. Авторы же изучаемых нами текстов, для более точной передачи смысла произведений, оставили их в такой же позиции, как и в турецком варианте. Эта примечательная тенденция прослеживается во всех произведениях.

К объединяющей лингвостилистической особенности исследуемых произведений можно отнести использование различных стилистических приемов, характерных для татарского языка, а также заимствованных из восточной культуры – большинство из них стали впоследствии частью национальной лингвокультуры.

Одним из распространенных стилистических приемов являются сравнительные конструкции, используемые в конструировании художественных портретов героев. В связи с жанровой особенностью изучаемых произведений сравнительные конструкции, привлекаемые для описания внешних свойств героев, занимают достаточное большое место. Они в основном однотипные и направлены на усиление воздействия на читателя описываемых событий, происшествий и героев. Уместно заметить, что подавляющее большинство подобных сравнений основаны на народных традициях и являются элементами народно-разговорного языка. Они зафиксированы в пословицах и афоризмах татарского народа, и в настоящее

время активно используются как в текстах современной татарской литературы, так и в разговорной речи. Так, например, в текстах произведений наиболее распространенным является сравнение красоты с луной. Как указывает исследователь татарских личных имен в лингвокультурологическом аспекте Г.Р. Галиуллина, знаковый характер апеллятива *ай* ‘луна’, символизирующий красоту, чистоту, непорочность, является проявлением синкретизма мусульманской и традиционной культур [Галиуллина, 2008: 68]. Так, например, довольно распространено сравнение внешней красоты женщины с полной луной (*тулган ай*): *Küz qyryjy belän ber genä märtäbä qarab kürde ki,* ***tulğan aj kebek*** *nurly jöze kičlärdä ajğa, köndezlärdä qojašqa ixtijac qaldyrmas* [Әбу: 28]‘Краем глаза он заметил, что её светлое, как полная луна, лицо заменит ночью луну, а днем солнце…’; *Äj böjek küklärneη* ***ajy****, Xaq Täğalä camalene köndän kön zijadä qylyb* [ТН: 9] ‘Эй, луна высоких небес, пусть Всевышний увеличит Вашу красоту каждый день…’; *Guzal,* ***guja tulğan aj kebi****, küzläre qara, qašlary qara bulyb suzylğan, ağyzy xazrät Söläjman jozege kebi, ul ağyzdan čyqğan süz ence-märcän kebi ...* [Әлҗилдү, 4: 169] ‘Прекрасная, как полноликая луна, с черными глазами, черными бровями, рот подобен перстню Соломона, сказанное слово – словно жемчужина...)’.

Подобное сравнение встречается и в языке-посреднике:

چهره سی بدر منیر وقمر مستدیر وکوزلری چشم مها سیاه اوزرلرنده یای کبی قاش و اغزی حاتم سلیمان و ثقر وشفاهی دروم جانه شبیه [Tercume, 1, c. 43].

čehresi beder munir ve ***qamer mustedir*** *ve güzlere qara češem mahe sijah üzerlerende jeje kebi qaš ve ağizi xatim Sülejman ve seker ve šefehi dürüm cane šebih* ‘Лицо, как светящаяся полноликая луна, с черными глазами, над ними, с бровями, подобными луку, рот подобен перстню Соломона, сказанное слово – словно жемчужина...’; *Carijälär kilde,* ***jözläre tulğan aj kebek*** [КВ: 90] ‘пришли рабыни, лица их словно полная луна…’; ***ajnyη undürtenä oxšar*** *ber qyz jata* [там же] ‘Лежит девушка, похожая на луну, в четырнадцатую ночь…’; ***ajnyη***

undürtenče kičäse kebek *jözläre balqyb tora* [КВ: 45] ‘Лицо её светится, словно луна, в четырнадцатую ночь…’ и др.

В татарской лингвокультуре такое сравнение не применяется в отношении мужской красоты, однако в текстах кысса оно довольно активно используется. Мы полагаем, что данный стилистический прием заимствован из восточной культуры: *Ber nurani qart utyradyr, wä* ***jöze aj kebi balqyb*** *toradyr* [КД: 2] ’Сидел старик, лицо его светилось как луна…’; *Xälwä kibetendä ber* ***mahi talağat*** *ber jeget kürde älqyjssa ul xälwä früš camal ijäse ber güzäl jeget ide* [Әбу: 17] ‘В лавке сладостей увидел луноликого парня, действительно, этот торговец сладостями был обладателем красоты, симпатичным парнем’. В этом примере К. Насыйри оставил турецкий вариант сравнения, где употреблено персидское заимствование *mahu* ‘луна’: *Bir xälwäči dükkänendä bir* ***mahi talağat*** *pärä surät mälik xalakat bir cevan dastan bir ğulem ğajret xur cinan bir nazanyn can cihan kürdeki* [Канжинаи: 22]. ‘В лавке сладостей увидел луноликого парня, прекрасного, словно владельца творений, персонажа историй, словно из обитателей рая, дорогую душу мира’.

Наименования небесных светил в качестве стилистических фигур активно употребляются в текстах кысса, например, *jözeneŋ nuryndan* ***aj*** *wä* ***qojaš*** *ojalyr ide* [Әбу: 11] ‘Луна и Солнце стеснялись от её сияющего лица…’; *hälaq bulmaqy* ***qojaš kebek*** *zahir ide* [ТН: 101] ‘Вероятность его гибели было очевидна, как солнце ясное...’; ***Tulğan aj kebek*** *nurly jöze kičlärdä* ***ajğa,*** *köndezlärdä* ***qojašqa*** *ixtijac qaldyrmas* [Әбу: 28]. ‘Её светлое, как полная луна, лицо заменит ночью луну, а днем солнце…’; *kükneŋ* ***qojašy*** *sin* ... [Әлфу: 110] ‘... солнце ты небесное...’; *bän bahadirlar arasynda* ***Mirrix joldyzy kebi*** ... [Әлҗилдү, 2: 247] ‘Я среди богатырей как Марс среди звезд...’; ***küzlären joldyz kebi jaltyratyb,*** *myjyqlaryn qabartyb* [КД: 15] ‘Глаза его (кота) светились как звезда, усы распушились…’ и др.

В рассматриваемых произведениях отчетливо ощущается использование элементов народно-разговорного языка, что также является важным стилистическим и жанровым признаком. Как было отмечено выше, это

прослеживается в актуализации сравнительных оборотов, активно функционирующих в разговорном языке. К переводам текстов авторы подошли творчески, используя широко распространенные эквиваленты в татарском народно-разговорном языке, делая произведения более понятными для читателей. Например, ***At qojryğyna katqan bozlar šikelle*** *saqallary šaltyrap, uramnarda očrağan xalyq kölešeb, artlarynnan ijäreb baralar* [Әбу: 28]. ‘Подобно примерзшим лошадиным хвостам льдины, их бороды звенели, тем самым вызывая смех у прохожих на улице, которые долго следовали за ними; *Wä küzenä jäš görläwek, wä bu* ***mixnät utynnan ötelgän tawyq bulyp*** *ber ah čikte* [Әбу: 273] ‘Из его глаз ручьем (текли) слезы, он охал, словно опаленная огнем страданий курица...’; *Šul qadär küb wä* ***härbere mačy qadär, ere baqalar*** [Н., с. 294] ‘Очень много лягушек, и каждая ростом с кошки...’; ***taŋ kebek tulqynnar*** *qalyqmyš* [Әбу: 17] ‘Словно заря, появились волны...’; *ber jyl mäğarädä jatyb ğoli biabanğa biŋzäleš jäğni biğajnihi* ***urmandağy šüräle kebek*** *bulğan ide* [Әбу: 17]. ‘Прожив целый год в пещере, они походили на степных привидений, т.е. на шурале’; ***On čilägenä töškän taraqan šikelle*** … [Әбу: 62] ‘Словно таракан, упавший в ведро с мукой…’; ***Qotyrğan et šikelle*** [Әбу: 52] ‘Как бешенная собака…’ и др.

Еще одним стилистическим приемом, указывающим на близость языка кысса к народно-разговорному языку, является употребление пословиц, поговорок и устойчивых выражений, распространенных среди татар. Такой прием задает дидактико-назидательный характер жанра произведений. Как известно, эта разновидность лексики активно выступает в качестве педагогического средства воздействия, является своеобразным кратким моральным кодексом, выработанным многовековым оапытом народа. В описываемых языковых ресурсах просто и доступно сформулированы способы, приемы обучения и воспитания.

Данная группа лексики включает культурно-значимую информацию, в образах и символах аккумулируются-транслируются реалии, которые существуют в повседневной жизни народа и в текстах культуры и которые

значимо для этноса. В текстах кысса мы можем атрибутировать как специфические, отражающие менталитет татар лексические единицы, так и универсальные, встречающиеся в культуре мусульманские стран, проникшие с исламом и ставшие частью духовной культуры татарского народа. Учитывая жанр произведений, можно констатировать, что большую часть включенных идиоматических выражений составляют те, которые глубоко залегли в культурную память народа и приняли на себя большую смысловую нагрузку и активность функционирования в народно-разговорном языке. Они в большом количестве встречаются во всех анализируемых нами произведениях. Рассмотрим некоторые из них: ***Jaxšy ašlar diğänne ašaw tügel, tösendä dä kürmägän ide*** [КД: 15] ‘Хорошую еду не только не ел, даже во сне не видел…’; ***ülüčeneŋ köne citmäsä üterüčeneŋ quly citmäs*** *digännär* [Әбу: 73] ‘Говорят, пока не наступит день смерти, рука убийцы не дотянется…’.

Синонимические пары *Soŋyndan ükenečle fajda itmäs* [КВ: 157] ‘Сожаление после дела не поможет...’ и *Ütkännän soŋ ükenmäk fajda birmäs* [КД: 5] ‘Сожалеть о содеянном пользу не даст…’. В современном татарском языке функционирует такой эквивалент: *Эш үткәч, үкенүдән файда юк*.

Антонимические пары *däwasyz awyru äšäke xolyqdyr* ... ‘Неизлечимая болезнь – плохой нрав’, а в основе хорошего характера лежит хорошее воспитание: *ädäbneŋ asyly xuš xolyqdyr* ... [Әлҗилдү, 2: 10] ‘Основа воспитания – хороший нрав…’.

Arpa sačqan boğdaj urmas [КВ: 70] «Кто посеял ячмень, не соберет пшеницу». В современном татарском языке активно используется эквивалент данной пословицы: *Ни чәчсәң, шуны урырсың* ‘Что посеешь, то пожнешь’.

Следующие единицы употребляются в настоящее время без изменений: *üzegez beläsez, **ilčegä ülem juq**, digännär* [Әбу: 50] ‘Сами знаете, говорят, что послу смерти нет…’; *qaqma keše qapqasyn, qağarlar üz qapqaŋny, dimešlär,-dib qyjssany aŋlady* [Әбу: 55] ‘Не стучи в чужие ворота, постучат и в твои ворота’ (т.е. если обратишься к кому-либо с просьбой, придут к тебе с ответной).

Et simersä ijäsen qabar dijärlär [КВ: 11] ‘Зажравшаяся собака укусит хозяина’. В современной татарской речи весьма активно используется полный эквивалент этой пословицы: *Эт симерсә, иясен тешләр.*

Также без изменений употребляются следующие выражения: ***Dönjanyŋ ačysyn töčesen tatysyn*** [КВ: 12] ‘Пусть хлебнет и горя и радости’; ***Töten bar jirdä ut däxi bulmaq kiräk*** [Әбу: 87] ‘Где дым, там должен быть и огонь…’; *Sandyqny ačyp qarasa sandyqda čüp tä juq,* ***cirendä cillär isä*** [Әбу: 23] ‘Открыл сундук и увидел, что в сундуке пусто, на дне ветер гуляет…’; *Atam qolağyna išeteleb, xalyq arasynda faš bulsa, jaman isem kütärmägem mökärrärder.* ***Qyzlar aty qyldan nečkä, qyldan tösde buktan sasy digännär*** [Әбу: 28] ‘Если (эта весть) дойдет до отца, и станет известно людям, то дурного имени не избежать. Говорят, что честь девушки тоньше волосинки, если упадет с волосинки, то запах будет хуже навоза’.

Примечательно, что в последнем примере из произвдения К. Насыйри «Абугалисина» мы видим элемент вульгарной лексики ***buk*** ‘навоз’, функционирующую исключительно в разговорной речи.

Фразеологический фонд текстов кысса также базируется на народно-разговорный язык татар. Большинство таких выражений активно функционируют в татарском языке, например, *Šäjäd* ***xäräkät bäräkätendä*** *küŋelemdä qajğym kitär* [КД: 14] ‘Возможно, благодаря этому движению, покинет горе мою душу…’; *ğajät güzäl,* ***selek šikelle*** *eget,* ***qašyqly su belän jotarsyŋ*** [КВ: 53] ‘Прекрасный парень с изяшной фигурой, можно проглотить его с водой из ложки...’; ***jazyb beterergä qalämneŋ qodräte jitmäs*** [КВ: 53] ‘Нет возможности описать пером...’; *Any* ***küz östendäge qaš kebek*** *ğaziz tota idelär* [КД: 13] ‘Им дорожили, как зеницу ока…’; *Äjtde:* ***äj küzem nury balaqajym*** [КД: 14] ‘Сказал: «О, свет моих очей, детя мое!»… и др.

Нравственно-поучительный характер пословиц, поговорок, использованных в текстах кысса, ярко прослеживается в следующих контекстах: *Qajda bal bulsa anda čeben cyjylyr* [КВ: 39] ‘Где мед, там и собираются мухи …’; *Ujlamyjča söjlämäkneŋ axyry bäladyr* [ТН: 7] ‘говорить

не думая о результатах приводит к беде…’; *Irken urmanny tar itdelär* [КД: 9] ‘Превратили просторный лес в тесный…’; *Ütkännän soŋ ükenmäk fajda birmäs* [КД: 5] ‘Сожалеть о содеянном пользу не даст…’; *Kešegä qazyğan bazğa üzeŋ töšärseŋ* [КД: 5] ‘В яму, которую ты рыл кому-то, попадешь сам’; *Arpa sačqan boğdaj urmas* [КВ: 70] ‘Кто посеял ячмень, не соберет пшеницу’; *Jalğančynyŋ jöze berqajčan da aq bulmas* [ТН: 14] ‘Лицо обманщика никогда не будет светлым...’; *ğaqyl ber nurdyr* ... [Әлҗилдү, 3: 267] «ум — это свет»; *Irtäneŋ däxi üz eše bulyr [TH:* 7] ‘У каждого завтрашнего дня тоже есть свои дела’ или синонимический вариант *härber muradnyŋ july bar. Wä här sänğatneŋ qoraly bar* [КД: 15] ‘У каждой цели есть способ (достижения) и у каждого промысла есть свой инструмент…’; *Cafany čikmägän adäm safanyŋ qaderen belmäz* [КВ: 18] ‘Человек, не переживший трудностей, не оценит удовольствие’; *tereläj ülü – bajdan fäqyjr bulmaqdyr...* [Әлҗилдү, 4: 3] ‘Заживо умереть – богатому сделаться нищим ...’; *Xajwan bary qarny ačyqqanyn wä tujğanyn beler* [КВ: 80] ‘Животное может чувствовать свой голод и сытность’; *ğamälemezgä kürä cäzä tabdyq* [КВ: 43] ‘Мы получили наказание, согласно содеянному ...’ и др.

Анализируя особенности пословиц и поговорок в текстах кысса, мы заметили, что большую часть составляют те единицы, смысловой или языкой контекст которых заимствован из восточной культуры и отражает религиозное мировосприятие народа, например, *Täqdirdä jazylğandan hičber ziräk qotylmas* [КД: 11] ‘Ни один мудрец не сможет избежать того, что суждено ему по предопределению’; *Allahynyŋ qazasynnan qarendäšeŋne ğajeblämä* [КД: 11] ‘Не вини родственника в Божьей каре…’; *Ämma* ***xatynlar šajtandyr****, niček bulsa da aldab šäjexne äjtderde* [КВ: 11] ‘Однако, как говорят, женщина подобна шайтану, она обманным путем смогла заставить шейха раскрыть свой секрет…’; *Ğafil bulmaq diwanalyqdyr* [КВ: 24] ‘Быть беспечным – признак сумашествия...’; *Qaza uğyna qaršy qalqan tabylmas* [КД: 11] ‘Не найдется защитный щит против стрел наказания (Божьей кары) …’ и многие другие.

В текстах кысса встречаются и крылатые выражения, пословицы из других языков, например, в “Калила и Димна” на арабском языке даны следующие афоризмы: *Küllü šäj järcäğu ilä aslihi* [КД: 14] ‘Все вернется в свою первоначальную основу…’; *“Wä utlubu -l-ğilmä wä läw bi-ssyjn” xädisendä insan watanyndan kiteb ğalim wä fazyllar belän saxäbät iteb kämalät tabmaq kiräklegenä išarät bar didelär* [КД: 12] ‘Сказали, что в хадисе «Ищите знания, даже в Китае» есть намек на необходимость человеку отправиться за пределы родины, общаться с учеными и величественными людьми и достичь усовершенствования’*; Bu säbäbdän dijärlär: «Iza cä'ä-l- qada ğamija-l-basaru wä izä näzälä-l-qadaru batala-l-xazaru». Bäzändä äjtde: xäzer süz ozajtu waqyty tügel…* [КД: 11] По этому поводу говорят: «Если придет беда, то тупеет зрение (бдительность), если сойдет судьба, то ослабится осторожность». Базанда сказала: «Сейчас не время рассказывать рассказы…»’.

На персидском языке: *“ğyläc waqyjğa peš äz wuquğ bojad kärd dareğ sud nädäräd ču raft kär äz däst” jäğni bolarnyη ğyläcen töšmäsendän boryn ezlämäk kiräk, eš quldan kitkännän soη ükenmäk fajda birmäs* [КД: 54] ‘«Лечение должно быть сделано до того, как событие произойдет», т.е. устранение (проблемы) надо искать до состояния события, если момент упущен, то нет пользы от сожаления’.

На староосманском языке: *Atylsa čun qazadan tir täqdir,* säpär ulmas aηar aj tädbir* * [КД: 62] ‘Если наступит наказание по предопределению, то не станет щитом от него осторожность’.

Таким образом, жанровая характеристика и анализ стилистических средств, широко распространенных в произведениях, подтверждают их жанровую общность. Вышеперечисленные моменты, характерные стилю произведений, указывают на традиции стиля письменного литературного языка рассматриваемого периода. В языке произведений переплетены элементы народно-разговорного и старотатарского литературного языка. В текстах прослеживается синтез народной, арабской и персидской культур.

2.4. Трансформации при переводе текстов кысса на татарский язык

Исследуемые нами произведения, относящиеся к жанру кысса, сыграли значительную роль в формировании и дальнейшем развитии татарской литературы и культуры, религиозно-философского, национального мировоззрения татарского народа. Эти произведения оказали большое влияние и на формирование татарского литературного языка, его норм. Как уже говорилось в предыдущих параграфах, татарский язык второй половины XIX – начала XX вв. претерпевал как внутренние исторические изменения, так и функциональные трансформации и сдвиги. В этом процессе влияние переводных произведений, созданных на базе арабско-персидской культуры, особенно таких, которые объединяли литературные языковые традиции и народно-разговорного варианта языка, неоспоримо. Произведения, относящиеся к данному жанру, привнесли не только новые сюжетные линии и жанровые особенности в татарскую культурно-языковую среду, но и так или иначе отражали особенности татарской ментальности. Поэтому мы встречаем немало различий если сопоставлять с арабским оригиналом и турецким переводом произведений. Фиксируемые трансформации и сдвиги при переводе обусловлены особенностями мировосприятия, этнической психологии татар.

Не ставя перед собой задачу комплексно рассмотреть все виды трансформаций изучаемых нами произведений, т.к. эта работа подразумевает самостоятельное исследование, мы обозначим те содержательные и лексико-семантические трансформации, которые являются ключевыми. Они позволяют обозреть основные подходы переводчиков и представить общие и специфические аспекты языка и стиля оригинала и переводов изучаемых нами проиведений. Как пишет известный теоретик в области перевода А.Д. Швейцер, «Термин "трансформация" используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе

перевода одной формы выражения другой, замене, которую мы образно называем превращением или трансформацией. Таким образом, переводческие трансформации являются по существу межъязыковыми операциями «перевыражения» смысла» [Швейцер, 1988: 118]. Интересен и высказывание Л.С.Бархударова по поводу переводческой трансформации, по мнению которого это те многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов 1975: 190]. Практик и теоретик перевода Р.К.Миньяр-Белоручев рассматривает трансформацию как изменение формальных (лексические и грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи [Миньяр-Белоручев 1996: 201]. Специалист в области перевода и переводоведения В.Н. Комиссаров считает, что переводческие трансформации – это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода. Он указывает, что в процессе переводческой трансформации преобразуется как форма, так и значение исходных единиц [Комиссаров 1990: 172].

Безусловно, перевод – это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур народов. Такое взаимодействие подразумевает как внеязыковой, так и языковой аспекты. В нашем случае оба вида взаимодействий сыграли большую роль при создании текстов кысса на татарском языке. Здесь мы рассмотрим некоторые основные внеязыковые трансформации, касающиеся структуры и стиля, которые фиксируются в попавших в фокус рассмотрения произведениях.

Говоря о языковых трансформациях, нужно подчеркнуть, что они произошли на всех языковых уровнях, однако наиболее важным и решающим, как мы полагаем, является семантический и лексический уровни, в которых происходит художественное, лингвокультурное преломление

татарского менталитета. Грамматические и словообразовательные трансформации, по сути, являются формальной структурой высказывания, при помощи которых выражается смысл удобными, нормативными и соответствующими для принимающего языка формами. Поэтому при расмотрении трансформаций мы акцентируем внимание именно на смысловой, лексико-семантический аспекты.

Для более наглядной демонстрации различий и общих моментов в оригиналах и в переводах, выполненных татарскими просветителями, сопоставим эти варианты произведений. Так, например, базой для сравнения мы выбрали следующие источники: сборник «Тысяча и одна ночь» на арабском языке, в четырех томах, изданный 2009 году в Бейруте; шесть томов татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь» Фатиха Халиди, изданных в Казани в 1897 – 1899 гг.; два сборника сказок «Тысяча и одна ночь» на староосманском языке, в переводе Ахмеда Назифа, изданных в Стамбуле: в 1851 году в типографии Matbaa-i Amire (в шести томах); в 1870 году в типографии Matbaa-i Mekteb-i Sanayi (в четырех томах) и русский перевод сборника сказок «Тысяча и одна ночь» М.А. Салье, изданный в Москве в 1996 году в восьми томах.

Для подтверждения гипотезы о том, что такие трансформации характерны не только для вышеуказанного произведения, а являются типичными для переводческих практик изучаемого периода, мы приведем примеры, опираясь на другие произведения.

В качестве источника татарского текста «Калила и Димна» была использована книга в переводе Габделгалляма Фаизханова, изданная в Казани в 1889 году. В качестве оригинала арабского текста была выбрана книга на арабском языке, изданная в Казани, в типографии «Миллят», в 1910 году, хранящаяся в отделе редких рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Она состоит из 326 страниц, содержит подтекстный словарь на татарском языке. Русские переводы фрагментов из арабского оригинала были извлечены из книги

«Калила и Димна» в переводе знаменитого востоковеда Б. Шидфар, изданной в Москве 1986 году.

Татарский перевод «Калилы и Димны» был объектом внимания многих востоковедов. Хотя сам переводчик во введении книги отмечает, что перевел произведение с арабского языка, при сравнении с существующими арабоязычными вариантами «Калилы и Димны» выявляется существенная разница, о которой отмечали предыдущие исследователи данного памятника [Миннегулов, 1993: 252.]. Далее мы еще раз остановимся на этот момент.

Источником татарского перевода Габделгалляма Фаизханова «Тутыйнамә» («Тутынаме») (1887) стала книга на староосманском языке под названием «Тутынаме». Для сравнения текстов этих произведений мы пользовались электронным вариантом книги «Тутынаме» на староосманском языке. В книге имеется надпись: «lstanbul buyukşehır beledıyesı Atatürk kıtaplıgı» которая означает, что она принадлежит Библиотеке Ататюрка муниципалитета Буюкшехир Стамбула. Книга состоит из 212 страниц. На последней странице на арабском языке указана, что она была издана в Каире, издательстве Булак, в конце месяца Шагбан 1267 года по хиджре, т.е. 1851 году.

Сравнения переводов произведений К. Насыри «Кырык вәзир китабы» и «Абугалисина» были выполнены по следующим источникам: татарский перевод первого текста был выполнен на основе книги на староосманском языке «Тарихе кырык везир». Мы воспользовались электронным вариантом (сканом) книги, на османо-турецком языке, изданной типографией «Абу Зыя» в 1321 году по хиджре (1903 г.). Издатель – библиотека «Аманият». Книга состоит из 261 страницы.

Книга «Канжинаи хикмет» Зыяддина Саида Яхъи стал источником произведения «Абугалисина». Для сравнения текстов этих произведений мы пользовались электронным вариантом книги «Канжинаи хикмет» на староосманском языке. В книге имеется надпись: «lstanbul buyukşehır beledıyesı Atatürk kıtaplıgı» которая означает, что она принадлежит Библиотеке

Ататюрка муниципалитета Буюкшехир Стамбула. Год, место издания, типография, к сожалению, не указаны.

При исследовании особенностей переводов произведений мы исходили из представлений о том, что оригинал произведения не преобразовался в другой текст, а на его основе был создан другой, новый текст, который, хотя и отличается от прежнего текста формой и средствами выражения, но остался эквивалентным оригиналу в плане содержания и стилевой принадлежности. Ещё один немаловажный фактор, от которого зависит качество или идентичность перевода – это переводчик, т.е. его психологическая и ценностная ориентация. Главная задача переводчика – это достижение адекватного или эквивалентного перевода в рамках норм языка реципиента.

Достижение эквивалентности перевода возможно только при правильном подборе переводчиком соответствующей лексической единицы. По мнению специалиста по теории перевода Л.С. Бархударова, типы семантических соответствий между лексическими единицами языков сводятся к трём основным: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия [Бархударов, 1975: 94]. Учитывая тот факт, что старотатарский литературный язык в период возникновения переводов изобиловал арабо-персидскими и турецкими заимствованиями, семантика и функциональные варианты которых были понятны большинству носителей татарского языка и соответствовали тем значениям, которые функционировали в татарском языке, переводчики использовали их без каких-либо изменений.

Следует также отметить – тексты татарского перевода и арабского оригинала сборника «Тысяча и одна ночь» очень близки по содержанию, соблюдается общая последовательность. Однако имеются и некоторые существенные различия[2].

[2] Текстовые и жанровые отличия татарского и русского переводов сказок «Тысяча и одна ночь» были подробно рассмотрены в трудах Х.Ю. Миннегулова. Мы остановимся лишь на некоторых из них, которые прослеживаются и в других произведениях.

Самое первое, и очень важное отличие татарского перевода заключается в том, что он практически не содержит элементов порнографического характера. Причиной этому является то, что они были сознательно удалены переводчиком турецкого текста Ахмедом Назифом [Миннегулов, 2018: 288]. По нашему мнению, эта особенность турецкого текста и стала главным аргументом для Ф. Халиди при выборе источника татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь». В татарской культуре, в том числе и в литературе, не принято открытое повествование порнографических сцен. До настоящего времени эта тема для татарского менталитета является некоторой степени закрытой, осуждаемой.

Процесс избавления от непристойностей был продолжен и Ф. Халиди. Например, в сказке про обманщицу Далиле в арабском оригинале и турецком переводе имеется фрагмент, где мальчик, получивший вместе со сладостями золотую монету, заявляет, что не имеет блудниц. В арабском оригинале это значение выражено лексемой *fäxišä* ‘бесстыдная женщина’, ‘проститутка’ [Баранов, 1985: 584], а в тексте русского перевода словом ‘мерзость’:

أنا كان معي ولد مات فرأيته في المنام يطلب حلاوة فاشتريتها فأريد أن أعطي لكل ولد قطعة فنظرها فرأى فيها ديناراً لاصقاً بها فقال له: رح أنا ما عندي فاحشة واسأل عني فقال: يا ولدي ما يأخذ الكراء إلا شاطر وأنا درت في البلد أفتش عن قاعة أحمد الدنف فلم يدلني عليها أحد وهذا الدينار كرائك [Тысяча, 3: 323]

‘У меня был ребёнок, и он умер, и я увидел во сне, что он просит сладкого, и вот я купил сладкого и хочу дать каждому мальчику по куску’. И он дал кусок Ахмеду-аль-Лакиту, и тот посмотрел на сладкое и увидел приставший к нему динар и сказал Али: ‘Уходи, нет во мне мерзости, – спроси про меня людей’. И Али сказал ему: ‘О дитя моё, только ловкач даёт плату, и только ловкач берет плату. Я кружил по городу и искал казарму Ахмеда-ад-Данафа, но никто мне её не указал. Этот динар – тебе плата, если ты мне укажешь казарму Ахмеда-ад-Данафа’ [Салье, 6: 529].

В турецком переводе прослеживается некая трансформация текста, где также присутствует имеющаяся в арабском оригинале лексема *fäxišä*:

صبیان اوینارمکن واروب احمد لقیط نامنده بر نجابتلو غلام بولوب کل اوغلوم سکا حلوا اله یم دیدرك صبی مرسومه بر پارچه حلوا ویردکده چوجوق حلویه باقوب ایچنده بر التون یابشدیغنی کورمکله علی یه ای جوان بنده فاحشه یوقدر دیدی [Tercume, 3: 336]

…sibjan ujnar meken varub Äxmäd Läqit neminde bir necebetle ğulem bulub gel uğlum seŋa xelve alajim diderek sabi mersume bir parča xelve virdekde čucuq xelveje baqub ičinde bir altun jabišdiğini kürmekle Galije ej cevan bende feχiše juqdir ‘Он, направился туда, где играли дети, подошел к мальчику по имени Ахмед Лакит и сказав: ‘Мальчик, подойди, я куплю тебе сладость’, передал мальчику кусок сладости. Ребенок, посмотрев на сладость и увидев, прилипшую к нему монету, ответил Али: ‘Эй, парень, у меня нет блудницы’...’.

В татарской версии переводчик еще больше изменил текст и смог обойтись без этой неприличной фразы, хотя в татарском языке лексема *фәхишә* употребляется и по семантике совпадает с арабским вариантом: *ber ütkenräk balany däšeb äjtde sin ğaqylly bala ikänseŋ kil bän siŋa xälwä alyb ašadim dib xälwä satyb alyb birde šul waqyt bu baladan sorady sin Axmäd äd-Dänafnyŋ jortyn bäŋa küstär dib* [Әлҗилдү, 5: 22] ‘Пригласив шустрого мальчика и сказав ему: ‘Ты умный мальчик, подойди, я тебя угощу сладостями!’, купил сладости и передал ему. И спросил его: ‘Ты мне покажешь дом Ахмеда ад-Данафа?’.

Обзор рассказов других произведений дает основание заключить, что татарские авторы всячески старались обойти непристойные описания, заменив их более нейтральными или же пропустив эти фрагменты. Например, в притче о льве и быке «Калилы и Димны» говорится о смерти женщины, которая хотела убить любовника своей прислуги:

فلمّا استقلاّ نوما عمدت لسمّ كانت قد أعدّته في قصبة لتنفخه في دبر الرّجل، فلمّا أرادت ذلك بدرت من دبر الرّجل ريح فعكست السّمّ إلى حلق المرأة فوقعت ميتة [ККД: 80] .

‘А та женщина взяла яд и, положив его в выдолбленную тростинку, вставила ее конец в задний проход спящего, чтобы вдуть смертельный яд и погубить его. Но в то время, как она взяла другой конец тростинки себе в рот

и намеревалась дунуть, спящий испустил ветры, так что яд попал ей в рот, и она тотчас же скончалась’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 95].

В татарском переводе женщина пролила на себя яд и умерла от ожогов:

Ağuny jegetneη ağyzyna salajym digändä jeget ahlab jibärde dä xatyn siskäneb wä qawšab jyğyldy. Sawytyndağy ağu jözenä, küzenä tügeleb wä tänen jandyryb xatyn üleb qaldy [КД: 45] ‘Когда она хотела залить яд в рот парня, тот (во сне) начал охать и ахать, женщина вздрогнула, испугалась и упала. Яд, который был в посуде, пролился ей в лицо, в глаза, прожег её кожу, и она умерла’.

Еще одна особенность перевода Ф. Халиди: в арабском тексте имена братьев, обманутых женами – Шахрияр и Шахзаман, а в татарском переводе, как и в турецком – Шахрибаз и Шахриман. Несовпадение имен братьев-царей в татарском и турецком переводах с арабским оригиналом, возможно, связана с источником турецкого перевода.

Такая же трансформация наблюдается и в произведении «Калила и Димна» Г. Фаизханова. Так, например, в арабском оригинале произведения быков зовут Шатраба и Бандаба:

وكان معه عجلةٌ يجرها ثوران يقال لأحدهما شترية وللآخر بندبة [ККД: 68]

‘У того человека была повозка, которую везли два быка, одного из них звали Шатраба, а другого — Бандаба’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 81].

А в татарском переводе одного быка зовут Шатраба, другого Матраба:

Anyη ike köčle ügeze bar ide, berenä ***Šäträbä****, berenä* ***Mäträbä*** *dijär ide* [KD, с. 28] ‘У него были два сильных быка, одного из них он звал Шатраба, другого Матраба’.

В арабском оригинале «Калилы и Димны» у льва нет имени, а в татарском переводе его зовут Газанфар:

وكان قريباً منه أجمةٌ فيها أسد عظيم؛ وهو ملك تلك الناحية، ومعه سباع كثيرةٌ وذئاب وبنات آوى وثعالب وفود ونمور [ККД: 69]

‘Поблизости от луга, где поселился бык Шатраба, была роща, владение огромного льва, царя диких краев. В роще той водилось множество

подвластных ему зверей — волков, шакалов, лисиц, тигров и пантер’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 81].

Šunda jaqyn urmanda ul taraf xajwanlarynyη patšasy ***Gazanfar*** *atly ber Arslan tora ide* [КД: 30] ‘Недалеко оттуда, в лесу жил царь зверей этого края, лев по имени Газанфар’.

وكان فيمن معه من السباع ابنا آوى يقال لأحدهما كليلة وللآخر دمنة؛ وكانا ذوي دهاء وعلمٍ وأدبٍ

.[ККД: 69]

‘Среди его подданных были два шакала. Одного из них звали Калила, а другого — Димна, и оба отличались хитроумием, большой ученостью и великими знаниями’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 83].

Трансформация имен собственных встречается и в «Тутынаме»: в оригинале рассказывается про индийский город Сурат, а в татарском переводе он заменен на название местности в Восточной Иордании Суф: *Hind kitaplarynda šu ile rivajet ulur ki,* ***Suret*** *tarafynda bir meğzem šeher var ide, mal ve niğmetile melemel ide* [Тутинаме, 1931: 3] ‘В индийских книгах рассказывается таким образом, что на стороне Сурата был огромный город, который был полон счастья и богатства’; *Ähel xikäjatdän šul räwešle riwajät itdelär ki,* ***Suf*** *tarafynda ber oluğ šähär bar ide, mal wä niğmät ilä tuly ide* [ТН: 2] ‘Рассказчики повествуют таким образом, что на стороне Суфа был огромный город, который был полон счастья и богатства’.

Также в татарском переводе Ф. Халиди имеются и отличия от турецкого перевода, в частности язык татарского перевода выделяется своей лаконичностью и ‘сухостью’, скупостью описаниям. Становится очевидным, что главной задачей Фатиха Халиди была коротко и ясно довести до читателя основную мысль сказок. Сравнение оригиналов и переводов других анализируемых произведений также дает основание утверждать, что в целом вторичным текстам характерна сжатость и локаничность в плане описания. Переводы К. Насыйри больше сохранили полноту и близость к оригиналу.

Следующее различие, достойное внимания – это структура текстов. В текстовом корпусе «Тысячи и одной ночи» мы замечаем несовпадение порядковых номеров ночей арабского оригинала с турецким вариантом. Данное явление прослеживается уже изначально, хотя начало второй и третьей ночей ещё близко к арабскому оригиналу. Это можно объяснить тем, что Ахмет Назиф при переводе произведения «Тысяча и одна ночь» на староосманский язык, возможно, пользовался источником на арабском языке, не основанном на калькуттской рукописи, или, как указывает профессор Х.Ю. Миннегулов, турецкий переводчик пользовался различными источниками и не счел необходимым указать источник своего перевода [Миннегулов, 2018: 288].

Что касается турецкого и татарского вариантов, то распределение ночей в татарском переводе совпадает с порядком ночей четырехтомного издания турецкого перевода, опубликованного в Стамбуле 1870 году. Сравнение с турецким переводом 1850 года издания показало, что порядок ночей также отличается. Это даёт основание полагать, что Фатих Халиди при переводе сборника сказок «Тысяча и одна ночь» на татарский язык пользовался изданием 1870 года.

С учетом сравнения текстов арабского оригинала, турецкого и татарского переводов, картина распределения ночей, количества страниц томов турецкого и татарского переводов в таблице выглядит следующим образом:

Таблица 1.

Сравнительная таблица текстов печатных изданий сборника «Тысяча и одна ночь»

Арабский оригинал сказок ‘Тысяча и одна ночь’, Бейрут, 2009	Турецкий перевод сказок ‘Тысяча и одна ночь’, Стамбул, 1851	Турецкий перевод сказок ‘Тысяча и одна ночь’, Стамбул, 1870	Татарский перевод сказок ‘Тысяча и одна ночь’, Казань, 1897 - 1899

Том	Ночи	Кол.	Том	Ночи	Кол. стр	Том	Ночи	Кол. стр	Том	Ночи	Кол. стр.
1	1-168	415	1	1-189	330	1	1- 194	392	1	1 - 100	211
2	169-449	432	2	190-500	350	2	195-500	391	2	101-221	160
3	450-745	446	3	501-625	200	3	501-763	368	3	222-460	286
4	746-1001	440	4	626-750	163	4	764-1001	289	4	461-715	318
			5	751-875	122				5	716-873	191
			6	876-1001	152				6	874-1001	178
всего 1733 с.			всего 1317 с.			всего 1440 с.			всего 1344 с.		

В «Калиле и Димне» различие в структурном плане заметно в количестве притч. Г. Фаизханов включил в тексты новые притчи, например, «Садовник и медведь»; включал отдельные рассказы от «Тысяча и одна ночь», «Тутыйнаме», «Нузхат ал-Хауатыр», турецкого произведения «Хумяюнаме» [Зайнуллин, 1987: 165].

В «Тутыйнаме» Г. Фаизханова и в оригинале, и в версии на староосманском языке количество рассказов совпадает: всего 72 рассказа, однако видим разницу в количестве общих страниц: 212 страниц в переводе и 175 страниц в оригинале.

В переводах К. Насыри также наблюдается совпадение с оригиналами в аспекте количества рассказов. В кысса «Абугалисина» 7 рассказов, а в произведении «Кырык вәзир китабы» – 40 рассказов. Однако разница в объеме прослеживается и в этих произведениях: «Канжинаи Хикмет» всего

112 страниц, а в переводе «Кырык вәзир китабы» - 137 страниц. В «Кырык вәзир китабы» объем перевода меньше – 156 страниц, а в турецком оригинале – 159 страниц.

Кроме этого, в отличие от арабского источника «Тысяча и одна ночь», в текстах турецкого и татарского переводов присутствует заметно малое количество стихотворных отрывков. Они приводятся без перевода на арабском языке, затем следует текст толкования стиха. В отличие от турецкого перевода, в татарском переводе стихотворных отрывков стало ещё меньше. Например, в рассказе про горбуна (сорок третья ночь) в турецком варианте приводится отрывок стиха, а в татарском варианте он отсутствует. В целом, сравнение переводов показывает, что Фатих Халиди придерживается стиля турецкого перевода.

Во введении книги «Тутынаме» Г. Фаизханов пишет, что стихи произведения не переведены на татарский язык. Он отмечает*: šiğyrlärneη känd törki telenä xosusyjäte bulğanyndan wä ğyläqase bulğanyndan … tärcemä qylynmaj üz xälläreηčä qaldyryldy* [ТН: 2] ‘Стихи, из-за особенностей, связанных с тюркским языком, были не переведены, оставлены как есть…’. Однако это не совсем соответствует действительности, например, в турецком тексте имеется такое стихотворение: *Sanamağyz kim dijer ğurbetde * Kiše rexet bulub xuzur itmez * Dever ulyr gerče kim axibbeden * Hele ağdelere juzun gurmez** [Тутинаме, 1931: 18]. ‘Не считайте, Вы, что человек, который в скитании, наслаждается удовольствием, он от своих любимых свободен, и не видит лица своих врагов…’. В татарском варианте сохранен смысл стиха полностью, но наблюдаются небольшие изменения в плане лексики: *Xisab qylmağyz kem dijär ğörbätdä * Keše räxätläneb xozur qilmas * Gärčä dustlaryndan jyraq bulsa da * ämma došmanlarynyη jözen kürmäs * ‘Не считайте, Вы, что человек, в скитании, наслаждается удовольствием, хотя он и далек от своих друзей, но и не видит лица своих врагов…’.

Рассмотрим другой пример из этого же произведения:

*Cihannyη ğiz ve cahin izğan ejledem ben kim **

qapuŋda bende ulmaq dehre sultan ulmadan jakšydur * [Тутинаме, 1931: 71].

‘Я покорился величию и силе мира,

Быть твоим привратником лучше, чем быть правителем эпохи’

Татарский перевод полностью передает смысл стиха, но наблюдается адаптация лексики на татарского читателя:

*Dönjanyŋ ğizzät wä xörmäten synab belgänem šul räwešleder **

Ki qabqaŋda bändä bulmaq soltan bulmaqdan jaxšyraqdyr * [ТН: 57]

‘Я таким образом испытал величие и уважение мира,

Что быть твоим привратником лучше, чем быть правителем’.

Имеют место случаи, когда Г. Фаизханов не переводит целиком стих, а передает только его смысл, например, в турецком варианте:

*Irtibat idele cevher ile ğaryz * qyssadan xissadur elqyjssa ğaryz **

nizamy uzre šahy Xoresan dexi xikejelerden fajdajeb alub … [Тутинаме, 1931: 15]

‘Связывают жемчужину с демонстрацией, Польза от рассказов на самом деле проявляется, следуя этим правилам правитель Хорасана извлек много пользы…’

В татарском переводе: *Qyssadan xissa al dijelgän süz bujynča Xöräsän padišahysy qyjssalardan küb fajdalar aldy* [ТН: 15] ‘Следуя высказыванию «Извлекай пользу из рассказа», правитель Хорасана получил много полезного от (слушания) рассказов’.

Стихотворения в татарском тексте «Кырык вәзир китабы», как в турецком оригинале, не переведены, а оснащены лишь комментариями, например: в турецком тексте: *Läqad räbbäjtü cärwan dähran* fälämmä sarä kälbän ğadda ricli* jäğni bir küček unuğu besledem, vaqteki bu küčük uldy bene delejub ajağume jabušur uldy* [ИСВ, 1903: 11] ‘Я воспитал щенка, когда он стал псом, напал и схватил меня за ногу’.

В татарском переводе наблюдается расширение стиха: *Läqad räbbäjtü cärwan dähran* fälämmä sarä kälbän ğadda ricli* Läqad ğallämtü ğilmä filmssähmi ğajrän* fälämmä sarä ustäzän rämäni* jäğni bir kečkenä et balasyn tärbijä qyldym üsderdeb, et bulyb jitkäč mane talab ajağyma jabyšdy däxi beräwne*

uq atarğa üğrätdem üğräneb jitkäč üzemne atdy [KB: 11] ‘т.е. я воспитал и вырастил щенка, когда вырос, напал на меня и схватил за ногу. Другого учил стрелять из лука. Как только научился, выстрелил в меня…’.

Следует отметить, что различия имеются в описаниях начала и окончания ночей в «Тысяча и одна ночь». В арабском оригинале ночи часто начинаются очень скромно, стандартными фразами:

قالت: بلغني أيها الملك السعيد [Тысяча, 1: 70]

‘… она сказала: ‘Дошло до меня, о счастливый царь...’ [Салье, 1: 215]; и заканчиваются также трафаретными шаблонами:

وأدرك شهرزاد الصباح فسكتت عن الكلام المباح [Тысяча, 3: 251]

‘И Шахрезаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи’ [Салье, 6: 86].

В турецком переводе также преобладает однообразное начало ночей:

شهرزاد كلامه شروع ايدوب ديركه [Tercume, 3: 12]

Šahräzad käläme šuruğ ideb dijerki ‘Приступая к рассказу, Шахрезада говорит’; или [Tercume, 1: 82] *شهرزاد كلامه اغاز ايدوب ديركه Šahräzad käläme ağaz ideb dijerki* ‘Приступая к рассказу, Шахрезада говорит’.

Однако здесь наблюдается употребление более красочных описательных форм и выражений:

چون كيچه اولدى شهرزاد ملكه وعد ايلديكى حكايه نك نقلنه تفرغ ايدوب [Tercume, 3: 44]

čun gece oldu Šahräzad melike veğde ejledeke xikajänen neqlyne teferruğ idüb ‘Когда настала ночь, Шахрезада, приступив к обещанному царю рассказу, говорит...’;

چون ظلمة داج سوق انامه يايلوب كسب رواج و خلق يورغونلوق و كيفسزلكى استراحت تصحيح مزاج ايده كلد كلرينى شهرزاد كوروب اول دخى ملكى اكلندرمك و كندى قتلدن خلاص بولمك ايچون حكايه تكميلنه شروع ايدوب ديركه [Tercume, 3: 65]

čun zulmä däc sävuq änäme jäjilub keseb rävac ve xalyq jurğunluq ve kejefsezleke istirexet tesxix mezac idekledeklerene Šahräzad küreb ul dexi melike anlandyrmaq ve kendi qatylden xalas bulmaq üčün xikeje tekmilene šuruğ ideb dijerki ’Когда тирания накрыла всю землю, люди, чтобы отвлечься от

безысходности, находили спасение в отдыхе, во временной передышке; и Шахрезада, видя всё это, пытаясь образумить царя и спасая себя от неминуемой смерти, приступая к продолжению, говорит...’.

Описание окончания ночей также достойно внимания:

[Tercume, 1: 16] *شهرزاد صباح تقرب ایتدیکنی کوروب سکوت ایلدی*

Šahräzad sabax tekerrub itdegene güreb sukut ejledi ‘Шахрезада, увидев, что наступило утро, прекратила свою речь…’;

بو کیجه فجر یاقلشدی اکر ملك بنی اولدرمیوب ابقا ایدر ایسه یارنکه کیجه عرض و نقل ایدارم دیدکده ملك ای شهرزاد بن سنی چوق سورم صوکی خیرلی الور دیوب شهرزادی خوابکا هنه الوب بیتوتت ایتدیلر bu gece fecer jaqlašdy eger melik bene öldermejeb ibqa ider ise jerynky gece aryz ve nekel iderem didekde melik ej Šahräzad ben seni čok severem sony xejerle ulur dejub Šahräzade xevebke xene alub bitutet itdeler ‘… приближается рассвет, если царь меня не убьёт и продлит мне жизнь, в следующую ночь я расскажу’, царь сказал: ‘Шахрезада, я тебя очень люблю, всё будет хорошо’, – и повёл Шахрезаду в спальню и они легли спать’.

Что касается татарского перевода, то в нём проявлена простота, присущая арабскому оригиналу. В первом томе татарского варианта активно используются формы *axšam bulğač Šährezad dijär ki* … [Әлфу: 19] ‘Когда настал вечер, Шахрезада говорит…’ и kičä *bulğač Šährezad dijär ki* [Әлфу: 49]. ‘Когда настал вечер, Шахрезада, приступая к рассказу, говорит’ с явным доминированием формы с лексемой *axšam* ‘вечер’. Также в начальной части татарского перевода имеет место другая форма, снова с лексемой *axšam* ‘вечер’: *jänä axšam bulğač šah Šährezadqa xikäjäne tämam qyl dijeb färman qylğač Šährezad dijär ki* [Әлфу: 16] ‘Когда снова наступил вечер, шах велел Шахрезаде завершить рассказ, Шахрезада говорит...’.

Во втором томе при описании начал ночей преобладает форма *kičä bulğač Šährezad dijär ki* [Әлҗилдү, 2: 65] ‘Когда настал вечер, Шахрезада говорит…’ и его разновидности: *Šährezad kičä bulğač dijär ki* [Әлҗилдү, 2: 29] ‘Шахрезада, когда настал вечер, говорит…’; *kičä bulyb qandillärdä šämlär jandyrğač Šährezad wäzir Dändän xikäjäsen dijär ki* [Әлҗилдү, 2: 42] ‘Когда

настал вечер и зажгли свечи, Шахрезада приступает к рассказу визиря Дандана’.

Здесь обнаруживается интересный факт: в первом томе Ф. Халиди предпочитает использовать лексему персидского происхождения *ахшам* в значении ‘вечер’, которая довольно активно функционировала в старотатарском литературном языке, а во втором томе предпочитает использовать слово *кичә* тюркского происхождения в том же значении, которое характерно для народно-разговорному татарскому языку.

Повествование об окончании ночей также не отличается особой красноречивостью. В текстах татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь» преобладают следующие формы и выражения: *Šährezad* ***taŋ jaqyn*** *dijeb süküt äjläde* ‘Шахрезада, сказав, что наступило утро, прекратила свою речь’; ***sabax jaqyn*** *bulğač Šährezad xikäjädän tuqtady* [Әлфу: 16] ‘Когда наступило утро, Шахрезада прекратила речь’; *Šährezad* ***sabax ulğanyn*** *küreb tuqtady šah Šährezad berlän jatdylar joqlarğa* ‘Шахрезада, увидев, что наступило утро, остановилась, шах и Шахрезада легли спать’. Как видно из примеров, и в этих фрагментах мы выявляем чередование синонимов литературного и народно-разговорного языков.

Тексты турецкого и татарского переводов «Тысяча и одна ночь» по объему и содержанию очень близки друг другу. В распределении ночей, в последовательности рассказов Ф. Халиди придерживается турецкого перевода. Близость турецкого и татарского языков позволила переводчику заимствовать некоторые лексические единицы и грамматические формы турецкого варианта. Как уже указали выше, проявляется также творческий подход Ф. Халиди в процессе обеспечения доступности сближения языка татарского перевода сборника сказок «Тысяча и одна ночь» широкому слою читателей.

Рассматривая оригинал текста и его перевод, необходимо обратить внимание на фактор эквивалентности, т.е. принцип идентичности текстов. Однако сравнивая оригинал и перевод анализируемого произведения, мы

замечаем частичную взаимозаменяемость. Так, например, если сравнить оригинал и турецкий перевод «Рассказ о Синдбаде», то можно заметить максимальную близость содержания арабского и турецкого текстов.

Арабский оригинал звучит так:

كان في زمن الخليفة أمير المؤمنين هارون الرشيد بمدينة بغداد رجل يقال له السندباد الحمال، وكان رجلاً … فقير الحال يحمل تجارته على رأسه فاتفق له أنه حمل في يوم من الأيام حملة ثقيلة، وكان ذلك اليوم شديد الحر فتعب من تلك الحملة وعرق واشتد عليه الحر، فمر على باب رجل تاجر قدامه كنس ورش وهناك هواء معتدل، وكان بجانب الباب مصطبة عريضة فحط الحمال حملته على تلك المصطبة ليستريح ويشم الهوا [Тысяча, 3: 115]. ‘А был во времена халифа, повелителя правоверных, Харуна ар-Рашида в городе Багдаде человек, которого звали Синдбад-носильщик. И был это человек, живший бедно, и носил он за плату тяжести на голове. И случилось, что в какой-то день он нес тяжелую ношу, — а была в этот день сильная жара, – и утомился Синдбад от своей ноши и вспотел, и одолел его зной. И проходил он мимо ворот одного купца, перед которыми было подметено и полито, и воздух там был ровный, и рядом с воротами стояла широкая скамейка. И носильщик положил свою ношу на эту скамейку, чтобы отдохнуть и подышать воздухом…’ [Салье, 5: 37].

Турецкий перевод:

بعداد شهرنده هارون الرشيد خلافتی هنكامنده سندباد نامنده بر حمال وار ايديكه غايت فقير الحال اولوب اجرت ايله خلقك اشياسنی يوكلنور ايدی يازموسمنده كونلرده بر كون غايت ثقيل بر شی قالديروب اولكون دخی شدت حر اولمغله دره باتوب عظيم مشقت چكه رك كيدرايكن بر بيوك تجار اوينك قپوسندن مرور ايتمكله قپونك صو ايله مرشوش و ايكی طرفندن برر مصطبه كزل افرشه ايله مفرش و دهليز درونده غايت اطيق هوا و نسيم چيقديغنی كوروب شدت تعبندن استراحت صدد ايله اول قاپونك سياسنده ارقه سندان حملنی قيوب استراحته اوتوردقده [Tercume, 3: 40].

Транскрипция данного текста: *Bağdad šehrinde Harun el-Rešid hilafet-i hengamında Sindbad namında bir xamal var idiki gajet fakirülxal olub icret ile xalkın ešyasını jüklenur idi. Yaz mevsiminde günlerde bir gün gayet sakil bir šej kaldırub ul gün dahi šiddet harr olmacla dere batub azim mešakkat čekerek gider iken bir büyük tüccar evinin kapusından mürur etmekle kapunun su ile meršuš ve iki tarafından birer mastaba qyzyl ifraša ile mefruš ve dehliz dururunda gayet atik*

hava ve nesim čikdegen küreb šiddet teğibendin istiraxat sadady ile ul qapunen sijasynda arkasyndan xamalen qujub istiraxate uturdyqda… ‘… в городе Багдад, во времена правления Харуна ар-Рашида жил некий носильщик по имени Синдбад; будучи очень бедным, он за плату носил вещи людей; однажды летом он нес очень тяжелую ношу; из-за того что этот день был очень жарким, он шел вспотев и сильно мучаясь. Проходя мимо ворот дома богатого купца, он увидел, что перед воротами было полито водой, с двух сторон стояли две скамейки, покрытые красными покрывалами, и со двора дул свежий нежный ветер. Из-за сильной усталости, чтобы отдохнуть, он снял с себя ношу и присел возле ворот дома…’.

Образ Синдбада-носильщика в обоих вариантах перевода описывается фразами *fakirül xal* ‘нищий’, говорится, что он носит тяжести (в араб: *jäxmilu ticärätähu ğalä rä’sihi* ‘носил тяжести (букв. товар) [Баранов, 1985: 99] на голове’, (в турец.) *xalknın ešjasını jüklenur idi* ‘… носил вещи людей’.

В обоих случаях наблюдается передача информации с высокой степенью сходства, но имеются и различия – в отличие от арабского текста, в турецком варианте переводчик намеренно пропустил эпитет халифа (Правитель правоверных), а также количество скамеек увеличил вдвое, и они были покрыты красными покрывалами.

В татарском переводе прослеживается подражание турецкому тексту: *Bağdad šähärendä Harun är-Räšid xalifä waqytynda Sindbad isemendä ber jök tašučy bar ide (jäğni xammäl) ğajät fäqyjr ide jaz könlärendä ber kön bik ağyr närsä kütäreb barğanda ajaqlqry häm balčyqğa batyb küb mäšäqat čigeb baradyr ide ber zur bajnyŋ qapusy janyndan uzyb barğanda küze qapunyŋ ečenä töšeb kürde ečendä ğajät näfis su häm ike jağynda jaxšy binalar häm bu qapudan jaxšy cil iseb torğač beraz xäl cyjar öčen arqasyndan jökne qujyb qapu janynda utyrdy* [Әлҗилдү, 4, 73]. ‘… во времена правления Харуна ар-Рашида в Багдаде жил-был некий носильщик по имени Синдбад; он был очень беден. Однажды весной, когда он нес тяжелую ношу, шел и мучился, его ноги застряли в грязи; проходя мимо ворот богатого купца, его взгляд упал во двор дома и он

увидел там красивую речку: по её сторонам стояли красивые здания и со двора дул свежий ветер; чтобы отдохнуть, он снял с себя ношу и присел возле ворот’.

В татарском переводе «Рассказа о Синдбаде» также внимание сфокусировано на нищете носильщика. Однако в отличие от арабского и турецкого текстов здесь прослеживаются некоторые различия: действие изображено весной, и носильщик ходит по грязи; во дворе течет речка, вдоль реки расположены красивые здания, о наличии скамеек возле ворот переводчик не упомянул.

Лексема *jaz* в турецком языке выражает понятие ‘лето’, а в татарском языке лексема *яз* используется в значении ‘весна’. Вероятнее всего, Ф. Халиди предпочел весну лету и позволил себе внести некоторые изменения в текст перевода, тем самым сближая описываемого события к реалиям татарского народа (весна – грязь – тяжелая работа).

Творческий подход татарского переводчика «Тысяча и одна ночь» наблюдается и применительно к другим сюжетам. Автор пытается приблизить содержание кысса к реалиям татарского мира при помощи замены некоторых деталей. Это наглядно можно встретить в «Сказке о купце и духе». Например, в арабском оригинале старец рассказывает свою историю джину:

اتعلم يا أيها العفريت أن هذه الغزالة هي بنت عمي ومن لحمي ودمي وكنت تزوجت بها وهي صغيرة السن وأقمت معها نحو ثلاثين سنة فلم أرزق منها بولد فأخذت لي سرية فرزقت منها بولد ذكر كأنه البدر إذا بدا بعينين مليحتين وحاجبين مزججين وأعضاء كاملة فكبر شيئًا فشيئًا إلى أن صار ابن خمس عشرة سنة فطرأت لي سفرة إلى بعض المدن فسافرت بمتجر عظيم وكانت بنت عمي هذه الغزالة تعلمت السحر والكهانة من صغرها فسحرت ذلك الولد عجلًا وسحرت الجارية أمه بقرة وسلمتها إلى الراعي [Тысяча, 1: 13]

‘Знай, о ифрит, — сказал тогда старец, — что эта газель — дочь моего дяди и как бы моя плоть и кровь. Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от нее ребенка; и тогда я взял наложницу, и она наделила меня сыном, подобным луне в полнолуние, и глаза и брови его были совершенны по красоте! Он вырос, и стал большим,

и достиг пятнадцати лет; и тогда мне пришлось поехать в какой-то город, и я отправился с разным товаром. А дочь моего дяди, эта газель, с малых лет научилась колдовству и волхвованию, и она превратила мальчика в теленка, а ту невольницу, мать его, в корову и отдала их пастуху’ [Салье, 1: 28].

Сравнение отрывка из арабского оригинала с русским переводом показывает, что перевод М. Салье, представляющий жемчужину «золотого фонда» переводной литературы, очень точно передает смысл данного отрывка оригинала.

Однако при сопоставлении турецкого текста с арабским оригиналом, на первый взгляд, кажется, что турецкий перевод идентичен оригиналу, но при внимательном сравнении выявляется, что турецкий переводчик акцентирует внимание на бесплодии супруги рассказчика и пропускает описание внешних данных ребенка:

افندم المده اولان اوشبو كيك بنم عمم قزى اولوب كچك ايكن بكا تزويج ايتمشلر ايدى بونيچه سنين بينمزده معامله زوجيت اولمش ايسه ده عقميه اولمق حسبيله اولادى اولمديغندن بر جاريه اشترا واستفراش ايلدم و اندن بر اوغلم دنيايه كلدى اوغلم اون بش ياشنه وارمقده ايكان لاجل التجاره بنده كز طشره يه عاظم اولديغمده اوشبو زوجه م اوغلم ايله جاريه مى چكا ميوب زياده سيله سحاره اولديغندن سحر ايله اوغلمى بوزاغو صوره تنه جاريه مى اينك صوره تنه تحويل ايدوب چوبانمزه تسليم ايتمش [Tercume, 1: 12].

Приведём транскрипцию данного текста: *efendem elemde ulan išbu kijek benim amym qyzy ulub küček iken bana tezvic itmešler ide bu niče sinin bejnemezde muamele zevcijet ulmyš ise de ğaqamije ulmaq xesabijla evlade ulmadyndan bir carije ištire ve istifraš ejledem ve andan bir oğlum dunjaje geldi oğlum unbiš ješene varmaqda iken liecli et-ticere bendeniz tašraja ğazim ulduğumda išbu zevcem oğlum ile carijeme čakamejub zijedesile saxxara uldyğyndan sixer ile oğlumu buzağu suretine carijeme inek suretine texvil idüb čubanymyza teslim itmeš.* ‘… мой господин, эта дичь, которую я привел, является дочерью моего дяди и в очень юном возрасте её выдали за меня замуж; мы в браке прожили много лет, из-за её бесплодия, детей у нас не было, и я купил себе наложницу; от неё родился у меня сын. Когда сын достиг пятнадцати лет, я из-за торговли вынужден был уехать. Моя жена не

любила моего сына и наложницу, сверх того, будучи колдуньей, при помощи колдовства, она превратила сына в теленка, а наложницу в корову, и передала их в руки нашего пастуха’.

Акцентирование внимания на бесплодии супруги старца – рассказчика, по нашему мнению, вызвано попыткой оправдания покупки рабыни, т.е. супруг вынужден был пойти на этот шаг в целях иметь наследника.

Татарский перевод в основном соответствует турецкому варианту текста: *qart äjtäder äfändem qulymdağy kijek bänem ğamym qyzy ulyb jäš waqytda bäŋa nikax ideb wirmešlär ide, ničä jyllar bergä irle xatynly bulyb torsaq da, balalarymyz bulmağanlyqdan, ber carijä satyb aldym, andan ber uğyl dönjağa kileb unbiš jäšenä kerdekdä bän säwdä öčen čit šähärgä kitdem, bu xatynym carijä berlän uğlymny ber jaratmajynča, bik säxirä ukdyğynnan sixer ilän uğlymny bozaw surätenä carijämne käcä surätenä qujmyšda, kötüčemezneŋ älenä tabšyrğb* [Әлфу: 12]. ‘Старик говорит: ‘Мой господин, эта дичь, которую я привел, является дочерью моего дяди и в очень юной она стала моей женой; несмотря на то, что мы в браке прожили много лет, детей у нас не было; и я купил себе наложницу, она родила мне сына. Когда сын достиг пятнадцати лет, я поехал в другой город заниматься торговлей. Моя жена была колдуньей и не любила моего сына и наложницу; она превратила сына в теленка, а наложницу в козу и передал их в руки нашего пастуха’.

Как мы видим, творческий «трансформирующий» подход татарского переводчика в виде *замены детали* проявляется в данном отрывке. В «Сказке о купце и духе». в арабском и турецком вариантах рассказывается о том, что злая жена-колдунья купца превращает его рабыню и сына в корову и теленка, а Фатих Халиди в татарском варианте по неизвестным причинам корову заменил на козу. Возможно, такой подход был обусловлен тем, что в сказках, которые были известны татарскому народу, превращение кого-либо с помощью колдовства в козу было довольно распространенным сюжетом.

Творческий подход прослеживается и у других авторов. В «Калиле и Димне» Г. Фаизханов часто использует такой прием – в рассказе про

обезьяну и плотника, в арабском оригинале обезьяна защемила в бревно свой хвост, а в татарском переводе – половые органы:

فقام القرد و تكلّف ما ليس من شأنه فركب الخشبة و جعل ظهره قبل الوتد و وجهه قبل الخشبة فتدلى ذنبه في الشقّ و نزع الوتد فلزم الشّقّ عليه فكاد يغشى عليه من الألم .[ККД: 69].

‘Она забралась на козлы и уселась на бревно, не заметив, что хвост ее попал в щель. Когда она вытащила клин, то бревно защемило ей хвост и от боли обезьяна потеряла сознание’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 84].

Ul keše ber jaqğa kitkäč tiz ük anyŋ urynyna kileb ***xasijälären jaryqğa salyndyryb utyrdy****. Alaj-bolaj iteb teše tyrnağay belän tartyb jaryqğa qalğan čöjne suyrdy. Ul waqyt jaryq jabylyb kitde dä monyŋ xasijäläre qysylyb qaldy. Majmun awyrtudan issez bulyb jyğyldy* [КД: 35] ‘Когда тот человек ушел в сторону, (обезьяна) быстро села на его место и её причиндалы попали в щель, она различными способами, зубами и ногтями пыталась извлечь клин из щели. Вдруг щель закрылась и бревно защемило его причиндалы. От боли обезьяна потеряла сознание…’.

В притче про ворона и ядовитую черную гадюку рассказывается о цапле, которая обманывала рыб на озере:

قال ابن آوى: زعموا أن علجوماً عشش في أجمةٍ كبيرة السمك؛ فعاش بما ما عاش .[ККД, с. 85]

‘И шакал начал: «Говорят, что одна цапля поселилась на болоте, где было много рыбы, и спокойно жила там долгое время’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 99].

В татарском переводе речь идет о чайке:

Ber ***aqčarlaq*** *ber kül jaqasynda maqam tota ide* [КД: 47] ‘Жила-была некая чайка на берегу озера’.

В этой же притче говорится о том, что как ворон украл драгоценное колье молодой богатой женщины:

فانطلق الغراب محلّقا في السّماء فوجد امرأة من بنات العظماء فوق سطح تغتسل و قد وضعت ثيابها و حليّها ناحية فانقضّ و اختطف من حليّها عقدا و طار به[ККД: 87].

‘Пролетая над городом, он увидел на крыше высокого дома молодую женщину, дочь богатого вельможи, которая мылась, сняв одежды и украшения и отложив их в сторону. Ворон камнем пал на крышу, схватил блестяще е драгоценное ожерелье и взлетел’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 101].

В татарском переводе в этом эпизоде ворон украл сверток с множеством драгоценностей:

Ber baj xatyny üze suğa kereb ***cäwähirdän beläzeklären, jözeklären, alqalaryn, kül jaqasynda*** *ber jawlyqğa töjnäb qaldyrğan ikän, qarğa šul töjenne kütäreb očdy* [КД: 49] ‘Жена богача, когда пошла купаться, завернула свои браслеты, кольца, сережки и другие украшения в платок и оставила на берегу озера. Ворон схватил этот сверток и улетел’.

В арабском оригинале имеется рассказ про отшельника, который ищет вора, укравшего его вещи, который стал свидетелем бойни между двумя баранами:

فمرّ في طريقه بوعلين يتناطحان حتى سالت دماؤهما [ККД: 80].

‘На обочине увидел он двух баранов, которые сшибались рогами и бились так жестоко, что нанесли друг другу глубокие раны’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 95].

В татарском переводе в этом же рассказе речь идет не о баранах, а о быках:

Menä julda ike ***ügez*** *ber bere belän oryšyb mögezläre belän sözešeb či qanğa töškännär* [КД: 45] ‘Вот на дороге два быка бились друг с другом рогами и проливали кровь…’.

«Новаторство» татарских переводчиков наблюдаются и в других аспектах. Хотя эти изменения не касаются лексико-семантического уровня, они демонстрируют адаптацию на содержательном и ментальном уровнях текста оригинала, что прослеживается на таком приеме как *сравнение.* Рассмотрим сказку про путешественника Синдбада «Тысяча и одной ночи». Арабский оригинал:

قالت: بلغني أيها الملك السعيد، أن السندباد البحري لما زاد تعجبه من الطائر الذي رآه في الجزيرة تذكر حكاية أخبره بها قديماً أهل السياحة والمسافرون، وهي أن في بعض الجزائر طيراً عظيماً يقال له الرخ يزق أولاده بالأفيال فتحققت أن القبة التي رأيتها إنما هي بيضة من بيض الرخ؛ ثم إني تعجبت من خلق الله تعالى. فبينما أنا على هذه الحالة وإذا بذلك الطير نزل على تلك القبة وحضنها بجناحيه وقد مد رجليه من خلفه على الأرض ونام عليها [Тысяча, 3: 125].

'… она сказала: 'Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход ещё больше удивился птице, увидав ее над островом; и вспомнил одну историю, которую ему давно рассказывали люди, странствующие и путешествующие, а именно: что на неких островах есть огромная птица, называемая Рух, которая кормит своих детей слонами. 'И я убедился, — говорил, — что купол, который я увидел, — яйцо Руха, и принялся удивляться тому, что сотворил Аллах великий. — И в это время птица вдруг опустилась на этот купол, и обняла его крыльями, и вытянула ноги на земле сзади него, и заснула на нем' [Салье, 5: 394].

Сопоставление арабского оригинала и русского перевода не дает никакого основания выносить какие-либо критические мнения о качестве мастерски выполненного перевода М. Салье.

Турецкий перевод на семантическом уровне почти повторяет арабский оригинал сказок, единственная особенность турецкого текста – птица Рух кормит своих детей детенышами слонов:

پس اول عظیم الجثه مانند کوه اولان مرغ جزیره یه تقرب ایله اول قبه اوزرینه قونوب قنادلر ایله اورتوب یاتدی چون بن من القدیم سیاح و سفر زمین ایدن ذواتدن بر حکایه ایشتمش ایدم شویله کی بعض اطه لرده رخ نامنده بر بیوک قوش وار ایدکه یارولری فیل یاوروایله یوررایدی اول حکایه حاطریمه کلوب قبه مذکوره رخ یمورطه سی اولدغنی بیلدوم و اوزرینه قونوب یاتمغله زیادجه تقینم حاصل اولدی دینجه شهرزاد صباح تقرب ایتدیکنی کوروب سکوت ایلدی.[Tercume, 3: 50] .

Приведём транскрипцию данного текста: *pes ul azim -l- cessa meninde guh olan mereğ cezireje taqarrub ejle ul qubbe uzrene qunub qanadlar ile uratub jatdy čun ben min -l- qadim sejax ve sefer zemin iden zevetdan bir xikeje išetmeš idem šöile ki bağze atalarda rux namynda bir büjük quš var ideki javrulari fil javrularile jururide ul xikaje xatyryma gelib qubbe-i mezkurä rux jumurtasy*

uldyğyny bildüm ve uzerene qunub jatmağla zijedece tagjynym xasil oldu dejnce Šährezad sabax taqarrub itdegen kürüb sukut ejledi ‘...потом птица Рух, имеющая огромное тело, приблизилась к острову, приземлилась на этот купол и, обняв его крыльями, легла на него. Когда-то давно я слышал от путешественников рассказ о том, что на некоторых островах живут огромные птицы по имени Рух, птенцов своих кормят детенышами слонов; вспомнив этот рассказ, я понял, что указанный купол является яйцом Руха. Манера её высиживания дополнительно убедила меня в этом’, – сказала Шахрезада, – и увидев, что наступило утро, прекратила свою речь’.

В приведенных выше примерах из арабского и турецкого переводов говорится о том, что слон служит в качестве пищи для птенцов Руха. В татарском переводе лексема *фил* (кебек) (как) ‘слон’ используется для сравнения размеров птенцов Руха:

šundyj zur qoš taw kebi kileb bu kübbäneη üzrenä qunyb qanatlary ilä uratyb jatdy bän bäğze adämlärdän išedeb idem rux digän qoš bar anyη jomyrqadan čyqğanda balasy fil kebi zur ulyr dijeb bu süzlär xäteremgä kileb kübbä bu qošnyη jomyrqasy ikänen beldem – čönki bu qoš basyb jatuyndan beldem - Šährezad taη jaqyn dijeb süküt äjläde. ‘Большая птица, словно гора, прилетела к этому куполу и, обняв его крыльями, легла на него. Я слышал от некоторых людей о том, что существует птица Рух и её птенцы, которые вылупляются из яиц, размером со слона, я вспомнил об этом и понял, что данный купол является яйцом этой птицы – узнал по манере её высиживания. Шахрезада, сказав, что наступило утро, прекратила свою речь’.

В татарском языке распространено сравнение чего-либо большого со слоном: *фил хәтле, фил зурлыгында, фил кебек* и др. В фольклорных текстах и в литературе можно встретить большое количество примеров, где лексема *фил* ‘слон’ используется для обозначения большого размера предмета, значимости действия или признака, например, *һәр фил озын борынлы булса да, һәр озынборын фил булмый* (Татарская народная пословица); *Тик ни файда, көчең филдәй булып, эшең булса чыпчык тезеннән* (М. Джалиль) и др.

На основе вышеприведенного отрывка можно сделать вывод о том, что автор-переводчик, для восприятия содержания умышленно использовал более близкие для восприятия, распространенные в татарском языке стилистические приемы.

В восточной литературе лицо красивой девушки нередко уподобляется луне в четырнадцатую ночь месяца. В татарском тексте переводчик сравнивает прекрасное лицо девушки с луной в пятнадцатую ночь месяца:

bik matur qyz janyna kileb ***čähräse ajnyŋ unbišenče kičäse kebi*** *jaltyrar ide* [Әлфу: 138] ‘К нему подошла прекрасная девушка, лицо ее блестело как луна в пятнадцатую ночь месяца’.

В турецком варианте:

بر صاحبة الجمال دختريانمزه كلديكه چهره سى ايك اون دردى كبى لمعان ايدوب [Tercume, 1: 93].

bir saxibetu-l cemal duxter janimiza geldeki ***čehresi ajin undürdi gebi*** *lemğan idüb* ‘К нам подошла красивая девушка, лицо сияло как луна в четырнадцатую ночь месяца’.

Сравнения арабского и турецкого вариантов сборника сказок «Тысяча и одна ночь» показывают, что турецкий переводчик пытался наиболее полно и точно передать содержание оригинала. Это заметно при сравнении любого рассказа. Рассмотрим отрывок из арабского оригинала:

وبعد ذلك قمت على حيلي وتمشيت في الجزيرة يميناً وشمالاً وصرت لا أستطيع الجلوس في محل واحد. ثم إني صعدت على شجرة عالية وصرت أنظر من فوقها يميناً وشمالاً فلم أر غير سماء وماء وأشجار وأطيار وجزر ورمال، ثم حققت النظر فلاح لي في الجزيرة شيء أبيض عظيم الخلقة فنزلت من فوق الشجرة وقصدته وصرت أمشي إلى ناحيته، ولم أزل سائراً إلى أن وصلت إليه، وإذا به قبة كبيرة بيضاء شاهقة في العلو كبيرة الدائرة فدنوت منها ودرت حولها، فلم أجد لها باباً ولم أجد لي قوة ولا حركة في الصعود عليها من شدة النعومة فعلمت مكان وقوفي ودرت حول القبة أقيس دائرتها فإذا هي خمسون خطوة وافية، فصرت متفكراً في الحيلة الموصلة إلى دخولها [Тысяча, 3: 126]

‘И я поднялся, и стал ходить по острову направо и налево, и не мог уже больше сидеть на одном месте, и затем я влез на высокое дерево и стал смотреть с него направо и налево, — но не видел ничего, кроме неба, воды, деревьев, птиц, островов и песков. И я посмотрел внимательно, и вдруг

передо мной блеснуло на острове что-то белое и большое; и тогда я слез с дерева, и отправился к этому предмету, и шел в его сторону до тех пор, пока не дошел до него, и вдруг оказалось, что это — большой белый купол, уходящий ввысь и огромный в окружности. И я подошел к этому куполу и обошел вокруг него, но не нашел в нем дверей и не ощутил в себе силы и проворства, чтобы подняться на него, так как он был очень гладкий и скользкий. И я отметил то место, где я стоял, и обошел вокруг купола, вымеряя его окружность, и вдруг он оказался в пятьдесят полных шагов. И я стал придумывать, как бы мне проникнуть туда’ [Салье, 5: 394].

В данном фрагменте из сказки про Синдбада-морехода, где речь идет о моряке, который случайно остался один на необитаемом острове. Он не может найти себе место и покоя, постоянно бродит по острову, пытается найти выход из сложившейся ситуации.

Турецкий переводчик, стараясь передать в содержании фрагмента перевода арабского оригинала внутренние переживания моряка, расширяет описания душевного состояния героя предложением: … *mecnun gebi cezirede gezerek ğaryzsyz etrafa sapub jurur idem* … ‘… как сумасшедший, бродил по острову без цели…’:

و شدت قساوتمدن بر يرده تك طورمغه قدرت بولميوب مجنون كبى جزيره ده كزرك غرضسز اطرافه صاپوب يورر ايدم اغاجدن وقوم و طوپراقدان و كوك و دكزدن غيرى بر شئ كورمدم اول وجهله حركت قسريه ايله يورر ايكن قارشومه بر عظيم بياض قبه نمايان اولمغله صو بنه عزيمت و ياننه وصول ايتديكمده غايت مرتفع و دوز بر قبه جسيمه كوروب هر نقدر قپوسنى ارامش ايسه مده بوله ميوب اطرافنده طولاشور قالدم و دائرةمحيطه سينى اولچوب ايللى خطوه قدر اولديغنى بولدم [Tercume, Тыс. 3: 50].

Приведем транскрипцию данного текста: *ve šiddet qasavetimden bir jirde tik turmağa qudret bulmajub mecnun gebi cezirede gezerek ğaryzsyz etrafa sapub jurur idem ağačdan ve qum ve tupraqdan ve kük ve dinezden ğajre ber šej kurmedem ul vecehile xareket qasrije ile jurer iken qaršyma ber ğazyjm bejaz qubbe nemejan ulmağile subene ğazimet ve janyna vusul itdekemde ğajet murtafiğ ve düz bir qubbe cesime kurub her nikadär qapusyn aramyš isemde bulamujub atrafynda tulašur qaldym ve daire muhiteseni ülčeb ille xatve qader uldyğny*

buldum. ‘Из-за своего очень сурового положения я не мог находиться на одном месте и, как сумасшедший, бродил по острову без цели и не видел ничего кроме деревьев, песка, почвы, неба и моря. Ходил таким образом, пока не показался передо мной огромный белый купол, и когда я подошел к этому большому строению, увидел очень высокий, ровный, огромный купол. Как бы ни старался найти вход в него, не смог и остался бродить вокруг него. Измерив окружность его, определил, что она составляет в пределах пятидесяти шагов’.

Что касается татарского перевода, то Ф. Халиди мало уделяет внимание психологическому состоянию персонажа, прибегая к сокращению текста, он игнорирует описание размеров купола. В результате, татарский вариант данного фрагмента оказался более коротким:

axyr xafamdan ber jirdä tik tora almaj däimän jöreb ber kön qaršymda bik bijek ber aq qubbä küreneb janyna bardym šul qadär qapusyn ezlädem tabmaj atrafyndan qarab jördem [Әлҗилдү, 4, 80] ‘Из-за страха я не мог находиться на одном месте и постоянно ходил. Однажды увидел перед собой высокий, белый купол, подошел к нему, ходил вокруг, пытаясь найти вход, но не смог’. Мы выше уже указали, что в переводе Ф. Халиди заметна сухость, скупость описания, он больше внимания уделяет на действия, чем на описания, подробные изложения и портреты.

Сокращение текста и уход от подробного изложения текста источника наблюдается и в других сказках татарского перевода сборника «Тысяча и одна ночь». Например, в арабском оригинале, в сказке о Синдбаде-мореходе есть такой отрывок:

ولم نزل سائرين إلى أن أتينا بستاناً في جزيرة عظيمة مليحة وفيها شجر الكافور وكل شجرة منها يستظل تحتها مائة إنسان، وإذا أراد أن يأخذ منه أحد يثقب من أعلى الشجرة ثقباً بشيء طويل ويتلقى ما ينزل منه فيسيل منه ماء الكافور ويعقد مثل الشمع وهو عسل ذلك الشجر وبعد ذلك تيبس الشجرة وتصير حطباً .[Тысяча, 3: 130]

‘И мы шли до тех пор, пока не пришли в сад на большом и прекрасном острове, и в саду росли камфарные деревья, под каждым из которых могли

найти тень сто человек. А когда кто-нибудь хочет добыть камфары, он сверлит на верхушке дерева дырку чем-нибудь длинным и собирает то, что из нее течет, и льется из нее камфарная вода и густеет, как клей, — это и есть сок камфарного дерева. И после этого дерево засыхает и идет на дрова’ [Салье, 5, с. 402].

Несомненно, русский перевод М. Салье адекватно передает содержание арабского оригинала. Турецкий переводчик также стремился довести до читателя содержание оригинала, однако прослеживается в нем скупость описаний:

اول باغچه ده کافور اغاچنی کوردم هر بر اغاچ یوز کشی کولکه سنه اوتوره بیلورو کافوری المق استدکلرنده اغاجی دلرلر ایمش دلندکده اندن بر صو اقوب بعده طونوب کافور اولور و صمغ کبی انعقاد ایدر لکن اغاج قورر کیدر[Тур.Тыс. 3, 53] .

Транскрипция данного текста: *ul bağčada kefur ağačyn gördüm her bir ağač jüz keše külegesene utyra bilur ve kefury almaq istediklerinde ağačy delerler emiš delendekde andan bir su aqub beğde tunub kefur ulur ve samuğ kebi inğiqad ider lekin ağač qurur kider.* ‘Я видел в том саду камфорное дерево, в тени каждого дерева могут поместиться сто человек; если захотят добыть камфору, сверлят его и из отверстия вытекает жидкость, которая застывает и превращается в камфору и, как клей, густеет, но дерево погибает’.

Татарский перевод данного фрагмента характеризуется чрезмерной краткостью и недосказанностью. Ф Халиди не счёл нужным донести до читателя информацию о способе добычи камфоры и о дальнейшей судьбе дерева: *Ul baqčada käfur ağačy kürdem här ber ağačynyŋ külägäsendä jöz keše utyryrlyq ide häm bu baqčada änwağy xajwanlar kürdem* [Әлҗилдү, 4, 82] ‘Я видел в том саду камфорное дерево, в тени каждого дерева могут поместиться сто человек, также в этом саду видел различных животных...’.

Сокращение текста и уход от подробного изложения текста источника характерно и для других изучаемых произведений, например, в «Калиле и Димне»:

[ArKD, : وكان فيمن معه من السباع ابنا آوى يقال لأحدهما كليلة وللآخر دمنة؛ وكانا ذوي دهاء وعلمٍ وأدبٍ 69].

‘Среди его подданных были два шакала. Одного из них звали Калила, а другого — Димна, и оба отличались хитроумием, большой ученостью и великими знаниями’ [Ибн аль-Мукаффа, 1986: 81].

Anyη xezmätendä ike danä wä ziräk šağal bar ide, bereneη aty Kälilä, bereneη aty Dimnä ide [КД: 30] ‘У него на службе были два умных и мудрых шакала, одного из них звали Калила, другого Димна’.

В турецком тексте «Абугалисина» («Канжинаи Хикмет»): *Bir jyl meğarede jatmağile ğul bijabana mušahib ulmyš ve sač ve saqallary bir-birene qaryšub tyrnaqlary uzajub … ğacejub bir suret bağlamušlar ideki ...* [Канжинаи: 9] ‘Прожив целый год в пещере они походили на степных привидений: их волосы и борода отросли и переплелись друг с другом и их ногти также отросли и обрели они ужасный вид…’. В татарском переводе: *Ber jyl muttasyl mäğarädä jatyb … sač ve saqallary jiteb bir-birene qaryšub ve tyrnaqlary ozajyb ber ğacejeb surätdä bulğan idelär...* [Әбу: 7] ‘Прожив целый год в пещере их волосы и борода отросли и переплелись друг с другом и их ногти также отросли и обрели они ужасный вид…’.

Однако наличие подобных кратких версий татарских переводов встречается далеко не всегда. Обычно объем татарских текстов больше, чем оригиналы произведений. То есть полноценно утверждать о том, что переводы ориентированы на сокращение текста оригинала или турецкого варианта не совсем правильно. Например, в «Абугалисина» К. Насыри мы, напротив, наблюдаем расширение текста: в турецком тексте: *Bir qač gün bir küšede aram ve teneffus idub bir gün tamašaji küče ve bazar idereken july čerševi xelve frušene … irde* [Канжинаи: 22] ‘Несколько дней он отдохнул ‘успокоился и отдышался. Однажды, когда он вышел прогуливался по улицам и базарам, дорога привела его к палатке продавцов сладостями…’. В татарском переводе: *Berničä kön ber jirdä qarar ideb sačyny kitäreb saqal wä tyrnaqlaryn kiseb adäm syjfatyna kerde, čönki ber jyl mäğarädä jatyb, ğoli*

biabanğa biŋzäleš, jäğni biğajnihi urmandağy šüräle kebek bulğan ide. Ber kön käseb hawa öčen tamaša qylyb bazarlarda wä uramlarda gizeb jörgändä july xälwäfrušlär jäğni xälwä satučylar uramyna turğy kilde [Әбу: 17] ‘На несколько дней он решил сделать привал, привести себя в человеческий вид: поднял волосы, постриг бороду и ногти, т.к. прожив целый год в пещере, они походили на степных привидений, то есть на шурале. Однажды, когда он вышел подышать воздухом и прогуливался по базарам и улицам, дорога привела его на улицу продавцов сладостями…’. Такой прием присущ и другим авторам. То есть в произведениях мы наблюдаем как сокращение, так и расширение текстов, в том числе полное соответствие оригиналу, на чем остановимся более подробно.

Авторы-переводчики подходят весьма оригинально к передаче смысла и содержания текстов оригинала. Заметен авторский подход к переводу, они переосмысливают тексты исходя из потребностей читателей. Большинство рассказов интерпретируемых произведений полноценно передают содержание как арабского оригинала (в случае «Тысячи и одной ночи»), так и турецких вариантов. Например, приведем фрагмент из арабского оригинала, где речь идет о попытке Синдбада покинуть необитаемый остров:

فعند ذلك فككت عمامتي من فوق رأسي وثنيتها وفتلتها حتى صارت مثل الحبل وتحزمت بها وشددت وسطي وربطت نفسي في رجلي ذلك الطير وشددتها شداً وثيقاً وقلت في نفسي لعل هذا يوصلني إلى بلاد المدن والعمار ويكون ذلك أحسن من جلوسي في هذه الجزيرة [Тысяча, 4: 126] .

‘… и тогда я поднялся и, развязав свой тюрбан, снял его с головы, и складывал его, и свивал, пока он не сделался подобен веревке, а потом я повязался им и, обвязав его вокруг пояса, привязал себя к ногам этой птицы и крепко затянул узел, говоря себе: ‘Может быть, эта птица перенесет меня в страны с городами и населением. Это будет лучше, чем сидеть здесь, на этом острове’ [Салье, 5: 394].

Сравнение фрагмента турецкого перевода с текстом оригинала показывает, что переводчик смог полностью передать содержание отрывка из арабского оригинала:

چن بن مرغ مذكور رخ اولديغنى تيقن ايتدم و بن بو اطه دن خلاص و نجاتم انجق بو قوشك واسطه سيله اوله بيلورو الامطلقاسنى كميسه بوندن قورتارمزديوب وصاريغمى چيقاروب ايب كبى بوكدم بعده بلمه اوچيله كوزلجه باغليوب وديكراوجى قوشك اياغنه بندايدوب تحتنده ياتدم و بهر حال بو قوش بنى اشبو خراب اطه دن چيقاروب معمور يره كيتروروبو كيفيت بورا ده اقامتمدن كوزلدر [Tercume, 3: 51].

Приведём транскрипцию данного текста: *čun ben mereğ mezkur rux uldyğn tejqyn itdem ve ben bu atadan xalas ve necatym ancaq bu qušun vasitasi ile ula bilur -l-imtileqasyny kimise bundan qurtarmaz dijub ve saryğymy čiqarub jib kebi bukdim beğde belme uču ile guzelce bağlajub ve diger uču qušuη ajağyna bendejdub taxtinda jatdim ve biherxel bu quš beni išbu xarab adadan čiqarub meğmur jire kiterur ve bu kejfijet burada iqametden güzeldür.* ‘Когда я убедился в том, что эта птица – птица Рух, и подумал о том, что мое спасение из этого острова можно осуществить только при помощи этой птицы, я развязал свою чалму, свил её как веревку, один конец привязал к своему поясу, другой – к ноге птицы, и лег возле неё, в любом случае, эта птица унесёт меня из этого заброшенного острова на населенную людьми землю, это будет лучше, чем оставаться здесь’.

Сопоставление татарского и турецкого переводов дает нам основание утверждать, что татарский переводчик опирался на турецкий текст: *bäğdä bän bu qošnyη rux qošy ideken beldem bašymdağy čalmany alyb išeb ber bašyn bilemgä bağlab ber bašyn qošnyη ajağyna bağladym da qošnyη kütärelgänen köteb jatdym čönki niček bulsa da qoš bane bu xarab cäzirädän qotqaryb ber jaxšy cäzirägä atar dijeb tordym* [Әлҗилдү, 4: 80]. ‘Потом я узнал о том, что эта птица – птица Рух. И, развязав свою чалму, свил её, и один конец привязал к своему поясу, другой – к ноге птицы, лег и стал ждать её вылета, так как надеялся на то, что эта птица как-нибудь унесёт меня из этого заброшенного острова на более лучший остров’.

Сравнение татарского и турецкого текстов показывает, что Ф. Халиди в своем переводе очень точно воспроизвел нюансы турецкого текста, смог достоверно передать эмоциональный фон и семантический контекст турецкого перевода: *könlärdä ber kön mälik xozurynda utyrğan waqytda bäηa*

äjtde äj Sindbad bezlär sine küb mäxäbbät ideb ğyjzzät wä xörmät äjlädem – imde sine šähäreŋä jibärergä beznеŋ täqatemez juqdyr bänem siŋa äjtäse süzem bar ägär qabul idär isäŋ died – bän äjtdem äj ğyjzzätle šahymyz nä färman bulsa seznekeder bän seznеŋ qolyŋyzmyn didekemdä mälik äjtde äj Sindbad bänem muradym šuldyr bänem ber matur güzäl bäkirä qyzym bar šuny siŋa bireb sin bezdä qalyb häm siŋa ber uryn täğajen idäsem kiläder dide [Әлҗилдү, 4: 91] ‘Однажды, когда я сидел у царя, он сказал: ‘Синдбад, мы тебя очень любим, дорожим и уважаем; нет у нас сил, чтобы тебя отпустить в свой город. У меня есть к тебе разговор, если ты не будешь против?’ – Я сказал: ‘О, уважаемый мой царь, что скажете, то и будет, я ваш раб! ’… Царь сказал: ‘Синдбад, моя цель такая: у меня есть прекрасная, целомудренная дочь, я хочу её выдать за тебя замуж, оставить тебя здесь и назначить тебя на должность’.

Подтверждение того, что авторы часто буквально воспринимали оригинал, можно найти в большом количестве и в других произведениях, например, в «Тутыйнамә»: *Tuti ejtde: zaman euvelde dijer Hindde bir bazarken var ide* [Тутинаме, 1931: 12] ‘Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец…’ Татарский аналог: *Tutyj äjtde: äwälge zamanda Hind jortynda ber säwdägär bar ide* [ТН: 10] ‘Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец…’

Atrafynda dexi čuq šeherler ve biled ve der ve dijer var ide [Тутинаме, 1931: 3] ‘Вокруг него было построено много городов, поселков и домов’. Татарский перевод полностью повторяет турецкий оригинал: *Wä atrafynda küb awyllar wä šähärlär tözelmeš ide* [ТН: 2] ‘Вокруг него было построено много деревень и городов’.

Турецкий текст: *Bu šehernеŋ eğjanynden Seğid namende bir bazarkan var ide* [Тутинаме, 1931: 3] ‘Среди зажиточных людей этого города был купец по имени Саид’.

Татарский перевод: *Ošbu šähärneŋ bilgele kešesendän ber Säğid isemle säwdägär bar ide* [ТН: 2] ‘Среди знаменитых людей этого города был купец по имени Саид’.

Турецкий текст: *Axšam ulunca tutineŋ qafasy janyna kileb vegde ejledekeŋ tuti xindi xikejesen söjle, dyŋlyjalym ničeder ul xikeje dijence* [Тутинаме, 1931: 12] ‘Когда наступил вечер, она подошла к клетке попугая и сказала: расскажи обещанный свой рассказ об индийском попугае, послушаю, о чем этот рассказ…’ Татарский перевод: *Axšam bulğač tutyjnyŋ čitlege janyna kileb wäğdä qylğan tutyj xindi xikäjäten söjlä, išetäjem, niček ul dide* [ТН: 10] ‘Когда наступил вечер, она подошла к клетке попугая и сказала: расскажи обещанный свой рассказ об индийском попугае, послушаю, о чем этот рассказ…’ и др.

При сравнении татарского и турецкого текстов «Кырык вәзир китабы» также наблюдается следование татарского переводчика турецкому оригиналу, например: *Mexmüdeŋ xas Ijes namynda ber süekle xezmetkere var ide* [ИСВ, 1903: 1] ‘У Махмуда был особый, любимый слуга по имени Ияс’. В татарский перевод соответствует турецкому тексту: *Soltan Mäxmüdneŋ Ijäs isemle ber süekle xas xezmätčese bar ide* [КВ: 2] ‘У султана Махмуда был особый, любимый слуга по имени Ияс’; *Sin däxi adämlärne künder ki, šäjxe totsynlar dide* [ИСВ, 1903: 16] ‘Сказал, ты снова отправь людей, пусть схватят шейха’; *Sin šul waqytda adämlär künder, šäjxne totsynlar dide* [КВ: 11] ‘Сказал, ты в то время отправь людей, пусть схватят шейха’;

Приведем примеры из «Абугалисина»: в турецком варианте: *Vezir ejder Hindstanda ber xuca var ide, ve anyŋ ber cemile xatuny var ide* [ИСВ, 1903: 22] ‘Визирь говорит: в Индии жил-был некий богач, у него была красивая жена…’; Татарский текст соответствует оригиналу: *Vezir äjtde Hindstanda ber xuca bar ide, anyŋ ber güzäl xatyny bar ide* [КВ: 14] ‘Визирь говорит: в Индии жил-был некий богач, у него была красивая жена…’ и др.

В турецком тексте: *Gylme simija quete ile Äbuğalisina Nilden Misra čyqdy* [Канжинаи: 10] ‘С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет’. В татарском переводе: *Äbuğalisina simija quäte belän Nil därjasyndan*

Misyr šähärenä čyqdy [Әбу: 8] ‘С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет’.

Общей особенностью исследуемых произведений является употребление заимствованных лексических единиц. В начале этого параграфа мы уже говорили о том, что авторы часто оставляли арабские и персидские, турецкие слова и выражения без изменений. Этот прием часто наблюдается при передаче общих для исламской лингвокультуры реалий, например, в татарском варианте «Калилы и Димны»: *Atamyz Adäm safijnyη “**Wä ğalläm Adämä satinysmä'ä küllähä”** ajäte dälilenčä färeštälärdän artyq fazyjläte wä ğilme bar ide* [КД: 11] ‘У нашего отца Адама, как подтверждается в айате: «О, Адам, сообщи имена их» [Коран, 1990: 30], было больше знаний и благородства, чем у ангелов’.

*Bu säbäbdän dijärlär: **«Iza cä'ä-l- qada ğamija-l-basaru wä izä näzälä-l-qadaru batala-l-xazaru»**. Bäzändä bazarjtde: xäzer süz ozajtu waqyty tügel…* [КД: 11] ‘По этому поводу говорят: «Если придет беда, то тупеет зрение (бдительность), если сойдет судьба, то ослабится осторожность». Базанда сказала: «Сейчас не время рассказывать рассказы…»’.

В тексте перевода «Тутыйнаме» также имеются арабские фразы, которые не переводятся или даются в соответствии с турецким оригиналом: *Qor'en kerimende: **jaxša Allaha min ğibadihil-ğulama bujurmyšdyr*** [Тутинаме, 1931: 16] ‘В своем Священном Коране (Бог) повелевал: «Боятся Аллаха среди Его рабов только обладающие знанием»’ [https://quran-online.ru/35:28]. В татарском переводе: *Allahy Täğalä Qor'än kärimendä: **jaxša Allaha min ğibadihil-ğulama bujurmyšdyr imdi*** [ТН: 16] ‘В своем Священном Коране Всевышний Аллах повелевал: «Боятся Аллаха среди Его рабов только обладающие знанием»’ [https://quran-online.ru/35:28].

В сказке «Тысяча и одна ночь» соответствие отдельных лексем татарского текста с турецким переводом или же соответствие всех трех текстов наблюдается также очень часто, например, ***mäläk äl-mäwet** axyr*

sacdädä canyn aldy ... [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Ангел смерти забрал его душу во время совершения последнего поклонения’.

سجده اخره یه واردقده ملك الموت روحنی قبض ایدوب… رضوانه نقل ایله دی .[Tercume, 2: 645]

secde axyräjä vardiqde ***melek-l-mevit*** *ruxin qabid idüb räxmät ve ridvane neqil ejledi* ‘Во время последнего поклонения ангел смерти забрал его душу и перенес в рай’.

فقبض ملك الموت روحه و هو ساجد و نقله الی الله تعالی الی محل الرحمة و الرضوان و المغفرة

.[Тысяча, 3:14]

‘…и взял ангел смерти душу его, когда он лежал, распростершись, и перенёс его Аллах великий в место милости, благословения и прощения’ [Салье, 5: 98].

Помимо этого, в татарских переводах часть лексических единиц комментируется на татарском языке: *“Wä utlubu -l-ğilmä wä läw bi-ssyjn” xädisendä insan watanyndan kiteb ğalim wä fazyllar belän saxäbät iteb kämalät tabmaq kiräklegenä išarät bar didelär* [КД: 12] ‘Сказали, что в хадисе «Ищите знания, даже в Китае» есть намек на необходимость человеку отправиться за пределы родины, общаться с учеными и величественными людьми и достичь усовершенствования’.

Šunyŋ öčen ğulämä “Kul siru fil-ardi”ajät kärimäsendä sir wä säfär qylyb wä Allahynyŋ sanäğatlären tamaša qylyb ğyjbrät almaq wäcib ikänenä dälälät... [КД: 12] ‘Поэтому ученые (говорят), что в аяте «Скажи, путешествуй по земле» имеется указание на то, что путешествовать и знакомиться творениями Всевышнего и извлекать из них урок, является необходимым…’.

Иногда авторы пропускают арабские фразы, приведенные в турецких вариантах, вместо этого транслируют их содержание на татарском языке, например, фрагмент из текста «Кырык вәзир китабы»:

Resul ğalejhi selam: إِنَّ بين يَدَيِ السَّاعَةِ كَذَّابِينَ فَاحْذَرُوهُمْ “Inne bejne jedej es-seğeti kezzebijn feexzuruhum” jeğni qyjemete jaqyn jalancylar čuğalur anlardan xazar ideŋ dijer… [ИСВ, 1903: 22] ‘Пророк, мир ему, сказал: «Перед наступлением

часа (судного дня) (появятся) лжецы, так что берегитесь их» т.е. с приближением судного дня увеличатся лжецы, берегитесь их**’.**

В татарском переводе: *Xäzrät räsül äjtde: axyr zaman jitä kilä dönjada jalğančylyq bik faš bulyr, saqlanyŋyz, dide* [КВ: 14]. ‘Пророк сказал: «При наступлении конца света в мире раскроются лжецы, берегитесь их» **’.**

В текстах кысса мы также встречаем непереведенные фразы на персидском языке: *“**Gyläc waqyjğa peš äz wuquğ bojad kärd dareğ sud nädäräd ču raft kär äz däs**t” jäğni bolarnyŋ ğyläcen töšmäsendän boryn ezlämäk kiräk, eš quldan kitkännän soŋ ükenmäk fajda birmäs* [КД: 54] ‘«Лечение должно быть сделано до того, как событие произойдет», т.е. устранение (проблемы) надо искать до состояния события, если момент упущен, то нет пользы от сожаления’.

В текстах, хоть и в малом количестве, также имеются фразы на османо-турецком языке: *Atylsa čun qazadan tir täqdir, * **säpär ulmas aŋar aj wä tädbir** *** [КД: 62] ‘Если наступит наказание по предопределению, то не станет щитом от него осторожность’.

Наличие фраз на персидском и османо-турецком языках в тексте «Калила и Димна» Г. Фаизханова подтверждает предположение ученых о возможном использовании Г. Фаизхановым при переводе произведения «Калила и Димна» источников на османо-турецком или персидском языках. Хотя, как уже было указано выше, автор сам писал, что произведение он перевел с арабского языка.

Как показывают наши наблюдения, авторы анализируемых произведений стараются использовать лексическую замену в тех случаях, когда наименования описываемых реалий не употребляются или же имеют пассивное употребление в татарском языке. В таких случаях авторы стараются актуализировать наиболее близкие для татарского читателя эквиваленты или синонимы. В подтверждение сказанного приведем несколько примеров из произведения К. Насыри «Кырык вәзир китабы»: *Äj šah, bu uğlan kälb čuqur kebider* [ИСВ, 1903: 17] ‘Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную

собаку’; в татарском переводе словосочетание *kälb čuqur* «бешенная собака» заменено татарским вариантом *qotyrğan et: Äj padišah, bu uğlan qotyrğan et kebider* [КВ: 11] ‘Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку’. *Xatun äjde, šu ile rivajet iderler ki, cihan sarajynda ber ulu* ***ämir*** *var ide* [ИСВ, 1903: 17] ‘Женщина говорит: повествуют так, в мире жил-был крупный правитель…’; В татарском переводе: *Xatyn äjtde, äjtälär, cihan sarajynda ber oluğ* ***padišah*** *bar ide* [КВ: 12] ‘Женщина говорит: повествуют, что в мире жил-был крупный царь…’. Как известно, в старотатарском языке титул *әмир* ‘амир’ не имел высокой частотности употребления. Как в исторических, так и в фольклорных письменных памятниках мы чаще встречаем титул *падишаһ* ‘падишах’, по этой причине, как нам кажется, К. Насыри использовал наиболее близкий для татарской языковой личности персидский вариант названия высокого титула.

Такую же замену мы встречаем в следующем примере: *Ul mämläkätä* ***šahzadä*** *ädäb säbäbe ilä ana wä ata wä ostaz tärbijäse bäräkäte ilä šah uldy* [ИСВ, 1903: 20] ‘Принц, из-за своей культурности и результата воспитания родителей и учителей, стал правителем того царства’. В татарской версии слово *шаһзадә* ‘принц’ заменено на более употребительное в татарском языке выражению *падишаһ улы* букв. ‘сын падишаха’: *Ul mämläkätkä šul kilgän* ***padišah uğly*** *ädäb säbäble ata-ana, ostaz tärbijäse bäräkätendä ğadel padišah buldy* [КВ: 14] ‘Приезжий сын царя, благодаря своей культурности и результату воспитания родителей и учителей стал справедливым правителем того царства’.

В турецком тексте: *Cafany čikmäjän* ***ğašiq*** *safanyη qaderen belmäs* [ИСВ, 1903: 18] ‘Влюбленный, не переживший трудностей, не оценит удовольствие’; в татарской версии: *Cafany čikmägän* ***adäm*** *safanyη qaderen belmäz* [ИСВ, 1903: 18] ‘Человек, не переживший трудностей, не оценит удовольствие’. Как видно из примера, автор заменил лексему *гашыйк* ‘влюбленный’, преимущественно ассоциируемую с суфизмом, на более распространенное, нейтральное и обобщающее слово *адәм* ‘человек’.

В турецком тексте: *Ve bir qač dexi* ***ğaqyl kemseler*** *cemiğ ejledi* [ИСВ, 1903: 90] ‘Собрал также несколько ученых …’. В татарской версии: *däxi* ***ğaqyl ijäsendän berničä kešene*** *cyjyb* [КВ: 54] ‘Собрал также несколько ученых …’ и др.

По каждому из изучаемых кысса можно привести множество примеров, где наблюдается лексическая трансформация, которая выполняет функцию адаптации для татарского читателя.

Таким образом, рассмотрев наиболее распространенные во всех исследуемых произведениях внеязыковые и языковые, преимущественно лексико-семантические и смысловые, трансформации мы пришли к выводу, что они привнесли в татарскую литературу новые сюжеты, обогатили татарский язык новыми стилистическими приемами и лексическимми единицами, способствовали формированию новых языковых традиций. Трансформации, наблюдаемые в текстах кысса, произошли исходя из потребностей и возможностей как языка исследуемого периода в целом, так и специфики мировосприятия татарского читателя.

Изучение общих для всех произведений особенностей трансформаций позволяет прийти к следующему выводу: авторы-переводчики сумели передать восточную экзотику и литературные традиции, сохраняя структуру текстов оригиналов; особое внимание уделили назидательно-дидактическим аспектам, используя хадисы из Корана или же комментируя фрагменты религиозного и морально-этического содержания; смогли передать эстетическую и смысловую нагрузку кысса, синтезируя языковые средства старотатарского литературного и народно-разговорного языков. Эти особенности способствовали широкой популярности произведений среди татар в течение целого исторического периода.

ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ

1. В нашем исследовании под термином «вторичный текст» подразумевается новый текст, созданный на основе определенного

прототипа – прототекста, использование элементов перевода и пересказа. Таким прототипом для татарской литературы в течении веков послужили памятники персидско-таджикской и арабской литератур. Художественные вторичные тексты, возникшие под влиянием этих литератур, не являются прямыми переводами. Они обогащены сюжетами и мотивами той среды, где жили наши предки. Авторы, используя уже известные сюжеты и мотивы арабских и персидских произведений, и, опираясь на их композицию, создали оригинальные произведения на татарском языке. Таким образом в татарском художественном процессе возникло синтетическое начало, обусловленное естественностью присутствия арабского, персидского и собственно тюрко-татарского элементов.

2. Произведения, относящиеся к жанру кысса, привлекали внимание как литературоведов, так и лингвистов. Индивидуальная манера и стиль автора, взаимодействие формы и содержания, стилеобразующие факторы, языковое и стилистическое своеобразие, способы переосмысления первоисточника и интерпретация текста в рамках родной культуры автора или переводчика, взаимодействие разных языковых пластов и систем в рамках одного произведения - все эти аспекты требуют единства языковедческого и литературоведческого подходов для решения изучаемой проблемы.
3. Обзор деятельности авторов анализируемых произведений показывает, что они являются видными деятелями науки и культуры второй половины XIX – начала XX вв. В изучаемых нами произведениях значимую роль сыграли субъективно-психологические факторы: авторы свободно владели арабским, персидским и турецким языками, видели свою миссию в приближении письменного татарского литературного языка к народно-разговорному языку, весьма успешно использовали личный опыт, своих писательских талантов.

4. В целом, все рассматриваемые произведения, сохранив композицию и жанровые особенности оригинала или турецкого перевода оригинала, были дополнены новыми сюжетами и элементами, адаптированы под татарского читателя. Эти вторичные тексты смогли соединить арабско-персидские литературные и языковые традиции с фольклорными мотивами своего народа, а также собственно авторские элементы повествования.
5. Жанрологическая характеристика и анализ стилистических средств, широко распространенных в произведениях, подтверждают их жанровую общность. Рассмотренные нами стилистические приемы указывают на традиции стиля письменного литературного языка обозначенного хронологического периода. В языке произведений переплетены элементы народно-разговорного и старотатарского литературного языка. В текстах прослеживается синтез татарской, арабской и персидской культур.
6. Анализ показал, что эти произведения привнесли в татарскую литературу новые сюжеты, обогатили татарский язык новыми стилистическими приемами и лексическимми единицами, способствовали формированию новых языковых традиций. Трансформации, наблюдаемые в текстах кысса, произошли с учетом потребностей и возможностей как языка исследуемого периода в целом, так и специфики мировосприятия татарского читателя.
7. Систематизация универсальных для всех произведений особенностей трансформаций позволило прийти к общему выводу: авторы-переводчики сумели передать восточную экзотику и литературные традиции, сохраняя структуру текстов оригиналов; особое внимание уделили назидательно-дидактическим аспектам, используя хадисы из Корана или же комментируя фрагменты религиозного и морально-этического содержания; смогли передать эстетическую и смысловую нагрузку кысса, синтезируя языковые средства старотатарского литературного и народно-разговорного языков. Эти особенности способствовали широкой

популярности произведений среди татар в течение целого исторического периода. Они стали тем источником религиозных, этических, дидактических, географических, философских знаний, который на протяжении столетий служил татарскому народу.

ГЛАВА 3. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ЖАНРА КЫССА И ЕЁ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В данном разделе делается попытка определить и объективно представить лексическое ядро изучаемых произведений и выявить их семантические особенности, проследить их место в литературном языке. Для этой цели мы рассматриваем лексический состав произведений, относящихся к жанру кысса, в рамках отдельных лексико-тематических групп. Под лексико-тематической группой мы подразумеваем объединение слов, основанного на классификацию предметов и явлений реальной действительности. Поскольку внутри каждой тематической группы слова объединены не только формальными признаками, но и имеют семантическую общность, мы обращаем внимание и на экстралингвистические факторы, влияющие на формирование и развитие семантики того или иного слова внутри тематической группы, а также на возможности последующего закрепления наиболее приемлемых и воспринимаемых носителями языка вариантов в татарском литературном языке.

В настоящей работе, вслед за авторами монографического труда «История татарского литературного языка (XIII – начало XX века). Лексика. Особенности инвариант-парадигмы и контекстуально-синтагматические возможности лексико-семантических категорий. Письменные традиции, норма и вариативность» (2019), термин *вариант* употребляется в том числе и для обозначения синонимов, относящихся к разным языковым группам, функционирующих в рамках одной лексико-тематической группы.

Как уже неоднократно подчеркивалось в предыдущих главах, исследуемые нами произведения внесли существенный вклад в обогащение языка арабо-персидскими заимствованиями, а также новыми понятиями. В текстах заметно активное функционирование различных вариантов языкового обозначения того или иного понятия. Это, по большому счету,

связано с языковой ситуацией изучаемого периода, что привело к появлению новых значений или сужению прежних значений, к замещению старых слов новыми или к предпочтению одного из образовавшихся или уже существующих синонимов в татарском языке. Изучение данного аспекта функционирования лексических единиц позволяет проследить закрепление в литературном языке одного или нескольких из наиболее активных вариантов слов из тематической группы и демонстрировать их способы семантического пополнения.

Язык художественной литературы имеет гораздо больше вариаций, чем какой-либо из разновидностей функциональных стилей, но их не нелегко классифицировать. Однако они сочетают в себе разнообразие разговорного языка, традиций классического письменного литературного языка, диалектов, которые объединяет татарский литературный язык. Как нам известно, через язык проецируется та социально-культурная среда, к которой принадлежат авторы и читатели произведений. Поэтому, изучая лексический состав художественных текстов, мы наблюдаем следующие лексико-семантические элементы: заимствования - специфические слова и выражения, которые проникли в национальный язык преимущественно из арабского и персидского языков; семантические дивергенты - слова и выражения, которые, имея одинаковую форму в языке оригинала или в языке-посреднике, отличаются своим смысловым содержанием в татарском языке; слова и выражения, которые при одинаковом содержании в языке оригинала, в языке-посреднике имеют специфическую форму выражения в татарском языке; слова и выражения, которые в современном литературном татарском языке имеют различную частоту употребления или различную стилистическую окраску.

Тексты произведений, написанных в жанре кысса, интересны с лексико-семантической точки зрения, поскольку переводы не сводятся к простой трансформации текста: они позволяют судить о ментальности и

языковых особенностях не только транслирующего, но и принимающего народа.

Одним из важных последствий взаимодействия культур является заимствование лексических единиц и их варьирование в языке-реципиенте. В языке произведений жанра кысса, в силу особенностей жанра и того, что произведения классифицируются как вторичные, мы наблюдаем бытование целого ряда слов для обозначения отдельных понятий. Они, наряду с лексическими единицами из разных подсистем татарского национального языка, образуют целые синонимические парадигмы. Лексический состав произведений образует единый контекст арабско-персидских литературных и языковых традиций, особенностей народно-разговорного языка в оригинальной интерпретации авторов, которые сумели объединить эти особенности и сделать для татарского читателя востребованными.

Поскольку в изучаемых произведениях особое место занимает назидательно-дидактический аспект, довольно активно использованы хадисы из Корана, фрагменты религиозного и морально-этического содержания, основное место занимает традиции письменного литературного языка, мы вначале решили рассмотреть лексику, относщейся к духовной сфере.

3.1. Религиозная лексика

Как уже было отмечено, в произведениях наблюдается активное употребление религиозной лексики. Религиозная картина мира выстраивается относительно главного имени Бога. Единого и единственного Бога, творца мира и господина Судного дня обозначают арабским словом *Allah (*Аллаh*).* Аллах в исламе – Создатель и Первопричина, пославший к людям Мухаммада в качестве своего посланника. В языке произведений имена-эпитеты Всевышнего составляют довольно объемную синонимическую парадигму, объединяющую активных и довольно пассивные лексические единицы в татарском языке изучаемого периода.

Лексема ***Allah*** во всех татарских текстах жанра кысса используется в прямом (религиозном) значении. Обычно она представлена в виде словосочетания *Allahi Täğalä* (Аллаһы Тәгалә), например: *biizni* ***Allahi Täğalä*** *ul bozaw selkeneb insan surätenä kerde* [Әлфу: 13] ‘По воле Аллаха Всевышнего этот теленок превратился в человека’; ***Allahi Täğalä*** *birgän ni qadär ğyjlem wä mäğrifät .. barlyğyn izhar qylmaq öčen* [Әбу: 5] ‘... чтоб определить количество знаний, дарованных ему Аллахом Всевышним....’; *Üzenä wä bezgä mänfäğatle bulyb* ***Allahy*** *Täğälädän räxmätkä, xalyqdan xäjer doğağa säbäb bulyr dide* [КВ: 12] ‘Будучи добрым нам и себе, он удостоился милосердия Всевышнего и благословление народа’.

В большом количестве она представлена в произведениях Г. Фаизханова «Тутыйнамә» и «Калила и Димна»: ***Allahi Täğalä*** *ämere belän xatyny xämilä bulyb…* [ТН: 3] ‘По велению Аллаха Всевышнего его жена забеременела ....’; *Allahi Täğalä siŋa ber izge bala ixsan idär …* [там же] ‘Аллах Всевышний одарит тебя благочестивым ребенком ...’; *Däbšälim* ***Allahi Täğalägä*** *šöker wä sänälär qylyb …* [КД: 6] ‘Дабшалим поблагодарил и восхвалил Аллаха Всевышнего ....’.

В исследуемых произведениях, параллельно лексеме *Allah,* также функционирует слово, выражающее эпитет Аллаха – ***Xaq*** ***الحق*** ‘Аллах’ [Баранов, 1985: 185] ‘Подлинный, истинный’ [Ислам, 1991: 265]**.** Данная лексема встречается как отдельно, так и в составе словосочетания ***Xaq Täğalä*** (Хак Тәгалә).

Самостоятельное употребление данной лексемы зафиксировано в следующих произведениях: *qyzyn xäjätdä küreb* ***Xaqğa*** *xämed wä sänä idäräk üzeneŋ xezmätenä kitmešder* [Әлфу: 16] ‘Увидев свою дочь живой, он поблагодарил Аллаха и направился исполнять свои обязанности’; ***Xaqnyŋ*** *ämere belän sineŋ xäläleŋ buldym* [КВ: 5] ‘По велению Аллаха я стала твоей женой ....’. Необходимо отметить, что употребление данного варианта в татарском языке не было распространенным явлением – он встречается, преимущественно, в произведениях высокого стиля или же в религиозных

текстах. В современном татарском языке данный лексический компонент *Xaq* уже активно не употребляется. Так, например, ни в «Письменном корпусе татарского языка», ни в Татарском национальном корпусе «Туган тел» (http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/index.php?interface_language=ru) мы не нашли случаев использования в современно языке данного значения.

В текстах кысса наиболее распространена форма ***Xaq Täğalä*** (Хак Тәгалә): *X**aq Täğalä** aŋa jide qat kükne … kürsätde* [KB: 5] ‘Аллах Всевышний показал ему семь уровней неба...’; ***Xaq Täğalä** küreb išeteb* [KD: 31] ‘Аллах Всевышний все видит и слышит ....’ и др. Этот вариант закрепился в языке и в современном языке используется довольно активно.

В текстах встречается и упоминание слова ***Täğalä*** (Тәгалә) ‘Всевышний’. Например, значение ‘Аллах’ в татарском переводе сборника сказок «Тысяча и одна ночь» передается при помощи данного арабского заимствования: *...bitäqdiri **Täğalä** ul carijägä mäxäbbät äjlädem* [Әлфу: 21] ‘По воле Всевышнего я полюбил эту рабыню’.

Лексема *Täğalä* характеризуется широким применением и в художественных произведениях начала XX века. Так, например, в стихотворении «Алтынга каршы» («Против золота») известный татарский поэт Г. Тукай обращается к Всевышнему словами:

И Тәгалә! Җир йөзеннән алчы бу алтынны, ал,
Яндыручы бу мөкаддәс җирне — бу ялкынны ал!

[http://gabdullatukay.ru/works/poem/1907/altynga-karshy/]

‘Всевышний! Золото с земли, ее жалея, убери!
Сжигающее землю зло, что смерти злее, убери!’.

(Пер. В. Звягинцевой)

[http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1907-god/protiv-zolota-per-v-zvyagintsevoj/]

Впоследствие этот вариант стал пассивным и практически вышел из употребления.

Наиболее активно используемые лексемы для обозначения Всевышнего –это тюркское слово ***Täŋre*** (Тәңре) ‘Бог’ и персидское заимствование в том же значении ***Xodaj*** (Ходай) ‘Бог’. Например: *Täŋre xaqy öčen bändän bundaj ešne sorama ...* [Әлфу: 278] ‘Ради Бога, не спрашивай меня об этом’; … *bäs beräw bar oluğ* ***Täŋre*** *cabbar xäzrätenä tämam ixlas belän mönäcät qylyrğa kerešde* [КД: 10] ‘Однако, от всей души начал молиться единственному, сущему Всевышнему’; ***Xodajnyŋ*** *barlyğyna wä berlegenä iman kitereb din islam ilä mušrif bulsaŋ ... sine bäradär idärem* [Әлҗилдү, 4: 240] ‘Если ты признаешь единого Бога и будешь руководствоваться исламом ... то я тебя сделаю своим братом’; … *sin* ***Xodaj*** *rizasy öčen* [КД: 2] ‘Ты ради Всевышнего....’. *Doğasy* ***Xodaj*** *därgähendä qAбyl buldy* [ТН: 3] ‘Его молитва была принята Всевышним’; ***Xodajnyŋ*** *ilhamy belän bu xäzinäne tabaryn beldem* [КД: 4] ‘*Я* знал, что Всевышний вдохновит его к обнаружению этого клада ....’ и др.

Так, ‘Ходай’ – синоним ‘Аллаха’, во всех тюркских языках, по мнению ученых, привлекался ещё в доисламский период как название одного из божеств тюрков-язычников [Әхмәтьянов, 2015, 2: 390]. Термин *Täŋre* зафиксирован в древнетюркских письменных памятниках. Он связан с языческими представлениями тюркских народов, в тюркско-монгольских языках буквально обозначает небесного духа, главного божества в пантеоне политеистических представлений [Древнетюркский, 1969: 132]. В татарском фольклоре термин сохранился и в таком варианте. В языке изучаемого периода используется как в классическом значении ‘Всевышний’, так и в значении ‘судьба, небо, небесный дух’. В современном татарском языке часто используется как синоним Аллаха.

В текстах кысса зафиксированы и другие лексемы для обозначения Бога, так, например, в татарском переводе «Тысяча и одна ночь» наблюдается также употребление эпитетов Аллаха как ***Gafur*** (Гафур) ‘Милующий’, ***Räxim*** (Рәхим) ‘Милосердный, милостивый’ [Баранов, 1985: 291] ***Räzzaq*** (Раззак) ‘Питающий’ [Баранов, 1985: 295] ***Mutäğali*** (Мутагали) ‘Превознесенный’ ***Xaliq*** (Халик) ‘Творец, создатель’ [Баранов, 1985: 235]

Cäläl (Җәләл) ‘Величественный’ [Баранов, 1985: 132] *Cällä* ‘Великий’ [Баранов, 1985: 132] ***Mäwlä*** (Мәүлә) ‘Господь’ [Баранов, 1985: 912] *Rabbul-ğyjzzät* (Раббул гыйззәт). Например: *täwbä ideŋez* ***Allahy Täğalä Gafur*** *Räximder* [Әлҗилдү, 4: 209] ‘Покайтесь, ведь Всевышний Прощающий и Милосердный’; ***Cänäbe Rabbil-ğyjzzätkä*** *padišahnyŋ hidajäte xaqynda mönäcät äjtde* [КД: 3] ‘Помолился Всевышнему за поведение правителя’; *äj* ***Räzzaq Mutäğal*** *bu qolyŋ köndä dürt märtäbä awymny därjağa salyb* [Әлфу: 25] ‘О, Всевышний, этот твой раб каждый день всего четыре раза бросает свою сеть в реку’; ***Cällä wä Gallä*** *xäzrätläre sezne xösed idüče küzdän saqlasyn* [Әлҗилдү, 2, с. 69] ‘Пусть Всевышний хранит вас от дурных глаз’.

Необходимо отметить, что из вышеперечисленных лексем в современном литературном языке в качестве активных и наиболее распространенных, являются такие лкесемы, как *Аллаһ, Аллаһы Тәгалә, Ходай, Тәңре*. Другие лексемы функционируют лишь в религиозных текстах или же в качестве стилистической фигуры в разговорной речи, в поэзии.

Как и многие памятники литературы Востока, переведенные в конце XIX - начала XX века на татарский язык, произведения в жанре кысса также содержат большое количество религиозных мотивов, которые, в свою очередь, нашли отражение в лексической системе изучаемых текстов.

Из религиозной лексики в текстах произведений используется лексема ***Qor’än*** ‘Коран’.

Коран – священная книга мусульман, запись проповедей, произнесенных Мухаммадом в форме ‘пророческих откровений’ главным образом в Мекке и Медине между 610 – 632 гг. [Ислам: Энциклопедический словарь, 1991: 141].

В текстах кысса данная лексема повсеместно употребляется как самостоятельно, так и в сочетании с определениями ***kärim*** ‘благородный’ ***šärif*** ‘священный’, ***ğazyjm*** ‘великий’: *Xuš awaz ilä* ***Qor'än*** *uqydylar* [ТН: 16] ‘Красивым голосом прочитали Коран’; *Allahy Täğalä* ***Qor'än kärimendä****: jaxša Allaha min ğibadihil-ğulama bujurmyšdyr imdi* [ТН: 16] ‘В своем Священном

Коране Всевышний Аллах повелевал: «Боятся Аллаха среди Его рабов только обладающие знанием»’ [https://quran-online.ru/35:28]; ... *jäš waqytda* ***Qor’än šärifne*** *riwajät säbğa ilä bikläb bänem nam wä šöhrätem jite äkalimdä šäjjiğ ide* [Әлфу: 64] ‘В молодости я выучил священный Коран в семи вариантах чтения … и мое имя, и слава были распространены в семи областях’; *Xatynlarnyη xäjläse* ***Qor’än ğazyjmda*** *bäjan ulynmyš* [Әлҗилдү, 4: 159] ‘Коварство женщин описано в великом Коране’.

Человека, знающего весь Коран наизусть, называют Кур′ан хафизом. В Арабско-русском словаре данное словосочетание переводится как ‘хранитель’ Корана [Баранов, 1985: 182]. В произведениях, кроме употребления данного понятия в отношении человека, встречается и иное толкование: например, в «Тутыйнаме» имеется рассказ о красноречивом попугае, который не только хорошо разговаривает, но и знает наизусть Коран: *Fäsix telle, tämle süzle,* ***Qor'än xafiz****, mäğrifät ijäse, bäjäse meη altyndyr* [ТН: 4] ‘Красноречивый, сладкоязычный, знающий наизусть Коран, обладатель знаний, стоимость – тысяча золотых’.

Следующая лексема, корреспондирующая с Кораном – ***‘сура’,*** ‘часть коранического текста’, ‘глава Корана’. [Ислам: Энциклопедический словарь, 1991: 214] также имеет активное употребление в текстах сказок Шахрезады. В татарском переводе данная лексема используется только в прямом значении: ***Qor’än kärimneη süräläre*** *ničäder?* [Әлҗилдү, 3: 272] ‘Сколько сур в Благородном Коране?’.

В исследуемых текстах имеет место и лексема ***ajät*** (аят) ‘айат’ - наименьший выделяемый отрывок коранического текста, ‘стих’ Корана. В переводе с арабского языка ‘айат’ буквально обозначает: ‘знак’; ‘знамение’; ‘чудо’. В этом значении термин ‘айат’ стал передавать и один из аспектов понятия ‘откровение’. После появления писанного текста Корана этот термин начал постепенно употребляться для обозначения коранических ‘стихов’. [Ислам: Энциклопедический словарь, 1991: 16]. В татарских переводах мы не встречаем лексических вариантов данной лексемы, также она не несет

дополнительной семантической нагрузки, функционирует только в номинативном значении с глаголом *уқу* ‘читать’: *ägär insan bulsaŋ* ***ajät uqy*** [Әлҗилдү, 4: 164] ‘Если ты человек, то читай какой-нибудь айат’; *Qoš xäbesdä waqytda … säcdä* ***ajäten uqysa*** … [ТН: 2] ‘Если птица в клетке … будет читать айат поклонения …’ и др.

Тематическую группу «Религиозная лексика» в текстах кысса дополняют также названия религиозных обрядов, которые составляют целый пласт в лексическом составе произведений. Они представлены преимущественно в номинативных значениях и употребляются для обозначения объектов действительности.

Одно из наиболее часто употребляемое слово этой группы – заимствование из персидского языка – ***namaz*** ‘намаз’, ‘молитва’. Намаз – каноническая молитва, один из пяти столпов, обязательно предписанных Исламом. Ежедневный молитвенный цикл состоит из пяти обязательных молитв, каждая из них имеет свое название.

В татарском языке лексема *намаз* используется и для обозначения времени суток. Это значение встречается также в изучаемых произведениях, а также сохранена и в современном татарском литературном языке, например, *öjlädän ikende namazyna qadär* ... [Әлҗилдү, 4: 195] ‘Между полуденной и предвечерней молитвами’; *bu kön siŋa maxsus kildem läkin* ***namaz*** *waqyty ütäder* [Әлҗилдү, 4: 173] ‘Я сегодня специально к тебе пришел, однако время молитвы проходит....’; ***jästü namazyn*** *kičektereb uqymaqda küb säwab bardyr imdi* [КВ: 72] ‘При совершении ночного намаза с отсрочкой получишь много воздаяния…’.

В анализируемых произведениях слово *намаз* в значении ‘молитва’ наиболее активно употребляется в сочетании глаголом *уқу* «читать», в таком варианте активно используется и в современном языке, например, поиск в Татарском национальном корпусе «Туган тел» (http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/index.php?interface_language=ru) показал более

400 случаев употребления словосочетания *намаз уку* (с различными формами глагола).

Тюркские лексемы *öjlä* (өйлә) ‘полдень, полуденная молитва, обедня’ [Ахметьянов, 2015, 2: 88] и *ikende* ‘время заката перед заходом солнца’. [Ахметьянов, 2015, 1: 296] в текстах кысса используются в качестве аналогов арабских лексем *zuxr* ‘полдень’ [Баранов, 1985: 493] и *ğasr* ‘послеполуденное время’ [Баранов, 1985: 518]. Для обозначения вечерней молитвы актуализирована лексема *jästü* ‘ночной намаз (последний из пяти ежедневных намазов)’[Ахметьянов, 2015, 2: 562]. Эти лексемы также используются в прямом значении.

Одним из циклов молитвенных поз и движений является поклонение. Данное значение в текстах исследуемых переводов выражено лексемой ***säcdä*** (сәҗдә) ‘поклонение’, которая не несет дополнительной смысловой нагрузки. Например, в татарском переводе: *mäläk äl-mäwet axyr* ***sacdädä*** *canyn aldy* ... [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Ангел смерти забрал его душу во время совершения последнего поклонения’; … *jözen* ***sacdägä*** *qujyb Xaq Täğalägä jalwaryb* [KB: 57] ‘… поклонившийся, начал молится Всевышнему…’; *Qoš xäbesdä waqytda … **säcdä** ajäten uqysa išetkän kešelärgä säcdä qylmaq läzim bulmas* [TH: 2] ‘Если птица в клетке … то когда она будет читать айат поклонения, услышавшим её людям нет необходимости совершить поклон…’.

Среди религиозных терминов, функционирующих в текстах в номинативном значении, можно выделить следующие слова: ‘хадж’ выражено лексемой *хас* (хаж) ‘хадж’, *ruza* (ураза) ‘пост’, *iftar* (ифтар) ‘угощение при розговении’, ‘прекращение поста’. Эти лексемы сохранили религиозную семантику в текстах: *šähär ählen dašeb,* ***xacğa*** *baramyn dijeb* ... [Әлфу: 50] ‘Он собрал население города и сказал, что отправляется в хадж....’; *bu qarčyq köndezen ruza totyb kičen qaim bulyr ide* [Әлҗилдү, 2: 27] ‘Эта старушка днем постилась, вечерами молилась’; *telägän närsäse öčen namaz uqyr* ***ruza totar*** [Әлҗилдү, 2: 33] ‘Чтобы добиться своей цели, он будет и молиться, и поститься…’; ***iftaryn*** *xalwät urynynda qarčyq birgän xalwä ilä*

qylmyš ... [Әлҗилдү, 2: 18] ‘Он разговлялся на месте уединения, сладостями, принесенными старушкой....’; *fäqat toz ikmäk ilä* ***iftar idär*** *ide däimän eše namaz ilä ulyb bašqa ber süz dä süzläšmäs ide* [Әлҗилдү, 2: 27] ‘Она розговлялась только хлебом и солью, постоянно молилась, даже не разговаривала’; *Ber kön* ***xacğa*** *nijät ideb ulyna wä xatynyna äjtde* [ТН: 96] ‘Однажды, он намеревался совершить хадж и об этом сообщил сыну и жене....’; *Zahid* ***xac*** *šärifne tämam ideb öjenä kerde* [ТН: 96] ‘Отшельник, завершив поломничество, вернулся домой....’; *köndez* ***ruza totyb****, kič ujaw toryb* ***ğyjbadät*** *qylyr ide* [КВ: 58] ‘Днем постился, ночью молился....’.

В современном татарском языке слово ***doğa*** (дога) ‘молитва’ употребляется в трех значениях: обращение к Всевышнему, просьба, желание; молитва; благословение [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2020: 201]. В текстах исследуемых произведений мы зафиксировали только два значения данного слова: первое значение номинативное: *atasynyŋ mädex sänasyna tel ačyb šundyj* ***doğalar*** *äjtde* [Әлҗилдү, 4: 178] ‘Приступив к восхвалению отца, он произнес такие молитвы’; *izge bala öčen* ***doğa*** *... itär ide* [ТН: 2] ‘Ради святого ребенка молился’; *siŋa ber* ***doğa*** *qylajyqmy* [КВ: 52] ‘Давайте совершим молитву в честь тебя…’; *Mal fani närsäder,* ***doğa*** *kiräk* [там же] ‘Богатство - вещь мирская, нужна молитва ....’; ***Doğasy*** *xodaj därgähendä qabyl buldy* [Әбу: 23] ‘Его молитва была принята Всевышним’ и др.

Второе значение переносное. В данном случае, сочетаясь со словом *xäjer* ‘добро’, лексема используется для передачи значения ‘благословление’: *mindän razyj bulyb* ***xäjer doğa qylsaŋ*** *dönjany ber tamaša idär idem* [КД: 14] ‘Если ты будешь доволен мною и благословишь меня, то я совершил бы путешествию по миру’.

В изучаемых текстах представлен весьма широкий спектр семантики слов ***häläl*** (халяль) ‘разрешенный’ [Баранов, 1985: 189] и ***xaram*** (харам) ‘запрещенный’ [Баранов, 1985: 168].

Халяль в исламе трактуется следующим образом: 1. Разрешение; допускаемые действия, входящие в категории фард, мандуб и мубах, в противопоставление запретным действиям (харам). 2. Женщина или мужчина, на которых не распространяются запреты на вступление в брак. 3. Состояние человека, завершившего хаджж, обрившего волосы и переодевшегося в повседневную одежду, которому снова становятся дозволенными все обычные занятия и дела [Ислам, 1991: 267].

В Толковом словаре татарского языка представлены следующие значения: 1) разрешенное шариатом; 2) заработанное своим трудом (деньги, имущество]; 3) разрешенная пища; 4) *разг*. законная жена [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 639].

В текстах кысса мы заметили довольно активное употребление слова *халяль* во всех вышеуказанных значениях: в первом значении: *härkem padišahnyŋ bu ešen* ***häläl küreb*** [КВ: 18] ‘Каждый одобрял этот поступок правителя....’; *gärčä sine* ***häläleŋdän*** *tyjmyjmyn* [ТН: 39] ‘Хотя я не запрещаю того, что тебе разрешено’; *Ana söte kebek häläl bulsyn* [КВ: 51] ‘Пусть будет дозволенным как материнское молоко...’ и др.

Во втором значении чаще встречается в составе словосочетания *хәләл маллар* ‘заработанное своим трудом имущество’: *ägär dönjağa bala kilmäkne teläsäŋ* ***häläl malyŋdan*** *meŋ aqča sadäqa bir* [ТН: 3] ‘Если хочешь, чтобы родился ребенок, то подай милостыню в размере тысячи монет’.

В значении ‘законная супруга’: *Xaqnyŋ ämere belän sineŋ* ***häläleŋ*** *buldym* [КВ: 5] ‘По велению Всевышнего я стала твоей женой …’. *sez alyb kitkän xatyn minem* ***hälälemder*** [КВ: 35] ‘Женщина, которую Вы увели, является моей женой’.

Харам это: 1. Поступки, являющиеся греховными и запретными (противоположное халал). 2. В семейно-брачных отношениях обозначает лиц, брак с которыми невозможен в принципе. 3. Пища и питье, являющиеся запретными. 4. Запреты на игры и музыкальные развлечения. 5. Комплекс запретов, налагаемых на паломника во время хаджжа [Ислам, 1991: 274].

В Толковом словаре татарского языка; представлены следующие значения данного слова: **1.** 1) поступки, пища являющиеся греховными и запретными шариатом; 2) незаработанное своим трудом (деньги, имущество]; **2.** 1) святое место на границе Мекки и Мадины [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 639].

В произведениях: *jegerme jäšenä jitkändä* ***xaramğa*** *mil itmäsen …dib … ber güzäl qyzny Säğidkä nikaxlab alyb birdelär* [TH: 3] ‘Когда Саид достиг к двадцати годам, чтобы не соблазнился запрещенным, ему устроили помолвку с красивой девушкой’; *ämma zinhar* ***xaram*** *murad öčen ziker qylmaqdan saqlan* [TH: 87] ‘Однако, пожалуйста, не упоминуй имя (Аллаха) для достижения запрещенных целей....’; *küzläremä joqy xaram bulmyš* [TH: 88] ‘Сон стал для меня под запретом… (т.е. лишился сна); ***xaramğa*** *mil qylğanyη öčen bu bälägä ğaräftär bulybsyη…* [TH: 84] ‘Из-за соблазнения запретным, ты попал в эту беду....’; *jä zinadan tuğan, jä* ***xaram*** *nigmät belän tärbijälänüdän xasil bulğandyr* [KB: 75] ‘Или родился незаконно, или стал таким от питания запрещенной едой’; *ul uğlyη hič šiksez xaramdan tuğandyr* [KB: 68] ‘Этот твой сын, без сомнений, родился незаконно....’ и др.

Следующая группа религиозной лексики, активно употребляющаяся в текстах кысса – ***слова, связанные с загробным миром***: ‘рай’ и ‘ад’, обитатели рая, судный день и т.д.

В отличие от довольно широкого спектра наименований понятия ада, в текстах понятие ‘рай’ передается двумя арабскими заимствованиями ***cännät*** (җәннәт), ***näğim*** (нәгыйм) и персидским ***ocmax*** (ожмах)***: cännät*** *ğyjlmanyndan bulyb donja ğalämen tamaša idärgä kilmešder ...* [Әлҗилдү, 2: 66] ‘Он из служителей рая, пришел посмотреть на мир земной....’; *ul bänem fani donjadan baqyj* ***näğimgä*** *baruymğa säbäb bulsa da ...* [Әлҗилдү, 2: 54] ‘…хотя он был причиной моего ухода из мира земного в вечный рай....’; *aηa jide qat kükne, sigez* ***ocmaxny****, jide tämuğny jöreb kürsätde* [KB: 7] ‘Ему показал семь слоев неба, восемь уровней рая, семь уровней ада....’; **…** ***ocmax*** *širbäte urynyna küreb* [KB: 32] ‘Относился к нему как райскому напитку…’; ***ocmax*** *ečendä xurlar wä*

ğylman wälädanlar zäwyq wä safa qylyrlar [КВ: 98] ‘В раю гурии и другие обитатаели будут пирствовать....’; *Mahšäkär* ***octax*** *tawisy kedek tözäneb - jasanyb mäxbübe qatyna jünälde* [ТН: 20] ‘Махшакар, накрасившись как райский тавис, направилась к своему возлюбленному’; *wä* ***octax*** *baqčasyndan uryn alam* [ТН: 155] ‘И получу место в райском саду....’; *cännät misal ber baqča buldy* [Әбу: 95] ‘Превратился в сад, подобный раскому....’ и др.

В литературном языке стали нормативными лексемы *җәннәт* и *оҗмах*. Лексема *нәгыйм* вышла из употребления, она сохранилась в антропонимической подсистеме татарского языка в качестве мужского имени.

В Исламской энциклопедии *ад (джаханнам)* описывается следующим образом: геенна, одно из основных названий ада в исламе. В Коране и мусульманской эсхатологии – место, где неверующие и грешники из людей и джиннов будут подвергнуты наказанию. Синонимы Дж. – ан-нар (наиболее распространенный), ниран, са'ир, лахаб, ал-джахим («огонь», «пламя»), сакар, ал-хутама («сокрушилище»), хавийа («пропасть»). Образ адских мук играл важную роль в коранической проповеди, был одним из главных средств эмоционального убеждения и устрашения слушателей; с ним связаны многие из наиболее ярких айатов Корана. Жертвы Дж. будут гореть в огне: «А те, которые несчастны, – в огне, для них там – вопли и рев» (11:106/108). Послекораническое предание описывает существующие в Дж. пруды с гнилой и кипящей водой, бездонный колодец и т. п. Особую популярность приобрел образ ас-сират ал-мустаким [Ислам, 1991: 63]. Жертвы джаханнама горят в огне, они связаны цепями. Едят грешники плоды дерева заккум, которые по форме напоминают головы шайтанов; пьют кипяток, который «рассекает их внутренности» (47:17), и гнойную воду. Джаханнам охраняют грубые и сильные стражники. Глава их носит имя Малик (43:77) [там же]. В исламе популярным является образ сират («пути») – тонкого, как волос или острие меча, моста, протянутого над джаханнамом. По нему после смерти проходят все люди, но перейти через него могут только праведники.

В сборнике ‘Тысяча и одна ночь’ начитанная девушка Таваддуд в беседе со знатоком мусульманского права дает определение понятию ‘ад’. В татарском переводе это звучит так: *ašamağan häm ečmägän ut* ***cähännämder*** [Әлҗилдү, 3: 284] ‘Огонь, который не ест и не пьет – огонь ада’.

В произведениях приводится широкий спектр лексики из данной категории, составляя целый синонимический ряд. Они представлены различными семантическими оттенками, которые отражают вышеперечисленные значения концепта ‘ад’ или связанные с ним понятия: ***cähännäm*** (җәһәннәм), ***tamug (тәмуг), kyjämät*** (кыямәт) ‘судный день’; ***jaumul xašr*** *и* ***mäxšär köne*** (мәхшәр көне) ‘день воскресения’; ***axirät*** (ахирәт) ‘загробная жизнь’; ***zakum*** (зәкум) ‘адское дерево’.

Наиболее распространенным среди этих слов является лексема ***cähännäm (***җәһәннәм***)***: *Xaq Täğalä anyŋ canyn alyb* ***cähännämgä*** *qujdy* [Әлҗилдү, 4: 7] ‘Всевышний забрал его душу и отправил в ад’; *Allahy Täğalä any* ***cähännämdä*** *ğazab idäčäkder* [КВ: 19] ‘Всевышний будет мучить его в аду’; *Annan soŋ zobanilar* ***cähännäm*** *ähelenең jaqasyna jabyšyb qajnar qatran ečenä salyrlar* [КВ: 98] ‘Потом черти возьмут за шкирку обитателя ада и посадят в горячий котел ....’; *Tөšendä* ***kyjämätne*** *kürde* [КВ: 98] ‘Увидел во сне судный день ....’; *Wä* ***Sirat küpere*** *qorylğan, ocmax išekläre ačylan,* ***cähännäm*** *utlary qyzdyrylğan* [там же] ‘Мост Сират установлен, двери рая открыты, огни ада прогреты....’; *Xalyqny … qajsyn ocmaxqa, qajsyn* ***cähännämgä*** *sөrerlär* [там же] ‘Людей ... кого-то в рай, кого-то в ад отправят....’. В последних примерах наглядно видно, что автор произведения «Кырык вәзир кыссасы» К. Насыйри в одном фрагменте использовал два синонима для обозначения данного понятия.

Вызывает интерес употребление слова ***qyjämät*** (кыямәт) ‘судный день’, т.е. ‘…кыямәт / хисап көне, рел. – день страшного суда и воскресения из мертвых ’ [Байрамова, 2019: 223].

Данная лексема используется в составе изафетного сочетания в «Мең дә бер кичә» *jawmu-l-qyjämä* ‘судный день’. Например, в татарском переводе

сборника «Тысяча и одна ночь»: *Gömär ibn Xattabqa* ***jawmu-l-qyjämätdä*** *Xaq Cällä wä Gallä xäzrätläre sö'äl idär* ... [Әлфу: 208] 'В судный день Всевышний спросит Омара ибн Хаттаба…'. В произведении **"**Калила и Димна" она использована в переносном значении: *tyb tynyč urmanda kük göreldäwdän wä jäšen jäšnäwdän … äjterseŋ* ***qyjämät*** *buldy*... [КД: 11] 'От небесного грохота, от сверкания молнии, в ранее тихом лесу словно наступил судный день…'.

В рассматриваемых текстах день воскресения представлена двумя конструкциями. Первая конструкция, вышедшая из использования *jaumul xašr*: *ägär hälaq bulsam* ***jaumul xašrdä*** *bänem qanym sindän soralyr* [Әлҗилдү, 4: 172] 'Если я погибну, то в день воскресения за мою кровь ответишь ты'; ***jaumul hašrdä*** *xaqymny sindän istärmen* [Әлҗилдү, 4: 151] 'В день воскресения плату с тебя буду требовать'.

Вторая конструкция, ставшая литературной нормой – *mäxšär köne:* ***mäxšär könendä*** *Xaq Täğalä xäzrätlärenä närsä dib cawab birermen…* [КВ: 81] 'В день воскресенья что я отвечу Всевышнему....'.

Загробная жизнь во всех произведениях представлена лексемой *axirät* (ахирәт), которая стала литературной нормой. Например, *bän tiz jitešmägän bulsam, sine* ***axirätkä*** *jibärgännär ide imde*... [Әлфу: 175] 'Если бы я не успел вовремя, ты был бы давно уже на том свете....'; *sin dönja jortynda bolaj ğazab qyldyŋ* ***axirätneŋ*** *ğazaby jänä qatydyr* [Әлфу: 63] 'Ты на этом свете и так мучился, но мучение в загробной жизни будет сильнее'; *dönja wä* ***axirätdä*** *däwlätle bulyb qal* [КД: 3] 'Ты на этом свете и в загробной жизни будь в благополучии'; *anda siŋa dönja wä* ***axirät*** *däwlätlenä wäsilä tabylyr* [там же] 'Там ты найдешь средство для этой и загробной жизни'; *miŋa* ***axirät*** *xaqyn häläl ideŋez* [КВ: 20] 'Разрешите мне доступ в загробную жизнь' и др.

Из рассмотренных выше лексем в современном литературном языке закрепились следующие варианты наименований: *җәһәннәм, тәмуг, кыямәт, мәхшәр көне, ахирәт*.

Вызывает интерес метафорическое употребление лексемы ***xur*** (хур) 'гурия', сокращенный вариант арабского слова *xurijä* 'гурия, нимфа'

[Баранов, 1985: 200] персидское заимствование ***färeštä*** (фәрештә) ‘ангел’, обозначающих обитательниц рая. Во всех произведениях они подчеркивают красоту персонажей. Например, ***xur kebi*** *carijälär čornab alğan* ... [Әлфу: 150] ‘Она окружена красивыми, словно гурии, девушками ....’; *Šämsetdinneη xatyny* ***färeštä kebi*** *ber matur qyz tuğyrdy* ... [Әлфу: 103] ‘Жена Шамсутдина родила подобную ангелу дочь ....’; *cännät* ***xury*** *misalynda känizäklär wä ğyjlmanlar… toralar* [Әбу: 16] ‘Там стояли девушки, красивые, как нимфы, и юноши ....’; *torbägä kilgän waqytda ul* ***xur güjäki*** [ТН: 129] ‘Когда она пришла в шатер, была словно гурия....’; *keše süze belän* ***xur kebi*** *carijäne qulymdan čyğardym* [ТН: 141] ‘Прислушиваясь к чужим словам, я упустил рабыню, подобную гурии....’*; Atamyz Adäm safijnyη “Wä ğalläm Adämä äsmä'ä küllähä” ajäte dälilenčä* ***färeštälärdän*** *artyq fazyjläte wä ğilme bar ide* [КД: 11] ‘У нашего отца Адама, как подтверждается в айате: «О, Адам, сообщи имена их» [Коран, 1990: 30] было больше знаний и благородства, чем у ангелов’; *xatynlar mäkerendän* ***fareštälär*** *häm qotylmady* [КВ: 72] ‘От коварства женщин не смогли избавиться даже ангелы…’; ***fareštälär*** *äjtdelär* [КВ: 72] ‘Ангелы сказали....’; *sin färeštäme jäki pärime…* [Әбу: 16] ‘Ты ангел или черт?’; *Xodaj Täbäräk wä Täğalä färeštälärgä äjtde …* [КВ: 75] ‘Всевышний сказал ангелам....’.

Лексема *xur* активно употреблялась и в языке татарской поэзии XIX - XX века. В стихотворении Г. Тукая «Пар ат» (Пара лошадей) есть такие строки:

Әйтә иртәнге намазга бик матур, моңлы азан;
И Казан! Дәртле Казан! Моңлы Казан! Нурлы Казан!
Мондадыр безнең бабайлар түрләре, почмаклары;
Мондадыр дәртле күңелнең **хурлары**, ожмахлары.
Монда хикмәт, мәгърифәт һәм монда гыйрфан, монда нур;
Монда минем нечкә билем, җәннәтем һәм монда **хур**…
[http://gabdullatukay.ru/works/poem/1907/par-at/].

Приглашает всех к намазу первый утренний азан.
О Казань! Мечта и гордость! Лучезарная Казань!
Вот они, где наших дедов, наших прадедов дела,
Где не раз душа поэтов свет надежды обрела.
Здесь науки, здесь искусства, просвещенья вольный мир,
Здесь живёт моя голубка, моя гурия, кумир!
Перевод В. Думаевой-Валиевой
[http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1907-god/para-loshadej-per-v-dumaevoj-valievoj/].

Помимо указанных слов, в номинатовном значении встречается лексема ***mäläk*** (мәләк) ‘ангел’: *mäläk äl-mäwet axyr sacdädä canyn aldy ...* [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Ангел смерти забрал его душу во время совершения последнего поклонения’.

Группу религиозной лексики, ставшей частью литературного языка, дополняют ниже обозначенные заимствования, которые употребляются в номинативном значении: *tahärät* - ‘омовение’, *räkäğat* - ‘поклон’, ‘коленопреклонение’, ‘ракаат’, *sadäqa* - ‘милостыня’, *zäkät* - ‘подоходный налог на торговцев’; *käfen* - ‘саван’.

Таким образом, в текстах исследуемых произведений в значении ‘Аллах’ активно используются лексемы *Allah и Täğalä,* эпитеты Аллаха – *Gafur* ‘Милующий’, *Räxim* ‘Милосердный, милостивый’, *Xaq* ‘Истинный’, *Räzzaq* ‘Питающий’, *Mutäğali* ‘Превознесенный’, Xaliq ‘Творец, создатель’, *Cäläl* ‘Величественный’, *Cällä* ‘Великий’, *Mäwlä* ‘господь’, а также тюркское слово *Täŋre* ‘Бог’ и персидское заимствование *Xodaj* ‘Бог’. Использование имен Аллаха позволяет усиливать эмоциональное воздействие текста, контекстуально вводит в таинство общения человека со Всевышним.

Из религиозной лексики в текстах кысса наблюдается частое использование лексем *Qor’än* - ‘Коран’, в сочетании со словами *šärif* - ‘священный’, *ğazyjm* - ‘великий’ и *kärim* - ‘благородный’, *sürä* - ‘сура’, *ajät* - ‘айат’, а также слова, связанные с религиозными обрядами – такие, как:

namaz - ‘намаз, богослужение’, *xac* - ‘хадж’, *ruza* - ‘пост’, *sijam* - ‘пост’, *iftar qylu* - ‘угощение при разговении’, *tahärät* - ‘омовение’, *räkäğat* - ‘поклон’, ‘коленоприклонение’, ‘ракаат’, *sadäqa* - ‘милостыня’, *zäkät* - ‘подоходный налог на торговцев’; *käfen* - ‘саван’, и т.д. Лексика, связанная с загробным миром, представлена словами *cännät* и *näğim* - ‘рай’, *cähännäm* - ‘ад’, *qyjämät, xašr* - ‘судный день’, *axirät* - ‘потусторонний мир’. Слова, обозначающие обитателей рая: *xur* ‘гурия’, *färeštä* ‘ангел’ употребляются для описания красоты персонажей. Данная категория лексики не несёт дополнительной смысловой нагрузки. Вся эта группа лексики по своему происхождению является заимствованной.

3.2. Человек

В текстах произведений исследуемого жанра синонимическая группа «Человек» представлена терминами *adäm* (адәм), *insan* (инсан), *keše* (кеше), *šäxes* (шәхес), *bändä* (бәндә) и *zat* (зат). Данная группппа включает в себя тюркское слово *кеше,* заимствования из арабского языка *адәм, шәхес, инсан* и персидские заимствования *зат и бәндә.*

В современном татарском литературном языке рассматриваемые слова отличаются на уровне семного и стилистического варьирования. Так, например, в «Татарско-русском словаре» (2007) номинативные значения данных лексем представлены следующим образом:

кеше 1. человек || человеческий, людской; 2. лицо, личность, особа; индивид, субъект; человек; 3. человек, душа (при счёте); 4. кто, кто-нибудь, кто-либо; кто-то, некто; 5. чужой, чужой человек, посторонний человек || чужой, посторонний.

адәм 1. миф. Адам || адамов (грех); 2. книжн. 1) человек (низкий, подлый, жадный или добрый, человечный); 2) уничиж. человек, человечишка.

инсан сущ. книжн. человек.

зат 1. после имён сущ. обозначает род, разряд предметов и имеет нулевой перевод; 2. ирон. человек, личность, лицо, особа, особь книжн., персона.

шәхес личность; (отдельное) лицо; человек, особа, персона; субъект || личный, личностный; индивидуум книжн.

бәндә уничиж. 1. 1) человечина; человечишка; жалкий человек; 2) раб, рабыня; 2. уст. человек [http://suzlek.antat.ru/indexR.php].

Как видим, в современном татарском языке каждая из рассматриваемых лексем, кроме общей семы, имеет дифференциальные признаки как в семантике, так и по сфере и активности употребления.

Проведенный анализ показывает, что в языке произведений данные лексемы преимущественно употребляются в прямом значении. Однако в зависимости от произведений мы наблюдаем прецеденты варьирования и активность той или иной лексемы. Например, в «Мең дә бер кичә» заметна активность слов *адәм, кеше, инсан, шәхес* и *зат*: *ul **adäm** wafat itde* [Әлҗилдү, 4:136] ‘Тот человек умер’. *Ber **adäm** tora qulynda cäjä berlän uq* [Әлфу: 77] ‘Стоит человек, в руках у него лук и стрела …’; ***insan** bundaj xatär waqytda joqlarmy* [Әлҗилдү, 6: 209] ‘Сможет ли заснуть человек в такое тревожное время?’; ber *qajyqğa benmeš **keše** kiler* [Әлфу: 77]. ‘Приплывет человек на лодке’; *ul **šäxes** säneŋ janyŋa kileb cansyz bulyb cirgä töšär* [Әлфу: 198] ‘Этот человек подойдет к тебе и намертво упадет на землю’; *ul **zat** kölmägä bašlab äjtde…* [Әлфу: 198] ‘Этот человек засмеялся и сказал…’.

Как видно из примеров, в контексте нет явной дифференциации оттенков значений данных слов: они обозначают конкретного человека с обобщенной семантикой. В последних двух случаях бросается в глаза использование слов *шәхес* и *зат* на одной странице.

В произведении «Калила и Димна» лексема *keše* (кеше) ‘человек’ использована в различных фокусах:

1) отдельное употребление в номинативном значении: *Allahy Täğalä **kešene** üksez qaldyrmasyn* [КВ: 77] ‘Пусть Аллах Всевышний не оставляет

человека сиротой…»; *Ul* ***keše*** *ber jaqğa kitkäč tiz ük anyη urynyna kileb … utyrdy.* [КД: 35] ‘Когда тот человек ушел в сторону, (обезьяна) быстро села на его место …’;

2) в поясняющем и определяющем контексте, где сохранено прямое значение слова *кеше*: с прилагательным *saran* ‘скупой’: ***Saran keše*** *dönja wä axirätdä xur bulyb, malyny fajdasyn kürmäs…* [КД: 27] ‘Скупой будет осрамлен в этом и в загробном мире, не получит пользы от своего богатства’; с прилагательным *ğalim* ‘ученый: *oluğlyqqa* ***ğalim keše*** *lajyqraktyr* [КД: 20] ‘Ученый человек достоин величия’.

В «Калила и Димна» для передачи понятия ‘человек’ используется также лексема *insan:* ***insan*** *watanyndan kiteb ğalim wä fazyllar belän saxäbät iteb kämalät tabmaq kiräklegenä išarät bar didelär* [КД: 12] ‘Сказали, есть намек на необходимость человеку отправиться за пределы родины, общаться с учеными и величественными людьми и достичь усовершенствования’*; cafany čikmägän* ***insan*** *safanyη qadren belmäs* [КД: 8] ‘Человек не знавший мук не будет ценить спокойствие’.

В произведении «Тутыйнаме» также активно употребляется лексема *keše* ‘человек’: ***kešeneη*** *hönär wä mäğrifäte bulğanda malğa ixtijacy bulmas* [ТН: 5] ‘Когда у человека есть профессия и образованность, у него не будет страсти к богатству’; *tutyj üzenä qarağan* ***kešegä*** *šundyj jaqty jöze belän xuš ömidlek idär ide, här kürgän keše tutyjğa ğašyjq bulyb kitär ide* [ТН: 56] ‘Попугай каждому человеку, который обращал ему внимание проявлял такое радушие, что каждый увидевший его влюблялся в него…’;

*Xisab qylmağyz kem dijär görbätdä * **Keše** räxätläneb xozur qilmas **
*Gärčä dustlaryndan jyraq bulsa da * ämma došmanlarynyη jözen kürmäs ** [ТН: 57] ‘Не считайте, Вы, что человек, в скитании, наслаждается удовольствием, хотя он и далек от своих друзей, но и не видит лица своих врагов…’.

Härmuz jortynda ber ***keše*** *bar ide* [ТН: 4] ’Во дворце Ормуза жил некий человек’; *izge* ***keše*** [ТН: 2] ‘Святой человек’.

В произведении «Абугалисина» для выражения значения ‘человек’ кроме тюркского слова *кеше* использованы заимствованные лексемы *adäm* и *bändä*. Например: *Berničä kön ber jirdä qarar ideb sačyny kitäreb saqal wä tyrnaqlaryn kiseb* ***adäm*** *syjfatyna kerde* [Әбу: 17] ‘На несколько дней он решил сделать привал, чтоб привести себя в человеческий вид: поднял волосы, постриг бороду и ногти …’; ***bändä*** *xatasyz bulmas* [Әбу: 47]. ‘Человеку присуще ошибаться…’.

Важно заметить, что в исследуемых произведениях отсутствует современное уничижительное значение слова ***бәндә***: *bän ixsan itkänlärgä jaxšylyq itä torğan* ***bändälärdän*** [Әлфу: 20] ‘Я из тех, кто за добро отвечает добром’; *bändä xatasyz bulmas* [Әбу: 47];

*Dönjanyη ğizzät wä xörmäten synab belgänem šul räwešleder **
*Ki qabqaŋda bändä bulmaq soltan bulmaqdan jaxšyraqdyr ** [ТН: 57]
‘Я таким образом испытал величие и уважение мира,
Что быть твоим привратником лучше, чем быть правителем’ и др.

Таким образом, есть все основания предположить, что в литературном языке изучаемого периода семантическая дифференциация изучаемой группы слов еще не полностью была установлена. В процессе развития языка на последующих этапах постепенно произошла такая дифференциация. Универсальность семантики сохранена в слове *кеше*, а часть заимствованной лексики (*инсан, зат, шәхес*) стала больше употребляться в книжном стиле. Также выяснили, что в семантике таких лексем как *адәм, бәндә*, имеющие номинативное, нейтральное значение в исследуемых произведениях, в современном татарском языке наблюдается преобладание коннотативного уничижительного значения.

3.3. Соматическая лексика

Соматизмы татарского языка восходят к древнетюркскому языку и являются общими для большинства тюркских языков. Они составляют активную лексическую группу в татарском языке. В данной тематической

группе подавляющее большинство лексем являются исконными и среди них очень мало заимствований. Известный диалектолог татарского языка Л.Т. Махмутова в своей работе, посвященной исследованию татарских диалектов, в частности, западного диалекта, указывает, что большая часть лексики данной группы и по звуковому составу и по семантике не отличается от соответствующих слов не только татарского литературного языка, но и современных тюркских языков [Махмутова, 1979: 147].

В исследуемых нами произведениях данная группа лексики употребляется довольно активно. В текстах мы не встречаем частого лексического варьирования, однако четко наблюдается разветвленная семантическая деривация. Поскольку употребление данной группы лексики вне прямой референции распространено во всех произведениях, мы попытаемся представить наиболее характерные и демонстрирующие специфику языка изучаемого периода случаи, которые фиксируются в текстах кысса.

baš* (баш) ‘голова’** – одна из жизненно важных органов человека. Выражается древнетюркской лексемой и используется в текстах кысса в прямом и переносном (метафорическом) значениях: *qyznyŋ tezenä* ***bašyn *qujyb joqlady* [Әлҗилдү, 4: 177] ‘Уснул, положив голову на колени этой девушки’; *al šul qylyčny,* ***bašyn*** *kis* **...** [Әлфу: 69] ‘Возьми этот меч и отруби ему голову....’; ***Bašlary*** *juq, awyzlary kükräklärendä, küzläre iŋbašlarynda, wä süzläre qoš qanaty awazy kebek pys-pys söjläšerlär* [КВ: 90] ‘У них нет головы, рот на уровне груди, глаза на плечах, слова напоминают звук птичьих крыльев в полете…’; *cälladqa* ***bašyn*** *kis dide* [КВ: 34] ‘Он сказал палачу: «Отруби ему голову!»’; *uğlyŋ* ***bašyn*** *kis dide* [КВ: 31] ‘Сказал: «Отруби голову своему сыну!»’; ***bašy*** *östenä qujyb padišahqa suzdy* [КД: 3] ‘Подняв выше головы, он протянул его правителю....’; ***bašlaryn*** *kiseb cuz'lären tämam waqlab aralaštyr* [ТН: 12] ‘Отруби им головы и измельчи их части тела и перемешай их....’; ***bašlaryn*** *janyŋda saqla* [ТН: 12] ‘Храни их головы возле себя....’; ***bašyndağy*** *tacny alyb qarady – kürde, ber qarbyz qabyğy imeš* [Әбу: 54] ‘Посмотрел корону на голове – обнаружил,

что это, оказывается, кора арбуза....’; *küb* ***bašlar*** *kiseleb, qanlar tügelde* [Әбу: 53] ‘Полетело много голов, текло много крови....’; *ber* ***baš*** *ber ajaq mätäläb suğa čumdy* [Әбу: 58] ‘Кувыркнувшись через голову, он окунулся в воду....’ и др.

Употребление рассматриваемой лексемы в значении ‘умереть’ зафиксированы в составе глагольных словосочетаний: *bu insafsyz uğlyŋ xäjläse belän* ***bašyŋdan*** *häm mämläkäteŋdän* ***cädä qylmağajsyŋ*** [КД: 16] ‘Из-за хитрости этого своего невоспитанного сына как бы не остался ты без головы и царства....’. *min bulmasam mämläkät sineŋ qulyŋdan moŋarčy kitkän bulyr ide bälki* ***bašyŋ*** *da* ***kitär ide...*** [КВ: 68] ‘Если бы не я, то ты давно потерял бы свое царство, а возможно, и свою голову ....’ и др.

Мы довольно часто встречаем употребление рассматриваемой лексемы в переносном значении, например, в некоторых сказках перевода «Тысяча и одна ночь» лексема *baš* превращается в синекдоху, определяя целое (человека) через его часть (голова): используется для определения субъекта, на которого направлены несчастья, например, в татарском переводе: ***bašymyzğa*** *ber eš jasamasyn* [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Что-нибудь не сделала на нашу голову....’. Подобный пример имеется также в произведении «Абугалисина кыссасы»: *anyŋ da* ***bašyna*** *ber bälä kilmäsen* [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Чтоб не пришла беда и на его голову…’.

В переносном значении лексема *baš* используется также в значениях: ‘начальник’, ‘глава’, ‘лидер’. Например: *Zul Maqan häm Širqan Bähräm Röstäm* ***qapučy bašy*** *cömläse* [Әлҗилдү, 2: 31] ‘Зуль Макан и Ширкан, Бахрам, Рустам, глава всех привратников, все....’; *küb hädijälär bireb xezmätkärlärgä* ***baš*** *ideb ajlyq täğajen qyldy* [Әлҗилдү, 6: 206] ‘Одарив его подарками, назначил его начальником всех слуг и определил ему месячный оклад’; ***Su bašy*** *kileb, sügeneb, Äbuğalisinanyŋ jaqasyna jabyšdy* [Әбу: 39] ‘Глава морской охраны, ругаясь непристойными словами, подошел и схватил за воротник Абу Гали Сины ....’; ***Su bašy*** *üzenä däxi xezmätkärlär alyb* [Әбу: 30] ‘Глава морской охраны, взял с собой еще помощников …’; ***qapučy bašy*** *jir übeb äjtde* [Әлҗилдү, 2: 31] ‘Глава всех привратников, поцеловав землю, сказал…’.

Функционирование фразеологизмов приближает лексический состав текстов кысса к народно-разговорному языку. Лексема *baš* (баш) ‘голова’ довольно часто встречается в составе фразеологических единиц, которые и в настоящее время активно функционируют в современном татарском литературном и разговорном языках: ***baš öste**, ätkäj, dide* [КД: 48] ‘Сказал: «Слушаюсь, отец!»’; *bu xatynny **bašyma bälägäme** ijärtämen* [ТН: 83] ‘На свою голову беру эту женщину с собой....’; *mömkin qadär **bašyŋny diwanalyqqa salyb** cenlängän kešedäj bul…* [ТН: 84] ‘Прикидывайся дурачком и веди себя как бесноватый....’; *uğlym **bašyma bälä buldy**…* [ТН: 3] ‘Мой сын стал бедой на мою голову....’; *därwiš doğalar äjteb, **baš öste**, dide* [КД: 48] ‘Дервиш, прочитав молитву, сказал: «Слушаюсь!»’ и др.

jöz (йөз) // ***čährä*** (чәһрә). В татарском литературном языке второй половины XIX – начала XX века для обозначения лица функционировали, наряду с указанными единицами, слова *бит, чырай*. Об особенностях их бытования в художественных произведениях этого периода довольно подробно описано в “Истории таатрского литературного языка” [Татар әдәби теле тарихы, 2, 2020].

В исследуемых нами произведениях понятие ‘лицо’ преимущественно передается двумя лексемами: тюркской ***jöz*** и заимствованием из персидского языка ***čährä**,* например: *Allahy Täğalä sineŋ **jözeŋne** aq itsen, xäjer fadylyŋny arttyrsyn* [Әлҗилдү, 4: 188] ‘Пусть Всевышний сделает твое лицо светлым и прибавит добра’; *köläč **jöze** berlän sälämemne alyb, janyna utyrtdy* [Әлфу: 65] ‘С улыбкой на лице он принял мое приветствие и посадил рядом с собой’; *xalyqlarğa **jözen** kürsäteb, adämlärneŋ jörägenä ut salyb jörer ide* [Әлҗилдү, 5: 23] ‘Ходила с открытым лицом, тем самым возбуждала мужчин ...’; *Sawytyndağy ağu **jözenä**, küzenä tügeleb wä tänen jandyryb xatyn üleb qaldy* [КД: 45] ‘Яд, который был в посуде, пролился ей в лицо, в глаза, прожег её кожу, и она умерла’; *säwdägärneŋ **jöze** sulyb saqaly ağara bašlady* [КД: 23] ‘У купца лицо осунулось, борода начала седеть....’; *ber märtäbä **jözen** kürgän kešelär ikenče märtäbä däxi kürergä muštaq idelär* [КВ: 25] ‘Кто один раз увидел его

лицо, скучали по нем, хотели повторно его увидеть....’; *ber qart utyradyr, wä* ***jöze*** *nur kebek balqyb toradyr* [КД: 2] ‘Сидит старик, лицо его светится…’; *ber häjbät güzäl qyz, ajnyη undürtenče kičäse kebek* ***jözläre*** *balqyb tora* [КВ: 45] ‘Красивая девушка, лицо светится словно луна в четырнадцатую ночь месяца’; ***jözen*** *tufraqğa sörteb Xaq Tağalägä mönäcät qyldy* [КВ: 99] ‘Касаясь лицом земли, он совершил молитву Всевышнему’; ***jözen*** *wä bujyn küreb, meη can ilä ğašyjq buldy* [ТН: 3] ‘Увидев его лицо и рост, сразу же влюбилась в него; ***jözene****η nuryndan aj wä qojaš ojalyr ide* [Әбу: 11] ‘Луна и Солнце стеснялись от её сияющего лица…’; ***jözen kürgän keše dönjasyn onytyr ide*** [Әбу: 11] ‘Тот, кто видел его лицо, терял голову’; *bik matur qyz janyna kileb* ***čähräse*** *ajnyη unbišenče kičäse kebi jaltyrar ide* [Әлфу: 138] ‘К нему подошла прекрасная девушка, лицо ее блестело как луна в четырнадцатую ночь месяца’; *jöräge göb-göb ideb,* ***čähräse*** *üzgäreb söjlärgä mäcäle juq* [Әбу: 59] ‘Сердце его начало колотить, лицо изменилось, лишился дара речи ....’; *wäzir padišahnyη* ***čähräsendän*** *aηlab* [КВ: 78] ‘Визирь, по выражению лица царя, понял....’; *Nurani munäwwär* ***čähräle*** *ber xäkim ruxanidyr* [Әбу: 27] ‘Мудрец со сияющим лицом’; ***čähräsendän*** *padišah ikänen belde* [Әбу: 11] ‘Она по лицу определила, что он царь....’ и др.

Необходимо подчеркнуть, что в татарских переводах анализируемых произведений доминирует тюркский вариант понятия ‘лицо’ ***jöz*** (йөз), который является одним из индикаторов предпочтения авторами народно-разговорного татарского языка. Данная лексема на последующих этапах стала доминантой в синонимической парадигме ‘лицо’. Она характеризуется как активная, более нейтральная в стилистическом плане лексема, у единиц *бит, чырай* в коннотативном плане присутствуют эмоционально-экспрессивные оттенки.

В произведении «Тутыйнаме» понятие ‘лицо’ передается также лексемой ***čyraj*** (чырай): *här šähärdä güzäl* ***čyrajly*** *abystajlar belän ğyjš- ğyjšrät itärgä mäxäbbäte bardyr* [ТН: 10] ‘У него тоже есть желание развлекаться в каждом городе с дамами красивым лицом’.

Активность персидского заимствования ***čährä*** (чәһрә), которое выступает показателем письменных литературных традиций, заметно снижена, хотя в турецких вариантах оно преобладает. Как известно, данная лексема к началу XX века постепенно вышла из употребления, уступив место тюрко-татарским вариантам *йөз, бит, чырай*. В современном татарском языке она рассматривается как лексический архаизм.

Лексема ***jöz*** (йөз) встречается также и в составе устойчивых словосочетаний и пословиц, которые активно функционируют и в современном татарском языке. Например, ... *ağam uğlynyŋ* ***jözenä tökereb*** [Әлфу: 45] ‘Мой дядя, плюнув в лицо своему сыну....’; *šäxneŋ* ***jözenä tökerde*** [КВ: 59] ‘Плюнул в лицо шейха’; ***Jalğančynyŋ jöze berqajčan da aq bulmas*** [ТН: 14] ‘Лицо обманщика никогда не будет светлым....’; *ajnyŋ undürtenče kičäse kebek* ***jözläre balqyb tora*** [КВ: 45] ‘Лицо её светится, словно луна, в четырнадцатую ночь…’; *xalyq arasynda ojatly ideb,* ***jözenä qara jaqma*** [ТН: 8] ‘Опозорив его перед людьми, не очерни его лицо’ и т.д.

Рассматриваемые лексемы также выступают в метафорическом значении и в составе сравнений, которые были нами проанализированы в предыдущей главе.

Соматизм **‘глаз’** в текстах произведений жанра кысса выражен лексемой тюркского происхождения ***küz*** (күз). Другие синонимы в произведениях не представлены. Данная лексема функционирует как в прямой, так и вне прямой референции. Наиболее часто мы встречаем использование в прямой референции: *ber* ***küzemgä*** *tijeb jäkčäšim äjläde* [Әлфу: 74] ‘Попал в мой глаз и сделал (меня) одноглазым’; *ägär* ***küzemneŋ*** *bäbägen istär isäŋ čyğaryb birerem* [Әлҗилдү, 4: 170] ‘Если ты захочешь съесть мой глаз, я тебе его достану’; *qaberne ačqac ber ačy töten čyqdy, küzläremez hälak bula jazdy* **...** [Әлфу: 63] ‘Когда вскрыли могилу, поднялся едкий дым, который чуть не лишил нас глаз…’; ***Küzläre*** *kürmäk tügel, iseme dä išetelgäne juq ide* [Әбу: 20] ‘...не только глаза не видели, даже название не слышали’; ***küz*** *qyryjy belän ber genä märtäbä qarab kürde ki, tulğan aj kebek nurly jöze kičlärdä ajğa, köndezlärdä qojašqa*

ixtijac qaldyrmas [Әбу: 28] ‘Краем глаза он заметил, что её светлое, как полная луна, лицо заменит ночью луну, а днем солнце…’; *wä* ***küzenä*** *jäš görläwek, wä bu mixnät utynnan ötelgän tawyq bulyp ber ah čikte* [Әбу: 273] ‘Из его глаз ручьем (текли) слезы, он охал, словно опаленная огнем страданий курица....’; ***Küzläre*** *qyzarğan ide* [Әбу: 61] ‘Глаза его покраснели …’; *Sawytyndağy ağu jözenä,* ***küzenä*** *tügeleb wä tänen jandyryb xatyn üleb qaldy* [КД: 45] ‘Яд, который был в посуде, пролился ей в лицо, в глаза, прожег её кожу, и она умерла’; ***Küzeŋne*** *jomsaŋ* [КД: 8] ‘Если закроешь глаза....’; *Jawlyğyŋ belän* ***küzendäge*** *jäšen wä jözendäge tuzanyn sört* [КВ: 101] ‘Вытри своим платком слезы из его глаз и протри пыль с его лица…’.

В текстах кысса лексема *küz* (күз) ‘глаз’ встречается в составе метафор и сравнений, в этой функции она используется для обозначения любимого человека. Например, *äj* ***küzlärem qarasy,*** *kil* [Әлфу: 67] ‘О, зеница моего ока, подойди ко мне’; *äj* ***küzemneŋ nury*** [Әлҗилдү, 4: 170] ‘О, свет моих очей’; ***Küzläre*** *ut kebek janar ide* [ТН: 22] ‘Глаза его горели как огонь....’; *äj* ***küzem nury*** [ТН: 39] ‘Свет моих глаз’; *äj* ***küzem nury,*** *äj küŋelem šadlyy* [ТН: 3] ‘Свет моих глаз, радость моей души’; *äj* ***küzem nury,*** *balaqajym* [КД: 14] ‘Свет моих глаз, дитя мое....’.

В текстах кысса данная лексема регулярно встречается также в составе фразеологизмов, которые функционируют и в современном татарском языке: *axyr xöcrätneŋ ečenä töten tulyb, bik xafä qyjla bašlady.* ***Küz ačar xäl juq*** [Әбу: 258]. ‘Впоследствии помещение заполнилось дымом, и ему стало страшно. Глаза невозможно открыть…’; *jöz atlylar wä ber görux saqčylar qaršy kileb,* ***küz küreme qadär*** *kiŋ ber mäjdannan kičeb ber oluğ diwan cirenä kiterdelär* [Әбу: 317] ‘Их встретили сто конных и группа пеших воинов, привели их к зданию крупной канцелярии через расстояние, которое могут охватить глаза’; *ike batyr* ***küzlären čekeräjteb*** *ber bersenä qasd ittelär* [КД: 7] ‘Два героя, выпучив глаза, мстили друг-другу’; ***Küzlärendän jäš ağyzyb*** *ber-berennän ajyrylyšdylar* [КД: 9] ‘Попрощались друг с другом со слезами на глазах....’; ***Küzlären*** *joldyz kebi* ***jaltyratyb,*** *myjyqlaryn qabartadyr* [КД: 15] ‘Глаза (кота) сверкали словно

звезды, усы распушились ....'; ***Küzenä joqy kermäde*** [КВ: 50] 'Глаза его лишились сна'.

Часто эта лексема в сочетании с глаголом *tijü* служит для передачи выражения 'сглазить': *bu uğlanğa* ***küz timäsen*** ... [Әлҗилдү, 3: 42] 'Пусть не сглазят этого мальчика....'. *däwlätlärenä* ***küz tide*** [КД: 9] 'Сглазили их государство …' и т.д.

В текстах мы встречаем и пассивные в современном татарском языке фразеологизмы, например, *bän sine köteb* ***küzlärem julda qaldy*** [Әлфу: 46] 'Я так долго ждал тебя, что глаза мои остались на дороге ...'; *säwdägär* ***küzendän ğaib buldy*** [ТН: 155] 'Исчез из глаз торговца...'.

Таким образом, лексема *küz* (күз) 'глаз' в текстах кысса, как правило, употребляется без лексических эквивалентов. Но ее семантический и функциональный диапазон весьма обширный.

awyz* // *ağyz* (авыз) 'рот'** в произведениях жанра кысса употребляется обычно в прямом значении: *bän diŋgez suyn ečäm läkin seznең* ***ağyz *ilä* [Әлҗилдү, 4: 182] 'Буду пить морскую воду, Однако вашими ртами'; ***ağyzyna*** *jawlyq tyğyb, kütäreb diŋgezgä kitereb* [Әлҗилдү, 4: 206] 'Засунув в рот платок, его понесли к морю...'; *qulyŋ ilä ağyzyna suk* [Әлҗилдү, 4: 199] 'Бей рукой по рту'; *Ber berenä qaršy* ***awyzlaryn*** *ačyb toryrlar* [КВ: 33] 'Стояли друг против друга с открытыми ртами'; ***Awyzyŋny*** *ciŋ belän tot* [КВ: 101] 'Прикрой рот рукавом…'; *tuğry söjlärgä* ***ağyz*** *ačyb äjtde* [ТН: 136] 'Открыв рот, он приступил к изложению правды' и др.

Лексема ***tel*** (тел) 'язык' в текстах кысса выражена одной лексемой и используется как в прямом, так и в переносном значениях: *Šah Junan kitabny alyb ber käğaz, ike käğaz dijeb barmağyn* ***telenä*** *tijereb sanar irkän ämma ul käğazlärne xäkim zäxär ilä bujağan irkän šah Junan altynčy käğazne ačqanda ah ah dijüb can wirde* [Әлфу: 37] 'Царь Юнан взял книгу и, послюнявив палец, начал листать страницы, однако целитель обработал эти листы ядом, открыв шестую страницу, царь Юнан, постонал и умер'; ***Telen****, qulyn häm küŋelen*

xalyqny äzä qyludan tyjmaq kiräk [КВ: 45] ‘Надо запретить ему языком, рукой и душой обижать народ ....’.

В переносном значении лексема *tel* ‘язык’ употребляется для обозначения коммуникативной деятельности человека: *güzäl jeget kileb jomšaq **tel** berlän cälladqa äjtde ...* [Әлфу: 96] ‘Красивый парень подошел к палачу и нежно сказал...’; *Atasynyŋ mädex sänasyna **tel ačyb** šundyj doğalar äjtde* [Әлҗилдү, 4: 178] ‘Приступив к восхвалению отца, он произнес такие молитвы’; ***Fäyjx telle** tämle süzle* [ТН: 4] ‘Красноречивый и сладкословный (попугай)’; *kešegä **tel** suzasyŋ* [ТН: 4] ‘Обсуждаешь других людей....’; *anyŋ cämalyn mädextä **tellär ğaciz wä saqaw bulyr*** [Әбу: 11] ‘При описании её красоты языки становятся немощными и шепелявыми’; *män **qošlar telen** belämen* [КВ: 61] ‘Я знаю птичий язык’и др.

В текстах кысса данная лексема встречается в составе устойчивых пословиц и афоризмов, которые широко представлены в современном татарском языке, например, *qylyčtan ütken - **tel** ...* [Әлҗилдү, 4: 3] ‘Язык острее меча’; ***kešeneŋ tele** ečeneŋ tylmačydyr* [ТН: 71] ‘Язык человека - переводчик его души…’; *ber kälimä süz **teleŋä** kitermä* [КВ: 5] ‘Не произноси ни одного слова’ (в современном татарском языке – бер кәлимә сүз теленә алма) и т.д.

Лексема ***deš / teš (теш) ‘зуб’*** используется преимущественно в номинативном значении. Например, *Anlar äjtdelär: uğlyŋnyŋ ike azaw **dešen** alyb…* [Әлҗилдү, 5: 9] ‘Они сказали: нужно удалить два коренных зуба твоему сыну...’; ***Dešläremne** xaqyn sindän istärem* [Әлҗилдү, 5: 10] ‘Плату за свои зубы буду требовать с тебя....’. ***Tešlären** suyryb čigäsenä timer qyzdyryb bas* [Әлҗилдү, 5: 9] ‘Удалив ему зубы и раскаленным железом прожги ему виски....’; ***tešläre** awyzyndan qojylyb beteb tänendä quwäte qalmağan* [ТН: 75] ‘Все зубы выпали и тело его обессилилась’; ***teš** daruwydaj ğaziz totyb any az-az ğyna ašyj ide* [КД: 35] ‘Он ел её медленно, словно принимал лекарство от зубной боли....’; *ireneŋ **tešе** töbendä cäräxät bulsa* [КВ: 41] ‘Если будет рана на основании зуба мужа....’; *ul **tešne** paq itmäk läzim* [КВ: 41] ‘Необходимо

очистить этот зуб....’; *etläre timerder, **tešläre** – qabsalar, ezälär* [Әбу: 58] ‘Их псы – железные, зубы, если укусят, оторвут....’; *ütken **tešle** etläre tereläj ašarğa toralar* [Әбу: 58] ‘Собаки с острыми зубами, готовы съесть заживо....’ и др.

Мы зафиксировали один случай употребления парного слова, распространенного в разговорной речи татар *теше-тырнагы (белән)* в произведении “Калила и Димна”: *Alaj-bolaj iteb **teše tyrnağay belän** tartyb jaryqğa qalğan čöjne suyrdy* [КД: 35]. «Она различными способами, зубами и ногтями извлекла клин из щели. …».

Sač* (чәч) ‘волосы’** и ***saqal (сакал) ‘борода’, ***myjyq*** (мыек) **‘усы’** – растительность на голове и на лице человека, шевелюра, в текстах кысса также употребляются без лексических эквивалентов и в прямом значении, например, *Ber jyl muttasyl mäğarädä jatyb … **sač** wä **saqallary** jiteb bir-berenä qaryšub wä tyrnaqlary ozajyb ber ğacäjeb surätdä bulğan idelär...* [Әбу: 7] ‘Прожив целый год в пещере их волосы и борода отросли и переплелись друг с другом и их ногти также отросли и обрели они ужасный вид…’; *Zäjnäb äjtde qara **sač** tolymnarym ilä jämin idämen* [Әлҗилдү, 5: 15] ‘Зайнаб сказала: клянусь своими черными косами....’; ***sač alučy** xaci Mäsğud äl-Mäğräbi kibetenä cyjylyrmyz* [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Соберемся в магазине парикмахера хаджи Масгуда аль-Маграби’; ***Sačyn** aldyryb östenä jaxšy kijemlär kidereb sarajyna kiterde...* [КД: 2] ‘Постриг ему волосы, одел в хорошую одежду и привел его в свой дворец’; *Berničä kön ber jirdä qarar ideb **sačyny** kitäreb **saqal** wä tyrnaqlaryn kiseb adäm syjfatyna kerde* [Әбу: 17] ‘На несколько дней он решил сделать привал, чтоб привести себя в человеческий вид: поднял волосы, постриг бороду и ногти…’; *Ber aq **saqally** nurani qart any qatyna kileb, säläm bireb dide* [КД: 2] ‘Старик с седой бородой подошел к нему и сказал…’; ***Sač** vä **saqallary** jiteb ber-berenä qaryšub...* [Әбу: 7] ‘… их волосы и борода отросли и переплелись друг с другом’; *bičara qartnyŋ kijemenä, soŋra **saqalyna** jitde* [КД: 73] ‘(Огонь) добрался до одежды, потом до бороды бедного старика’; ***saqal-myjyqlaryŋny** tözät* [Әлфу: 183] ‘Бороду и усы приведи в порядок....’; *küzlären joldyz kebi jaltyratyb, **myjyqlaryn** qabartyb* [КД: 15] ‘Глаза

его (кота) светились как звезда, усы распушились…’; ***myjyğy*** *wä qaš-kerpege köjde* [КД: 73] ‘Усы, брови и ресницы опалились....’ и др.

В произведении «Абугалисина кыйссасы» лексема *myjyq* (мыек) ‘усы’ используется в переносном значении в составе фразеологизма *мыек астыннан*: *Abul-Xaris* ***myjyq astyndan*** *tik* ***köleb*** *toryr ide* [Әбу: 15] ‘Абуль-Харис сидел и смеялся исподтишка ....’; *aqryn-aqryn* ***myjyq astyndan kölär ide*** [Әбу: 60] ‘Тихо смеялся исподтишка...’ и др.

Как свидетельствуют примеры, указанная лексема без семантических изменений вошла в состав современного литературного языка. Однако в лексеме *sač* (чәч) произошло чередование букв *с/ч*, и на последующем этапе в литературном языке закрепился вариант *чәч.*

äl // qul (әл // кул) ‘рука’. В произведениях зафиксировано употребление обоих лексем без семантической вариации. Необходимо отметить, что в текстах уже ощущается пассивность слова *äl*, которое вышло из употребления, не став нормой литературного языка. Примечательно, что в пределах одного произведения, например, в сказке «Тысяча и одна ночь», мы выявили варьирование двух вариантов. При этом активность лексемы ***qul*** весьма заметна: *Sin qanbury ber jefäk čaršaw berläп uratyb arqaпa kütär häm* ***äleпä*** *ber fonar tot* [Әлфу: 129] ‘Ты заверни горбуна в шелковую занавеску, положи его на свою спину и бери в руки фонарь’; ***Qulyn*** *xurcingä tyğyb, altyndan ber tabaq aldy ečendä qajnar xälendä majğa qyzdyrylmyš ike tawyq* [Әлҗилдү, 4: 196] ‘Сунул руку в корзину, достал оттуда золотую чашу, в которой лежали две горячие жареные в масле курицы’; *Maturlarnyп matury ber qyz* ***qulynda*** *ber tajaq berläп kileb kerde* [Әлфу: 39] ‘Вошла прекрасная девушка с палкой в руках’; ***qulyna*** *ber tajaq alyb bašyna oryb jyqdy* [ТН: 155] ‘Взял в руки палку, ударив по голове, свалил его на землю…’; *Aqsaq suqyr franq, išekdäп kereb, Märjamnyп* ***qulyn*** *übde* [Әлҗилдү, 6: 198] ‘Слепой и хромой европеец вошел в дверь и поцеловал руку Марьям’.

В других произведениях употребляется в основном лексема ***qul*** (кул): *Ülüčeneп köne citmäsä üterüčeneп* ***quly*** *citmäs digännär* [ТН: 73] ‘Говорят, пока

не наступит день смерти, рука убийцы не дотянется…’; ***Qulyn*** *übeb xälen sorady* [ТН: 83] ‘Поцеловал руку и спросил о его состоянии…’; *Säğyjd atasynyŋ* ***qullaryn*** *übeb soŋra eš wä käsebkä kerešmäkče buldy* [ТН: 4] ‘Сагид поцеловал руки отца и потом хотел приступить к работе’; *Anyŋ qulyn kismäk kiräk* [КВ: 20] ‘Надо отрубить ему руку…’; ***Qulyndağy*** *jözege suğa töšde* [КВ: 42] ‘Перстень на руке упал в воду…’; *Mal-mölkätemez* ***qulymyzda*** *bulsyn* [КВ: 7] ‘Пусть наше богатство будет в наших руках…’; *Šulaj dib Bäzindägä* ***qulyn*** *birde* [КД: 9] ‘Так сказал и подал Базенде руку....’; ***Qulyn*** *monyŋ jaqasyndan jibärmäj ğawğa salyb qazyj qatyna kildelär* [КД: 9] ‘Не отпуская из руки его воротник, подняв шум, они подошли к судье’ и др.

Приведенные примеры показывают, что лексема ***qul*** (кул) довольно активно употребляется в составе таких устойчивых словосочетаний как *кул бирү, кул үбү*, которые также повсеместно распространены и в современном татарском языке. Если первый случай употребляется без семантических изменений, то в словосочетании *кул үбү* произошел семантический сдвиг. В произведениях данное словосочетание употребляется для выражения почтения к отцу, к правителям. Эта традиция “позаимствована” из восточной культуры. В современном татарском языке обозначенное значение практически не употребляется, хотя сема ‘почтение, уважение’ сохранилась, но, в основном, используется в отношении мужчины к женщине.

Ряд соматизмов, таких как ***barmaq*** **(**бармак**) ‘палец’,** ***ajaq*** **(**аяк**) ‘нога’,** ***tez*** **(**тез**) ‘колено’,** ***mujyn*** **(**муен**) ‘шея’,** ***buğaz*** **(**бугаз**) ‘горло’,** ***söjäk*** **(**сөяк**) ‘кость’,** ***tän*** ***(***тән**) // *** ***bädän*** (бәдән) **‘тело’,** ***arqa*** **(**арка**) ‘спина’** в анализируемых произведениях представлены в номинативном значениях словами тюркского происхождения, ставших основной частью литературного языка. Например: *Ägär ber närsä kiräk bulsa, jözekne* ***barmağyŋda*** *äjländer* [Әлҗилдү, 4: 208] ‘Если тебе что-нибудь понадобится, то покрути перстень вокруг пальца’; *Bašyn* ***ajaqlary*** *janyna bökeb, ülek kebek joqlady* [Әлҗилдү, 6: 208] ‘Он, подтянув ноги к голове, спал как убитый’; *Rähib* ***barmaqlaryn*** *miŋa qaršy totdy* [КВ: 49] ‘Монах протянул свои пальцы в мою сторону....’; *ike*

barmaq *qadär tamyry bar* …[Әбу: 82] ‘У него имеется корень толщиной двух пальцев....’; ***Barmaqlaryn*** *awyzyna qabar ide* [Әбу: 9] ‘(От удивления) пальцы свои сувал в свой рот …’; ***Ajağyn*** *bašyna oryb janynda ujnab tordy* [КВ: 75] ‘(Медведь) играя, касался головой об его ноги....’; *Aŋa wäziremne jibäreb* ***ajağynamy*** *jyğylajym…*[Әбу: 82] ‘Отправив к нему своего визиря, я должен ли падать под его ноги?’; *Any padišahnyŋ* ***ajaq*** *astyna čäčäjem…* [КД: 3] ‘Это я сброшу под ноги правителя…’; ***Ajağym*** *qartlyq oqyryna batdy* [ТН: 3] ‘Ноги мои застряли на яме старости…’; *küb jögerä torğač* ***ajaqlary*** *qabardy* …[Әбу: 91] ‘От долгой беготни у него опухли ноги....’; *Bu qyznyŋ* ***tezenä*** *bašyn qujyb joqlady* [Әлҗилдү, 4: 177] ‘Уснул, положив голову на колени этой девушки’; ***Tezen*** *suğa suğa jyğlady* [КВ: 56] ‘Плача, бил по своим коленям....’; ***Mujynyndağy*** *tozaqny özärgä tyryšdy* [КД: 11] ‘Попытался сорвать петлю на шее’; *Alarnyŋ* ***mujynlaryn*** *syndyrsa, cihan tynyč bulyr* [КВ: 4] ‘Если он сломает им шею, мир будет спокойным....’; ***mujnyna*** *zincir salyb köjmägä süräb alyb kerdelär* [Әбу: 61]. ‘Обмотав шею цепью, его волоком затащили в корабль....’; *Uğlannyŋ* ***buğazyna*** *bäjläde* [КВ: 75] ‘Привязал к шее парня... ’; *Balyqnyŋ qylčyğy* ***buğazyna*** *qadalyb šul üzrendä jyğylyb can birde* [Әлфу: 128] ‘Рыбья кость попала ему в горло, и он тотчас упал замертво’; ***Buğazyŋny*** *jodryq belän oryrmyn* [КВ: 49] ‘Кулаком ударю по твоей (горле) шее ....’; *Ber itče kibetenä baryb anda* ***söjäklär*** *kimereb torğanda* [Әлфу: 23] ‘Я дошел до лавки мясника и когда стоял и грыз кости....’; *Tamağyndağy* ***söjäk*** *atylyb čyqdy* [КВ: 75] ‘Кость, застрявшая в горле, вылетела....’; *tölke ağyzyna ber* ***söjäk*** *kisäge alyb su janyna kilde* [ТН: 83] ‘Лиса, схватив кусочек кости, подошел к реке....’; *Dönjada padišahlyqny* ***täne*** *belän qujsa da, cihan käğzendä jaxšy aty juğalmas* [КД: 4] ‘Если царь телом покинет этот мир, в мире останется его доброе имя....’; ***tänn****ä*r***end****ä canarny ğyna qaldy* [КВ: 66] ‘На их теле осталась только душа....’; ***täne*** *qory* ***söjäkkä*** *qaldy* [ТН: 137] ‘Осталось только кожа да кости....’; *qyznyŋ ülgän* ***tänen*** *padišahqa alyb kildelär* [КВ: 59] ‘Мертвое тело девушки привезли к правителю....’; *Qylyčym ilä bersenең* ***arqasyna*** *törtdem* [Әлҗилдү, 4: 150] ‘Своим мечом ткнул одну из них в спину’; ***Arqa*** *bujym jäjägä oxšab, ike*

ajağym qartlyq čoqyryna batdy [ТН: 3] ‘Спина моя согнулась, словно лук, ноги мои застряли в яме старости…’; ***Arqasy*** *jök tašyb telem-telem bulğan* [КВ: 51] ‘Спина его, от перевозки грузов, поранилась’; ***Arqasyndan*** *syjpab bašyndan sörtde* [КД: 75] ‘Погладил его по спине и по голове....’ и др.

Qujyn ‘пазуха’: *qyz* ***qujynyndan*** *qapčyq čyğaryb jözek sanady...* [Әлфу: 7] ‘Девушка вынула из-за пазухи мешок и пересчитала перстни....’; ***qujynyndan*** *ber čupräkkä čornağan astroläb čyğaryb, qojašqa taba baryb äjtde ...* [Әлфу: 164] ‘Он вынул из-за пазухи астролябию, завернутую в тряпку, направил на солнце и сказал....’; *cäwhärne monyη* ***qujynyndan*** *aldylar* [ТН: 71] ‘Вынули драгоценные камни из-за его пазухи....’; ***qujynyndan*** *ber kağaz čyğaryb* [КД: 31] ‘Вынул из-за пазухи кусок бумаги....’ *alyb übeb* ***qujynyna*** *qujdy* [КД: 3] ‘Взял, поцеловал и положил за пазуху....’.

Фонетическая вариативность наблюдается в передаче понятия ‘кулак’, т.е. кисти руки с согнутыми и прижатыми к ладони пальцами. В татарском переводе «Тысяча и одной ночи» наблюдается чередование лексем ***jodryq*** **//** ***jomryq*** **(йодрык // йомрык)**: *Här qajulary* ***jomryq*** *ilä xörmät itä bašladylar* [Әлҗилдү, 6: 201] ‘Каждая из них начала бить его кулаками’; *Märjam buηar küzenä ber* ***jodryq*** *ordy frank ğözer teläb äjtde* [Әлҗилдү, 6: 198] ‘Марьям один раз ударила его кулаком в глаз, европеец, прося прощения, сказал...’. В других произведениях используется ставшая литературной формой ***jodryq (йодрык).***

Понятие ещё одного жизненно важного органа человека - **‘сердце‘** в исследуемых текстах выражено лексемами тюркского происхождения ***jöräk*** **(йөрәк),** ***bäğer*** **(бәгырь),** ***küηel*** **(күңел),** персидским словом ***can*** **(җан)** и арабским заимствованием ***qaleb*** **(кальб)**. В этой синонимической парадигме первые четыре термина свойственны разговорному языку, а лексема арабского происхождения ***qaleb*** **(кальб)** является индикатором письменных литературных традиций [Татар әдәби теле тарихы, 2020, 3-2: 316]. В литературе изучаемого периода она встречается довольно часто, потом постепенно выходит из употребления, уступив место народно-разговорным вариантам. Как показывают наши наблюдения, этот факт, в свою очередь,

еще раз доказывает, что авторы текстов кысса внесли существенный вклад в становление татарского литературного языка, основанного на разговорной речи.

В отличие от предыдущих соматизмов, эти лексемы чаще употребляются в переносном значениях, описывая душу, внутреннее состояние героев: *ni öčen jyğlyjsyŋ,* ***jörägemne*** *xarab idäseŋ* [Әлфу: 44] ‘Почему ты плачешь, губишь мое сердце’; *qyznyŋ mäxabbäte* ***jörägemgä*** *tösde* **...** [Әлфу: 48] ‘Любовь девушки проникла в мое сердце...’; *ğyjfritneŋ* ***jörägen*** *sineŋ firağyŋ ilä jandyrajyq* [Әлфу: 48] ‘Сердце ифрита будет болеть от твоей разлуки’; ***jöräge*** *syqrab zar-zar jylady* [КВ: 51] ‘Он плакал, от горе его сердце болело....’; *firaq uty belän* ***jörägen*** *köjdersen* [ТН: 7] ‘Пусть горит его сердце от разлуки’; *jänä minem* ***jörägem*** *qajnar, čönki padišahlyqnyŋ milke wä cany xarab bulyrğa bara* [ТН: 7] ‘Опять мое сердце начинает кипеть, так как царство начинает разрушаться... ’; *saba jile, xäbäreŋ, barmy minem* ***jöräk*** *canymdan ber närsä kiterdeŋme?* [ТН: 7] ‘Ветер зари, есть ли у тебя весть от души моего сердца (возлюбленного)?’; *ike meŋ taš* ***jöräkle*** *batyr kešelärne qujyb* [КВ: 25] ‘Поставил охрану из двух тысяч мужественных людей с каменным сердцем....’; *šahzadä padišahnyŋ* ***jöräk bäğerläreder*** [КВ: 17] ‘Принц дорог царю как частичка сердца ....’; *išetkän adämlärneŋ* ***bäğre*** *qan buldy* [КВ: 23] ‘Кто услышал это, сердце обливалось кровью....’; *firaq uty belän* ***bäğrem*** *köjeb* [ТН: 7] ‘Сердце мое болело от разлуки....’; *bänem* ***qalebemä*** *šäfqat kileb, waqyjğany bäjan äjlädem* [Әлфу: 62] ‘Мое сердце наполнило милосердие, и я рассказал о том, что произошло’; ***Küŋeleŋ*** *tynyčsyz wä daim fikerdä tabamyn* [КД: 13] ‘Твоя душа неспокойна и замечаю тебя, ты весь в раздумьях....’; *Bu kolyŋyznyŋ* ***küŋeleŋä*** *bu uj kiläder* [КД: 7] ‘В голову Вашего слуги приходит эта мысль....’**;** *Sin häm küŋeleŋ rizqyna qanäğat bulyb ojamyznyŋ počmağynda tynyč jat* [КД: 17] ‘Ты будь доволен пищей своей души и лежи спокойно в углу нашего гнезда’*Bäzindäneŋ* ***küŋele*** *jomšady* [КД: 9] ‘Смягчилась душа Базинды....’.

Как указывает известный языковед Р.Р. Замалетдинов, лексема *күңел* характеризующая внутреннее состояние человека, занимает особенное место, совмещая в себе эмоциональный и рациональный уровни внутреннего мира человека, интегрируя сферу сознательного и бессознательного, интуитивного. Он подчеркивает, что фразеологизмы современного татарского языка с данным компонентом дополняют и конкретизируют эту картину [Замалетдинов, 2004: 176].

Как показывают наши исследования, лексема ***küŋel*** (күңел) с указанными выше значениями достаточно активно употребляется в составе фразеологизмов, пословиц, активных и в современном татарском языке: *sineŋ* ***küŋeleŋ tašmydyr*** [Әлҗилдү, 4: 200] '… твое сердце как камень...'; *qyzyŋny alyb barajym,* ***küŋele ačylsyn*** [Әлҗилдү, 4: 174] 'Свожу твою дочь (на свадьбу), пусть её душа развеется'; *ägär* ***küŋeleŋ ber närsä teli*** *torğan bulsa äjt, čarasyn kürermen* [КД: 13] 'Если твоя душа что-то просит, скажи, я решу....'; *Šäjäd xäräkät bäräkätendä* ***küŋelemdä qajğym kitär*** [КД: 14] 'Возможно, благодаря этому движению, покинет горе мою душу…'; ***küŋel bozylğan waqytda*** *watylğan šišä kebider* ... [Әлҗилдү, 2: 11] 'Испорченное настроение подобно разбитой бутылке....'и др.

В текстах кысса и другие наименования часто встречаются в составе фразеологизмов, пословиц, например, ***Can ačysy*** *bolaj ikänen belgän bulsam ber kešene dä tyrnaq beläп dä čirtmäs idem* [КВ: 13] 'Если бы я испытал душевную боль, то никого не трогал бы пальцем…'; *Kölä-kölä* ***eče qatdy*** [КВ: 96] 'Со смеху живот его живот начал болеть....'; ***qalb*** *ämer itmäsä* ***tel*** *süzli almajdyr* ... 'Если сердце не прикажет, язык не может говорить ...' [Әлҗилдү, 2: 46].

Рассмотренные примеры показывают, что в произведениях наиболее активно функционируют лексемы разговорного языка ***jöräk*** **(йөрәк)** и ***küŋel*** **(күңел).** В татарском переводе «Тысяча и одна ночь» Ф. Халиди встречаются и архаичные с точки зрения современного литературного языка формы. В целом, в отличие от других произведений исследуемого жанра, в данной

сказке широко распространены формы письменных литературных традиций. Об этом свидетельствует и употребление в значении ‘душа’ арабского заимствования ***näfes* (нәфес):** *...bänem* ***näfesem*** *arzu qyladyr* [Әлҗилдү, 4: 171] ‘… душа моя просит’; ... *zolym didekläre ber äšäke qabäxät wasyf, insannyη* ***näfesendä*** *jäšerender* [Әлфу: 32] ‘… тирания – это противное, отвратительное явление, скрытое в душе человека’.

Еще одна лексема, свойственная народно-разговорному языку, в значениях ‘душа, сердце’ ***eč*** (**эч**) совместно с глаголами ***jan-/poš-*** используется в значении беспокоиться: *aqribäläremdän ajrylğanğa* ***ečem janyb*** [Әлҗилдү, 5: 44] ‘… из-за разлуки с близкими я начала беспокоиться (букв. у меня душа начала гореть’; *bänem* ***ečem*** *sineη öčen* ***jandy*** [Әлҗилдү, 2: 44] ‘... моя душа из-за тебя беспокоилась (букв. горела)’; *sin ozaq torğač bän xäwef ideb* ***ečem pošdy*** [Әлҗилдү, 4: 175] ‘Когда ты задержался, я испугалась и стала беспокоиться’. В современном татарском языке словосочетание *эч яну* употребляется редко, а *эч пошу* – достаточно активный фразеологизм татарской разговорной речи.

Таким образом соматическая лексика в исследуемых нами произведениях занимает одно из основных мест. Семантические возможности, наблюдаемые в татарском языке, представлены в них в достаточно полном объеме. Ряд лексических единиц употребляется в номинативном значении для обозначения отдельных частей тела. Генетически преобладает тюрко-татарская лексика. Единичные случаи заимствований, которые являются показателями письменных литературных традиций, в этой тематической группе постепенно вышли из употребления. Результаты исследования данной группы лексики дают основание заключить, что авторы произведений акцентировали внимание на активном включении в состав произведений элементов народно-разговорного языка, тем самым закладывая основы современного татарского литературного языка.

3.4. Лексика, выражающая состояние субъекта

Слова, описывающие состояние субъекта, способствуют восприятию ситуации через внутренние переживания персонажей. Эмоциогенность текстов ‘подключает’ читателя к эмоциональному состоянию героя. Специфика жанра и назидательно-дидактический характер произведений способствовали активному употреблению данной группы лексики.

Состояние субъекта в татарском языке выражается лексическими средствами и глаголами определенного лица и числа, а также моделями, состоящими из субъекта и предиката состояния. В этом параграфе мы акцентируем внимание непосредственно этим формам выражения внутреннего состояния субъекта, потому что они являются довольно распространёнными в изучаемых произведениях.

В рассматриваемых нами текстах транслируется большое количество эмоций и состояний, переживаемых героями. Самые активные глаголы этого ряда – ‘бояться’; ‘беспокоиться’; ‘переживать’. Иногда в контексте эти слова в семантическом плане максимально приближаются друг к другу. Герои кысса переживают буквально за все, частое использование этих глаголов ‘подключает’ читателя к их эмоциональному состоянию.

Глагольная основа ***qurq-*** **(курык-) ‘бояться’; ‘переживать’**. В рассматривемой группе это наиболее распространенный и универсальный глагол тюркского происхождения. В текстах кысса наиболее распространенной является модель субъект и предикат состояния. Данная модель управляется местоимением и глаголом: ***bän*** *sineŋ öčen* ***qurqam*** [Әлҗилдү, 5: 6] ‘Я за тебя боюсь....’; ***sin*** *haman* ***qurqma****, aslan zarar bulmas* [Әлҗилдү, 4: 199] ‘Ты совсем не бойся, никакого вреда не будет....’; *Ämma* ***bez quryqğan idek*** *xatyn süzenä ojyb šahzadäne hälaq idärseŋ dib* [КВ: 158] ‘Но мы боялись, что ты, подчинившийся словам женщины, погубишь принца....’; ... ***qurqyb teträb*** *toryr* [КВ: 110] ‘ (Он) стоит и тресется с испуга....’; ***qurqyndan*** *tetri bašlady* [КВ: 29] ‘(Он) начал трестись с испуга ....’; ***Any*** *mindän artyk söjämeseŋ jäki andan* ***qurqamysyŋ*** [КВ: 41] ‘Она больше меня его любит или

боится его?’; ***any*** *belän köräšdän* ***qurqyb*** [КД: 19] ‘Испугавшийся борьбы против него....’; ***sez*** *mäne säfär belän* ***qurqytmağyz*** [КД: 12] ‘Вы не пугайте меня (тяжестями) путешествия....’; ***bolarny*** *kisäk küreb* ***qurqyšdylar*** [Әбу: 7] ‘Резко увидев их, они испугались....’ и др.

Субъект и предикат состояния могут семантически раскрываться при помощи существительного и глагола: *Mäkkädäge jeget* ***Allahydan qurqğan*** *öčen un jökle täwä zahir bulğan kebek* … [КВ: 82] ‘Подобно тому, как парню из Мекки, за то что побоялся Аллаха, достался караван из десяти груженных верблюдов…’; ***Padišahdan qurqyb,*** *kiterä almadylar* [КВ, с. 42] ‘Боясь правителя, не могли доставить....’; ***qurqyb*** *ber počmaqda utyrdy* [Әбу: 21] ‘Испугавшись, сидел в углу....’.

Понятие ‘бояться’; ‘переживать’ реже может выражаться сложными глаголами, состоящими из основы арабского заимствования + вспомогательный глагол: ***xäwef it-, xafa bul-***: *imde sin ber dä* ***xäwef qylma*** *čönki sin niček any küräseŋ kilsä ul häm sine šulaj küräse kilä* [Әлҗилдү, 5: 3] ‘Ты уж ничего не бойся, как ты (сильно) хочешь её увидеть, она также желает увидеть тебя’; *uğlymyz öčen aslan* ***xäwef itmä*** [Әлҗилдү, 5: 47] ‘За нашего сына совсем не переживай’; *ni öčen aryslandan* ***xäwef idärsez*** [Әлҗилдү, 5: 21] ‘Вы почему боитесь льва...’; *xalyq bunlarny küreb* ***xäwef äjläde*** [Әбу: 8] ‘Народ, увидев их, испугался....’. Эта форма чаще встречается в сказке «Тысяча и одна ночь», в других текстах рассматриваемое состояние выражено глаголом ***qurq-*** (курык-) тюрко-татарского происхождения, распространенного в народно-разговорном языке.

ğacäbläп- (гаҗәпләп-) и составные глаголы ***ğacäbkä qal-*** (гаҗәпкә кал-), ***xäjran qal-*** (хәйран кал-), ***täğaccüb it-*** (тәгаҗҗеб ит-) ‘**удивляться**’: *bunyŋ bähase arzan idekenä* ***ğacäbläneb,*** *qapučydan sorady* [Әлҗилдү, 4: 171] ‘Он удивился дешевизне (дома) и обратился к привратнику’; *Xuca Säğid bu äxwällärne küreb ğäcäbläneb* [ТН: 4] ‘Ходжа Сагид увидел эти дела и удивился....’; *ber berenä* ***ğacäbkä qalyb*** *äjtdelär* [Әлфу: 41] ‘Они удивленно сказали друг другу’; *šah bu balyqlardan* ***ğacäbkä qalyb****, balyqčyğa dürt jöz altyn*

bireb [Әлфу: 39] ‘Шах был удивлен глядя на этих рыб и заплатил рыбаку четыреста золотых’; *Kürgän töšenä* ***xäjran qalyb*** … [КД: 2] ‘Удивился своему сновидению....’; *böten cihan xalqy ul ulanny kürkämlegenä* ***xäjran qaldy*** … [КД: 2] ‘Народы всего мира удивились красоте этого парня’; *törle arğanun tawyšlaryndan ğaqyllary* ***xäjran qalyr*** … [Әбу: 88] ‘От различных звуков органа их ум удивится....’; *Uğlan bu šähärne küreb* ***xäjran qaldy*** [КВ:103] ‘Парень, увидев этот город, очень удивился …’; *bu qyjssadan xäbärdar bulyb* ***xäjran qaldylar*** [Әбу: 12] ‘Узнав об этом проишествии, они удивились....’; *barmayn awyzyna totyb* ***xäjran qaldy*** … [КВ: 158] ‘Положив палец в рот, погрузился в в недоумение....’; *alarnyη xälläreннän* ***täğaccub ideb*** *zäwyq idälem* [Әлфу: 54] ‘Будем наслаждаться (смехом), удивляясь ситуацией, в которую они попали’; *uğly däxi* ***täğaccüb ideb,*** *jä änkäj, dide* [Әбу: 23] ‘Сын, удивленно сказал, «О, мама!»’; *ğajät* ***täğaccübendän*** *barmaqlaryn awyzlaryna qabar ide* [Әбу: 23] ‘От сильного удивления клали пальцы в рты’; *ğajät* ***täğaccüb ideb*** *äjtde* [Әбу: 35] ‘От сильного удивления, сказал....’; *bu ğacäjeb wä ğaräjeb mäcmuğalarny küreb* ***täğaccüb idär*** *ide* [КВ: 67] ‘Увидев эти чудесные сборники, он удивился....’.

В этом синонимическом ряду основу глагола составляют номинации абстрактного выражения ‘удивление’ *гаҗәп, хәйран* и *тәгаҗҗеб.* Если первые лексемы закрепились в татарском литературном языке и активно участвуют в составе сложных глаголов, то вторая лексема в процессе формирования татарского литературного языка вышла из употребления. В текстах лексема *хәйран* в составе глагольной конструкции *xäjran bul-* употребляется для выражения понятия ‘растерянность’: *balykčy* ***xäjran bulyb*** *torğanda, hawağa cäjelgän doman ber surät tösle bulyb…* [Әлфу: 26] ‘Пока рыбак стоял в растерянности, туман, разлитый в воздухе, начал приобретать форму силуэта...’; *šundağy xalyqlar šahqa bulğan xälgä* ***xäjran bulyb,*** *jyğlamak ilä qaldylar* [Әлҗилдү, 4: 6] ‘Люди, находящиеся там, растерялись и заплакали над судьбой правителя....’; *bu süzlärne išeteb* ***xäjran buldy*** [Әбу: 54] ‘Он услышав эти слова, удивился’; ***xäjran bulyb*** *ütkän macarany bäjan qyldy* [Әбу:

54] ‘Он в восторге рассказал о произошедшем событии’; *xatynny bu eenä* ***xäjran buldylar*** … [KB: 158] ‘Удивились такому поступку женщины ....’.

Чувство **зависти** выражено глаголом татарского происхождения ***könläš*** и лексемой ***könčelek***, которые являются основными в выражении данного чувства в современном татарском языке*: bunlar* ***könläšeb*** *äjtdelär* [Әлҗилдү, 4: 206] ‘они от зависти сказали’; *xucamyznyη xatyny* ***könläšeb*** *sixer ilän ularny xajwan surätenä qyldy* [Әлфу: 17] ‘Жена нашего хозяина из-за ревности превратила их в животных’; *bäradärlärem bänem bu xälemgä* ***könläšeb*** [Әлфу: 15] ‘Мои братья завидовали моему положению ....’; *sin andan* ***könläškän*** *bulasyη* [Әлфу: 23] ‘Ты завидуешь ему....’; *Ber kön* ***könčelek*** *idüčelärne berse padišah janyna baryb äjtde* [KB: 100] ‘Однажды, один из завистников, пришел к правителю и сказал ....’; ***könčelek*** *uty belän janmyšlar ide* [Әбу: 18] ‘Они горели огнем зависти....’.

Стыд – явление в текстах кысса достаточно частое, так как чувство стыда является характерной чертой мусульманской морали [Липатова, 2003: 100]. Понятие ‘стыдиться’ в произведениях выражено несколькими глаголами. Наиболее точное и полное значение понятия выражается глаголом тюрко-татарского происхождения ***ojal-*** (оял-). Стыд в произведениях может быть перед самим собой, перед другим субъектом, из-за своих поступков. Иногда герои чувствуют неловкость и стыд перед высокопоставленными лицами. Например, *bän sinnän* ***ojalam,*** *dide* [Әлҗилдү, 6: 208] ‘Сказал: «Я стесняюсь тебя»’; *anasy* ***ojalyb*** *cirgä qarab tordy* [Әлҗилдү, 4: 187] ‘Его мать со стыда опустила глаза’; *Qazyj äfände* ***ojalyb*** *bašyn tübän salyb toryr ide* [Әбу: 41] ‘Судья от стыда опустил голову и смотрел вниз....’; *Allahy Täğalädän quryqmyjmysyη, päjğambärdän* ***ojalmyjmysyη*** [KB: 10] ‘Не боишься ли ты Всевышнего, не стыдно ли тебе перед пророком?’; *bik diqqat belän qarawyndan ojalyb* [Әбу: 20] ‘Он постеснялся от очень пристального взгляда....’; ***ojalyb,*** *bu därwišneη mändä nindi morady bar ikän dide* [Әбу: 20] ‘Он стесняясь, подумал, что хочет от меня этот аскет....’; *jözeneη nuryndan aj wä qojaš* ***ojalyr*** *ide* [Әбу: 20] ‘От светлого её лица стеснялись Солнце и

Луна....’; *küzenä kürenergä* ***ojalyb***… [ТН: 54] ‘Он стыдился показаться ему в глаза…’.

Контекстуальное значение понятия ‘стыдиться’ наблюдается в семантике глагола ***xurlan-*** **(хурлан-)** (Хур- ‘унижен, оскорблен, считается никудышным’ [Әхмәтьянов, 2: 391]) и лексических вариантов ***xur ideb*** и ***xur xaqyjr ideb***: *bičara šahzadä qyzğa ğašyjq bulsa da, šähär xalqy aldynda ciŋelgängä kürä bik* ***xurlandy*** [Әлҗилдү, 4: 167] ‘Несмотря на свою влюбленность, несчастный принц очень стыдился этой девушки из-за своего поражения от жителей города’; *ğulämä cämäğaten* ***xur ideb*** [КВ: 19] ‘Опозорив сообщество ученых....’; *ber xatyn bezne padišah aldynda* ***xur xaqyjr ideb.***.. [КВ: 43] ‘Женщина опозорила нас перед царем…’.

В лексико-тематической группе “Состояние субъекта” немало лексических единиц, образованных при участии заимствованных слов с абстрактным значением. Они участвуют и в составе глагольных конструкций, выражающих состояние **удовлетворенности**. Например, ***qanäğat äjl*** **(канәгать әйлә-),** ***qanäğat it-*** **(канәгать ит-)** и ***razyj bul-, razyj ide*** **(разый бул-/ разый иде)**: *Xodaj ni birsä šuŋar* ***qanäğat äjlä*** [Әлфу: 39] ‘Довольствуйся тем, что Всевышний тебе дал....’; *bändän* ***razyj bul*** *dijeb üteneb* [Әлҗилдү, 4: 208] ‘Просил, чтоб был довлен мной’; *xalqymğa ğadellek berlän xökem ideb, härkem bändän* ***razyj ide*** [Әлфу: 75] ‘*Я* правил народом справедливо, каждый был доволен мною’; *Säfärendän bik razyj bulyb* [КД: 9] ‘Он был очень доволен путешествием…’; *Allahy Täğalä sindän razyj bulsyn* [КД: 2] ‘Пусть Всевышний будет доволен тобою....’; *Mindän* ***razyj bulyb*** *xäjer doğa qylsaŋ dönjany ber tamaša idär idem* [КД: 14] ‘Если будешь доволен мною и дашь свое благославление, то я бы совершил путешествие по миру....’; *franq* ***razyj buldy,*** *mäxkämägä kitde* [КВ: 20] ‘Европеец согласился и отправился в суд....’; *bez häm padišahymyzdan razyjmyz* [КВ: 20] ‘Мы тоже довольны своим правителем....’; *baš öste dib meŋ can belän* ***razyj buldy*** [Әбу: 16] ‘Сказав: «Слушаюсь!», он очень быстро согласился....’; *meŋ canym belän* ***rizamyn****, dide* [Әбу: 16] ‘Сказал, что полностью согласен....’; *Äbuğalisina däxi razyj bulyb* [Әбу: 25] ‘Абугалисина

тоже был согласен....’; *Bağdad padišahy belän solyxqa razyj bulyb* [Әбу: 12] ‘Были согласны на мир с Багдадским царем....’; *Sin … **qanäğat bulyb** ojamyznyŋ počmağynda tynyč jat* [КД: 17] ‘Будь доволен и лежи спокойно в углу нашего гнезда’; ***Qanäğat itmägän** dönjada räxät kürmäs* [КД: 14] ‘Недовольный (человек) не будет счастлив в мире ....’; *uğlanny kürä torğan bulsam **qanäğat qylyr** idem* [КВ: 57] ‘Если бы я смог увидеться с парнем, то бы был доволен’ и др.

Из рассмотренной синонимической парадигмы в современный татарский язык не вошла архаичная конструкция ***qanäğat äjl*** **(канәгать әйлә-),** остальные формы активны в настоящее время как в литературном, так и разговорном формах татарского языка.

Чувство раскаяния, сожаления передается глаголом ***üken***- (**үкен**-) без лексических эквивалентов*: ni öčen **ükenerseŋ**, andan güzäl äğla ber carijä al* [Әлфу: 197] ‘К чему эти сожаления, купи другую рабыню, намного красивее...’; ***ükeneb** xafa buludan fajda bulmas* [Әлҗилдү, 4: 205] ‘Пользы от сожаления не будет’; *saqlan joqlama joqlasaŋ **ükenerseŋ*** [Әлҗилдү, 4: 168] ‘Берегись, не проспи, если проспишь – пожалеешь...’; *aslan muxalifät itmä juqsa **ükenerseŋ*** [Әлҗилдү, 4: 200] ‘Совсем не сопротивляйся, иначе пожалеешь’; *Bolaj äjtkänenä **ükeneb**, ğafu it dib üteneb xatynyna jalbardy* [КВ: 96] ‘Сожалев за свои высказанные слова, он попросил прощения у своей жены....’; *qaty qaty süzlär äjtkänenä **ükende*** [ТН: 85] ‘Сожалел, что сказал неприятные слова....’; *Sin häm **ükenečkä qalačaqsyŋ*** [КВ: 28] ‘И ты будешь сожалеть....’; *meŋ **ükenečlär** belän pärišan bulyb* [Әбу: 21] ‘Он очень сильно сожалел и встревожился....’; *uğlanny uğyllyqqa qAбyl iteb alğanyna bik **ükende*** [КВ: 38] ‘Он очень сожалел усыновлению этого мальчика....’; *soŋyndan bu eškä **ükeneb** xatynyn jänä almaqčy buldy* [КВ: 52] ‘Потом, сожалев, пытался вернуть жену’; *ber süz belän sine **ükenderermen*** [КВ: 52] ‘Одним словом тебя заставлю раскаяться....’; *barča qylğan ešlrenä **ükeneb** täwbä qyldy* [КВ: 52] ‘Он сожалев за все содеянное, покаялся’; *kilgänenä **ükeneb** äxwäle pärišan buldy* [Әбу: 54] ‘Сожалев, что пришел, он встревожился....’.

Чувство **злости** передается лексемами татарского происхождения ***ačи*** **(ачу)** и арабским заимствованием ***ğazab*** **(газап)**: *Bik* ***ačulanyb*** *qajtdy* [КВ: 47] ‘Вернулся очень разгневанным ....’; *Sineŋ däxi bu kön* ***ačuyŋ*** *zijadä buldy* [КВ: 47] ‘Твой гнев сегодня усилился ....’; ***ačulanyb*** *urynyndan tordy* [КВ: 96] ‘Со злостью он встал с места....’; *bik* ***ačи*** *belän qarab tutiğa äjtde* [ТН: 85] ‘Со злостью посмотрев на попугая, сказала…’; *gäh siŋa gäh üz-üzemä* ***ačulanyrmyn*** [ТН: 85] ‘Я то на тебя, то сама себе злилась’*üzeneŋ arzusyn qaryj torğan ber adäm ikän dib* ***ačulanyb kitde*** [Әбу: 19] ‘Подумав о том, что этот человек пресследует только свои цели, он разозлился и ушел....’; *Padišah* ***ačulanyb*** *qylyčyn jalanğačlab* [КВ: 96] ‘Царь разгневанный, обнажив свой мечь... ’; *Murğišnyŋ* ***ğazaby*** *artyb, anlarny xäbeskä salyb* [Әлҗилдү, 4: 259] ‘Мургиш ещё сильнее разозлился и посадил их в темницу’.

Следует подчеркнуть, что на последующих этапах развития татарского языка вторая лексема в данном значении не закрепился. Так, например, в синонимической парадигме *ярсу, кайнарлык, кәһәр, кинә; кызып китү, үпкә*, где доминантой выступает слово *ачу*, это слово не представлено [Ханбикова, Сафиуллина, 1999: 16].

Лексема *ачу* встречается и в составе фразеологизмов *ачу уты, ачу басылу, ачу килү*: ***ačи uty*** *kükrägen jandyryb, tötenendän küŋelenä qorym utyryb* [КВ: 96] ‘Огонь злости сжег её душу, от её дыма сажа осела на его сердце’; ***ačи uty*** *jörägen jandydy* [Әбу: 21] ‘Огонь злости сжег его сердце....’; *xalifäneŋ* ***ačuwy basyldy*** [КВ: 96] ‘Прошла злость Халифа....’; *Mäliknеŋ* ***ačuwy*** *kileb, bašlyq ilä xäzinägä baryb qarab* [Әлҗилдү, 4: 211] ‘Царь разозлился и вместе с начальником (хранилища) сходил в хранилище и посмотрел...’ и др.

Для выражения чувства **ярости, крайней раздражительности** употребляется глагол ***šaš-*** **(шаш-) ‘беситься’, ‘сойти с ума’**: *qyzylbaš näqylendä: bän qyznyŋ süzlären išetkäč dä bik qurqyb* ***šašynyb*** *bačqyčlardan jögereb čykdyğymda, ğyjfrit kilde* [Әлфу: 68] ‘... в рассказе об иранце (говорит): «Когда я услышал слова девушки, очень сильно испугавшись, в бешенстве побежал по лестнице и появился ифрит»’; ***šašynuymdan*** *qyz janynda*

käwešläremne qaldyrmyšmyn [Әлфу: 68] ‘В бешенстве, я забыл у девушки свою обувь’; *tegüče ul xälne küreb …* ***šašyb*** *qaldyqda* [Әлфу: 128] ‘Портной, увидев это, одурел’; *bu tamašağa särgärdän bulyb* ***šašdy*** [Әбу: 54] ‘От увиденного он пришел в безрассудство и одурел....’; *šul qadär zyjafät qyldylar ki, adämneŋ ğaqyly* ***šašar*** [Әбу: 15] ‘Провели такое гостеприимство, что ум человека может одуреть....’; *bu eškä xäjran bulyb* ***šašdylar*** [Әбу: 15] ‘Они от удивления одурели....’; *simez it xyjaly any* ***šašdyrğan*** *ide* [КД: 77] ‘Мечта о жирном куске мяса его одурманила’.

Для выражения понятия ‘**прощать’** в текстах татарского перевода используются конструкции ***ğafu qyl-/it-*** **(гафу кыл-/ гафу ит-)** и глагол ***kičer-(кичер-)***: *bänem tuğma qardäšläremder, tiješle bäŋa* ***ğafu qylmaq*** [Әлфу: 16] ‘Они мои родственники, я их должен простить’; *fäqat tärcemanlyq itdem bane* ***ğafu qylyŋyz****, dide* [Әлфу: 57] ‘Сказал, что выступил в качестве переводчика и попросил прощения’; *jegetne totyb bir üzeŋne* ***ğafu idämez*** **[Әлҗилдү,** 4: 210] ‘Если поможешь поймать парня, мы тебя простим’; *Any* ***ğafu itmäk*** *xata ğazyjmdyr* [КД: 77] ‘Простить его будет большой ошибкой…’; ***ğafu qyldym*** *canym, inde bäxil bul* [Әбу: 24] ‘Я тебя простил, ты тоже прости меня, душа моя....’; *Kiräk üter, kiräk* ***kičer*** *bu ešne män ešlädem* [КД: 77] ‘Хочешь казни, хочешь помилуй, я сделал это....’; *ğajeble kešeneŋ ğajeben* ***kičergän*** *adämlär bez idek* [КВ: 47] ‘Это были мы, которые простили виноватого человека....’.

Если в татарском литературном языке наиболее активным является форма *гафу ит-, кичер-,* то форма *гафу кыл-* редко употребляется в современном татарском языке. Она больше функционировала в разговорной речи, а в настоящее время, с возвратом религии в жизнь татарского народа, данная форма активно функционирует в рамках религиозного стиля.

Понятие **‘радоваться’** передается глаголами ***quan-*** **(куан-) и** ***kinän-*** **(кинән-),** ***söjen-*** **(сөен-),** лексемой ***šad*** **(шат иде, шат бул-, шатлан-)** и производными глагольными конструкциями*:... xäzer niğmätne kürgäč* ***quanyb*** *baryb...* [КД: 10] ‘... увидев готовую еду, с радостью подошел....’; *bik* ***quwanyb*** *oluğ tujlar qyldy* [КД: 10] ‘От великой радости провел пышную свадьбу....’;

qajğyly küŋelemne ber däqyjqa säxäbätlege belän ***kinändersä ide*** [КД: 3] ‘Обрадывал бы мою печальную душу своим минутным визитом....’; *Barča xäj* ***šad*** *buldy* [КВ: 28] ‘Все живое обрадовалось....’; *dönja jözen küreb* ***šad buldylar*** [КВ: 66] ‘Увидев Свет, обрадовались’; *wäzir* ***šad*** *bulyb äjtde* [КВ: 156] ‘Визирь, с радостью, сказал....’; *šahzadä* ***söjeneb šad buldy*** [КВ: 67] ‘Принц очень обрадовался’; ***šadlanyb*** *ačyq jöz belän doğa itde* [КВ: 71] ‘С радостью, добродушно совешил молитву....’; *Ber bere belän bik* ***söjendelär*** [КВ: 35] ‘Обрадовались друг-другу....’. *ul täğamne küreb* ***söende*** [КВ: 71] ‘Увидев эту еду, он обрадовался…’; *Ber bere belän bik* ***söjendelär*** [КВ: 35] ‘Обрадовались друг-другу....’. Из представленной синонимической парадигмы в современном литературном языке пассивным считается *kinän-* (кинән-), данная форма характерна для разговорной речи.

Очевидно, что слова, выражающие состояние субъекта, отражают внутренние переживания персонажей, эмоции и различные психологические состояния. В рассмотренных нами текстах присутствуют как положительные, так и отрицательные эмоции и они выражены глагольными конструкциями.

3.5. Лексика, выражающая действие субъекта

Лексику данной группы составляют исконно татарские слова, активно функционирующие как в литературном, так и народно-разговорном языках. Как известно, глаголы, выражающие действие, составляют основу словарного состава и для них характерна разветвленная семантическая деривация. Семантический и функциональный потенциал рассматриваемой группы лексики показывает реальное состояние языка конца XIX – начала XX вв. Основная часть анализируемой тематической группы активна и в современном татарском языке. Вместе с тем мы встречаем отдельные лексемы и глагольные конструкции, выражающие действие субъекта, которые вышли из употребления или же подвергались семантическим изменениям.

Данную группу лексики мы классифицируем, выделяя четыре подгруппы: 1. слова, обозначающие конкретные действия; 2. слова, выражающие физиологические действия; 3. слова, выражающие речь; 4. слова, обозначающие абстрактные действия.

3.5.1. Слова, обозначающие конкретные действия

Большинство этих глаголов употребляется в номинативном значении. При сравнении с современным татарским литературным языком в семантическом плане значительных изменений не наблюдается, например, *Ačqyčlarny* ***kitereb bireb****, ber sandyqny* ***ačdym****, ečendä bän jawlyqlarğa* ***bäjläb qujğan*** *altynlar ber danäse dä* ***betmägän****...* [Әлфу: 145] ‘Мне принесли ключи, и я открыл сундук... внутри находятся золотые монеты, завернутые мною в носовые платки…’; *Bäk uğly jortyna* ***baryrğa wäğdä birde*** [ТН: 8] ‘Обещала пойти в дом сына бека ... ’; *Uğly Säğyjdneŋ küzlären* ***übde*** [ТН: 4] ‘Поцеловал глаза сына Сагида’; *Wä atrafynda küb awyllar wä šähärlär* ***tözelmeš ide*** [ТН: 2] ‘Вокруг него было построено много деревень и городов’; *Qyz* ***kürde*** *ki, bu awaz ijäse šundyj ber jegetder ki, güzällegendä hič misaly juqdyr* [ТН: 82] ‘Девушка заметила, что издающий звук человек – прекрасный парень, нет ему равных в красоте’; *Diŋgezdä köjmäm suğa batdy* [КВ: 42] ‘Моя лодка утонула в море ....’; *Siŋa ğacäjeb törle ešlär kürsätäjem* [КВ: 8] ‘Покажу тебе разные удивительные вещи …’; *Padišah azraq* ***qyjmyldady*** [КВ: 110] ‘Правитель немного пошевелился ....’; *Sine abystaj* ***čaqyra*** [КВ: 153] ‘Тебя зовет супруга муллы....’; *Padišah täxetenä* ***kileb utyrdy*** [КВ: 153] ‘Правитель сел на свой трон ....’; *Ber mäscid išege töbenä* ***qujdylar*** [КВ: 37] ‘Положили возле двери мечети ....’; *Wäzirne totdylar* [КВ: 42] ‘Поймали визиря ....’; *Ul fäqyjrgä bajtaq mal wä aqča* ***birde*** [КВ: 29] ‘Он дал тому бедняку много денег и богатства....’; *Anyŋ belän oryš* ***bašlady*** [КД: 10] ‘Начал драться с ним …’; *Bu ike batyr küzlären* ***čekeräjteb*** *ber bersenä qasd* ***itdelär*** [КД: 10] ‘Эти два борца, выпучив глаза, напали друг на друга …’; *Mine* ***satyb alasyŋ*** *da oluğ fajdalarğa* ***irešäseŋ*** [ТН: 5] ‘Купи меня и добивайся высоких достижений’ и др.

В то же время в данной подгруппе мы фиксируем наличие архаичных для современного татарского языка лексем, которые, однако, активно функционировали в языке исследуемого периода, например, *Ağu bireb* ***zähärlädelär*** [КВ: 25] ‘Отравили его при помощи яда …’. Слово *zähärlädelär* ‘отравили’, образованное от персидского заимствования *zähär* в значении ‘ яд, отрава’ [Гарәпчә-татарча, 1993: 141] в татарском литературном языке заменено словом татарского происхождения *агулау* в том же значении.

Образованное от существительного персидского происхождения ***zincir*** (зинҗир) ‘цепь, оковы’ глагол ***zincirlä-*** (зинҗирлә-) также в литературном языке не функционирует, а заменен татарским эквивалентом *чылбырла-*: *Äsirlär ečenä kitereb* ***zincirlädelär*** [Әбу: 21] ‘Привели его к пленным и заковали в цепь’.

В “Толковом словаре татарского языка” глагол ***qyl-*** **(кыл-)** в значении ‘делать что-либо, выполнять какое-либо действие’ дается с пометкой “книжная лексика” [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2017: 684]. Оно практически не используется самостоятельно, однако весьма активно употребляется в составе сложных слов. Например, *дога кылу, исәп-хисап кылу, карар кылу, кабул кылу, ният кылу, сәяхәт кылу, тамаша кылу* и др. В анализируемых произведениях мы еще наблюдаем самостоятельное употребление данного глагола, например, *Här ešen aqrynlyq belän* ***qylsyn*** [КД: 5] ‘Пусть каждое свое дело выполняет не спеша …’; *xucamyznyŋ xatyny könläšeb sixer ilän ularny xajwan surätenä* ***qyldy*** [Әлфу: 17] ‘Жена нашего хозяина из-за ревности превратила их в животных’; *üzlären adäm surätendä küreb šöker säcdäse* ***qyldylar*** [Әбу: 52] ‘Увидев себя в облике человека, они совершили поклонение благодарности’; *Äwälge kibeten bizäb munaqqaš ber kibet bina* ***qylyb birde*** [Әбу: 25] ‘Он разукрасил его прежний магазин и построил новый раскошный магазин».

В то же время активность данной лексемы в составе составных глаголов весьма заметна и большая часть из них без изменений употребляется и в современном татарском языке. Наиболее распространенной является

конструкция имя существетельное + глагол *qyl-* (кыл-), например, *Ber comğa ečendä qajtarmaq ixtijaryn* ***šart qyldylar*** [ТН: 5] ‘Договорились вернуть в течение недели’; *Anyŋ süze belän* ***ğamäl qylyr ide*** [ТН: 6] ‘Придерживался его совету’; *Tämam čolğab alyb* ***tamaša qylalar*** [ТН: 4] ‘Окружили его полностью и осматривают…’; ***...*** *moŋlylarnyŋ xälenä* ***märxämät qylyb*** [КД: 3] ‘... утешив души опечаленных’; *bala öčen* ***doğa qyldy*** [ТН: 2] ‘Помолился за ребенка’; ***täcribä qylmaq*** *ečen axšamğača köteb tordy* [Әбу: 18] ‘Чтобы испытать, он ждал его до вечера....’ и др.

Так же распространено употребление устаревших с точки зрения современного литературного языка слов или же одного из значений в указанной конструкции: *Xozyr ğaläjhi sälämne kürergä bik* ***arzu qylğan*** *idem* [КВ: 30] ‘Очень хотел увидеть пророка Хидра…’; *Tutyj äjtde: šul räweščä* ***riwajät qylynyr*** *ki Ibrahim ğaläjhi sälämneŋ xäter šäriflärenä kildekdä* [ТН: 12] ‘Попугай сказал: «Таким образом рассказывают, что касается воспоминаний пророка Ибрагима, мир ему... »’; *Axšam bulğač tutyjnyŋ čitlege janyna kileb* ***wäğdä qylğan*** *tutyj xindi xikäjäten söjlä, išetäjem, niček ul dide* [ТН: 10] ‘Когда наступил вечер, она подошла к клетке попугая и сказала: расскажи обещанный свой рассказ об индийском попугае, послушаю, о чем этот рассказ…’; *Säğid anyŋ xäteren juatu öčen därja satuynyŋ fajdasyn bašynnan ajaq* ***bäjan qyldy*** [ТН: 6] ‘Сагид, чтобы успокоить её, подробно рассказал о пользе речной торговли’; *güzäl qošdyr inša alla güzäl bala bulyrğa* ***dälälät qylyr*** [ТН: 95] ‘Красивая птица - знак того, что появиться красивый ребенок’; *nämäsen* ***tämam qylyb*** [Әбу: 14] ‘Завершив свое письмо…’; *ilčelärne* ***zyjäfät qylğandan*** *soŋ* [Әбу: 13] ‘После чествования гостей....’; *bäğremne* ***pärä-pärä qylyb****,* ***ğ****aqlymny pärišan itde* [Әбу: 26] ‘Она изранила мое сердце и встревожила мой ум’; *ğaskär ähele padišahlar öčen canlaryn* ***fida qylsyn*** [КВ: 38] ‘Солдаты пусть пожертвуют собой ради царя’; *cälladqa* ***ämer qyldy*** [КВ: 30]’Приказал палачу’; *bu xämämne kürmägä* ***arzu qylyb*** [Әбу: 9] ‘Хотел увидеть эту баню....’; *bu došmandyr dib monyŋ östenä* ***höcüm qyldy*** [КВ: 65] ‘Приняв его за врага, напал на него....’ и т.д.

Употребляемые в предложении *Xäkim bunyη süzen* ***qolaqqa almaj*** *jöz qamčy* ***suğarğa ämer itde*** ... [Әлфу: 187] ‘Судья, не обращая внимание на его слова, велел дать ему сто ударов кнутом....’, глаголы *qolaqqa almaj* (колакка алмай) и *ämer itde* (әмер итде) в современном татарском языке используются, однако в лексическом составе произошли изменения. Так, составной глагол *qolaqqa almaj* (колакка алмай) в современном татарском языке трансформировался в форму *колакка элмәү*, а *ämer itde* (әмер итде) употребляется в виде конструкции *әмер бирде*.

В анализируемых произведениях мы замечаем активность лексем ***baq***-(бак-) и ***qara***-(кара-) в номинативном значении ‘смотреть, взглянуть’. В некоторых контекстах они употребляются параллельно, например, в сказке «Тысяча и одна ночь»: *kil janyma,* ***baq*** *xälemä* [Әлфу: 44] ‘Подойди ко мне, взгляни на мое состояние’; *xammäl ul qyzlarnyη maturlyqlaryna* ***baqyb*** [Әлфу: 52] ‘Носильщик, взглянув на красоту девушек...’; *xatynym toryb bänem jözemä* ***baqyb*** [Әлфу: 45] ‘Жена моя встала и заглянула мне в лицо’; *bän kükkä* ***baqyb*** *joldyzlarğa* ***qarab*** [Әлҗилдү, 6: 213] ‘Я взглянул на небо, посмотрел на звезды’; *bän ul öjneη tübäsennän ber tišekdän* ***qarab tordym*** [Әлфу: 45] ‘Я смотрел сквозь отверстия на крыше того дома’; *bar,* ***qaraŋyz****, qajda kitkän* [Әбу: 73] ‘Идите, посмотрите, куда он ушел....’; *monyη čarasyna* ***baqmaq*** *läzim kilde* [Әбу: 73] ‘Появилась необходимость взглянуть на средства решения этой проблемы....’; ***baq, qara****, säneη teleηdä mänem uğlym qaldy* [КВ: 52] ‘Смотри, твои разговоры только о моем сыне....’; *Min* ***baqajym****, härni kürsäm söjlärem* [Әбу: 59] ‘Я посмотрю, все, что увижу, расскажу....’.

Литературной нормой современного татарского языка стала лексема *кара*, а слово *бак* и его производные употребляются в диалектном языке. В литературном языке сохранились производные *багучы* в значении ‘гадалка’, *багучылык* ‘занятие гаданием (ворожбой) или знахарством’, *багыну* ‘пристально, долго смотреть во что-л. (увлечённо или влюблённо) ’, также встречается в составе фразеологизмов *бактың исә, баксаң багарлык*.

3.5.2. Слова, выражающие физиологические действия

В рамках данной подгруппы мы рассмотрим несколько слов, обозначающих наиболее важные физиологические действия. Как и в предыдущих подгруппах, здесь мы также наблюдаем преобладание исконно татарских слов в номинативном значении.

Значение ‘пить’ выражено глаголом ***eč-* (эч-)** без лексических эквивалентов: *Gali Zibaq suny **ečeb** satučyğa ber altyn birde* ... [Әлҗилдү, 5: 18] ‘Али Зейбак выпил воду и отдал водоносу монету...’; *ber märtäbä su **ečärlär** ide* [Әбу: 6] ‘Один раз пили воду’; *meη can belän qabyl ideb **ečär** idek* [Әбу: 18] ‘Мы приняли бы это и выпили бы с удовольствием....’; *abe xajät **ečkän** kebek bulyr idek* [Әбу: 18] ‘Представили бы себе, как будто бы мы выпили живую воду....’; *särab **ečdelär*** [КВ: 71] ‘Пили вино....’; *bazdağy söt wä qajmağyn **ečär** idelär* [КВ: 71] ‘Пили молоко и ели сметану в погребе....’; *ocmax širbäte urynyna küreb **ečärlär** ide* [КВ: 32] ‘Пили его в качестве райского напитка....’.

Синонимический ряд, передающий значения ‘есть’, ‘кушать’ ***ji-* (җый-) и *aša-* (аша-)**, ‘кормить’ ***ašat-* (ашат-)**, ‘принимать пищу’ ***tänäwäl qyl-* (тәнавел кыл-)** состоит из нескольких глаголов, среди которых присутствуют лексемы, вышедшие из употребления в последующих этапах становления татарского литературного языка. Например, *alyb kereb täğam wä säräbdän **jidereb*** ... [Әлҗилдү, 5: 16] ‘Привела их домой, накормила и напоила...’; *törle niğmätlärne **jidem*** ... [КД: 65] ‘Поел различные кушанья’; ... ***ašar** öčen kildem* ... [Әлҗилдү, 5: 13] ‘Я приехал поесть...’; *Ašxanädä aš pešereb häm barča xezmätkärlarne **ašadyb** joqlatdy* ... [Әлҗилдү, 5: 67] ‘В столовой он сварил суп, накормил всех слуг и усыпил их...’; ***ašamaq** öčen ahu jörägen kibdereb* [Әбу: 7] ‘Для еды сушили сердце газели....’; *Xälwäfrüšneη häm **ašasy** kilgän ide* [Әбу: 43] ‘Продовец сладостей хотел кушать…’; *iltifatsyz **ašarğa** kerešde* [КД: 10] ‘Безразлично приступил к еде....’; *xatyn belän täğam **ašamağa** utyrdylar* [КВ: 72] ‘Сели с женой принимать пищу…’; *jartysyn üze **ašady**, qalğan jartysyn xatynyna birde* [ТН: 90] ‘Половину сам съел, оставшуюся половину отдал жене’; *jimešlär alyb **ašadylar*** [КВ: 66] ‘Поели фрукты....’;

ašamaqdan *wä ečmäkdän kiselde* [КВ: 56] ‘Лишился еды и пития....’; *ašar – ečär ide* [Әбу: 32] ‘Питался (хорошо)....’; *Bäğdä xatyny kičke ašny xäzer ideb* ***tänäwäl qyldylar*** ... [Әлҗилдү, 5: 175] ‘Потом его жена приготовила еду и они поужинали’; *därwišlär täğamyndan* ***tänäwäl qylsyn*** [КВ: 69] ‘Пусть поест еду аскетов....’; *padišah däxi* ***tänäwäl qyldy*** [КВ: 69] ‘Царь тоже поел’.

Примечательно, что К. Насыйри в следующем контексте параллельно употребляет две формы и дает пояснение на собственно татарском варианте ***aša-*** значения глагола ***ji-:*** *etlär kileb täğamny* ***jijeb*** *qujdylar, jäğni* ***ašab*** *beterdelär*... [КВ: 72] ‘Пришли собаки и съели еду....’.

В современном языке из перечисленного ряда для выражения значения ‘есть’ используется глагол *aša-* (аша-). Глагол *ji-* (җый- / йи-) в татарском языке в настоящее время не используется, однако в современном турецком языке, как известно, этот глагол употребляется в указанном значении. Также редко мы встречаем данный глагол в разговорной речи татар.

Составной глагол с арабским заимствованием в составе *tänäwäl qyl-* (тәнавел кыл-) в языке произведений кысса уже был в пассивном использовании и он постепенно полностью вышел из употребления, его можно встретить только в письменных памятниках. В данном случае мы отчетливо видим влияние турецкого перевода, Ф. Халиди не стал переводить данный глагол, а частично использовал форму, зафиксированную в турецком переводе, заменив вспомогательный глагол *itdeke* на активную в татарском языке исследуемого периода вспомогательную лексему *qyl-:*

Tercume,] *طعامدن تناول ایتدکی برله ایچینده اولان بونجی بندلرینه تأثیر ایدوب جمله سی ایوب قالدیلر* .[3: 331

tağemdan ***tenevel itdeke*** *berle üčende ulan bunce bendelerine te’sir idüb cümlese ujub qaldilar* ‘Как только они поели пищу, бандж, который был внутри, подействовал на его людей и все они уснули’.

Таким образом, наряду с народно-разговорными лексическими единицами, в языке текстов кысса мы встречаем слова и словоформы, свойственные турецкому языку.

Укажем ряд глаголов, которые используются в анализируемых кысса в номинативном значении: понятие ‘плакать’ передается при помощи тюркского глагола ***jyğla-* (егла-)**: *bän wafat idär isäm soltanatym juq bulyr dijeb jyğlamağa bašlab, šul qadär jyğlady* ... [Әлҗилдү, 5: 67] ‘ «Если я умру, то исчезнет мое королевство», – подумал он и начал плакать, и его плачь усилилась’; *Xatyn öčen juqqa **jyğlağnmyn** dib bik ükende* [КВ: 35] ‘Очень сожелел, что зря плакал за свою жену....’; *Ägär **jyğlağan** bulsam, sezneη härqajsyğyz miηa šeltä qylğan bulyr ide* [КВ: 44] ‘Если бы я плакал, вы все упрекали бы меня....’; ***Jyğladym** anyη öčen* [КВ: 44] ‘*Я* плакал из-за того ....’; *nijaz iteb **jyğlar** ide* [ТН: 3] ‘… плача просил его’; *Xuca Säğidne sağynyb **jyğlab**, bu bäjetne äjtde* [ТН: 7] ‘Она соскучилась по Ходже Сагиду и плача, сказала этот стих....’; *bäğrem päräse dib zar-zar **jyğlady*** [КВ: 91] ‘Сказав: «Ты часть моего сердца», он сильно заплакал....’; *šul qadär **jyğlady**, bäjan mömkin tügel* [Әбу: 61] ‘Так сильно плакал, что невозможно описать....’; *jöräge syqrab zar-zar **jyğlady*** [КВ: 51] ‘Сердце его стонало, он сильно плакал....’.

Ujan-* (уян-)** ‘просыпаться’: *bäğdä joqlarğa jatyb taη aldynnan Bädr Bäsim **ujanyb** mälikä Läzib tüšäkdä janynda ulmadyğyn küreb* [Әлҗилдү, 5: 59] ‘Потом легли спать, на заре Бедр Басим проснувшись, обнаружил отсутствие рядом с собой на перине царицы Лазиб...’; *Räj äğzam joqysyndan **ujanğač** ...* [КД: 2] ‘Когда Рай Великий проснулся ото сна....’; *jaxšylab joqyğa kitkäne juq ide* [КД: 9] ‘нормально не засыпал....’; *Mäne ğaflät joqysyndan **ujğatdy [КД: 21] ‘Разбудил меня ото сна беспечия....’; *joqydan **ujğanyb**, ul kügärčengä muštaq bulyb saxibyn köteb qaldy* ... [Әлҗилдү, 5: 108] ‘Она проснулась, и скучая по голубю, осталась ждать свою подругу....’.

В качестве синонимов данного глагола встречаются и такие варианты, как *йокысыннан торып, урыныннан торып*, например, ***Joqysyndan toryb** cäwhärne qarasa cäwhärdän jillär iskän…* [ТН: 72] ‘Проснувшись, проверил драгоценный камень, а его нет....’; *taη jarylyb kön jaqtyrğač padišah **urynyndan toryb** täxetkä utyrdy* [КВ: 4] ‘Когда наступил рассвет, царь встал и сел на престол....’ и др.

Для выражении значения ‘**сказать, говорить, рассказать**’ в текстах кысса функционирует несколько глагольных форм, образуя довольно интересный синимический ряд. Доминантой в данной парадигме выступает глагол ***äjt-* (әйт-)***: bän any belerem, sezgä* ***äjtmäm*** *...* [Әлҗилдү, 5: 17] ‘Я знаю ее, но вам не скажу...’; *Beräw ber süz* ***äjtmäsen*** [КВ:18] ‘Пусть никто ничего не говорит…’; *Ikenč*е *wäzir* ***äjtde*** … [КВ: 20] ‘Второй визирь сказал....’; *Ul säjjax kileb rähibkä* ***äjtde*** [КВ: 49] ‘Этот путешественник подошел и сказал монаху’; *Kiŋäš salyb* ***äjtde*** [КД: 7] ‘Посоветуя, он сказал....’; *Miŋa* ***äjtsänä****, minem xälemä čara taba alyrsyŋmy?* [КД: 11] ‘Скажи мне, пожалуйста, сможешь ли найти выход из моего положения?’; *ägär küŋeleŋ ber närsä teli torğan bulsa* ***äjt****, čarasyn kürermen* [КД: 13] ‘Если твоя душа что-то просит, скажи, я решу....’; *Belgän nasyjxätemne siŋa* ***äjtdem*** [КД: 9] ‘Все, что мог посоветовать, я тебе сказал…’; … *näwbät qyzğa qalğač qyz däxi üz tarafyndan…****äjtde:*** *Säba padišahynyŋ döxtärendän…*[Әбу: 11]. ‘Когда очередь дошла до девушки, то девушка, со своей стороны, … сказала: «Я из дочерей Сабейского царя…»’; *Üz- üzenä* ***äjtde*** …[Әбу: 11] ‘Сам себе сказал....’; *färeštälär* ***äjtdelär*** [КВ: 71] ‘Ангелы сказали…’; *qart* ***äjtde*** [КД: 72] ‘Старик сказал…’; *padišah xaqynda izge süz* ***äjtsälär*** *dä jaman süz* ***äjtsälär*** *dä* …[КВ: 75] ‘Если даже о правителе скажут хорошее слово или плохое слово....’ ; *padišah* ***äjtde*** …[Әбу: 61] ‘Правитель сказал…’; *un danä alma kitereb* ***äjtde*** [КВ: 80] ‘Принес десят яблок и сказал....’; *Äflätun xäkim* ***äjtkän*** [КВ: 82] ‘Мудрец Плотон сказал....’; *aryq mäče* ***äjtde*** [КД: 15] ‘Худой кот сказал....’; *inäsendän jebenä čaqly* ***äjter ide*** [ТН: 10] ‘Рассказывал все, от начала до конца....’; *at bağučynyŋ xucasyna* ***äjtkän*** *ğozere kebek* [ТН: 68] ‘Как просьба конюха к своему хозяину....’ и др.

Мы встречаем и устаревшее значение данного глагола в конструкции ***šiğyr äjt-*** (шигырь әйт-) для выражения понятия ‘рассказать стих’: *Sazny čalyb xuš awaz belän* ***šiğyr äjtde*** [КВ: 157] ‘Играя на музыкальном инструменте, он красивым голосом декламировал стихотворение…’.

Интерес вызывает функционирование глагола ***di-*** (ди-) ‘говорить’. В целом, его значение совпадает с характерным для современного языка

значением, например, *Kügärčengä šeltä qylyrğa kerešeb,* ***dide*** [КД: 11] ‘Упрекая голубя, он сказал ....’; *Doğa wä sänälärdän soŋ,* ***dide*** [КД: 11] ‘После восхваления и молитвы, он сказал ...; *Zifa bujyna qarasa «Mä häzä bäšärän»* ***dijärlär*** *ide* [КВ: 3] ‘Когда увидели его стройное тело, говорили: «Кто этот человек?»’; *märxäbän, xuš kildeŋ …* ***dide*** [Әлҗилдү, 4: 173] ‘Сказала: «Привет, добро пожаловать!»’; *qyzdan soramaq mömkin,* ***dide*** [Әбу: 11] ‘Сказал, что можно спросить у девушки....’.

В то же время мы фиксируем пример бытования данного глагола в значении ‘называть’, что не наблюдается в современном татарском литературном языке: *Isemenä Näxud* ***dijärlär ide*** [ТН: 4] ‘Называли его Нахудом’; *ber wäzirem bardyr, Абyl-Xaris* ***dijärlär*** [ТН: 4] ‘У меня есть визирь, его зовут Абуль-Харис....’; *isemenä Salixa* ***dijärlär*** [ТН: 86] ‘Звали её Салихой’; *oluğyna Hamajun Bäxet, kečesenä Färäh Bäxet* ***dijärlär ide*** [ТН: 86] ‘Старшего звали Хамаюн Бахт, младшего Фарах Бахт’; *qyznyŋ isemenä Hamajun Banu* ***dijärlär ide*** [Әбу: 15] ‘Девушку звали Хамаюн Бану’; *isemenä Fisaguris* ***dijärlär ide*** [Әбу: 15] ‘Его звали Пифагором’; *Zöhrä joldyz* ***digännäre*** *šul xatyndyr* [КВ: 71] ‘Та женщина является, так называемой, звездой Венерой’.

Значение **‘рассказать’** передается глагольной формой также общетюркского происхождения ***söjlä -/ süzlä-*** (сөйлә-/ сүзлә-), где фонетический вариант ***süzlä-*** выражен пассивно*: äj boradär, säŋa nä buldy, bäŋa* ***söjlä*** ... [Әлҗилдү, 5: 107] ‘Эй, брат, что с тобой случилось, расскажи мне....’; *Išetkänem juq,* ***söjlä*** … [КВ: 18] ‘Не слышал, рассказывай…’; ***söjlämäk*** *miŋa faryz, išetmäk siŋa wäcib [*КВ: 36] ‘*Я* должен рассказать, ты обязан слушать…’; ***söjlä****, išedäjem dide* [ТН: 84] ‘Сказал: рассказывай, хотим слушать’; ***Söjlä****, aŋa ni bulğan?* [КД: 7] ‘Скажи, что с ним случилось?’; *Fajdasyz süzne* ***söjlämäk*** [КВ: 57] ‘Говорить пустые слова’; *Saba šähärendä bulğan waqyjğany* ***söjlädelär*** [Абу, с. 15] ‘Рассказали про проишествие в Сабейском городе....’; *Ziräk ikänen bäxäs qylyb* ***söjläšerlär ide*** [Әбу: 15] ‘Разговаривали, спорили о его мудрости’**;** *Säfär xaqynda räjlären* ***söjlärgä bojyrdy*** [КД: 7]

‘Приказал рассказать о своих мыслях про поездку....’; *Qalb ämer itmäsä* ***tel süzli almajdyr*** ... [Әлҗилдү, 2: 46] ‘Если сердце не прикажет, язык не может говорить ....’.

Совпадает в семантическом и лексическом планах с современным татарским языком и выражение понятия ‘**ответить’,** которое представлено глагольной конструкцией ***cawab bir***-: *Xäsän Šuman äjtde: xalifägä nä* ***cawab birerseŋ****?* [Әлҗилдү, 5: 16] ‘Хасан Шуман сказал, а что вы ответите халифу?’; *Šunyŋ öčen monda tašlab kitkänder dib* ***cawab birdelär*** [КВ: 37] ‘Ответили: «Поэтому здесь и его бросили... »’; *uğlan jänä hič* ***cawab birmäde*** [КВ: 5] ‘Мальчик опять ничего не ответил’; *fäqyjr* ***cawab birmäde*** [КВ: 5] ‘Бедняк не ответил....’; *Bu ülterelgän bulsa,* ***cawab birmäk*** *möškel bulyr* [Абу: 72] ‘Если его казнят, то потом отвечать за это будет нелегко…’.

Необходимо указать, что многие глаголы, рассматриваемые нами в данном параграфе, довольно часто встречаются в языке поэзии и прозы второй половины XIX - начала XX века в переносном значении. В языке исследуемых произведений такие метафорические переносы употребляются крайне редко, что, по нашему мнению, связано с особенностями жанра, где больше на первый план выходит повествование ситуаций и событий.

3.5.3. Слова, обозначающие абстрактные действия

Основу данной подгруппы слов составляют лексемы тюркского происхождения, активно используемые в татарском языке, и они представлены в прямом значении, например, для передачи значения ‘**знать’** используется глагол ***bel***- (бел-): *sin šätranc beläseŋme?* [Әлҗилдү, 5: 169] ‘Ты умеешь играть в шахматы?’; *Joqyny ni ikänen* ***belgänem juq*** [ТН: 88] ‘*Я* уже не знаю, что такое сон....’; *min* ***belämen*** *ki sineŋ miŋa mäxäbbäteŋ xaqdyr* [ТН: 6] ‘*Я* знаю, что твоя любовь ко мне настоящая’; ***Beläseŋ*** *totqyn kebek barasyŋny* [КВ: 101] ‘Ты же знаешь, что отправишься (туда) словно пленный…’; *Miŋa jaxšylyq telägänegezne* ***belämen*** [КД: 6] ‘*Я* знаю, что вы желаете мне добра ....’; *Bu xäzinäne tabaryn* ***beldem*** [КД: 4] ‘*Я* знал, что он найдет это сокровищницу…’; *Cafany čikmägän adäm safanyŋ qaderen* ***belmäz*** [КД: 8]

‘Человек, не переживший трудностей, не оценит удовольствие’; *üzegez **beläsez**, ilčegä ülem juq, digännär* [Әбу: 50] ‘Сами знаете, говорят, что послу смерти нет…’; *Min sineŋ cenestän bula toryb miŋa bu tozaqny **beldermädeŋ*** [КВ: 35] ‘Ты, будучи со мной одного рода, не сообщил мне об этой ловушке....’; *Äbuğalisina belde ki…* [Әбу: 294] ‘Абу Гали Сина знал…’; *min qošlar telen **belämen*** [КВ: 61] ‘Я знаю птичий язык’ и др.

Значение ‘**понимать’** выражено глаголом ***aŋla-*** (аңла-): *Uğlannyŋ moradyn **aŋlady*** [КВ: 37] ‘Понял желание парня ....’; *Atasynyŋ wasijäten bu mal öčen ikänen **aŋlady*** [КВ: 101] ‘Он понял, что отец ему обещал это богатство…’; *Padišahnyŋ … bu qyzğa ğyjšqyny **aŋlab*** [Әбу: 48] ‘Он понял, что правитель испытывает чувство любви к этой девушке’; *ber xäkim ikänen beraz **aŋlady*** [Әбу: 18] ‘Он начал понимать, что этот человек мудрец....’; *nämäne uqyb, mäfhumen **aŋlady*** [Әбу: 18] ‘Прочитал письмо и понял его содержание....’; *ber süzem bar, äjtim, **aŋlab** anyŋ belän eš qyla kür…*[ТН: 26] ‘У меня есть разговор к тебе, хочу сказать, пользуйся им с пониманием....’ .

Значение ‘**думать’** во всех произведениях выражено глаголом ***ujla-*** (уйла-): *Xäsän üze meŋ altyn tora dijeb **ujlady** ...* [Әлҗилдү, 5: 11] ‘Она подумала, что сам Хасан, один, достоин тысячи динаров...’; *Sezlärdän ütenämen bu tuğryda jaxšy **ujlab** … miŋa kiŋäš bireŋez* [КД: 6] ‘Я прошу вас хорошенько подумать и дать мне совет’; ***Ujlamyjča** söjlämäkneŋ axyry bäläder* [ТН: 9] ‘Необдуманный разговор грозит бедой’; *Här qajusyna dikkatläb **ujlarğa** bojyrdy* [КД: 7] ‘Каждому приказал хорошенько подумать).

В произведении «Тутыйнамә китабы» зафиксировано весьма интересное представление данного значения составным глаголом ***xisab qylyr:*** *Töse bujy da Mansurğa šul qadär oxšady, kem kürgän keše Xuca Mansur dib **xisab qylyr** ide* [ТН: 87] ‘Внешностью так был похож на Мансура, увидевший его человек подумал бы, что это Ходжа Мансур....’. Номинативное значение данного глагола – ‘отчитываться’, а в этом контексте мы замечаем семантичечкий сдвиг.

Значение **‘желать’** в произведениях кысса представлено несколькими глаголами: тюрко-татарским глаголом народно-разговорного языка ***telä-*** (телә-), традиционными письменными формами: огузско-турецким вариантом ***istär-*** (истәр-) и глагольной конструкцией ***arzu id-***, состоящей из персидского существительного *arzu* (желание, стремление, грёза) и вспомогательного глагола *id* (ит-)***:*** *sinnän* ***telim*** *ki mine satyb alasyŋ wä oluğ fajdalarğa irešäseŋ* [ТН: 5] ‘Я хочу, что ты купил меня и стал богатым’; *Zajn al-Muasyjf äjtde: fälän qadär ence, fälän, fälän närsälär* ***istärem*** *dide* ... [Әлҗилдү, 5: 171] ‘Зейн аль Муасыйф сказала: я хочу столько-то жемчуга и такие-то вещи...’; *Säjdä Dönjany kürmäk* ***arzu ideb*** ... [Әлҗилдү, 2: 63] ‘Хотел увидеться с Саидой Дунья....’; *bu xämämne kürmägä* ***arzu qylyb*** [Әбу: 9] ‘Хотел увидеть эту баню....’; *üzeneŋ* ***arzusyn qaryj*** *torğan ber adäm ikän dib ačulanyb kitde* [Әбу: 19] ‘Подумав о том, что этот человек преследует только свои цели, он разозлился и ушел....’ и др.

В случае с глаголом *istär-* Ф. Халиди в сказке «Тысяча и одна ночь» сохранил форму турецкого перевода, например,

زين المواصف بن درت شمامه عنبر وشوقدر اينجو وفلان وفلان شيء استرم ديه رك

Tercume,] .[4, c. 102

Zejn al-Muasyjf ben dürt šämämä ğanber šuqadär incü ve felen ve felen šej ***isterem*** *dijerek* ‘Я хочу, сказала Зейн-аль-Мавасиф, – четыре сосуда с благовониями, амбры, столько же жемчуга, и такие, и такие вещи...’.

В языке К. Насыйри также встречается данный глагол: *Üzen-üze hälaq itmäk* ***istäde*** [Әбу: 19] ‘Хотела покончить собой....’; *ğafu sindän dib ğafu* ***istäb*** [Әбу: 24] ‘Сказав: «С тебя прощение», он просил прощение... ’; *sezgä muxaläfät tügelder dib ğafu* ***istäde*** [Әбу: 2] ‘Сказав, что нет у него разногласия с ним, он просил у него прощения’.

В процессе становления татарского литературного языка инвариантом данного значения стала лексема ***telä-*** (телә-), другие синонимы вышли из употребления.

3.6. Лексика, выражающая движение субъекта

Слова, выражающие движение субъекта, являются одним из важнейших компонентов текстов кысса. Как уже неоднократно подчеркивалось, произведения, относящиеся к данному жанру, характеризуются описанием событий, действий героев, поэтому в них довольно активна представлена данная подгруппа лексики. Авторы произведений при описании движений субъектов используют базовую лексику татарского языка, генетически восходящую к древнетюркскому языку. В текстах эти слова преимущественно представлены в прямом значении для обозначения того или иного действия. В то же время, мы встречаем и заимствованный пласт, взятый в основном из оригиналов или турецких переводов текстов. В редких случаях наблюдаются устаревшие значения отдельных лексем в различных контектсах. На примере нескольких глаголов рассмотрим наиболее характерные случаи, распространенные в произведениях.

Для передачи понятия ‘**приходить, приехать’** используется глагол ***kil-*** (кил-)*: Bağdadqa bary xalwä ašar öčen* ***kildem*** *...* [Әлҗилдү, 5: 13] ‘Я приехал в Багдад только поесть сладости...’; *Män säne qarendäš sanab, säneŋ qatyŋa* ***kildem*** [КД: 11] ‘Я, считав тебя родственником, пришел к тебе....’; *ber šähärgä* ***kilde*** [КВ: 64] ‘Прибыл в некий город....’; *bez baryb* ***kilerbez*** [Әбу: 44] ‘Мы сходим туда....’; *padišah* ***kilä*** *dib xäbär birdelär* [Әбу: 44] ‘Сообщили, что придет правитель....’; *qatyna* ***kileb****, säläm bireb dide* [КД: 2] ‘Подошел к нему, поприветствовал его и сказал....’; *Jaqynraq* ***kilgäč****, kürde* [Әбу: 61] ‘Подошел поближе, и увидел…’; *tariqu ğyjšyqny ügrätü öčen bik ixlas belän čitlek janyna* ***kileb*** [ТН: 9] ‘Для обучения способам любви, она простодушно подошла к клетке’; *čawušlar* ***kileb*** *tabmaqdan ğaciz buldylar* [Абу: 72] ‘Командиры пришли, но не сумели его найти’; *Xämmämče tiz kileb jitde* [Әбу: 38] ‘Баншик быстро пришел…’; *bukön xas säneŋ üzeŋ belän beraz söjläšeb utyryrğa* ***kildem*** [КВ: 8] ‘Сегодня я пришел, чтобы с тобой пообщаться’; *ilčelär* ***kilde*** [КВ: 8]

‘Послы прибыли…’; *zäğif padišahny östenä* ***kilde*** [КВ: 5] ‘Пришел (с войной) против слабого правителя…’.

Понятие **‘бежать’, ‘убегать’** передается глаголом ***qač-*** (кач-)*: äj adämlar,* ***qačyŋyz****, bu urmanda cenlär bar ...* [Әлҗилдү, 5: 77] ‘Эй, люди, уходите отсюда, в этом лесу водятся джины...’; ***qačyb*** *barğanda totdylar ...* [КВ: 25] ‘Поймали при побеге…’; *qyzny pärilär fälän cäzirägä alyb* ***qačdylar*** [КВ: 97] ‘Джинны сбежали с девушкой на некий остров....’ *oča häm belmäj* ***qača*** *häm belmäj* [КВ: 157] ‘… не умеет летать и бежать…’; *qajda* ***qačyb*** *jöriseŋ?* [КВ: 66] ‘Где ты скрываешься?’; *xälsezlekdän* ***qača*** *almaj anyŋ tyrnağyna totyldy* [КВ: 28] ‘Он от слабости не смог сбежать и попал в его когти....’; *ber tarafqa baš alyb* ***qačdy*** [Әбу: 18] ‘Убежал в сторону, спасая свою голову....’; *östäldän ašlar alyb* ***qačar idelär*** [Әбу: 16] ‘…убегали с едой со стола....’; ***qačuny*** *aslan ujlamyjča* ***belm****ägängä salyšdylar* [ТН: 72] ‘Они вовсе не думали сбежать, и прикинулись, что ничего не знают’; *balčyqdan* ***čyğyb*** *ber tarafqa* ***qačmağa*** *teläde* [Әбу: 59] ‘Вылез из глины и хотел сбежать в сторонку....’.

В татарском переводе сказок ‘Тысяча и одна ночь’ наблюдается использование Ф. Халиди без перевода заимствованной конструкции ***firar it-***: *cömläse* ***firar ideb*** *sallaryna utyryb kitdelär ...* [Әлҗилдү, 5: 77] ‘Сбежав, все сели в лодку и уплыли....’;

جماعت فرار ايدك زيرا بو اورمنده جنلر واردر[Тур., 4: 18].

cemeğat ***firar ideŋ*** *bu urmanda cenler vardyr* ‘Люди, уходите отсюда, в этом лесу водятся джины’.

В передаче глаголов направления **‘уходить’, ‘отправляться’, ‘идти’** употребляются глаголы ***kit-*** (кит-) и ***bar-*** (бар-): *qarčyqny ezlärgä* ***barsaq*** *qarčyq bezne küreb qačar ...* [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Если мы пойдем искать старушку, она увидит нас и сбежит...’; *jähüd kibetendä uğlyn küreb, janyna* ***bardy*** *...* [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Увидев сына в магазине иудея, направился к нему’; *cilkäsenä törtä – törtä alyb* ***baryrlar*** *ide* [Әбу: 21] ‘Вели его, толкая в спину ’; *Anasy janyna* ***baryb*** [Әбу: 27] ‘Ходил к маме....’; *Bar, šul qošqa qarčyğa* ***jibär***

[КВ: 97] ‘Иди, отправь за этой птицей ястреба....’; *Xäsän Basryj bälä, **baryrmyn**, dide* [КВ: 90] ‘Хасан Басри сказал, «Хорошо, схожу»’; ***baryŋyz** inde, kürgännäreŋezne padišahqa söjläŋez* [Әбу: 52] ‘Идите, расскажите увиденное вами правителю’; *Baw belän tartyb alyb **barğan** šikelle* [Әбу: 52] ‘Как будто ведут меня на веревке’; ***bar**, ešeŋä **kit**, dide* [КВ: 97] ‘Сказал, иди на работу’; *Beläseŋ totqyn kebek **barasyŋny*** [КВ: 101] ‘Ты же знаешь, что отправишься (туда) словно пленный…’; *čalmasyn kijeb, atyna beneb **kitde** ...* [Әлҗилдү, 5: 13] ‘Одела чалму, села на коня и отправилась домой...’; *Uğry mine talab **kitde*** [КВ: 35] ‘Вор ограбив меня, ушел’; *Öjne awlaq qaldyryb mondan **kiteŋez*** [КВ: 5] ‘Уходите, оставив пустым дом…’; *säneŋ belän **kitsäm** uğlan übkälär* [КВ: 103] ‘Если уйду с тобой, то парень обидется’; *qurqğan keše ğyjšyq julyna **kitmäs*** [ТН: 75] ‘Человек, который боится, не выбирет тропу любви....’; *su ağymy belän **kitdelär*** [КВ: 65] ‘Отправились по течению....’; *Xac qylyra **kitäm*** [ТН: 75] ‘Отправлюсь совершить хадж....’; *Bäxeteŋ jaŋadan alğa **kitär*** [ТН: 89] ‘Твое счастье опять будет продвигаться....’; *Äbuğalisinanyŋ artyndan **kitde*** [Әбу: 18] ‘Отправился за Абугалисиной....’; *täxeten došmannarğa qujyb **kitde*** [КД: 19] ‘Он, оставив трон врагам, ушел’; *ğaqly bašyndan **kitde*** [КВ: 56] ‘Разум покинул его голову....’; *anyŋ belän baj jortyna **kitde*** [КД: 16] ‘Вместе с ним отправился в дом богача....’; *šul urmanğa **kitä birde*** [КД: 20] ‘Продолжал идти в тот лес....’; *Rum soltanyna tuğry **kitä birde*** [ТН: 71] ‘Продолжал идти прямо к царю Греции’; *qulyn übeb julyna **kitä birde*** [ТН: 89] ‘Поцеловав руку, продолжил свой путь’; *Äjdä, čyq, kilgän julyŋdan **kit*** [КВ: 5] ‘Давай, выходи, иди своей дорогой…’.

Наблюдается оригинальное употребление данного глагола в произведении “Абугалисина кыйссасы” в составе фразеологизма *кадалып китсен*: ***qadalyb kitsen**, aŋa wäziremne jibäreb ajağynamy jyğylajym?!* [Әбу: 82] ‘Пусть пропадет он пропадом, я что, должен отправить к нему своего визиря, чтобы он упал ему под ноги?!’.

Глагол *bar-* ‘идти’ употребляется и в переносном значении ‘выйти замуж’: *bu balanyŋ tutasy **kijäwgä bardy** ...* [Әлҗилдү, 5: 7] ‘Сестра этого

ребенка вышла замуж...’; *ber xatynnyη ike* ***irgä baruwy*** *qajsy mäzhäbdä döres?!* [ТН: 28] ‘В каком мазхабе (Ислама) видено, чтоб женщина вышла замуж (одновременно) за двух мужчин?!’.

Значение ‘**отправлять, посылать’** выражено глаголами ***jibär***- (җибәр-) и ***künder***- (күндер-)*: carijälär ilä xatynyηny häm bezgä* ***jibär*** ... [Әлҗилдү, 2: 18] ‘И свою жену вместе с рабынями отправляй к нам’; *Unike kešene alarğa ilče ideb* ***jibärde*** [КВ: 18] ‘Отправил им в качестве послов двенадцать человек …’; *ilče* ***jibärmäk*** *buldylar* [Әбу: 52] ‘Хотели отправить посла’; *Jänä zindanğa* ***jibärdem*** [КВ: 35] ‘Снова отправил в тюрьму’; *Öč gönahly kešene anyη qatyna* ***cibärde*** [КД: 19] ‘Троих грешников отправил к нему....’; *šahğa süneeč xabäre* ***künderde*** ... [Әлҗилдү, 2: 42] ‘Он отправил шаху радостную весть...’; *Sixerče qarčyqlardan berničäsen* ***künderde*** [КВ: 104] ‘Отправил (за ним) несколько колдуний....’; *atasy janyna* ***künderde*** [КВ: 104] ‘Отправил к отцу....’; *hädijälär wä büläklär* ***künderde*** [Әбу: 76] ‘Отправил подарки и дары’; *uğlanny zindanğa* ***künderde*** [КВ: 104] ‘Отправил парня в тюрьму....’; *berničä jök bal maj belän šäjxnyη tägijäsenä* ***künderde*** [КВ: 104] ‘Отправил в дом шейха несколько повозок меда и масла....’; *bügen jänä zindanğa* ***künderdem*** [КВ: 40] ‘Сегодня снова отправил в тюрьму....’; *üzen bu tarafqa* ***künderäsez*** [Әбу: 36] ‘Его отправьте на наши края....’; *šähär-awyllarğa xäbär* ***künderde*** [ТН: 65] ‘Отправил весть по городам и селам....’.

Если глагол ***jibär***- (җибәр-), характеризующийся как единица народно-разговорного языка и впоследствии ставший номинативной единицей в выражении значения ‘отправлять, посылать’, то второй глагол *künder*- (күндер-) функционировал в языке исследуемого периода как последствие влияния письменного литературного языка. Данная лексема является основонй единицей выражения указанного значения в турецком языке. В татарском языке она пассивна, ее употребление наблюдается в книжном стиле. В «Толковом словаре татарского языка» она представлена маркировкой *кн*. и у данной лексемы указано два значения: 1. Отправить куда-либо с определенной

целью; 2. Выразить словами свое отношение, отправить сообщение [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2017: 575].

Примечательно также употребление глагола ***jör-* (йөр-) ‘ходить’.** В современном татарском языке он обозначает действие, совершаемое периодически, и употребляется в значениях: 1. ходить, ездить; 2. ходить, курсировать, летать; 3. ездить, кататься; 4. пройтись, прогуляться; 5. дружить, гулять; 6. быть в обращении [Татарско-русский словарь, 2009: 125]. А в текстах мы встречаем выражение данным глаголом действия, совершаемого один раз: *soŋra mäšriq taba **jöreŋez*** ... [Әлҗилдү, 2: 28] ‘Потом идите на восток...’; *qajda telim šunda **jör...*** [Әлҗилдү, 5: 77] ‘Пойдешь туда, куда я хочу...’; *julğa **jöreb** kitdelär* [ТН: 89] ‘Отправились в путь’; *Musa … ğad kabiläse östenä **jörde*** [КВ: 28] ‘Муса … пошел против племени Гад....’; *saw bul anam dib, čyğyb **jörde*** [КД: 16] ‘Сказал: «Прощай, мама» и ушел’; *ul kön axšamğa kadär **jöreb**…* [ТН: 30] ‘В тот день они шли до вечера…’; *tuğry šähärgä **jörde*** [ТН: 54] ‘Отправился прямо в город…’; *Säräńdäbkä **jörde*** [КД: 21] ‘Направился к горе Сарандаб…’.

В текстах большинство глаголов действия в аналитических конструкциях употребляются и в качестве вспомогательного глагола для выражения способа действия, распространенного в татарском языке: *Atasy közgene **alyb kilde*** [КВ: 104] ‘Отец принес зеркало....’; *Tuğry Mahšäkärneŋ öjenä **kereb kitde*** [ТН: 7] ‘Напрямик вошла в дом Махшакара’; *Julğa **jöreb kitde*** [ТН: 83] ‘Отправился в путь....’; *Xuca Säğid köjmägä **utyryb kitde*** [ТН: 7] ‘Ходжа Сагид на лодке отправился в путь....’; *Nil därjasy tašyb taw šikelle tulqynlary Misyrğa **ağyb kiler*** [КВ: 8] ‘Река Нил вышел из берегов и высокие волны направились в сторону Египта....’; *ajağym belän **jöreb kitämen*** [Әбу: 38] ‘Отправляюсь на своих ногах....’.

Таким образом, подгруппа лексических единиц, выражающих действие субъекта, не отличается синонимической вариативностью. Подавляющее большинство из них представляет народно-разговорный язык. В последствие в литературном языке они стали инвариантом. Те редкие лексемы,

заимствованные из арабского или турецкого текстов, сохранились на отдельных подсистемах языка и не отличаются активностью.

3.7. Термины родства, функционирующие в текстах кысса

3.7.1. Термины родства по крови.

В анализируемых произведениях термины родства составляет довольно большой пласт и его основа состоит из общетюркских основ. Обзор функционирования этих терминов во всех произведениях показывает, что авторы предпочли общеупотребительные, наиболее распространенные в большинстве слоев населения наименования. В семантическом и функциональном плане термины родства сохранили те особенности, которые характерны для языка изучаемого периода.

Для передачи понятия ‘**родители’**, как и в современном татарском языке, в произведениях используется парное слово тюрко-татарского происхождения ***ata-ana*** (ата-ана), которое сохранило собирательное, обобщающее значение: ***Ata-anağa*** *äjteŋez ...* [Әлҗилдү, 4: 58] ‘Скажите родителям ...’; *qyzlar kijäw öčen xaliq qylynmyšdyr* ***ata-ana*** *öčen xaliq qylynmamyš inde* [Әлҗилдү, 6: 211] ‘Девушки созданы для жениха, а не для родителей’; ***Ata anasy*** *qyzymyzny kijäwemez nämäšruğ süzlär belän ränceteb qyjnyj syğa dib qazyjğa šiqajät itdelär* [КД: 11] ‘Родители обратились к судье с жалобой о том, что их зять обижает их дочь неприличными словами и рукоприкладством....’; ***ata anasynyŋ*** *äxwällären sorašyrğa barmas ide* [TH: 2], ‘Не навещал своих родителей’; *xättä* ***ata anasynyŋ*** *xälen sorašyrğa barmas ide* [TH: 2] ‘Даже не ходил к родителям проведать их’ и др.

Понятие **‘отец / папа’** представлено синонимическим рядом существительных тюркского происхождения: ***ata*** (ата) и турецким синонимическим вариантом ***baba*** (баба): *oluğ uğly* ***atasy*** *urynyna täxetkä utyrdy* [Әлфу: 3] ‘…старший сын занял трон своего отца...’; ***atasyna*** *wäzirneŋ xyjänäten söjläde* [Әлфу: 35] ‘… рассказал своему отцу о предательстве визиря...’; ***ataŋ*** *här jaqğa ezläwčelär čyğarğan bulsa kiräk* (TN: 84) «твой отец,

наверное, отправил на все стороны ищеек…»; ***atasy*** *äjtde…* [КВ: ;]; ‘Отец сказал…’; ***atamyznyŋ*** *meneb kitäse aty bu buldy* [КВ: 23] ‘Эта была лошадь, на которой отец собирался ехать верхом’; ***atam*** *qolağyna išeteleb, xalyq arasynda faš bulsa, jaman isem kütärmägem mökärrärder* [Әбу: 28] ‘Если (эта весть) дойдет до отца, и станет известно людям, то дурного имени не избежать; ***atasy*** *bu nämäne alyb uqyğač ğajrätendän utqa kererlek bulyb…*[Әбу: 240]; ‘Прочитав это письмо, отец от злости готов был броситься в огонь…’; *balalar* ***atalaryn*** *kürdekdä,* ***baba, baba*** *dijeb* ... [Әлҗилдү, 5: 141] ‘Папа, закричали дети, увидев отца ....’ и др.

Как можно заметить, активность лексемы ***ata*** (ата), являющейся самым распространенным и ставшей литературной нормой в татарском языке, высокая. Для выражения конкретного субъекта в ее составе употребляется грамматическая форма категории принадлежности.

Кроме этого указанные единицы в составе парного слова преобретают семантику собирательности, обобщения: *menä* ***ata babamdan*** *qalğan ber jädkärem bar* [КД: 3] ‘Вот у меня есть сувенир, доставшийся мне от предков’.

Наблюдается употребление лексемы *ata* (ата) в сочетании с прилагательным *oluğ* ‘старший, великий, почтенный’ в значении ‘дедушка’: *bäğdä säneŋ* ***oluğ ataŋ****, jäğni* ***anaŋ atasy*** *mälik Xardub bäŋa äjtde* [Әлҗилдү, 2: 93] ‘Потом твой дед, т.е. отец твоей матери, царь Хардуб сказал мне ....’. Это словосочетание в современном татарском языке не используется, хотя его синонимические варианты *дәү әти, зур әти* весьма активны. В диалектах также встречаем различные вариации данного термина, например, Д.Б. Рамазанова указывает на наличие данной формы в мишарском диалекте [Рамазанова, 1991, 1:13]. Это явление имеет место и в языке западносибирских татар, где термины *ata* и *ana* в сочетании с прилагательным *qart* используются в значениях ‘прабабушка’ и ‘прадедушка’ [Тумашева, 1961: 148]. Также на функционирование в языке обозначения одного из прародителей в форме *ак карт әти (атай)* – ‘дед деда матери’ указывает Р.Р. Замалетдинов [Замалетдинов, 2004: 159].

В других тюркских языках при образовании подобных терминов употребляются слова *büjük* (дословно ‘великий’), в турецком *ullu* ‘великий’: *ullu ata* ‘дедушка’, *ullu ana* ‘бабушка’ [Материалы по татарской диалектологии, 1955: 12].

Также встречаем случаи употребления лексемы ***ata*** (ата) в составе номинации теонимов: ***Atamyz Adäm*** *safijnyŋ “Wä ğalläm Adämä äsmä'ä küllähä” ajäte dälilenčä färeštälärdän artyq fazyjläte wä ğilme bar ide* [КД: 11] ‘У нашего отца Адама, как подтверждается в айате: «О, Адам, сообщи имена их» [Коран, 1990: 30] было больше знаний и благородства, чем у ангелов’.

Производное слово ***atalyq*** (аталык) употребляется в абстрактном значении: *bäs üget nasixät bireb* ***atalyq*** *xaqyn ütädeŋ* [ТН: 6] ‘Но своим советом ты выполнил долг родителя’.

Рассмотренные выше семантические и функциональные аспекты активны и в современном татарском языке.

Для передачи понятия **‘мама, мать’** используются лексические варианты ***ana*** (ана)***, änkä*** (әнкә) и ***äni*** (әни): *äj naznyjn banu, säneŋ* ***anaŋ*** *qajda?* [Әлҗилдү, 5: 6] ‘Эй красавица, где твоя мама?’; *bu qarčyq bänem dä* ***anam*** *tügel* [Әлҗилдү, 5: 6] ‘Эта старушка не является и моей матерью’; *äj* ***ana*** *bu ni öčen jylaj dide* [Әлҗилдү, 4: 147] ‘Эй, мать, зачем он плачет?’; *balağa* ***änkäse*** *söt botqasy kiterde* [Әлҗилдү, 4: 186] ‘Мать принесла своему ребенку молочную кашу’; ***anasynyŋ*** *janyna alyb bar* [КВ: 4], ‘Веди его к матери’; *saw bul* ***anam*** *dib čyğyb jörde* [КД: 16] ‘Сказал: «Прощай, мама» и ушел’; *äj* ***ana****, sineŋ äjtkän süzläreŋdän baš tartmamyn* [ТН: 35] ‘О, мама, я не отвергаю сказанные тобой слова....’; *ul qyznyŋ* ***anasy*** *fäxišälärdän imeš* [ТН: 27] ‘Якобы, мать этой девушки проститутка....’; *talaq ideb kire* ***anasyna*** *qajtaryb birde* [ТН: 27] ‘Развелся и вернул её (жену) к её матери....’; *ulannyŋ* ***anasy*** *xytaj mämläkäteneŋ qyzlaryndan ide* [КВ: 4] ‘Мать парня был из дочерей Китайского царства....’; *bälki* ***anasy*** *janynda söjlär* [КВ: 4] ‘Возможно, будет говорить возле мамы....’; ***anasynyŋ*** *fatixasyn alyb* [ТН: 152] ‘Получив

благословление матери....’; ***...anabyz*** *Hawany Adämneη sul jaq qabyrasyndan jaratdy* [TH: 167] ‘... создал нашу мать Еву из левого ребра Адама....’.

Кроме прямой номинации лексема ***ana*** (ана) употребляется для обозначения самки: ***ana tutyjnyη*** *ğaqyldan mäğrifätdän aslan xäbäre juq ide* [TH: 6] ‘Самка попугая ведать не ведала о знаниях и премудростях’; *bäs* ***ana čypčyq*** *šeltä qylyb äjtde* [KB: 41] ‘Однако, воробьиха предупреждая, сказала ему’. В текстах кысса мы заметили пассивное употребление рассмотренного значения.

Для обозначения значений ‘самец’ и ‘самка’ используются также лексемы *irkäk* ‘самец’ и *döše* ‘самка’: *ike tutyj bere* ***irkäk****, ikenese* ***döše*** [TH: 149] ‘Два попугая, один самец, другая самка....’; *padišah* ***irkäk*** *qujdan bu süzlärne išedkäč* [TH: 154] ‘Царь, услышав от барана эти слова....’.

Для передачи понятия ‘**ребенок, дитя’** очень активно употребляется термин ***bala*** (бала). В древнетюрском языке слово *bala* использовалось в отношении детенышей птиц и животных: 1) *qoš balasy* ‘птенец’; *čypčyq balasy* ‘воробушек’; 2) *pesi balasy* ‘котенок’; *et balasy* ‘щенок’ [Древнетюркский, 1969: 80]. Как указывает Дж. Киекбаев, слово *bala* был заимствовано из санскрита [Татарский язык. Лексическая и грамматическая семантика, 1984: 17]. Об этом пишет и этимолог Р.Г. Ахметьянов [Әхмәтьянов, 1, 2015: 155].

В татарском языке в качестве номинативного значения лексемы ***bala*** (бала) выступает ‘дитя, ребёнок, малыш’ [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2015: 391]. В этом значении слово стала доминантой в последующих периодах развития татарского литературного языка.

Во всех текстах кысса в большинстве случаев в семантике данной лексемы на первый план выходит обобщенное значение, обозначение всякого дитя, ребенка в целом: *ačy ilä äjtde wallahi bu* ***bala*** *zatsyz näselsezder dide* [Әлҗилдү, 4: 184] ‘Со злости сказал: этот ребенок невоспитанный и непутевый ...’; ***bala*** *jänä jyğlab botqa suynğan dide ...* [Әлҗилдү, 4: 184] ‘Ребенок снова заплакал и сказал, что каша остыла...’; ***bala*** *buldyra torğan ber däwa bir* [TH: 94] ‘Дай мне лекарство, которое поможет родить ребенка…’;

güzäl qošdyr inša alla güzäl ***bala*** *bulyrğa dälälät qylyr* [ТН: 95] ‘Красивая птица знак того, что появиться красивый ребенок’; *izge* ***bala*** *öčen doğa wä mäd itär ide*, ‘Ради святого ребенка молился’; ***bala*** *öčen doğa qyldy* [ТН: 2] ‘Помолился за ребенка’; *ägär dönjağa* ***bala*** *kilmäkne teläsäŋ meŋ aqča sadäqa bir* «если захочешь родить ребенка, то подай в качестве милостыни тысячу монет»; *gönahsyz* ***balağa*** *qasd itmä* [КВ: 16] ‘Не мсти безгрешному ребенку’; *Äbuğalisina šul qadär ziräk wä ütken zihenle čapak* ***bala*** *ideki, tağbir mömkin tügel* [Әбу: 4] ‘Абу Гали Сина был настолько проницательным, остроумным ребенком, бойким на язык, что невозможно объяснить....’; *baldan tatly itäğatle* ***bala*** [Әлҗилдү, 4: 3] ‘Слаще меда – послушный ребенок’ и др.

А в сочетании со словом *ir* или *qyz* этот термин выступает в качестве показателя пола: *ir bala* ‘мальчик’ [Әлҗилдү, 3: 163] ***ir bala*** *dönjağa kilde* [ТН: 3] ‘Родился мальчик…’; *äjtdelär,* ***ir bala*** *buladyr…* [КВ: 72] ‘Сказали, родится мальчик’*; ir bala tabdy* …[КВ: 37] ‘Родила мальчика....’; *bu qorsağymdağy* ***ir bala*** *mikän,* ***qyz bala*** *mikän?* [КВ: 72] ‘Этот ребенок у меня в животе мальчик или девочка?’.

Эта лексема, хотя и значительно реже, используется и в качестве обращения к конкретному ребенку как в основной форме, так и путем присоединения аффиксов принадлежности I лица или стилистического аффикса *–кай*: *Äj* ***bala****! härber muradnyŋ july bar. Wä här sänğatneŋ qoraly bar* [КД: 15] ‘О, дитя! У каждой цели есть способ (достижения) и у каждого промысла есть свой инструмент…’; *Äjtde: äj küzem nury* ***balaqajym*** [КД: 14] ‘Сказал: «О, свет моих очей, детя мое!»’.

В произведениях для выражения понятия ‘**мальчик, подросток’** авторы обращаются к тюркскому слову ***uğlan*** (углан). Это слово пассивно в современном литературном языке [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 604] однако его можно часто встретить в произведениях конца XIX - начала XX века. Об этом свидетельствуют и последние исследования по истории татарского языка. Так, например, как указано в монографии “История татарского литературного языка (XIII – начало XX века)”, данный термин

используется для обозначения подростка мужского пола [Татар әдәби теле тарихы, 2020: 281; 286]. В анализируемых произведениях данная семантика сохраняется, например, *axyrdan ber matur jözle* ***uğlan*** *kitereb, bu qapudan kerteb, qapuny bikläb, qarabqa utyryb kitdelär...* [Әлфу: 79] ‘Потом привели красивого мальчика, заперли ворота и сев на корабль, уплыли ....’; *insafsyz* ***uğyl*** [КВ: 16] ‘Невоспитанный сын’.

Данная лексема употребляется в значении ‘сын, сынок’: *äj canym* ***uğyl*** [КВ: 4] ‘О, душа моя, сынок…’; *canymnyŋ cany* ***uğyl*** [Әбу: 4] ‘Душа моей души, сынок…’; *Xaq Täğalä xäzrätläre moŋa ber* ***uğyl*** *birgän ide* [ТН: 5] ‘Всевышний одарил его сыном’; ***uğlym*** *seŋlesenä ğašyjq ulyb, mäxäbbäte könnän kön artqač ...* [Әлфу: 63] ‘Мой сын влюбился в свою младшую сестру и любовь его становилась все сильнее и сильнее …’.

В текстах жанра кысса для обозначения сына шаха или визиря используется лексема ***zadä*** (задә) ‘сын шаха; сын знатного’ [Гарәпчә-татарча, 1993: 123] и ***šah*** (шаһ): *Bähwäcneŋ ber* ***šahzadäse*** *bar ide* [ТН: 65] ‘У правителя Бахваджа был сын…’; ***šahzadä*** *padišahnyŋ jöräk bäğerläreder* [КВ: 17] ‘Сын дорог царю как частичка сердца ....’; *Wäzir* ***zadäne*** *bik jamanlab zarlandy* [ТН: 82] ‘Очень сильно жаловалась на сына визиря....’.

В сказке «Тысяча и одна ночь» для выражения понятия ‘мальчик’ Ф. Халиди обращается и к заимствованному из арабского языка слову ***wäläd*** (вәләд): *bu zina* ***wäläd*** *kä qyzymny birmäm ...* [Әлҗилдү, 4: 234] ‘Я не отдам свою дочь этому незаконнорожденному....’. Однако мы заметили интересную особенность в использовании этой лоексемы: если лексема *uğlan* (углан) употребляется для обозначения положительных героев, а слово *wäläd* (вәләд) – отрицательного героя.

В текстах произведений значение ‘парень’ передается словом ***jeget*** (егет)*: bu* ***jeget*** *güzäl häm dilbär xolyqly ...* [Әлҗилдү, 5: 110] ‘Этот парень красив, и с хорошим характером …’; *ul* ***jeget*** *däxi qyzny xalas itärgä süz bireb* [ТН: 82] ‘этот парень обещал спасти девушку». Данный термин употребляется и в современном татарском языке. В “Толковом словаре

татарского языка” приводятся семь значений этого слова: юноша, парень, молодой человек; собир. парни, молодые люди; мужчина; кавалер, ухажер; холостой, неженатый [Татар теленең анлатмалы сүзлеге, 2016: 221].

Термин ***qyz* (кыз)** употребляется в двух значениях: 1) ‘дочь’: *äj* ***qyzym****, sineη xäleη däxi säwdägär xatyny kebi* [Әлфу: 12] ‘Дочка, твое положение подобно положению жены купца’; *Šämsetdinneη xatyny färeštä kebi ber matur* ***qyz*** *tuğyrdy* ... [Әлфу:103] ‘Жена Шамсутдина родила подобную ангелу дочь ....’.

2) ‘девушка’. Данное значение является наиболее распространенным: ***qyz*** *qujynyndan qapčyq čyğaryb jözek sanady*... [Әлфу: 7] ‘Девушка вынула из-за пазухи мешок и пересчитала перстни...’; ***qyz*** *üz bülmäsendäge altyn kömeš wä cäwhärne alyb* … [ТН: 83] ‘Девушка, взяв драгоценности, находящиеся в своей комнате…’; *güzäl* ***qyz*** [ТН: 3] ‘Красивая девушка’; ***qyz*** *čydyj almyj kölä bašlady* [ТН: 82] ‘Девушка не смогла удержаться и рассмеялась’; ***qyz*** *däxi šulqadär sylu ide* [ТН: 82] ‘Девушка была очень стройная…’; *xurul-ğajn oxšašly* ***qyzlar*** [КВ: 10] ‘Девушки, похожие на гурий’; ***qyz*** *ah ideb jyğlamağa bašlady* ... [КВ: 45] ‘Девушка заплакала…’; *Äbuğalisina belde ki,* ***qyzny*** *birmäk tügel, mömkin bulsa qanyn ečär ide* [Әбу: 294]‘Абу Гали Сина знал о том, что он не только не хотел выдать девушку (замуж за него), а (букв.) готов был кровь его выпить… (т.е. погубил бы его)’; ***qyzny*** *birmäk tügel, ködrätennän kilsä, tereläj totyb ašar ide* [Әбу: 49] ‘Не то что не отдал бы девушку (замуж за него), а проглотил бы его заживо, если бы это было в его силах’; *ber güzäl döxtäre bar ide… agar ul* ***qyzny*** *mömkin bulsa* …[Әбу: 11] ‘У него была красивая дочь (*döxtär)*… если можно было бы эту дочь…’; *Säba padišahynyη* ***qyzy*** *da kileb kerde…*[Әбу: 11] ‘Пришла и дочь Сабейского царя…’; *padišah dähi ul* ***qyzğa*** *näzären salyb kürde…*[Әбу: 11] ‘Царь обратил свой взор на эту девушку и увидел…’; *ul* ***qyznyη*** *üzen kürğäč*... [Әбу: 11] ‘Когда он увидел саму девушку…’; *ošbu qyzdan soramaq mömkin…* [Әбу: 11] ‘У этой девушки можно спросить…’; *näwbät qyzğa qalğač* ***qyz*** *däxi üz tarafyndan…äjtde: Säba padišahynyη döxtäremän…*[Әбу: 11] ‘Когда очередь дошла до девушки, то

девушка, со своей стороны, … сказала: «Я дочь Сабейского царя…»’; *Äbuğalisina **qyzny** jänä atasy sarajyna künderde* … [Әбу: 30] ‘… Абу Гали Сина вновь отправил девушку в дворец своего отца…’; *Šul **qyznyŋ** ber märtäbä qarawy bäğremne pärä pärä qylyb ğaqylymny pärišan wä üzemne zar wä ğarjan itde* [Әбу: 26] ‘Один взгляд этой девушки разорвал мое сердце, лишил меня разума, и заставил меня стонать и плакать’ и многое др.

Для обозначения младших родственников употребляются лексемы ***ene*** (эне) ‘младший брат’ и ***seŋel*** (сеңел) ‘младшая сестра’ в номинативных значениях и без лексических вариантов: *atamnyŋ **enese** kürše šähärdä mälik ide*... [Әлфу: 59] ‘Младший брат моего отца был правителем соседнего города...’; *cänäb ğalilärеŋez kürgän etlär atam tarafynnan bänem **seŋellärem** ide* [Әлфу: 80] ‘Ваше величество, те собаки, которых вы видели, были моими сестрами со стороны отца ...’; *uğlym **seŋlesenä** ğašyjq ulyb, mäxäbbäte könnän kön artqač ...* [Әлфу: 63] ‘Мой сын влюбился в свою младшую сестру и любовь его становилась все сильнее и сильнее ....’.

В современном татарском языке этот термин обозначает не только родного младшего брата, но и группу всех кровных родственников. Термин *ene* характерен главным образом для кыпчакской группы и частично северо-восточной группы языков. А в огузской группе языков, как правило, он отсутствует или приобрел несколько иные семантические оттенки [Рамазанова, 1991: 56]. В современном татарском языке значение термина *seŋel* также расширилось и обозначает не только родную сестру, но и целый класс родственниц [Рамазанова, 1991: 57].

В современном татарском языке термин ***ağa*** (ага) употребляется в значениях ‘старший брат’ и ‘дядя’. Первоначальное значение данного термина – ‘старший брат’, в древнетюркских памятниках это слово зафиксировано именно в этом значении [Малов, 1951: 359]. Однако в текстах кысса мы регистрируем расширение значения, характерное для современного татарского литературного языка. Так, например, в «Тысяча и одной ночи» это слово зафиксировано только в значении ‘дядя’: ***ağam** awğa čykğan irkän* ...

[Әлфу: 59] ‘Мой дядя оказался на охоте ...’; ***ağam*** *uğly bäŋa äjtde* ... [Әлфу: 60] ‘Сын дяди сказал мне …’.

В этом же произведении мы встречаем употребление синонима персидского происхождения *bäradär* (борадәр) ‘брат’: *üz urynyna bäradären qazyj ideb* … [Әлҗилдү, 4: 7] ‘Назначил судьей на свое место брата...; ***bäradäreneŋ*** *qyjssasyndan xäbäre juq ide…* [Әлфу: 3] ‘Он не был осведомлен о приключениях своего брата...’; ***boradärem*** *qulyna timer köräk alyb janymyzğa kilde* ... [Әлфу: 60] ‘Мой брат с железной лопатой в руках подошел к нам....’.

В процессе исследования мы заметили, что Ф. Халиди в своем переводе довольно часто переносит те или иные наиболее известные среди татар лексемы из турецкого перевода. В данном случае автор также использует готовую лексическую единицу турецкого произведения *breeder*:

برادرینی قضیلق نیابتنده وکیل نصیب ایدوب کیتدی[Tercume, 2, c. 252].

beraderen *qazijlyq nijebetende vekil nasib idüb* ‘Он назначил судьей на свое место брата и уехал’.

برادری شاه رباز قضیه مرقومه دن بیخبر[Tercume, 1, c. 5].

beradere *Šahrebaz qazije merqumedin bixeber* ‘Его брат Шахребаз не был осведомлен о его судьбе....’.

Для передачи термина ‘родственник’ использованы семантически тождественные однокоренные две лексемы ***qardäš*** (кардәш) и ***qarendäš*** (карендәш). Оба термина употребляются в современном татарском языке, но активность второго заметно снижена. Так, например, в Татарском национальном корпусе «Туган тел» слово *кардәш* встречается 312 раз, а *карендәш* – 37 [http://tugantel.tatar/], а в Корпусе татарской художественной литературы *кардәш* – 298 раз, *карендәш* – 58. Таким образом можем утверждать, что из синонимической пары в литературном языке доминантой выступает лексема *кардәш*.

В текстах кысса они употребляются для выражения как лиц мужского, так и женского полов и частотность лексемы *карендәш* немного превышает: *bu qolaqsyz bulğan* ***qardäšem*** *fäqyjr ešsez irde* ... [Әлфу:191] ‘Этот мой безухий

родственник был нищим и безработным ...’; *Dönjazad* ***qyz qardäšenä*** *qyznyjtde* [Әлфу: 17] ‘Дуньязад сказала своей родственнице’; *ike* ***qarendäš*** *kügärčen ber ojada toryb* [КД: 7] ‘Два родственника-голубя жили в одном гнезде’; *min sine* ***qarendäš*** *sanab qatyŋa kildem* [КД: 10], ‘*Я* считал тебя родственником и подошел к тебе»; *Äj ğaziz* ***qarendäš!*** [КД: 15] ‘О, мой дорогой родственник! ’ и др.

3.7.2. Термины родства по браку.

В произведениях, относящихся к жанру кысса, термины родства по браку представлены довольно узко. Наиболее активными среди них являются номинации мужа и жены, а другие термины представлены в единичных случаях.

В текстах термин тюркского происхождения ***ir*** (ир) употребляется для выражения понятий ‘супруг’, ‘муж’: *xatunny* ***irenä*** *qajtaryb birik ...* [Әлҗилдү, 4: 174] ‘Давайте вернем женщину своему мужу’; *inša Alla jänä* ***ire*** *alyr ...* [Әлҗилдү, 4: 174] ‘Дай бог, муж вернет (свою жену) ...’; *ber kön* ***irenä*** *äjtde* [ТН: 26] ‘Однажды сказал мужу…’; ***irenä*** *mäxäbbäte bulyb aslan qaršylyq qylmas ide* [ТН: 26] ‘Из-за любви к мужу совсем не сопротивлялась…’; *xatynnyŋ* ***ire*** *qajtmağač, ul jegetne öjenä kitereb, ul kičä ğyjš-ğyjšrät itdelär* [КВ: 15] ‘Жена, когда муж не вернулся домой, пригласила того парня, развлекалась всю ночь…’; *män jaŋa kilen idem,* ***irem*** *ülde* [КВ: 65] ‘*Я* была молодой невестой, муж умер…’ и др.

‘Мужчина’ с обобщенной семантикой: ***Irlär*** *arsynda jalğančylyq ğajeb ešder* [Әбу: 19] ‘Ложь среди мужчин порочное дело’; ***Irlädä*** *süz ber bulyr…* [Әбу: 70] ‘Мужчина скажет один раз…’; *šähärneŋ ğaqil wä danä* ***irläre*** *ber jirgä cyjylyb* [ТН: 38] ‘Мудрые и умные мужчины города собрались в одном месте…’; *ägär tuti kämilgä bu serlärne söjläsäm* ***ir irlär*** *jağyn totar* [ТН: 8] ‘Если открою этот свой секрет попугаю, то он наверняка он будет поддерживать мужчин’ и др.

В текстах прослеживается преемственность семантических особенностей древнетюркского языка, где слово *ир (er)* обозначал следующие значения: 1. Муж, мужчина; 2. Муж, супруг [Древнетюркский, 1969: 175]. В современном татарском языке это слово употребляется также в значениях ‘муж, мужчина, супруг’ [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2016: 580].

В восточном диалекте татарского языка понятие ‘муж’ передается словом *irän* [Тумашева, 1961: 115]. В татарском переводе ‘Тысячи и одной ночи’ это слово встречается в составе сложного слова *ğaibiränlär* [3] и сочетания *ricäl ğajbe: carijälär ilä* ***xatynyŋny*** *häm bezgä jibär* ***ricäl ğajbe*** *doğalaryn alsyn ...* [Әлҗилдү, 2: 18] ‘И свою жену вместе с рабынями отправляй к нам, пусть получат благословления невидимых людей]; ***ğaibiränläre*** *aŋar balalarym tabylsyn öčen doğa äjläsenlär* [Әлҗилдү, 2: 18] ‘… пусть невидимые люди помолятся за то, чтоб нашлись мои дети’.

Термин ***xatyn*** (хатын) в текстах употребляется также в двух значениях: 1) ‘жена, супруга’ и 2) ‘женщина’. В текстах кысса не встречаются лексические варианты и семантические изменения данной лексемы тюркского происхождения.

В значении ‘жена, супруга’ данная лексема имеет меньшую частотность употребления: *Šämsetdinneŋ* ***xatyny*** *färeštä kebi uğyl tuğyrdy* [Әлфу: 103] ‘Жена Шамсутдина родила подобного ангелу сына ...’; ***xatynyŋ*** *belän jat* [ТН: 3] ‘Ложись с женой’; *anyŋ ber bik ğüzäl* ***xatyny*** *bar ide* [КВ: 14] ‘У него была красивая жена’; *täğamdän soŋ* ***xatyn*** *uğlandan xäbär sorady* [КВ: 43] ‘После трапезы жена спросила, что нового слышно о парне’; *Ber baj* ***xatyny*** *üze suğa kereb cäwähirdän beläzeklären, jözeklären, alqalaryn, kül jaqasynda ber jawlyqğa töjnäb qaldyrğan ikän, qarğa šul töjenne kütäreb očdy* [КД: 49] ‘Жена богача, когда пошла купаться, завернула свои браслеты, кольца, сережки и другие украшения в платок и оставила на берегу озера. Ворон схватил этот сверток и улетел’.

[3] Гаибы - мифические существа, покровители домашнего благополучия.

В значении ‘женщина’ данное слово может указать как на определенную женщину: ***xatynğa*** *kileb ni öčen taraq birmädeŋ didelär* ... [Әлҗилдү, 4: 186] ‘Подошли к женщине и сказали ей ‘почему не отдала гребень...’; *Bu* ***xatynnyŋ*** *küze bu jegetkä töšebder* [КД: 40] ‘Эта женщина положила глаз на этого парня’; *min bu* ***xatynny*** *bašyma bälägäme ijärtämen* [ТН: 83] ‘Я эту женщину беру с собой на свою беду?’; *šul säğat* ***xatyn*** *šam xakimenä belderde* [КВ: 11] ’Женщина в тотчас же сообщила правителю Сирии’; ***xatyn*** *belän tabibny awlaq jirgä utyrtdylar* [КВ: 16] ‘Женщину вместе с врачом отвели в безлюдное место’; ***xatyn*** *siŋamy tiešle miŋamy tiešle padišah xökem itsen* [КВ: 109] ‘Кому достанется женщина, тебе или мне, пусть царь рассудит’; ***xatyn*** *äjtde äj canymdan artyq ğazizem…* [КВ: 5] ‘Женщина сказала: о дорогой мой, дороже моей души…’; *ul* ***xatynnyŋ*** *ber jeget dusty bar ide* [КВ: 14] ‘У этой женщины был любовник’; ***xatyn*** *säjxdän sorady* [КВ: 11] ‘Женщина спросила шейха…’; ***xatyn*** *säjx belän suxbät qylğanda säjxdän sorady* [КВ: 11] ‘Женщина во время общения с шейхом спросила у него…’; *qajğyly küŋelemne ber däqyjqa suxbätlege belän kinändersä ide* [КД: 3] ‘Обрадывал бы мою печальную душу своим минутным общением....’; *ošbu izgelärneŋ suxbätendän aŋa däxi äsär ideb…* [ТН: 4] ‘Общение с этими святыми окажет также ему влияние…’; *kileb kileb padišah belän suxbät qylyr ide* [КВ: 111] ‘Время от времени общался с правителем....’; *padišah säjx belän säxäbät itde* [КВ: 69] ‘Царь общался с шейхом....’; *ara-tirä jarlylarnyŋ öjlärenä kereb suxbät itälär ikän* [КД: 3] ‘Время от времени приходят домой к бедным и общаются с ними....’.

Лексема ***xatyn*** (хатын) также преобретает обобщенную абстрактную семантику. В данной функции она используется, в основном, в дидактико-назидательном контексте, в составе пословиц: *i šahym,* ***xatynnar*** *süzen padišahlar mäclesendä söjläšmäk ğajepter. Alarnyŋ sačy ozyn, ğaqyly qysqadyr* [Әбу: 300] ‘Не надо женские сплетни повторять при царском дворце. (Букв.) У них (женщин) волосы длинные, а ум кроткий …’; *ämma* ***xatynlar*** *šajtandyr, niček bulsa da säjxny aldab äjtderde* [КВ: 11] ‘Однако, женщины подобны

демону, и она обманным путем заставила сказать шейха…’; *küŋelneŋ šatlyğy – uŋğan* ***xatyn*** [Әлҗилдү, 4: 3] ‘Радость души – умелая жена’; ***Zina xatynnarnyŋ*** *čönki itäge qysqadyr* [КВ: 40] ‘Потому что у распутных женщин подол короткий…’ и др.

Такие термины как ‘теща’ и ‘тесть’, ‘зять’, ‘невестка’ в произведениях не получают широкого распространения. В представленных случаях они передаются словами татарского происхождения, распространенными в казанском говоре среднего диалекта, затем ставшими литературной нормой. Необходимо отметить, что в современном татарском языке данные термины имеют различия в функционировании. Например, слова *qajn ana* и *qajn ata* в мишарском диалекте, нукратском, пермском, златоустовском говорах среднего диалекта выступают в значениях ‘свекор’; ‘тесть’ и ‘свекровь’; и ‘теща’. А в других говорах среднего диалекта они употребляются лишь в значениях ‘свёкор’ и ‘свекровь’; а в функции терминов ‘тесть’ и ‘теща’ употребляются слова *babaj* и *äbi* [Рамазанова, 1991:102].

Среди использованных слов мы не встретили лексических вариантов, хотя в диалектах татарского языка существует достаточно большое количество разных вариантов обозначения этих понятий. Так, например, понятия ‘теща’ и ‘тесть’ передаются терминами ***qajn ana*** (каен ана) и ***qajn ata*** (каен ата)*:* ***qajn anam*** *kileb, äfändem, soltanym, bu seznеŋ carijäŋ ...* [Әлфу: 193] ‘Теща моя подойдет ко мне и скажет: ‘Господин мой, она ваша рабыня ....’; *Nur Ätdinneŋ* ***qajn atasy****, bik qartlyğynnan, mälikkä kileb ğaryz birde ...* [Әлфу:103] ‘Тесть Нуретдина из-за глубокой старости подал царю прошение ....’; ***qajn atasy*** *jortyna kermäk bulyb, wäzir ilä šahzadä julğa čyqdy* [Әлфу: 142] ‘Принц и визирь отправились в путь, чтоб попасть в дом тестя’; *jä* ***qajn ata,*** *ässälämü ğaläjküm dib, kileb kürešde* [ТН: 154] ‘Сказав: «Тесть, здравствуй!» подошел и поздоровался с ним…’; ***äj qajyn atam*** *xäzrätläre, qyzyŋyzny ğafu qyldym dijeb, jide kön tuj ideb, šadlyqda, ülgänče, jäğni ğomerläre bujynča qaldylar* [Әлҗилдү, 6: 381] ‘Сказав: «О, мой свекор, я простил Вашу дочь», они семь

дней отпраздновали свадьбу, и всю жизнь, до своих последних дней, остались в радости’.

Понятие ‘зять’ в татарском переводе сборника сказок передается словом ***kijäw*** (кияү): *baŋä* ***kijäw*** *dä uğyl da bulyrsyŋ ...* [Әлфу:102] ‘Будешь мне и зятем, и сыном ...’; ***kijäw*** *xäjran bulyb torğanda qyz kileb kerde* [КВ: 47] ‘Когда жених стоял в изумлении, пришла девушка....’; ***kijäw*** *urynyndan sikereb tordy* [КВ: 45] ‘Жених встал с места....’; *qyzymyzny* ***kijäwemez*** *nämäšruğ süzlär belän ränceteb* [КД: 11] ‘Наш зять обижает нашу дочь неприличными словами’.

Лексема *kijäw* (кияү) в различных фонетически измененных вариантах имеется во всех современных тюркских языках. С помощью слова *kijäw* (кияү) в современном татарском языке образовано значительное число выражений, относящихся в основном к обрядовым терминам: *kijäwläp jörü,* ‘посещать невесту на правах жениха’; *kijäw jegete*, ‘дружка, шафер’; *kijäw jöretü*, ‘содействовать свиданию с невестой до полной выплаты калыма’; *kijäw kürenderü*, ‘первое свидание новобрачных’; *kijäw qajtarmasy*, ‘ответный пир на стороне невесты, устраиваемый после свадьбы на стороне жениха’; *kijäw täwene*, ‘старинный свадебный обряд: узелок с подарками жениха, посылаемый им невесте через своих родственников’ [Рамазанова, 1991: 99].

kilen (килен) ‘невестка’ в текстах встречается редко, например, *män jaŋa kilen idem,* ***irem*** *ülde* [КВ: 65] ‘Я была молодой невестой, муж умер…’. Также нами зафиксирован дериват *kilenlek* в составе пословицы *ber atnalyq šatlyq –* ***kilenlekder****...* [Әлҗилдү, 4: 3] ‘Радость длиною в неделю – замужество ...’; ***kilenne*** *böten cihazlary ilä käräwanğa utyrtyb Söläjman šahğa qarab jördelär* [Әлҗилдү, 2: 42] ‘Невесту, со всеми приданными, отправили с караваном к Сулейману шаху’.

Таким образом, слова, выражающие названия родства распределены по двум группам: названия родства по крови и названия родства по браку. В тексте произведений жанра кысса данная лексико-семантическая группа представлена большим количеством терминов, которые составляют

синонимические ряды. Доминантой выступают лексемы тюрко-татарского происхождения, они демонстрируют богатство и своеобразие народно-разговорного языка. Использованные арабские и персидские варианты не перешли на современный татарской литературный язык или воспринимаются как показатели отдельного, в основном книжного, стиля языка. Среди данной группы наиболее распространенными являются термины родства по крови, что касается названий родства по браку, то их относительно немного.

3.8. Наименования быта в текстах кысса

В текстах кысса одну из достаточно больших групп составляют наименования реалий / предметов быта. Несмотря на то, что произведения возникли на базе арабской культуры и в них описываются особенности восточного мира, авторы изучаемых произведений подходили довольно оригинально к выбору бытовых обозначений. Данная группа лексики служит для передачи основного содержания сюжетов, для обозначения картин внешнего мира. Авторы предпочли наименования тюрко-татарского происхождения, функционирующие в разговорном языке татар изучаемого периода, а лексические вариации в произведениях не распространены.

Одну из подгрупп этой тематической группы составляют названия одежды, её частей и обуви. Представленные наименования используются в прямом значении и не несут дополнительной семантической нагрузки.

Понятие ‘**одежда’** в целом передается словом ***kijem*** **(кием)**: *carğa čyğyb* ***kijemläremne*** *kibdereb jatyb joqladym* ... [Әлфу: 77] ‘Я вышел на берег, высушил одежду и лег спать...’; *Šahzadä ul* ***kijemne*** *xuca qulyna birde* [КВ: 52] ‘Принц отдал одежду в руки Ходжи’; *Aq* ***kijemle*** *qart keše äjtde sört* [КВ: 30] ‘Старик в белой одежде сказал…’; *Härqajsy ber iske* ***kijemlären*** *birdelär* [КВ: 8] ‘Каждый из них дал ему по одной старой одежде…’; *Jaxšy* ***kijemlären*** *kijeb kič keše ajağy basylğač bäk uğly janyna barmaqčy bulğanda…*[ТН: 8] ‘Одев красивую одежду, вечером, когда люди перестанут ходить, она собиралась

идти к сыну бека…’; *bičara qartnyŋ* ***kijemenä****, soŋra saqalyna jitde* [КД: 73] ‘(Огонь) добрался до одежды, потом до бороды бедного старика’.

Для обозначения отдельных видов одежды или ее частей употребляются следующие термины ***külmäk*** (күлмәк) ‘рубашка’, ***čikmän*** (чикмән) ‘зипун’, ***jaqa*** (яка) ‘воротник’, ***ciŋ*** (җиң) ‘рукав’, ***itäk*** (итәк) ‘подол’: *bäğdä östemä qyldan* ***külmäk*** *kitereb salyb, ğaräb janyna baryb utyryb ağlar ...* [Әлфу: 48] ‘Потом, накинув на меня волосяную рубашку, она садится у своего возлюбленного раба и начинает плакать...’; ***čikmänen*** *salyb jalanğač qaldy ...* [Әлҗилдү, 5: 3] ‘Сняв зипун, он остался голым...’; *Qulyn monyŋ* ***jaqasyndan*** *jibärmäj ğawğa salyb qazyj qatyna kildelär* [КД: 72] ‘Схватив его за воротник, со скандалом, они отправились к судье....’; *Awyzyŋny* ***ciŋ*** *belän tot* [КВ: 101] ‘Прикрой рот рукавом…’; ***ciŋnären*** *syzğanyb qamyr basqanda* [КВ: 41] ‘Когда она месила тесто засучив рукава....’; *sin Äbul Fätxneŋ kibetenä baryb, bän šundan uzarym, bäne küreb itägemdän tot ...* [Әлҗилдү, 4: 176] ‘Иди в магазин Абуль Фатха, я пройду мимо, когда увидишь меня, схвати за подол’; ; *ozyn bulğač* ***itägendin*** *kisde* [Әлҗилдү, 5: 159] ‘из-за того, что подол был длинный, он отрезал его’; *därwišneŋ* ***itägen*** *qulyŋdan jibärmä* [Әбу: 23] ‘Не отпускай из руки подол аскета’; *Zina xatynnarnyŋ čönki* ***itäge*** *qysqadyr* [КВ: 40] ‘Потому что у распутных женщин подол короткий…’ и др.

В последнем – назидательного характера – фрагменте слово *итәк* приобретает переносное значение, указывает на легкомыслие распутных женщин. Данная лексема в переносном значении используется и для обозначения понятия ‘подножье горы’: *ber bağbannyŋ šähärdän jyraq* ***taw itägendä*** *bağčasy bar ide* [КД: 75] ‘У садовника далеко от города был сад, у подножья горы’.

В современном татарском литературрном языке данная лексема также активно употребляется в переносном значениях. Так, например, в толковом словаре татарского языка представлены такие значения этого слова, как: 1. Нижняя часть платья, фартука, пальто и т.п. 2. Юбка. 3. Передняя часть одежды человека, колени, перед. 4. Нижняя часть высокого объекта, край. 5.

Край леса, облака, неба и т.п. 6. Берег моря, реки, океана [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2016: 433]. В разговорной речи слово *итәк* употребляется и для обозначения легкомысленных женщин.

В целом, в текстах кысса не особо распространено употребление наименований одежды в переносном значении.

В описании наименований головных уборов налицо адаптация терминов для татарского читателя, все лексемы широко распространены в народно-разговорном языке и отражают реалии татарского мира. Например, лексема ***jawlyq*** (яулык) используется для передачи понятия ‘платок’: *jasdyq östenä ber* ***jawlyqğa*** *töreb ille altyn qujdym ...* [Әлфу: 141] ‘Я положил на перину завернутые в платок пятьдесят золотых монет...’; *Äbuğalisinanyŋ* ***jawlyğyn*** *alyb ber jaqqa tašlady* [Әбу: 36] ‘Взял платок Абу Гали Сины и бросил в сторону....’; ***Jawlyğyŋ*** *belän küzendäge jäšen wä jözendäge tuzanyn sört* [КВ: 101] ‘Вытри своим платком слезы из его глаз и протри пыль с его лица…’; *ber sandyqny ačdym ečendä bän* ***jawlyqlarğa*** *bäjläb qujğan altynlar ber danäse dä betmägän...* [Әлҗилдү, 1, с. 145] ‘… я открыл сундук... внутри находятся золотые монеты, завернутые мною в платки....’; *ağyzyna* ***jawlyq*** *tyğyb, kütäreb diŋgezgä kitereb* [Әлҗилдү, 4: 206] ‘Засунув в рот платок, его понесли к морю....’; *Ber baj xatyny üze suğa kereb cäwähirdän beläzekläreп, jözekläreп, alqalaryn, kül jaqasynda ber* ***jawlyqğa*** *töjnäb qaldyrğan ikän, qarğa šul töjenne kütäreb očdy* [КД: 49] ‘Жена богача, когда пошла купаться, завернула свои браслеты, кольца, сережки и другие украшения в платок и оставила на берегу озера. Ворон схватил этот сверток и улетел’.

Лексема ***šal*** (шәл) передает значение ‘шаль’: *bik osta ikänseŋ, jaxšy* ***šäl*** *ikän* [КВ: 63] ‘Ты очень умелая, хорошую шаль (связала)....’; *ber* ***šaleŋne*** *kütäreb matur jözeŋez ila bezlärne šad äjlä ...* [Әлфу: 139] ‘Приподними шаль и своим красивым лицом порадуй нас....’.

В последнем примере Ф. Халиди в этом случае не стал использовать термин арабского оригинала, где в данном контексте использовано слово *qinağ* ‘покрывало’, наиболее точно отражающее быт арабского мира:

فكشفت القناع عن وجهها فلما نظرت وجهها أعقبتني ألف حسرة وتعلق قلبي بمحبتها فصرت لا أملك عقلي ثم رخت القناع [Тысяча, 1: 119].

‘И когда я взглянул ей в лицо взглядом, вызвавшим во мне тысячу вздохов, любовь к ней привязалась к моему сердцу, и я перестал владеть своим умом. А потом она опустила покрывало’ [Салье, 1: 350].

Он также не стал актуализировать лексему *jesmeg* ‘шаль’, употребляемую в турецком переводе, выбрав татарское слово:

بر كره ياسمغكى كشد و ابراز جمالك ايله مسرور ايله ديو نياز ايتدكمده [Tercume, 1, c. 108].

*bir kerre **jesmeğiŋe** kešed ve ibrez cemeleŋ ile mesrür ejle dijü nijaz itdekemde* ‘Когда я попросил её приподнять шаль и своей красотой порадовать....’.

Термин *šäl* используется также в качестве метафоры: *sajäd qara awyn qoryb **zamana qarčyğy jözen qara šäl belän örtä bašlady*** [Әбу: 19]. ‘Охотник зарядил свой черный капкан, старуха времен свое лицо прикрыла черной шалью’.

Авторы часто прибегают к образованию новых слов на базе татарского языка. Например, понятие ‘покрывало’ передается лексемой ***börkänček***: *xatyn bašyna **börkänčegen** bäjläb änkäsenä kitde* ... [Әлҗилдү, 4: 174] ‘Женщина, накинув покрывало, пошла к матери...’.

Адаптация текстов для татарского читателя наблюдается и в плане передачи понятия мужских головных уборов. Например, лексема ***bürek*** (бүрек) используется для выражения значения ‘меховая шапка’: *šulaj waqytsyz čyqğanda uğrylarnyŋ berse bašyndağy büregen almyšlar ide* ... [Әлфу: 131] ‘Однажды, когда он вышел в поздний час, один из воров снял с него шапку…’.

В турецком переводе и в арабском оригинале в данном случае используются различные термины. Так, например, в турецком переводе в данном отрывке зафиксировано слово *šel* ‘шаль’:

اوغريلرنك برى شالنى قاپوپ فرار ايتمشيدى[Tercume, 1: 102].

uğrylarnyη bere ***šeline*** *qapup firar itmešide* ‘Один из воров снял с него шаль и сбежал’.

Во фрагменте из арабского оригинала функционирует слово *ğimama* ‘тюрбан’:

وكان النصراني قد خطفوا عمامته في أول الليل [Тысяча, 1: 114].

‘А у христианина в начале этого вечера утащили тюрбан’ [Салье, 1: 337].

Понятие ‘штаны’ передается лексемой ***yštan*** (ыштан)*: jalanğač, külmäk* ***yštany*** *juq* [Әбу: 62] ‘Голый, без рубашки и штанов…’; ***yštanymny*** *saldyryb gäwrätem kürener* ... [Әлҗилдү, 3: 200] ‘Если мне снять штаны, то видно будет мое непристойное место....’.

В турецком переводе в последнем отрывке использовано слово *tun* ‘одежда’:

طونمی چیقاردوب عورتمی کشف ایدرسن [Tercume, 1: 102].

tunymy *čiqarub ğavreteme kešef idersen* ‘Если снимешь мои одежду, то увидешь мое непристойное место’.

В данном фрагменте арабского оригинала лексема, обозначающая данное понятие, отсутствует:

يا ولدي هل قلبك حجر فتفضحني بكشف العورة يا ولدي [Тысяча, 3: 263].

‘И тогда она сказала: ‘О дитя моё, разве сердце у тебя каменное, и ты опозоришь меня, обнажив мою срамоту?’ [Салье, 6: 107].

Соответствие татарским реалиям прослеживается и в передаче понятия ‘обувь’. Например, Ф. Халиди использует лексему ***käweš*** (кәвеш) ‘галоши’, которая была активна в языке татар исследуемого периода, хотя в арабском оригинале и в турецком переводе описывается понятие ‘сандалия’: *ber adäm sineη baltaη ilä* ***käwešeηne*** *tabqan* ... [Әлфу: 69] ‘Некий человек нашел твой топор и твои галоши...’. В турецком переводе в данном отрывке для передачи понятия ‘обувь’ использовано слово *papuci* ‘сандалия’:

بر آدم سنك پاپوجنی وبالطه نی کتوروب سنی ارامقده در [Tercume, 1: 45].

bir adem seniŋ ***papuciny*** *ve baltany kiterüb seni aramaqdadur* ‘Некий человек принес твой топор, сандалии и ищет тебя....’.

В арабском оригинале в данном фрагменте для передачи понятия ‘обувь’ выступает лексема *nägl* ‘сандалия’, в русском тексте переведена словом ‘башмак’:

في الدكان شخص أعجمي يطلبك ومعه فأسك ونعلك قد جاء بهما إلى الخياطين[Тысяча, 1: 58].

‘… на дворе старик персиянин, который спрашивает тебя, и с ним твой топор и твой башмак’ [Салье, 1: 160].

Названия предметов быта, орудий труда, представленные в произведениях (например, *jasdyq* (ястык) ‘перина’, *pyčaq* (пычак) ‘нож’, *balta* (балта) ‘топор’, *jeb* (җеп) ‘веревка’, *qazan* (казан) ‘котел’, *taba* (таба) ‘сковорода’ , *köräk* (көрәк) ‘лопата’, *čükeč* (чүкеч) ‘молоток’, *qamčy* (камчы) и др.), столь же употребительны, как и в современном литературном языке. По происхождению они являются исконно татарскими, восходящими к общетюркскому языку, например, *Zödäjek pešmeš balyqny* ***tabadan*** *alyjm digän waqytda* ... [Әлҗилдү, 5: 29] ‘В то время, когда Зодаек хотел взять жареную рыбу со сковородки...’; *mony pärä-pärä kiskäläb* ***tabada*** *käbäb itmäk kiräk* [КВ: 30] ‘Надо его порезать на куски и пожарить на сковороде…’; *šah jurğan astynnan ğaräb bulyb awyrular tawyšy kebi tawyš berlän ah-wah didekdä* ... [Әлфу: 49] ‘Когда шах, притворившись рабом, из-под одеяла охал и ахал...’; *Min* ***čitlekne*** *birmämen* [КВ: 156] ‘Я не отдам клетку…’; ***čitlek*** *janyna kileb äjtde* [ТН: 9] ‘Подошла к клетке и сказала....’; *Ber* ***jozaqly*** *išek kürdelär* [КВ: 33] ‘Увидели дверь с замком…’; *Pulat* ***jozaq*** *belän biklängän ber sandyq tabylyb* [КД: 3] ‘Нашли сундук, запертый стальным замком …’; *ul jegetne sarajda,* ***sandyq*** *ečendä asrar ide* [КВ: 95] ‘Того парня она держала во дворце, в сундуке…’; ***Sandyqny*** *ačyp qarasa sandyqda čüp tä juq, cirendä cillär isä* [Әбу: 23] ‘Открыл сундук и увидел, что в сундуке пусто, на дне ветер гуляет…’; *ul* ***sandyqny*** *ağačnyŋ külägäsenä qujyb, sandyqny ačty...* [Әлфу: 6] ‘Он положил тот сундук в тень дерева и открыл его....’; *ul aqčağa čini* ***qasälar*** *alyb ber čybyqdan jasalğan ärcagä salyb uramnarda jorgändä* ... [Әлфу: 191] ‘Купив на

эти деньги чашки и положив их в ящик, сплетенный из прутьев, он ходил по улицам и продавал их...'; *kesäsendän ber* ***čükeč*** *čyğaryb taš üzrenä bu äbjätne jazdy...* [Әлҗилдү, 2: 55] 'Он достал из кармана молоток и высек на камне следующие строки...'; ***saban*** *sörergä išäkne al, ügez torsyn dide ...* [Әлфу: 10] 'Чтобы вспахать, бери осла, а бык пусть остается...'; *Atly ğaskär,* ***ijärläre*** *altyndan, özängeläre jazylmyšdyr* [КВ: 23] 'Конница, седла у них из золота, а стремя расписные....'; *qart ber* ***jögän*** *birde, bar, šunyŋ berlän awyzlyqlab kiter dide ...* [Әлҗилдү, 5, с. 62] 'Старик дал уздечку и велел, взнуздав, привести её...'; ***cögänen*** *alyb qajtty* [КВ: 156] 'Принес обратно его уздечку…' ***tabaq-sawytlary*** *fil balyğy söjägendän* [Әбу: 34] 'Посуда из костей кита…'; *qyzğanyb, ašlyq sala torğan zur* ***qazanğa*** *salyb qablab jäšerde* [Әлҗилдү, 4: 137] '… пожалев, она спрятала его в большом котле, где хранили зерно …'; *mony* ***qazanğa*** *salyb qajnatmaq kiräk* [КВ: 30] 'Необходимо его посадить в котел и вскипятить…'; *ber* ***qazanğa*** *salyb ut jaqdylar* [ТН: 151] 'Положили в котел и развели огонь....'*; mendärsez wä* ***jurğansyz*** *qory tufraq östendä qundy* [ТН: 54] 'Без подушки и одеяло переночевал на голой земле…'; *üz däräcäŋne belmäj, ajağyŋny* ***jurğanyndan*** *čyğyaryb suzasyŋ* [ТН: 118] 'Не знаешь своего места, протягиваешь свою ногу дальше, чем одеяло…' ; *Ber kön bu säwdägär äcäl* ***jasdyğyna*** *baš qujyb uğyllaryn üzeneŋ janyna kitertub…* [КВ: 54] 'Однажды этот купец заболел и пригласил к себе своих сыновей …'; *joqym kileb ber* ***jasdyqğa*** *jatyb joqladym ...* [Әлҗилдү, 2: 49] 'Мне захотелось спать, я лег на перину и заснул...'; *Taš* ***jasdyğym*** *padišah täxete kebek bula almas* [КД: 3] 'Моя каменная перина не может стать как царский трон…'; *Taš* ***jasdyğym*** *padišah täxete kebek bula almas* [КД: 3] 'Моя каменная перина не может стать как царский трон…'.

Синонимом лексемы *jasdyq* (ястык) 'перина' является слово *tüšäk* (түшәк)*: bäğdä joqlarğa jatyb, taŋ aldynnan Bädr Bäsim ujanyb, mälikä Läzib* ***tüšäkdä*** *janynda ulmadyğyn küreb* [Әлҗилдү, 5: 59] 'Потом легли спать, на заре Бедр Басим проснувшись, обнаружил отсутствие рядом с собой на перине царицы Лазиб....'; *jeget sabyr idärgä qadir bulmaj, xasta bulyb* ***tüšäkkä*** *jatyb*

[Әлҗилдү, 4: 147] ‘парень заболел, и, не в состоянии терпеть, лег в постель’; *üzlären* ***tüšäk*** *östendä kürdelär* [КВ: 104] ‘Обнаружили себя на перине....’; *palaslar,* ***tüšäklär*** *cäjeb istiraxät qyldylar* [Abu: 15] ‘Положив паласы и перины, отдохнули…’ и др.

Также можно наблюдать некоторые особенности, характерные для языка конца XIX - начала XX века. Так, например, в синонимическом ряду, обозначающем большую посуду, емкость, состоящем из таких наименований, как ***tabaq*** (табак) ‘большая чаша’, ***lägän*** (ләгән) ‘тазик’, ***tas*** (тас) ‘таз, тазик’, заметно, что еще не полностью установлена семантическая дифференциация, характерная для современного татарского языка: *qulyn xärcingä tyğyb altyndan ber* ***tabaq*** *aldy ...* [Әлфу: 196] ‘Он сунул руку в корзину и достал золотую чашу ...’; ***lägän****, qomğan alyb, taxärät alyb, ikende namazyn qylyb, ikese ber qačyrğa beneb kitdelär ...* [Әлҗилдү, 4: 196] ‘Взяв тазик и кумган, совершив омовение и полуденную молитву, они сели на мула и тронулись в путь...’; *Wäzir padišahnyη aldyna ber* ***tabaq*** *bal kiterde* [КВ: 40] ‘Визирь принес царю тазик меда…’; *Ber zur* ***tas*** *kitersenlär* [КВ: 8] ‘Пусть принесут большой таз…’; *baryb* ***tas*** *ečenä qarady* [ТН: 61] ‘Подошел и посмотрел на поверхность таза....’.

Примечательно, что в текстах кысса для обозначения стола используется заимствованное из русского языка слово ***östäl*** (өстәл) ‘стол’ без лексических эквивалентов: *aš waqyty bula* ***östälgä*** *törle ašlar tözeb qujalar* [КД: 15] ‘Когда наступает обеденное время, на стол кладут разные блюда…’; *ber bajnyη* ***östäle*** *astynda surätdä qarawylčylyqda* [КД: 15] ‘Я являюсь сторожом под столом одного из богачей…’; ***östäldän*** *ašlar alyb qačar idelär* [Әбу: 16] ‘…убегали с едой со стола....’.

Синонимический ряд, состоящий из лексем тюркского происхождения, ***sal*** (сал) ‘плот’, ***qajyq*** (каек) и ***kimä / köjmä*** (көймә) ‘лодка’ в текстах кысса встречается повсеместно и заметно их варьирование в пределах даже одного произведения. Например, *Canšah* ***salnyη*** *täläf uldyğyn belgäč, ğulämlärne dašeb äjtde ...* [Әлҗилдү, 4: 47] ‘Когда Джаншах узнал об уничтожении плота,

позвал к себе слуг и сказал...’; ***qajyq*** *ečendä ber sandyq bar irmeš, bäne šul sandyqğa salyb alyb kitdelär* ... [Әлфу: 150] ‘…и в лодке тот сундук, в который меня положили и увезли...’; *ni öčen bu mäcnünne* ***kimägä*** *aldyŋyz* [Әлҗилдү, 6: 218] ‘Почему этого сумасшедшего посадили на лодку’; *Xuca Säğid ber* ***köjmägä*** *utyryb kitde* [ТН: 14] ‘Ходжа Сагид сел на лодку и уплыл ....’; *ber olyğ* ***köjmäder*** [Әбу: 61] ‘Большая лодка…’. ***köjmäm*** *suğa batdy* [КВ: 9] ‘Моя лодка утонула’; *mujnyna zincir salyb* ***köjmägä*** *süräb alyb kerdelär* [Әбу: 61] ‘Обмотав шею цепью, его волоком затащили в корабль....’; *ečemlekär käbäblär alyb* ***kimägä*** *utyryb ašab ečeb isereb jörer ide* [КВ: 54] ‘… взяв с собой вино и кебаб, садился на корабль и ел-пил, развлекался…’; ***kimä…*** *diŋgez čitenä kileb längär tašlady* [Әбу: 61] ‘Корабль приплыл к берегу моря и бросил якорь....’ и др.

Если лексема *sal* (сал) семантически закреплена за значением‘плот’, то остальные два термина *qajyq* (каек) и *kimä / köjmä* (көймә) употребляются для обозначения лодки [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 1, 2017: 41; 417]. Впоследствии слово *köjmä* (көймә) стало литературной нормой [Әхмәтьянов, 1, 2015: 447] а лексема *qajyq* (каек) - единицей диалектной подсистемы языка [Тумашева 1992: 93]. В современном татарском языке активности данного слова не наблюдается, о чем свидетельствуют материалы Корпусов татарского языка.

Также следует обратить внимание и на фонетическую вариацию в слове *kimä / köjmä* (көймә). По нашему мнению, такая вариация указывает на особенности становления литературной нормы татарского языка в рамках исследуемого периода.

Итак, наименования быта, представленные в произведениях, как правило, не несут дополнительной семантической нагрузки и служат для прямого воссоздания рисуемой в текстах картины жизни. Несмотря на то, что во всех прочитываемых произведениях описывается арабский мир, авторы предпочли адаптировать произведения для татарского читателя посредством употребления наименований быта, распространенных среди широких слоев татарского населения. Выбор отдельных наименований и их вариации в

произведениях, последующее закрепление в языке в качестве активной лексики также указывают на специфику становления современного татарского литературного языка.

3.9. Лексика, относящаяся к роду деятельности людей

Одну из специфических лексико-тематических групп составляют слова, относящиеся к роду деятельности людей. В исследуемых произведениях описываются социальная жизнь, быт, культура арабского мира. Перед нами встает целая система образов: правители, цари, халифы, судьи, писцы, учителя, работорговцы, рабы, земледельцы и многие другие. Они дают представление об оседлой жизни арабов, о названиях профессий, о роде деятельности людей тех времен.

Лексика рассматриваемой тематической группы по своему составу пестрая и разнообразная: в ее составе мы встречаем общетюркские, собственно татарские, заимствованные из арабского и персидского языков слова, в единичных случаях зафиксированы и русские, европейские заимствования. Вся эта лексика стилистически нейтральна и употребляется в номинативном значении для описания жизнедеятельности персонажей. По словообразовательным моделям эта группа лексики также представляет собой большой исследовательский интерес. Все эти аспекты позволяют нам рассматривать данную группу лексики как синтез старотатарского литературного и разговорного языка, а также как один из основных показателей многоуровнего процесса становления современного татарского литературного языка.

Наиболее характерным способом образования наименований является присоединение словообразовательных аффиксов ***-čy/-če*** (-чы/-че) именам существительным тюрко-татарского происхождения или же образование путем конверсии от глагола имени действия, например, *qarawylčy* (каравылчы) ‘охранник, сторож’, *tegüče* (тегүче) ‘портной’, *šymčy* (шымчы) ‘шпик, лазутчик’, *igenče* (игенче) ‘земледелец’, *kötüče* (көтүче) ‘пастух’, *ilče*

(илче) ‘посол’, *išäkče* (ишәкче) ‘ослятник’, *bujawčy* (буяучы) ‘красильщик’, *xat jörtüče* (хат йөртүче) ‘почтальон’, *jylančy* (еланчы) ‘змеелов’: *qojynyŋ **qarawylčysy** janyna baryb...* [Әлҗилдү, 4: 151] ‘Он подошел к охраннику колодца...’; ***Bašmaqčy** xatyny janyna kereb any ügetlärgä bašlady* [КД: 73] ‘Зашла к жене сапожника и начала уговаривать её…’; *Ber qart **bašmakčynyŋ** kibetenä tuğry kilde* [КВ: 9] ‘Случайно попал в дом старого сапожника....’; *ul **igenče** kebi ulmajasyŋ...* [Әлҗилдү, 2: 119] ‘Не будь таким, как тот земледелец...’; ***igenče** jir sörgändä ber qyjmmätle cäwhär tabdy* [ТН: 71] ‘Хлебороб во время вспашки земли нашел драгоценный камень’; *ber **igenče** säwdägär bar imeš* [Тыс, 1: 71] ‘Жил-был купец-хлебороб....’; *Däliläne ezläb jörüčü **išäkče** häm **bujawčy**…* [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Ищущие Далилу ослятник и красильщик...’; *ber baj maly küb **tegüce** bar ide...* [Әлфу: 127] ‘Жил-был богатый портной...’; *šah söjlä, išedälem, digäč, **tegüče** dijär ki …* [Әлфу: 114] ‘Когда царь сказал: «Говори, послушаю», портной сказал…’; ***tegüče** ul xälne küreb … šašyb qaldyqda* [Әлфу: 128] ‘Портной, увидев это, одурел’; *xäzrät Ğajsa zamanynda ber **tegüče** jeget bar ide* [КВ: 35] ‘Во времена пророка Исы жил-был некий портной....’; *dib äjtde **kötüče*** [Әлфу: 17] ‘… сказал пастух’; *män ber zägyjf **kötüčemen*** [КВ: 35] ‘Я немощный пастух....’; *Bağdäd **tegüčeläre** qajda?* [КВ: 52] ‘Где Багдадские швеи?’; *Ber **jylančyğa** rast kileb kürde* [КВ: 103] ‘Он встретил змеелова и увидел…’; *Hindstanğa **ilče** jibärtereb ni xaräcätkä jitkerdeŋ* [Әбу: 37] ‘Отправив в Индию посла, заставил (меня) нести сколько расходов ....’ и др.

Примечательно, что большая часть названий образована присоединением аффикса *-čy/-če* к арабским и персидским корням: *qumarčy* ‘картежник’; ‘азартный игрок’; *näwbätče* ‘дежурный’, *cäwähirče* ‘ювелир’, *äsirče* ‘работорговец’: *beğde **qumarčilar** gelib* [Әлҗилдү, 4: 182] ‘Потом пришли картежники’; *qapuda tora torğan **näwbätčelär** bänem üzremgä kileb totdylar ...* [Әлҗилдү, 4: 60] ‘Дежурные, стоявшие у ворот, подошли и схватили меня...’; *ber **cäwähirče** bar ide* [Әлҗилдү, 4: 149] ‘Жил-был некий ювелир’; *ničä kön ütkäč **äsirčelärneŋ** bersenä Anis äl-Cälis namynda bujy zifa,*

nazyjre juq ber carijä kiterdekdä ‘Через несколько дней одному торговцу пленными привезли рабыню невиданной красоты по имени Анис аль-Джалис...’; *berse* ***xälwäče*** *kibetenä kereb* [КВ: 52] ‘Один из них вошел в магазин торговца сладостями....’; *Gärčä atam xälwäče ide* [Әбу: 18] ‘Хотя отец мой был пекарем....’; ***Xämmälče*** *tiz kileb jitde* [Әбу: 19] ‘Банщик прибыл быстро ....’; *Ul* ***därwišne*** *asarğa bojyrdy* [КВ: 98] ‘Приказал повесить этого странника....’; ***Zindančyğa*** *ämer itde* [КВ: 42] ‘Приказал надзирателю ....’; ***Sixerče*** *qarčyqlardan berničäsen künderde* [КВ: 104] ‘Отправил (за ним) несколько колдуний....’; ***Xezmätčelär*** *mony totyb qojyğa saldylar* [КВ: 104] ‘Слуги поймали его и бросили в колодец....’ и др.

Еще одна немаловажная особенность, требующая внимания, заключается в том, что в текстах кысса мы обнаруживаем промежуточные варианты лексем, которые употреблялись в языке изучаемого периода, в том числе и в художественных произведениях, однако не ставшие нормой татарского литературного языка. Они либо перешли в разряд архаизмов, либо изменили форму. Например, *cyrlawčy* (җырлаучы) ‘певица’ - в современном татарском литературном языке – җырчы*; ujnawčy* (уйнаучы) - в современном татарском литературном языке – уенчы; *ärcäče* (әрҗәче) ‘столяр’ в современном татарском литературном языке отсутствует; *qollar ila säwdä qylučy* (коллар белән сәүдә кылучы) ‘работорговец’ в современном татарском литературном языке отсутствует в связи с отсутствием самого понятия*; sučy* (сучы) ‘водонос’ в современном татарском литературном языке отсутствует*; täwäče* (тәвәче)‘перевозчик грузов на верблюде’ в современном татарском литературном языке отсутствует*; išakče* (ишәкче) ‘погонщик’; ‘перевозчик грузов на осле’ в современном татарском литературном языке отсутствует, *talawčy* (талаучы) ‘вор, грабитель’ – в текстах употребляется параллельно со ставшей литературной нормой татарского литературного языка лексемой *uğry* (угры) и т.д.

В произведениях встречаются наименования, образованные на базе татарского языка или же кальки, которые также перешли в разряд архаизмов,

например, ***Su bašy*** *kileb sügeneb Äbuğalisinanyŋ jaqasyna jabyšdy* [Әбу: 39] ‘Глава морской охраны, ругаясь непристойными словами, подошел и схватил за воротник Абу Гали Сины ....’; ***Su bašy*** *üzenä däxi xezmätkärlär alyb* [Әбу: 30] ‘Глава морской охраны, взял с собой еще помощников …’; ***qapučy bašy*** *jir übeb äjtde* [Әлҗилдү, 2: 31] ‘Глава всех привратников, поцеловав землю, сказал…’; *Zul Maqan häm Širqan, Bähräm, Röstäm,* ***qapučy bašy****, cömläse...* [Әлҗилдү, 2: 31] ‘Зуль Макан и Ширкан, Бахрам, Рустам, глава всех привратников, все... ‘; *asylğan kešelärneŋ berse* ***Cällad bašy****, berse* ***Su bašy*** *bulyb* [Әбу: 41] ‘Один из повешанных людей оказался глава палачей, другой – глава морской охраны...’; ***Ğaskär ähelenä*** *malny waqytynda birmäk kiräk* [КВ: 40] ‘Солдатам деньги надо во время платить....’; *wazifa wä näfäqat* ***ğaskär ähelenең*** *cany šikelle* [КВ: 39] ‘Должность и жалование подобны душам воинов’.

Среди этой группы лексики присутствуют и такие слова, которые вполне могли бы заменить существующие в литературном языке активные варианты. Например, в современном татарском языке понятие ‘пекарь’ чаще передается аналитической формой *икмәк пешерүче*, а представленная в текстах кысса синтетическая форма *ikmäkče* (икмәкче), как нам кажется, более соответствует традиционным моделям словообразования татарского языка. Данная лексема представлена в толковом словаре татарского языка [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2016: 487]. Однако ее активность в современном татарском языке не заметна, во всяком случае, в «Письменном корпусе татарского языка» мы зафиксировали 57 случаев употребления данного слова, подавляющее большинство которых представлено в исторических текстах [https://www.corpus.tatar/index.php?of=main.htm#top].

В текстах кысса большое место занимают слова, обозначающие род деятельности человека, или его социальный статус, заимствованные из арабского и персидского языков, которые стали частью литературного языка: *padišah* ‘царь’, *wäzir* ‘визирь’, *xäkim* ‘властелин’, *näqqaš* ‘каллиграф’; ‘художник’, *säwdägär* ‘купец’, *tabib* ‘целитель, врач’, *ğalim* ‘ученый’, ***qazyj*** (казый) ‘судья’; *xalifä* (хәлифә) ‘халиф’, *šahzadä* (шаһзадә) ‘шахзаде’, *känizäk*

(кәнизәк) ‘служанка’, *därwiš* (дәрвиш) ‘дервиш’ : *bän* ***šah*** *xozuryna kileb, jirne öč märtäbä übeb tordym* [Әлфу: 71] ‘Я поклонился перед шахом и три раза поцеловал землю’; ***Padišahdan*** *qurqyb kiterä almadylar* [КВ: 42] ‘Боясь правителя, не могли доставить....’; *Xarun ar-Rašid täxetkä meneb* ***padišah*** *buldy* [КВ: 47] ‘Харун ар-Рашид сел на пристол и стал правителем....’; *bu šähärgä qart* ***xäkim*** *kileb išetde, šähärneŋ* ***šahy*** *awyryj dijeb ...* [Әлфу: 131] ‘В этот город приехал старый целитель и узнал о болезни правителя города...’; *ul surätne jazğan näqqašqa baryb* [Әлҗилдү, 4: 149] ‘Сходив к художнику, который нарисовал эту картину’; *Ber* ***säwdägär*** *timer belän säwdä itä ide* [КД: 75] ‘Был купец, торгующий железом’; *niček ber* ***tabib*** *ber awyruğa daru iteb fajda birmägän šikelle minem nasyjxätlärem ciŋa häm fajda birmäde* [КВ: 22] ‘Как однажды лечение врача не помогло больному, мои наставления также не помогли тебе....’; ***ğalimnärne*** *töšereb nadanlarny kütärer* [КД: 73] ‘Унизит ученых и возвысит тупых…’; ***ğalimnärdän*** *išetmädeŋme* [КД: 11] ‘Не услышал ли от ученых?’; *oluğlyqqa* ***ğalim keše*** *lajyqraktyr* [КД: 20] ‘Ученый человек достоин величия’; ***ğalimnärdän*** *išetmädeŋme* [КД: 11] ‘Не услышал ли от ученых?’; ***ğulämädän*** *soradylar* [КВ: 52] ‘Спросили у ученых....’; *ğaqyl ijäse* ***wäzirlär*** *kiräkder* [КВ: 40] ‘Нужны мудрые визири’; *ul* ***wäzir*** *munčağa kergän ide* [КВ: 42] ‘Этот визирь пошел в баню ....’; *Äj,* ***qazyj!*** [КД: 72] ‘Эй, судья!’; *Taŋ atqač* ***qazyj*** *šunda bardy* [КД: 73] ‘С рассветом, судья отправился туда....’; ***Qazyj*** *äfände ojaluyndan bašyn tübän ijeb tordy* [Әбу: 41] ‘Господин судья, от стыда, опустил голову ....’; ***Xalifäneŋ*** *ačuwy basyldy* [КВ: 47] ‘Гнев Халифа прошел....’; ***Šahzadäne*** *alyb üzeneŋ čadyryna kiterde* [КВ: 52] ‘Принца привел с собой в свою хижину’; *Xatyn any* ***känizäkdän*** *ajyryb alyrğa tyryšdy* [КД: 40] ‘Женщина хотела увести его от служанки ....’; ***därwišneŋ*** *süzen qabul itde* [КД: 3] ‘Он согласился с мнением дервиша’; *bu* ***därwišneŋ*** *mändä nindi morady bar ikän dide* [Әбу: 20] ‘Что хочет от меня этот аскет....’; *Ul* ***därwišne*** *asarğa bojyrdy* [КВ: 98] ‘Приказал повесить этого странника....’; ***därwišneŋ*** *itägen qulyŋdan jibärmä* [Әбу: 23] ‘Не отпускай из руки подол аскета ’; *Ber kön anyŋ qatyna ber därwiš kilde* [КВ: 75] ‘Однажды к нему пришел отшельник…’ и др.

Среди этой подгруппы слов встречаются лексемы *bärbär* ‘парикмахер’, *xammäl* ‘носильщик’, *säjjah* ‘путешественник’ (в современном татарском литературном языке употребляется в форме *сәяхәтче*), *bağban* ‘садовник’ *rähib* ‘монах’ активно функционирующие в старотатарском литературном языке, но утратившие свое значение и вышедшие из употребления или же замененные лексемамы исконно татарского языка или европейскими заимствованиями: *Ber* ***bağbannyŋ*** *šähärdän jyraq taw itägendä bağčasy bar ide* [КД: 75] ‘У садовника был сад на горе, далеко от города’; *qyzlar ber berenä bağyb, bäğdä xammälgä äjtdelär* ... [Әлфу: 52] ‘Девушки посмотрев друг на друга сказали носильщику’; *bän ber* ***säjjah*** *adäm* [Әлҗилдү, 4: 151] ‘Я странствующий человек’; ...’; *Ul* ***säjjax*** *kileb* ***rähibkä*** *äjtde* [КВ: 49] ‘Этот путешественник подошел и сказал монаху’. *fälän säğatdä* ***bärbär*** *jäğni sač alučy Mäsğüd al-Mägräbi kibetendä cyjylyrmyz* ... [Әлҗилдү, 5: 8] ‘... в такое-то время соберемся в магазине парикмахера Масгуда аль-Маграбия; *Ul* ***fäcirä šajtan jalčysy*** *bulyb tiz jegetne tabyb kiterde* [КД: 73] ‘Эта лгунья, служанка дьявола, очень быстро нашла и привела парня…’ и др.

Показательно, что в текстах наблюдается параллельное употребление арабского и татарского наименования, например, ***bärbär*** (бәрбәр) и ***sač / čäč alučy*** (чәч алучы) ‘парикмахер’: *fälän säğatdä* ***bärbär*** *jäğni* ***sač alučy*** *Mäsğüd al-Mägräbi kibetendä cyjylyrmyz* ... [Әлҗилдү, 5, с. 8] ‘... в такое-то время соберемся в магазине парикмахера Масгуда аль-Маграбия....’; ***čäč alučyğa*** *birde* [ТН: 155] ‘Передал парикмахеру’; ***čäč alučynyŋ*** *qulynda saf altyn buldy* [ТН: 155] ‘В руках у парикмахера было чистое золото....’; *ber az ğyna kisäk kiseb* ***čäč alučyğa*** *birde* [ТН: 155] ‘Отрезал небольшой кусок и передал парикмахеру....’ и др.

Имеются лексемы, которые перестали употребляться в апеллятивной функции, а сохранились только в ономастической подсистеме языка, например, ***Zahid*** *mundan ğyjbrät alyb julyna kitde* [КД: 73] ‘Отшельник из этого случая извлек себе урок и отправился своей дорогой…’; ***Zahid xac*** *šärifne tämam ideb öjenä kerde* [ТН: 96] ‘Отшельник, завершив

поломничество, вернулся домой....’; ***Zahid*** *julyna kitde* [Әбу: 40] ‘Отшельник ушел своей дорогой…’.

Активное употребление вышеуказанных заимствований в языке произведения объясняется тем, что они являлись нормой старотатарского литературного языка. Некоторые из них, как уже было показано, продолжают функционировать в современном татарском языке.

В текстах в единичных случаях встречаются заимствованные названия профессий из европейских языков: *bankir* ‘банкир’, *qapitan* ‘капитан’, *braxman* ‘брахман’, *pub* ‘поп’: *bän* ***bankir****, jäğni sarraf Äbu Säğadät jähüdineŋ maimyly* ... [Әлҗилдү, 5, с. 151] ‘Я обезьяна банкира иудея Абу Саадата...’; *ber gaskärem* ***qapitanğa*** *kileb äjtde: su üzerendä käh qara käh sary närsälär kürenä* ... [Әлфу: 75] ‘Один из моих воинов подошел к капитану и сообщил, что на поверхности воды видны то черные, то желтые предметы...’; ***qapitan*** *bändän sorady, ni öčen bu ilä japanda jöriseŋ dide* ... [Әлҗилдү, 4: 96] ‘Капитан спросил меня о том, что я делаю в степи....’; ***braxman*** *xäxrätlärendän ütenämen* [КД: 22] ‘Я прошу у его величества брахмана....’; *borynğy zamanda ber* ***braxman****, jäğni* ***pub*** *bar ide* [ТН: 135] ‘В древние времена жил-был некий брахман, т.е. поп....’; ***braxman*** *süzgä kerešeb dide* [КД: 23] ‘Приступив к рассказу, брахман сказал....’.

Проанализированные материалы свидетельствуют о том, что, лексика, относящаяся к роду деятельности людей, отличается многообразием по своему составу, генетической принадлежности и словообразовательным особенностям. Большая часть лексических единиц из данной группы активно употребляется в современном татарском языке. Она представляет собой продолжение традиций старотатарского литературного языка, также отражает попытки авторов найти наиболее приемлемые варианты слов, которые передают специфику собственно татарского языка. Образование новых наименований на базе татарского языка, гибридные варианты, а также попытки включения европейских заимствований в тексты показывают основные пути становления татарского литературного языка.

3.10. Лексико-тематическая группа «Природа»

Лексика, обозначающая природу, является ключевым языковым элементом и берет начало от древнетюркского языка. Данная группа лексики за периоды развития языка в семантическом аспекте не претерпела серьезных изменений. Кроме этого, на различных этапах эволюции словарный состав лексической группы «Природа» обогащался заимствованиями из арабского, персидского, русского и других языков. Одной из примечательных особенностей функционирования рассматриваемой группы лексики является ее широкий диапазон семантических возможностей. Данная группа слов, кроме функционирования в номинативном значении, употребляется для обозначения реалий окружающей действительности. В татарском языке они приобрели символическое, образно-метафорическое значение, которое возникло в результате этноколлективного анализа свойств реалий окружающей действительности. Эти особенности широко представлены в языке художественных произведений.

Тексты произведений жанра кысса репрезентируют мир арабского Востока, а также отдельные аспекты мировосприятия, связанные с ним. Авторы переводных произведений не только перевели эти тексты, а в свою очередь создали на их базе новые произведения на основе собственного мировосприятия. В татарских переводных произведениях мы встречаемся с той наивной картиной мира, которая была описана с точки зрения носителей татарского языка. Это видение особенно ярко представлено в лексике данной группы. В произведениях жанра кысса лексико-тематическая группа «Природа» активно представлена как в номинативном, так и метафорическом значениях. Также обращают на себя внимание стилистическая и экспрессивная функции этой группы слов.

3.10.1. Живая природа

3.10.1.1. Названия домашних животных

Наименование лошади представлено двумя тюркскими лексемами: в обобщенном номинативном значении лексемой ***at*** (ат) ‘лошадь’ и ***bajtal*** (байтал) ‘кобыла’ - для обозначения одного из видов лошади. Среди них наиболее активной является лексема ***at***: *jänä tuzan päjda bulyb ber* ***at*** *čyqdy* ... [Әлҗилдү, 2: 101] ‘Вновь поднялась буря и появилась лошадь...’; *Min irtägä* ***at*** *bulyrmyn, mine bazarğa ilteb sat* [КВ: 156] ‘Я завтра превращусь в коня, отведи меня на рынок и продай…’; *any čišeb alyb atlanğan idem,* ***at*** *hawağa kütäreleb očdy* ... [Әлфу: 79] ‘Я отвязал коня, сел на него, и он поднялся на небо и полетел...’; *atamyznyη meneb kitäse* ***aty*** *bu buldy* [КВ: 23] ‘Эта была лошадь, на которой отец собирался ехать верхом’; *sälam bireb* ***atyndan*** *tösde* [КД: 2] ‘Поприветствовал его и слез с коня’; ***at*** *syjxxät ulyb, tamağyna ašyj, ujnyj bašlady* [Әлҗилдү, 6: 206] ‘Конь выздоровел, начал есть и резвиться’; *šul jaqqa* ***at*** *salyb jildäj kileb jitde* [КД: 2] ‘Направив коня в ту сторону, он словно ветер промчался на место’; *padišahny ber süwekle* ***aty*** *bar ide* [КВ: 29] ‘У царя был любимый конь....’; *čalmasyn kijeb,* ***atyna*** *beneb kitde* ... [Әлҗилдү, 5: 13] ‘Одела чалму, села на коня и отправилась домой....’; ***at*** *qojryğyna katqan bozlar šikelle saqallary šaltyrap, uramnarda očrağan xalyq kölešeb,* ***artlarynnan*** *ijäreb baralar* [Абу.: 28] ‘Подобно примерзшим лошадиным хвостам, их бороды звенели, тем самым вызывая смех у прохожих на улице, которые долго следовали за ними’; ***atqa*** *meneb šähärdän čyqdy* [КД: 2] ‘Сел на коня и вышел из города....’; *qajsybyz majmun, qajsybyz käcä , qajsybyz* ***at*** *bulyb ujnadyq* [Әбу: 52] ‘Некоторые из нас представляли обезьяну, некоторые козу, некоторые коня…’; *här qajsyna berär* ***bajtal*** *bağlab* [Әлҗилдү, 4: 77] ‘Привязав к каждому из них по одному скакуну...’ и др.

Слово *at* в татарских текстах употребляется также в сравнительных оборотах: *berazdan* ***at kebi zur majmyllar*** *kileb, jirne übeb äjtdelär* ... [Әлфу: 46] ‘Через некоторое время подошли большие, как лошадь, обезьяны и поцеловав землю, сказали...’.

Тематическая подгруппа «Бык» представлена словами *ügez* (үгез) ‘бык’, *bozaw* (бозау) ‘теленок’, *qačyr* (качыр) ‘мул, лошак’: *sixer iläп uğlymny* ***bozaw*** *surätenä carijämne* ***käcä*** *surätenä qujmyšda* [Әлфу: 12] ‘При помощи магии она превратила моего сына в теленка, а наложницу в козу...’; *här kič* ***ügez*** *išäkkä doğa qylyr ide* [Әлфу: 10] ‘Каждый вечер бык благодарил осла’; *Menä julda ike* ***ügez*** *ber bere beläп oryšyb mögezläre beläп sözešeb či qanğa töškännär* [КД: 45] ‘Вот на дороге два быка бились друг с другом рогами и проливали кровь…’; ***Ügezne*** *ültereb, arslanny häläkkä jaqyn jitkezde* [КД: 23] ‘Убив быка, довел до гибели льва…’; *nä qadär* ***qačyr-däwä*** *bulsa, här qajularynyη bujynyna čaηğyraw asyb xäzer ideηez* ... [Әлҗилдү, 4: 252] ‘Сколько есть мулов и верблюдов, на шею всех повесьте колокольчики...’; *meη* ***qačyrny*** *ürmäküč awynyη jebe ilä bağlar* ... [Әлфу: 87] ‘Она может повязать паутиной тысячи мулов...’; *lägän, qomğan alyb, taxärät alyb, ikende namazyn qylyb, ikese ber* ***qačyrğa*** *beneb kitdelär* ... [Әлҗилдү, 4: 196] ‘Взяв тазик и кумган, совершив омовение и полуденную молитву, они сели на мула и тронулись в путь...’.

В этой группе отдельного рассмотрения заслуживает слово ***qačyr*** (качыр) ‘мул, лошак’, особенно часто встречающееся в сказке «Тысяча и одна ночь». В современном татарском языке это слово теряет свою активность. Так, например, в “Корпусе татарской художественной литературы” мы встретили 23 случая употребления данного слова, а в Татарском национальном корпусе «Туган тел» - 6 случаев. Оно преимущественно употребляется в исторических письменных памятниках и в произведениях исторического жанра или же в произведениях второй половины XIX - начала XX века.

Среди наименований домашних животных встречаются синонимические пары ***bäti*** (бәти) / ***quzy*** (кузы) ‘ягненок’, в этой паре литературной нормой стало слово ***bäti*** (бәти), а сохранившееся в современом турецком языке лексический вариант ***quzy*** (кузы) функционирует в татарском

литературном языке в форме ***quzyj*** (кузый) [Әхмәтьянов, 2015, 1: 463]; [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2017: 480].

Лексема тюркского происхождения ***išäk*** (ишәк) и арабское заимствование ***ximar*** (химар) ‘осел’ в текстах кысса употребляются в качестве абсолютных синонимов в номинативном значении: *mäğlumeŋez ulsyn, bän* ***ximar*** *cenesennänmen* [Әлҗилдү, 2: 101] ‘К вашему сведению, я из ослиного рода...’; *Ber aryq qara* ***išäkder*** [КВ: 51] ‘Худой черный ослик…’; ***Išäkne*** *bu xäldä küreb jöräge syqrab* [КВ: 51] ‘Увидев состояние осла, сердце его стало ныть…’. В целом, в произведениях заметно активность варианта ***išäk*** (ишәк), который стал литературной нормой.

Из домашних животных встречаются также такие наименования как ***mäče*** (мәче) ‘кот’ и ***et*** (эт) ‘собака’ как в прямом значении так и в метафорических переносах и в составе сравнительных оборотов: *cen qara* ***mäče*** *buldy* [Әлфу: 73] ‘Джин превратился в черного кота’; ***Mäče*** *qarčyqnyŋ öjendä küb ačlyqlar wä mixnätlär čikde* [КД: 15] ‘Кот в доме старухи пережил голод и много страданий…’; *bu* ***mäče*** *qarčyqnyŋ ničä jyllyq juldašy* [КД: 16]. ‘Этот кот был многолетним спутником старушки’; *šul qadär küb wä härbere* ***mäče qadär****, ere baqalar* [Әбу: 294] ‘Очень много лягушек, и каждая ростом с кошку....’; ***et*** *ätäčne däšeb äjtde* ... [Әлфу: 11] ‘Собака позвала петуха и сказала...’; ***etlär*** *kileb täğamny jijeb qujdylar, jäğni ašab beterdelär*... [КВ: 72] ‘Пришли собаки и съели еду....’; ***etdän*** *jarly bulyb qaldy* [КВ: 55] ‘Стал беднее собаки....’; *Äj padišah, bu uğlan qotyrğan* ***et kebider*** [КВ: 11] ‘Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку’; *Ber* ***et*** *balasy ber* ***mäčese*** *bar ide* [КВ: 105] ‘У него был щенок и кот…’; *bu bäläny bezgä Gacib kiterde baryŋyz ul* ***etne*** *janyma kitereŋez* [Әлфу: 255] ‘Эту беду нам принес Гаджиб, приведите ко мне этого негодяя...’; *quwyb cibäreŋez šul qart* ***etne*** [Әбу: 79] ‘Прогоняйте этого старого негодяя...’.

В текстах кысса встречаются и наименования других животных, например, ***Duŋğyz*** *aŋa zyjan itmäienčä qalmas* [КВ: 32] ‘Свинья обязательно

ему навредит....’, но такие случаи не носят регулярный характер и употребляются в единичных случаях.

3.10.1.2. Названия диких животных.

В текстах кысса из названий представителей животного мира дикой природы зафиксированы следующие лексемы: *aju* (аю) ‘медведь’, *büre* (бүре) ‘волк’, *čaqal* (шакал) *‘шакал’, qujan* (куян) ‘зайц’, *tölke* (төлке) ‘лиса’, *arslan* (арыслан) ‘лев’. Они употребляются как в прямом, так и переносном значениях для создания образности в структуре аллегорий, сравнений и других тропов. Как видно из перечисленных наименований, они все представлены лексемами тюркского происхождения.

Aju: *bän* ***ajuny*** *säŋa aqčasyz hädä itdem* **...** [Әлҗилдү, 5: 37] ‘Я подарил тебе этого медведя...’; ***Aju*** *urmandan čyğyb bağbannyŋ janyna kilde* [КД: 75] ‘Медведь вышел из леса и пришел к садовнику....’; ***Aju*** *čebenlärdän bik ğaciz buldy* [КД: 75] ‘Медведь был беспомощен от мух....’. *myğyr-myğyr ideb* ***aju kebek*** *myğyrdab* [Әбу: 58] ‘Стонал, словно медведь’; *üze ber äğlä* ***aju*** *surätendäder* [Әбу: 59] ‘Обнаружил себя в облике огромного медведя....’;

büre: *sin juldašyŋ* ***büregä*** *jawyzlyq qyldyŋ* [Әлҗилдү, 2:117] ‘Ты навредил и своему спутнику – волку...’; *Min* ***büre*** *belän šärikmen* [КВ: 22] ‘Я являюсь компаньоном волка …’; *ač* ***büre*** *qujğa sarylğan kebek* [КВ: 45] ‘Подобно тому, как голодный волк набрасывается на овцу....’; *östenä ber ač* ***büre*** *küzlären čekeräjteb kiläder* [КД: 29] ‘На него выпучив глаза идет голодный волк’ и др.

В татарской лингвокультуре слово *бүре* ‘волк’ весьма широко используется вне прямой референции. Как указывают исследователи, «Метафоризация значения слова *бүре* позволиля расширению семантического объема, появлению новых образов, ассоциаций и представлений. Еще в древности существовало двойственное отношение к волку. С одной стороны волк – тотемное животное – символ благородства, с другой – символ враждебности. В языковом сознании до настоящего времени сохранились оба культурно-семантических кода» [Галиуллина, 2011: 15].

В текстах кысса активизируется символ благородства: храбрый, мужественный воин уподобляется волку, например, *Camraqan güjä saryqlar arasyna kergän* ***büre kebi*** *bulyb, bäğzysyn qatil ideb, qalğannaryn qačyrdy* ... [Әлҗилдү, 4: 256] ‘Джамракан вклинился в толпу как волк в стадо овец, некоторых убил, других прогнал…’.

Лексема ***čaqal*** (шакал) в произведениях преимущественно употребляется в прямом значении: *Anyη xezmätendä ike danä wä ziräk* ***šaqal*** *bar ide, berenеη aty Kälilä, berenеη aty Dimnä ide* [КД: 30] ‘ У него на службе были два умных и мудрых шакала, одного из них звали Калила, другого Димна’; *qyz däxi* ***čaqal*** *surätenä kereb...* [Әлфу: 73] ‘Девушка приняла облик шакала...’.

Примечательно, что в последнем фрагменте из сказки «Тысяча и одна ночь» в арабском оригинале вместо шакала выступает волк, а в турецком переводе – шакал.

Tölke (төлке)**:** *Monda ber* ***tölke*** *bolarnyη bu mixnätle xällärenä qarab quanadyr* [КД: 40] ‘Лиса, наблюдая за трудным положением их, радовалась ....’; ***Tölkene*** *ütergän ügezlär tügel* [КД: 43] ‘Лису не быки убили ....’; *Ber* ***tölke*** *ağyzyna ber söjäk kisäge alyb su bujyna ašarğa kilde* [ТН: 83] ‘Лиса с костью во рту пришла к речке, чтобы есть…’.

Метафорическое значение лексемы *tölke* ‘лиса’, распространенное в лингвокультуре разных народов, в том числе и в татарской лингвокультуре, сохраняется и в текстах кысса. Она олицетворяет хитрость: ***tölke*** *äjtde: sin bändän xäjläkär uldyğyηa ağlarmyn* ... [Әлҗилдү, 2: 118] ‘Лиса сказала: я плачу за то, что ты оказался хитрее меня...’.

Семантическое разнообразие лексемы *arslan* (арыслан) ‘лев’, наблюдаемое в татарской культуре, отражается и в рассматриваемых произведениях. Данная лексема употребляется как в номинативном значении, например, *ğajät zur* ***arslan*** *bulyr … qulyη ilä ağyzyna suk* [Әлҗилдү, 4: 199] ‘Увидишь огромного льва … бей ему рукой по рту’, ***arslanğa*** *ğajrät kileb,*

bänem ilä bergä adäm ezlärgä kitdek ... [Әлҗилдү, 2: 100] ‘Воодушевленный лев пошел со мной искать этого человека...’.

В татарской культуре испокон веков образ льва является символом мудрости, мужества, физической и духовной силы. Данное значение наблюдается и в произведениях, например, ***Arslan*** *belän ügez mäjdanda tuzan tuzdyryb… suğyšyb tordylar* [КД: 75] ‘Лев и бык, подняв пыль, дрались на площади…’.

В народе льва называют ‘царем зверей’. Эта характеристика присутствует и в произведениях: *äj* ***xajwanlar šahy****, mäğlümeŋez ulsyn, bän ximar cenesennänmen ...* [Әлҗилдү, 2: 101] ‘О, царь зверей, к вашему сведению, я из ослиного рода...’; *Šunda jaqyn urmanda ul taraf* ***xajwanlarynyŋ patšasy*** *ğazanfar atly ber arslan tora ide* [КД: 30] ‘Недалеко оттуда, в лесу жил царь зверей этого края, лев по имени Газанфар’ и др.

Помимо этого в произведениях зафиксировано большое количество названий мелких хищников, таких как: *tyčqan* (тычкан) ‘мышь’, *lätčä* (ләтчә) ‘ласка’, *kerpe* (керпе)‘еж’ и др.

syčqan / tyčqan ‘мышь’: *ber* ***tyčqan*** *ilä ber* ***lätčä*** *ber ojada toralar ide* [Әлҗилдү, 2: 113] ‘Мышь и ласка жили в одной норе’; *Hämmä* ***syčqan*** *cyjylyb kildelär* [КВ: 105] ‘Все мыши собрались…’; *ber* ***tyčqan*** *bar ide* [Әлҗилдү, 2: 112] ‘Жила-была мышь’; *Ägär beräwneŋ* ***tyčqanlary*** *timer ašyj torğan bulsalar* [КД: 75] ‘Если у кого-то мыши могли съесть железо....’; *anyŋ bersen ber* ***tyčqan*** *kileb qyra balady* [Әбу: 60] ‘Одного из них мышь начал грызти…’; и т.д.

Как видно из примеров, фонетические варианты *syčqan / tyčqan* (тычкан) в произведениях употребляются параллельно, однако заметна активность варианта *tyčqan* (тычкан), который стал нормой татарского литературного языка.

baqa ‘лягушка’: ***baqa*** *qotylyb suğa kitde* [КД: 55] ‘Лягушка освободилась и ушла в воду ’; ***čajan*** *jözä belmider, abtyrağač göberle* ***baqağa*** *mine dä su arqyly čyğarsana dib jalwardy* [КД: 55] ‘Скорпион не умел плавать, от

безысходности, попросила жабу переправить его через реку…’; *ber kerpe ber xörmä ağačy töbendä oja totmyš* [Әлҗилдү, 2: 118] ‘Жил под пальмой некий ежь’.

Majmun (маймун) ‘обезьяна’. В литературном языке для обозначения обезьяны употребляется слово *маймыл*, как видно из нижеприведенных примеров, фонетическая форма данной лексемы отличается от литературной нормы: ***Majmun*** *awyrtudan issez bulyb jyğyldy* [КД: 35] ‘От боли обезьяна потеряла сознание…’; *qajsybyz* ***majmun****, qajsybyz käcä , qajsybyz at bulyb ujnadyq* [Әбу: 52] ‘Некоторые из нас представляли обезьяну, некоторые козу, некоторые коня…’; ***majmun*** *aryslannyŋ pajtxeten saqlarğa qadir bula almağač* [Әбу: 118] ‘Когда обезьяна не смогла защитить столицу льва…’ и др.

Jylan ‘змея’: ***Jylan*** *beraz cyylynğač čağyb ul kešene hälaq itde* [КВ: 32] ‘Когда змея согрелась, ужалила этого человека и убила…’; *uğlan* ***jylanğa oxšar*** *tuğač da anasyn čağyb hälaq idär* [КВ: 32] ‘Твой сын похож на змею, после рождения ужалит и убьет свою мать…’; *qylyčy belän* ***jylanğa*** *tašlandy* [ТН: 153] ‘С мечом напал на змею....’.

Примечательно, Ф. Халиди для обозначения диких животных часто употребляет слово *qyr* ‘дикий’: *qyr aty* [Әлҗилдү, 4:76] ‘дикая лошадь’; *qyr mäčese* [Әлҗилдү, 5: 65] ‘дикая кошка’; *qyr käcäse* [Әлфу: 33] ‘косуля’ и т.д. У других авторов такая особенность не распространена.

3.10.1.3. Названия насекомых.

Эта подгруппа лексики в текстах кысса не является репрезентативной, однако ее функциональная возможность шире. Она представлена следующими лексемами тюркского происхождения: *čeben* (чебен) ‘муха’, *qyrmysqa* (кырмыска) ‘муравей’, *borča* (борча) ‘блоха’, *ürmäkük* (үрмәкүч) ‘паук’.

Само понятие ‘насекомое’ передается лексемой арабского происхождения ***xašärät*** без лексических вариантов. В тексах не встречаются синонимические пары данной лексемы, например, слово *бөҗәк*, употребляемое в литературном языке для обозначения данного понятия*: Ägär*

kütärmägän bulsam ***xašärätkä*** *azyq bulyr ide* [КД: 13] ‘Если бы я не поднял его, он стал бы пищей для насекомых....’; ***Xašärätlär*** *belän tamaq tujdyrğan qarčyğanyŋ küze ačyldy küŋele üsde* [КД: 17] ‘У питавшегося насекомыми ястреба глаза открылись, настроение поднялось....’.

Лексема ***čeben*** (чебен) ‘муха’ употребляется в прямом и в переносном значениях или же в качестве сравнения: ***Čebenlär*** *bağbannyŋ jözenä qunyb joqlarğa birmägännän* [КД: 75] ‘Из-за того, что мухи садились на лицо садовника и не давали ему спать....’; *čeben surätenä kerde* [ТН: 159] ‘Превратился в муху’; *fil janynda torğan* ***čeben kebi*** [Әлфу: 4] ‘Как муха возле слона....’ .

Лексема ***čeben*** (чебен) употребляется также в составе пословиц или же изречений назидательно-дидактического характера: *Bal bar cirdä* ***čeben*** *cyjyla dilär* [КВ: 40] ‘Где мед, там и мухи ....’; *Suğyš könendä mal čyğarmaq* ***čebengä*** *kič bal čyğarmaq* [КВ: 40] ‘Расплатиться воинами во время войны подобно тому, что вынести мед мухам вечером ....’; *balyna* ***čeben*** *qunsa, ajağyn jalamaj jibärmäs ide* [Әбу: 91] ‘Если на мед сядет муха, он не отпускал её, пока не оближет её ножки....’ и др.

Лексема *qyrmysqa* (кырмыска) ‘муравей’ также встречается в разных функциях: в прямом значении: ***qyrmysqa*** *šähärenä očrarsyŋ* [Әлҗилдү, 4: 42] ‘Дойдешь до города муравьев’;

в сравнительных оборотах: ***qyrmysqa šikelle*** *ğaskär ber säğattä nämud buldy* [Әбу: 63] ‘Многочисленное, подобно муравьям, войско исчезло в течении часа....’.

Кроме указанных лексем, встречаются и такие как ***borča*** (борча) ‘блоха’, ***qandala*** (кандала) ‘клоп’, они употребляются, в основном, для характеристики отрицательных героев или же ситуаций*: aj* ***borča****, bu altynlarny alyrğa xäjläŋ barmy?* [Әлҗилдү, 2: 116] ‘Эй блоха, хватит ли у тебя хитрости, чтобы завладеть этим золотом?’; *Mesken čydyj almaj,* ***borča kebek****, quyšyndan čyqdy* [КД: 73] ‘Бедняжка, не смог сдержаться и вылез из дубла,

словно блоха....’; *Ačlyqdan uraq kebi bögeleb* ***qandala kebek*** *qorybsyŋ* [КД: 17] ‘Из-за голода ты согнулся словно серп, и высох словно клоп....’ и др.

3.10.1.4. Названия птиц.

В татарском языке слова данной подгруппы относятся к древнейшему и наиболее устойчивому пласту языка. По составу они в основном тюркского происхождения, кроме нескольких заимствованных названий птиц, которые не обитают на территории проживания народа. Авторы произведений используют тюркские наименования как для прямого обозначения, так и в метафорической и стилистической функциях.

В произведениях довольно большое место уделено наименованиям хищных птиц, например, *qarğa* (карга) ‘ворона’, *kügärčen* (күгәрчен) ‘голубь’, *lačyn* (лачын) ‘сокол’, *däwä qošy* (тәвә кошы) ‘страус’, *ürdäk* (үрдәк) ‘утка’, *särčä qošy* (сәрчә кошы) ‘воробей’ и др.

Лексема ***qarğa*** (карга) ‘ворона’ не несет дополнительной семантической нагрузки: ***qarğa*** *očyb ağač bašyna qundy* ... [Әлҗилдү, 2: 144] ‘Ворона улетела и села на дерево....’; ***qarğa*** *šul töjenne kütäreb očdy* [КД: 49] ‘Ворона схватила этот сверток и улетела’; ***qarğa*** *balanyŋ juğary očarğa telägen aŋlab aŋar röxsät birde* [КД: 17] ‘Ворона, узнав желание птенца высоко летать, дал ему разрешение....’; ***qarğa*** *belän* ***tutyjny*** *ber čitlekkä jabyb* [ТН: 82] ‘Ворону и попугая закрыли в одну клетку....’ и др.

В языке художественных произведений и в разговорной речи слово ***kügärčen*** (күгәрчен) ‘голубь’ имеет довольно широкий диапозон функционирования. Оно употребляется в качестве символов, сравнений, метафорических переносов, в составе паремий и фразеологических оборотов. Рассматривая функционирование данной лексемы в текстах кысса необходимо указать, что одной из особенностью является ее ограниченное употребление, то есть наиболее часто данная лексема встречается в номинативной функции, так же часто применяется персонификация, например, ***Kügärčengä*** *šeltä qylyrğa kerešeb, dide* [КД: 11] ‘Упрекая голубя, он

сказал ....’; *Ike qarendäš* ***kügärčen*** *ber ojada toryb* ...[КД: 7] ‘Два родственника голубя жили в одном гнезде ....’; *Uŋğa sulğa qaranyb barğanda ber urman janynda ber* ***kügärčen*** *kürde* [КД: 10]. ‘Когда летел, рассматривая по сторонам, увидел голубя возле леса’; *Ostazy ber* ***qarčyğa*** *bulyb* ***kügärčenneŋ*** *artyna töšde* [КВ: 156] ‘Его наставник превратился в ястреба и полетел за голубем…’; ***kügärčenne*** *bötenläj onytdylar* [КД: 10] ‘Про голубя совсем забыли....’ и др.

Употребление в прямой номинации и персонификации достаточно часто встречается и при описании других птиц. Рассмотрим наиболее распространенные случаи.

Понятие ‘сокол’ передается двумя синонимическими парами ***lačyn*** (лачын) и ***šunqar*** (шонкар) в номинативном значении: *jyrtqyčy* ***lačyn*** *kebi qošlar kileb ašamağa bašladylar* ... [Әлҗилдү, 2: 106] ‘прилетели хищные птицы на подобии сокола и начали есть....’; *ber* ***lačyn*** *hawadan atylyb kileb quzyny kütäreb alyb kitde* ... [Әлҗилдү, 2: 118] ‘Прилетел однажды сокол, схватил ягненка и улетел....’; *Xirys wä tamyğ ničä juğary oča torğan* ***šunqarlarny*** *tübän töšereb xäbes wä ačlyqğa ğaräftär itkänder* [ТН: 14] ‘Рвение и жадность опустила многих высоколетящих соколов вниз и привела к аресту и голоду ....’.

Qarcyğa (карчыга) ‘ястреб’: *taš astynnan čyğu belän* ***qarčyğa*** *totyb alyb ašamyš itde* ... [Әлҗилдү, 2: 111] ‘как только он вышел из-под камня, ястреб поймал его и съел....’; ***qarčyğa*** *balasy üseb jitde* [КД: 7] ‘Птенец ястреба вырос....’; *qoryč tyrnaqly ber* ***qarčyğa*** *kileb čyqdy* [КД: 10] ‘Появился ястреба со стальными когтями....’ и др.

Редко применяется такой прием, как персонификация: ***qarčyğanyŋ*** *küze ačylyb küŋele üsde* [КД: 17] ‘У ястреба глаза открылись, настроение поднялось....’ и др.

Для выражения понятия ‘воробей’ использованы две лексемы ***särčä qošy*** (сәрчә кошы) и ***čypčyq*** (чыпчык): ***särčä qošy*** *buny küreb bän häm anyŋ kebek idärem didekdä* … [Әлҗилдү, 2: 118] ‘Воробей, увидев это, сказал: я тоже так сделаю....’; ***čypčyq*** *däxi küb zamandan birle ana čypčyq janyna barğany*

juq ide [КВ: 41] ‘Воробей еще давно не посещал свою подругу’; *bäs ana* ***čypčyq*** *šeltä qylyb äjtde* [КВ: 41] ‘Однако, воробей предупредил его’; *Xazrät Söläjman xezmätendä ber qara* ***čybčyq*** *bar ide* [КД: 41] ‘В службе у пророка Соломона был черный воробей....’.

Как видно из примеров, из этой синонимической пары наиболее употребительным является лексема ***čypčyq*** (чыпчык), которая впоследствие укоренилась как литературный вариант. Как указывает исследователь двуязычных словарей XIX века А.Ш. Юсупова, в этот период данная лексема была зафиксирована во многих словарях [Юсупова А.Ш. https://kpfu.ru/staff_files/F952895073/radlov.pdf]. Наименование ***särčä qošy*** (сәрчә кошы) не сохранилось в языке, по крайней мере, в “Большом диалектологическом словаре татарского языка” оно не зафиксировано. Также в “Татарско-русско-латинском словаре орнитонимов” мы не нашли данную лексему [Сафина, 2018]. Вероятно, термин ***särčä*** использован Ф.Халиди под влиянием турецкого языка, т.к. в Русско-турецком словаре слово *Serçe* переводится как ‘воробей’ [https://ru.glosbe.com/tr/ru/serçe].

Понятие ‘филин’ передается лексемой ***bajğyš*** и использовано в прямом и переносном значении: *berär* ***bajğyš*** *ber-berenä qaršy utyryr* [КВ: 61] ‘Сидели два филина и смотрели друг на друга’; *qarčyq* ***bajğyš*** *kebi* [ТН: 7] ‘Старуха, словно филин…’; и др.

Для выражения понятия соловей’ в татарском языке употребляются две лексемы: древнее заимствование в тюркский язык ***sanduğač*** (сандугач) и персидское ***bylbyl*** (былбыл), которые длительное время параллельно функционируют в татарском литературном языке. Хотя в функциональном плане все же существует незначительная разница, например, для обозначения птицы более функциональным является слово *сандугач*, а слово *былбыл* распространено в художественной литературе и разговорной речи как стилистическая фигура. В исследуемых нами произведениях мы не заметили значительной разницы в функциональном плане, оба наименования исплользуются как в номинативном значении, так и как стилистическая

фигура. Более того, в кысса “Кырык вәзир” мы заметили совместное употребление этих наименований в одном контексте, например, *Tutyj,* ***bylbyl*** *wä* ***sanduğačlar*** *sajrab ber ocmax oxšašly ber jirder* [KB: 8] ‘Там поют попугаи и соловьи, место похоже на рай…’.

В текстах чаще эти наименования выступают в переносном значении или в качестве сравнений. Рассмотрим примеры из произведений: ***bylbyl kebek*** *fäsyjx telen ačyb äjtde* [Әбу: 11] ‘Он, красноречиво, как соловей, сказал....’; ***bylbyl kebek*** *teleŋne ačyb söjlä* [KB: 158] ‘Расскажи своим красноречивым, как соловей, языком....’; *xatyn* ***sanduğač kebi*** *ah-wah dijeb xuš awaz ilä qyllarny čirteb ničä cyrlar cyrlady* ... [Әлҗилдү, 5: 188] ‘Женщина с красивым голосом, как соловей, играя на струнах, пропела несколько песен...’ и др.

Для выражения понятия ‘попугай’ в произведениях в прямом значении с применением приема персонификации используется персидское заимствование ***tutyj*** (тутый), которое наиболее часто встречается в “Тутыйнаме”: ***tutyjnyŋ*** *tärbijäsen häm aŋar tabšyrdy* [TH: 6] ‘Уход за попугаем также передал ей....’; *Bik aču belän* ***tutyjğa*** *äjtde* [TH: 85] ‘Она очень разгневанно сказала попугаю…’; ***tutyj*** *üzenä qarağan kešegä šundyj jaqty jöze belän xuš ömidlek idär ide, här kürgän keše tutyjğa ğašyjq bulyb kitär ide* [TH: 56] ‘Попугай каждому человеку, который обращал ему внимание проявлял такое радушие, что каждый увидевший его влюблялся в него…’; ***tutyj*** *kamil däxi bäğze waqytlarda Xuca Säğid janyna kileb kiteb jörer ide* [TH: 175] ‘Попугай иногда посещал Ходжу Сагида’; ***Tutyj*** *äjtde: äwälge zamanda Hind jortynda ber säwdägär bar ide* [TN: 10] ‘Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец…’; *Munyŋ däxi ber ğaqylly wä ğalim* ***tutyjsy*** *bar ide* [TN: 10] ‘У него был умный, ученый попугай …’ и многое др.

Примечательно, что в литературный язык данное наименование, наряду с указанной лексемой, проникло и в формате составного слова *тутыйкош.*

Из лексики, связанной с птицеводством, в текстах кысса отмечены лексемы *ätäč* (әтәч) ‘петух’ и *tawyq* (тавык) ‘курица’, *ürdäk* (үрдәк) ‘утка’: *ul*

*urynda ber **ätäč**, ille **tawyq** bar ide ...* [Әлфу: 5] ‘На том месте находились петух и пятьдесят кур....’; *et **ätäčne** däšeb äjtde ...* [Әлфу: 11] ‘Собака позвала петуха и сказала....’; *qulyn xurcingä tyğyb, altyndan ber tabaq aldy ečendä qajnar xälendä majğa qyzdyrylmyš ike **tawyq*** [Әлҗилдү, 4: 196] ‘Сунул руку в корзину, достал оттуда золотую чашу, в которой лежали две горячие жареные в масле курицы’; *Ber **ätäč** bulyb taryny čübli bašlady* [КВ: 157] ‘Превратившись в петуха, начал собирать крупинки просы…’: *äj **ürdäk**, sän ibne adämdän saqlan ...* [Әлҗилдү, 2:100] ‘Эй утка, берегись человека ...’; ***qaz** uğyrlab käbab qylğanyn padišahqa söjläde* [КВ: 110] ‘Рассказал царю, как он украл гуся и зажарил его…’ и др.

В произведении «Тысяча и одна ночь» также имеются названия ***däwä qošy*** (тәвә кошы) ‘страус’ и мифической птицы огромной величины –***rux*** ‘рух’: *aldymyzda ber **däwä** qošy bulyb any quwyb barsak da…* [Әлҗилдү, 2: 95] ‘Несмотря на то, что мы бежали за страусом, который был впереди нас....’; ***rux** digän qoš bar ...* [Әлҗилдү, 4: 80] ‘Есть такая птица рух...’.

Образные сравнения, пословицы, свойственные татарскому литературному языку, в составе которых употребляются наименования птиц, в текстах произведений жанра кысса усиливают воздействие описываемых событий и происшествий на читателя: ***qarčyğa** awyzyndan töšeb qalğan čebeš kebek bulyrlar* [Әбу: 62] ‘Станут как цыпленок, выпавший из клюва ястреба…’; *wä küzenä jäš görläwek, wä bu mixnät utynnan ötelgän **tawyq bulyp** ber ah čikte* [Әбу: 273] ‘Из его глаз ручьем (текли) слезы, он охал, словно опаленная огнем страданий курица....’; *irtägese kön **tawyğyndan** bügengese kön jomyrqa artyqdyr* [ТН: 83] ‘Яйцо сегодня нужнее, чем курица завтра…’ и др.

3.10.1.5. Слова, связанные с растительным миром

Лексика данной лексико-семантической подгруппы в большинстве случаев употребляется в стилистически нейтральном, номинативном значении. Как и предыдущая группа, она состоит их тюркских основ, которые представляют собой основу татарского литературного языка.

Для обозначения дерева используется лексема ***ağač*** (агач): *ağar su bujynda* ***ağačlar*** *arasynda barğanda* ... [Әлҗилдү, 4: 247] ‘Когда шел вдоль реки среди деревьев....’; *alma* ***ağačy*** *töbenä qujyb* ... [Әлфу: 26] ‘Положив под яблоню....’; *ber kerpe ber xörmä* ***ağačy*** *töbendä oja totmyš ide* ... [Әлҗилдү, 2: 118] ‘Жил-был некий еж под финиковой пальмой....’; *Ber* ***ağačdan*** *ğajre berkem juq ide* [КД: 72] ‘Кроме дерева, ничего не было....’; *Šäjäd,* ***ağač*** *telgä kiler* [КД: 72] ‘Возможно, дерево заговорит....’; ***Ağačlarny*** *tamyry belän suyryb aldy* [КД: 9] ‘(Ветер) вырвал деревья вместе с корнем....’; *ul jirneη bolynlary wä* ***ağačlary*** *wä sulary wä čäčäkläre wä gölläre bik kilešde* [КД: 9] ‘Луга, деревья, реки и цветы той области ему очень понравились....’.

Данная лексема встречается и в составе устойчивых выражений в переносном значении: *Säfär šundyj ber* ***ağačdyr****, anyη jimeše mäšäqat wä zäxmätder* [КД: 8] ‘Путешествие такое дерево, его плоды – хлопоты и мучения....’.

Понятие ‘плод’ в текстах кысса предстaлено двумя лексемами: тюрко-татарским словом ***jimeš*** (җимеш) и персидским заимствованием ***miwä*** (мивә): ***jimešlär*** *pešeb toryr* [КВ: 8] ‘Плоды созревали…’; *ber* ***jimešne*** *özeb aldy isä urynyna ikenčese üsä toryr* [КВ: 98] ‘Если сорвешь плод, то на его месте вырастит другой ....’.

Если первая лексема преимущественно функционирует в номинативном значении, то слово ***miwä*** (мивә) чаще встречается в переносном значении*: küηelemneη* ***miwäseder*** *wä cihan xalqynyη terägeder* [КВ:17] ‘Плод моей души и опора народов мира …’. *Cämiğ kämaläteηne latafät* ***miwäse*** *belän tutyrsyn* [ТН: 9] ‘Пусть твои достойности заполнит плодами нежности …’. Данная лексема затем перешла в разряд архаизмов.

Помимо этого в произведениях в номинативном значении зафиксированы такие слова, как *ülän* (үлән) ‘трава’, *japraq* (яфрак) ‘лист’, *anar* (анар) ‘гранат’, *sarymsaq* (сарымсак) ‘чеснок’, *arpa (apna)* ‘ячмень’, *boğdaj* (богдай) ‘пшеница’и др. Например: *su üzrendä jörergä däwa bulğan* ***ülänne*** *anyη äjtüwe ilä alyb* [Әлҗилдү, 4: 36] ‘Получив по его подсказке траву,

при помощи которой можно ходить по поверхности воды....'; ***Üläп*** *ni öčen üsä?* [КВ: 49] 'Почему растет трава?'; *ğyfrit ber* ***anar*** *bulyb jirgä atylyb* [Әлфу: 73] 'Джин превратился в гранат, и бросился на землю...'; ***sarymsaq*** *isen sizdermä* [КВ: 101] 'Не давай почувствовать запах чеснока…'; *arpa sačqan boğdaj urmas…*[КВ: 70] 'Что посеяшь, то пожнешь (букв.) кто посеял ячмень, не собирет пшеницу....'; *sab-sary* ***boğdaj*** *belän tulmyš* …[ТН: 65]'Полон желтым зерном'; *ber jäšel* ***japraq*** *ečendä qujyb xälwä kitereb* [Әлҗилдү, 2: 17] 'Принесла сладости, завернутые в зеленом листе....'.

Представленная в последнем примере лексема *japraq* (яфрак) в литературном языке приняла фонетическую форму *яфрак*, а фонетический вариант *йапрақ*, характерный для народно-разговорного языка, стал частью татарского диалектного языка [Татар теленең зур диалектологик сүзлеге, 2009: 234].

Лексема *boğdaj* (богдай) 'пшеница' также претерпела фонетические изменения: в литературный язык она перешла в форме *бодай*.

Интересным, на наш взгляд, является употребление синонимической пары ***čäčäk*** (чәчәк - тюркское название цветка) *и* ***göl*** (гөл – персидское заимствование). В современном татарском литературном языке наблюдается семантическая дифференциация в употреблении этих лексем, которая заключается в том, что слово *чәчәк* преимущественно используется для обозначения цветка в целом, а лексема *гөл* – декоративных цветов [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 135, 670]. В произведении "Калила и Димна" мы видим их употребление в качестве самостоятельных наименований: ***čäčäklärgä*** *wä* ***göllärgä*** *zäwyğynnan ğomeren ul bağčada jalğyz ütkärä ide* [КД: 75] 'От любви к цветам, он проводил свою жизнь в саду, один....'.

В целом, в произведениях преобладает лексема ***göl*** (гөл), которая является показателем высокого книжнего стиля татарского языка и употребляется в прямом и переносном значениях, в составе сравнительных оборотов, например, *qyzyl* ***göl*** *bulyb padišahnyη aldyna töšde* [КВ: 156]

‘Превратившись в красного цветка, упал перед правителем…’; ***göl*** *jirgä tošeb tary bulyb sačylyb kitde* [KB: 156] ‘Цветок упал на землю, превратился в просу и рассыпался …’; ***göl*** *jözle…* [TH: 4] ‘Красивая как цветок...’; *Bädiğyl Camalnyη jöze* ***göl kebi*** *ačyldy ...* [Әлҗилдү, 5: 90] ‘Лицо Бадигуль Джамала раскрылось как цветок]; *ber* ***göl*** *räjxan bar ide* [TH: 153] ‘Там рос цветок Базилика’; *küze* ***göl*** *čäčägenä tošde* [TH: 73] ‘Взгляд её упала на цветок…’ и др.

Таким образом наименования, обозначающие живую природу в большинстве своем представлены тюркскими словами, которые составляют основу народно-разговорного языка и основной фонд литературного языка. В функциональном плане они, кроме номинативной функции, играют важную стилистическую роль. В текстах кысса широко распространен такой прием как персонификация, что вызвано жанровой особенностью этих произведений. Лексических вариантов рассмотренных наименований немного. Также мы в ходе исследования пришли к выводу, что семантическая дифференциация, которая характерна для отдельных лексем современного татарского литературного языка, в текстах кысса еще не установилась.

Художественная актуализация образов животных и птиц привлекает читателя, особенно детей, и облегчает процесс восприятия сказочного мира. В качестве персонажей жанра кысса выступают как дикие, так и домашние животные. При этом первые преобладают над вторыми. Они являются носителями определенных человеческих качеств, со своими изъянами и пороками. В силу своего назидательного характера сказки осуждают негативные черты характера героев, тем самым способствуют процессу воспитания читателя.

3.10.2. Неживая природа

Из названий, связанных с водными ресурсами, следует указать активное употребление следующих слов: *qyjy/quduq* (кое /кудук) ‘колодец’, *kül* (күл) ‘озеро’, *diŋgez* (диңгез) ‘море’, *cylğa (елга)* ‘река’*, därja (дәрья)* ‘очень широкий водоём, большая река, море’, *jyrmaq* (ермак) ‘канал’.

Понятие ‘колодец’ представлено двумя лексемами в номинативном значении: ***qyjy*** (кое) и ***quduq (***кудук): *ğaräbne čišendereb, alyb čyğyb, bašyn kiseb ber* ***qyjyğa*** *tašlady* ... [Әлфу: 48] ‘Он раздел раба, вывел его из шатра, отрубил голову и бросил в колодец...’; *bu zindanda ber počmaqda ber* ***quduq*** *bar ide* ... [Әлҗилдү, 2: 139] ‘В углу темницы находился колодец...’; *ber diwana ber* ***qojyğa*** *taš salyb* [КВ: 41] ‘Безумец бросил камень в колодец…’; *Xezmätčelär mony totyb* ***qojyğa*** *saldylar* [КВ: 104] ‘Слуги поймали его и бросили в колодец....’; *Padišahnyŋ ber tirän* ***qojysy*** *bar ide* [КВ: 104] ‘У царя был глубокий колодец....’; ***Qojy*** *jänä tub tuly su buldy* [КВ: 33] ‘Колодец сново заполнился водой....’; ***Qojy*** *awyzyna čaqly tub tuly su ide* [КВ: 33] ‘Колодец до самых краев был полон водой....’; *Tyrmaša tyrmaša* ***qojydan*** *čyqdy* [КД: 12] ‘С большими усилиями он вылез из колодца....’.

Приведенные примеры демонстрируют, что Ф. Халиди в сказке «Тысяча и одна ночь» параллельно употребляет эти две лексемы, у других же авторов преобладает лексема *кое*, ставшая литературной нормой. Фиксируя малоупотребительность слова ***quduq*** (кудук) в изучаемых произведениях, можно говорить о постепенном выходе его из употребления уже в исследуемом периоде (оно уступило место народно-разговорному варианту ***qyjy*** (кое)).

Для выражения большого водоема в языке кысса употребляются два наименования: лексема тюркского происхождения ***diŋgez*** (диңгез) и персидское заимствование ***därja*** (дәрья), семантические и функциональные аспекты которых весьма своеобразны. В основном, они употребляются в прямом значении: *bunlar jide* ***diŋgezne*** *üteb, ber tawğa jiteb* ... [Әлҗилдү, 4: 37] ‘Они прошли через семь морей, и дошли до горы’; *bän* ***diŋgez*** *suyn ečäm läkin*

seznең ağyz ilä [Әлҗилдү, 4: 182] ‘Буду пить морскую воду, однако вашими ртами; ***Diңgezdä*** *köjmäm suğa batdy* [КВ: 42] ‘Моя лодка утонула в море ...’; *bän* ***därjada*** *jozeb, ğazablanyb* ***carğa*** *čyğyb, kijemläremne kibdereb jatyb joqladym* ... [Әлҗилдү, 4: 38] ‘Я долго плыл по реке, с трудом вышел на берег, высушил одежду и лег спать....’; *Nil* ***därjasy*** *tašyb taw šikelle tulqynlar Misyrğa ağyb kiler* [КВ: 8] ‘Поднялась река Нил и волны поплыли в сторону Египта…’; ***därja*** *tašmağa bašlab tawnyη tübäsena jitkändä qajyqğa benmeš keše kileb sine qajyqğa utyrtyr* ... [Әлфу: 77] ‘Когда река достигнет вершины горы, приплывет к тебе лодочник и посадит тебя к себе в лодку....’; ***därja*** *čitenä jitdelär* [ТН: 159] ‘Доплыли до берега реки’; ***därja*** *jaqasyna čyqdylar* [ТН: 164] ‘Вышли на берег реки....’.

В текстах встречается также их употребление в переносном значении, в семантике которых на первый план выходит значение ‘много, большое количество чего-нибудь’, например, *ul nadanlyq häm* ***axmaqlyq diηgezenä*** *batyb ğafil bulmağyz dijeb küb wäğazlär äjteb* ... [Әлҗилдү, 4: 255] ‘Он призывал их не впадать в море невежества и глупости, и не быть беспечными ...), ***fiker därjasyna*** *čumdyη* ... [Әлҗилдү, 3: 19] ‘(букв.) ‘Ты погрузился в реку мысли...’, *ämma* ***mäxäbbät därjasy*** *qajnasa bus wä däräğut wä bädän läjläjni nušdan jäğni übešmäk qočynmaqdan mäηeğ juqdyr* [Әбу: 27] ‘Если река любви начнет бушевать, поцелуям и объятиям нет запрета’. В таких случаях авторы проводят распространенное в татарском языке образное сравнение для создания представления у читателя. В татарском языке весьма активно употребляется сравнение большого количества чего-либо или кого-либо с морем, например, *хыял диңгезе, халык диңгезе, хисләр диңгезе, гыйлем диңгезе, хисләр дәрьясы, халык дәрьясы* и др.

При сравнении этих двух лексем необходимо подчеркнуть, что они отличаются в семантическом плане, *диңгез* – конкретное обозначение моря, а *дәрья* – всякого большого водоема; отличие наблюдается и в функционально-стилистическом плане: *диңгез* – лексема тюркского происхождения и она является единицей общеупотребительного языка, *дәрья* – персидского

происхождения и относится к книжному стилю. Несмотря на указанные различия, в переносном значении их семантика совпадает,.

Другие наименования употребляются без лексических вариантов в номинативном значении, являясь активной частью словарного состава литературного языка: *mäzkür jahüd **cylğasyna** citeb, šimbä kön bulğač cylğa kibeb, qoryb betkäč* ... [Әлҗилдү, 4: 48] ‘Они дошли до упомянутой реки Яхуд, когда наступила суббота, река начала высохать и когда окончательно высохла....’; *öjlä waqytyna qadär kileb ber **jyrmaq** bujyna jitkäč* [Әлҗилдү, 4: 198] ‘Ехали до полудня и доехали к водному каналу’; *Cudär äjtde: bän ul külgä mäğräbilärne tašlab, här kön jöz altyn aludan tuqtamam* ... [Әлҗилдү, 4: 191] ‘Джудар сказал, что не перестанет бросать в это озеро марокканцев и получать каждый день по сто золотых монет’; *Ber aqčarlaq ber **kül** jaqasynda maqam tota ide* [КД: 47] ‘Жила-была некая чайка на берегу озера’.

В текстах кысса в номинативном значении употребляется большое количество лексем, связанных с земной поверхностью, среди которых чаще встречаются следующие: *čoqyr* (чокыр) ‘яма’, *baz* (баз) ‘яма’, *taw/tağ* (тау) ‘гора’, *taw tišege* (тау тишеге) / *mäğarä* (мәгарә) ‘пещера’, *dala* (дала) / *saxra* (сахра) / *japan* (япан) ‘степь’, *car* (җар /яр) ‘берег’, *urman* (урман) ‘лес’, *batqaqlyk* (баткаклык) ‘болото’: *ber kön awda jörgändä bal ilä tuly ber **čoqyr** kürde* ... [Әлҗилдү, 4: 140] ‘Однажды во время охоты он случайно наткнулся на яму, наполненную медом....’; *Ber **bazğa** üläksälär arasyna atdylar* [КД: 17] ‘Бросили в яму, в кучу падали…’; *Bu **čoqyrnyŋ** janynda fäläntčä jirdä ber xäzinä bar* [КД: 3] ‘Возле этой ямы, на таком-то месте есть сокровищница…’; ***tawnyŋ** tübäsena jitkändä qajyqğa benmeš keše kileb sine qajyqğa utyrtyr* ... [Әлфу: 77] ‘Когда (вода) достигнет вершины горы, приплывет к тебе лодочник и посадит к себе в лодку...’; *šähäremne dürt **tağ** itde* ... [Әлфу: 48] ‘Она превратила мой город в четыре горы’; *Ber **taw** tišegendä ber nurani qart utyradyr* [КД: 2] ‘В пещере сидит светлый старик’; *Tübäse kükkä tigän ber bijek **tawğa** jitde* [КД: 9] ‘Доехал до высокой горы’; *Ber **taw** tišegenä syjynyb … ul kičäne ütkärde* [КД: 10] ‘Укрывшись в горной пещере … провел ту ночь’; *Bez*

taw *artyndaǧy sähärdänbez dide* [КВ: 9] ‘Сказал: мы из города, который (находится) за горой....’; *Küŋele Sarandab* ***tawlarynda*** *säir itde* [КВ: 6] ‘Его душа путешествовала на горах Сарандаб’; ***Tawny*** *tamaša qylyb jörgändä ber ujsu jirgä jitde* [КД: 2] ‘Когда ходил, рассматривая гору, дошел до низины…’; ***Saxra*** *ber bašyndan ikenče bašynača bötenläj bağča bulyb …* [КВ: 8] ‘Пустыня с одного до другого конца превратился в сад…’; ***Saxrağa*** *ber majdanğa čyqdylar* [КВ: 20] ‘Вышли на площадку в пустыни’; *ägär šähärgä kitsä ğarib jänä qulğa tošerer dijeb tuğry* ***dala-qyrğa****, jağni* ***saxrağa*** *kitde* ... [Әлҗилдү, 4: 246] ‘Боясь в городе попасть в руки Гариба, он сразу направился в степь...’; ***Saxra*** *tarafyndan ber xuš awaz išetelä bašlady* [ТН: 82] ‘Со стороны пустыни стал слышен приятный звук’; *qapitan bändän sorady, ni öčen bu ilä* ***japanda*** *jöriseŋ dide* ... [Әлҗилдү, 4: 96] ‘Капитан спросил меня о том, что я делаю в степи...’; *ošbu kürgän kebi ber* ***mäğarä*** *qapusyna baryrsyŋ* [Әлҗилдү, 5: 121] ‘Ты пойдешь к воротам пещеры, похожей на эту’; *Ber* ***mäğarädä*** *utyryr ide* [КВ: 10] ‘Сидел в пещере....’; *Ber jyl muttasyl* ***mäğarädä*** *jatyb* … [Әбу: 7] ‘Прожив целый год в пещере…’; ***mäğarä*** *qapusy ačyla* [Әбу: 7] ‘Открывается ворота пещеры....’; *Ber* ***taw tišegendä*** *ber nurani qart utyradyr* [КД: 2] ‘В пещере сидит светлый старик’; *Ber* ***taw tišegenä*** *syjynyb ... ul kičäne ütkärde* [КД: 10] ‘Укрывшись в горной пещере … провел ту ночь’; *zur* ***urmanğa*** *kereb, julny adašyb baqčağa jitdem* ... [Әлҗилдү, 4: 297] ‘Я вошел в лес, заблудился и наткнулся на этот сад....’; *Uŋğa sulğa qaranyb barğanda ber* ***urman*** *janynda ber kügärčen kürde* [КД: 10]. ‘Когда летел, рассматривая по сторонам, увидел голубя возле леса’; *jazarğa diŋgez suwy qara bulsyn,* ***urman*** *ağačlary kaläm bulsyn, jazyb beterä almas ide* [Әбу: 16] ‘Если даже морская вода станет чернилой, а деревья лесов пером, все равно не смогли бы описать это....’; *Šäjäd esse könnär bulyb bu* ***batqaqlyk*** *kibär* [КД: 27] ‘Возможно будут жаркие дни и это болото высохнет’ и др.

Рассмотренные выше наименования по своему происхождению являются тюрко-татарскими словами, кроме арабских заимствований *saxra* (сахра) и *mäğarä* (мәгарә).

В функционировании наименований *taw/tağ* (тау) и *jar* (җар /яр) наблюдается фонетическое варьирование. В первом случае вариант *tağ*, функционирующий в старотатарском литературном языке, перешел в разряд архаизмов. Из фонетических вариантов *jar* (җар / яр) литературной нормой татарского языка стал вариант *яр*, а *җар* продолжает функционировать в диалектной подсистеме языка.

Что касаетсся синонимической пары *taw tišege* (тау тишеге) / *mäğarä* (мәгарә), следует заметить, что в произведениях распространено употребление арабского варианта *мәгарә*, который стал литературной нормой, а вариант *taw tišege* встречается только в языке Г. Фаезханова. Этот вариант в настоящее время функционирует в разговорной речи татар.

Синонимическая парадигма, обозначающая ‘степь’, в текстах представлена словами *dala* (дала) / *saxra* (сахра) / *japan* (япан), в значении которых наблюдается семантическая дифференциация. В частности, *дала* – прямое обозначение данного понятия, семантика слова *сахра* более обобщающая, оно означает песчаную пустыню, безводную, голую степь [Гарәпчә-русча, 1993: 504] *япан* – пустырь, степь, земля [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 733]. В процессе становления татарского литературного языка слово *япан* утратило активность в общеупотребительном плане и сохранилось в диалектной подсистеме языка. В частности, оно широко употребляется в хвалынском, бугурусланском, пермском, нагорном и стерлитамакском говорах среднего диалекта, а также в мелекесском говоре мишарского диалекта [Татар теленең зур диалектологик сүзлеге, 2009: 233].

Мы не наблюдали активного функционирования вышерассмотренных слов вне прямой номинации, однако некоторые из них встречаются в составе паремий, например, *Kešegä qazyğan* ***bazğa*** *üzeŋ töšärseŋ* [КД: 5] ‘В яму, которую ты рыл кому-то, попадешь сам’; *Irken* ***urmanny*** *tar itdelär* [КД: 9] ‘Превратили просторный лес в тесный…’.

В целом, лексемы, обозначающие неживую природу, в текстах кысса занимают значительное место. Они, кроме номинативного значения, употребляются в качестве метафор и тропов. Как показал анализ массивного корпуса произведений, часть из них представлены в различных лексических и фонетических вариантах, что демонстрирует переходный этап становления литературных норм татарского языка. В процессе становления татарского литературного языка отдельные слова перестали употребляться в качестве общеупотребительной лексики и остались составной частью диалектного языка.

ВЫВОДЫ ПО III ГЛАВЕ

1. В настоящем исследовании в рамках тематических групп определено и представлено лексическое ядро исследуемых произведений и выявлены семантические особенности лексических единиц, функционирующих в текстах кысса, прослежено их место в татарском литературном языке. Принимая во внимание общность слов по формальным и семантическим признакам, при анализе учтены экстралингвистические факторы, влияющие на формирование и развитие семантики того или иного слова внутри тематической группы, а также на возможности последующего закрепления наиболее приемлемых и воспринимаемых носителями языка лексичесих единиц в татарском литературном языке.
2. Исследование показало, что в текстах заметно активное функционирование различных лексем, генетически восходящих к разным языковым группам, которые служат для обозначения того или иного понятия. Также выявлено, что лексический состав произведений позволяет проследить процесс лексико-семантических изменений, происходящих в языке конца XIX - начала XX века и специфику становления татарского литературного языка. Выявлено,

что в литературном языке изучаемого периода семантическая дифференциация отдельных группы слов еще не полностью была установлена. В процессе развития языка на последующих этапах постепенно произошла такая дифференциация.

3. Изучив лексический состав произведений жанра кысса, мы выделили следующие лексико-семантические элементы: заимствования - специфические слова и выражения, которые проникли в национальный язык преимущественно из арабского и персидского языков; семантические дивергенты - слова и выражения, которые, имея одинаковую форму в языке оригинала или в языке-посреднике, но отличаются своим смысловым содержанием в татарском языке; слова и выражения, которые при одинаковом содержании в языке оригинала, в языке-посреднике имеют специфическую форму выражения в татарском языке; слова и выражения, которые в современном литературном татарском языке имеют различную частоту употребления или различную стилистическую окраску.
4. С лексико-семантической точки зрения выявлено, что тексты кысса не сводятся к простой трансформации текста при переводе: они позволяют судить о ментальности и языковых особенностях не только транслирующего, но и принимающего народа.
5. В языке произведений жанра кысса, в силу особенностей жанра и того, что произведения классифицируются как вторичные, мы наблюдаем функционирование целого ряда слов для обозначения отдельных понятий. Они, наряду с лексическими единицами из разных подсистем татарского национального языка, образуют целые синонимические парадигмы. Лексический состав произведений образует единый контекст арабско-персидских литературных и языковых традиций, особенностей народно-разговорного языка в оригинальной интерпретации авторов, которые сумели объединить

эти особенности и сделать для татарского читателя востребованными.

6. Влиянию арабской культуры и ислама наиболее подвержена тематическая группа «Религиозная лексика». Как и многие памятники литературы Востока, переведенные в конце XIX - начала XX века на татарский язык, произведения в жанре кысса также переплетены религиозными мотивами, которые, в свою очередь нашли отражение в лексике изучаемых текстов. Они представлены преимущественно в номинативных значениях и употребляются для обозначения объектов действительности.
7. В текстах мы не встречаем частого лексического варьирования, однако четко наблюдается разветвленная семантическая деривация. Семантический и функциональный диапазон таких базовых лексико-тематических групп, как «Человек», «Соматизмы», «Природа», «Действия и состояние человека», «Термины родства» и др. весьма обширный и большинство из них активны и в современном татарском языке. Доминантой в этих группах выступают лексемы тюрко-татарского происхождения, они демонстрируют богатство и своеобразие народно-разговорного языка.
8. Лексика текстов кысса представляет собой продолжение традиций старотатарского литературного языка, также показывает попытки авторов поиска наиболее приемлемых синониических вариантов слов, которые отражают специфику собственно татарского языка. Образование новых наименований на базе татарского языка, гибридные варианты, а также попытки включения европейских заимствований в тексты показывают основные пути становления татарского литературного языка.
9. Исследование, проведенное в этой главе, дает основание полагать, что авторы произведений акцентировали внимание на активное

включение в состав произведений элементов народно-разговорного языка, тем самым закладывая основы современного татарского литературного языка. Этот факт, в свою очередь, еще раз доказывает, что авторы текстов кысса внесли существенный вклад на становление татарского литературного языка, основанного на разговорный язык.

ГЛАВА 4. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ КЫССА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ТРАДИЦИЙ

Конец XIX – начало XX века в истории татарского литературного языка – особый, переломный период. Начинает формироваться татарская нация и зарождается татарский литературный язык, складываются нормы литературного языка. Поскольку данный период характеризуется синтезом старотатарских письменных традиций и народно-разговорного языка, литературный язык, в целях соответствия специфическим требованиям различных разговорных типов, развивается в рамках функционально-стилистической вариативности. Литературная норма и вариативность норм в области грамматики проявляется в грамматическом значении и грамматических формах. В текстах кысса эта особенность отчетливо видна в области морфологии. По этой причине в своей работе мы акцентируем внимание на морфологических особенностях изучаемых художественных произведений.

Язык татарской прозы конца XIX – начала XX века существенно отличается от языка религиозно-дидактической или поэтической литературы. Как указывают авторы коллективной монографии «История татарского литературного языка (XIII – начало XX века)», в произведениях, сочиненных в период конца XVIII по начало XX века, расширяется функции регионального тюркского языка, в зависимости от цели произведения, в функционировании языка наблюдается усиление вариативности. Эти реалии заявляют о себе на уровне общественно-политического мотива, когда сознательно выражается отношение к адресату. При этом расширяется функционирование народно-разговорного языка; два вида тюркского языка начинает функционировать в произведениях одного и того же автора; ярче проявляются жанрово-стилистические особенности; изменение стиля

описания в художественной прозе влияет на использование письменного языка [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 30].

В рамках рассматриваемого нами исторического периода усиливается тенденция слияния классического письменного языка с формами народно-разговорного языка и элементами фольклорного языка. Данная тенденция наиболее ярко выражается в таком жанре как кысса. В то же время, учитывая общественно-культурную среду, в которой создавались произведения, а также принимая во внимание их особенность как вторичных текстов, необходимо акцентировать влияние османско-турецкого языка на грамматическую структуру произведений. Об этой особенности, характерной не только для переводных произведений, но и для языка в целом, пишет исследователь истории татарского языка Р.Ф. Мирхаев: «Кроме традиционных особенностей, которыми классический старотатарский письменно-литературный язык характеризуются в целом, и собственно татарских форм, в этих произведениях, тем не менее, наблюдается широкое употребление языковых элементов османо-турецкого происхождения. В дальнейшем происходит сближение языка прозы с общенародно-разговорным языком» [Мирхаев, 2015: 51].

Поскольку каждый текст доводился до читателя только в письменной форме, при изучении грамматической структуры языка нам приходится обращаться к графофонетике и графоморфологии. В области графофонетики татарского литературного языка конца XIX – начала XX века нашла отражение литературная норма, присущая двум вариантам языка: написание арабо-персидских заимствований подчинялось правилам языка оригинала, тюрко-татарские слова писали согласно соответствующим правилам. Проявление вариативности норм наблюдалось, когда эти правила не соблюдались [Бәширова, 1999: 531-532]. В области графоморфологии литературная норма и вариативность норм проявляется, как уже указали, в грамматическом значении и грамматических формах.

Эти языковые особенности отчетливо проявляются в исследуемых нами произведениях, переведенных на татарский язык литераторами и просветителями.

При анализе морфологических особенностей произведений, относящихся к жанру кысса, мы опираемся на научно-исследовательский опыт предшественников-татарских языковедов, обращаемся к теоретико-методологическим концепциям, сложившимся в татарском языкознании. Наша цель заключается в том, чтобы наглядно продемонстрировать традиции, существующие в языке, а также случаи и причины вариативности морфологических форм в языке анализируемого периода, показать степень влияния оригинальных текстов на вторичные тексты, создаваемые татарскими просветителями, попытаться определить инвариантную форму, впоследствии ставшей литературной нормой современного татарского языка.

4.1. Имя существительное

Лексические единицы, являющиеся именами существительными, составляют основной фонд словарного состава языка. Данной части речи в татарском языке присущи такие грамматические категории, как число, падеж, принадлежность и сказуемость

Категория числа

Эта грамматическая категория является универсальной и встречается во всех языках. Она выражает количественные характеристики предметов мысли [Языкознание…, 2000: 583]. В татарском языке, как и во всех тюркских языках, данная грамматическая категория отражается в формах, выражающих единичность или неизвестную множественность предметов [Татар грамматикасы, 2016: 34]. Для единственного числа выделяются три семантического типа: 1) единичность (основное значение), 2) общность, 3) внепарность [Языкознание…, 2000: 584]. Также в системе этой категории особое место занимают собирательные имена существительные.

Единичность предметов в изучаемых произведениях выражается нулевым окончанием (Ø): ***qarčyq*** *kileb bäradäremgä äitde: äfändem sine ni ešläsälär dä razyj bul, ber süz dimä…* [Әлфу: 183] ‘Старушка подошла и сказала моему брату: мой господин, что бы с тобой не делали, будь доволен, ничего не говори…’; *bu matur* ***carijä*** *bülmädä jalğyz qalğan ide* [Әлфу: 203] ‘Эта красивая рабыня в комнате осталась одна’; ***uğlan*** *jänä hič cawab birmäde* [КВ: 5]; Мальчик опять ничего не ответил’; ***xatyn*** *äjtde äj canymdan artyq ğazizem…* [КВ: 5] ‘Женщина сказала: о дорогой мой, дороже моей души….’; *nurani* ***qart*** *utyradyr* [КД: 2] ‘Сидит приятный старик’; ***qarğa*** *belän* ***šağal*** *moŋa qaršy töšdelär* [КД: 66] ‘Ворона с шакалом возражали ему’; ***ir bala*** *dönjağa kilde* [ТН: 3] ‘Родился мальчик….’**;** ***qyz*** *kürde ki…* [ТН: 82] ‘Девушка увидела, что….’; *diŋgez urtasynda ber* ***cilkän*** *päjda buldy* [Әбу: 61] ‘В середине моря появился парус…’; *Oluğ* ***ağač*** *üskän ide* [Әбу: 60] ‘Выросло большое дерево…’.

В арабо-персидских заимствованиях единственное число также выражается нулевой формой окончания: ***padišah*** *belän söjläšeb utyryrlar ide* [КВ: 8] ‘Сидели, разговаривали с правителем’; ***Padišah*** *äitde* [Әбу: 61] ‘Правитель сказал…’.

Единичность в текстах передается также аналитическим способом при помощи числительного *ber* ‘один’: ***ber jyl*** *alarnyŋ qaiğysynnan ğomer ütkärgäč* [Әлфу: 203] ‘Целый год он прожил в горести и печали’; ***ber märtäbä*** *jözen kürgäč ikenče märtäbä kürergä muštaq idelär* [КВ: 37] ‘Люди, увидевшие один раз его лицо, хотели еще раз его увидеть’; ***ber säğat*** *qadäre qarab säjir qyldy* [КВ: 8] ‘Совершил ознакомительную прогулку в течение одного часа….’; ***ber kälimä*** *süz teleŋä kitermä* [КВ: 5] ‘Не произноси ни одного слова’; *mämläkät ešlärendä* ***ber ağyzly*** *bulsynlar* [КД: 4] ‘В государевых делах пусть все имеют одно мнение’; *qajğyly küŋelemne* ***ber däqiqa*** *suxbätläre belän kinändersä ide…* [КД: 3] ‘Мою страдающую душу обрадовал бы кратким своим присутствием ….’**;** *ägär küŋelenä oxšamasa* ***ber comğa*** *ečendä qajtarmaq ixtijaryn šart qyldylar* [ТН: 5]. ‘Если не понравится, то договорились вернуть это в течение одной

недели’; ***ber jyldan*** *birle … firaq uty belän bäğrem köjeb* [ТН: 7] ‘Уже больше год в моем сердце горит огонь разлуки’; ***ber kič*** *šul käjfijätdä ač jalanğač qaldy* [Әбу: 62]. ‘В таком образе целый вечер остался голодным и голым…’.

Для выражения множественного числа используется окончание ***–lar/-lär:*** *jortyna barub xatunyğa häm* ***balalaryna*** *qyjssany söjläb…* [Әлфу: 14] ‘Вернувшись домой, рассказав жене и своим детям историю...’; *wäli alarğa* ***xezmätkärlär*** *birde* [Әлҗилдү, 5: 16] ‘Вали дал им несколько служащих’; *barča asyl* ***tašlarymny*** *aldy* [Әлфу: 12] ‘Он отобрал все мои драгоценные камни’; *bu* ***ešlär*** *ğaqylğa ber dä tuğry kilmäjder* [КВ: 7] ‘Эти дела уму не постижимы’; *kükdäge* ***joldyzlarnyŋ*** *xisaby bulyr* [КВ: 9] ‘Их число равно числу звезд на небе’; *padišah* ***qylmyšlarynda,*** *xosusan jort* ***ešlärendä*** *jiŋellek ideb, ašyqmasyn* [КД: 5] ‘Царь в своих поступках, особенно в хозяйственных делах, пусть не ищет легких путей и не спешит’; *sin säfär* ***mäšäqatlären*** *tartqanyŋ juq* [КД: 8] ‘Ты еще не сталкивался с трудностями во время путешествия’; *barča* ***dustlaryn*** *jijyb* [ТН: 39] ‘Собрал всех друзей’; *tarafynda küb* ***awyllar*** *wä* ***šähärlär*** *tözelmeš ide* [ТН: 2] ‘Вокруг него было возведено много городов и сел…’; ***belgüčelär*** *küb ide* [ТН: 3] ‘Было много знающих’; ***jirläre*** *munča tašy kebek qyzğan* [Әбу: 60] ‘Их земли раскалились как камень в бане…’; ***üläntär*** *köjgän* [Әбу: 63] ‘Трава сгорела…’; ***ajaqlary*** *qabarğan* [Әбу: 60] ‘Ноги его опухли…’.

В текстах произведений жанра кысса наблюдается вариативность двух литературных норм языка: первая, касающаяся графофонетики, окончание множественного числа – *lar* пишется с алифом и без алифа; в переводе произведения «Тысяча и одна ночь», как и в текстах рассказов «Рассказ сорока визирей», «Калила и Димна» и «Абугалисина кыссасы» форма с алифом لار – *lar* используется для передачи твердого гласного (а); форма без алифа لر – *lär* передает мягкое гласное –(ä); а в произведении «Тутыйнаме» форма без алифа لر – используется для передачи окончания – *lar / – lär*.

Множественное число также выражается формой ломанного множественного числа арабских заимствований: *bunyŋ munčasyna* ***äkäbir*** *häm*

türälär kererlär ide [Әлҗилдү, 4: 145] ‘В его бане парились великие люди и чиновники’; *misyr* ***dijärendä*** *Gomär isemendä ber säwdägär bar ide* [Әлҗилдү, 4: 186] ‘В Египете жил-был купец по имени Омар’; *jort* ***äxwälenä*** *wä zamana iqtizasyna bik zarur bulmasa, padišah jaŋa ešlär čyğaryrğa kerešmäs* [КД: 5] ‘Если у царя не будет интереса к хозяйственным делам и задачам современности, то он не будет создавать новые направления деятельности’; *donjanyŋ* ***äxwälen*** *beleb, üzemä täcribä xasil qylyrğa telimen* [КД: 7] ‘Хочу увидеть мир и приобрести опыт’; *ähle* ***täwarix*** *šul räwešle näqyl qylğanlar ki…* [ТН: 2] ‘Историки рассказали, что…’; *barča* ***fadail*** *wä kämälät mändäder* [ТН: 5] ‘Все достоинства и совершенности (имеются) у меня’; *monyŋ xäl* ***äxwälen*** *soraŝdylar* [Әбу: 63] ‘Спрашивали про его состояние…’.

Однако, в тюркских языках, в том числе и в татарском языке, имя существительное без аффикса *-lar/-lär* может обозначать как единичный предмет, так и множество предметов. Эта особенность наблюдается и в языке исследуемых произведения, где единственное число указывает на общность: *šähärdä* ***qyz*** *qalmady, qalğan* ***qyz*** *bulsa da qurquyndan qačmyšlar ide* [Әлфу: 7] ‘В городе девушек не осталось, если и остались, то от страха все спрятались’.

Относительно этого явления исследователь татарского литературного языка конца XIX – начала XX века И.Б. Баширова отмечает, что «… в отличие от современного литературного языка в исследуемый период, до творчества писателей-классиков, нет четкого выражения раздельного множества совокупных единиц при употреблении во мн. числе собирательных существительных…» [Баширова, 1999:16].

В некоторых случаях множественность передается сочетанием морфологического и семантического способов. Это отчетливо прослеживается в произведениях «Тысяча и одна ночь» и «Калила и Димна»: ***bezlär*** *bu qarčyqny ezläb jörimez* ... [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Мы разыскиваем эту старушку’; *bäğzysy* ***sezlärne*** *istäb*... [Әлҗилдү, 2: 19] ‘Некоторые хотели (вас посадить на престол)...’; ***xalyqlar*** *äjtdelär* [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Люди сказали...»’; ***ğaskärlärdän*** *ber sorajym* [Әлфу: 78] ‘Как-нибудь спрошу у воинов’; ***barčalary***

xušsyz bulyb jatalar... [Әлҗилдү, 5: 15] ‘Все лежат без сознания...’; *barča* ***ğaskärlären*** *cämeğ ideb tuj qyldy…* [Әлҗилдү, 4: 155] ‘Собрал всех воинов и сыграл свадьбу…’; ***ğaskärlär*** *cömläse* ***bezlär*** *razyjmyz didelär* [Әлҗилдү, 4: 217] ‘Все воины сказали, что согласны’; ***sezlärdän*** *ütenämen bu tuğryda jaxšy ujlab ... miŋa kiŋäš bireŋez* [КД: 6] ‘Я прошу вас хорошенько подумать и дать мне совет’. Присоединение аффикса множественного числа к местоимениям в современном татарском литературном языке отсутствует, данная особенность наблюдается только в разговорной речи татар. Употребление двойной множественности было характерным явлением для классического тюркского языка. Как отметил ученый В.Х. Хаков, эта форма широко использовалась в высокопарном стиле для выражения вежливости и глубокого уважения [Хаков, 1993: 36].

Множественность выражается и при помощи количественных числительных: ***ike*** *bäradär mäğlüm täräzädän qarab,* ***jegerme*** *carijä ilä* ***jegerme*** *ğaräbne kürgäč...* [Әлфу: 5] ‘Два брата, посмотрев из окна, увидели двадцать рабынь и двадцать рабов…’; ***öč*** *kön istiräxät ideb* [Әлфу: 25] ‘Отдохнув три дня...’; *qyz qapčyq čyğaryb jözek sanady,* ***biš jöz*** *jözek buldy* [Әлфу: 7] ‘Девушка достала мешок и посчитала количество перстней, набралось пятьсот штук’; ***biš*** *adämlär ilä totyb bunda kiterdek* [Әлҗилдү, 5: 11] ‘Мы впятером ее поймали и привезли сюда’; ***ike*** *qarendäš kügärčen ber ojada toryb* [КД: 7] ‘Два родственника-голубя жили в одном гнезде’; ***ike*** *dust qočaqlašyb bäxilläšdelär* [КД: 9] ‘Два друга обнялись и попрощались’; ***ike*** *batyr küzlären čekeräjteb ber bersenä qasd ittelär* [КД: 7] ‘Два героя, выпучив глаза, мстили друг-другу’; ***ike*** *ajağym qartlyq čoqyryna batdy* [ТН: 39]; ‘Обе ноги провалились в яму старости’; ***dürt*** *jäšenä jitkändä ostazğa birdelär* [ТН: 39] ‘В четыре года отдали учиться’; ***unbiš*** *jäšenä kilgändä eš wä käsebkä kertdelär* [ТН: 39] ‘Когда исполнилось ему пятнадцать лет, устроили его на работу’; ***meŋ*** *aqča sadäqa bir* [ТН: 39] ‘Подай в качестве милостыни тысяча монет’; ***jide*** *bašly ber ašdaxa jatadyr* [Әбу: 60] ‘Лежит семиглавый дракон’; ***Ike*** *barmaq qadär tamyry bar* [Әбу: 60] ‘(У дерева) имеются корень с двух пальцев…’.

Также наблюдается употребление арабских заимствований в форме двойного множественного числа: имена арабского происхождения в ломанной форме множественного числа употребляются с аффиксом множественного числа *–lar/–lär*: *barča närsälären* ***aqribalaryna*** *tabšyryb* [Әлҗилдү, 5: 20] ‘Все свои вещи передал своим родственникам’; *šaxzadä* ***äxbäbläre*** *ilä auğa barsa atasy anyŋ öčen xäwef idär ide* [Әлҗилдү, 2: 20] ‘Когда царевич со своими близкими выходил на охоту, отец переживал за него’; *ber kön Misyr padišasy mäclesendä* ***ğülämälär*** *cyjylyb* [КВ: 7] ‘Однажды у египетского царя собрались ученые…’; ***täwarixlarda*** *jazylybdyr ki Hindstanda ber däwlätle padišah bar ide* [КД: 2] ‘В книгах по истории написано о том, что жил в Индии богатый царь’; ***äxwälläre*****n** *sorašyrğa barmas buldy* [ТН: 39] ‘Перестал проведовать их (родителей)’; *junan* ***xukämälärendän*** *öjenä kileb ber tabib mosafir buldy* [ТН: 94] ‘Пришел к нему домой путник – один из врачей-целителей Греции’; ***äwlijälär*** *qaberenä zijärät qyla qyla kitdelär* [Әбу: 4] ‘Они отправились посещая могилы святых…’.

Употребление некоторых арабо-персидских заимствований мн. числа с одновременным присоединением аффикса –лар также является литературной нормой языка произведений конца XIX – начала XX вв. [Бәширова, 1999: 14].

Следует подчеркнуть, что в исследуемых произведениях пассивна форма множественного числа на *–нар/-нәр,* являющаяся современной литературной нормой, которая присоединяется к словам, оканчивающимися на носовые согласные.

Категория принадлежности

Другая важная категория имени существительного связана с принадлежностью, которая выражает отношение предмета к какому-либо лицу. В языке исследуемых произведений она выражается морфологическим и морфолого-синтаксическим способами. В целом, в произведениях жанра кысса преобладают формы, образованные морфологическим способом. Семантика и грамматические формы, зафиксированные в произведениях, активны и в современном татарском языке.

1 лицо единственного числа и по форме, и по грамматическому значению соответствует современному татарскому языку. В грамматической форме множественного числа произошли незначительные изменения, т.к. в произведениях того периода вместо аффиксов *–быз/-без/-ыбыз/-ебез* употреблялся фонетический вариант *–мыз/-мез/-ымыз/-емез*, характерный для огузской группы тюркских языков, что системно прослеживается и в текстах кысса: *äj **bäradärem**, üz küzegez ilä kürsäŋez* [Әлфу: 5] ‘О, мой брат, если бы вы своими глазами увидели бы…’; *äj **qardäšem**, bänem janyma kilgännän birle kajğyŋyz artub syrxawyŋyz köčäjde…* [Әлфу: 12] ‘О, мой родственник, с тех пор как Вы ко мне приехали, печаль Ваша увеличилась и болезнь усилилась…’; *bänem **seŋlem** bardyr* [Әлфу: 12] ‘У меня есть младшая сестра’; *läkin **xucamyznyŋ** xatyny ber bulğanğa, anyŋ xateren riğajä qyladyr…* [Әлфу: 11] ‘Однако, наш хозяин имеет одну жену и заботится о ней’; ***canymdan** artyq **ğazizem**…* [КВ: 5] ‘Дорогой мой, дороже моей души…’; *äj **canym**, uğyl* [КВ: 4]. ‘О, душа моя, сынок…’; ***canymnyŋ** cany, uğyl* [КВ: 4] ‘Душа моей души, сынок…’; *äj **uğylym**, bu kön ni uqydyŋ, ni jazdyŋ* [КВ: 4] ‘О, сынок мой, сегодня что читал и что писал?’; *mänem **wasyjätemne** totmaq kiräk* [КВ: 4] ‘Надо будет соблюсти мое завещание’; *sin mänem **anam*** [КВ: 5] ‘Ты моя мама’; ***köjmäm** suğa batdy* [КВ: 9] ‘Моя лодка утонула’; *mal mämläkät bezneŋ **qulymyzda** bulsyn* [КВ: 6] ‘Пусть богатство и власть будет в наших руках’; *äj **ğazizem!*** [КД: 7] ‘О, мой дорогой!’; *äj ğaziz **dustym!*** [КД: 8] ‘О, мой дорогой друг!’; *äj **soltanym!*** [КД: 2]. ‘О, мой царь!’; *qaraŋğy **quyšym**…* [КД: 2] ‘Моя темная пещера…’; *qačanğa čaqly bu tar **ojamyzda** jabylyb toryrmyz* [КД: 7] ‘До каких пор будем сидеть взаперти в нашем гнездышке’; *taš **jasdyğym**…* [КД: 3] ‘Моя каменная перина’; ***ojamyznyŋ** počmağynda tynyč jat* [КД: 11] ‘Лежи спокойно в углу нашего гнезда’; *boradärem qulyna timer köräk alyb **janymyzğa** kilde ...* [Әлфу: 60] (Мой брат с железной лопатой в руках подошел к нам...); ***ojamyznyŋ** počmağynda tynyč jat* (КД: 11) ‘лежи спокойно в углу нашего гнезда’; *äj **küzem** nury* [ТН: 39] ‘Свет моих глаз’; ***küŋelemneŋ** šatlyğy* [ТН: 39] ‘Радость моей души’; *mänem **ğomerem** baqčasynyŋ jafraqlary sarğajdy*

[ТН: 39] ‘Листья моего сада жизни пожелтели’; *mänem* ***ečem*** *xikmät encese wä mäcrifät cäwhäre belä tuluğdyr* [ТН: 5] ‘Моя душа полна жемчугами мудрости и драгоценностями знаний’; *ni* ***gönahym*** *bar?* [Әбу: 62] ‘В чем я виноват?’; ***bäğremne*** *pärä pärä qylyb,* ***ğaqylymny*** *pärišan wä üzemne zar wä ğarjan itde* [Әбу: 26] ‘… разорвал мое сердце, лишил меня разума, и заставил меня стонать и плакать’.

Во всех текстах кысса нами регистрируется особенность, часто наблюдаемая в сказках, в фольклорных текстах: форма принадлежности 1лица единственного числа, реже 2-го лица множественного числа, активно употребляется в составе обращений. Эта особенность отчетливо прослеживается и в вышеперечисленных примерах. В работе “Татар әдәби теле тарихы” этот момент описывается в отноошении произведений К. Насыйри [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 331-332].

2 –е лицо: *xucamyz ülärgä toradyr, sin* ***xatynlaryŋ*** *berlän zäwyk wä safa itmäktä…* [Әлфу: 11] ‘Наш хозяин находится в предсмертном состоянии, а ты со своими женами развлекаешься и веселишься…’; ***üzeŋezgä*** *muafiq mälik kujyŋyz, bän Sälimne qatyil qyldym* [Әлҗилдү, 4: 217] ‘Назначьте себе достойного царя, я (царя) Салима убила…’; *sineŋ bu ğaräb janynda ni* ***ešeŋ*** *bar…* [Әлфу: 196] ‘Что ты делаешь у этого раба…’; ***bändäŋezgä*** *näfis täğamlar, näfis xälwälär jidereb, näfis šäräblär ečereb* [Әлфу: 198] ‘Вашего раба накормили изумительными блюдами и сладостями, напоили прекрасными винами…’; ***uğlyŋ*** *siŋa qasd qyladyr* [КВ: 6] ‘Твой сын мстит тебе’; *sineŋ* ***janyŋa*** *künderde* [КВ: 4] ‘Отправил к тебе’; *siŋa ni buldy* ***xätereŋ*** *bulaj bik xafačylyqda bulyb qajğyly toryrsyŋ* [КВ: 5] ‘Что с тобой случилось, душа твоя в страхе, вид печальный…’; *ägär ber* ***išäräteŋez*** *bulsa* ***zijäräteŋezgä*** *bez baryr idek* [КВ: 8]’ Если бы вы дали знать, мы бы вас навестили’; ***dustlaryŋ*** *wä jaxšy* ***juldašlaryŋ*** *bulsa ğyna xušdyr* [КД: 3] ‘Хорошо только тогда, когда у тебя есть друзья и достойные спутники’; ***qolyŋyznyŋ*** *küŋelenä bu uj kiläder…* [КД: 7] ‘В голову Вашего раба приходит такая мысль…’; *bu* ***männäteŋezne*** [КД: 3] ‘Эту Вашу милость’; *äfärin* ***mäğrifäteŋä*** *wä …* ***zihineŋä*** [ТН: 5] ‘Браво твоей

памяти и знаниям’; *mäzkür* ***süzläreŋez*** *bašqa qoš wä xajwanlarğa nisbät idälär* [ТН: 5] ‘Вышеупомянутые ваши слова относятся к другим птицам и животным’; *därwišneŋ itägen* ***qulyŋdan*** *jibärmä* [Әбу: 23] ‘Не отпускай из руки подол аскета’ и др.

Как видно из примеров, форма единственного числа 2-го лица стала нормой современного литературного языка, а формы множественного числа *–ңыз/-ңез/-ыңыз/-еңез*, свойственные письменному языку и активно функционирующие в анализируемых произведениях, впоследствии стали архаичными формами и вышли из употребления.

3 –е лицо единственного числа образуется формами –ы/-е: ***xatyny*** *häm bän ber wakyt säŋa karyšmam, ber ešne dä soramam dijeb jämin äjläde…* [Әлфу: 12] ‘Его жена поклялась о том, что никогда не будет больше сопротивляться ему и интересоваться его делами…’; *bu qyzğa* ***mäxäbbäte ğyjšqy*** *artyb ašaw-ečüdän mäxrüm qaldy* [Әлҗилдү, 4: 168] ‘Из-за сильной любви к девушке он не смог ни есть, ни пить…’; ***ostazy*** *jir astyna jäšereneb qačdy* [КВ: 4] ‘Его наставник спрятался под землей’; ***atasy*** *äjtde…* [КВ: 4] ‘Отец его сказал…’; ***anasynyŋ*** *janyna alyb bar* [КВ: 4] ‘Веди его к матери’; *xalyqnyŋ* ***ğazize*** *bulsyn* [КД: 6] ‘Пусть будет любимцем народа’; *därwišneŋ* ***süzen*** *qabul itde* [КД: 3] ‘Он согласился с мнением дервиша’; ***küŋele*** *jomšady* [КД: 3] ‘Сердце его растаяло’; *xodaj* ***rizasy*** *öčen* [КД: 2] ‘Ради бога…’; *kön* ***čyğyšy*** *jağyna …* [КД: 2] ‘В направлении восхода солнца ...’; *xästä* ***küŋelenä*** *šifa bulmas* [КД: 8] ‘Не будет спокойствия его израненной души’; *monyŋ ber* ***uğly*** *bar ide* [ТН: 5] ‘У него был сын…’; *kešeneŋ hönär wä* ***mäcrifäte*** *bulğanda malğa* ***ixtijacy*** *bulmas* [ТН: 5]. ‘Если у человека имеются знания и профессия, то у него не будет нужды в деньгах’; *tuj* ***ämerlären*** *jirenä jitkergännän soŋ…* [ТН: 39] ‘После завершения свадебной церемонии…’; *hicrätneŋ öčjöz jitmeš öčenče* ***jylynda*** *Buxara* ***wiläjätendä*** *šäcäğ digän awylda* [Әбу: 3] ‘В триста семьдесять третьем году по хиджре в деревне Шаджаг Бухарской области…’; *xälwä satučylar* ***uramyna*** *turğy kilde* [Әбу: 17] ‘… дорога привела его на улицу продавцов сладостями’.

В текстах произведений также преобладают изафетные конструкции II типа: ***šähär xalqy*** *aldynda ciŋelgängä bik xurlandy* [Әлҗилдү, 4: 167] ‘Очень стыдился перед жителями города за свое поражение…’; ***namaz waqyty*** *ütäder…* [Әлҗилдү, 4: 173] ‘Время молитвы проходит…’; *bu* ***carijä süzenä*** *ošanyb jöräk päräŋezne juk ideb…* [Әлҗилдү, 4: 165] ‘Поверив словам этой рабыни, убив частичку своей души…’; ***misyr padišahy*** … [КВ: 7] ‘Египетский царь ...’; *kürde* ***misyr šahärenä*** *ber ut totašqan* [КВ: 8] ‘Увидел, что в египетский город охватил огонь’; ***Nil därjasy*** *tašyb taw šikelle tulqynlar Misyrğa ağyb kiler* [КВ: 8] ‘Река Нил переполнилась и огромные как гора волны двигались в сторону Египта’; ***can läzzäteder*** [КД: 8] ‘Наслаждение души ...’; ***ağač botağynda*** [КД: 7] ‘На ветке дерева...’; ***firaq awyrlyğyn*** *hičnärsä jiiŋel itmäs* [КД: 8] ‘Тяжесть разлуки ничто не может облегчить’; ***padišah täxete*** [КД: 3] ‘Царский трон...’; ***Babil šähärendän*** *säwdägärlär kileb* [ТН: 5] ‘Приехали торговцы из города Вавилон...’; ***därja säfärenä*** *kitmäk buldy* [ТН: 6] ‘Хотел совершить морское путешествие’; ***saba jile*** [ТН: 6] ‘Утренний ветер...’; *tabaq-sawytlary* ***fil balyğy*** *söjägendän* [Әбу: 34] ‘Посуда из костей кита…’; ***xäjlä tozağyna*** *ğaräftär buldy* [Әбу: 83] ‘… угодила в ловушку обмана’; ***Fil balyğy*** *kisägen mäcleskä čyğaryb saldy* [Әбу: 35] ‘Кусок кита вынес и положил на трапезный стол...’; ***at qojryğyna*** *katqan bozlar šikelle ….* [Әбу: 28] ‘Подобно примерзшим к лошадиным хвостам льдинки…’.

В текстах исследуемых произведений активны конструкции, образованные по типу *Inyŋ+Iy* (изафет III): *läkin* ***wäzirneŋ qyzy*** *Šäxräzad xaräm sarajğa barğanda seŋlese Dönjazadka äjtde…* [Әлфу: 12] ‘Дочь визиря Шахрезад по пути во дворец своей сестре Дуньязад сказала…’; *bän išetdem, ber* ***wäzirneŋ*** *ğajät matur cyrğa osta ber* ***carijäse*** *bar dijeb* [Әлҗилдү, 4: 100] ‘Я слышал о том, что у какого-то визиря есть прекрасная, красиво поющая рабыня…’; ***mälikneŋ sarajyna*** *kerdek* [Әлҗилдү, 4: 155] ‘Мы вошли во дворец короля’; ***šähärneŋ čitenä*** *čyğyb ...* [Әлфу: 189] ‘Выйдя на окраину города…’; *bu* ***jegetneŋ süzläre*** [Әлфу: 176] ‘Слова этого парня’; ***šähärneŋ tyšynda*** *ber mäğarädä utyryr ide* [КВ: 11] ‘Находился в пещере за городом’; ***bašmaqčynyŋ***

kibetenä *tuğry kilde* [КВ: 9] ‘Наткнулся на ларек обувщика’; ***wäzirlärneη nasyjxäte*** *xuš kürende* [КВ: 11] ‘Совет визирей ему понравился’; ***fäqirlärneη xälenä*** *märxämät belän qarab* [КД: 2] ‘Относился к беднякам милосердно’; ***alarnyη*** *xarab* ***xällären*** *tözätde* [КД: 2] ‘Помог им выйти из крайнего положения’; ***padišahnyη*** *bizälgän* ***sarajy*** [КД: 3] ‘Роскошный дворец царя’; ***jarlylarnyη öjlärenä*** *kereb* [КД: 3] ‘Посещал дома бедняков’; ***padišahnyη ajaq astyna*** [КД: 3] ‘Под ноги царя’; ***öjneη išegen*** *ačyb* [ТН: 4] ‘Открыв дверь дома’; ***bäk uğlynyη ğyšqy*** *könnän kön artyb* [ТН: 7] ‘Любовь сына бека изо дня в день усиливалась’; ***bäk uğlynyη küze*** *tošeb* [ТН: 7] ‘Сын бека влюбился’; ***därwišneη itägen*** [Әбу: 23] ‘… подол аскета…’.

Однако параллельно тюркскому изафету в текстах кысса можно встретить арабские изафетные конструкции: *män ägär hälaq bulsam,* ***jaumul xäšrdä*** *bänem qanym sändän soralyr…* [Әлҗилдү, 4: 172] ‘Если я погибну, то в день воскресения за мою смерть ты будешь в ответе’; *Aldatmanyη maturlyğyna qarab anyη* ***xasäne camalenä*** *baqyb isereb ğašyjqlyğyndan barčalary ciηeler ide* [Әлҗилдү, 4: 167] ‘Они, опьянев от редкостной красоты Алдатмы, все потерпели поражение’; *carijälär* ***änwagu tağam*** *šärab kitereb* [Әлҗилдү, 4: 168] ‘Рабыни принесли различные блюда и напитки…’; *ul kičä* ***wisalu cinan*** *ilä därdlären basdylar…* [Әлҗилдү, 4: 175] ‘В тот вечер они, достигнув уединения, успокоили свои страсти…’; *padišahlarnyη bere* ***xubbu zinan*** *jägni xatynlar söjü ilä mubtälä ide* [Әлҗилдү, 4: 130] ‘Один из правителей страдал любовью к женщинам’; *soηra* ***kälimäi šähädät*** *kitereb* ... [Әлҗилдү, 5: 102] ‘Позже прочитал слова исповедания веры’; ***isme ägzäm*** *xaqy öčen tugry cawab bir, xilaf cawabdan saqlan* [Әлфу: 29] ‘Ради Всевышнего скажи правду, берегись лжи’; *xurul-ğajn oxšašly qyzlar* [КВ: 10] ‘Девушки, похожие на гурий ...’; ***axirul–ämer*** [КВ: 12] ‘В конце концов...’; ***tariqu ğyjšyqny*** *ügrätü öčen bik ixlas belän čitlek janyna kileb* [ТН: 9] ‘Чтобы обучиться способам любви, она простодушно подошла к клетке’; *ul šähärdä ğalimlär wä* ***ğylme nucum*** *belgečläre küb ide* [ТН: 39] ‘В том городе было много ученых и астрологов’; *ber könne* ***äwlijä allahi*** *zijärätenä baryb … doğa qyldy* [ТН: 2] ‘Однажды он

совершил поломничество на кладбище святых, где возложил молитвы…’; ***Riwajän äxbär*** *wä* ***näqyjlän äsär*** *ošbu tariq üzrä* ***riwajät qylyrlar ki...*** [Әбу: 3] ‘Как сообщают летописцы и утверждают сказители…’; *Gömär ibn Xattabqa* ***jawmu-l-qyjämätdä*** *Xaq Cällä wä Gallä xäzrätläre sö’äl idär* ... [Әлфу: 208] ‘В судный день Всевышний спросит Омара ибн Хаттаба....’.

Помимо отмеченных выше, в текстах жанра кысса имеют место и конструкции так называемой персидской изафы: *july* ***xälwä frušlär****, jäğni xälwä satučylar uramyna turğy kilde* [Әбу: 17] ‘… дорога привела его на улицу продавцов сладостями…’; *ber jyl mäğarädä jatyb,* ***ğoli biabanğa*** *biŋzäleš, jäğni biğajnihi urmandağy šüräle kebek bulğan ide* [Әбу: 17] ‘… прожив целый год в пещере, они походили на степных привидений, то есть на шурале’; ***šah zadä*** *padišahnyŋ jöräk bäğerläreder* [КВ: 17] ‘Принц дорог царю как частичка сердца ....’; *Bähwäcneŋ ber* ***šah zadäse*** *bar ide* [ТН: 65] ‘У правителя Бахваджа был сын…’; *Wäzir* ***zadäne*** *bik jamanlab zarlandy* [ТН: 82] ‘Очень сильно жаловалась на сына визиря....’; *bu* ***zina wäläd kä*** *qyzymny birmäm* ... [Әлҗилдү, 4: 234] ‘Я не отдам свою дочь этому незаконнорожденному....’; *bu eš* ***adäme zadäneŋ*** *qulyndan kilä torğan eš tügelder* [Әбу: 9] ‘Это дело не по силам рук сына Адама’; *äj xäkim,* ***xikmäte šunas,*** *bu nä xyjaldyr*… [Әбу: 11] ‘О, мудрец, философ, что это за фантазии…’; *äj* ***šahinšah*** *cihan, bu xaqyjrä wä käminä carijäŋez Saba padišahynyŋ döxtäremän* … [Әбу: 11] ‘О, величайший царь мира, эта Ваша мерзкая и скрытная рабыня, являюсь дочерью Сабейского царя...’.

Таким образом категория принадлежности имени существительного представлена разнообразными формами и вариантами форм. Их большая часть является показателем преемственности старотатарской письменной традиции, что отражается как в синтетических формах, так и в аналитических конструкциях, заимствовоанных из арабского и персидского языков.

Падежная система

Падежная система произведений жанра кысса представлена шестью формами, что соответствует реальности современного татарского языка. Падежная система тюркских языков, состоящая из шести падежей, восходит

к древнетюркскому языку-основе [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, 1984: 23-28]. В рассматриваемых произведениях мы наблюдаем функционирование смешанного типа падежных аффиксов.

Основной падеж не имеет формальных показателей и служит для обозначения субъекта или объекта действия и синтаксически, в основном, используется как подлежащее: ***qarčyq*** *äjtde…* [Әлҗилдү, 5: 114] ‘Старушка сказала…’; ***anasy*** *by xalne kürgäč…* [Әлҗилдү, 5: 117] ‘Когда его мать увидела это дело…’; ***wäzir*** *äjtde…* [КВ: 7] ‘Визирь сказал…’; *ber* ***uğly*** *bar ide* [КВ: 12] ‘У него был сын’; ***bolyt*** *uzdy…* [КД: 10] ‘Туча прошла…’; ***qarčyğa*** *kileb čyqty* [КД: 10] ‘Появился ястреб...’; ***qart*** *kilde …* [ТН: 2] ‘Старик пришел…’; ***Mahšäkär*** *äjter ide …* [ТН: 2] ‘Махшакар говорила…’; ***Xuca Säğid*** *kürde ki …* [ТН: 39] ‘Ходжа Саид увидел…’; *ber oluğ* ***šähär*** *bar ide …* [ТН: 2] ‘Это был большой город…’; ***Abuğalisina*** *zahir buldy* [Әбу: 61] ‘Появился Абугалисина…’; ***säüdägärlär*** *Ґali Nureddinne köčläb bergä alyb bardylar* [Әлҗилдү, 5: 187] ‘Купцы силом увели Али Нур эд-Дина с собой...’; ***mälik*** *wäzire Fazyl Xaqanğa un meη altyn bireb äjtde* [Әлфу: 202] ‘Однажды царь отдал своему визирю Фазылу Хакану десять тысяч золотых и сказал...’; *qojaš čyğyb* ***hawa*** *ačyldy* [КД: 10] ‘Солнце вышло, небо очистилось’ и др.

Грамматические значения данного падежа широко представлены в произведениях. Как уже выше было сказано, в форме принадлежности 1-го, 2-го лица активно употребляется в составе обращений: *Äj ğaziz* ***qarendäš!*** [КД: 15] ‘О, мой дорогой родственник!’; *Äj* ***padišah****, bu uğlan qotyrğan et kebider* [КВ: 11] ‘Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку’; *Äj* ***bala****! härber muradnyη july bar. Wä här sänğatneη qoraly bar.* [КД: 15] ‘О, дитя! У каждой цели есть способ (достижения) и у каждого промысла есть свой инструмент…’; *äj* ***Räzzaq Mutäğal*** *bu qolyη köndä dürt märtäbä awymny därjağa salyb* [Әлфу: 25] ‘О, Всевышний, этот твой раб каждый день всего четыре раза бросает свою сеть в реку’; *Bere dijär ki: äj* ***bäradärlär****, bän jäšlek waqytynda äsirčelärne bere bane totyb ğaräbstanğa kitereb … wäzirgä satdy* [Тыс., 1: 123] ’Один из них говорит: «О, братья, когда я был молодым, один

из работорговцев поймал меня, увез в Аравию и продал визирю…»’; *äj* ***ürdäk****, sän ibne adämdän saqlan* ... [Әлҗилдү, 2:100] ‘Эй, утка, берегись человека ...’; *äj* ***bäradär****, säŋa nä buldy, bäŋa söjlä* ... [Әлҗилдү, 5: 107] ‘Эй, брат, что с тобой случилось, расскажи мне....’; *äj* ***adämlar****, qačyŋyz, bu urmanda cenlär bar* ... [Әлҗилдү, 5: 77] ‘Эй, люди, уходите отсюда, в этом лесу водятся джины...’; *äj* ***naznyjn banu****, säneŋ anaŋ qajda?* [Әлҗилдү, 5: 6] ‘Эй красавица, где твоя мама?’; *äj* ***ana****, sineŋ äjtkän süzläreŋdän baš tartmamyn* [ТН: 35] ‘О, мама, я не отвергаю сказанные тобой слова....’; *äj* ***Sindbad*** *bezlär sine küb mäxäbbät ideb ğyjzzät wä xörmät* [Әлҗилдү, 4: 91] ‘О, Синдбад, мы тебя очень любим, дорожим и уважаем’; *äj* ***xajwanlar šahy****, mäğlümeŋez ulsyn, bän ximar cenesennänmen* ... [Әлҗилдү, 2: 101] ‘О, царь зверей, к вашему сведению, я из ослиного рода...’; *Äj* ***böjek küklärneŋ ajy****, Xaq Täğalä camalene köndän kön zijadä qylyb* [ТН: 9] ‘О, луна высоких небес, пусть Всевышний увеличит Вашу красоту каждый день…’.

Основной падеж как с аффиксами принадлежности 3-го лица, так и без аффиксов принадлежности активно функционирует в качестве определения в изафетных конструкциях, в чем мы уже упомянули выше.

Аффиксы притяжательного падежа выражают принадлежность предмета, лица или явления другому предмету или лицу. В языке исследуемых произведений притяжательный падеж представлен кипчакской формой – аффиксом *-nyŋ /-neŋ: bu* ***jegetneŋ*** *süzläre rastmy*? [Әлфу: 176] ‘Слова этого парня правда?’; ***bändäŋeznеŋ*** *az süzle ikänen beläsez* [Әлфу: 188] ‘Вам известно, что ваш раб немногословен’; *xäjran buldym* ***bunyŋ*** *maturlyğyna...* [Әлҗилдү, 4: 155] ‘Я был очарован её красотой…’; *ul* ***xatynnyŋ*** *ber jeget dusty bar ide* [КВ: 14] ‘У этой женщины был любовник’; *Xaq* ***Täğäläneŋ*** *qodrätenä šik wä šöbhä kitermä* [КВ: 10] ‘Не подвергай сомнениям силу Всевышнего’; ***šäjxnyŋ*** *šunda bašyn kisärgä ämer itde* [КВ: 10] ‘Приказал там же казнить шейха’; ***padišahnyŋ*** *küŋele jalyqmasyn* [КД: 6] ‘Да не утомится душа правителя...’; ***došmannyŋ*** *jomšaq süzlärenä aldanmasyn* [КД: 4] ‘Пусть не верит льстивым словам врага’; ***moŋlylarnyŋ*** *xälenä märxämät qylyb* [КД: 3]

‘Утешив души опечаленных’; ***därwišneŋ*** *süzen qabul iteb* [КД: 3] ‘Прислушиваясь к словам дервиша’; ***dönjanyŋ*** *äxwälen beleb üzemä täcribä xasil qylyrğa telim* [КД: 7] ‘Хочу познать мир и набраться опыта.’; ***padišahnyŋ*** *jaqynlarynda tynyč kešelär bulsyn* [КД: 6] ‘Пусть царя окружают смиренные люди’; *ošbu* ***šähärneŋ*** *bilgele kešesendän ber Säğid isemle säwdägär bar ide ki* [ТН: 2] ‘Одним из известных людей этого города был купец по имени Саид’; ***malynyŋ*** *xisabyn üze häm belmäs ide* [ТН: 2] ‘Величину своего богатства сам даже не знал’; ***ata anasynyŋ*** *äxwällären sorašyrğa barmas ide* [ТН: 2] ‘Не навещал своих родителей’; ***küŋelemneŋ*** *šatlyğy* [ТН: 39] ‘Радость моей души’; *mänem ğomerem* ***baqčasynyŋ*** *jafraqlary sarğajdy* [ТН: 39] ‘Пожелтели листья моего сада жизни’; ***ağačnyŋ*** *töbe taza mikän?* [Әбу: 60] ‘Крепка ли основа дерева?’; ***Qojašnyŋ*** *esselege qyjämät ide* [Әбу: 60] ‘Солнце пекло жарко, как в аду…’.

Направительный падеж в тексте произведений, в зависимости от окончания, оформляется аффиксами кипчакского варианта склонения *-ğa/-gä, -kä: ügez* ***išäkkä*** *äjtde* [Әлфу: 9] ‘Бык сказал ослу’; *Allahy Täğalä* ***ürmäkükkä*** *sabyr bulğany öčen moradyna irešdereb* [Әлҗилдү, 6: 235] ‘Аллах Всевышний за терпеливость помогал пауку достигать цели’; *xäkim buny* ***jirgä*** *jatqyzyb, ille qamčy qadär orğač ...* [Әлфу: 187] ‘Когда судья положив его на землю, ударил кнутом пятьдесят раз...’ *šäjx Äbu Räšid xatny alyb* ***ečregä*** *kerde* [Әлҗилдү, 5: 122], ‘Шейх Абу Рашид взял письмо и вошёл во внутрь...’; *padišah uğlyn* ***zindanğa*** *qujdyryb üze* ***awğa*** *čyğyb kitde* [КВ: 11] ‘Царь отправил сына в темницу и поехал на охоту’; ***padišahğa*** *xat jazyb künderde* [КВ: 10] ‘Написал и отправил царю письмо’; *tübäse* ***kükkä*** *tigän ber bijek tawğa jitde* [КД: 9] ‘Дошел до высокой горы, вершина которой соединялась с небом’; *ul* ***xäzinägä*** *išarät ikänen täxqyq itde* [КД: 3] ‘Убедился, что это было намеком на сокровищницу’; *ul išekne ačyb* ***bülmägä*** *kerdelär* [КД: 3] ‘Отворили эту дверь и вошли в комнату’; *xäjläse belän jirneŋ astyn* ***öskä*** *kiterer ide* [ТН: 7] ‘Своей хитростью переворачивал всё верх дном’; *mäne satyb alasyŋ wä oluğ* ***fajdalarğa*** *irešäseŋ* [ТН: 5] ‘Покупаешь меня и обретешь богатство’;

Mahšäkärgä *bäk uğlynyŋ küze tösde* [ТН: 7] ‘В Махшакар влюбился сын бека’; ***köjmägä*** *süräb alyb kerdelär* [Әбу: 61] ‘Его волоком затащили в корабль...’.

Имена существительные с аффиксами принадлежности в направительном падеже принимают аффиксы огузского варианта *-a /-ä: xalyqlar bäradäremneŋ* ***buğazyna*** *jabyšyb...* [Әлфу: 183] ‘Люди, вцепившись в горло моего брата...’; *ul adämlär šäjx* ***janyna*** *kerdelär* [КВ: 11] ‘Эти люди вошли к шейху’; *ber kön Donjazadä qyz* ***qardäšenä*** *äjtde ...* [Әлфу: 18] ‘Однажды Дуньязада сказала своей сестре...’; *unbiš* ***jäšenä*** *kilgändä eš wä käsebkä kertdelär* [ТН: 39] ‘Когда исполнилось ему пятнадцать лет, устроили его на работу’; ***öjenä*** *kereb kitde* [ТН: 7] ‘Вошла в её дом’; *šul säğat xatyn šam* ***xakimenä*** *belderde* [КВ: 11] ‘Тотчас женщина сообщила правителю Сирии’; *wäzir* ***siŋa*** *došman bulsa, padišah duslyğy fajda birmäs* [КД; 66] ‘Если визирь окажется твоим врагом, дружба с царем не поможет’; *dürt* ***jäšenä*** *jitkändä ostazğa birdelär* [ТН: 39] ‘В четыре года отдали учиться’; *diŋgez* ***čitenä*** *kileb längär tašlady* [Әбу: 61] ‘(Корабль) приплыл к берегу моря и бросил якорь...’; *Äbuğalisina simija quäte beläп Nil därjasyndan Misyr šähärenä čyqdy* [Әбу: 8] ‘С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет’.

В тексте произведения «Тысяча и одна ночь» встречается также огузская форма направительного падежа на *-a/-ä*: *ber mälik bar ide, jitmeš ike* ***ölkäjä*** *mälik ide ...* [Әлҗилдү, 3: 36] ‘Жил-был царь, правил он семьюдесятью двумя областями...’; ***Afrädijuna*** *waryb xäbär birdelär* [Әлҗилдү, 2: 21] ‘Сообщили Афрадиюну...’.

Эта особая форма направительного падежа зафиксирована в Орхоно-Енисейских памятниках [Малов, 1951: 106], в «Путевых записках Исмагил ага в Индию [Алеева, 1990: 51]. Ее функционирование наблюдается и в произведениях авторов, творивших в исследуемом периоде, например, в публикациях Г.Ибрагимова за 1915-1916 гг.

В целом, в произведениях жанра кысса наблюдается функционирование форм направительного падежа, основаная на народно-разговорный татарский язык, огузские формы без аффиксов принадлежности,

характерные для старотатарского литературного языка употребляются крайне редко.

Винительный падеж оформляется при помощи аффиксов кипчакского варианта *-ny /-ne* и выступает в роли прямого дополнения, имеет такие грамматические значения как:

обозначение прямого объекта: *saqal-**myjyqlaryŋny** tözät* [Әлфу: 183] ‘Бороду и усы приведи в порядок...’; ***bäne** ziker qyl...* [Әлҗилдү, 2: 60] ‘Вспомни меня’; *bu **jazularny** uqyğač* [Әлҗилдү, 2: 19] ‘Когда мы прочитали эти записки...’; *ul **bozawny** kyzym kürgäč, miŋa äjtde…* [Әлфу: 17] ‘Когда моя дочь увидела теленка, сказала мне…’; *ämma xatynlar šajtandyr, niček bulsa da **šäjxny** aldab äjtderde* [КВ: 11] ‘Однако, женщины подобны демону, и она обманным путем заставила сказать шейха…’; ***suny** tügeb **sawytlarny** buš qujdy* [КВ: 11] ‘Вылила воду и оставила посуду пустой…’; *adämlär qylyč beläп oryb, **šäjxny** šähid itdelär* [КВ: 11] ‘Ударив мечем, убили шейха’; ***cafany** čikmägän insan safanyŋ qadren belmäs* [КД: 8] ‘Человек не знавший мук не будет ценить спокойствие’; *mänem **süzemne** tyŋlasaŋ, bu fikerdän kič...*[КД: 8] ‘Если прислушаешься к моим словам, то откажешься от этой идеи’; ***küzeŋne** jomsaŋ* [КД: 7] ‘Если закроешь глаза..’; *uğly **Säğidne** däxi ul mäcleskä čaqyryb* [ТН: 39] ‘Пригласив также сына на этот пир’; ***aš-suny** tyšdan kitereb birerlär ide* [ТН: 4] ‘Пищу и воду подавали снаружи’; *bu **süzlärne** išetkäč ... maker wä xäjlä **süzläreп** sača bašlady* [ТН: 7] ‘Едва услышав эти слова … стала хитрить...’; *bu **awazny** išetkäč* [Әбу: 5]. ‘Когда они услышали этот звук...’; *küŋelelegezdäge šöbhädän **bezne** čyğara kür* [Әбу: 10] ‘Выброси нас из сомнений в душе’.

обозначение места и времени: *šul **jirne** qazytdy* [КД: 3] ‘Заставил копать это место’; ***tawny** tamaša qylyb jörgändä …* [КД: 8] ‘Когда осматривал эту гору…’; *bunlar imde **diŋgezne** üteb, ber tawğa jiteb ...* [Әлҗилдү, 4: 37] ‘Они прошли через море и дошли до горы...’; *qojaš čyqğančy Canšah ul **cylğany** üteb, jähüd šähärenä jiteb ...* [Әлҗилдү, 4: 40] ‘до восхода солнца Джаншах переправился через эту реку и добрался до города Яхуд...’; *Mindän razyj bulyb xäjer doğa qylsaŋ **dönjany** ber tamaša idär idem* [КД: 14] ‘Если будешь доволен

мною и дашь свое благославление, то я бы совершил путешествие по миру....'; ***donja ğalämen*** *tamaša idärgä kilmešder* **...** [Әлҗилдү, 2: 66] 'Пришел посмотреть на мир земной....'; *irken* ***urmanny*** *tar itdelär* [КД: 9] 'Превратили просторный лес в тесный…'; ***Öjne*** *awlaq qaldyryb mondan kiteŋez* [КВ: 5] 'Уходите, оставив пустым дом…'; *Jeget bu cännät misally* ***cortny*** *küreb xäjran bulyb* [Әлҗилдү, 4: 171] 'Парень, увидев этот, подобный райскому дом, удивился...'; *Öjneŋ* ***išegen*** *ačyb xällären tikšereb qarasalar* [ТН: 4] 'Когда открыли дверь и проверили их состояние...'; *Xaq Täğalä aŋa jide qat* ***kükne*** **…** *kürsätde* [КВ: 5] 'Всевышний показал ему семь уровней неба...'; *Uğlan bu* ***šähärne*** *küreb xäjran qaldy* [КВ:103] 'Парень, увидев этот город, очень удивился …'; *bu* ***xämämne*** *kürmägä arzu qylyb* [Әбу: 9] 'Хотел увидеть эту баню....'; *šul qadär* ***qapusyn*** *ezlädem tabmaj atrafyndan qarab jördem* [Әлҗилдү, 4: 80] 'Как бы не пытался найти его двери, но не сумел, и присматриваясь, обошел его вокруг...'; *Ul kičäne uzdyrdy* [КД: 10] 'Провел ту ночь...'; *Ber taw tišegenä syjynyb* **…** *ul* ***kičäne*** *ütkärde* [КД: 10] 'Укрывшись в горной пещере … провел ту ночь'; *bäğdä xatyny* ***kičke ašny*** *xäzer ideb tänäwäl qyldylar* **...** [Әлҗилдү, 5: 175] 'Потом его жена приготовила еду и они поужинали'.

Винительный падеж в татарском переводе «Тысяча и одной ночи» в именах с аффиксами принадлежности оформляется по огузскому типу, т.е. при помощи аффикса *–yny/-ene*: *xatynynyŋ* ***qyjssasyny*** *söjläb*... [Әлфу: 5] 'Рассказав историю своей жены...'; *jalan* ***qylyčyny*** *čyğarub* [Әлҗилдү, 2: 77] 'Обнажил свой мечь'; *Afrädijun* ***ğaskärene*** *tar-mar kiterüb* [Әлҗилдү, 2: 60] 'Разгромив войско Афрадиюна'.

Данное явление прослеживается и в произведении «Абугалисина»: *Padišahnyŋ ... bu qyzğa* ***ğyjšqyny*** *aŋlab* [Әбу: 48] 'Понял о любви правителя к этой девушке'.

Как отмечают исследователи, огузская форма винительного падежа часто встречается в «Кысса-и Йусуф» Кул Гали, в языке старотатарской деловой письменности XVI–XVII вв. [Хисамова,1990: 66], в произведениях Утыз-Имяни [Мухамметрахимова, 1990: 39], в дастанах Уразаева-Курмаши

[Шамарова, 1991: 48], в языке второй половины XIX – начала XX века [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 355] и т.д.

Исходный падеж оформлен при помощи аффиксов кипчакского типа *-dan,-dän, -din* и указывает на косвенный объект, место, время, причину и исполнителя действия*: Allahy* ***Täğaläddän*** *xäwef itmädeŋme?* [Әлҗилдү, 5: 149] ‘Ты не побоялся Аллаха Всевышнего?’; ***ğaskärlärdän*** *ber sorajym* [Әлҗилдү, 2: 78] ‘Как-нибудь спрошу у воинов’; *ozyn bulğač* ***itägendin*** *kisde* [Әлҗилдү, 5: 159] ‘Из-за того, что подол был длинный, он отрезал его; *xatyn* ***šäjxdän*** *sorady* [КВ: 11] ‘Женщина спросила шейха…’; *monyŋ kebek süzlärne* ***mändän*** *sorama* [КВ: 11] ‘Подобные вопросы мне не задавай’; *jarly wä moŋlylar zolym wä* ***cafadan*** *qotylyrlar* [КД: 6] ‘Бедные и унылые освободятся от гнета и мучений’; *zamana* ***mixnätlärendän*** *wä* ***mäšäqatlärdän*** *padišahnyŋ küŋele jalyqmasyn* [КД: 6] ‘Да не устанет душа царя от повседневных забот и тревог’; ***qujnyndan*** *ber kägaz čyğaryb* [КД: 3] ‘Вынул из-за пазухи бумагу’; *padišah any* ***qulyndan*** *alyb … qujnyna qujdy* [КД: 3] ‘Царь взял его и положил за пазуху’; *anda altyn kömeš wä cäwhär wä* ***andan*** *qyjmmätleräk närsälär bar* [КД: 3] ‘Там золото, серебро, драгоценности, много вещей и дороже их…’; *menä* ***ata-babamdan*** *qalğan ber jädkärem bar* [КД: 3]. ‘Вот у меня есть сувенир, доставшийся мне от предков’; *sälam bireb* ***atyndan*** *töšde* [КД: 2] ‘Поприветствовал его и слез с коня’; *ana tutyjnyŋ* ***ğaqyldan, mäğrifätdän*** *aslan xäbäre juq ide* [ТН: 6] ‘Самка попугая ведать не ведала о знаниях и премудростях’; *gärčä sine* ***xäläleŋdän*** *tyjmyjmyn* [ТН: 39] ‘Хотя я не запрещаю того, что тебе разрешено’; *bu eš adäm zadäneŋ* ***qulyndan*** *kilä torğan eš tügel* [Әбу: 9] ‘Это дело не по силам рук сына Адама’; *ber ata, ber* ***anadan*** *igez ike bala dönjağa kileb* [Әбу: 9] ‘Родились от одной матери и одного отца два близнеца’; *Bez taw artyndağy* ***sähärdänbez*** *dide* [КВ: 9] ‘Сказал: мы из города, который (находится) за горой...’; *bälki uğlannyŋ jawyzlyq šomlyğy mäzkür siksän izgelärne* ***juldan*** *čyğaryb fäsik itmešder* [ТН: 4] и др.

В татарском переводе «Тысяча и одной ночи» зафиксировано употребление исходного падежа вместо должного быть в русском языке

винительного: *ozyn bulğač* ***itägendin*** *kisde* [Әлҗилдү, 5: 159] ‘Из-за того, что подол был длинный, он вырезал из него’.

Древнеуйгурская форма исходного падежа – аффикс *-din* широко функционировала в старотатарском литературном языке. Параллельное употребление аффикса *-dan/-din* наблюдается в языке старотатарской деловой письменности XVI–XVII века, [Хисамова, 1990: 120] в произведениях М. Кулы, К. Галибека, Г. Кандалый, Х. Салихова, А. Курмаши [Шамарова, 1991: 63].

Местно-временной падеж употребляется при указании местонахождения предмета или времени совершения действия. В языке изучаемых произведений преобладает звонкий вариант аффиксов *-da /-dä*. Этот факт и вышерасмотренные случаи указывают на то, что в языке кысса еще не полностью сформировались фонетические варианты падежных аффиксов.

Наиболее типичные грамматические значения данного падежа в изучаемых произведениях:

выражение места: ***Bağdadta*** *šätranc ujyny ujnarğa bändän mahir juqdyr inde* [Әлҗилдү, 6: 298] ‘В Багдаде нет шахматиста искуснее меня’; *ixtimal,* ***anda*** *fajdasyndan artyq zarary bardyr* [Әлҗилдү, 6: 235] ‘Вероятно, там больше вреда, чем пользы...’; *äfändem, imde* ***bunda*** *torma* [Әлҗилдү, 6: 217] ‘Господин мой, ты уж, пожалуйста, здесь не стой’; *ber ağač* ***botağynda*** *oja jasab ğomer sörerlär ide* [КД: 7] ‘Свив гнездо на ветке, они обитали на этом дереве’; *dönja wä* ***axirätdä*** *däwlätle bulyb qal* [КД: 3] ‘Оставайся богатым в этом бренном и вечном мирах’; ***tošendä*** *birelgän bäšarät ul xäzinägä išarät ikänen belde* [КД: 3] ‘Он узнал о том, что радостная весть, пришедшая к нему во сне, это намек на сокровищницу’; ***küŋelemdä*** *siŋa mil wä mäxäbbät köčleder…* [ТН: 5] ‘Я питаю к тебе любовь и испытываю сильное желание …’; *bu* ***dönyada*** *bary mänem meŋ altynym bardyr…* [ТН: 5] ‘В этом мире у меня имеется только тысяча золотых…’; *Säğid här* ***šähärdä*** *güzäl čyrajly abystajlar belän ğyš ğyšrät itärgä mile bardyr …* [ТН: 5] ‘У Саида, наверно, есть желание в каждом городе встречаться красивыми дамами…’; ***diŋgezdä***

tulqynlar ujnamağa bašlady… [Әбу: 61] ‘Море начало бушевать’; *Diŋgez* ***urtasynda*** *ber cilkän päjda buldy* [Әбу: 61] ‘В середине моря появился парус’; *Ber jyl muttasyl* ***mäğarädä*** *jatyb …* [Әбу: 7]. ‘Прожив целый год в пещере …’; *Sandyqny ačyp qarasa,* ***sandyqda*** *čüp tä juq,* ***cirendä*** *cillär isä* [Әбу: 23] ‘Открыл сундук и увидел, что в сундуке пусто, на дне ветер гуляет’.

выражение времени: *Zödäjek pešmeš balyqny tabadan* ***alyjm digän waqytda*** *...* [Әлҗилдү, 5: 29] ‘В то время, когда Зодаек хотел взять жареную рыбу со сковородки...’; ***äwälge zamanda*** *… ber säwdägär bar ide* [ТН: 10] ‘В древние времена … жил некий купец’; *Qoš* ***xäbesdä waqytda*** *… säcdä ajäten uqysa …* [ТН: 2] ‘Если птица в клетке … будет читать айат поклонения …’; ***torbägä kilgän waqytda*** *ul xur güjäki* [ТН: 129] ‘Когда она пришла в шатер, была словно гурия...’; *sin* ***šul waqytda*** *adämlär künder* [КВ: 11] ‘Ты к этому времени пришли людей…’; *xatyn šäjx belän* ***suxbät qylğanda*** *šäjxdän sorady* [КВ: 11] ‘Женщина во время общения с шейхом спросила у него…’; *, tulğan aj kebek nurly jöze* ***kičlärdä*** *ajğa,* ***köndezlärdä*** *qojašqa ixtijac qaldyrmas* [Әбу: 28]. ‘Ее её светлое, как полная луна, лицо заменит ночью луну, а днем солнце…’; ***tiz zamanda*** *sineŋ muradyŋ xasil bulyr* [ТН: 7] ‘Твое желание быстро осуществится’; *qadim* ***zamanda*** *Čin Mačin dijärendä ber baj maly küb tegüče bar ide ...* [Әлфу: 127] ‘В древние времена в Китае жил-был богатый портной... ‘;*insannyŋ fäqyjr bulğan xaläte* ***qojaš bajğan waqytda*** *sarğajyb nursyz buldyğy kebi* [Әлфу: 142] ‘Состояние обедневшего человека подобно солнцу во время заката, когда оно становится желтоватым и тусклым’; ***jäš waqytda*** *Qor’än šärifne riwajät säbğa ilä bikläb bänem nam wä šöhrätem jite äklimdä šäjjiğ ide* [Әлфу: 64] ‘В молодости я выучил священный Коран и «Семь рассказов»… и мое имя и слава были распространены в семи областях’.

Как показывают исследования, в текстах, написанных в хронологических пределах исследуемого периода, функции традиционной падежной формы выполняли послелоги при существительных или даже наблюдалось их чередование. В тексте произведения «Кырык вәзир

кыссасы»: ... артымдан берәүне җибәр, уғры шәкелендә булып килсен дә кичә белән мине басып алсын [Насыйри, 1975: 224] перевод: ‘Отправляй за мною кого-нибудь, пусть прикинется вором и вечером нападает на меня’; ...хатындан бу сүзне ишеткәч, ачуы қабарып, ул кичә күзенә йоқы кермәде [Насыйри, 1975: 225] (перевод: ‘когда услышал эти слова женщины, он рассердился, и вечером не смог уснуть’; ...кичәдә зифа қыз қулына кергән [Насыйри, 1975: 230] (перевод: ‘вечером попал в руки прекрасной девушки’). Как видно, формы «кичә белән» и «кичә», «кичәдә» использованы в одном и том же значении [Татар әдәби теле тарихы, 2: 360].

В текстах кысса мы зафиксировали немало случаев такого употребления, например, *qyz **aj kebj** jaltyrab, häm anyη janynda andan kečegräk ğajät matur ber **qyz berlän** kereb bänem berlän kürešeb...* [Әлфу: 156] ‘Девушка, словно блестящая луна, а с ней ещё моложе и красивее девушка, подошли ко мне и поздоровались...’; *wasälät qojašy tuluğ itsä törle **ğyjš-ğyjšrätlär belän** mäsrur bulyr idek* [Әбу: 35] ‘Если взойдет солнце достижения, то мы насладились бы различными пиршествами...’; *Qojašnyη **išaräte belän** ğaläm **nur belän** munäwwar buldy* [КВ: 50] ‘По указанию солнца мир стал светлым…’; *küzlären **joldyz kebi** jaltyratyb, myjyqlaryn qabartyb* [КД: 15] ‘Глаза его (кота) светились как звезда, усы распушились…’; *Nözhät äz-Zaman bik **ädäb ilä** täğzim ideb cawab birgäč, säwdägär bunyη ädäble häm maturlyğyn kureb ...* [Әлфу: 282] (Когда Нузхат аз-Заман ответила ему вежливо и с почтением, купец заметил ее воспитанность и красоту...); *xalqymğa **ğadellek berlän** xökem ideb härkem bändän radyj ide* [Әлфу: 75] (*Я* правил народом справедливо, каждый был доволен мною.); ***Öjenä taban** očdy* [КД: 12], ‘Полетел домой...’; *Došmannyη jomšaq süzlärenä wä ixlas **dus kebi** qylanmyšlaryna aldanmasyn* [КД: 4] ‘Пусть не обманется красивым словам врага и его поведению как искреннего друга…’ и др.

Среди послелогов в текстах наиболее употребительными являются ***белән*** (*berlän, belän, ilä)* и ***кебек*** *(kebi).*

Бытование имен существительных с послелогами, послеложными словами и вспомогательными существительными в татарском языке породило немало спорных моментов по поводу наличия/отсутствия в татарском языке аналитических падежей, о чем свидетельствуют исследования Ф.А. Ганиева, М.З. Закиева, Н.И. Ирисова, И.Б. Башировой, Д.Г. Тумашевой, Ф.М. Хисамовой и др. Так, например, И.Б. Баширова, исследуя язык произведений XVIII - начала XX века, приходит к выводу, что эти случаи образуют только стилистические варианты, а не свидетельствуют о наличии аналитических падежей. Рассматривая функционирование данной группы служебной части речи с существительными, мы также пришли к выводу, что в текстах кысса они не обозначают те грамматические значения, которые свойственны падежам, а обозначают грамматические значения, свойственные послелогам.

Категория сказуемости

Категория сказуемости, присущая тюркским и некоторым урало-алтайским языкам, служит для выражения предикативности. В анализируемых произведениях мы замечаем активность полной парадигмы склонения имен существительных с аффиксами сказуемости в единственном и множественном числах. Это свидетельствует об активности данной категории в языке изучаемого периода, хотя в современном татарском языке данная категория имени существительного является пассивной, утратившей свой функциональный потенциал.

В текстах кысса заметно выражение сказуемости морфемным, морфемно-синтаксическим способами. Среди них наиболее активным является морфемно-синтаксический способ, который характеризуется присоединением аффикса сказуемости существительному, прилагательному, частицам, послелогам и сочетанием его с личным местоимением единственного и множественного чисел:

1 лицо: ***bän*** *ximar* ***cenesennänmen*** *...* [Әлҗилдү, 2: 101] ‘Я из ослиного рода...’; ***bän*** *seznең* ***qolyңyzmyn*** [Әлҗилдү, 4: 91] ‘Я ваш раб!’; ***bezlär säwdägärlärmez*** [Әлҗилдү, 2: 43] ‘Мы купцы...’; *bu xaqyjrä wä käminä carijäңez Saba padišahynyң döxtäremän* … [Әбу: 11] ‘эта Ваша мерзкая и скрытная рабыня, являюсь дочерью Сабейского царя...’; ***Üzem*** *terek* ***ikänmen*** *wafat bulğanymny kürdem* [КВ: 23] ‘Я как бы и жив, но увидел, как я умер...’ и др.

2 лицо: ***sin*** *ğaqylly* ***bala ikänseң*** [Әлҗилдү, 5: 22] ‘Ты умный ребенок!’; ***sän*** *... bik* ***osta ikänseң*** [КВ: 63] ‘Ты очень умелая, оказывается...’;

3 лицо: *sez alyb kitkän* ***xatyn*** *minem* ***hälälemder*** [КВ: 35] ‘Женщина, которую Вы увели, является моей женой’; ***Zöhrä joldyz*** *digännäre* ***šul xatyndyr*** [КВ: 71] ‘Та женщина является, так называемой, звездой Венерой’; ***Ber*** *aryq qara* ***išäkder*** [КВ: 51] ‘Худой черный ослик…’; ; *Äj padišah,* ***bu uğlan*** *qotyrğan* ***et kebider*** [КВ: 11] ‘Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку’; ***üze*** *ber äğlä aju* ***surätendäder*** [Әбу: 59] ‘Обнаружил себя в облике огромного медведя....’; ***bu bala zatsyz, näselsezder*** [Әлҗилдү, 4: 184] ‘Этот ребенок невоспитанный и непутевый ...’; ***bänem*** *muradym* ***šuldyr*** [Әлҗилдү, 4: 91] ‘Мое желание - это’ и др.

Морфемный способ выражения сказуемости используется реже и представлен, в основном, аффиксами 3-го лица: *sabyjlyqnyң xökeme* ***ujyndyr*** [Әбу: 4] ‘Норма детства - игра’; *mony xalyqqa mäğlüm itmäkdän maqsudy* ***närsäder****?* [Әбу: 5] ‘Какова цель оглашения этого народу?’; *bu mäğäräneң asyly* ***yšbudyr*** [Әбу: 6] ‘Сущность этой пещеры в том...’; *barčasy bertuğan* ***qarendäšlärder*** [Әбу: 9] ‘Они все родственники’; *mäğnäsez xäräkätneң asyly* ***juqdyr*** [Әбу: 8] ‘Нет результата бессмысленного движения...’; *ataңyznyң wasyjäte bolaj iteңez digän süz* ***tügelder*** [КВ: 48] ‘Завещание отца не является указанием поступить таким образом...’; *bäjäse meң* ***altyndyr*** [ТН: 4] ‘Его стоимость – тысяча золотых’; *küb säwab* ***bardyr*** [КВ: 72] ‘Имеется много воздаяния…’; *axirätneң ğazaby jänä* ***qatydyr*** [Әлфу: 63] ‘Мучение в загробной жизни еще сильнее’; *kešeneң tele ečeneң* ***tylmačydyr*** [ТН: 71] ‘*Я*зык человека -

переводчик его души…’; *Ul sineŋ qulyŋda* ***äsir*** *kebekder* [КВ: 43] ‘Он в твоих руках словно пленник...’ и др.

Подытоживая необходимо отметить, что в текстах кысса в употреблении данной категории наблюдается тенденция к снижению активности аффиксов 1-го и 2-го лица. Наиболее часто встречается использование аффикса 3-го лица, который впоследствии частично сохранился в разговорной речи и диалектной подсистеме татарского языка.

Категория определенности и неопределенности

Данная категория в тюркских языках не является чисто граматической категорией, а выступает как функционально-семантическое поле без грамматического ядра. Тем не менее в тюркских, в том числе и в татарском языке, имя существительное выражает значения определенности и неопределенности, которые представлены в основном падежными аффиксами, формами притяжательности, местоимениями, числительными.

В текстах кысса неопределенность часто выражается *ber* (бер) в значении ‘некий, какой-то’: *anyŋ ilä bergä kideb* ***ber munčağa*** *kereb juyndy...* [Әлҗилдү, 4:102] ‘Он ушел вместе с ним, вошел в какую-то баню и искупался…’; ***ber qoš*** *kileb buny alyb kitde...* [Әлҗилдү, 4: 154] ‘Прилетела какая-то птица и унесла его’; ***ber*** *oluğ* ***padišah*** *bar ide* [КВ: 3] ‘Жил-был некий великий царь’; *anyŋ* ***ber*** *güzäl* ***xatyny*** *bar ide* [КВ: 14] ‘У него была красивая жена’; *tübäse kükkä tigän* ***ber*** *bijek* ***tawğa*** *jitde* [КД: 9] ‘Дошел до горы, верхушка которой соединялась с небом…’; ***ber*** *ujsu jirgä jitde* [КД: 2] ‘Доехал до низинного места’; *bara torğač* ***ber taw*** *kürde...* [КД: 2] ‘Двигаясь по дороге увидел гору’; ***ber*** *däwlätle* ***padišah*** *bar ide* [КД: 2] ‘Жил-был богатый царь…’; ***ber säwdägär*** *bar ide* [ТН: 10] ‘Жил-был некий купец’; *Härmuz jortynda* ***ber keše*** *bar ide* [ТН: 4] ‘Во дворце Ормуза жил некий человек’; ***ber*** *oluğ* ***köjmäder*** [Әбу: 61] ‘(Какая-то) большая лодка’; *Tawyq syjarlyq* ***ber jaryq*** *päjda buldy* [Әбу: 60] ‘Появилось отверстие, куда могла помещаться курица’; *üzen* ***ber saxrada*** *kürde* [Әбу: 60] ‘Обнаружил себя в какой-то пустыни’.

Определенное состояние выражается с помощью указательных местоимений *ul* (ул) ‘тот’, *šul* (шул), *bu* (бу), *ošbu* (ошбу) ‘этот’, ‘это’ (а) и аффиксами принадлежности, и притяжательным и винительным падежами (б):

а) ***ul qyz*** *atasyn hafa kürgäč...* [Әлфу: 7] ‘Девушка увидела испугавшегося отца’; ***ul sandyqny*** *ağacnyn töbenä qujyb...* [Әлфу: 6] ‘Положив сундук в тень дерева...’; ***ošbu öjemez*** *därja bujynda irde...* [Әлҗилдү, 2: 213] ‘Наш дом расположен у реки’; ***bu cäjmäne*** *ber kemgä dä küstärmäm...* [Әлҗилдү, 2: 15] ‘Скатерть я никому не покажу...’; ***ul ğaskärneŋ*** *xisaby juq ide* [КВ: 8]. ‘Это войско было неисчисляемым’; ***šul säğat*** *xatyn šam xäkimenä belderde* [КВ: 11] ‘Тотчас женщина сообщила правителю Сирии; *inde* ***bu kön*** *uzdy* [КВ: 17] ‘Этот день уже прошел’; ***ul*** *töšendä birelgän* ***bäšarät ul xäzinägä*** *išarät ikänen belde* [КД: 3] ‘Он узнал о том, что радостная весть, пришедшая к нему во сне, это намек на сокровищницу’***; šul jirne*** *qazytdy* [КД: 3] ‘Заставил копать это место’; ***bu mal*** *wä xäzinäne Räj Däbšälim öčen* ***bu jirdä*** *amänät qujdym* [КД: 4]. ‘Эти сокровища я положил на это место для Рая Дабшалима’; ***ul jeget*** *däxi qyzny xalas itärgä süz bireb* [ТН: 82] ‘Этот парень обещал спасти девушку’; ***ul qartnyŋ*** *ügrätüwe bujynča* [ТН: 39] ‘Следуя советам этого старца…’; ***bu serlärne*** *söjläsäm* [ТН: 39] ‘Если я раскрою эти секреты…’; ***bu bäläddän*** *qotqar dib bik jalyndy* [ТН: 82] ‘Он очень просил спасти её от этой беды’; ***ošbu šähärneŋ*** *bilgele kešesendän* [ТН: 82]’Он был из знатных людей этого города…’; ***ošbu izgelärneŋ*** *säxabätendän aŋa däxi äsär ideb...* [ТН: 4] ‘Общение с этими святыми окажет ему влияние…’; *Saba padišahy* ***ul xämämny*** *baryb kürmägä räğbät itde* [Әбу: 15] ‘Сабейский царь выразил желание сходить и посмотреть ту баню…’; ***Šul qyznyŋ*** *ber märtäbä qarawy bäğremne pärä pärä qylyb* [Әбу: 26] ‘Один взгляд этой девушки разорвал мое сердце…’;

б) ***xatynym*** *äjtde...* [Әлҗилдү, 2: 58] ‘Жена моя сказала...’; ***sandyğyŋny*** *čišeb baŋa küstär...* [Әлҗилдү, 2: 44] ‘Открой свой сундук и покажи мне...’; ***atasy*** *äjtde...* [КВ: 4] ‘Отец его сказал...’; ***anasynyŋ*** *janyna alyb bar* [КВ: 4]

‘Веди его к матери’; ***küzeŋne*** *jomsaŋ…* [КД: 7] ‘Если закроешь глаза…’; ***süzemne*** *tyŋlasaŋ* ***bu fikereŋnän*** *kič* [КД: 8] ‘Если прислушаешься к моим словам, то откажешься от своих намерений’; ***bašy*** *östenä qujyb padišaxqa suzdy...* [КД: 3] ’Поднял над головой и передал царю’; *qyz üz* ***bülmäsendäge*** *altyn kömeš wä cäwhärne alyb* **…** [ТН: 83] ‘Девушка, взяв драгоценности, находящиеся в своей комнате…’; *saba jile* ***xäbäreŋ*** *barmy…* [ТН: 39] ‘Утренний ветер, знаешь ли ты…’; ***jözen wä bujyn*** *küreb meŋ can ilä ğašyq buldy* [ТН: 39] ‘Увидев, какой он красивый и высокий, сразу же влюбилась’; ***öjenä*** *kereb kitde* [ТН: 7] ‘Вошла в её дом’; *Wä mä täšä'unä illä inšä'ä Allah* ***mäğnäse*** *zahir buldy* [Әбу: 112] ‘И стал очевиден смысл (айата): «Но вы этого не пожелаете, пока не пожелает Аллах» [Коран, 1990, с. 491]’.

Здесь мы рассмотрели наиболее распространенные формы в произведениях. Они свидетельствуют, что в текстах кысса определенность и неопределенность выражаются с теми формами, которые распространены в народно-разговорном языке и впоследствии стали литературными нормами современного татарского языка.

4.2. Имя прилагательное

Имя прилагательное в татарском языке не имеет морфологических форм, по лексико-грамматическим признакам разделяется на качественные и относительные подгруппы, в контексте оно часто субстантируется. В текстах кысса слова, относящиеся к этой части речи встречаются часто. По генетическому признаку в произведениях активно представлены как тюрко-татарские прилагательные, так и в большом количестве встречаются заимствованные из арабского и персидского языков прилагательные. Заимствованный пласт наиболее часто встречается в таких лексико-семантических группах, как:

- внешняя и внутренняя характеристика субъекта, например, ***Fäsix*** *telle, tämle süzle, Qor'än xafiz, mäğrifät ijäse, bäjäse meŋ altyndyr* [ТН: 4] ‘Красноречивый, сладкоязычный, знающий наизусть Коран, обладатель

знаний, стоимость – тысяча золотых’; *Öč* ***gönahly*** *kešene anyη qatyna cibärde* [КД: 19] ‘Троих грешников отправил к нему....’; *Munyη däxi ber* ***ğaqylly*** *wä* ***ğalim*** *tutyjsy bar ide* [ТН: 10] ‘У него был умный, ученый попугай …’*; ber ütkenräk balany däšeb äjtde: sin* ***ğaqylly*** *bala ikänseη kil bän siηa xälwä alyb ašadim dib xälwä satyb alyb birde šul waqyt bu baladan sorady sin Axmäd äd-Dänafnyη jortyn bäηa küstär dib* [Әлҗилдү, 5: 22] ‘Пригласив шустрого мальчика и сказав ему: ‘Ты умный мальчик, подойди, я тебя угощу сладостями!’, купил сладости и передал ему. И спросил его: ‘Ты мне покажешь дом Ахмеда ад-Данафа?’; ***ğaqylly*** *däxi öč wäzire bar ide* [КВ: 40] ‘Также было у него три мудрых визиря’; ***bičara*** *Mahšäkär därdemä bälki därman bulyr dib …* [ТН: 8] ‘…бедная Махшакар, подумала о том, что её стремлениям суждено будет сбыться…’; ***bičara*** *qartnyη kijemenä, soηra saqalyna jitde* [КД: 73] ‘(Огонь) добрался до одежды, потом до бороды бедного старика’; ***bičara*** *šahzadä qyzğa ğašyjq bulsa da, šähär xalqy aldynda ciηelgängä kürä bik xurlandy* [Әлҗилдү, 4: 167] ‘Несмотря на свою влюбленность, несчастный принц очень стыдился этой девушки из-за своего поражения от жителей города’; *äj* ***ğaziz*** *dustym*! (8; КД), «о, мой дорогой друг!»;

- качество, размер, форма предмета, субъекта: ***Xuš*** *awaz ilä Qor'än uqydylar* [ТН: 16] ‘Красивым голосом прочитали Коран’; *Saxra tarafyndan ber* ***xuš*** *awaz išetelä bašlady* [ТН: 82] ‘Со стороны пустыни стал слышен приятный звук’; *Sazny čalyb* ***xuš*** *awaz belän šiğyr äjtde* [КВ: 157] ‘Играя на музыкальном инструменте, он красивым голосом декламировал стихотворение…’; *xatyn sanduğač kebi ah-wah dijeb* ***xuš*** *awaz ilä qyllarny čirteb ničä cyrlar cyrlady ...* [Әлҗилдү, 5, с. 188] (Женщина с красивым голосом, как соловей, играя на струнах, пропела несколько песен...); *ul närsälär arasynda* ***pulad*** *jozaq belän biklängän ber sandyq tabyldy* [КД: 3] ‘Среди вещей также нашелся запертый на стальной замок сундук’; *bu* ***ğacäjeb*** *wä* ***ğaräjeb*** *mäcmuğalarny küreb täğaccüb idär ide* [КВ: 67] ‘Увидев эти чудесные сборники, он удивился....’; *Siηa* ***ğacäjeb*** *törle ešlär kürsätäjem* [КВ: 8] ‘Покажу тебе разные удивительные

вещи …’; *Ber jyl muttasyl mäğarädä jatyb ... sač wä saqallary jiteb bir-berenä qaryšub wä tyrnaqlary ozajyb ber* ***ğacäjeb*** *surätdä bulğan idelär...* [Әбу: 7] ‘Прожив целый год в пещере их волосы и борода отросли и переплелись друг с другом и их ногти также отросли и обрели они ужасный вид…’; *äj* ***ğyjzzätle*** *šahymyz nä färman bulsa seznekeder* [Әлҗилдү, 4: 91] ‘О, уважаемый мой царь, что скажете, то и будет…’; *bänem ber matur güzäl* ***bäkirä*** *qyzym bar, šuny siŋa bireb, sin bezdä qalyb häm siŋa ber uryn täğajen idäsem kiläder, dide* [Әлҗилдү, 4: 91] ‘У меня есть прекрасная, целомудренная дочь, я хочу её выдать за тебя замуж, оставить тебя здесь и назначить тебя на должность’; *kürde: ečendä ğajät* ***näfis*** *su häm ike jağynda jaxšy binalar häm bu qapudan jaxšy cil iseb torğač, beraz xäl cyjar öčen arqasyndan jökne qujyb, qapu janynda utyrdy* [Әлҗилдү, 4: 73] ‘… и он увидел там красивую речку: по её сторонам стояли красивые здания и со двора дул свежий ветер; чтобы отдохнуть, он снял с себя ношу и присел возле ворот’.

Анализ фактического материала показывает, что в текстах исследуемых произведений большое место уделено качественным прилагательным, которые имеют четыре степени сравнения. В текстах наиболее активно представлена положительная степень сравнения. В произведениях, наряду с тюрко-татарскими прилагатеьными, наблюдается активное употребление арабо-перидских заимствований, например: ***qyzyl*** *köl* [Әлҗилдү, 2: 47] ‘Пепел красного цвета’; ***jäš*** *jeget* [Әлҗилдү, 4: 321] ‘Молодой парень’; ***tuğry*** *cawab* [Әлфу: 29] ‘Правильный ответ’; ***awyr*** *eš* [Әлҗилдү, 5: 128] “Трудное дело’; ***kečkenä*** *et balasy* [КВ: 11] ‘Маленький щеночек’; ***ğacäeb*** *ešlär* [КВ: 8] ‘Удивительные дела’; ***oluğ*** *padišah bar ide* [КВ: 11] ‘Жил-был великий царь’; ***qart*** *bašmaqčynyŋ kibetenä tuğry kileb* [КВ: 12] ‘Наткнулся на будку старого обувщика’; ***oluğ*** *gönahqa batarsyŋ* [КВ: 16] ‘Увязнешь в большом грехе’; ***iske*** *kijemlären birdelär* [КВ: 9] ‘Отдали свою старую одежду’; ***zur*** *tas kitersenlär* [КВ: 8] ‘Пусть принесут большой таз’; *xatyn belän tabibny* ***awlaq*** *jirgä utyrtdylar* [КВ: 16] ‘Женщину и врача посадили в безлюдное место’; ***aq*** *atlasqa jazylğan ber jazu tabyldy* [КД: 3] ‘Нашли

письмо, написанное на белом атласе’; ***ozyn*** *nasyxätlär äjtmä* [КД:8] ‘Не давай долго наставлений’; *qačanğa čaqly bu* ***tar*** *ojamyzda jabylyb toryrmyz* [КД: 7] ‘До каких пор будем сидеть взаперти в нашем узком гнезде?’; *ber* ***ujsu*** *jirgä jitde* [КД: 2] ‘Доехал до низинного места’; ***tar*** *počmağymdağy* ***taš*** *jasdyğym…* [КД: 3] ‘Моя каменная перина в моем тесном углу..’; *borynğy* ***oluğ*** *padišahlarnyη ğadäte* [КД: 3] ‘Обычай древних великих царей’; *padišah xäzinäsendä bulmağan* ***tansyq*** *zatlar tabdylar* [КД: 3] ‘Нашли небывалые в сокровищнице царя редкостные вещи’; ***pulad*** *jozaq belän biklängän ber sandyq…* [КД: 3] ‘Запертый на стальной замок сундук..’; ***jaxšy*** *jimeš birmäs* [КД: 5] ‘Не получишь хорошего урожая’; ***aq*** *saqally qart* [КД: 2] ‘Старик с белой бородой’; ***čiten*** *eškä kerešmäkče bulasyη* [КД: 7] ‘Хочешь приступить к сложному делу’; ***güzäl*** *surätlär näqyš ideb* [КД: 7] ‘Нарисовав красивые картинки’; ***jaxšy*** *aty juğalmas* [КД: 4] ‘Не забудется его доброе имя…’; ***qara*** *kümer …* [ТН: 7] ‘Черный уголь..’; ***oluğ*** *šähär* [ТН: 2] ‘Большой город’; ***kürkäm*** *eš* [ТН: 6]. ‘Благое дело’; ***xuš*** *awaz* [ТН: 82] ‘Приятный голос’; ***güzäl*** *qyz* [ТН: 39] ‘Красивая девушка’; ***ğaziz*** *qart* [ТН: 2] ‘Святой старик’; ***izge*** *keše* [ТН: 2] ‘Святой человек’; *xasän camal* [ТН: 2] ‘Ослепительная красота’; ***bičara*** *Mahšäkär* [ТН: 8] ‘Несчастная Махшакар’; ***oluğ*** *köjmäder* [Әбу: 61] ‘Большая лодка’.

Что касается сравнительной и превосходной степеней, то они широко представлены в тексте произведений «Кырык вәзир кыссасы» и «Калила и Димна». Сравнительная степень выражена синтетическими формами, образованными аффиксами *-raq/-räk:* ***kübräk*** *waqyt* [Әлфу: 8] ‘Большая часть времени’; *oluğlyqqa ğalim keše* ***lajyqraktyr*** [КВ: 20] ‘Ученый человек достоин величия’; *safasy jänä* ***artyğraq*** *bulyr* [КД: 8] ‘Спокойствия будет еще больше’; ***jaxšyraq*** *dustlar tabarğa* [КД: 9] ‘Найти друзей получше’ и др.

Наблюдается также образование сравнительной степени аналитико-синтетическим путем, например, *bu söjlägän xikäjädän* ***ğacäbräk*** *xikäjä bardyr...* [Әлфу:127] ‘Есть рассказ, более интересный этого’; *bu xikäjädän däxi* ***ğaräjebräk, ğacäbrak*** *xikäjä bar* [Әлфу: 51] ‘Имеется рассказ, более

интересней и любопытней’; *dönja närsäseneη* ***jaxšyrağyn*** *kürgäč* [КВ: 22] ‘Он увидел лучшее из всего, что есть на свете’; *andan* ***qyjmmätleräk*** *närsälär…* [КД: 3] ‘Вещи ценнее его самого..’;.

Превосходная степень образована двумя способами.

1. редупликация сокращенных форм качественных прилагательных в основном встречается в словах тюрко-татарского происхождения: *ğorbät ber öjder anda xurlyq* ***tub tulydyr*** [КД:8] ‘Скитание – это дом, который преисполнен позора’; *ul jirneη hawasy wä* ***jäm jäšel*** *bolynnary wä ağačlary wä sulary wä čäčäkläre wä gölläre bik kilešde* [КД:9] ‘Ему пришло по душе и воздух, и зеленые луга, и деревья, и вода, и цветы’; ***jäm jäšel*** *üläη östendä ber baj macles qylmyšlar* [Әбу: 92] ‘На зеленой траве накрыли богатый стол…’; ***qaty-qaty*** *süzlär äjtkänenä ükende* [ТН: 85] ‘Сожалела о том, что сказала грубые слова’; ***qop-qory*** *mäjet ulmyšlar* [Әлҗилдү, 4: 143] ‘Превратились в высохшие трупы...’; *cire* ***qap-qara*** *urynğa kileb* [Әлҗилдү, 4: 123] ‘Они прибыли на местность, где земля черная-черная...’; ***qyb-qyzyl*** *qanğa bujalyb jatalar* [ТН: 133] ‘Лежат красные, в крови’; ***sab-sary*** *boğdaj beläη tulmyš* …[ТН: 65]’Полон желтым зерном’; *itsä törle* ***ğyjš-ğyjšrätlär*** *beläη mäsrur bulyr idek* [Әбу: 35] ‘Мы насладились бы различными пиршествами...’; *ğorbät ber öjder anda xurlyq* ***tub tulydyr*** [КД: 8] ‘Скитание – это дом, который полон позором’.

Редупликация полных форм прилагательных наблюдается как в исконно татарских, так и заимствованных словах: ***jaxšy-jaxšy*** *šäräblär* [Әлҗилдү, 2: 75] ‘Превосходные вина’; ***näfis-näfis*** *täğamlär* [Әлҗилдү, 5: 125] ‘Вкуснейшие лакомства’; ***qaty-qaty*** *süzlär äjtkänenä ükende* [ТН: 85] ‘Сожалела о том, что сказала грубые слова’; ***Kečkenä kečkenä*** *bawyrsaq jasadylar* [Әбу: 75] ‘Слепили (из теста) маленький баурсак’; иллюстрируют употребление в языке произведения интенсивной степени сравнения прилагательных.

2. С помощью универсальных средств как в исторической морфологии, так и в современном татарском языке: *bik, ğajät* ‘очень’, *iη* ‘самый’: ***bik*** *matur*

[Әлфу: 60] ‘Очень красивая’; ***bik*** *xätär* [Әлҗилдү, 4: 312] ‘Очень опасен’; ***ğajät*** *šärif adäm* [Әлфу: 62] ‘Очень знатный человек’; ***ğajät*** *matur* [Әлҗилдү, 6: 321] ‘Очень красивый’; ***iŋ*** *zur manara* [Әлҗилдү, 5: 125] ‘Самый большой минарет’; ***ğajät*** *ğüzäl ber uğly bar ide* [КВ: 32] ‘У него был очень симпатичный сын’; *anyŋ ber* ***bik*** *ğüzäl xatyny bar ide* [КВ: 14] ‘У него была очень красивая жена’; ***ğajät*** *ğajrätendän saqalyn čäjnäb* [КВ: 32] ‘От излишной энергии (возбужденности) начал жевать свою бороду’.

В отличие от современного татарского языка, в анализируемых произведениях мы наблюдаем употребительность частицы *ğajät* (гаять).

Уменьшительня степень качественных прилагательных в текстах кысса не наблюдается.

В текстах изучаемых произведений имеются также относительные прилагательные, выражающие признак предмета через отношение к другим предметам и явлениям. Все зафиксированные в текстах относительные прилагательные образованы полифункциональными аффиксами *–ly* (1) и *-syz* (2):

1. *ozyn* ***saqally*** *keše* [Әлфу: 197] ‘Человек с длинной бородой...’; ***saqally*** *adämlär* [Әлҗилдү, 6: 325] ‘Бородатые люди’; ***jegärle*** *at* [Әлҗилдү, 5: 121] ‘Резвый конь’; ***zur näselle*** *wäzir* [Әлҗилдү, 2: 40] ‘Визирь с большой родословной’; ***surätle*** *cäjmä* [Әлҗилдү, 2: 51] ‘Узорчатая скатерть’; ***därja misally*** *ğaskäre ilä...* [Әлҗилдү, 2: 76] ‘С войсками, подобными реке’; ***färeštä misally*** *jeget* [Әлҗилдү, 2: 75] ‘Парень, подобный ангелу’; ***šäcäğatle*** [Әлҗилдү, 2: 79] ‘Смелый’; ***cännät misally*** *cortny xäjran bulyb* [Әлҗилдү, 4: 171] ‘Увидел и удивился дому, подобному раю’; ***ğaqylly*** *däxi öč wäzire bar ide* [КВ: 40] ‘Также было у него три мудрых визиря’; ***ğaqylly*** *keše uldyr härber ešne meŋ törle fiker idär* [КВ: 17] ‘Умный человек тот, который каждое дело обдумывает тысячу раз’; *öč* ***gönahly*** *kešene anyŋ qatyna cibärde* [КВ: 19] ‘Трех грешных людей отправил к нему’; ***qimmät bähäle*** *nasixätlär…* [КД: 6] ‘Очень ценные советы..’; ***däwlätle*** *padišah bar ide* [КД: 2] ‘Жил-был очень богатый царь…’; ***ixlasly*** *dust* [КД: 4] ‘Искренний друг ‘; ***mäkerle*** *qarčyq* [ТН: 7]

‘Коварная старуха’; ***näcelle zat*** [ТН: 6] ‘Именитый человек’; ***fäsix telle*** [ТН: 4] ‘красноречивый’; ***tämle süzle*** [ТН: 4] ‘Сладкословный’; ***göl jözle.…*** [ТН: 4] ‘Красивая как цветок…’; ***mally säwdägär*** [ТН: 86] ‘Богатый купец’.

2. ***xisabsyz*** *xatyn tajfäse...* [Әлҗилдү, 5: 125] ‘Бесчисленное количество женщин’; ***ğaqylsyz*** *ğaräb* [Әлҗилдү, 2: 6] ‘Слабоумный раб’; ***xisabsyz*** *atly ğaskär ...* [КВ: 10] ‘Бессчетное число конных воинов’; ***insafsyz*** *uğyl…* [КВ: 16] ‘Невоспитанный сын’; ***gönahsyz*** *balağa qasd itmä* [КВ: 17] ‘Не мсти безгрешному ребенку’; ***yšanyčsyz*** *närsälär artynnan jörmägäj* [КД: 7] ‘Не занимайся сомнительными делами’.

Большинство имен прилагательных в тех же грамматических формах, зафиксированных в произведениях, широко используются и в современном татарском литературном языке.

4.3. Имя числительное

Имя числительное – часть речи, которая обозначает названия отвлеченных чисел, количественного признака предметов или порядка предметов.В произведениях кысса данная часть речи представлена не так обширно, как другие именные части речи. Наиболее активную группу составляют количественные числительные, которые выполняют различные стилистические функции.

Числительное ***ber*** (бер) **‘один’** в текстах чаще указывает на временной отрезок в количестве одного часа, месяца, года и др.: *Qyrmysqa šikelle ğaskär* ***ber*** *säğattä nämud buldy* [Әбу: 63] ‘Многочисленное, подобно муравьям, войско исчезло в течении часа....’; ***Ber*** *märtäbä su ečärlär ide* [Әбу: 6] ‘Один раз пили воду’; ***Ber*** *comğa ečendä qajtarmaq ixtijaryn* ***šart qyldylar*** [ТН: 5] ‘Договорились вернуть в течение одной недели’; *qajğyly küŋelemne* ***ber*** *däqyjqa säxäbätlege belän kinändersä ide* [КД: 3] ‘Обрадывал бы мою печальную душу своим минутным визитом....’; ***Ber*** *jyl muttasyl mäğarädä jatyb … sač wä saqallary jiteb bir-berenä qaryšub wä tyrnaqlary ozajyb ber ğacäjeb surätdä bulğan idelär...* [Әбу: 7] ‘Прожив целый год в пещере их волосы и

борода отросли и переплелись друг с другом и их ногти также отросли и обрели они ужасный вид…’; ***ber*** *säğat qadäre qarab säjir qyldy* [КВ: 8] ‘Совершил ознакомительную прогулку в течение одного часа….’; *ber atnalyq šatlyq – kilenlekder...* [Әлҗилдү, 4: 3] ‘Радость длиною в неделю – замужество ...’;

указывает на единичность предмета, например, *ečendä bän jawlyqlarğa bäjläb qujğan altynlar* ***ber*** *danäse dä betmägän...* [Әлфу: 145] ‘Внутри находятся золотые монеты, завернутые мною в носовые платки и ни один из них не израсходован’; *Šul qyznyη* ***ber*** *märtäbä qarawy bäğremne pärä pärä qylyb ğaqylymny pärišan wä üzemne zar wä ğarjan itde* [Әбу: 26] ‘Один взгляд этой девушки разорвал мое сердце, лишил меня разума, и заставил меня стонать и плакать’; ; *Gali Zibaq suny ečeb satučyğa* ***ber*** *altyn birde ...* [Әлҗилдү, 5: 18] ‘Али Зейбак выпил воду и отдал водоносу одну золотую монету...’.

на малое количество: ***ber*** *süz belän sine ükenderermen* [КВ: 52] ‘Одним словом тебя заставлю раскаяться....’; *Märjam buηar küzenä* ***ber*** *jodryq ordy frank ğözer teläb äjtde* [Әлҗилдү, 6: 198] ‘Марьям один раз ударила его кулаком в глаз, европеец, прося прощения, сказал...’; ***ber*** *kälimä süz teleηä kitermä* [КВ: 5] ‘Не произноси ни одного слова’;

на общность, единство, целостность, то есть число один обладает качествами целого: *mämläkät ešlärendä* ***ber*** *ağyzly bulsynlar* [КД: 4] ‘В государевых делах пусть все имеют одно мнение’; *ike qarendäš kügärčen* ***ber*** *ojada toryb* [КД: 7] ‘Два родственника-голубя жили в одном гнезде’; *Wäzir padišahnyη aldyna* ***ber*** *tabaq bal kiterde* [КВ: 40] ‘Визирь принес царю один тазик меда…’; *Irlädä süz* ***ber*** *bulyr…* [Әбу: 70] ‘Мужчина скажет один раз…’;

Лексема *ber* ‘один’ также используется для выражения неопределенности, в этом случае преобретает качествва неопределенного местоимения: ***ber*** *wäzirem bardyr, Абуl-Xaris dijärlär* [ТН: 4] ‘У меня есть визирь, его зовут Абуль-Харис....’; ***ber*** *süzem bar, äjtim, aηlab anyη belän eš qyla kür…*[ТН: 26] ‘У меня есть разговор к тебе, хочу сказать, пользуйся им с

пониманием....'; *Šämsetdinneŋ xatyny färeštä kebi* ***ber*** *matur qyz tuğyrdy ...* [Әлфу:103] 'Жена Шамсутдина родила подобную ангелу дочь ....'; ***ber*** *xatynnyŋ ike irgä baruwy qajsy mäzhäbdä döres?!* [ТН: 28] 'В каком мазхабе (Ислама) видено, чтоб одна женщина вышла замуж (одновременно) за двух мужчин?!' и др.

Числительное ***ike*** (ике) **'два'** наделено семантикой 'парность, дуальность, больше одного', которая часто встречается в текстах кысса: *bašqa wilajätkä kit, ber kükdä* ***ike*** *mah bulmas* [Әбу: 102] 'Уезжай в другую область, на небе не бывает двух лун...'; ***ike*** *wäzire bar ide, bere bik ğalim wä bere bik nadan ide* [КВ: 39] 'У него были два визиря, один – очень умный и другой – очень глупый'; *ečendä qajnar xälendä majğa qyzdyrylmyš* ***ike*** *tawyq* [Әлҗилдү, 4: 196] 'Внутри лежали две горячие жареные в масле курицы'; ***ike*** *barmaq qadär tamyry bar* …[Әбу: 82] 'У него имеется корень толщиной двух пальцев....'; ***ike*** *tutyj bere irkäk, ikenese döše* [ТН: 149] 'Два попугая, один самец, другая самка....'; *Bu* ***ike*** *batyr küzlären čekeräjteb ber bersenä qasd itdelär* [КД: 10] 'Эти два борца, выпучив глаза, напали друг на друга …'; *Menä julda* ***ike*** *ügez ber bere beläп oryšyb mögezläre beläп sözešeb či qanğa töškännär* [КД: 45] 'Вот на дороге два быка бились друг с другом рогами и проливали кровь…'; *Anyŋ xezmätendä* ***ike*** *danä wä ziräk šaqal bar ide, bereneŋ aty Kälilä, bereneŋ aty Dimnä ide* [КД: 30] ' У него на службе были два умных и мудрых шакала, одного из них звали Калила, другого Димна'; ***ike*** *bäradär mäğlüm täräzädän qarab, jegerme carijä ilä jegerme ğaräbne kürgäč...* [Әлфу: 5] 'Два брата, посмотрев из окна, увидели двадцать рабынь и двадцать рабов…'; ***ike*** *dust qočaqlašyb bäxilläšdelär* [КД: 9] 'Два друга обнялись и попрощались'; *ber ata, ber anadan igez* ***ike*** *bala dönjağa kileb* [Әбу: 9] 'Родились от одной матери и одного отца два близнеца'; *Arslan qujny* ***ikegä*** *ajyryb* [ТН: 70] 'Лев разорвал овцу на две части' и др.

В функционировании числительного ***öč*** (өч) **'три'** в текстах кысса прослеживается та семантика, которая присутствует в сказках, в мифологии, в легендах. Число три – символ завершенности, удачи, надежности,

множества: ***Öč*** *gönahly kešene anyŋ qatyna cibärde* [КД: 19] ‘Троих грешников отправил к нему....’; ***Öč*** *kön istiräxät ideb* ‘Отдохнув три дня...’; *Bän šah xozuryna kileb, jirne* ***öč*** *märtäbä übeb tordym* [Әлфу: 71] ‘Я поклонился перед шахом и три раза поцеловал землю’; *ğaqylly däxi* ***öč*** *wäzire bar ide* [КВ: 40] ‘Также было у него три мудрых визиря’; *Uğlym, söjlä,* ***öč*** *jašendä bulğannyŋ xikäjäse ničekder?* [Әлҗилдү, 4: 183] ‘Расскажи, сынок, каков будет рассказ трехлетнего ребенка? ’; ***Öč*** *uğlymnyŋ qajsysyn lajyq küräsez?* [КВ: 18] ‘Кого из троих моих сыновей вы считаете достойным?’; *Uğlannyŋ moradyn aŋlady čönki ğyjlem* ***öč*** *törleder* [КВ: 38] ‘Он понял желание парня, так как знание бывает трех видов…’; ***Öč*** *kön istiräxät ideb* [Әлфу: 25] ‘Отдохнув три дня...’; *ni qadär fajda bulsa,* ***öčemezgä*** *bülermez* [Әлфу: 19] ‘Сколько бы ни получили прибыли, разделим её на троих…’.

Числительные ***dürt*** (дүрт) **‘четыре’**, ***biš*** (биш) **‘пять’**, ***alty*** (алты) **‘шесть’** в произведениях больше чаще указывают на количество, на отрезок времени, пространства: *ačyla torğan* ***dürt*** *täräzäse bar ide* [КВ: 8] ‘Там было четыре окна, которые свободно открывались’; *äj Räzzaq Mutäğal bu qolyŋ köndä* ***dürt*** *märtäbä awymny därjağa salyb* [Әлфу: 25] ‘О, Всевышний, этот твой раб каждый день всего четыре раза бросает свою сеть в реку’; *šah bu balyqlardan ğacäbkä qalyb, balyqčyğa* ***dürt*** *jöz altyn bireb* [Әлфу: 39] ‘Шах был удивлен глядя на этих рыб и заплатил рыбаку четыреста золотых’; *šähäremne* ***dürt*** *tağ itde ...* [Әлфу: 48] ‘Она превратила мой город в четыре горы’; ***dürt*** *jäšenä jitkändä ostazğa birdelär* [ТН: 39] ‘В четыре года отдали учиться’; ***dürt*** *törle närsäne al* [Әлҗилдү, 4: 200] ‘Возьми четырех вещей...’; ***dürt*** *ağaj-enelärneŋ süzlären išeteb* [ТН: 70] ‘Услышав разговор четырех братьев...’; *bu majmyllarnyŋ bujy här bere dürt qaryš qadär bar ide ...* [Әлҗилдү, 4, с. 86] ‘Рост у этих обезьян четыре пядей...’; ***biš*** *adämlär ilä totyb bunda kiterdek* [Әлҗилдү, 5: 11] ‘Мы впятером ее поймали и привезли сюда’; *Qyz qapčyq čyğaryb jözek sanady,* ***biš jöz*** *jözek buldy* [Әлфу: 7] ‘Девушка достала мешок и посчитала количество перстней, набралось пятьсот штук’; ***biš*** *ajaqly canwar digän – bet imeš* [КВ: 66] ‘Так называемый хищник с пятью лапами - оказалась вошью’;

sin bäŋa alty töstle jefäk alyb qajt [Әлҗилдү, 6: 196] ‘Ты привези мне шелк в шести цветах’; ***alty*** *jök qar ni bähä toryr, aqčasyn bireb jibärde* [КВ: 111] ‘Сколько стоило шесть повозок снега, расплатился деньгами’.

Употребление числительного ***jide / jite*** (җиде) **‘семь’** в текстах кысса вызывает особый интерес. Во многих культурах число семь отличается сакральностью, оно воспринимается как символ счастья, удачи и благополучия.

Как указывает известный тюрколог Э. Р. Тенишев, число семь у тюрков образует широкий круг понятий с устойчивой тенденцией - в обозначении религиозных представлений разных конфессий, формировании астрономических терминов и представлений, построении фольклорных сюжетов, пословиц и поговорок [Сравнительно историческая грамматика, 2006: 633].

В исламе число семь также имеет сакральное значение. В священном Коране часто встречается понятие *семь небес*. В произведениях мы также встречает данное понятие, например, *Xaq Täğalä aŋa* ***jide*** *qat kükne … kürsätde* [КВ: 5] ‘Всевышний показал ему семь уровней неба...’; ; ***jide*** *qat kük, här berene qalynlyğy biš jöz jyllyq juldyr* [КВ: 7] ‘Семь уровней неба, толщина каждого составляет путь в пятьсот лет...’; *aŋa* ***jide*** *qat kükne,* ***sigez*** *ostaxny,* ***jide*** *tämuğny jöreb kürsätde* [КВ: 7] ‘Ему показал семь слоев неба, восемь уровней рая, семь уровней ада....’.

Число семь указывает на значение ‘чужой, далекий мир’: *bunlar* ***jide*** *diŋgezne üteb, ber tawğa jiteb ...* [Әлҗилдү, 4: 37] ‘Они прошли через семь морей, и дошли до горы’; ***jite*** *čaqrym qadär kitkäč, ber näfis saxrağa čyqdylar ...* [Әлҗилдү, 5, с. 120] ‘Когда они прошли семь километров, вышли на прекрасную долину...’;

на значение ‘большое количество, длительность’: *Täwarix kitablarynda riwat qilyb jazalar, ğacäm jortynda Xankin isemle ber oluğ padišah bar ide,* ***jide*** *äqlim anyŋ quly astynda ide* [КВ: 2] ‘В исторических книгах повествуя пишут, что в Персии жил-был великий царь по имени Ханкин, в его подчинении

были семь провинций...'; *Äj qajyn atam xäzrätläre, qyzyŋyzny ğafu qyldym dijeb,* ***jide*** *kön tuj ideb, šadlyqda, ülgänče, jäğni ğomerläre bujynča qaldylar* [Әлҗилдү, 6: 381] 'Сказав: «О, мой свекор, я простил Вашу дочь», они семь дней отпраздновали свадьбу, и всю жизнь, до своих последних дней, остались в радости'.

Зафиксировано и антонимическое значение 'короткий срок времени': ***jide*** *köndä mondyj oluğ xämäm bina qylmaq niček mömkin bulyr?*[Әбу: 9] 'Как можно было построить такую огромную баню в течение семи дней?'.

Для передачи понятия 'семь' также используется арабское числительное ***säbğa:*** *Jäš waqytda Qor'än šärifne riwajät* ***säbğa*** *ilä bikläb bänem nam wä šöhrätem* ***jite*** *äklimdä šäjjiğ ide* [Әлфу: 64] 'В молодости я выучил священный Коран и «Семь рассказов»… и мое имя и слава были распространены в семи областях'.

В текстах кысса употребляются и другие количественные числительные, семантика которых довольно схожа.

Большинство числительных указывают на большое количество объектов, субъектов, явлений, например, *Mäkkädäge jeget Allahydan qurqğan öčen* ***un*** *jökle täwä zahir bulğan kebek* … [КВ: 82] 'Подобно тому, как парню из Мекки, за то что побоялся Аллаха, достался караван из десяти груженных верблюдов…'; ***un*** *danä alma kitereb äjtde* [КВ: 80] 'Принес десят яблок и сказал....'; *mälik wäzire Fazyl Xaqanğa* ***un meŋ*** *altyn bireb äjtde* [Әлфу: 202] 'Однажды царь отдал своему визирю Фазылу Хакану десять тысяч золотых и сказал...'; ***un*** *qart, bar da aq saqally* [Әлҗилдү, 4: 152] 'Десять стариков, все с седыми бородами...'; ***Unike*** *kešene alarğa ilče ideb jibärde* [КВ: 18] 'Отправил им в качестве послов двенадцать человек …'; *ike bäradär mäğlüm täräzädän qarab,* ***jegerme*** *carijä ilä* ***jegerme*** *ğaräbne kürgäč...* [Әлфу: 5] 'Два брата, посмотрев из окна, увидели двадцать рабынь и двадцать рабов…'; *julda baranda ber fäqyjrgä rast kileb (...)* ***jegerme*** *altynyn bireb…* [Әлҗилдү, 4: 208] 'По дороге встретил нищего и отдал ему свои двадцать золотых монет…'; ***utyz*** *jyl diŋgezdä gizeb* [КВ: 67] 'Тридцать лет он провел на море…'; *jasdyq*

*östenä ber jawlyqğa töreb **ille** altyn qujdym ...* [Әлфу:141] ‘Я положил на перину завернутые в платок пятьдесят золотых монет...’; *xäkim buny **jirgä** jatqyzyb, ille qamčy qadär orğač ...* [Әлфу: 187] ‘Когда судья положив его на землю, ударил кнутом пятьдесят раз...’; ***ille** ğaskär alyb cäwdärneŋ öjenä kitde* [Әлҗилдү, 4: 212] ‘Он взял с собой пятьдесят солдат и направился в дом Джудара...’; *ber mälik bar ide, **jitmeš** ike ölkäjä mälik ide ...* [Әлҗилдү, 3: 36] ‘Жил-был царь, правил он семьюдесятью двумя областями...’; *bez äjtkän jul qaf tawynnan **jitmeš** jyllyq jul ...* [Әлҗилдү, 4, с. 40] «дорога, о которой мы говорили, находится в расстоянии семидесяти лет пути от Кавказских гор...»; ***jöz** atlylar wä ber görux saqčylar qaršy kileb, küz küreme qadär kiŋ ber mäjdannan kičeb ber oluğ diwan cirenä kiterdelär* [Әбу: 317] ‘Их встретили сто конных и группа пеших воинов, привели их к зданию крупной канцелярии через расстояние, которое могут охватить глаза’; *Xäkim bunyŋ süzen qolaqqa almaj **jöz** qamčy suğarğa ämer itde ...* [Әлфу: 187] ‘Судья, не обращая внимание на его слова, велел дать ему сто ударов кнутом....’; *Cudär äjtde: bän ul külgä mäğräbilärne tašlab, här kön **jöz** altyn aludan tuqtamam ...* [Әлҗилдү, 4: 191] ‘Джудар сказал, что не перестанет бросать в это озеро марокканцев и получать каждый день по сто золотых монет’; *qyz qapčyq čyğaryb jözek sanady, **biš jöz** jözek buldy* [Әлфу: 7] ‘Девушка достала мешок и посчитала количество перстней, набралось пятьсот штук’; *Sin **meŋ** altynğa sömbelä al, bik küb fajda qylarsyŋ* [ТН: 5] ‘Ты купи на тысячи золотых монет гиацинта и получишь большую прибыль...’; ***qyryq dan**ä zifa mišä ağačy kiseb alyb kilde* [Әбу: 8] ‘Он срубил и привез сорок штук стройных стволов дуба’; *bäŋa itkän jaxšylyğyŋa här ajyna **ike meŋ** altyn wazyjfa bireb...* [Әлҗилдү, 1, с. 117] ‘За оказанное мне добро я назначу тебе жалование в размере двух тысяч золотых монет в месяц’; ***ike meŋ** taš jöräkle batyr kešelärne qujyb* [КВ: 25] ‘Поставил охрану из двух тысяч мужественных людей с каменным сердцем....’.

Некоторые числительные указывают на совершенолетие, на возраст: *atylğan jašen kebi ber matur **undürt** jašenda qyz jögereb čyğyb bäŋa äjtde ...* [Әлҗилдү, 2: 56] ‘Девушка лет четырнадцати, как молния выбежала из

комнаты, подошла ко мне и сказала...'; ***unbiš*** *jäšenä kilgändä eš wä käsebkä kertdelär* [ТН: 39] 'Когда исполнилось ему пятнадцать лет, устроили его на работу'; ***unbiš*** *jäšenä kerdekdä bän säwdä öčen čit šähärgä kitdem* [Әлфу:12] 'Когда сын достиг пятнадцати лет, я поехал в другой город заниматься торговлей'; ***jegerme*** *jäšenä jitkänče xaramğa mil itmäsen häm üz üzen saqlasyn dib* [ТН: 3] 'Будем ждать, пока ты не достигнешь двадцати лет, с тем, чтобы ты сберег себя…'.

Числительные сорок, сто тысяча указывают также на неопределенное большое количество: *Andan soŋ padišah barča wäzirlären, biklären, wä bašqa ğawam xalqyn cyjyb oluğ zyjäfät qyldy, ničä ujynčylar törle niğmätlär belän šahzadäne xalas buluyna šadlyq ideb* ***qyryq*** *köngäčä zäwyq wä safalar itdelär.* [КВ: 159] 'После этого правитель собрал всех своих визирей, беков, простых людей и устроил большой пир, с участием большого количества музыкантов. Много было различных блюд, от радости сорок дней отпраздновали освобождению принца; *Qylny* ***qyryqğa*** *jaryr ide* [Әбу: 4] 'Смог бы разделить нить на сорок частей...'; *bäŋa aq tänle ğajät matur* ***qyryq*** *carijä kitereŋez* [Әлҗилдү, 4, с. 210] 'приведите ко мне сорок красивых белокожих наложниц'; *šadlyq ideb* ***qyryq*** *köngäčä zäwyq wä safalar itdelär* [Әлҗилдү, 4: 210] 'От радости пировали до сорока дней'; ***meŋ*** *bäla belän tozaqny özde* [КД: 11] 'В результате тысячи мучений ему удалось вырваться из ловушки...'; ***meŋ*** *can belän ğašiq bulyb* (3; ТН), «Поуши влюбился в нее»; *ğaqylly keše uldyr härber ešne* ***meŋ*** *törle fiker idär* [КВ: 17] 'Умный человек тот, который каждое дело обдумывает тысячу раз' и др.

В текстах кысса встречаются и порядковые числительные и лексемы передающие грамматическое значение этого разряда. Например, в произведениях понятие 'первый' выражено лексемами ***äwäl*** (әүвәл) и ***äwälge*** (әүвәлге)***:*** *Xaq Täğalä alarny dürt törle bälağa totqyn idär:* ***äwäl*** *ğomeren qysqa qylyrlar, ikenčese üzeneŋ östenä došmanlyq qylyrlar, öčenče došmanlaryna järdäm birgän bulyb došmanlary nasarät tabarlar, dürtenče qyjämät könendä Xaq Täğalä aŋa ğazab qylyr* [КВ: 7] 'Аллах Всевышний сделает зависимым их от

четырех бед: первая - сократит им жизнь; вторая - проявит по отношению к ним враждебность’; третья - будет помогать их врагам, и враги их одолеют; четвертая - в судный день Всевышний их будет мучить’; ***äwälge*** *kičä* [Әлфу: 13] ‘Первая ночь’; ***äwälge*** *xälenä qajtdy* [Әлҗилдү, 4: 165] ‘Вернулся в первоначальное состояние...’;

Однако, слово ***äwälge*** в контексте может быть использован для передачи значения ‘древний, прежний’: ***äwälge*** *zamanda Hind jortynda ber säwdägär bar ide* [TN, с. 10] ‘Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец…’; ***Äwälge*** *kibeten bizäb munaqqaš ber kibet bina* ***qylyb birde*** [Әбу: 25] ‘Он разукрасил его прежний магазин и построил новый раскошный магазин’; *bäxetem wä däwlätem* ***jänä*** *qajtyb* ***äwälge*** *xälem kiläčäkder* [КВ: 43] ‘Мое счастье и богатство снова вернутся и все будет как прежде’;

Остальные порядковые числительные образованы от количественных при помощи аффиксов ***-ynčy –enče*** (-ынчы / -енче): ***Ikenče*** *qyzylbaš allaryna kileb äjtde* … [Әлфу: 64] ‘Второй календер подошел к ним и сказал....’; *ber jimešne özeb aldy isä urynyna* ***ikenčese*** *üsä toryr* [КВ: 98] ‘Если сорвешь плод, то на его месте вырастит другой ....’; *ber ata ber anadan igez ike bala dönjağa kileb berenä Äbuğalisina* ***ikenčesenä*** *Äbulxaris dib isem qujdylar* [Әбу: 3] “Родились от одной матери и одного отца два близнеца, одного назвали Абугалисина, второго Абульхарис; *Misyr dijärendä Gomär isemendä ber säwdägär bar ide bunyη öč uğly bulyb berse Sälim* ***ikenčese*** *Sälim ö****čenčese*** *cudär isemendä idelär* [Әлҗилдү, 4, с. 186] ‘В Египте жил купец по имени Омар, у него было трое сыновей, одного звали Са́лим, второго Салӣм, третьего Джудар’; ***Dürtenče*** *wäzir kileb äjtde* [КВ: 26] ‘Четвертый везирь подошел и сказал…’; ***Dürtenče*** *kičä* [Әлфу: 21] ‘Четвертая ночь’; ***Bišenče*** *wäzir kileb äjtde* [КВ: 31] ‘пятый везирь подошел и сказал…’; *šah Junan* ***altynčy*** *käğazne ačqanda ah wah dijüb can birde* [Әлфу: 37] «царь Юнан, открыв шестую страницу, застонал и испустил дух»; ***jidenče*** *šišäne tükmägä kitergändä ajağyna ber närsä törteleb qulyndan šišä töšeb uwaldy* [Әбу: 112] ‘Когда он нес седьмую бутылку на слив, что-то зацепила его за ногу, бутылка упала и разбилась’;

Axyr ***sikezenče*** *kön čydaj almady* [Әлҗилдү, 4: 154] ‘В конце концов, в восьмой день он не смог выдержать…’; *ber häjbät güzäl qyz, ajnyη* ***undürtenče*** *kičäse kebek jözläre balqyb tora* [КВ: 45] ‘Красивая девушка, лицо светится словно луна в четырнадцатую ночь месяца’; *bik matur qyz janyna kileb čähräse ajnyη* ***unbišenče*** *kičäse kebi jaltyrar ide* [Әлфу: 138] ‘К нему подошла прекрасная девушка, лицо ее блестело как луна в пятнадцатую ночь месяца’.

Разделительные числительные образованы при помощи аффиксов *-ar, -är и –äm,* которые и в современном татарском языке являются грамматическими показателями данного разряда числительных. В произведениях разделительные числительные не особо распространены: *här qajsyna* ***berär*** *bajtal bağlab* [Әлҗилдү, 4: 77] ‘Привязав к каждому из них по одному скакуну...’; ***berär*** *bajğyš ber-berenä qaršy utyryr* [КВ:61] ‘Сидели друг против друга по одному филину...’; *munčadan čyqğan xatynlardan* ***beräm beräm*** *totyb sorady* [КВ: 9] ‘У каждой женщины, вышедшей из бани спрашивал’; *bujawčyğa häm išäkčegä* ***jözär*** *altyn bireb...* [Әлҗилдү, 5: 7] ‘Дал красителю и погонщику ослов по сто золотых монет’;

Приблизительные числительные представлены в основном парными словами: ***biš-alty*** *säğat kitkäč...* [Әлҗилдү, 4: 124] ‘Спустя пять-шесть часов’; ***ber-ike*** *köndän räxmäti xaqğa intiqal äjläde* [Әлҗилдү, 4: 154] ‘Через день-два умер...’; *säηa* ***dürt-biš*** *tin aqča birerlär* [КВ:9] ‘Тебе дадут четыре-пять копеек денег’; *xajwanlarnyη* ***ber-ikesen*** *totyb jijä ide* [КД: 50] ‘Каждый день он ловил одну-двух животных и съедал их...’; *härkön bezdän* ***ber-ikemezne*** *totasyη* [КД: 50] ‘Ты каждый день одного-двоих из нас ловишь ...’.

Таким образом, в произведениях жанра кысса наиболее распространены количественные числительные, в семантике которых представлены как номинативные так и культовые значения.

4.4. Местоимение

Местоимение – одна из древнейших частей речи. В современных тюркских языках выделяются многочисленные семантические группы

местоимения, например, в грамматиках современного татарского языка таких групп всего семь: личные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные, определительные, притяжательные [Тумашева, 1978: 95; Хисамова, 2006: 145], а в последнем издании Татарской грамматики - всего 6, в состав семантических групп не включены притяжательные местоимения [Татар грамматикасы, 2016: 311]. Среди них восходят к древнетюркскому языку и считаются базовыми личные, указательные, вопросительные [Җәләй, 2000: 120-121; Хисамова, 2017: 111-113].

Язык произведений, относящихся к жанру кысса, отражает языковую ситуацию исследуемого периода, поэтому анализ функционирования местоимений в текстах производится непосредственно в контексте языка того периода.

В текстах представлена полная парадигма *личных местоимений*, однако они отличаются фонетической вариативностью. В татарской поэзии второй половины XIX – начала XX века прослеживается продолжение традиций, вместе с тем, в произведениях, адресованных татарскому читателю, наблюдается частое повторение форм разговорного кипчакско-татарских форм [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 460]. Эта особенность прослеживается и в изучаемых произведениях.

Особенности становления современного татарского литературного языка наглядно демонстрирует употребление личных местоимений в текстах кысса.

Личное местоимение I лица единственного числа представлено формами *bän, män* и *min*. Параллельное употребление двух или трех форм в языке одного писателя является ярким примером поиска наиболее приемлемой формы, близкой к народно-разговорному языку. Так, например, в переводе сказок «Тысяча и одна ночь» функционируют формы *bän* и *män*: *balalar öčen* ***män*** *küb qajğyda...* [Әлҗилдү, 2: 4] ‘За детей я очень переживаю...’ *äfändem,* ***bän*** *any niček tabyb kiteräjem?* [Әлҗилдү, 2: 6]

‘Господин мой, как я могу найти его?’; ***bän*** *ber dä awaz qylğanym juq...* [Әлҗилдү, 2: 6] ‘Я ничего не сказал...’.

В произведениях «Абугалисина кыссасы», «Кырык вәзир» и «Калила и Димна» преобладает форма *män* ‘я’: ***män*** *häm jatqan jiremdä räxätdä bulyrmyn…* [КВ: 20] ‘Я буду лежать спокойно...’; ***män*** *jänä baryb padišahdan sorajymmy* [КВ: 110] ‘Я снова подойду к царю и спрошу у него…’; ***män*** *säneŋ ceneseŋdän bula toryb,* ***mäŋa*** *bu tozaqny beldermädeŋ* … [КД:10] ‘Я же твой сородич, а ты меня не предупредил об этой ловушке’; ***män*** *säne qarendäš sanab qatyŋa kildem…* [КД:10] ‘Я, считая тебя родственником, пришел к тебе..’; ***män*** *cen tügelder* [Әбу: 43] ‘Я не из джиннов…’ ***män*** *bulmasam mämläkät sineŋ qulyŋdan moŋarčy kitkän bulyr ide* [КВ: 68] ‘Если бы не я, то ты давно потерял бы свое царство’; ***män*** *qošlar telen belämen* [КВ: 61] ‘Я знаю птичий язык’; *bu därwišneŋ* ***mändä*** *nindi morady bar ikän dide* [Әбу: 20] ‘Что хочет от меня этот аскет...’.

В произведении «Тутыйнаме» Г. Фаезханова наблюдается использование только формы *min* ‘я’: ***min*** *däxi šulaj qotylyb kitärmen* [ТН: 83] ‘Я таким образом смогу избавиться …’; ***min*** *bu xatynny bašyma bälägäme ijärtämen* [ТН: 83] ‘Не на свою ли голову ли я беру с собой эту женщину …’; *jänä* ***minem*** *jörägem qajnar, čönki padišahlyqnyŋ milke wä cany xarab bulyrğa bara* [ТН: 7] ‘Опять мое сердце начинает кипеть, так как царство начинает разрушаться... ’; *saba jile, xäbäreŋ, barmy* ***minem*** *jöräk canymdan ber närsä kiterdeŋme?* [ТН: 7] ‘Ветер зари, есть ли у тебя весть от души моего сердца (возлюбленного)?’; ***Mine*** *satyb alasyŋ da oluğ fajdalarğa irešäseŋ* [ТН: 5] ‘Купи меня и добивайся высоких достижений’.

Как видно из примеров, наряду с использованием традиционных, свойственных письменному языку вариантов, налицо увеличение активности народно-разговорных вариантов местоимения I лица единственного числа в анализируемых произведениях.

Местоимение I лица множественного числа *bez* ‘мы’ указывает на группу лиц, к которым относит себя говорящий. В текстах данное значение

является основной: ***bezgä*** *här zaman baryb jörer ide* [Әлфу: 196] ‘Он всегда посещал нас’; *bezdä tuj baradyr* [Әлфу: 191] ‘У нас идет свадьба’; ***bez*** *šulaj idärmez…* [КВ: 23] ‘Мы так сделаем..’; ***bez*** *häm padišahymyzdan razyjmyz* [КВ: 20] ‘Мы тоже довольны своим царем’; ***bez*** *qačanğa čaqly bu tar ojamyzda jabylyb toryrmyz* [КД: 7] ‘До каких пор мы будем сидеть взаперти в своем тесном гнезде?’; ***bez*** *baryb … kilermez* [Әбу: 44] ‘Мы туда сходим…’; ***Bezne*** *firaq utyna saldyŋ* [Әбу: 44] ‘Бросил нас в огонь разлуки…’.

Местоимение II лица единственного числа *sin/ sän* ‘ты’ употребляется при обращении к собеседнику. В переводе сказок «Тысяча и одна ночь» наблюдается параллельное употребление обеих форм этого местоимения: ***sin*** *xörmä ašab, tošen atar irkän...* [Әлфу: 13] ‘Ты ел финики, а косточки выбрасывал на землю’; ***säne*** *häläk idäčäkem...* [Әлфу: 14] ‘Я тебя убью’;

В произведениях «Абугалисина кыссасы», «Кырык вәзир» и «Калила и Димна» предпочтение дается форме ***sän*** «ты»: *äj, jeget,* ***sän*** *kem?* [Әбу: 45] ‘Эй, парень, ты кто?; ***säne*** *monda kitergän uldyr* [Әбу: 34] ‘Тот (человек), который тебя сюда привел…’; ***sän*** *mäğšuqaŋny küreb azraq näfseŋ arzusyn aldyŋ* [Әбу: 44] ‘Ты, увидев свою возлюбленную, немного утешил свою душу…’; ***säne*** *abystaj čaqyra digen* [КВ: 153] ‘Скажи, что его приглашает хозяйка’; ***sän*** *däxi mäŋa jämin it* [КВ: 5] ‘Ты дай мне слово…’; *mänem soltanym,* ***säŋa*** *ni buldy?* [КВ: 5] ‘Царь мой, что с тобой случилось?’; ***sän*** *häm ükenečkä qalačaqsyŋ* [КВ: 28] ‘И ты будешь сожалеть...’; ***sän*** *päjğambärneŋ oluğ säxabälärendänme jäjsä kečeräkdänme?* [КВ: 103] ‘Ты из высокопоставленных сподвижников пророка или из низких?’; *Allahy Täğalä* ***sändän*** *razyj bulsyn* [КД: 2] ‘Пусть Всевышний будет доволен тобою...’; ***sän*** *kitablardan uqymadyŋmy* [КД:11] ‘Ты разве в книгах не читал’; ***sän*** *irtä torğač šähärdän čyğyb kön čyğyšy jağyna qarab jör...* [КД: 2] ‘Когда утром встанешь, выйди из города и иди на восток’; ***sän*** *aramyzdağy ničä jyllyq duslyq jeben kiseb* [КД: 9] ‘Ты хочешь, порвав многолетние узы дружбы…’; ***sän*** *xodaj rizasy öčen* [КД: 2] ‘Ты ради Всевышнего…’; ***sän*** *säfär mäšäqatlären tartqanyŋ juq* [КД: 8] ‘Ты (никогда) не переносил тяготы путешествия’; ***sän*** *mony*

belmäjseŋme [КД:11] ‘Ты разве это не знаешь?’; ***sän*** *dä män genä tügel* … [КД:11] ‘Не только ты и я…’;

В произведении «Тутыйнаме» зафиксировано функционирование только формы ***sin*** ‘ты’: ***sine*** *bu räwešle bälägä julyqtyrmyš* [ТН: 83] ‘Таким образом, он тебя бросил в бедственном положении…’; *min belämen ki* ***sineŋ*** *miŋa mäxäbbäteŋ xaqdyr* [ТН: 6] ‘Я знаю, что твоя любовь ко мне настоящая’; ***sinnän*** *telim ki mine satyb alasyŋ wä oluğ fajdalarğa irešäseŋ* [ТН: 5] ‘ Я хочу, что ты купил меня и стал богатым’; *äj ana,* ***sineŋ*** *äjtkän süzläreŋdän baš tartmamyn* [ТН: 35] ‘О, мама, я не отвергаю сказанные тобой слова...’; ***sin*** *ul waqyt äkrenläb kenä ğaqlyŋa kilgän bulyrsyŋ* [ТН: 83] ‘Ты тогда не спеша начнешь приходить в себя…’.

Личные местоимения II лица множественного числа *sez* ‘вы’ используются при вежливом обращении к одному лицу, в текстах преимущественно к правителям или при обращении к группе лиц: *äj ğaqylly wäzir,* ***sez*** *cänäbeŋezdän ütenäbez* [Әлҗилдү, 2: 9] ‘О, мудрый визирь, мы просим вас...’; ***sez*** *xalifägä kijäw buldyŋyz...* [Әлҗилдү, 2: 8] ‘Вы стали зятем халифа...’; ***seznеŋ*** *ilä oryš idämez...* [Әлҗилдү, 3: 19] ‘Мы будем сражаться с вами...’; ***sez*** *alyb kitkän xatyn mänem xälälemder* [КВ: 35] ‘Женщина, которую Вы увели, является моей женой’; *ni* ***sez*** *räxät tabarsyz ni män räxät tabarmyn* [КВ: 20] ‘И вы не найдете себе покоя, и я не найду’; ***sez*** *olyčylyq iteb mänem bu quwušyma täšrif ideŋez* [КД: 3] ‘Вы, уважив меня, посетили мою пещеру…’; ***seznеŋ*** *miŋa jaxšylyq telägänegezne belämen* [КД: 6] ‘Я знаю, что Вы желаете мне добра’; *any sezgä täqdim itäm* [КД: 3] ‘Я предлагаю его Вам’; ***seznеŋ*** *monda jalanğač tormaqyŋyznyŋ säbäbe nider* [ТН: 83] ‘В чем причина нахождения Вас в голом виде на этом месте?’; ***sez*** *qajda ideŋez?* [Әбу: 44] ‘Где вы были?’; *mäxäbbät uty äwwäl* ***sezdä*** *jandy* [Әбу: 34] ‘Огонь любви впервые загорелся у Вас…’; ***sez*** *bälki qabul itmässez* [ТН: 4] ‘Наверное, вы не примете…’.

Множественность собеседников передается также формой *sezlar*, образованной при помощи присоединения аффикса множественного числа

имени существительного *-лəр* к личному местоимению II лица множественного числа: *bäğzysy **sezlärne** istäb...* [Әлҗилдү, 2: 19] ‘Некоторые хотели (искали) вас ...’; ***sezlärdän** ütenämen, bu tuğryda jaxšy ujlab ... miŋa kiŋäš bireŋez* [КД: 6] ‘Я прошу вас хорошенько подумать и дать мне совет’; ***sezlär** fisäbilil lähi oryšqa čyqğač nä öčen qurqasyz* [Әлҗилдү, 2: 29] ‘Если вы вышли на поле сражения ради веры, почему же боитесь?’. Данная форма отсутствует в современном татарском литературном языке, но встречается в разговорной речи.

Местоимение *ul* «он», «она» или «тот»: ***ul** kilgäč carijälärgä išarät qylyb* [Әбу: 44] ‘Когда он придет, подайте знак рабыням…’; ***ul** qojynyŋ töbenä qarady* [Әбу: 60] ‘Он посмотрел на дно колодца…’; ***ul** ägär tölkeneŋ süzen totmasa ide* [ТН: 82] ‘Если бы она не прислушалась к словам лисы…’; ***any** mändän artyq söjämeseŋ jäki andan qurqamysyŋ* [КВ: 41] ‘Ты его больше меня любишь или ты его боишься’ и др.

Местоимение *ul* «он», «она» или «тот», чаще всего выполняет функцию указательного, нежели личного местоимения: ***ul** sandyqny ağačnyŋ külägäsenä qujyb, sandyqny ačty...* [Әлфу: 6] ‘Он положил тот сундук в тень дерева и открыл его...’; ***ul** qyz atasyn hafa kürgäč* **...** [Әлфу: 7] ‘Та девушка, увидев испугавшегося отца...’; ***ul** xatynny ülderer ide...* [Әлфу: 7] ‘Убивал ту женщину...’; ***ul** jeget šul biknеŋ xezmätendä čağynda* [КВ: 40] ‘Когда тот парень служил у бека…’; ***ul** wäzir padišahnyŋ aldyna ber tabaq bal kiterde* [КВ: 40] ’Этот визирь принес царю тазик с медом’; ***ul** jazu tämam buldy* [КД: 6] ‘Это письмо завершилось (словами)…’; ***ul** ğaqil padišah alarny üzenä imam itsä* [КД: 4] ‘Если этот умный царь сделает их своими наставниками…’; ***ul** jeget däxi qyzny xalas itärgä süz bireb* [ТН: 82] ‘Этот парень обещал спасти девушку’; ***ul** qartnyŋ ügrätüwe bujynča* [ТН: 39] ‘Следуя советам этого старца…’ ***ul** kön axšamğa kadär jöreb…* [ТН: 30] ‘В тот день они шли до вечера…’; ***ul** qyznyŋ üzen kürğäč... ...*[Әбу: 11] ‘**…** когда он увидел саму девушку…’**.**

Местоимение III лица множественного числа *alar / anlar* ‘они’ относится к группе лиц, которые не участвуют в коммуникативном процессе*:* *xammäl bu šartny kabul ideb, **anlar** ilä qaldy...* [Әлфу: 53] ‘Носильщик согласился с этими условиями и остался с ними...’; ***anlarny** kürgäč...* [Әлфу: 144] ‘Увидев их...’; *män **alarnyŋ** bajtaq jaramas ešlären sizdem* [КВ: 29] ‘Я заметила, что у них много нехороших дел’; ***alarnyŋ** xäjläsendän wä jawyzlyqlaryndan saqlarğa ictihad qylğanym öčen* [КВ: 29] ‘За то, что я охранял (Вас) от их хитростей и зла..’; *ämma **alar** forsat bulsa küzäteb toryrlar...* [КВ: 110] ’Однако они, пользуясь случаем, наблюдают за ним...’; ***alarnyŋ** mujynnaryn syndyrsa cihan tynyč bulyr* [КД: 4] ‘Если он сломает им шею, миру будет лучше’; *padišah **alarny** üzenä imam itsä* [КД: 4] ‘Если царь сделает их своими наставниками…’; *xyjalyŋda törle surätlär näqyš iteb **alarğa** küŋel biräseŋ* [КД: 7] ‘Ты рисуешь в своих мечтах живописные картины и увлекаешься ими’; ***alar** sine diwana bulğanlyqdan öjdän čyğyb kitkän dib…* [ТН: 84] ‘Они подумают, что ты ушла из дома будучи нервическом состоянии…’; ***alarny** kem kitersen?* [Әбу: 52] ‘Кто их приведет?’; ***Alarny** ülterergä xökem itde* [Әбу: 52] ‘Приговорил их к смерти…’.

Примеры демонстрируют, что в текстах преобладает форма *alar* (алар), ставшая литературной нормой современного татарского языка.

Из вопросительных местоимений в текстах исследуемых произведений зафиксированы такие как *nik?* ‘почему?’, ‘зачем?’; *niček?* ‘как?’; *ni?/ nä?* ‘что?’; *nindi?* ‘какой?’; *ničä?* ‘сколько?’; *niqadär?* ‘сколько?’; *qačan?* ‘когда?’, *qajda* ‘где?’ и другие.

Вопросительные местоимения *ni* и *nä* употребляются по отношению к предметам и явлениям: *sän **ni** ešlämäkče bulasyŋ?* [Әлҗилдү, 2: 6] ‘Что ты собираешься делать?’. В тексте произведений данные местоимения выступает в значениях ‘что’ (1) и ‘какой’ (2):

1) *qarčyq **nä** disen...* [Әлҗилдү, 5: 116] ‘Что может сказать старушка...’; ***nä** söjlärgä?* [Әлҗилдү, 5: 129] ‘Что говорить...’; *söjlä aŋa **ni** bulğan*? [КД:7] ‘Расскажи, что с ним случилось?’; *säfär mäšäqatlären tartyrğa säbäb **ni**?*

[КД:14] ‘Что побудило тебя взвалить на себя тяготы путешествия?’; ***ni*** *öčen mondyj jäšeren serlärne söjläb…* [ТН: 9] ‘Почему ты раскрыла эти секреты?’; ***ni*** *qylmaq kiräk …* [ТН: 5] ‘Ну что поделаешь…’; *joqynyŋ* ***ni*** *ikänen belgänem juq* [ТН: 88] ‘Уже забыл, что такое сон…’; *säbäbe* ***nider*** [ТН: 88] ‘В чем же причина?’; *Mindän* ***ni*** *istärseŋ ?* [Әбу: 39] ‘Что от меня хочешь?’; *Bolarğa* ***ni*** *xäl buladyr* [Әбу: 59] ‘Что с ними случится?’; *bu* ***ni*** *närsägä išarät ikänen padišah belmäde* [КВ: 14] ‘Царь не узнал, на что этот намек…’;

2) ***nä*** *bähä* [Әлҗилдү, 2: 283] ‘Какая цена?’; *säbäbe* ***näder****?* [Әлҗилдү, 5: 116] ‘Какая причина?’; *andan* ***ni*** *fajda bar* [ТН: 4] ‘Какая польза от этого?’; *bu* ***nä*** *xäjläder* [Әбу: 11] ‘Что это за хитрость?’; ***ni*** *ešeŋ,* ***ni*** *mäslixäteŋ bardyr, jibärermen* [Әбу: 10] ‘Какая работа, какое желание будет, (скажи), я отправлю…’.

В произведении «Абугалисина кыссасы» вопросительное местоимение ***ni*** ‘что’, сочетаясь со словом *waqyt* ‘время’ используется для выражения понятия ‘когда’: ***ni waqyt*** *mäğarä qapusy ačylyr dib köteb toryrlar ide* [Әбу: 7] ‘Ждали, когда откроется ворота пещеры…’.

Как видим из примеров, в произведениях фонетический вариант ***nä*** (нә) уступает по активности местоимению ***ni*** (ни), впоследствии укоренившегося в литературном языке.

В текстах произведений К. Насыйри «Кырык вәзир кыссасы» и «Абугалисина» вопросительное местоимение *nik*? выступает в значении ‘почему?’, ‘зачем?’: *mändän* ***nik*** *qačasyŋ* [КВ: 6] ‘Почему убегаешь от меня?’; *Any* ***nik*** *xalyqğa mäğlum itäsez?* [Әбу: 5] ‘Почему об этом сообщаете населению?’.

Местоимение *niček*? «как?», «каким образом?» употребляется для выражения вопроса о признаке или образе действия: *uğlym, söjlä, öč jašendä bulğannyŋ xikäjäse* ***ničekder****?* [Әлҗилдү, 4: 183] ‘Расскажи, сынок, каков будет рассказ трехлетнего ребенка?’; *atamyznyŋ išaräte* ***niček*** *ide?* [КВ: 49] ‘Какое было указание нашего отца?’; ***niček*** *ber tabib ber awyruğa daru iteb fajda birmägän šikelle mänem nasixätlärem siŋa fajda birmäde* [КВ: 42] ‘Подобно

тому, как лечение больного не увенчалось успехом, мои советы были для тебя бесполезными’; ***niček*** *mäğqul tabsaŋ, šulaj xozuryŋa ğaryz qylajyq…* [КД:7] ‘Как ты считаешь нужным, так и представим твоему взору..’; ***niček*** *jaxšy kürsä, šulaj itsen* [КД: 5] ‘Как считает нужным, так и поступает’; *ul xikäjä* ***niček****, söjlä* [ТН: 88] ‘Каков этот рассказ, говори..’; *säwdälär* ***niček*** *buldy* [ТН: 87] ‘Как прошла торговля..’; ***niček*** *ul xäjlä öjrätsänä* [ТН: 84] ‘Какова эта хитрость, научи, пожалуйста…’; *mondyj oluğ xämmäm bina qylmaq* ***niček*** *mömkin bulyr* [Әбу: 9] ‘Как можно было построить такую огромную баню…’; *Xälem* ***niček*** *bulyr?* [Әбу: 53] ‘Какая участь меня ожидает?’.

В произведении «Кырык вәзир кыссасы» имеется случай употребления местоимения *niček?* вместо местоимения *nindi?* ‘какой?’: *alar däxi säläm alyb, sän* ***niček*** *keše, dib xälen soradylar* [КВ: 6] ‘После того, как они ответили на приветствие, спросили, «Какой ты человек?»’.

Вопросительное местоимение *nindi*? ‘какой?, каков?’ употребляется для выражения вопроса о признаке предмета: *bu* ***nindi*** *išarät bulmaq kiräk?* [КД:7] ‘На что это намекает?’; *säfärdän* ***nindi*** *jamanlyq kürgän*? [КД:7] ‘Какой вред нанесло ему путешествие?’; *bu* ***nindi*** *buš xyjal?* [КД:14] ‘Что за пустые грезы?’; ***nindi*** *axmaq keše bu qadär aqčağa bu qošny satyb alsyn…* [ТН: 4] ‘Какой глупец купит эту птицу за такие большие деньги…’; *bu därwišneŋ mändä* ***nindi*** *morady bar ikän dide* [Әбу: 20] ‘Что хочет от меня этот аскет...’.

Местоимения *nä/ni qadär* ‘сколько?’ и *ničä* ‘сколько?’ употребляются для обозначения количества лиц или предметов: ***nä qadär*** *Bağdad ğaskäre Afrädijun ğaskärendän az bulsa da...* [Әлҗилдү, 2: 22] ‘Несмотря на то, сколько раз Багдадское войско было меньше войска Афрадиюна...’; ***ničä*** *jyl buldy...* [Әлҗилдү, 5: 6] ‘Прошло сколько лет...’; *alyš wireš ilä* ***ničä*** *kön torğač ...* [Әлҗилдү, 5: 122] ‘Проведя несколько дней занятием торговлей...’; ***ničä*** *märtäbä atasyndan soradym, birmäde* [Әбу: 10] ‘Сколько раз просил у её отца, не отдал…’; *aŋa jitkänče ...* ***ničä*** *xätärlärgä muqrardyr…* [КД: 7] ‘Пока он этого достигнет, на его долю выпадут много испытаний…’; ***ni qadär*** *köčsez kebi kürensä dä any juqqa sanab tynyč tormasyn* [КД: 4] ‘Каким бы он не

казался слабым, пусть он его не считает его таким и не теряет бдительности’; ***ni qadär*** *hönär istäsägez dä, baš öste, kürsätik* [Әбу: 10] ‘Сколько бы не просили показать профессий, слушаюсь, покажем…’.

Однако в текстах произведений жанра кысса наблюдается употребление местоимения *nicä* также в значении ‘несколько’ или ‘много’: ***ničä*** *manara kebi närsä* ... [Әлҗилдү, 5: 124] ‘Несколько строений, похожих на минарет...’; *kibetče janyna baryb,* ***ničä*** *altyn bireb jortny icäzägä aldy* [Әлҗилдү, 5; 15] ‘Пошел к продавцу, заплатив несколько монет, снял дом...’; *Xirys wä tamyğ* ***ničä*** *juğary oča torğan šunqarlarny tübän töšereb xäbes wä ačlyqğa ğaräftär itkänder* [ТН: 14] ‘Рвение и жадность опустила нескольких высоколетящих соколов вниз и привела к аресту и голоду ...’; *bu mäče qarčyqnyη* ***ničä*** *jyllyq juldašy* [КД: 16]. ‘Этот кот был многолетним спутником старушки’; *Cämalendän bašqa däxi* ***ničä*** *hönäre bar, ğyjlem uqymaqta, jazu jazmaqta, uq atmaqta, suğyš hönärendä anyη kebek adäm juq ide* [КВ: 4] ‘Кроме красоты, он обладал многими профессиями, в обучении, в письме, в стрельбе из лука, в военном деле не было ему равных’; ***Ničä*** *zaman ğyjšqyn küηelendä jašereb, baqčy, ügi ulymdyr, ni čara dib faš itmäde, sabyr itde* [КВ: 4] ‘Сколько времени таила свою любовь в душе, не раскрывала, говорила, смотри, он же твой пасынок, терпела’; *Xälwä mälwä satqan bulamysyη, täme töme barmy soη … dib* ***ničä*** *nüktäle süzlär belän ğišwälär äjteb* [Әбу: 26] ‘Она кокетничала, сказав: «Ну как, получается ли продать сладости, есть ли вкус у них... несколько подобных шуточных слов...’; *Andan soη* ***ničä*** *jyl ğomer söreb ğadellek belän mäšğul buldylar* [КВ: 159] ‘Потом, в течение многих лет справедливо жили’; ***ničä*** *häläkätlärgä töšdek* [Әбу: 73] ‘Пережили много несчастий’.

Местоимение *ničä*, сочетаясь со словом *jyllyq*, используется для передачи значения ‘многолетний’, например, эта особенность часто встречается в “Калила и Димна”: ***ničä jyllyq*** *duslyq jeben kiseb*… [КД: 9] ‘Оборвав нити многолетней дружбы…’; *bu mäče qarčyqnyη* ***ničä jyllyq*** *juldašy* [КД:16] ‘Этот кот был многолетним спутником старушки’.

Термин *ničä* путем редупликации также используется для выражения неопределенной множественности: *šul räweščä* ***ničä wä ničä*** *könlär ütde…* [ТН: 9] ‘Таким образом прошло много времени…’; ničä ***wä ničä*** *xikmätlär wä ğyjbrät süzlär išetelde…* [Әбу: 10] ‘Много было услышано мудростей и поучительных историй…’.

Лексема *närsä* в тексте произведений также используется в значении ‘вещь’: *ul* ***närsälär*** *arasynda pulad jozaq belän biklängän ber sandyq tabyldy* [КД: 3] ‘Среди вещей также нашелся запертый на стальной замок сундук’; *ser didekläre* ***närsä*** *bänem qaršymda saqlanmaq öčen ber bülmägä qujğan* ***närsä*** *kebider, ul bülmäneη bikläb ačqyčlary juğalğan da, jänä jozağy üzrenä möxer orylmyšdyr* ... [Әлҗилдү, 5: 11] ‘Секрет – это такая вещь, которую положили для хранения в отдельный кабинет, ключи от которого утеряны, а на корпусе замка установлена пломба’; *kürde: ber zur jylan jatqan, bu su kebek aqğan* ***närsä*** *anyη zähäre* [Әлфу: 33] ‘Увидел, что лежит большая змея, а эта вешь, которая течет как вода – её яд…’. Употребление данного местоимения в этом значении является одной из важных особенностей разговорной речи. Об этом свидетельствуют и исследования современной разговорной речи: “весьма специфическим является вопросительное местоимение *нәрсә* (что), которое выступает в качестве десемантизированного слова и употребляется для называния различных предметов, явлений, субъектов” [Галиуллина, 2020: 50].

В произведении «Абугалисина» лексема *närsä,* сочетаясь со словом *ber* ‘некий’, использована в значении ‘что-то’: *ajağyna* ***ber närsä*** *törteleb qulyndan šišä tošeb uwaldy* [Әбу: 112] ‘… что-то зацепила его за ногу, бутылка упала и разбилась’. Эта особенность распространена в разговорной речи татар.

Местоимение *qačan? / qajčan?* ‘когда?’ употребляется для выражения вопроса о времени: *bez* ***qačanğa*** *čaqly bu tar ojamyzda jabylyb toryrmyz?* [КД: 7] ‘Мы до каких пор будем сидеть взаперти в своем тесном гнезде?’; ***qajčan*** *mäxbübeηä julyqğan bulyr ideη*? [ТН: 96] ‘Когда бы ты встретил свою возлюбленную…’.

Вопросительное местоимение *kem?* ‘кто?’ употребляется для выражения разумного существа: *töse bujy da Mansyrğa šul qadär oxšady* ***kem*** *kürgän xuca Mansyr dib xisab qylyr ide* [ТН: 4] ‘Внешне он так был похож на Мансура, что увидевший был уверен, что это Мансур и есть’; ***Kemne*** *biräjek?* [Әбу: 61] ‘Кого отдадим?’; *Äj jeget, sän* ***kemsän****?* [Әбу: 45] ‘Эй парень, кто ты такой?’; *sän* ***kemneŋ*** *uğlysän?* [Әбу: 45] ‘Ты чей сын?’; *sez* ***kemlärsez****, qajsy jirdänsez?* [КВ: 9] ‘Кто вы такие, откуда Вы?’; *äj padišah,* ***kemne*** *äjtäseŋ ?* [КВ: 56] ‘Об царь, о ком ты говоришь?’; *sindän soŋ täxetkä* ***kem*** *utyryr?* [КВ: 40] ‘После тебя кто сядет на трон?’.

Вопросительное местоимение *qajda?* ‘где?’: *äj naznyjn banu, säneŋ anaŋ* ***qajda****?* [Әлҗилдү, 5: 6] ‘Эй красавица, где твоя мама?’; ***Qajda*** *qačyb jöriseŋ?* [Әбу: 39] ‘Где ты ходишь, скрываешься?’; *sez* ***qajda*** *ideŋez?* [Әбу: 44] ‘Где вы были?’; Qajda *bal bulsa, anda čeben cyjylyr* [КВ: 39] ‘Где мед, там и собираются мухи …’; *Bağdäd tegüčeläre* ***qajda****?* [КВ: 52] ‘Где Багдадские швеи?’.

Лексема *qajda* также используется для выражения значения ‘куда’: *qajda telim šunda* ***jör...*** [Әлҗилдү, 5: 77] ‘Куда я хочу, туда и пойдешь ...’; *bar, qaraŋyz,* ***qajda*** *kitkän* [Әбу: 73] ‘Идите, посмотрите, куда он ушел...’.

В произведении «Абугалисина кыссасы» также используется лексема *qaj:* ***Qaj*** *tarafqa barasyn belmäjenčä…* [Әбу: 61] ‘Он не знал, в каком направлении идти…’; ***qaj*** *jirendän totsalar, qullarynda qaldy* [Әбу: 81] ‘С какого места не взяли бы, эта часть тела отрывалась и оставалась в их руках…’.

qajdan ‘откуда’: *Bu simezlek wä küwät siŋa* ***qajdan*** *kilde?* [КД: 15] ‘Откуда у тебя эта упитанность и сила?’; *bu sağadät aŋa* ***qajdan*** *kilde?* [Әлҗилдү, 4: 204] ‘Такое счастье на него откуда свалилось?’; *padišah säne zindanğa salyb malyŋny alačağyn* ***qajdan*** *beldeŋ?* [КВ: 49] ‘Откуда ты узнал, что царь тебя посадит в темницу и отберет твое богатство?’; *ul därwiš kemder,* ***qajdan*** *kilde?* [Әбу: 46] ‘Тот отшельник кто, откуда он пришел?’.

ni öčen ‘почему’: *äj ana bu* ***ni öčen*** *jylaj dide* [Әлҗилдү, 4: 147] ‘Эй, мать, зачем он плачет?’; *xatynğa kileb ni öčen taraq birmädeŋ didelar ...*

[Әлҗилдү, 4: 186] ‘Подошли к женщине и сказали ей ‘Почему не отдала гребень... ‘; *Ülän **ni öčen** üsä?* [КВ: 49] ‘Почему растет трава?’; *Kükdän jağmur **ni öčen** jawa?* [КВ: 49] ‘Почему идет дождь?’; ***ni öčen** malyŋny juqqa beteräseŋ?* [КВ: 59] ‘Почему транжируешь свое богатство?’; ***ni öčen** qazyjğa baramyz?* [КВ: 53] ‘Почему идем к судье?’; ***ni öčen** bolaj idäseŋ?* [КВ: 53] ‘Почему так поступаешь?’; ***ni öčen** mondyj jäšeren serlärne söjläb…*[ТН: 9] ‘Почему ты раскрыла эти секреты?’.

Указательные местоимение *bu* ‘это’, ‘этот’, ‘эта’ определяют предмет или лицо, находящееся в непосредственной близости от говорящего:

***bu** süzlärne säüdägär išetde...* [Әлфу: 9] ‘Купец услышал эти слова’; *bu süzlägän süzlär öčen...* [Әлфу: 11] ‘За эти сказанные слова...’; ***bu** qylasy ešeŋneŋ axyryn isäblä ...* [КВ: 38] ‘Думай о результате того дела, которое ты собираешься сделать’; bu *eš kečkenä eš tügelder...* [КВ: 23] ‘Это не маленькое дело..’; ***bu** fikereŋnän oluğ xata qylasyŋ* [КД:4] ‘Ты размышляя таким образом, совершаешь большую ошибку’; ***bu** nijätne čyğaram dijeb ozyn nasixätlär äjtmä* [КД: 4] ‘Не наставляй меня подолгу, чтобы переубедить меня…’; ***bu** männäteŋezne…* [КД: 3] ‘Эту вашу милость..’*; **bu** ike qošnyŋ tärbijäsendä ašamaq ečmägendä aslan kimčelek qylmağajsyŋ* [ТН: 6] ‘Хорошо ухаживай за этими двумя птицами’; ***bu** ike ğašyjq can tändän ajyrylğan kebek ajyrylyšyb* [ТН: 6] ‘Два родственника расстались так, как будто душа от тела отделяется…’; *bu qolyŋyznyŋ küŋelenä **bu** uj kiläder* [КД: 3] ‘На ум вашему рабу приходит вот эта мысль…’; ***bu** eš adäm zadäneŋ qulyndan kilä torğan eš tügel* [Әбу: 9] ‘Это дело не по силам рук сына Адама’; *küŋelenä **bu** kilde ki* [Әбу: 9] ‘В его голову пришла такая мысль...’.

Параллельно указательному местоимению *bu* ‘это’, ‘этот’, ‘эта’ используется местоимение *ošbu* ‘это’, ‘этот’, ‘эта’: ***ošbu** öjemez därja bujynda irde...* [Әлҗилдү, 6: 213] ‘Этот наш дом расположен у реки’; ***ošbu** kürgän kebi ber mäğarä qapusyna baryrsyŋ* [Әлҗилдү, 5: 121] ‘Ты пойдешь к воротам пещеры, похожей на эти’; ***ošbu** šähärneŋ bilgele kešesendän ber Säğid isemle säwdägär bar ide ki* [ТН: 2] ‘Из известных людей этого города был купец по

имени Саид’; ***ošbu*** *süzlärne Mahšäkär üz xosusyna alyb* [ТН: 85] ‘Эти слова Махшакар приняла на свой счет…’; ***ošbu*** *qyzdan soramaq mömkin…* [Әбу: 11] ‘… у этой девушки можно спросить…’; ***ošbu*** *tariq üzrä riwajät qylyrlar ki* [Әбу: 3] ‘Повествуют таким образом…’.

В татарском переводе «Тысяча и одной ночи» местоимение *ošbu* в местно-временном падеже имеет форму *ošbunda* «здесь»: *sin bu kič* ***ošbunda*** *jašereneb tor...* [Әлҗилдү, 5: 125] ‘Ты в этот вечер прячься здесь...’.

Указательное местоимение *šul* ‘тот’, ‘та’, ‘то’ в тексте произведений используется для указания на предметы, находящиеся на дальнем расстоянии: ***šul*** *jaqqa at salyb jildäj kileb jitde* [КД:2] ‘Направив коня в ту сторону, он словно ветер примчался туда…’; *uğlan* ***šul*** *bäkneη xezmätendä čağynda* [КВ: 40] ‘Когда парень был на службе у того бека…’; ***Šul*** *qyznyη ber märtäbä qarawy bäğremne pärä pärä qylyb ğaqylymny pärišan wä üzemne zar wä ğarjan itde* [Әбу: 26] ‘Один взгляд той девушки разорвал мое сердце, лишил меня разума, и заставил меня стонать и плакать’; *Bez* ***šul*** *taw artyndağy sähärdänbez dide* [КВ: 9], ‘Сказал: мы из города, который (находится) за той горой...’; ***šul*** *urmanğa kitä birde* [КД: 20] ‘Продолжал идти в тот лес...’; ***šul*** *jirne qazytdy* [КД: 3] ‘Заставил копать то место’; *al* ***šul*** *qylyčny, bašyn kis ...* [Әлфу: 69] ‘Возьми тот меч и отруби ему голову...’; *Axmäd äd-Dänaf jorty* ***šul*** *bulyr ...* [Әлҗилдү, 5: 22] ‘Тот дом является домом Ахмада ад-Данафа...’.

Местоимение *šul* выражает временной отрезок: ***šul säğat*** *dijü utqa janyb hälak buldy* [Әлҗилдү, 4: 139] ‘Тотчас джин погиб, охваченный пламенем’; ***šul säğat*** *xatyn šam xakimenä belderde* [КВ: 11] ‘Тотчас женщина сообщила правителю Сирии’; *sin* ***šul waqytda*** *adämlär künder* [КВ: 11] ‘Ты к этому времени пришли людей…’; *balyqnyη qylčyğy buğazyna qadalyb* ***šul üzrendä*** *jyğylyb can birde* [Әлфу: 128] ‘Рыбья кость попала ему в горло и он тотчас упал замертво’; ***šul arada*** *saxra tarafyndan ber xuš awaz išetelä bašlady* [ТН: 82] ‘Вдруг из пустыни стало слышно приятный голос...’.

Может выражать образ действия: ***šul räwešle*** *näqyl qylğanlar ki…* [ТН: 2] ‘Историки рассказали таким образом, что…’; ***šul räweščä*** *ničä wä ničä könlär*

ütde… [ТН: 9] ‘Таким образом прошло много времени…’; ***šul räwešle*** *nämäne iltkändä totyb padišahqa kiterdelär* [КВ: 26] ‘Таким образом, когда он отвозил письмо, его поймали и привели к царю’;

Выражает степень действия: ***šul qadär*** *zyjafät qyldylar ki, adämneη ğaqyly* ***šašar*** [Әбу: 15] ‘Провели такое гостеприимство, что ум человека может одуреть...’; *bän wafat idär isäm soltanatym juq bulyr dijeb jyğlamağa bašlab* ***šul qadär*** *jyğlady* ... [Әлҗилдү, 5: 67] ‘Если я умру, то исчезнет мое королевство’, – подумал он и начал плакать, и так сильно плакал...’; ; ***šul qadär*** *jyğlady, bäjan mömkin tügel* [Әбу: 61] ‘Так сильно плакал, что невозможно описать...’; *Töse bujy da Mansurğa* ***šul qadär*** *oxšady, kem kürgän keše Xuca Mansur dib xisab qylyr ide* [ТН: 87] ‘Внешностью его до такой степени был похож на Мансура, увидевший человек подумал бы, что это Ходжа Мансур...’; *Äbuğalisina* ***šul qadär*** *ziräk wä ütken zihenle čapak bala ideki, täğbir mömkin tügel* [Әбу: 4] ‘Абу Гали Сина был настолько проницательным, остроумным ребенком, бойким на язык, что невозможно объяснить...’; *qyz däxi* ***šul qadär*** *sylu ide* [ТН: 82] ‘Девушка была до такой степени стройная…’; ***šul qadär*** *küb wä härbere mäče qadär, ere baqalar* [Әбу: 294] ‘До такой степени много лягушек, и каждая из них ростом с кошку...’; *xättä* ***šul qadär*** *jyğlady ki xuca Säğidneη eče ut kebi jandy* [ТН: 6] ‘Так сильно плакала, что у Сагида душа стала гореть’..

Местоимение *šul* в местно-временном падеже имеет форму *šunda* ‘там’: ***šunda*** *barğač menä ber taw tišegendä ber nurani qart utyradyr* [КД:2] ‘Когда он доехал, то заметил, что в расположенной в горе пещере сидел просветленный старец...’; *Taη atqač qazyj* ***šunda*** *bardy* [KD, с. 73] ‘С рассветом, судья отправился туда...’; ***Šunda*** *jaqyn urmanda ul taraf xajwanlarynyη patšasy ğazanfar atly ber arslan tora ide* [КД: 30] ‘Недалеко оттуда, в лесу жил царь зверей этого края, лев по имени Газанфар’; *ataη janyna alyb baryb* ***šunda*** *toralyqmy, jäjsä mämläkatemezgä alyb baryjm da, šunda toralyqmy* ... [Әлҗилдү, 5: 123] ‘Поживем у твоего отца, или вернемся в мою страну и будем жить там…’; *šäjxnyη* ***šunda*** *bašyn kisärgä ämer itde* [КВ: 10] ‘Приказал там же казнить шейха’; ***šunda*** *barğač menä ber taw tišegendä ber*

nurani qart utyradyr [КД: 2] ‘Когда он доехал, то узнал, что в расположенной в горе пещере сидел просветленный старец...’; *daimi* ***šunda*** *utyryr ide* [КВ: 32] ‘Постоянно сидел там…’.

Таким образом, местоимение в текстах кысса представлено тюрко-татарскими лексическими единицами и отличается многозначностью. Авторы даже в рамках одного произведения использовали лексемы народно-разговорного и старотатарскоог письменного языка, тем самым демонстрируя пути поиска приемлемых вариантов и особенностей становления современного татарского литературного языка.

4.5. Глагол

В произведениях, носящих повествовательный характер, в том числе и в кысса, сказках, большое место уделяется глаголам и глагольным формам. Глагол отличается функционально-семантической многоаспектностью и сложностью, многочисленностью грамматических форм. В изучаемых произведениях мы обнаруживаем огромное количество глаголов, функционирующих в различных значениях и формах. Это обстоятельство требует, на наш взгляд, отдельного монографического исследования. Поэтому в своей работе мы, исходя из поставленной цели, акцентируем внимание на наиболее распространенных и специфических случаях, характеризующих язык текстов кысса.

Категория залога

Одной из особенностей произведений изучаемого жанра является употребление подавляющего большинства глаголов в форме основного залога: *ämer itdem* [Әлҗилдү, 3: 165] ‘Я приказал’; *uğry äjtde* [Әлфу: 95] ‘Вор сказал’; *bašmaqčy äjtde* [КВ: 9] ‘Обувщик сказал…’; *ul täräzäne jabdylar* [КВ: 8] ‘То окно закрыли..’; *padišah bojyrdy* [КВ: 18] ‘Царь приказал..’; *gönahlaryn isbatlady* [КВ: 19] ‘Подтвердил их вину..’; *wäğdä birde* [ТН: 8] ‘Дал обещание’; *padiah äjtde* [Әбу: 61] ‘Царь сказал…’; *xökem itde* [Әбу: 52] ‘… приговорил…’; *päjda buldy* [Әбу: 61] ‘… появился…’ и др.

В языке исследуемых текстов чуть реже представлены и другие формы залога глагола. Например, страдательный залог: *any čišeb alyb atlanğan idem, at hawağa* ***kütäreleb očdy*** *...* [Әлфу: 79] (Я отвязал коня, сел на него, и он поднялся на небо и полетел...); *qojaš čyğyb hawa* ***ačyldy*** [КД: 10] «солнце вышло, небо очистилось»; *östenä uq kebi* ***atyldy*** [КД:10] ‘Налетел на него, подобно стреле..’;

Совместный залог: *Bašlary juq, awyzlary kükräklärendä, küzläre iŋbašlarynda, wä süzläre qoš qanaty awazy kebek pys-pys* ***söjläšerlär*** [КВ: 90] ‘У них нет головы, рот на уровне груди, глаза на плечах, слова напоминают звук птичьих крыльев в полете…’; *Ber jyl muttasyl mäğarädä jatyb ... sač ve saqallary jiteb bir-birene* ***qaryšub*** *ve tyrnaqlary ozajyb ber ğacejeb surätdä bulğan idelär...* [Әбу: 7] «Прожив целый год в пещере их волосы и борода отросли и переплелись друг с другом и их ногти также отросли и обрели они ужасный вид…»; *ämma mäxäbbät därjasy qajnasa bus wä däräğut wä bädän läjläjni nušdan jäğni* ***übešmäk*** *qočynmaqdan mäŋge juqdyr* [КВ: 27]. ‘Если даже море любви начнет бушевать, от поцелуев и объятий нет смысла’; *ike dust qočaqlašyb* ***bäxilläšdelär*** (КД: 9), «два друга обнялись и попрощались»; *at qojryğyna katqan bozlar šikelle saqallary šaltyrap, uramnarda očrağan xalyq* ***kölešeb****, artlarynnan ijäreb baralar* [Әбу: 28] ‘Подобно примерзшим лошадиным хвостам, их бороды звенели, тем самым вызывая смех у прохожих на улице, которые долго следовали за ними’; ***näwbätläšeb*** *joqlarlar ide* [Әбу: 7] ‘Спали они по очереди...’; *ber berenä išarät* ***qylyšyb*** [Әбу: 8] ‘Подавая знак друг-другу...’; *ber bere belän* ***oryšyb*** *mögezläre belän* ***sözešeb*** *či qanğa töškännär* [КД: 45] ‘… бились друг с другом рогами и проливали кровь…’.

Аффикс совместного залога может выступить в словообразовательной функции: *Arslan belän ügez mäjdanda tuzan tuzdyryb…* ***suğyšyb*** *tordylar* [КД: 75] ‘Лев и бык, подняв пыль, дрались на площади...; *qyz aj kebj jaltyrab, häm anyŋ janynda andan kečegräk ğajät matur ber qyz berlän kereb bänem berlän* ***kürešeb****...* [Әлфу: 156] ‘Девушка, словно блестящая луна, а с ней ещё моложе

и красивее девушка, подошли ко мне и поздоровались...’; *Annan soŋ zobanilar cähännäm ähelenеŋ jaqasyna* ***jabyšyb*** *qajnar qatran ečenä salyrlar* [КВ: 98] ‘Потом черти возьмут за шкирку обитателя ада и посадят в горячий котел ....’; *Axmäd isemle säwdägärneŋ öjenä tošeb, ber jaxšy bülmäsenä kereb, ber ajğa bähäsen* ***kilešeb*** *aldy ...* [Әлҗилдү, 6: 300] ‘Он остановился в доме купца Ахмада, договорившись о цене, снял одну хорошую комнату...’;

В контексте *Bäjdäba xäkim padišahqa baqdy, läkin Räj mälik hič* ***süzläšmäde*** [КД: 245] ‘Мудрец Байдаба взглянул на правителя, однако царь Рай ничего не сказал’ указанный глагол в современном литературном языке не используется, он заменен глаголов *сөйлә-*. Аффикс совместного залога, присоединяясь к глаголу *сөйлә-* выполняет чисто грамматическую функцию.

Понудительный залог: *Ber kön bu säwdägär äcäl jasdyğyna baš qujyb uğyllaryn üzeneŋ janyna* ***kitertub****…* [КВ: 54] ‘Однажды этот купец заболел и пригласил к себе своих сыновей …’; *Ike möselman arasyn* ***tatulandyrmaq*** *öčen jalğanny dörest kürgännär* [ТН: 14] ‘Ложь считается допустимым при восстановлении дружских отношений между двумя мусульманами...’; *min bu xatynny bašyma bälägäme* ***ijärtämen*** [ТН: 83], «я эту женщину беру с собой на свою беду?»; *qajğyly küŋelemne ber däqiqa säxabätläre belän* ***kinändersä ide****…* [КД: 3], ‘Мою страдающую душу обрадовал бы кратким своим присутствием …’; *xatynny hičkem öjenä* ***kertmäde*** [ТН: 11] ‘Женщину никто к себе домой не пустил…’ и др.

Возвратный залог: *ämma zinhar xaram muradtan ziker qylmaqdan* ***saqlansyn*** [ТН: 87], ‘Однако, пусть воздержится от использования его в запретных целях’; *ostazy jir astyna* ***jäšereneb*** *qačdy* [КВ: 4] ‘Его наставник спрятался под землей’; *xatyn* ***siskäneb*** *wä qawšab jyğyldy* [КД: 45] ‘Женщина вздрогнула, испугалась и упала’; *Mahšäkär ocmax tawisy kedek* ***tözäneb jasanyb*** *mäxbübe qatyna jünälde* [ТН: 20] ‘Махшакар, накрасившись как райский тавис, направилась к своему возлюбленному’; *bän därjada jozeb,* ***ğazablanyb*** *carğa čyğyb, kijemläremne kibdereb jatyb joqladym ...* [Әлҗилдү, 4: 38] ‘Я долго плыл по реке, с трудом вышел на берег, высушил одежду и лег спать...’; *kitergän*

hädijälarne bireb, bik qyjmmätle cäwähirlärne tabšyr andan soŋra täğam häm šärab ilä ***zäwyqlanyb*** *qaldylar* ... [Әлҗилдү, 2: 42] ‘Отдав принесенные подарки и драгоценные жемчужины, остались продолжать трапезничать ...’; *Uŋğa sulğa* ***qaranyb*** *barğanda ber urman janynda ber kügärčen kürde* [КД: 10]. ‘Когда летел, рассматривая по сторонам, увидел голубя возле леса’; *däxi beräwne uq atarğa üğrätdem* ***üğräneb*** *jitkäč üzemne atdy* [КВ: 11] ‘Другого учил стрелять из лука. Как только научился, выстрелил в меня…’.

Как известно, часть глаголов в языке употребляются только в определенном залоге и не имеют других форм. Такие глаголы зафиксированы и в текстах кысса, например, *üzeneŋ arzusyn qaryj torğan ber adäm ikän dib* ***ačulanyb*** *kitde* [Әбу: 19] ‘Подумав о том, что этот человек преследует только свои цели, он разозлился и ушел....’; *bunyŋ bähase arzan idekenä* ***ğacäbläneb,*** *qapučydan sorady* [Әлҗилдү, 4: 171] ‘Он удивился дешевизне (дома) и обратился к привратнику’; *joqydan* ***ujğanyb****, ul kügärčengä muštaq bulyb saxibyn köteb qaldy* ... [Әлҗилдү, 5: 108] ‘Она проснулась, испугавшись, и вспоминая голубя, стала ждать своего друга...’; *ciŋnären* ***syzğanyb*** *qamyr basqanda* [КВ: 41] ‘Когда она месила тесто засучив рукава....’; *ary bire* ***tašlanyb****, ber juğary ber tübän očdy* [КД: 10] ‘Бросаясь туда-сюда, то высоко взлетал, то спускался’.

Способ действия глаголов

Способ действия глаголов в текстах преимущественно представлен аналитическим способом. Выражение способа действия синтетическим способом не так распространено в произведениях, как аналитическая форма. Нами зафиксировано несколько примеров, выражающие характер протекания действия, например, форма ***–emserä***, которая «в татарском языке считается непродуктивным суффиксом, присоединяется к нескольким глаголам». Присоединяясь к глаголу, данный суффикс придает значение слабого проявления действия, ослабляет степень проявления действия, выраженного глаголом [Ганиев, 2010: 101].

Зафиксированные примеры свидетельствуют о наличии данного значения и в исследуемых произведениях: *änkäse* ***kölemseräb*** *äjtde: kyzym, sin*

ozaq torğač, bän xäwef ideb ečem pošdy [Тыс, 4: 175] ‘Мать, улыбаясь, сказала: «Дочь, когда ты задержалась, я испугалась и тревожилась за тебя...»’; *jänä* ***kölemseräb*** *janyma kileb...* [Тыс, 2: 48] ‘Опять улыбаясь, подошла ко мне...’; *ul mäxbubäm* ***kölemseräb,*** *qulyna ber közge totyb...* [Тыс, 2: 48] ‘Моя возлюбленная, улыбаясь, взяла в руки зеркало...’.

В текстах кысса не зафиксирована синтетическая форма на ***–ğala / -gälä***, однако ее значение обнаруживается в редуплицированной форме деепричастия на *-en,* которая служит для выражения многократного, нерегулярного совершенного действия: *tutyj kamil däxi bäğze waqytlarda Xuca Säğid janyna* ***kileb kiteb*** *jörer ide* [ТН: 175] ‘Попугай иногда посещал Ходжу Сагида’.

Для выражения способа действия аналитическим способом участвуют вспомогательные глагола, активные и в современном татарском литературном языке. Наиболее активной является модель деепричастия на ***–yb-/eb*** (–ып/-еп/-п) + вспомогательный глагол, приобретая следующие значения:

1) завершение, результат действия: например, *irtäse kön irtük toryb isänläšeb* ***čyğyb kitde*** [ТН: 94], ‘На следующий день рано утром встал, попрощался и ушел…’; *min däxi šulaj* ***qotylyb kitärmen…*** [ТН: 83], ‘Я таким образом снова смогу освободиться…’; *…* ***et bulyb jitkäč*** *mane talab ajağyma jabyšdy däxi beräwne uq atarğa üğrätdem* ***üğräneb jitkäč*** *üzemne atdy* [КВ: 11] ‘ … когда собака выросла, напала на меня и схватила за ногу. Другого учил стрелять из лука. Как только научился, выстрелил в меня…’; *Julğa* ***jöreb kitde*** [ТН: 83] ‘Отправился в путь....’; *šimba kön bulğač, cylğa* ***qoryb kibeb betkäč*** *...* [Әлҗилдү, 4: 47] ‘Когда настала суббота и река высохла’; *cömläse firar ideb sallaryna* ***utyryb kitdelär*** *...* [Әлҗилдү, 5: 77] ‘Сбежав, все сели в лодку и уплыли....’; *bäğdä östemä qyldan külmäk* ***kitereb salyb****, ğaräb janyna* ***baryb utyryb*** *ağlar ...* (Тыс, I: 48) «потом, накинув на меня волосяную рубашку, она садится у своего возлюбленного раба и начинает плакать...»; *axyrdan ber matur jözle uğlan kitereb, bu qapudan kerteb, qapuny bikläb, qarabqa* ***utyryb***

kitdelär... [Әлфу: 79] ‘Потом привели красивого мальчика, заперли ворота и сев на корабль, уплыли ....’; *aš suny tyšdan* ***kitereb birerlär*** *ide* [ТН: 4] ‘Пищу и воду подавали снаружи’;

2) длительное действие или состояние: *xammäl ul qyzlarnyη maturlyqlaryna baqyb* ***xäjran bulyb toryr irkän****...* (Тыс, I: 52) «... носильщик, пришел в изумление от красоты девушек...»; *Gazizä jyğlab* ***utyra*** *...* [Әлҗилдү, 6: 47] ‘Газиза сидит и плачет’;

3) направление действия: *Säba padišahynyη qyzy da* ***kileb kerde****… padišah dähi ul qyzğa näzären* ***salyb kürde****… ul qyznyη üzen kürğäč… ošbu qyzdan soramaq mömkin…* [Әбу: 11]. ‘Пришла и дочь Сабейского царя… царь обратил свой взор на эту девушку и увидел… когда он увидел саму девушку… у этой девушки можно спросить…’; *qarčyğa* ***kileb čyqty*** [КД: 10] ‘Появился ястреб...’; *atylğan jašen kebi ber matur undürt jašenda qyz* ***jögereb čyğyb*** *bäηa äjtde ...* [Әлҗилдү, 2: 56] ‘Девушка лет четырнадцати, как молния выбежала из комнаты, подошла ко мне и сказала...’; *öjenä* ***kereb kitde*** [ТН: 7] ‘Вошла в её дом’; *saw bul anam dib* ***čyğyb jörde*** [КД: 16] ‘Сказал: «Прощай, мама» и ушел’; *Tuğry Mahšäkärneη öjenä* ***kereb kitde*** [ТН: 7] ‘Напрямик вошла в дом Махшакара’;

4) многократное, регулярное действие: *qajda* ***qačyb jöriseη****?* [КВ: 66] ‘Где ты скрываешься?’;

5) внезапное, однократно-стремительное действие: *jazyb* ***aldylar*** [Әбу: 7] ‘… записали…’; *ajağym belän* ***jöreb kitämen*** [Әбу: 38] ‘Отправляюсь на своих ногах.... и др.

Как видно из примеров, в исследуемых произведениях данная модель часто употребляется для выражения завершения, результата и направления действия. Этот факт еще раз подтверждает ранее выскаазанную мысль о том, что в произведениях жанра кысса на первый план выходит повествование о действиях и событиях, а не описание событий.

Реже в текстах употребляется модель ***–a-/ä/-yi/-i*** (–а/-ә/-ый/-и) + вспомогательный глагол для обозначения начала действия: *qyz čydyj almyj*

kölä bašlady [ТН: 82] ‘Девушка не смогла удержаться и рассмеялась’; *inde bolar* ***ezli torsyn****, bez kiläjek Äbu Ğali Sina wä Äbul-Xaris xikäjätenä* [Әбу: 7] ‘Пусть они ищут, мы вернемся к рассказу про Абугалисины и Абуль-Хариса’; Подробнее об этой форме рассмотрим в разделе, где рассматривается деепричастие.

В произведениях способ действия выражается и при помощи инфинитива на ***–yrğa (***–ырга) + вспомогательный глагол, например, эта форма также выражает начало действия: ***mönäcät qylyrğa kerešde*** [КД:10] ‘Приступил к совершению молитвы..’;

Встречается редкая форма выражения способа действия при помощи формы инфинитива ***–arga/-ärgä*** + вспомогательный глагол: *Any* ***ügetlärgä bašlady*** [Әбу: 41] ‘Начал её уговаривать…’.

По сути, все перечисленные формы и модели выражения способа действия свойственны народно-разговорному языку и отражают специфику татарского, шире тюркских языков. Они весьма активно функционировали в языке исследуемого периода, и большая часть представленных форм широко используется в современном татарском языке.

Грамматическая категория ***наклонения*** выражает отношение обозначенного глаголом действия к действительности с позиции говорящего лица [Хисамова, 2006: 172]. Каждое наклонение отличается от других своими характерными семантическими особенностями. В языке произведений зафиксированы все четыре наклонения: изъявительное, условное, желательное и повелительное наклонения.

Личные формы глагола глаголы

Категория лица

Данная категория является универсальной и в татарском языке в полном объеме реализуется в глаголах изъявительного наклонения и обычно рассматривается в неразрывной связи с категорией числа. В исследуемых нами произведениях бросается в глаза многочисленность грамматических показателей данной категории, что связано с одновременным употреблением

традиционных нормативных вариантов письменного языка и грамматических форм народно-разговорного языка. многочисленность грамматических показателей обусловлено и графо-орфографической вариантностью в языке исследуемого периода [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 489].

I лицо единственного числа представлено двумя формами ***–m*** и ***–men.*** Короткая форма спряжения на ***–m*** присоединяется к глаголам прошедшего определенного времени, условному и желательному наклонениям и указывает на действие говорящего: *Zijädä šad* ***bulyr idem*** [ТН: 174] ‘Буду очень рад...’; *bän bunlarny ošbu meη dä ber kičä ečendä* ***tuğyrdym*** [Әлҗилдү, 6: 381] ‘Я их родила в течение этих тысячи и одной ночи’; *bašymdağy čalmany alyb išeb ber bašyn bilemgä bağlab ber bašyn qošnyη ajağyna* ***bağladym*** *da qošnyη kütärelgänen köteb* ***jatdym*** *čönki niček bulsa da qoš bane bu xarab cäzirädän qotqaryb ber jaxšy cäzirägä atar dijeb* ***tordym*** [Әлҗилдү, 4: 80]. ‘Развязав свою чалму, свил её, и один конец привязал к своему поясу, другой – к ноге птицы, лег и стал ждать её вылета, так как надеялся на то, что эта птица как-нибудь унесёт меня из этого заброшенного острова на более лучший остров’; *bu ešne män* ***ešlädem*** [КД: 77] ‘Я совершил этот поступок....’; *bir kečkenä et balasyn tärbijä* ***qyldym*** *üsderdeb* [КВ: 11] ‘Я воспитал и вырастил щенка’; *äj Sindbad bezlär sine küb mäxäbbät ideb ğyjzzät wä xörmät* ***äjlädem*** [Әлҗилдү, 4: 91] ‘Синдбад, мы тебя очень любим, дорожим и уважаем’; *Xodajnyη ilhamy belän bu xäzinäne tabaryn* ***beldem*** [КД: 4] ‘Я знал, что Всевышний вдохновит его к обнаружению этого клада ....’; *Any padišahnyη* ***ajaq*** *astyna* ***čäčäjem****…* [КД: 3] ‘Это я сброшу под ноги правителя…’; *Siη a ğacäjeb törle ešlär* ***kürsätäjem*** [КВ: 8] ‘Покажу тебе разные удивительные вещи …’; *söjlä,* ***išedäjem*** *dide* [ТН: 84] ‘Сказал: рассказывай, хотим слушать’;

аффикс ***–men*** присоединяется к глаголам настоящего, неопределенного прошедшего и будущего времени: *Miη a jaxšylyq telägänegezne* ***belämen*** [КД: 6] ‘Я знаю, что вы желаете мне добра ....’; *Zäjnäb äjtde qara sač tolymnarym ilä jämin* ***idämen*** [Әлҗилдү, 5: 15] ‘Зайнаб сказала: клянусь своими черными косами....’; *män qošlar telen* ***belämen*** [КВ: 61] ‘Я знаю птичий язык’; *imdi anlar*

xaqynda bäne qatyjl qylmaj, mäğfu qulmağyŋyzny ***ütenämen*** [Әлҗилдү, 6: 381] ‘Ради них не убивай, прошу простить меня’.

Данная форма в текстах кысса довольно употребительна, хотя в современном татарском литературном языке фигурирует не часто. Она встречается в диалектном языке и в качестве стилистического маркера актуализируется в поэзии.

I лицо множественного числа образуется следующими формами:

- ***myz / -mez*** присоединяется к глаголам настоящего, результативного прошедшего времени и глаголам будущего времени изъявительного наклонения: *bezlär wäğdämezdä* ***toramyz*** [Әлфу: 40] ‘Мы держим свое обещание…’;

В настоящее время эта форма считается устаревшей, она заменена фонетическим вариантом *–быз/-без*, хотя грамматические значения не претерпели изменений.

Аффикс ***–к*** присединяется к глаголам прошедшего времени изявительного наклонения: *Ämma* ***bez quryqğan idek*** *xatyn süzenä ojyb šahzadäne hälaq idärseŋ dib* [КВ: 158] ‘Но мы боялись, что ты, подчинившийся словам женщины, погубишь принца....’;

В отличие от единственного числа, в текстах кысса множественное число представлено меньше.

II лицо единственное число употребляется в трех вариантах: ***-ŋ***, ***seŋ*** и ∅ (нулевая морфема).

Аффикс ***-ŋ*** присоединяется к глаголам прошедшего времени (кроме результативного прошедшего времени). В произведениях преобладает выражение значения очевидного действия с оттенком законченности: *bäs üget nasixät bireb atalyq xaqyn* ***ütädeŋ*** [ТН: 6] ‘Но своим советом ты выполнил долг родителя’; *Min sineŋ cenestän bula toryb miŋa bu tozaqny* ***beldermädeŋ*** [КВ: 35], ‘Ты, будучи со мной одного рода, не сообщил мне об этой ловушке...’; *Hindstanğa ilče jibärtereb ni xaräcätkä* ***jitkerdeŋ*** [Әбу: 37] ‘Отправив в Индию посла, заставил (меня) нести сколько расходов ...’; *märxäbän, xuš* ***kildeŋ*** … *dide*

[Әлҗилдү, 4: 173] ‘Сказала: «Привет, добро пожаловать!»’; *ni öčen bänem janyma ir keše kiterdeη dib üpkäli bašlady* [Әлфу: 23] ‘Обиделась на то, что (отец) привел к ней мужчину’; *xatynğa kileb ni öčen taraq* ***birmädeη*** *didelar ...* [Әлҗилдү, 4: 186] ‘Подошли к женщине, и сказали ей: «Почему не отдала гребень?»’.

Вторая форма образуется с помощью аффиксов ***–syη/-seη***, которая отличается более широким спектром употребления. Она присоединяется к глаголам настоящего, результативного прошедшего, будущего времени, глаголам условного наклонения: *saqlan joqlama, joqlasaη* ***ükenerseη*** [Әлҗилдү, 4: 168] ‘Берегись, не проспи, если проспишь – пожалеешь...’; *Mine* ***satyb alasyη*** *da oluğ fajdalarğa* ***irešäseη*** [ТН: 5] ‘Купи меня и добивайся высоких достижений’; *qapitan bändän sorady, ni öčen bu ilä japanda* ***jöriseη*** *dide ...* [Әлҗилдү, 4: 96] ‘Капитан спросил меня о том, что я делаю в степи....’; *Kešegä qazyğan bazğa üzeη* ***töšärseη*** [КД: 5] ‘В яму, которую ты рыл кому-то, попадешь сам’; *ni öčen jyğlyjsyη, jörägemne xarab* ***idäseη*** [Әлфу: 44] ‘Почему ты плачешь, губишь мое сердце’ и др.

Зафиксировано употребление аффикса лица после вопросительной частицы, что, возможно, является влиянием турецкого языка: *Any mindän artyk* ***söjämeseη*** *jäki andan* ***qurqamysyη*** [КВ: 41] ‘Она больше меня его любит или боится его?’.

В текстах кысса II лицо множественного числа представлено весьма пассивно.

Нулевая морфема ∅ присоединяется к глаголам II лица единственного числа повелительного наконения, при этом выражая следующие значения:

- требование: *Süzeηne beleb* ***söjläš,*** *min bu malny bähä bireb satyb aldym* [КВ: 108] ‘Выбирай слова, я этот товар купил за деньги...’; *Miηa beraz ikmäk* ***bir*** [КВ: 108] ‘Дай мне немного хлеба...’; ***Bar****, ešeηä* ***kit, totma*** *mäne* [КВ: 109] ‘Иди, занимайся своим делом, не задерживай меня’; *Alarny uğlyη belän ber bülmägä* ***jabyb quj*** [ТН: 4] ‘Закрой их в одной комнате вместе со своим сыном’; *Mindän xaq nasyjxätne ajamaj s****öjl****ä…* [ТН: 109] ‘Рассказывай мне не

скрывая свои правильные наставления…’; ***Bar****, Kirmän padišahyna bezdän säläm* ***äjt*** [Әбу: 103] ‘Иди, передай привет правителю Кирмана’; *canyŋ ni teläsä šuny* ***qyl*** [КД: 8] ‘Делай то, что хочет твоя душа’; *Sän üz ešeŋne* ***bel*** [КД: 7] ‘Ты занимайся своим делом…’;

- побуждение: *Qarendäš,* ***kil****, bergä utyryb tağamlänäjek* [КВ: 108] ‘Родственник, подойди, давай вместе сядем и поедим’;

- просьба: *Äj dülgär, jalğan* ***söjlämä*** [ТН: 109] ‘Эй, столяр, не лги!’; *Bašqa wiläjätkä* ***kit*** [Әбу: 102] ‘Уходи в другую область…’; *Ägär muxalifät itsäŋ, irtägä mäjdanğa* ***čyq*** [Әбу: 102] ‘Если будешь против, завтра выходи на площадь...’; *Ozyn nasyjxätlär* ***äjtmä*** [КВ: 8] ‘Не говори мне длинные наставления...’;

II лицо множественного числа повелительного наклонения образовано грамматическими формами ***–ğyz/ -ŋez***. Если первый вариант активно употребляется в современном татарском языке, то форма на *-ŋez* перешла в разряд архаизмов и заменена формой на *– ğez* (-гез): ***sez*** *mäne säfär belän* ***qurqytmağyz*** [КД: 12] ‘Вы не пугайте меня (тяжестями) путешествия....’; *bu bäläny bezgä Gacib kiterde baryŋyz ul etne janyma* ***kitereŋez*** [Әлфу: 255] ‘Эту беду нам принес Гаджиб, приведите ко мне этого негодяя...’; ***baryŋyz*** *inde, kürgännäreŋezne padišahqa* ***söjläŋez*** [Әбу: 52] ‘Идите, расскажите увиденное вами правителю’; *Öjne awlaq qaldyryb mondan* ***kiteŋez*** [КВ: 5] ‘Уходите, оставив пустым дом…’; *soŋra mäšriq taba* ***jöreŋez*** ... [Әлҗилдү, 2: 28] ‘Потом идите на восток...’; *Ata-anağa* ***äjteŋez*** ... [Әлҗилдү, 4: 58] ‘Скажите родителям ...’ и др.

III лицо единственного числа представлено нулевой морфемой ∅, а множественное число – аффиксом ***–lar/- lär***, повелительное наклонение единственного числа аффиксом ***– syn/-sen,*** в множественом числе к данному аффиксу присоединяются аффиксы ***– lar***/ ***-lär***: *šähäremne dürt tağ* ***itde*** ... [Әлфу: 48] ‘Она превратила мой город в четыре горы’; *Tübäse kükkä tigän ber bijek tawğa* ***jitde*** [КД: 9] ‘Доехал до высокой горы’; *Ber taw tišegenä syjynyb … ul kičäne* ***ütkärde*** [КД: 10] ‘Укрывшись в горной пещере … провел ту ночь’;

bičara carijä xušsyz bulyb ***töšde*** [Әлфу: 40] ‘Несчастная рабыня упала, потеряв сознание...’; *Berär bajğyš ber-berenä qaršy* ***utyryr*** [КВ, с. 105] ‘Две совы сидели друг-против друга’; *Qylny qyryqğa* ***jaryr ide*** [Әбу: 4] ‘Смог бы разделить нить на сорок частей...’; *šadlyqda ülgänče, jäğni ğomerläre bujynča* ***qaldylar*** [Әлҗилдү, 6: 381] ‘до своих последних дней остались в радости’; *bunlar šähärneη tyšrasyna* ***čyqdylar*** [Әлҗилдү, 5: 123] ‘Они вышли за пределы города...’; *qurqa qurqa padiah xozuryna* ***kerdelär*** [TN : 174] ‘Испуганные, вошли к правителю...’; *Ber taw tišegendä ber nurani qart* ***utyradyr*** [КД: 2] ‘В пещере сидит светлый старик’; *Irken urmanny tar* ***itdelär*** [КД: 9] ‘Превратили просторный лес в тесный…’; ***bolarny*** *kisäk küreb* ***qurqyšdylar*** [Әбу: 7] ‘Резко увидев их, они испугались....’; *bäradärlärem bu xälemgä könläšeb bane betermägä* ***nijät äjlämešlär*** [Әлфу: 21] ‘Мои братья, из-за ревности, намеревались меня уничтожить...’; *bazdağy söt wä qajmağyn* ***ečär idelär*** [КВ: 71] ‘Пили молоко и ели сметану в погребе....’; *Padišahnyη küηele* ***jalyqmasyn*** [КД: 6] ‘Пусть не устанет душа правителя...’ и др.

Как показывают примеры, в текстах кысса категория лица представлено различными грамматическими формами, которые сохранили свои значения, заложенные в ранние этапы развития татарского языка и отражающие особенности народно-разговорного языка. Эти грамматические формы и значения, претерпев незначительные изменеия, существуют и в современном татарском литературном языке.

Изъявительное наклонение

Глаголам изъявительного наклонения, как правило, свойственна категория времени, которая представлена формами прошедшего, настоящего и будущего времени глагола.

Прошедшее время глагола представлено синтетическими и аналитическими формами. Прошедшее категорическое время выражено аффиксом *-dy/-de* + личные аффиксы. В текстах кысса бросается в глаза активность данной формы. В большинстве случаев оно передает законченное однократное значение: *bän bu kön šundaj carijä* ***kürdem*** ... [Әлҗилдү, 5: 115]

‘Сегодня я видел такую (красивую) рабыню’; *bu qadär xatynny* ***maqtadyŋ*** ... [Әлҗилдү, 5: 115] ‘Ты так щедро похвалил женщину’; *išäk ügezgä* ***äjtde***... [Әлфу: 9] ‘Осел сказал быку’; *bezlär räxätsez* ***qaldyq*** ... [Әлҗилдү, 5: 45] ‘Мы потеряли спокойствие’; *bez anyŋ sarajyna izänsez kereb, täğamen äkel ideb, jözen* ***kürmädek*** ... [Әлҗилдү, 5: 45] ‘Мы вошли в его дворец без разрешения, поели, но его самого не видели’; *Märjamny ber sarajğa xäbeskä* ***saldylar*** [Әлҗилдү, 2: 3] ‘Марьям заключили в темницу’; *saxrağa ber mäjdanğa* ***čyqdylar*** [КВ: 20] ‘Вышли на площадку в степи’; *ikenče wäzir* ***äjtde*** [КВ: 20] ‘Второй визирь сказал..’; *män dä bu xälgä* ***jitešdem*** [КВ: 18] ‘Я тоже достиг этого состояния..’; *saxabälär* ***soradylar*** [КВ: 7] ‘Сподвижники спросили..’; *qačarğa xäle* ***qalmady*** [КД:10] ‘Сил не осталось сбежать..’; *säfäre xaqynda räjläreп söjlärgä* ***bojyrdy*** [КД:7] ‘Велел им высказать свои соображения про его (предстоящее) путешествие..’; *soŋra mäŋge öjendän ajyrylmasqa ant bireb kire* ***qajtdy*** [КД:7] ‘Позже вернулся и поклялся больше не покидать свой дом..’; *watanyna qajtyrğa qanat* ***ačdy*** [КД:10] ‘Собрался вернуться на родину’; *ber kügärčen* ***kürde*** [КД:10] ‘Увидел голубя ‘; *taš wä qom jirdän* ***quzğaldy*** [КД: 9] ‘Камни и песок пришли в движение..’; *ul kičäne* ***uzdyrdy*** [КД:10] ‘Провел ту ночь..’; *anyŋ belän oryš* ***bašlady*** [КД:10] ‘Вступил с ним в драку..’; *xäl wä äxwälen* ***sorašdy*** [КД:3] ‘Расспрашивал про его дела..’; *padišahqa* ***suzdy*** [КД:3] ‘Протянул царю ‘; *qyz* ***kürde*** [ТН: 82] ‘Девушка увидела..’; *tutiğa* ***äjtde*** [ТН: 85] ‘Сказала попугаю..’; *Zahid julyna* ***kitde*** [Әбу: 40] ‘Отшельник ушел своей дорогой…’.

Отрицательная форма прошедшего категорического времени образуется при помощи аффикса *-ma /-mä*: *ütkän kičä xikäjäne tämam* ***qylmadyŋ*** [Тыс., 1: 12] ‘Ты не завершила вчерашний рассказ…’; *jalwaryb eš* ***bulmady*** [КВ: 24] ‘Его просьба ни к чему не привела…’; *män riza* ***bulmadym*** [КВ: 6] ‘Я не согласилась’; *Bädr Bäsim ujanyb mälikä Läzib tüšäkdä janynda* ***ulmadyğyn*** *küreb* [Әлҗилдү, 5: 59] ‘Бедр Басим проснувшись, обнаружил отсутствие рядом с собой на перине царицы Лазиб...’; *xatynlar mäkerendän fareštälär häm* ***qotylmady*** [КВ: 72] ‘От коварства женщин не смогли избавиться даже

ангелы…’; *ijäse any juldašlary belän čyğaryrğa bik tyryšyb qarady,* ***bulmady*** [КД: 28] ‘Его хозяин со своими спутниками очень пытался вытащить его, но не получилось…’; *šah janyna kileb jänä nijaz äjläsä aslan fajdasy* ***bulmady*** [Әлҗилдү, 1, с. 37] ‘Пришел к шаху и снова просил прощения, все было бесполезно…; *sin kitablardan* ***uqymadyŋmy*** [КД: 11] ‘Ты разве в книгах не читал’; *qačarğa xäle* ***qalmady*** [КД: 10] ‘Сил не осталось сбежать’; *uğlan jänä hič cawab* ***birmäde*** [КВ: 5] ‘Мальчик опять ничего не ответил’; *xatynnyŋ cawan belän bulğan qabäxät ešen* ***söjlämäde*** [ТН: 11] ‘Про мерзкий поступок женщины никому не сказал’;

Прошедшее результативное время образуется при помощи формы прошедшего времени на *-ğan /-gän, -qan /-kän* и означает прошедшее результативное или неочевидное действие, совершенное до момента речи: *išetdeŋezme, qazyjlarğa nä* ***ulğan****?* [Әлҗилдү, 6: 185] ‘Вы слышали, что случилось с судьями?’; *tanyj* ***torğansyŋ*** *bu balany ...* [Әлҗилдү, 5: 7] ‘Ты, наверное, узнал этого ребенка’; *siŋa* ***oxšağan*** [Әлҗилдү, 2: 74] ‘Похожа на тебя ...’; *xac šärifkä* ***kitkänlär*** *...* [Әлҗилдү, 5: 10] ‘Отправились в хадж’; *kürde Misyr šahärenä ber ut* ***totašqan*** [КВ: 8] ‘Увидел, что египетский город охватил огонь..’; *söjlä aŋa ni* ***bulyan*** [КД: 7] ‘Расскажи, что с ним случилось..’; *säfärdän nindi jamanlyq* ***kürgän****?* [КД: 7] ‘Какой вред нанесло ему путешествие?’; *firaq uty belän bäğrem köjeb qara kümergä* ***düngänder*** [ТН: 7] ‘Мое сердце сгорело от огня разлуки и превратилось в черный уголь’; *monyŋ öčen genä* ***kilgänlär*** [Әбу: 61] ‘Пришли только для этого…’; *Ägär beräwneŋ* ***tyčqanlary*** *timer ašyj torğan bulsalar* [КД: 75] ‘Если у кого-то мыши могли съесть железо...’.

При помощи аффикса *-ma /-mä* образуется отрицательная форма прошедшего результативного (неочевидного) времени: *küzem* ***töšmägän*** *...* [Әлҗилдү, 2: 74] ‘Я не увидел’; *xäjläkär xatyn xikäjäsen* ***išetmägänder*** *...* [КВ: 51] ‘Он (вероятно) не слышал рассказ про хитрую женщину’; *tuzan qadäre izgelekläre* ***timägän*** [ТН: 4] ‘Ни частичка доброты ему не передалась’; *Nözhät äz-Zaman* ***belmägän*** *kebi, äš-Širqan da seŋlese irkänne* ***belmäde*** *...* [Әлҗилдү, 2:

2] ‘Как и Нузхат аз-Заман, царь Ширкан тоже не знал, что Нузхат аз-Заман является его сестрой’; *ägär* ***kütärmägän*** *bulsam xäšärätkä azyq bulyr ide* [KD: 10] ‘Если бы я его не поднял, он бы достался насекомым’; *ber tabib ber awyruğa daru iteb fajda* ***birmägän*** *šikelle minem nasixätlärem siŋa fajda birmäde* [KB: 42] ‘Подобно тому, как лечение больного не увенчалось успехом, мои советы были для тебя бесполезными’; *tešläre awyzyndan qojylyb beteb tänendä quwäte* ***qalmağan*** [TH: 75] ‘Все зубы выпали и тело его обессилилась’;

Прошедшее результативное время лежит на границе двух временных плоскостей и обозначает такое прошедшее действие, которое в виде своего результата имеет продолжение в настоящем. По мнению Н.К. Дмитриева, семантика этого времени отразилась и на его форме, так же сочетающей в себе показатель настоящего времени – личные аффиксы, оформляющие настоящее и будущее время [Современный татарский, 1969: 223].

В языке исследуемых произведений параллельно употребляется и показатель письменных литературных традиций огузская форма прошедшего неочевидного времени *-myš / -meš*: *qara kümer* ***ulmyšlar*** *...* [Әлфу: 63] ‘Превратились в уголь’; *Allahy täğala aŋa küb xajwanlar häm küb mal* ***wirmeš*** *...* [Әлфу: 8] ‘Господь Бог одарил его большим богатством’; *känizäklärneŋ barčasy qara* ***kimeš****...* [KB: 23] ‘Все служанки одеты в черную одежду…’; *ijärläre altyndan özängeläre* ***jazylmyš*** *...* [KB: 23] ‘Седла их из золота, стремена расписные..’; *küzläremä joqy xaram* ***bulmyš*** [TH: 88] ‘Этот сон стал для меня под запретом…’; *köncelek uty belän ečläre* ***janmyš*** [TH: 89] ‘Из-за зависти души их перегорели’; *böten ğalämne munäwär* ***qylmyš*** [TH: 89] ‘Осветил весь мир…’; *Wäzirlär* ***utyrmyšlar*** [Әбу: 54] ‘Сидели визири…’; *üläп östendä ber baj macles* ***qylmyšlar*** [Әбу: 92] ‘На зеленой траве накрыли богатый стол’.

Аналитическая глагольная форма *-r, -ar/-är, -yr/ -er* + глагол *ide* употребляется для передачи прошедшего незаконченного или длительного времени: *bän ber jyldan birle här axšam sine kilmäs mikän dijeb ömid ideb köteb* ***toryr irdem****...* [Әлҗилдү, 2: 59] ‘Я целый год каждый вечер с надеждой жду твоего прихода»; *bezgä här zaman baryb* ***jörer ide*** [Әлфу: 196] ‘Он всегда

посещал нас’, *šähärneŋ tyšynda ber mäğarädä* ***utyryr ide*** [КВ: 11] ‘Прибывал в пещере за городом’; *uğlanny cämalen tamaša* ***itär ide*** [КВ: 32] ‘Любовались красотой парня..’; *ike qarendäš kügärčen ber ojada toryb ğomer* ***sörerlär ide*** [КД:7] ‘Два родственника-голубя жили в одном гнезде’; *aš-suny tyšdan kitereb* ***birerlär ide*** [ТН: 4] ‘Пищу и воду подавали снаружи’; *bazarny aralab* ***jörer ide*** [ТН: 4] ‘Ходил по рынку’; *...tutyj kamil däxi bäğze waqytlarda Xuca Säğid janyna kileb kiteb* ***jörer ide*** [ТН: 175] ‘Попугай иногда посещал Ходжу Сагида’; *kilgän – kitkän xosusyndan* ***sorar ide*** [ТН: 10] ‘Спрашивал о посетителях…’; *bašyn tübän salyb* ***toryr ide*** [Әбу: 41] ‘Стоял с паникшой головой…’; *Barmaqlaryn awyzyna* ***qabar ide*** [Әбу: 9] ‘(От удивления) пальцы свои совал в свой рот …’; *Esselegendän tabadağy balyq kebek käba* ***bulyr ide*** [Әбу: 60] ‘От жары стал как будто кебаб из рыбы на сковородке…’; *Ničaqly su* ***jotar ide*** [Әбу: 62] ‘Сколько воды он глотал…’; *Myjyq astyndan* ***kölär ide*** [Әбу: 60] ‘Смеялся из-под тишка’.

Данная форма в указанном значении зафиксирована еще в древних письменных памятниках, например, в поэме «Кыссаи Юсуф» [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 93]. Исследования языка художественных произведений, представленные в труде “История татарского литературного языка” (2017), показывают, что данная форма в значении прошедшего незаконченного времени активно используется в XIX и в начале XX вв. В современном татарском языке аналитическая форма *-ар/-әр, -ыр/ -ер* + глагол *идe* чаще передает значение желательного наклонения и отсутствует в парадигме прошедшего времени.

Прежде, прошедшее время образуется аналитической формой - *ğan /-gän ide*: *täxetkä menderergä* ***telägän ide*** [КВ: 20] ‘Хотел посадить его на престол..’; *ämma bez* ***qurqğan idek****... šahzadäne hälaq itärseŋ dib...* [КВ: 158] ‘Однако, мы испугались, что ты погубишь принца…’; *büksäse bušab qanatlary* ***salpyraiğan ide*** [КД:10] ‘Желудок его был пуст и крылья висели’; *iblisneŋ Adämgä tälbis qylyrğa jörgänen* ***sizgän ide*** [КД:11] ‘Он знал о намерениях дьявола навредить Адаму’; *saqčy ideb* ***qujğan ide*** [ТН: 10] ‘(Попугая)

назначил сторожом...’; *uti kamil belän kiŋäš it* ***digän ide*** [ТН: 8] ‘Сказал ей, чтоб она советовалась с попугаем’; *Xaq Tăğalä xäzrätläre moŋa ber uğyl* ***birgän ide*** [ТН: 5] ‘Всевышний одарил его сыном’; *meŋ altynğa* ***kileškän irde*** ... [Әлҗилдү, 5: 10] ‘Он договорился на тысячу золотых’; *jašlegendä sixer ğyjlemen* ***uqyğan irde*** ... [Әлҗилдү, 5: 17] ‘В юности она изучала искусство колдовства’; *Xälwäfrüšneŋ häm ašasy* ***kilgän ide*** [Әбу: 43] ‘Продавец сладостей хотел кушать…’; *Küzläre* ***qyzarğan ide*** [Әбу: 61] ‘Глаза его покраснели …’.

В произведениях «Тутынаме» и «Тысяча и одна ночь» параллельно форме - *ğan /-gän ide* употребляется также аналитическая форма *-myš / -meš ide*: *wä ätrafynda küb šähär wä awyl* ***tözelmeš ide*** [ТН: 2] ‘Вокруг было построено много городов и деревень’; *sarraf kübdän* ***wafat bulmyš ide*** [ТН: 173] ‘Банкир давно уже умер…’; *tyšqa qarasalar taŋ atyb böten dönja jöze* ***jaqtyrmyš ide*** [ТН: 88] ‘Когда посмотрели наружу, уже рассвело’; *atasyndan miras* ***qalmyš ide*** [ТН: 10] ‘Достался ему от отца по наследству’; *joqylary* ***qalmyš ide*** ... [Әлҗилдү, 5: 10] ‘В ту ночь они не спали’; *jumartlyq ilä* ***söhrät totmyš ide*** ... [Әлҗилдү, 2: 40] ‘Он был известен своей щедростью’; *ber kerpe ber xörmä ağačy töbendä* ***oja totmyš ide*** ... [Әлҗилдү, 2: 118] ‘Жил-был некий еж под финиковой пальмой...’; *any wasyf qyluda ählü bäläat wä ählü fäsaxät* ***ğaciz qalmyšlar ide*** [Әлҗилдү, 2: 41] ‘Его описать не могли даже обладатели красноречия’; *bäne betermägä* ***nijät äjlämešlär ide*** [Әлфу: 21] ‘Хотели меня уничтожить…’.

Форма настоящего времени глагола, в большинстве случаев, представлена формой на *-a/-ä, -i* + личные аффиксы: *bezlär bu qarčyqny ezläb* ***jörimez*** ... [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Мы разыскиваем эту старушку’; *bez* ***čyğamyz*** [Әлҗилдү, 5: 6] ‘Мы выходим’; *jeget Tac äl-Mölekkä* ***söjli*** *xikäjäsen* ... [Әлҗилдү, 2: 4] ‘Парень рассказывает Тадж эль-Мулюку свою историю…’; *jalanğač kijemsez* ***utyradyr*** ... [Әлҗилдү, 5: 2] ‘Сидит голый, без одежды’; *qyzylbaš* ***äjtä*** ... [Әлфу: 62] ‘Календер говорит…’; *wäzirlär süze belän* ***ğomer itäsez*** *wä šäriğatkä ijäreb* ***ğamäl itäsez*** … [КВ: 23] ‘Вы живете прислушиваясь к словам визирей, действуете согласно законам шариата…’; *sin ğafilseŋ kem*

očrasa šunyŋ süze belän ***ğamäl itäseŋ*** [КВ: 23] ‘Ты беспечен, прислушиваешься к словам случайных людей’; *öč uğlymnyŋ qajsysyn lajyq* ***küräsez****?* [КВ: 18] ‘Кого из троих моих сыновей вы считаете достойным?’; *ber nurani qart utyradyr jöze aj kebi* ***balqyb toradyr****...* [КД: 2] ‘Сидит просветленный старик, лицо светится, подобно луне’; *jaxšyraq duslar tabarğa* ***küŋel biräseŋ****?* [КД: 9] ‘Хочешь найти друзей получше?’; *sezlärdän* ***ütenämen*** …[КД: 6] ‘Прошу вас…’; *jaxšylyq telägänegezne* ***belämen*** [КД: 6] ‘Знаю о том, что вы желаете мне добра’; *miŋa zinany* ***maqtyjsyŋ****…* [ТН: 86] ‘Ты мне расхваливаешь разврат…’; *mäne üzeŋ kebek riswaj ğalämme itmäkče* ***bulasyŋ****?* [ТН: 86] ‘Ты меня хочешь сделать, как сама, обесчещенной…’; *Any nik xalyqqa* ***mäğlum idäsez****?* [Әбу: 5] ‘Почему об этом сообщаете населению?’; *Sine diwanda* ***čaqyralar*** [Әбу: 5] ‘Тебя приглашают в канцелярию…’; *Qajda qačyb* ***jöriseŋ****?* [Әбу: 39] ‘Где ты ходишь, скрываешься?’; *Qyzymyzny kijäwemez nämäšruğ süzlär belän ränceteb* ***qyjnyj, syğa*** [КД: 11] ‘Наш зять обижает нашу дочь неприличными словами и рукоприкладством...’.

Отрицательная форма образуется путем замены аффикса *-a/-ä, -i* аффиксом *-maj /-myj /-mi: ber kemsädän dä* ***qurqmajym*** *...* [Әлҗилдү, 2: 18] ‘Я никого не боюсь’; *bän qarčyqny* ***tanymajmyn*** ... [Әлҗилдү, 5: 10] ‘Я не могу опознать старушку’; *gärčä sine xäläleŋdän* ***tyjmyjmyn*** [ТН: 39] ‘Хотя я не запрещаю того, что тебе разрешено’; *Qamär äz-Zamanny ezläsälär dä,* ***tabmyj*** *qajyq quzğalyb kitde ...* [Әлҗилдү, 3: 7] ‘Как бы ни искали Камар аз-Замана, его не нашли, и лодки тронулись в путь’; *säfäreŋ* ***uŋmyj*** *ber bälägä eläkteŋme* [KD: 11] ‘Путешествие твое сложилось неудачно, и ты попал в беду?;

Для передачи настоящего времени, в татарском переводе «Тысяча и одной ночи» наблюдается употребление формы глагола будущего времени *-yr/-er, -ar/-är: äj Märcän, sän nä* ***söjlärseŋ****, bunlar nä cähättän bänem äqribäm ulalar ...* [Әлҗилдү, 2: 93] ‘Эй, Марджан, что ты говоришь, с какой стороны они являются моими родственниками’; *äfändem, nä* ***ezlärsez****?* [Әлҗилдү, 2: 37] ‘Господин мой, что вы ищете?’; *Bağdadta šundyj xatynnar bar, irlärne* ***mäsxärä***

idärlär [Әлҗилдү, 5: 37] ‘В Багдаде есть такие женщины, которые издеваются над мужчинами…’.

Известный исследователь истории татарского языка Л.Заляй подчеркивает, что в древнем языке форма *–ыр* входила в парадигму форм настоящего времени. Она активно употреблялась в письменных памятниках. Данный стиль продолжается до эпохи К. Насыйри и его соратников. Функционирование глаголов на *–ыр* в значении настоящего времени характерно не только для языка художественных произведений, но также часто встречается в языке фольклора [Җәләй, 2000: 212; 216-217].

Будущее время в языке произведений представлено двумя формами: формой будущего неопределенного времени на *-r,-ar/-är,-yr/-er* , образующей будущее предположительное время, и формой будущего времени на *-ačaq* /*-äčäk,* являющейся основой будущего категорического времени.

Для передачи будущего неопределенного времени привлекаются формы глагола на *-yr/-er, -ar/-är* + личные аффиксы: *qarčyq bezne küreb* ***qačar*** ... [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Старушка, увидев нас, сбежит’; *bäne totyb ijär dideke närsä beneb istädeke jirgä* ***baryr*** ... [Әлҗилдү, 2: 101] ‘Меня поймает, оседлает и поедет куда захочет ...’; *qazyj tarafynnan kilgän adäm* ***kürer*** ... [Әлҗилдү, 5: 4] ‘Человек, посланный судьёй, увидит’; *bän alarny* ***qatil idärem*** ... [Әлҗилдү, 5: 21] ‘Я непременно убью их’; *bän sezdän artyq* ***saqlarym*** ... [Әлҗилдү, 5: 132] ‘Я буду охранять лучше вас’; *sač alučy Bärbär kibetenä* ***cyjylyrmyz*** ... [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Соберемся в магазине цирюльника Бербера’; *Allahy Täğäläneη bojyryğyna* ***itağat qylarmyz*** [КВ: 21] ‘Будем подчиняться требованиям Всевышнего’; *oluğ gönahqa* ***batarsyη*** [КВ: 16] ‘Увязнешь в большом грехе’; *tiz zaman äcäl širbäten* ***ečererlär*** [КВ: 18] ‘Его быстро напоят напитком смерти’; *härber ešne meη törle* ***fiker itär*** [КВ: 17] ‘Каждое дело обдумает тысячу раз’; *alarnyη mujynnaryn syndyrsa cihan* ***tynyč bulyr*** [КД: 4] ‘Если он сломает им шею, мир успокоится..’; *däwlät wä bäxet ittifaqdan* ***kiler*** ... [КД: 4] ‘Счастье и богатство достается единством…’; *ber dustan ajyrylu xästasyna ikenče äšnäneη tabyluwy šifa* ***birer*** [КД: 4] ‘Лекарством от разлуки с

другом станет появление нового друга‘; *siŋa dönja wä axirät däwlätenä wäsilä* ***tabylyr*** [КД: 2] ‘Найдутся средства для процветания и в бренной и в вечной жизни..’; *män padišahqa fida* ***bulyrmyn*** [КД:66] ‘Я пожертвую собой ради царя..’; *mänem äxwälem säxär waqytynda čyğyb kitkän ike adämneŋ xikäjätenä* ***oxšar*** [ТН: 8] ‘Мое положение похоже на положение людей, описанных в рассказе, которые отправились в ночное путешествие...’; *ägär tuti kämilgä bu serlärne söjläsäm ir irlär jağyn* ***totar*** [ТН: 8] ‘Если открою этот свой секрет попугаю-самцу, то он наверняка будет на стороне мужчин’; *šulaj qotylyb* ***kitärmen*** [ТН: 83] ‘Таким образом избавлюсь..’; *ni belän eš wä* ***käseb itärmen*** … [ТН: 8] ‘Чем я буду заниматься…’; *cämiğ kitablaryny küzdän kičereb* ***mutalağa qylarbyz*** [Әбу: 6] ‘Все книги пропустим через свой взор, прочитаем…’; *Mändän xäjer doğa qylsaŋ dönjany ber* ***tamaša idär idem*** [КД: 14] ‘Если будешь доволен мною и дашь свое благославление, то я бы совершил путешествие по миру...’.

Отрицательная форма образуется путем замены аффикса – *yr, - er* аффиксом *-mas /-mäs: mondan soŋ kešedä* ***ixtijar qalmas*** [КВ: 18] ‘После этого у человека не останется силы воли..’; *kešeneŋ jaxšylyğy jamanlyğy täcribä qylmajynča* ***belenmäs*** [КВ: 18] ‘Хорошие и плохие черты человека не выявляются без испытаний..’; *mändäj juldašnyŋ süzläre äsär* ***qylmas***… [КД: 9] ‘Ты не прислушаешься к словам такого спутника, как я..’; *firaq awyrlyğyn hičnärsä* ***jiŋel itmäs*** [КД: 9] ‘Тяжесть разлуки ничем не облегчишь..’; *cafany čikmägän insan safanyŋ* ***qadren belmäs*** [КД: 8] ‘Человек, не испытавший мук, не будет ценить спокойствие’; *kešeneŋ xönär wä mäğrifäte bulğanda malğa ixtijacy* ***bulmas*** [ТН: 5] ‘Когда у человека есть профессия и образование, у него не будет нужды стремиться к богатству’; *padišahqa göhedne bozmaq* ***jaramas*** [ТН: 173] ‘Царю не положено нарушить обещание…’; *balyna čeben qunsa ajağyn jalamaj* ***jibärmäs*** *ide* [Әбу: 91] ‘Если на мед сядет муха, то он не отпускал её, по не вылижет мед с её ножек…’;

Форма на *-ačaq /-äčäk,* обозначающая действие, следующее за моментом речи, сопровождается модальным значением категоричности [Тумашева, 1986: 57].

Исследователи по истории татарского языка указывают, что данная форма относится к более позднему периоду древнетюркского языка-основы и считается глагольной формой огузской подгруппы. Распространена в таких языках кипчакской подгруппы как татарский, башкирский, узбекский и кумыкский [Хисамова, 2017: 138]. В татарском языке она входит в активное употребление во второй половине XIX - в начале XX века. До этого периода она актино не функционировала, поэтому данная форма не представлена в грамматиках [Хаков, 2003: 145]. Далее форма на *-ačaq /-äčäk* становится нормативным показателем будущего определенного времени литературного языка.

Данная форма активно употребляется в произведениях «Кырык вәзир кыссасы» и «Тысяча и одна ночь»: *mämläkäte jat keše qulynda* ***qalačaq*** [КВ: 17] ‘Его королевство достанется чужаку..’; *belde ki izgelek jamanlyq belän* ***qajtačaq*** [КВ: 34] ‘Он понял, что добро вернется злом…’; *säne häläk* ***idäčäkem*** ... [Әлҗилдү, 2: 2] ‘Я непременно убью тебя’; *bändäŋez bu xosusda ber süz* ***ajtäčäk*** *tügel* ... [Әлҗилдү, 2: 40] ‘Ваш раб об этом ничего не скажет’; *qatyjl* ***idäčäkder***... [Әлҗилдү, 3: 4] ‘Он непременно убьет’; *ul carijäne boradärem Zul Mäkan häm seŋlem Nözhät äz-Zaman janyna* ***jibäräčäkem*** ... [Әлҗилдү, 2: 2] ‘Эту рабыню я отправляю к моему брату Зуль Макан и сестре Нузхат аз-Заман’; *bezlärne bunlar* ***häläk idäčäk***... [Әлҗилдү, 6: 185] ‘Они непременно убьют нас’.

В татарском переводе «Тысяча и одной ночи» в единичных случаях для выражения действия будущего времени употребляется форма настоящего времени на *-a /-ä, -i: qarčyq äjtde bän bunlarny Allahy Täğalä öčen ber aj köndezen ruza, kičlären ujağ torsaŋ* ***satam*** *dide* ... [Әлҗилдү, 2: 17] ‘Старуха сказала: я продам их в том случае, если ты в течение целого месяца днем будешь поститься, а ночами бодрствовать…’; *irtägä bän jaqynlarym*

ğaibiränläre janyna ***baram*** ... [Әлҗилдү, 2: 17] ‘Завтра я пойду к своим близким – гаибам ...».

Желательное наклонение

Для обозначения желания или намерения говорящего совершить действие активно используются аффиксы *-ajym /- äjem, -ajyq/ -äjek: ban došmannarymny qarab* ***kiläjem*** [Әлҗилдү, 2: 407] ‘Пойду-ка погляжу на своих врагов’; *išägeŋne bireb* ***jibäräjem*** ... [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Хочу отдать твоего осла’; *šajxneŋ zijärätenä* ***barajym*** ... [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Хочу навестить шейха ...’; *bez* ***kiläjek*** *bujawčy Xaciğa...* [Әлҗилдү, 2: 4] ‘Давайте, вернемся к Хаджию – красителю’; *bez* ***kiläjek*** *bujawčy öjendä jalanğač qalğan qyzğa* ... [Әлҗилдү, 2: 5] ‘Давайте, вернемся к девушке, оставшейся без одежды в доме красителя…’; *bez* ***kiläjek*** *Ämcäd ilä Äsğadkä* ... [Әлҗилдү, 3: 15] ‘Давайте, вернемся к Амджаду и Асгаду…’; *alyb* ***čyğajym*** ... [Әлҗилдү, 2: 17] ‘Дай-ка я вынесу…’; *dardeŋne wä mixnäteŋne* ***beläjem*** ... [Әлҗилдү, 2: 44] ‘Хочу узнать твои намерения и страдания …’; *siŋa ğacäjeb törle ešlär* ***kürsätäem*** [КВ: 8] ‘Я хочу показать тебе удивительные вещи’; *süzgä osta adämne ilče iteb* ***jibäräjek*** [КВ: 15] ‘Давайте отправим к ним послом красноречивого человека’; *jaxšy küreb* ***qarajyjq*** [КВ: 15] ‘Хорошо, давайте посмотрим..’; *any padišahnyŋ ajaq astyna* ***čäčäjem*** [КД: 7] ‘Хочу бросить их под ноги царя’; *šulaj…ğaryz* ***qylajyq*** [КД: 7] ‘Давайте представим так…’; *sezgä täkdim* ***itäjem*** [КД: 3] ‘Хочу предложить вам..’; *mondan ary* ***saqlanajym*** [ТН: 85] ‘Впредь буду предостерегаться..’; *män… räxätdä* ***bulajym*** [ТН: 5] ‘Я …хочу быть в спокойствии’; *söjlä* ***išedäjek*** [ТН: 88] ‘Говори, хотим послушать’; *Kemne* ***biräjek****?* [Әбу: 61] ‘Кого хотим отдать?’.

Активность данной формы в огузированном варианте старотатарского языка конца XIX - начала XX века подчеркивается Р.М. Мирхаевым и исследователем газетных текстов Б.К. Миннуллиным [Мирхаев, 2007: 105–108; Миннуллин, 2012:182–186].

Функционально-семантическое поле желательного наклонения произведений жанра кысса включает также лексические средства. Например, в текстах исследуемых произведений желание выражается при помощи лексем *telärgä, istärgä* «хотеть», «желать», «захотеть», «пожелать» и конструкциями *mil itärgä* «хотеть», «желать», *arzu idärgä* / *qylarğa* «хотеть», «желать»: *bäğzysy sezlärne* ***istäb...*** [Әлҗилдү, 2: 19] ‘Некоторые хотели Вас ...’; *üzemä täcribä xasil qylyrğa* ***telimen*** [КД:7] ‘Хочу набраться опыта..’; *Mindän ni* ***istärseŋ*** *?* [Әбу: 39] ‘Что от меня хочешь? ’; *küŋelem dönja kürergä … **mil itäder*** [КД:7] ‘Моя душа хочет увидеть мир…’; *Säğid här šähärdä güzäl čyrajly abystajlar belän ğyš ğyšrät itärgä* ***mile bardyr*** … [ТН: 5] ‘У Саида, наверно, есть желание в каждом городе встречаться с красивыми дамами…’; *sinnän* ***telim*** *ki mine satyb alasyŋ wä oluğ fajdalarğa irešäseŋ* [ТН: 5], ‘Хочу, чтоб ты купил меня и стал богатым’; *Zajn al-Muasyjf äjtde: fälän qadär ence, fälän, fälän närsälär* ***istärem*** *dide* ... [Әлҗилдү, 5: 171] ‘Зейн аль Муасыйф сказала: я хочу столько-то жемчуга и такие-то вещи... ‘; *Säjdä Dönjany kürmäk* ***arzu ideb*** ... [Әлҗилдү, 2: 63] ‘Хотел увидеться с Саидой Дунья... ‘; *bu xämämne kürmägä* ***arzu qylyb*** [Әбу: 9] ‘Хотел увидеть эту баню...’ и др.

Для выражения желания, намерения в тексте произведениях «Калила и Димна» и «Тысяча и одна ночь» употребляется также форма сослагательного наклонения *-sa /-sä ide*: *märxämät bireb mänem tar quyšyma* ***täšrif birsä ide****, wä qajğyly küŋelemne ber däqyqä säxäbätläre belän* ***kinändersä ide*** [КД:3] ‘С милосердием посетил бы мою пещеру и мою печальную душу обрадовал бы своим кратковременным общением…’; *šul säwdägär qyjssasyny tämam* ***äjläsäŋ ide*** ... [Әлҗилдү, 5: 17] ‘Закончил бы ты рассказ про того купца’.

В татарском переводе «Тысяча и одна ночь» желание, намерение передается также архаичной огузской формой *-alyq /-älek, -alym/-älem: söjlä,* ***išedälem*** ... [Әлфу:159] ‘Говори, послушаем…’; *ataŋ janyna alyb baryb šunda* ***toralyqmy****, jäjsä mämläkatemezgä alyb baryjm da, šunda* ***toralyqmy*** ... [Әлҗилдү, 5: 123] ‘Поживем у твоего отца, или вернемся в мою страну и будем жить там…’.

Такие же формы характерны для Орхоно–Енисейских памятников, в «Кисса-и Йусуф’, «Джумджума султан’, а также в произведениях Мухаммадьяра, М. Кулы, Г. Утыз Имяни, Г. Кандалый, А. Курмаши.

Таким образом, грамматический показатель желательного наклонения, претерпев фонетическое изменение (*-айым<-ыйм*), стал нормативным показателем современного татарского литературного языка. Часть языковых средств выражения желания перешли в современный язык, а некоторые считаются устаревшими (*istärgä; -alyq /-älek, -alym/-älem*).

Условное наклонение

Глаголы условного наклонения обозначают действие, являющееся условием для выполнения основного действия, и имеют аффиксы ***–sa/-sä.*** Этот основной показатель в языке произведений функционирует и с залоговыми формами, и с аффиксом отрицания: *näcät* ***bulasyŋyz kilsä,*** *tuprağymyzdan qalqyb mämläkäteŋezgä kiteŋez* ... [Әлҗилдү, 2: 38] ‘Если хотите спастись – возвращайтесь в свое царство’; ***muasalä itmäsä****, any soltanattan töšereb xajät kijemen saldyram* ... [Әлҗилдү, 3: 4] ‘Если он не вступит с тобой в связь, то мы лишим его власти’; *sän* ***jartysyn almasaŋ,*** *ban ber danäsen dä almam* ... [Әлҗилдү, 3: 7] ‘Если ты не возьмешь половину, то я ни гроша не возьму’; *padišah xazrätläre mänem* ***süzemä qarasa*** *bu kičä došman östenä baryb ordasyn basajyq* [КВ: 14] ‘Если его величество царь будет следовать моим словам, то сегодня ночью нападем на врага и разгромим его’; *agar xäzräteŋezgä* ***mäğqul kürensä*** *ber jazu jazyb anyŋ wäzirläenä jibäräjek* [КВ: 16] ‘Если его величество сочтет возможным, то напишем и отправим письмо его визирям’; *niček* ***mäğqul tabsaŋ*** *šulaj xozuryŋa ğaryz qylajyq* [КД:7] ‘Как ты считаешь нужным, так и представим твоему взору’; *niček* ***jaxšy kürsä*** *šulaj itsen* [КД:5] ‘Как считает нужным, так и поступает’; *ägär dönjağa bala kilmäkne* ***teläsäŋ*** *xäläl malyŋdan meŋ aqča sadäqa bir* [ТН: 3] ‘Если хочешь, чтобы родился ребенок, то подай милостыню в размере тысячи монет’; *ägär bu xäjlä bujyna* ***kitsä ide*** *qatğan hälaq bulyr ide* [ТН: 96] ‘Если поддался бы

этому обману, то точно пропал бы…’; *Qyzny birmäk tügel, ködrätennän kilsä, tereläj totyb ašar ide* [Әбу: 49] ‘Не только не отдал бы девушку (замуж за него), а проглотил бы его заживо, если бы это было в его силах’; *Ülüčeneŋ köne* ***citmäsä*** *üterüčeneŋ quly citmäs digännär* [Әбу: 73] ‘Говорят: пока не наступит день смерти, рука убийцы не дотянется’.

В сочетании с частицей ***da, dä*** выражает уступительную модальность: *Qamär äz-Zamanny* ***ezläsälär dä, tabmyj*** *qajyq quzğalyb kitde* ... [Әлҗилдү, 3: 7] ‘Как бы ни искали Камар аз-Замана, его не нашли, и лодки тронулись в путь’; *bezlär* ***kötsäk da, bulmağač*** *kildek* ... [Әлҗилдү, 3: 8] ‘Хотя и ждали вас, в конце концов мы пришли сами’; *bu uğlan* ***tärbijä belän üssä dä****, läkin xäzerge xäldä* ***tärbijäne qabul itmäs*** [КВ: 32] ‘Если даже этот парень хорошо воспитан, в нынешнем состоянии он не сможет воспринять наставления’; *qaršy toryrlyq köče* ***bulmasa da … oryš bašlady*** [КД:11] ‘Несмотря на то, что его силы были на исходе, он вступил с ним в битву…’; ***niček bulsa da*** *šäjxny aldab* ***äjtderd****e* [КВ: 11] ‘Она, обманным путем, заставила сказать шейха…’; *dönjada padišahlyqny* ***täne belän qujsa da****, cihan kägzendä* ***jaxšy aty juğalmas*** [КД: 4] ‘Если царь телом покинет этот мир, в мире останется его доброе имя....’; *wazifa häm birmäsä* ***ač jalanğač bulyb bulsa da toryr idek*** [ТН: 15] ‘Если даже он не предоставить мне должность, голым и голодным продолжали бы существовать…’.

Необходимо отметить, что фонетический глухой вариант частицы ***ta, tä*** в текстах кысса не зафиксирован.

Повелительное наклонение

В произведениях жанра кысса данное наклонение зафиксировано в положительной и отрицательной формах, оно характеризуется отсутствием 1 лица единственного и множественного чисел и имеет различные семантические оттенки:

1) приказ или требование: ***qalyq****, soltan däğwät itä* ... [Әлфу: 133] ‘Вставай, царь вызывает’; *küräsem kilä dijeb* ***äjt*** ... [Әлҗилдү, 5: 131] ‘Скажи, что хочешь его видеть’; ***äjt****, kiläčäk digen* ... [Әлҗилдү, 5: 7] ‘Скажи, что он

придет’; *sin najanlyqdan* ***tuqta*** *...* [Әлфу: 169] ‘Прекрати эти шутки’; *uğlannyŋ bašyn* ***kis*** [КВ: 3] ‘Отруби голову этому юноше’; ***kil*** *bu fetnäne* ***quj,*** *suğyš jaxšy eš tügel* [КВ: 14] ‘Подойди, оставь эту интригу, война плохое дело’; ***bar,*** *mondan* ***kit*** [Әбу: 70] ‘Иди, уходи отсюда…’; ***söjlä*** *aŋa ni bulyan* [КД:7] ‘Расскажи, что с ним случилось’; ***Äjdä, tor, jöre*** [Әбу: 70] ‘Давай, вставай, иди…’; *ešeŋne beter, süz* ***söjlämä****...* [Әлфу: 169] ‘Сделай свое дело, не разговаривай’; *juqny* ***söjlämä*** [Әбу: 70] ‘Не говори ерунду…;

2) простое побуждение: *bu jazuny qulyŋ ilä* ***sipa****...* [Әлфу: 67] ‘Прикоснись рукой к этим строкам’; *dönja wä axirätdä däwlätle bulyb* ***qal*** [КД:3] ‘Оставайся богатым и в бренном, и в вечном мирах’;
3) просьба: *baŋa xatynyŋny* ***wasyf qyl*** *...* [Әлҗилдү, 5: 127] ‘Опиши мне как выглядит жена’; *sine abystaj čaqyra* ***digen*** [КВ: 153] ‘Скажи, что его приглашает хозяйка’; *äj sylu qunağym* ***sabyr it*** [КД:11] ‘О мой стройный гость, потерпи’; *ğajeb* ***itmä*** *belgän nasixätemne siŋa äjttem* [КД: 9] ‘Не вини меня, все свои советы я тебе дал’; *äj sylu qunağym … mäne* ***šeltälämä****…* [КД: 11] ‘О, мой стройный гость, не упрекай меня..’; ***räncemä*** *män siŋa ujnab äjtdem.…*[КД: 8] ‘Не обижайся, я пошутил …’;
4) увещание: *könčyğyšy jağyna qarab* ***jör****…* [КД:2] ‘Иди на восток...’; *fikereŋnän* ***kič*** [КД:8] ‘Отрекись от своих намерений ‘;*xatynyŋ belän* ***jat*** [ТН: 3] ‘Ложись со своей женой’; *meŋ aqča sadäqa* ***bir*** [ТН: 3] ‘Подай милостыню в размере тысячи монет’; *gönahsyz balağa* ***qasd itmä*** [КВ: 17] ‘Не мсти безгрешному ребенку’; *bu qadär möselmanlarnyŋ qanyn* ***qojma*** [КВ: 14] ‘Не проливай кровь мусульман’; *wäzirlärneŋ nasixätlären cilgä* ***jibärmä*** [КВ: 31] ‘Не игнорируй советы своих визирей’; *ozyn nasyxätlär* ***äjtmä*** [КД: 8] ‘Давай, не говори мне долгих наставлений’ и др.

Представленные в языке татарского перевода сборника сказок «Тысяча и одна ночь» и произведения «Абугалисина» глаголы в повелительном наклонении II лица единственного числа употребляются также с аффиксом -*ŋ: bezgä qawemeŋezne, ğailäläreŋezne* ***säir itdereŋ****, didekdä...* [Әлҗилдү, 5: 144]

‘Сказал: пошли к нам своих родных и семью в гости…»; ***Bojyryŋ****, äfändem!* [Әбу: 11] ‘Приказывай, мой господин!’.

Форма повелительного наклонения на *-ŋ* широко употреблялась в старописьменном литературном языке вплоть до начала XX века, часто эта форма встречается в произведениях Мухаммадьяра, М. Колы, Г. Утыз Имяни, Г. Кандалый, А. Уразаева–Курмаши. В настоящее время форма повелительного наклонения на *-ŋ* употребляется в Барабинском диалекте сибирских татар [Тумашева, 1968: 68.].

Представленные в языке произведений жанра кысса глаголы II лица множественного числа употребляются с аффиксами *-ŋyz /-ŋez:* ***kiteŋez*** *bänem öjemdän...* [Әлҗилдү, 6: 6] ‘Уходите из моего дома’; *qyzdyryb timer* ***basyŋyz****...* [Әлҗилдү, 5: 9] ‘Клеймите каленым железом’; *tabyb bäŋa* ***kitereŋez*** *...* [Әлҗилдү, 5: 6] ‘Найдите и приведите ко мне’; *mondan soŋ monyŋ kebek gönahny* ***ešlämäŋez*** … [КВ: 19] ‘Больше не совершайте такие грехи…’; *miŋa kiŋäš* ***bireŋez*** [КД:6] ‘Дайте мне совет ‘; *šuny miŋa* ***beldereŋez*** [КД:6] ‘Дайте мне знать...’; *sez mäne säfär belän* ***qurqytmaŋyz*** [КД:12] ‘Не пугайте меня тяготами поездки..’; *beren qaldyrmaj* ***üldereŋez*** [КД:16] ‘Убейте всех до последнего’; *miŋa* ***tabšyryŋyz*** [ТН: 88] ‘Передайте мне’; ***Baryŋyz****, kürgäneŋezne padišahyŋyzğa* ***söjläŋez****!* [Әбу: 52] ‘Идите, расскажите увиденное вами своему правителю! ’.

Глаголы повелительного наклонения III лица единственного числа образуются при помощи аффиксов *–syn /-sen,* а к множественному числу еще добавляется аффикс ***–lar/-lär****: kešegä qazyğan bazğa üze* ***töšmäsen*** [КД: 5] ‘В яму, которую выкопал для другого, пусть сам не попадет’; *xalyqnyŋ ğazize* ***bulsyn*** [КД: 6] ‘Пусть будет любимцем народа..’; *padišahnyŋ wäzirläre mämläkät ešlärendä ber ağyzly* ***bulsynlar*** [КД: 4] ‘Визири царя в государственных делах должны держаться одного мнения’; *Beräw ber süz* ***äjtmäsen*** [КВ:18], ‘Пусть никто ничего не говорит…’; *qadalyb* ***kitsen****, aŋa wäziremne jibäreb ajağynamy jyğylajym?!* [Әбу: 82] ‘Пусть пропадет он пропадом, я что, должен отправить к нему своего визиря, чтобы он упал ему

под ноги?!’; *xatyn siŋamy tiešle miŋamy tiešle padišah* ***xökem itsen*** [КВ: 109] ‘Кому достанется женщина, тебе или мне, пусть царь рассудит’; *Ber zur* ***tas*** *kitersenlär* [КВ: 8] ‘Пусть принесут большой таз…’; *xaramğa* ***mil itmäsen*** *…dib …* [ТН: 3] ‘Чтобы не соблазнился запрещенным’; *firaq uty belän jörägen* ***köjdersen*** [ТН: 7] ‘Пусть горит его сердце от разлуки’;

В тексте произведений также зафиксированы формы повелительного наклонения отрицательного аспекта, образованные при помощи аффиксов *-ğaj/-gäj: yšanyčsyz närsälär artynnan* ***jörmägäj*** [КД: 7] ‘Не занимайся сомнительными делами..’; *küz kürä torğan xätärlärgä* ***kermägäj*** [КД: 7] ‘Избегай очевидных опасностей’; *räncü wä zäxmät zindanynda ğomer* ***kičermägäj*** *ide* [ТН: 5] ‘Не провести бы жизнь в обидах и страданиях..’; *ike qošnyŋ tärbijäsendä ašamaq ečmägendä aslan kimčelek* ***qylmağaj*** [ТН: 6] ‘Хорошо ухаживай за этими двумя птицами, не забывай давать им еду и питьё’ ***bašyŋdan*** *häm mämläkäteŋdän* ***cädä qylmağajsyŋ*** [КД: 16] ‘Как бы не остался ты без головы и царства...’ и др.

Как указывает Ф.М. Хисамова, данная древняя форма активно употреблялась в старотатарском письменном литературном языке. В диалектах современного татарского языка форма *-ğaj/-gäj* встречается в модальных конструкциях, выражающих иронию и предупреждение [Хисамова, 2017: 144].

Неличные формы глагола

В употреблении неличных форм глагола в языке исследуемых произведений также наблюдается ряд особенностей, которые связаны со спецификой изучаемого материала. В этом параграфе мы рассматриваем наиболее распространенные случаи, которые встречаются в текстах кысса.

Причастие

Причастие формировалось еще в древнем языке и поэтому отличается многофункциональностью вариантов форм. В семантическом плане оно

выражает признак предмета по его действию. В языке произведений жанра кысса причастие представлено различными формами, которые репрезентируют категорию времени.

В текстах активно употребляется причастие прошедшего времени на -***ğan /-gän, -qan/-kän***, характерное для кипчакской подгруппы тюркских языков. Необходимо указать, что фонетические варианты данной формы имеют регулярное употребление в текстах. Часто выступает в функции определения, употребляясь в разных залоговых формах и в форме отрицания. В текстах кысса причастие в атрибутивной функции чаще характеризует субъект: *jalanğač* ***qalğan qyz*** ... [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Девушка, оставшаяся без одежды’; ***padišah bulğan kešegä*** *ničä törle xolyqny ğadät itmäk kiräk* [КВ: 21] ‘Какие черты характера нужны человеку, ставшему царем?’; *anda* ***xadir buğan adämlär*** *bajy jarlysy barčasy jyğlamyšlar ide* [КВ: 20] ‘Все люди, какие там были и богатые, и бедные, все расплакались‘; *aw* ***öjrätkän börkete*** *bar ide*... [Әлфу: 32] ‘Имел обученного охотиться орла’; *sin ber jat jirdän* ***kilgän keše*** [КВ: 8] ‘Ты приезжий чужой человек…’; *qačyb* ***kitkän padišah*** *baryb ğaskär cyjyb* ... [КВ: 24] ‘Сбежавший царь сумел собрать новое войско…’; ***išetkän adämlärneŋ*** *bäğre qan buldy*... [КВ: 18] ‘Сердца людей, услышавших это, обливались кровью...’; *padišah xäzinäsendä* ***bulmağan*** *tansyq* ***zatlar*** *tabdylar* [КД: 3] ‘Нашли небывалые в сокровищнице царя редкостные вещи’; ***cyjylğan kešelär*** *ittifaq qylyb* [ТН: 88] ‘Собравшиеся люди объединившись..’; *säxär waqytynda* ***čyğyb kitkän*** *ike* ***adämneŋ*** *xikäjätenä oxšar* [ТН: 8] ‘Напоминает рассказ о двух людях, отправившихся в ночное путешествие…’; ***Qotyrğan et*** *šikekke* [Әбу: 52] ‘Как бешенная собака…’; *Qarčyğa awyzyndan* ***tošeb qalğan čebeš*** *kebek bulyrlar* [Әбу: 62] ‘Станут как цыпленок, выпавший из клюва ястреба…’; *On čilägenä* ***tošкän taraqan*** *šikekke* [Әбу: 62] ‘Как таракан, упавший в ведро с мукой…’; *xamämdä* ***buran čyğarğan därwiš*** [Әбу: 39] ‘Дервиш, устроивший метель в бане…’.

Причастие может характеризовать объект: *qasädä* ***qalğan suny*** *ečeb* ... [Әлҗилдү, 2: 18] ‘Выпив воду, оставшуюся в чашке’; ***süzlägän süzlär*** *öčen* ...

[Әлҗилдү, 2: 124] ‘За сказанные слова’; *šundağy ber* ***bulğan ağačnyŋ*** *botağyna qundy* ... [КД: 9] ‘Сел на ветку одного из находящегося там деревьев’; *pulad jozaq belän* ***biklängän*** *ber* ***sandyq*** [КД: 3] ‘Запертый на стальной замок сундук..’; *aq atlasqa* ***jazylğan*** *ber* ***jazu*** *tabyldy* [КД: 3] ‘Нашли письмо, написанное на белом атласе..’; *jaŋa* ***iskän*** *saba* ***jile*** *xäbäreŋ barmy* [ТН: 6] ‘Свежий утренний ветер, есть ли у тебя новости?’; *qartlardan* ***qalğan süz*** *bar* [ТН: 83] ‘Есть завещанное нам предками наставление..’;

характеризует место: *män häm* ***jatqan jiremdä*** *räxätdä bulyrmyn* [КВ: 20] ‘Я тоже буду спокойно лежать и отдыхать’; *tübäse* ***kükkä tigän*** *ber bijek* ***tawğa*** *jitde* [КД: 9] ‘Дошел до высокой горы, вершина которой соединилась с небом’.

Причастие на *-ğan /-gän, -qan/-kän* часто субстантивируется, принимая аффиксы падежа, числа и принадлежности: *any* ***kürgän*** *xäjran qalyr* ... [Әлфу: 138] ‘Кто его увидит – остается восхищенным…’; *julda tuğry* ***kilgännär*** *xatynny qyzğanyb, Allahy šifa birsen dijeb doğa idärlär ide* ... [Әлфу: 127] ‘Попавшие навстречу люди, пожалев женщину, говорили: «Пусть Аллах ниспошлет ей выздоровление’; *adäm* ***bulğan*** *gönahdan xali bulmas* [КВ: 42]. ‘Человек не сможет быть безгрешным…’; *bän* ***ixsan itkänlärgä*** *jaxšylyq itä torğan bändälärdän* [Әлфу: 20] ‘Я из тех, кто за добро отвечает добром’; *ämma säkär dib ašağany ağu kebek tojylyr ide.* [КВ: 240]. ‘Что бы он не ел, все казалось ему отравой…’; ***Ütkännän*** *soŋ ükenmäk fajda birmäs* [КД: 5] ‘Сожалеть о содеянном пользу не даст…’.

Данная форма также часто употребляется в функции имени действия: *Xajwan bary qarny* ***ačyqqanyn*** *wä* ***tujğanyn*** *beler* [КВ: 80] ‘Животное может чувствовать свой голод и сытность’; *Allahy Täğalä ürmäkučkä* ***sabyr bulğany*** *öčen moradyna irešdereb* [Әлҗилдү, 6: 235] ‘Аллах Всевышний за терпеливость помогал пауку достигать цели’; *qaty qaty süzlär* ***äjtkänenä*** *ükende* [ТН: 85] ‘Сожалел, что сказал неприятные слова...’.

Аффикс ***–ğan,*** сочетаясь с предикативными словами *бар, юк*, может выступить в роли сказуемого: *čypčyq däxi küb zamandan birle ana čypčyq*

janyna barğany juq ide [КВ:41] ‘Воробей еще давно не посещал свою подругу’.

В текстах кысса данная форма вместе с аффиксом местно-временного падежа (***-ğanda*)** функционирует и в значении деепричастия, тем самым указывая на время совершения действия, например, *kešeneη hönär wä mäğrifäte* ***bulğanda*** *malğa ixtijacy bulmas* [ТН: 5], “Когда у человека есть профессия и образованность, у него не будет страсти к богатству’. *Ağuny jegetneη ağyzyna salajym* ***digändä*** *jeget ahlab jibärde dä xatyn siskäneb wä qawšab jyğyldy* [КД: 45] ‘Когда она хотела залить яд в рот парня, тот (во сне) начал охать и ахать, женщина вздрогнула, испугалась и упала’; ***basyb torğanda*** *qarčyq jäšerten Tac äl-Mölekkä išarät itde* [Әлҗилдү, 2: 74] ‘Когда они стояли (у окна), старуха тайком подала знак Тадж аль- Мулюку’; *Ämma Säjjid Jaxja äfände äjtde: bu riwajätne šuilä išetdem ki, jidenče šišäne tükmägä* ***kitergändä*** *ajağyna ber närsä törteleb qulyndan šišä tošeb uwaldy dide,* [Әбу: 112] ‘Однако, господин Саид Яхъя сказал: я эту легенду слышал в таком виде: когда он нес седьмую бутылку на слив, что-то зацепила его за ногу, бутылка упала и разбилась’.

Данная форма весьма распространена в тюркских языках [Гаджиева, 1963: 60]. Как пишет известный диалектолог Ф.Ю. Юсупов, в указанном выше значении, а также приобретая другие значения (объекта, условия, результата и др. действия), форма ***–ğanda*** (-ганда) распространена в говорах среднего диалекта и в диалектах сибирских татар [Юсупов, 2004: 101-103]. Частота употребления формы на ***–ğanda*** (-ганда) в языке исследуемого периода, а также в диалектах современного татарского языка свидетельствует о ее принадлежности народно-разговорному языку.

В тексте «Тысяча и одной ночи» зафиксированы причастия прошедшего времени с аффиксом ***-dyq /-dek***, характерные для огузской группы тюркских языков: *ijar* ***dideke närsä*** *...* [Әлҗилдү, 2: 101] ‘Вещь, называемая седлом...; *ser* ***didekläre närsä*** *bänem qaršymda saqlanmaq öčen ber bülmägä qujğan närsä kebider, ul bülmäneη bikläb ačqyčlary juğalğan da, jänä*

jozağy üzrenä möxer orylmyšdyr ... [Әлҗилдү, 5: 11] ‘Секрет – это такая вещь, которую положили для хранения в отдельный кабинет, ключи от которого утеряны, а на корпусе замка установлена пломба’.

Причастия на ***-dyq /-dek*** в произведениях жанра кысса также субстантивируется: *načar xalgä* ***dučar uldyğymny*** *kürgäč...* [Әлфу: 142] ‘Увидев, что меня застала неудача...’; *säne* ***kürdekdän*** *birle* [Әлфу: 40] ‘С тех пор, как увидел тебя...’; *taŋ jaqyn* ***irdegen*** *küreb süküt äjläde* [Әлҗилдү, 3: 3] ‘Увидев наступление рассвета, замолчала ...’; *äšäke eš* ***qyldyğy*** *öčen...* [Әлҗилдү, 4: 305] ‘За совершение плохого поступка ...».

Эта форма, характерная для письменного литературного языка, впоследствии устарела и не стала частью современного татарского литературного языка. Форма на *-dyq /-dek* имеет ограниченное употребление и в диалектном языке. Она употребляется только в заказанской и нагорной группах говоров среднего диалекта и составляет периферию диасистемы татарского языка [Юсупов, 2004: 115-116].

Огузская форма причастия прошедшего времени на ***-myš/-meš, -muš/-müš*** употребляется довольно редко: *ber* ***tašlanmyš jirdä*** [Әлҗилдү, 5: 304] ‘На каком-то заброшенном месте...’; *gäwhär ilä* ***jasalmyš kürsi*** [Әлҗилдү, 5: 127] ‘Кресло, украшенное самоцветами...’; ***tašlanmyš munčağa*** *qačdy* [Әлҗилдү, 4: 305] ‘Спрятался в заброшенной бане...’; *ber qara išäkkä* ***atlanmyš*** *aryq qyna* ***kešeder*** [KB: 73] ‘Худой человек, на черном осле...’; ***atylmyš uq, söjlänmeš süz*** *ütkän ğomer – bolarny hičbere kire qajtmas* [TH: 121] ‘Запущенная стрела, сказанное слово, прошлая жизнь – все это безвозвратно’.

Форма на *-myš/-meš, -muš/-müš* активно употреблялась в древнем языке и в вариантах литературного языка. Ее параллельное употребление с формой на *–ğan* зафиксировано в тюркских письменных памятниках [Җәләй, 2000: 237]. В XIX веке функциональность данной формы в значении причастия сужается [Хаков, 2003: 147]. Эта особенность, характерная для данной формы, заметна не только в функции причастия, но и в функции изъявительного наклонения. Как пишет Б.К.Миннуллин, исследователь языка

газеты “Борхане Таракки”, издававшейся в начале XX века, “следует отметить, что форма на *–ğan* используется чаще, чем форма на *–myš,* и это указывает на близость языка газеты к татарскому литературному языку второй четверти XX века и отходом от традиционных языковых норм [Миннуллин, 2011: 297]. Развивая вышеобозначенную мысль, можно добавить, что пассивность формы на *–myš* и в текстах кысса свидетельствует о процессе закрепления литературных вариантов причастия в татарском языке.

В современном татарском языке эта форма является ядерным элементом диасистемы. Она имеет ограниченное употребление, в собственно причастной функции встречается лишь в среднем диалекте и диалектах сибирских татар [Юсупов, 2004: 114].

В тексте исследуемых произведений причастие настоящего времени представлено двумя формами:

1. формой, образованной аффиксом ***-učy/ -üče:*** *Cällä wä Gallä xäzrätläre sezne* ***xösed idüče küzdän*** *saqlasyn* [Әлҗилдү, 2: 69] ‘Пусть Всевышний хранит вас от дурных глаз’; ***sač alučy Bärbär*** *kibetenä cyjylyrmyz* ... [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Соберемся в магазине цирюльника Барбера’; *xalqy saxrada* ***utlawčy qujlarğa*** *oxšäğan* [КД: 12] ‘Население похоже на овец, пасущихся в долине..’; ***Sixerče qarčyqlardan*** *berničäsen* ***künderde*** [КВ: 104] ‘Отправил (за ним) несколько колдуний...’.

Нередко причастие на ***-učy/ -üče*** субстантивируется: *ataŋ här jaqğa* ***ezläwčelär*** *čyğarğan bulsa kiräk* [ТН: 84] ‘Твой отец, наверное, отправил на все стороны ищеек…’; *berse* ***qan tügüče,*** *berse uğry berse* ***zinačy*** *ide* [КВ: 18] ‘Один из них был убийца, второй – вор, третий – прелюбодей…’. ***Ülüčeneŋ*** *köne citmäsä* ***üterüčeneŋ*** *quly citmäs digännär* [ТН: 73] ‘Говорят, пока не наступит день смерти, рука убийцы не дотянется…’; ***tegüče*** *ul xälne küreb …* *šašyb qaldyqda* [Әлфу: 128] ‘Портной, увидев это, одурел’; ; *ber az ğyna kisäk kiseb* ***čäč alučyğa*** *birde* [ТН: 155] ‘Отрезал небольшой кусок и передал парикмахеру...’ и др.

2. аналитической формой на *-a torğan: Nur as-Sina* ***tora torğan*** *šähärgä jitde*… [Әлҗилдү, 5: 132] ‘Дошел до города, в котором живет Нур эс-Сина...’; ***ata torğan*** *uqlary qyzyl altynnan ulyb* [Әлҗилдү, 3: 79] ‘стрелы для стрельбы сделаны из красного золота...’; ***qojyna torğan*** *kyzlarnyη* [Әлҗилдү, 5: 127] ‘У купающихся девушек...’; ***bara torğan*** *julymdan* [Әлҗилдү, 5: 126] ‘С дороги, по которой я иду ...’; *kyzny kijawgä* ***birä torğan*** *ešne qylyrğa kiräk...* [Әлҗилдү, 2: 66] ‘Нужно выдать замуж девушку ...’; ***bula torğan*** *eš tügel* [Әлҗилдү, 6, с. 205] ‘Не осуществимое дело»; ***ačyla torğan*** *dürt täräzäse bar ide* [КВ: 8] ‘Там было четыре окна, которые свободно открывались’; ***juğary oča torğan*** *šunqarlarny tübän töšereb* [КД:9] ‘Высоколетящих соколов опустили вниз’; *küz* ***kürä torğan*** *xatärlärgä kermägäj* [КД: 6] ‘Избегай очевидных опасностей’; *bala* ***buldyra torğan*** *ber däwa bir* [ТН: 94] ‘Дай мне лекарство, которое поможет родить ребенка…’; *bu eš adäm zadäneη qulyndan* ***kilä torğan*** *eš tügel* [Әбу: 9] ‘Это дело не по силам рук сына Адама’; *xajwanlar* ***qaryj torğan*** *bik qabäxät, borny cimerek, küze suqyr, ağyzy čalyš, ajağy aqsaq, ber quly qysqa, gurbuny čyqğan, janyna ber keše kilä almaj ağyz sasysyna ...* [Әлфу: 106] ‘Скотник ужасный, отвратительный, с разбитым носом, с кривым ртом, одноглазый, хромой, сухорукий, горбатый, с таким вонючим ртом, что к нему никто не подходил...’

Аналитическая форма причастия на *-a torğan* активно употребляется и в современном литературном языке, и в среднем и мишарском диалектах [Юсупов, 1985: 47].

Исследователи замечают, что причастия на *-a torğan* (-а торган) редко употребляется в прозе конца XIX – начала XX века. Они встречаются только в произведениях М. Акъегет и З. Бигиева. Кроме этого, их можно встретить в дастанах и газетных текстах. Для других письменных источников они не характерны и являются одним из показателей функционально-стилистической вариативности. Это говорит о начальном этапе вхождения формы причастия на *-a torğan* в литературный язык [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 714].

Как показывают наши исследования, рассматриваемая форма причастия двольно активно функционирует в текстах кысса и преимущественно выступает в роли определения к словам, обозначающим субъекта и объекта действия.

Причастие будущего времени в текстах чаще представлено формами, образованными при помощи аффиксов ***-ar/-är*** (1) и ***-asy /-äse*** (2):

(1) ***ağar su*** *bujynda, ağačlyq arasynda barğanda ...* [Әлҗилдү, 4: 247] ‘Когда шел по лесу вдоль реки…’; *kürde misyr šahärenä ber ut totašqan* ***janar jalkynnary*** *hawağa čyqğan* [КВ: 8] ‘Увидел, что египетский город охватил огонь, пламя поднялась до небес..’; ***ağar čišmälär*** *bar ...* [Әбу: 7] ‘Имеются текучие родники…’.

(2) *bänem siŋa* ***äjtäse süzem*** *bar* [Әлҗилдү, 4: 91] ‘У меня есть к тебе разговор…’; *analary* ***barasy juldan*** *kitmäjeb...* [Әлҗилдү, 5: 132] ‘Не отправился по той дороге, по которой пойдет их мать’; *atamyznyŋ* ***meneb kitäse aty*** *bu buldy* [КВ: 23] ‘Эта была лошадь, на которой отец собирался уехать верхом’; *bu* ***qylasy ešeŋneŋ*** *axyryn isäblä ...* [КВ: 38] ‘Думай о результате того дела, которое ты собираешься сделать’.

Причастия на форму *–ačaq*, распространенной в исследуемом периоде и являющейся одной из показателей литературной нормы, в текстах кысса употребляется крайне редко.

Деепричастие

Деепричастие выражает действие, поясняющее основное действие по форме и времени. В татарском языке характеризуется наличием большого количества форм. Исследователи указывают, что в татарском литературном языке конца XIX – начала XX века деепричастие представлено формами на *-ып, -а, -гач, -арак, -ынча, -дыкча, -маздан, -кән* [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 769].

В текстах кысса наиболее активно представлены формы на - *ып, -гач,-ганчы*, другие формы отличаются пассивностью.

Форма деепричастия на *-yb /-eb* (-ып/-еп) выражает действие, совершенное одновремено с основным процессом: *bän ber jyldan birle här axšam sine kilmäs mikän dijeb* ***ömid ideb*** *köteb toryr irdem...* [Әлҗилдү, 2: 59] ‘Я целый год каждый вечер с надеждой жду твоего прихода’; *suğyš qorallary belän* ***suğyšyb*** *beren bere ütersä* [КВ: 24] ‘Если они будут сражаться, и при помощи боевого оружия поубивают друг друга...’; ***ağu bireb*** *zähärlädelär* [КВ: 26] ‘Отравили его при помощи яда..’; ***qanäğat bulyb*** *ojamyznyη počmağynda tynyč jat* [КД:11] ‘Будь доволен и лежи спокойно в уголке нашего гнездышка..’; *firaq uty belän* ***bäğrem köjeb*** *qara kümergä düngänder* [ТН: 7] ‘Мое сердце сгорело в огне разлуки и обуглилось…’;

- выражает действие, опережающее основной процесс: *berkön* ***ğaskären cyjyb*** *zäğyjf padišah östenä kilde* [КВ: 24] ‘Однажды, собрав войско, он напал на царя, который был слабым противником’; *Musa ğasasyn jäğni* ***tajağyn alyb*** *ul ğad qaweme östenä jörde* [КВ: 27] ‘Муса, взяв свою волшебную палку, напал на людей племени Гад’; *taη atqač* ***jil basylyb*** *bolyt uzdy* [КД:10] ‘С наступлением рассвета ветер стих и тучи развеялись..’; *bazarny* ***aralab*** *jörer ide* [ТН: 4] ‘Ходил по рынку..’; *wäzir zadäne* ***bik jamanlab*** *zarlandy* [ТН: 4] ‘Высказала свои глубокие обиды в адрес сына визиря…’; ***Sačyn*** *aldyryb östenä jaxšy kijemlär kidereb sarajyna kiterde...* [КД: 2] ‘Постриг ему волосы, одел в хорошую одежду и привел его в свой дворец’; *ber kön ber lačyn hawadan* ***atylyb kileb****, ber quj bätije, jäğni quzyny tyrnağy ilä* ***kütäreb alyb kitde*** *...* [Әлҗилдү, 2: 118] ‘Однажды прилетел сокол, когтями схватил ягненка и улетел...’; *padišah uğlyn zindanğa* ***qujdyryb*** *üze awğa čyğyb kitde* [КВ: 11] ‘Царь отправил сына в темницу и поехал на охоту’.

Отрицательная форма образуется при помощи аффикса ***–majynča /-mäjynčä****: ğyjšyq utyna sabyry* ***qalmajynča*** *haman xäjlä qutyrčyğyn mäjdanğa čyğaryb kičä köndez xäjlä belän mäšğul buldy* [КВ: 4] ‘Когда не было мочи от сильной пламени любви, она применила узелок хитрости и занималась им день и ночь’; *...härqajsy riwajät bulsa da, xäjät nasyjb* ***bulmajynča*** *bu xäldä beriz – beriz dib qaldy, wä mä täšä'unä illä inšä'ä Allah mäğnäse zahir buldy*

[Әбу: 112] ‘...Если даже все это легенда, ему не суждено было жить, и он остался в таком состоянии, произнося звуки “бриз-бриз”, и стал очевиден смысл (айата): «Но вы этого не пожелаете, пока не пожелает Аллах» [Коран, 1990, с. 491]’; ***joqlyj torğan bülmämdä*** … *carijälär belän joqlağanyma riza bulmajynča*…[Әбу: 11] ‘Я не была довольной, что в своей спальной комнате сплю вместе с рабынями…’;

Данная форма активно употребляется в текстах кысса. Кроме указанных парадигматических значений, встречаются и другие аспекты, например, в стилистических целях употребляется для выражения действий, следующих непосредственно друг за другом и объединенных общим смысловым ядром: ***qatyna kileb säläm bireb*** *dide* [КД: 2] ‘Подошел к нему, поприветствовал его и сказал..’; *xäjlä qalpağyn bašyna* ***kujyb,*** *zöhedlek tajağyna* ***tajanyb*** [Әлҗилдү, 2: 32] ‘Положив на голову колпак хитрости и опираясь на палку аскетизма…’; *bändäŋezgä näfis täğamlar, näfis xälwälär* ***jidereb****, näfis šäräblär* ***ečereb*** [Әлфу: 198] ‘Вашего раба накормили изумительными блюдами и сладостями, напоили прекрасными винами…’; *at qojryğyna katqan bozlar šikelle saqallary* ***šaltyrap****, uramnarda očrağan xalyq* ***kölešeb****, artlarynnan* ***ijäreb baralar*** [КВ: 28]. ‘Подобно примерзшим лошадиным хвостам, их бороды звенели, тем самым вызывая смех у прохожих на улице, которые долго следовали за ними’.

Деепричастие на *-yb /-eb* употребляется и в значении других глаголов, например, в значении условного наклонения: ***yštanymny*** *saldyryb gäwrätem kürener* ... [Әлҗилдү, 3: 200] ‘Если снимите с меня штаны, то видно будет мое непристойное место…’.

Еще одна особенность рассматриваемой формы заключается в образовании аналитической формы выражения способа действия, которое было подробно рассмотрено нами выше.

Таким образом, деепричастие на форму *-yb /-eb* в текстах кысса отличается многофункциональностью и активностью.

Форма деепричастия на ***-a /-ä*** (-а/-ә) встречается редко, она употребляется в аналитических конструкциях для выражения способа действия глагола. О пассивности данной формы деепричастия в рамках исследуемого периода подчеркивают и ученые, изучающие историю татарского языка. Ее пассивность показывает о начальном этапе вхождения в литературный язык [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 778].

Мы заметили, что в текстах кысса путем редупликации деепричастия на ***-a /-ä*** выражается продолжительность и многократность действия, например, *cilkäsenä* ***törtä – törtä*** *alyb baryrlar ide* [Әбу: 21] ‘Вели его, толкая в спину ’; *išekdän* ***jyğyla jyğyla*** *čyğyb, uramda ber miqdar ğaqylsyz bulyb jatdy* [Әбу: 20] ‘Падая, он ползком вышел через дверь на улицу и лежал там некоторое время без сознания’; ***sörä sörä*** *ul šähärneη padišahy xozuryna kiterdelär* [Әбу: 20] ‘Вели их, толкая, к правителю того города...’; *päjğambärlär qaberenä zijarät* ***qyla qyla*** *kitdelär* [Әбу: 4] ‘Они шли, посещая могилы пророков ...’; *xalyqlar ber berenä* ***bärelä suğyla*** *ašyğyb mäğarädän čyqdylar* [Әбу: 7] ‘Люди, толкая друг друга, в спешке вышли из пещеры’; ***Kölä-kölä*** *eče qatdy* [КВ: 96] ‘Со смеху живот его живот начал болеть....’.

Свойственная народно-разговорному языку форма на ***-ğač /-gäč*** (-гач/-гәч) активно употребляется в текстах кысса и выражает действие, непосредственно предшествующее действию другого глагола: *išek* ***ačyb jibärgäč****, tegüčelar išekdän kereb* ... [Әлфу: 129] ‘Когда дверь открылась, портные вошли в дом…’; *carijäne tabibqa* ***čaqyrmağa jibärgäč*** *mäjet qanburany ber bačqyčqa söjäb üzläre qačdy* ... [Әлфу: 130] ‘Когда послали рабыню за врачом, сами, оставив труп горбуна на лестнице, сбежали…’; ***axšam bulğač*** *Šahräzad dijär ki*... [Әлфу: 130] ‘Когда настал вечер, Шахрезад сказала ...»; *bu* ***xikäjätne išedkäč*** *šahzadäne zindanğa künderde* [КВ: 31] ‘Когда он услышал этот рассказ, то отправил принца в тюрьму’; ***padišasy ülgäč*** *ğaskärendä küb artyq eš bulmas* [КВ: 25] ‘Если царь умрет, с его войском легко будет справиться..’; *qojaš baš kütäreb* ***dönja jaqtyrğač*** [КВ: 26] ‘После того как солнце взошло и осветило мир…’. *jylan beraz* ***cylynğač*** *čağyb ul kešene hälaq*

itde [КВ: 32] ‘Когда же змея согрелась, она тотчас же до смерти укусила человека..’; *bu misalnyŋ mäğnäsen* ***sorašqač*** [КД: 13] ‘Когда расспросил о смысле этого примера..’; *öjenä* ***jaqynlašqač…*** [КД:12] ‘Когда приблизился к своему дому…’. ***ğazablana torğač*** *tozaqny özde* [КД:12] ‘Немного помучившись, он освободился из ловушки..’; *bälädän* ***qotylğač*** *jortyna qajtyrğa jözen jünältde* [КД:12] ‘Когда выбрался из ловушки, направил свой взор в сторону дома..’; *Mahšäkärne* ***kürgäč*** *meŋ can belän ğašiq bulyb* [ТН: 3] ‘Увидев Махшакар, влюбился в нее с первого взгляда..’; *kič keše ajağy* ***basylğač*** *bäk uğly janyna barmaqčy bulğanda* [ТН: 8] ‘Когда люди перестали ходить, она засобиралась идти к сыну бека…’; *Jaqynraq* ***kilgäč,*** *kürde* [Әбу: 61] ‘Подошел поближе, и увидел…’; *Küb* ***jögerä torğač,*** *ajaqlary qabarğan* [Әбу: 91] ‘Из-за долгого бега, у него опухли ноги…’.

В татарском переводе «Тысяча и одной ночи» Ф. Халиди и “Тутыйнаме” Г. Фаезханова параллельно деепричастию *-ğač /-gäč* в том же значении актуализируются формы ***-dyqda / -dekdä*****:** *tegüče ul xälne küreb* ***šašyb qaldyqda,*** *xatyny äjtde* ... [Әлфу: 128] ‘Когда увидев это, портной остолбенел, а жена сказала ему …’; *unbiš jäšenä* ***kerdekdä*** *bän säwdä öčen čit šähärgä kitdem* [Әлфу:12] ‘Когда сын достиг пятнадцати лет, я поехал в другой город заниматься торговлей’; *balalar atalaryn* ***kürdekdä,*** *baba, baba dijeb* ... [Әлҗилдү, 5: 141] ‘Папа, закричали дети, увидев отца...’; *šah jurğan astynnan ğaräb bulyb awyrular tawyšy kebi tawyš berlän ah-wah* ***didekdä*** ... [Әлфу: 49] ‘Когда шах, притворившись рабом, из-под одеяла охал и ахал...’; *särčä qošy buny küreb bän häm anyŋ kebek idärem* ***didekdä*** … [Әлҗилдү, 2: 118] ‘Воробей, увидев это, сказал: я тоже так сделаю...’; *Tutyj äjtde: šul räweščä riwajät qylynyr ki Ibrahim ğaläjhi sälämneŋ xäter šäriflärenä* ***kildekdä*** [ТН: 12] ‘Попугай сказал: таким образом рассказывают, что касается воспоминаний пророка Ибрагима, мир ему...’.

Эта форма трактуется нами как особенность османско-турецкого языка и является показателем старотатарского письменного литературного языка. У

других авторов она не зафиксирована, впоследствии форма вышла из употребления.

В текстах произведений жанра кысса форма на - ***ğančy /gänče, -qančy /-känče*** используется для выражения временного предела, до которого совершается действие другого глагола: ***axšam bulğančy*** ... [Әлфу: 127] ‘Пока не настал вечер….’; *ber* ***säğat tulğančy*** ... [Әлфу: 160] ‘Пока не прошел час …’; ***xalyqlar kilgänče*** ... [Әлфу: 2] ‘Пока народ не пришел…»; *bez siŋa* ***kodrätemez jitkänče*** *järdäm itärmez* [KB: 26] ‘Мы будем оказывать тебе посильную помощь…’; *jegerme* ***jäšenä jitkänče*** *xaramğa mil itmäsen häm üz üzen saqlasyn dib* [TH: 3] ‘Будем ждать, пока ты не достигнешь двадцати лет, с тем, чтобы ты сберег себя…’.

Таким образом, в текстах кысса деепричастие активно представлено формами народно-разговорного языка, которые стали литературными формами современного татарского языка. Другие формы деепричастия не распространены в произведениях.

Инфинитив

Основным содержанием инфинитивных форм в произведениях является выражение цели действия.

В исследуемых произведениях широко употребляются инфинитивные формы ***-yrğa / -ergä, -mağa /-mägä***.

Форма ***-yrğa / -ergä*** является показателем инфинитива современного татарского литературного языка. Как пишут исследователи, данная форма пассивно представлена в языке произведений конца XIX – начала XX века. Это указывает на начальный этап вхождения данной формы в литературный язык и является показателем функционально-стилистической вариативности литературных норм [Татар әдәби теле тарихы, 2017: 827].

В текстах кысса она употреблялась уже активно и выражает разные значения:

- в сочетании с другим глаголом выражает цель действия: *qarčyqny* ***ezlärgä*** *čyğyb* ... [Әлҗилдү, 6, с. 6] ‘Начали искать старушку’; *qarčyqny* ***ezlärgä*** *kitdelär* ... [Әлҗилдү, 2: 6] ‘Пошли искать старушку’; *bäne üzegez ilä alyb* ***kitärgä*** *jamin itmäjenčä* ... [Әлҗилдү, 5: 143] ‘Пока не пообещаете взять меня с собой’; *waqyt tabtyŋyz, mondaj türäne macleska* ***kiterergä*** ... [Әлҗилдү, 6: 168] ‘Нашли время, чтобы привести этого чиновника на собрание’; ***söjläšergä*** *täqate qalmajynča* [КВ: 32] ‘У него не было сил, чтобы разговаривать…’; *xaqqa inkär* ***qylyrğa*** *jaramas* [КВ: 17] ‘Нельзя пренебрегать Всевышним’; ***qotylyrğa*** *čara ezläb* [КД:10] ‘Искал способ освободиться…’; ***awlarğa*** *tozaq tözelgän ide* [КД:10] ‘Была устроена ловушка..’; *xälemne* ***tözätergä*** *qajğymny* ***kitärergä***… [КД:14] ‘Исправить то положение в какое я попал с тем, чтобы больше не горевать …’; *any* ***tabarğa*** *tyryšajym* [КД:14] ‘Постараюсь найти его’; *üz öjemdä* ***qaldyryrğa*** *qurqyb sineŋ öjeŋä kiterdem* [ТН: 95] ‘Боясь это оставить у себя, принес в твой дом..’; *güzäl qošdyr inša alla güzäl bala* ***bulyrğa*** *dälälät qylyr* [ТН, с. 95] ‘Красивая птица знак того, что появиться красивый ребенок’; *qaida ul tawisny buğazlab* ***üterergä*** [ТН: 95] ‘Да разве убъешь этого павлина’; *jänä minem jörägem qajnar, čönki padišahlyqnyŋ milke wä cany xarab* ***bulyrğa*** *bara* [ТН: 7] ‘Опять мое сердце начинает кипеть, так как царство начинает разрушаться... ’; *Bäk uğly jortyna* ***baryrğa*** *wäğdä birde* [ТН: 8] ‘Обещала пойти в дом сына бека... ’; *ata anasynyŋ äxwällären* ***sorašyrğa*** *barmas ide* [ТН: 2] ‘Не навещал своих родителей’; *küzenä* ***kürenergä*** *ojalyb****…*** [ТН: 54] ‘Он стыдился показаться ему в глаза…’; *Alarny* ***ülterergä*** *xökem itde* [Әбу: 52] ‘Приговорил их к смерти…’; *Xatyn any … üzenä* ***tartyrğa*** *tyryšdy* [Әбу: 40] ‘Женщина старалась привлечь его к себе…’;

- в аналитических конструкциях употребляется в функции деепричастия для выражения способа действия: *Bašmaqčy xatyny janyna kereb any* ***ügetlärgä bašlady*** [Әбу: 41] ‘Зашел к жене обувщика и приступил уговаривать её …’; ***söjlärgä bašlab*** *äjtde* ... [Әлҗилдү, 2: 165] ‘Приступив к разговору, сказал’; *uğlyn* ***ezlärgä čyğyb*** ... [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Пошла искать

сына»; *iltifatsyz* ***ašarğa kerešde*** [КД:10] ‘Небрежно приступил к трапезе..’; *Kügärčengä šeltä qylyrğa kerešeb, dide* [КД: 11], ‘Упрекая голубя, он сказал ...’;

- в сочетании с глаголами *telä-, arzu qyl-* ‘желать’ передает модальное значение: *täxetkä* ***menderergä*** *telägän ide* [КВ: 20] ‘Хотел посадить на трон’; *Xozyr ğaläjhi sälämne kürergä bik arzu qylğan idem* [КВ: 30] ‘Очень хотел увидеть пророка Хидра…’. Эта особенность наблюдается в кысса К. Насыйри “Кырык вәзир”.

Форма на ***-mağa /-mägä*** является традиционной формой старотатарского письменного литературного языка. В современном татарском литературном языке считается архаичной формой, употребляется в диасистеме, является характерной особенностью среднего диалекта, встречается в отдельных говорах мишарского диалекта [Юсупов, 2004: 198]. Она встречается во всех изучаемых произведениях и употребляется параллельно с формой ***-yrğa / -ergä*** и выражает те же значения:

- в аналитических конструкциях для выражения способа действия: *Zul Mäkän* ***jyğlamağa bašlab*** ... [Әлфу: 5] ‘Зуль – Макан плача…’; ***jalwarmağa bašlab*** ... [Әлҗилдү, 5: 122] ‘Начал просить’; ***sükmägä bašlady*** ... [Әлҗилдү, 5: 4] ‘Начал ругать’; *jodryq ilä* ***ormağa bašlady*** ... [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Начал бить кулаком’; *qyz ah ideb* ***jyğlamağa bašlady*** ... [КВ: 45] ‘Девушка заплакала…’; *Miŋa tuxmät qyla dib* ***jyğlamağa bašlady*** [Әбу: 39] ‘Сказав, что меня обвиняет, он начал плакать…’; *Diŋgezdä tulqynlar* ***ujnamağa bašlady*** [Әбу: 61] ‘В море начали волны бушевать…’; *därja* ***tašmağa bašlab*** *tawnyŋ tübäsena jitkändä qajyqğa benmeš keše kileb sine qajyqğa utyrtyr* ... [Әлфу: 77] (Когда река достигнет вершины горы, приплывет к тебе лодочник и посадит тебя к себе в лодку...).

Как видно из примеров, форма на ***-mağa /-mägä,*** в отличие от формы на***-yrğa / -ergä.*** в основном употребляется с вспомогательным глаголом *bašla-* выражает начало действия.

- в сочетании с другим глаголом выражает цель и намерение действия: *bu bälä ğazyjmnan täxlis* ***itmägä*** *kildem* ... [Әлҗилдү, 5: 141] ‘Я пришел спасти

тебя от этой большой беды’; ***čaqyrmağa*** *jibärgäč ...* [Әлфу: 130] ‘Когда послали позвать…»; *xatyn belän tăğam* ***ašamağa*** *utyrdylar* [KB: 72] ‘Сели с женой принимать пищу…’; *bala-čağa, xatyn-qyz xämmäse* ***kürmägä*** *jögerešdelär* [Абу, с. 51] ‘Женщины и дети, все побежали увидеть его…’;

- в сочетании с глаголами *telä-, arzu qyl-* ‘желать’ передает модальное значение: *balčyqdan čyğyb ber tarafqa* ***qačmağa*** *teläde* [Әбу: 59] ‘Вылез из глины и хотел сбежать в сторону...’; *bu xämämne* ***kürmägä arzu qylyb*** [Әбу: 9] ‘Хотел увидеть эту баню...’ .

Итак, в текстах кысса инфинитив употребляется в двух формах: традиционная для письменного языка огузская форма на ***-mağa /-mägä*** и новая для литературного языка форма на ***-yrğa / -ergä***. Обе эти формы активно употребляются в текстах, тем самым образуя грамматическую синонимию. Заметно расширение функциональности формы ***-yrğa / -ergä,*** которая стала основной формой современного татарского литературного языка.

Имя действия

Имя действия выражает название действия как процесс, имеет в себе признаки как существительного, так и глагола. В языке исследуемых произведений зафиксированы имена действия, образующиеся отирая аффиксами ***- u /-ü, -maq /-mäk*:**

Форма на ***- u /-ü*** впоследствии стала единственной нормативной формой имени действия. В текстах кысса также употребляется активно, принимая аффиксы принадлежности и падежа: *ber* ***qyčqyru*** *ilä qyčqyrdy ...* [Әлҗилдү, 6: 211] ‘Крикнул громким голосом’; *ul qyzğa qaraw belän ...* [Әлфу: 160] ‘С первого взгляда на эту девушку’; *Allahy Tăğalädän* ***ütenüdän*** *bašqa ...* [Әлҗилдү, 6: 226] ‘Кроме мольбы Всевышнему’; *tariqu ğyjšyqny* ***ügrätü*** *öčen bik ixlas belän čitlek janyna kileb* [ТН: 9] ‘Для обучения способам любви, она простодушно подошла к клетке’; *Săğid anyŋ xäteren* ***juatu*** *öčen därja satuynyŋ fajdasyn bašynnan ajaq bäjan qyldy* [ТН: 6] ‘Сагид, чтобы

успокоить её, подробно рассказал о пользе речной торговли’; *Šul qyznyŋ ber märtäbä* ***qarawy*** *bäğremne pärä pärä qylyb, ğaqylymny pärišan wä üzemne zar wä ğarjan itde* [Әбу: 26] ‘Один взгляд этой девушки разорвал мое сердце, лишил меня разума, и заставил меня стонать и плакать».

Архаичная форма на ***-maq /-mäk*** активна в текстах кысса. Употребляясь с аффиксами разных падежей, выражает следующие грамматические значения:

- в именительном падеже в значении падлежащего: *šypyrt* ***söjläšmäk*** *ğarib dä, bik jat ...* [Әлҗилдү, 4: 102] ‘Разговаривать шепотом очень странно и неприлично’; *zäğiflek* ***kürsätmäk*** *döres tügelder* [КВ: 24] ‘Показать свою слабость – неразумный поступок’; ***söjlämäk*** *miŋa faryz* ***išetmäk*** *siŋa wäcib* [КВ: 36] ‘Я буду рассказывать, а ты меня слушай’; *bu xasusda* ***ğafil bulmaq*** *diwanalyqdyr* [КВ: 23] ‘Проявлять беспечность в этом случае настоящее сумашествие’; *hälaq* ***bulmaqy*** *qojaš kebek zahir ide* [ТН: 101] ‘Вероятность его гибели было очевидна, как солнце ясное...’; *Bu ülterelgän bulsa,* ***cawab birmäk*** *möškel bulyr* [Әбу: 72] ‘Если его казнят, то потом отвечать за это будет нелегко…’; *ütkännän soŋ* ***ükenmäk*** *fajda birmäs* [КД:2] ‘Сожалеть после дела бесполезно’; *bälki ah* ***ormaq*** *miŋa lajykdyr* [ТН: 7] ‘Может быть, я и достойна жалости и печали…’.

- в именительном падеже в значении сказуемого: *padišahlarnyŋ eše üzeneŋ xalqyna räximle* ***bulmaqdyr*** [КВ: 30] ‘Задача царя – быть благосклонным к своему народу’; *Bu uğlanny ülterüdä* ***sabyr itmäk*** *jaxšyraqdyr* [Әбу: 72] ‘Лучше не спешить с казнью этого парня…’; *Küzläre* ***kürmäk*** *tügel iseme dä išetelgäne juq ide* [Әбу: 20] ‘...не только глаза не видели, даже название не слышали’;

- в притяжательном падеже в значении определения: *ujlamyjča* ***söjlämäkneŋ*** *axyry bäläder* [ТН: 9] ‘Необдуманный разговор грозит бедой’;

- в винительном падеже в значении прямого объекта: *niqaxsyz bänem ilä* ***utyrmaqny*** *istärseŋ ...* [Әлҗилдү, 3: 104] ‘Хочешь сидеть со мной рядом без

помолвки…’; ***ašamaq ečmäkne joqlamaqny*** *onytdylar* [ТН: 3] ‘Забыли про питье, еду и сон’;

- в исходном падеже в значении причины действия: *čavušlar kileb* ***tabmaqdan*** *ğaciz buldylar* [Әбу: 72] ‘Командиры не сумели его найти’;

- в местно-временном падеже в значении времени, косвенного объекта: *zäwyq wä safa* ***itmäkdä*** ... [Әлфу: 11] ‘Проводить жизнь в веселье»; *bu ike qošnyŋ tärbijäsendä ašamaq ečmägendä aslan kimčelek qylmağajsyŋ* [ТН: 6], ‘Ни в коем случае не допускай ошибок в содержании, в питании этих двух птиц’;

- в сочетании с модальным словом *kiräk* выражает значения долженствования: *monyŋ kebek ešlärdän waqytynda* ***saqlanmaq*** *kiräk* [КВ: 28] ‘Надо всегда остерегаться таких дел’; *mony pärä-pärä kiskäläb tabada käbäb* ***itmäk*** *kiräk* [КВ: 30] ‘Надо его порезать на куски и пожарить на сковороде…’; ***asmaq*** *kiräk* [КВ: 30] ‘Надо его повесить…’ *mony* ***belmäk*** *kiräk* [КД: 2] ‘Нужно это знать’.

Имя действия на *-maq* характерно для азербайджанского, турецкого, туркменского, гагаузского, а также уйгурского, узбекского языков, а в языках кыпчакской группы малоупотребительно. В киргизском, каракалпакском языках, как и в говорах татарского языка, имя действия - *maq* имеет ограничение в склонении. В процессе исторического развития эта форма в различных языках получила разные значения. В турецком языке она является инфинитивом, а в узбекском, уйгурском, туркменском языках именем действия. Известно также, что в говорах татарского языка она выполняет две функции: функцию инфинитива и имени действия. Присоединение аффикса принадлежности к форме *-maq*, как правило, лишает ее значение инфинитива и она переходит в разряд имени действия [Юсупов, 1985: 295].

4.6. Наречие

В исследуемых произведениях наречия представлены в большом количестве. При анализе представленных наречий мы воспользовались той

классификацией, которая представлена в современных татарских грамматиках [Татар грамматикасы, 2016: 320-321].

Определительные наречия

- наречия образа и степени действия представлены распространенными в народно-разговорной речи лексемами. Подавляющее большинство наречий представляет корневую основу: ***tiz*** *balany alyb kil* [Әлҗилдү, 5: 8] ‘Быстро приведи ребенка...’; *sin* ***tiz*** *muradyŋğa irešerseŋ* [Әлҗилдү, 4: 172] ‘Ты быстро достигнешь цели’; ***ğajät*** *söjekle Safa namynda ber carijäm bar...* [Әлҗилдү, 2: 18] ‘У меня есть очень любимая рабыня по имени Сафа...’; ***ğajät*** *näfis ber adäm ideken küreb sälam bireb* [Әлҗилдү, 4: 172] ‘Увидел, что это очень приличный человек и поприветствовал его’; ***ğajät*** *güzäl ber uğly bar ide* [КВ: 32] ‘У него был очень симпатичный сын’; *anyŋ ber* ***bik*** *güzäl xatyny bar ide* [КВ: 14] ‘У него была красивая жена’; *wäzir bik ütende* [КВ: 35] ‘Визирь обратился с убедительной просьбой’; ***bik*** *ükende…* [КВ: 35] ‘Сильно раскаялся...’; ***tiz*** *mänem xäzinädän ni qadär altyn kömeš cäwhär bar fälän jirgä jäšreŋez* [КВ: 42] ‘Быстро идите в мое хранилище драгоценностей, какие там есть золотые, серебряные вещи и драгоценные камни, спрячьте’; ***ğajät*** *ojalğandan bašyn tübän salyb toryr ide* [Әбу: 41] ‘От сильного стыда он стоял с поникшей головой…’. ***Bik*** *ğaciz bulğan idem* [Әбу: 44] ‘Я был беспомощен…’; ***Šul qadär*** *jyğlady bäjan mömkin tügel* [Әбу: 61] ‘Так сильно плакал, невозможно описать…’. ***Tiz*** *jegetne tabyb kiterde* [Әбу: 41] ‘Быстро нашла и привела парня …’; *Xämmämče* ***tiz*** *kileb jitde* [Әбу: 38] ‘Баншик прибежал быстро…’; ***bik*** *razyj bulyb* [КД: 9] ‘Будучи в состоянии полного удовлетворения’; ***tiz*** *ük anyŋ tozağyn … kissen* [КД: 9] ‘Пусть быстро разрушит его ловушку’; ***tiz tiz*** *öenä syzdy* [КВ, с. 157] ‘Быстро сбежал домой…’; *bu tuğryda* ***jaxšy*** *ujlab* [КД: 6] ‘Хорошенько подумав об этом..’; *irken urmanny tar itdelär* [КД: 9] ‘Просторный лесной массив сделали узким’; ***bik*** *aču belän qarab tutiğa äjtde* [ТН: 85] ‘Со злостью посмотрев на попугая, сказала…’; *bu bälädän qotqar dib* ***bik*** *jalyndy* [ТН: 83] ‘Очень умолял спасти от этой беды’; *tariqu ğyjšyqny ügrätü öčen* ***bik*** *ixlas belän čitlek janyna kileb* [ТН: 9] ‘Для обучения способам любви,

она простодушно подошла к клетке’; ***ğajät*** *xäsrätle wä küŋele xafa ide* [ТН: 2] ‘Пребывал в горести и печали’.

- наречия подражания и сравнения образованы путем аффиксации: ***jašerten*** *wäzir ulyn kürim dijeb...* [Әлҗилдү, 4: 203] ‘Чтобы тайком увидеть сына визиря...’; *wäzirlär* ***ğadätenčä*** *ničä könlär ike tujny bergä ideb* [Әлҗилдү, 3: 3] ‘По обычаю визирей, сыграли две свадьбы вместе...’; ***šul räwešle*** *nämäne iltkändä totyb padišahqa kiterdelär* [КВ: 26] ‘Когда он отвозил письмо, его поймали и привели к царю’; *här qajusyna* ***dikkatläb*** *ujlarğa bojyrdy* [КД: 7] ‘Каждому приказал хорошенько подумать’.

Среди этой группы встречаются наречия, образованные путем редупликации или аффиксом сравнительной степени на *-рак* и выступающих в роли интенсификатора признака: *qotylyrğa čara ezläb üzen* ***nyğraq*** *berketde* [КД:10] ‘Пытаясь освободиться, еще больше запутался’; ***bärelä suğyla*** *ašyğyb mäğarädän čyqdylar* [Әбу: 7] ‘С большими трудностями они вышли из пещеры’; ***Aqryn-aqryn*** *myjyq astyndan kölär ide* [Әбу: 60] ‘Тихо, из-под тишка смеялся …’; *Jöräge* ***göb-göb ideb****, čähräse üzgäreb, söjlärgä mäcäle juq* [Әбу: 60] ‘Сердце его шумело, лицо изменилось, говорить не мог…’.

- наречия меры и степени: ***küb waqyt*** *kötkäč* [Әлфу: 5] ‘Ожидая долгое время...’; *balykčy* ***küb šad*** *ulyb…* [Әлфу: 39] ‘Рыбак очень обрадовался…’; ***šulqadär juqary*** *bende* [Әлҗилдү, 5: 126] ‘Поднялся так высоко...’; ***tämam*** *maly beteb ...* [Әлҗилдү, 5: 4] ‘Совсем обеднев ...’; *ämma xäzer* ***botenlaj*** *almašynyb* [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Однако сейчас совсем изменился...’; *šah janyna kileb jänä nijaz äjläsä* ***aslan*** *fajdasy bulmady* [Әлфу: 37] ‘Пришел к шаху и снова просил прощения, все было бесполезно…’; ***tämam*** *sälamät buldy* [Әлфу: 31] ‘Окончательно выздоровел’; ***bajtaq*** *jaramas ešlären sizdem* [КВ: 29] ‘Я подметила, что за ними числится много нехороших дел’; *jylan* ***beraz*** *cylynğač* [КВ: 32] ‘Когда змея немного согрелась…’. *bu fäqyjrgä* ***bajtaq*** *mal birde* [КВ: 29] ‘Подарил этому нищему немало богатств’; *ütersägez* ***küb*** *säwab tabarsyz* [КВ: 35] ‘Если вы его убьете, то вам много воздастся’; *jänä* ***tub tuly*** *su buldy* [КВ: 33] ‘Снова заполнился водой..’; ***tämam*** *üz ešen kürer ide* [КВ: 36] ‘Довел

бы свое дело до конца..’; ***tämam*** *xäle kiteb wä köče beteb* [КД:11] ‘Весь выдохся..’; *säfärendän* ***bik*** *razyj bulyb* [КД: 9] ‘Был очень доволен от путешествия..’; *kügärčenne* ***bötenläj*** *onytdylar* [КД: 9] ‘Про голубя совсем забыли’; *beraz üpkäläb tordy* [КД: 9] ‘Был немного обижен’; ***bulyr bulmas*** *ömedlär belän mäšäqatkä julyqmasyn* [КД: 11] ‘Питаясь призрачные надежды недолго попасть в беду’; *bu ike qošnyŋ tärbijäsendä ašamaq ečmägendä* ***aslan*** *kimčelek qylmağajsyŋ* [ТН: 6] ‘Хорошо ухаживай за этими двумя птицами’; ***šul qadär*** *axmaq wä tintäk ide* [ТН: 82] ‘До такой степени был тупым и глупым’; *qyz däxi* ***šul qadär*** *sylu ide* [ТН: 82] ‘Девушка была очень стройная…’; *ägär bu xäjlä bujyna kitsä ide* ***qatğan*** *hälaq bulyr ide* [ТН: 96] ‘Если поддался бы этому обману, то точно пропал бы…’; ***Šul qadär*** *jyğlady, bäjan mömkin tügel* [Әбу: 61] ‘Так сильно плакал, невозможно описать…’; ***Beraz*** *can tartyb ul qojyny töbenä qarady* [Әбу: 60] ‘Немного придя в себя, он посмотрел на дно колодца…’; *Äbuğalisina* ***šul qadär*** *zirәk wä ütken zihenle čapak bala ideki, tağbir mömkin tügel* [Әбу: 4]. ‘Абу Гали Сина был настолько проницательным, остроумным ребенком, бойким на язык, что невозможно объяснить...’.

Обстоятельственные наречия:

- наречия места в основном представлены словами тюрко-татарского происхождения, наблюдается активность наречий, образованных путем конверсии от имени существительного направительного и местно-временного падежей: *baryb kapuny ačyb* ***ečregä*** *kerde* [Әлҗилдү, 4: 173] ‘Подошла, открыла ворота и вошла внутрь…’; ***ečregä*** *kereb, xatyn bunyŋ kildegen küreb märxäbän xuš kildeŋ ... dide* [Әлҗилдү, 4: 173] ‘Вошла внутрь и женщина, увидев, что она пришла, сказала: «Добро пожаловать!’; *bunlar šähärneŋ* ***tyšrasyna*** *čyqdylar* [Әлҗилдү, 5: 123] ‘Они вышли за пределы города...’; *šähärneŋ* ***tyšynda*** *ber mäğarädä utyryr ide* [КВ: 11] ‘Находился в пещере за городом’; ***jaqynraq*** *barğač unike kešene alarğa ilče iteb jibärde* [КВ: 27] ‘Когда подошли поближе, он, в качестве послов, отправил к ним двенадцать человек’; ***jaqyn*** *barğačraq bolarğa xamlä qyla bašladylar* [КВ: 33] ‘Когда подошли поближе, они стали нападать на них…’. *kubbä* ***ečenä*** *kereb*

[КВ: 33] ‘Вошли внутрь купола’; ***juğary*** *oča torğan šunqarlarny tübän töšereb* [КД:14] ‘Высоколетящих соколов опустили ниже’; *ary bire tašlanyb ber* ***juğary*** *ber* ***tübän*** *očdy* [КД:10] ‘Бросаясь туда-сюда, то высоко взлетал, то спускался’; *Suf tarafynda ber oluğ šähär bar ide* [ТН: 2] ‘На стороне Суф был большой город’; ***tyšqa*** *qarasalar taŋ atyb ... jaqtyrmyš ide* [ТН: 88] ‘Когда выглянули наружу, рассвело’; *saraj qabqasyna baryb jitde,* ***ečkäre*** *kerde* [Әбу: 43] ‘Дошел до ворот дворца, вошел внутрь…’.

- времени: ***bukön*** *bäjräm köneder...* [Әлҗилдү, 3: 5] ‘Сегодня праздничный день...’; ***bukön*** *säŋa maxsus kildem* [Әлҗилдү, 4: 173] ‘Сегодня я специально к тебе пришла…’; ***bukön*** *räxät könemez* [Әлҗилдү, 4: 162] ‘Сегодня день отдыха’; ***berkön*** *padišah wäzirlärenä äjtde...* [КВ: 18] ‘Однажды царь сказал своим визирям…’; ***bukön*** *xas sineŋ üzeŋ beläп beraz söjläšeb utyryrğa kildem* [КВ: 8] ‘Сегодня я пришел, чтобы с тобой пообщаться’; ***šul säğat*** *xatyn šam xakimenä belderde* [КВ: 11] ‘Женщина в тотчас же сообщила правителю Сирии’; ***därxäl*** *ğaskär meneb uğlannyŋ artyndan kitdelär* [КВ: 39] ‘Тотчас военные оседлали коней и поскакали за парнем’; ***ara tirä*** *jarlylarnyŋ öjlärenä kereb* [КД:3] ‘Время от времени посещал дома бедняков’; *irtäse kön* ***irtük*** *toryb isänläšeb čyğyb kitde* [ТН: 94] ‘На следующий день рано утром встал, попрощался и ушел…’. ***bügenge*** *zäwyqny* ***irtägä*** *qaldyrmas* [ТН: 7] ‘Сегодняшнее наслаждение не возьмешь в завтрашний день’; ***irtäneŋ*** *däxi üz eše bardyr* [ТН: 7] ‘У завтрашнего дня тоже свои дела’; ***Ber kön*** *käseb hawa öčen tamaša qylyb bazarlarda wä uramlarda gizeb jörgändä july xälwäfrušlär jäğni xälwä satučylar uramyna turğy kilde* [Әбу: 17] ‘Однажды, когда он вышел подышать воздухом и прогуливался по базарам и улицам, дорога привела его на улицу продавцов сладостями…’; ***Elgäre*** *mine üzenä aldyra ide* [Әбу: 44] ‘Раньше меня приводил к себе…’.

В целом, использованные в текстах кысса наречия представляет активный лексический пласт, функционирующий в народно-разговорном языке. По способу образования чаще употребляются корневые основы, сложные наречия, образованные путем сложения местоимений и имени

существительного. Парные наречия и наречия с аффиксом сравнительной степени на *–рак* выступают в роли интенсификатора признака.

4.7.Служебные части речи

4.7.1. Послелоги

Послелоги и послеложные слова составляют активный и особенный пласт лексики изучаемых произведений. В текстах преобладают простые послелоги, состоящие из одного слова. Классификация послелогов и послеложных слов производился в том порядке, как представлено в современных грамматиках.

1. Послелоги, управляющие основным падежом имен существительных и притяжательным падежом местоимений. Самым продуктивным в текстах кысса из этой группы является послелог ***belän*** (белән) и его фонетические варианты ***berlän / belän*** и ***ilä*** , означающий значение ‘вместе’. В современном татарском литературном языке нормативным вариантом является послелог *belän* (белән), а остальные фонетические варианты считаются устаревшими. Необходимо указать, что в текстах все три варианта данного послелога активно употребляются и являются взаимозаменимыми. Предпочтение того или иного фонетического варианта не наблюдается в языке авторов. В пределах одного произведения мы заметили активность всех трех вариантов.

Данный послелог является многозначным и выражает следующие граммматические значения:

а) совместность действия: *bu ike tuğan* ***ber berläre ilä*** *jyğlab kürešeb* ... [Әлҗилдү, 2: 8] ‘Двое родных, плача, встретились…’; *xatynynyŋ* ***ğaräb berlän*** *qabäxaten fiker ideb* ... [Әлҗилдү, 2: 3] ‘Он думал о непристойном поступке жены…’; šah belän jurğan astyna kereb, joqyğa *kitdelar* ... [Әлфу: 51] ‘С шахом накрылись одеялом и заснули’; ***xatyn belän*** *tabibny awlaq jirgä utyrtdylar* [КВ: 16] ‘Женщину вместе с врачом отвели в безлюдное место’; ***mänem belän*** *küŋeleŋne ber itsäŋ* [КВ: 6] ‘Если ты

душой будешь вместе со мной’; *män* ***sineŋ belän*** *šart qylyšdym* [КВ: 22] ‘Я с тобой договорился’; ***ber bere ilä*** *dust bulyb xosusan mämläkät ešlärendä ber ağyzly bulsynlar* [КД: 4] ‘Должны дружить между собой, в государевых делах особенно должны придерживаться одного мнения’; *Menä julda ike ügez* ***ber bere belän*** *oryšyb mögezläre belän sözešeb či qanğa töškännär* [КД: 45] ‘Вот на дороге два быка бились друг с другом рогами и проливали кровь…’; ***Arslan belän*** *ügez mäjdanda tuzan tuzdyryb… suğyšyb tordylar* [КД: 75] ‘Лев и бык, подняв пыль, дрались на площади....’; ***qarğa belän*** *tutyjny ber čitlekkä jabyb* [ТН: 82] ‘Ворону и попугая закрыли в одну клетку....’; ***qarğa belän*** *tutiny ber čitlekkä jabyb qunaq itde* [ТН: 82] ‘Угощал ворону и попугая, что были в одной клетке’; *“Wä utlubu -l-ğilmä wä läw bi-ssyjn” xädisendä insan watanyndan kiteb ğalim wä* ***fazyllar belän*** *suxbät iteb kämalät tabmaq kiräklegenä išarät bar didelär* [КД: 12] ‘Сказали, что в хадисе «Ищите знания, даже в Китае» есть намек на необходимость человеку отправиться за пределы родины, общаться с учеными и величественными людьми и достичь усовершенствования’; *här šähärdä güzäl čyrajly* ***abystajlar belän*** *ğyjš- ğyjšrät itärgä mäxäbbäte bardyr* [ТН: 10] ‘У него тоже есть желание развлекаться в каждом городе с дамами красивым лицом’.

б) инструмент или средство, с помощью которого совершается действие*:* ***suğyš qorallary belän*** *suğyšyb beren bere ütersä ...* [КВ: 24] ‘Если сражаясь, убьют друг-друга боевым оружием…’; *ul tub* ***cäwhär belän*** *zinnätlänmeš* [КВ: 36] ‘Этот мяч разукрашен драгоценными
камнями…’; *padšalyhny* ***täne belän*** *qujsa da cihan kağazendä jaxšy aty juğalmas* [КД:4] ‘Если царь телом покинет этот мир, в мире останется его доброе имя....’; *anyŋ* ***süze belän*** *ğamäl qylyr ide* [ТН: 6] ‘Следовал его советам ‘; *Wasälät qojašy tuluğ itsä törle* ***ğyjš-ğyjšrätlär belän*** *mäsrur bulyr idek* [Әбу: 35] ‘Если взойдет солнце достижения, то мы насладились бы различными пиршествами...’; *Абуğalisinany törle* ***qabäxat süzlär belän*** *sükde* [Әбу: 36]

‘Отругал Абугалисину различными неприличными словами...’; ***меη can belän*** *qabyl ideb ečär idek* [Әбу: 18] ‘Мы приняли бы это и выпили бы с удовольствием....’; ***Baw belän*** *tartyb alyb barğan šikelle* [Әбу: 52] ‘Как будто ведут меня на веревке’; ***ajağym belän*** *jöreb kitämen* [Әбу: 38] ‘Отправляюсь на своих ногах....’.

в) причина действия: *ber berennän* ***xäsrät belän*** *ajyrylyšdylar* [КД: 9] ‘Они расстались с друг другом пребывая в горести и печали’; *tariqu ğyjšyqny ügrätü öčen bik* ***ixlas belän*** *čitlek janyna kileb* [ТН: 9] ‘для обучения способам любви, она простодушно подошла к клетке’; *jegetkä* ***ber kürü belän*** *ğašyjq bulyb* [ТН: 82], «влюбилась в парня с первого взгляда»; ***firaq uty belän*** *bäğrem köjeb qara kümergä düngänder* [ТН: 7]. ‘Мое сердце сгорело от огня разлуки и превратилось в черный уголь); ***kөnčelek uty belän*** *ečläre janmyš* [ТН: 89]. ‘Из-за зависти души их перегорели’ и др.

Как видно из примеров, наиболее распространенной функцией данного послелога является совместность действия и употребляется основным падежом имени существительного.

Послелог ***öčen*** (өчен) обозначает ‘для’, ‘ради’, ‘с целью’ выражает следующие значения:

а) цель действия: *xacğa* ***kitmäk öčen*** *icazät sorasa da* [Әлҗилдү, 2: 3] ‘Хотя и просил разрешение отправиться в хадж ...’; *usal eška kuηel* ***birmäs öčen ...*** [Әлҗилдү, 2: 3] ‘Чтоб не думал о плохом…’; *ğilem wä ädäb* ***ügrätmäk öčen*** *ber ostazğa birde* [КВ: 37] ‘Для обучения и воспитания он отдал его учителю’; *täcribä* ***qylmaq öčen*** *axšamğača köteb tordy* [Әбу: 18] ‘Чтобы испытать, он ждал его до вечера....’; *Allahi Täğalä birgän ni qadär ğyjlem wä mäğrifät .. barlyğyn izhar* ***qylmaq öčen*** [Әбу: 5] ‘... чтоб определить количество знаний, дарованных ему Аллахом Всевышним....’.

Как видно из примеров, послелог *öčen* в основном употребляется с именем действия или же формами, которые выражают значение имени действия.

б) лицо или объект, по отношению к которому совершается действие: ***šunyŋ öčen*** *monda tašlab kitkänder* [КВ: 37] ‘Для этого и бросили его здесь’; ***šunyŋ öčen*** *xikäjätne söjlädem* [КВ: 42] ‘Эту историю я для этого и рассказал…’; *izge* ***bala öčen*** *doğa wä mäd itär ide* [ТН: 2] ‘Ради святого ребенка молился’; ***bala öčen*** *doğa qyldy* [ТН: 2] ‘Помолился за ребенка’; *ämma zinhar xaram* ***murad öčen*** *ziker qylmaqdan saqlan* [ТН: 87] ‘Однако, пожалуйста, не упоминуй имя (Аллаха) для достижения запрещенных целей…’; *Šärqan* ***atasy öčen*** *qajğyryb* ... [Әлҗилдү, 2: 3] ‘Шаркан беспокоился об отце…’; ***padišählar öčen*** *cannaryn fida qylsyn* ... [КВ: 38] ‘За царя пусть пожертвуют собой’; ***Täŋre xaqy öčen*** *bändän bundaj ešne sorama* ... [Әлфу: 278] ‘Ради Бога, не спрашивай меня об этом’; *sin* ***Xodaj rizasy öčen*** [КД: 2] ‘Ты ради Всевышнего…’; *bänem ečem sineŋ* ***öčen*** *jandy* [Әлҗилдү, 2: 44] ‘... моя душа за тебя беспокоилась (букв. горела)’; *Mäkkädäge jeget* ***Allahydan qurqğan öčen*** *un jökle täwä zahir bulğan kebek* … [КВ: 82] ‘Подобно тому, как парню из Мекки, за то что побоялся Аллаха, достался караван из десяти груженных верблюдов…’; ***Xatyn öčen*** *juqqa jyğlağnmyn dib bik ükende* [КВ: 35] ‘Очень сожелел, что зря плакал за свою жену....’.

Синонимичные послелоги ***kebi / kebek*** (кеби /кебек) и ***šikelle*** (шикелле) ‘как’, ‘словно’, ‘подобно’, ‘точно’ в языке произведений употребляется для сравнения и сопоставления: *anyŋ* ***canyn alğan kebek*** *bulyrsyŋ* ... [КВ: 39] ‘Как будто ты проникаешь его душу…’; *suğyšqa* ***barğan kebek*** [КВ: 39] ‘Как будто он собрался на войну’; *jöze* ***aj kebi*** *balqyb toradyr* [КД:2] ‘Лицо сияет как луна..’; *östenä* ***uq kebi*** *atyldy* [КД:10] ‘Как стрела налетел на него..’; ***uraq kebi*** *bögelde* [КД:15] ‘Согнулся словно серп…’; *küzlären* ***joldyz kebi*** *jaltyratyb*…[ТН: 7] ‘Глаза блестели как звезды…’; *ul qarčyq* ***bajğyš kebi*** [ТН: 7] ‘Та старуха, словно филин…’; *urmandağy* ***šüräle kebek*** *bulğan ide* [Әбу: 17] ‘Он походил на степных привидений, т.е. на шурале’; *ämma šäkär dib ašağany ağu* ***kebek*** *tojylyr ide* [Әбу: 240] ‘Что бы он не ел, все казалось ему отравой…’; *tulğan* ***aj kebek*** *nurly jöze kičlärdä ajğa, köndezlärdä qojašqa ixtijac*

qaldyrmas [Әбу: 28] ‘Её светлое, как полная луна, лицо заменит ночью луну, а днем солнце…’; *qojynyη awyzy* ***joldyz kebek*** *kürenä* [Әбу: 62] ‘Оголовок колодца блестел как звезда...’; *ber tabib ber awyruğa daru iteb fajda* ***birmägän šikelle*** *mänem nasixätlärem siηa fajda birmäde* [КВ: 42] ‘Подобно тому, как лечение больного не увенчались успехом, мои советы тебе были бесполезны’; *wazifa wä näfäqat ğaskär ähelenеη* ***cany šikelle*** [КВ: 39] ‘Должность и жалование подобны душам воинов’; *baw belän tartyb alyb* ***barğan šikelle*** [Әбу: 17] ‘Как будто тащили его на веревке’; *Qotyrğan* ***et šikelle*** *üz iten čäjnäb* …[Абу: 17] ‘Как бешенная собака искусала себя сама…’.

В текстах кысса архаичная форма для современного татарского языка *kebi* имеет еще активное употребление, однако заметна и увеличение активности фонетического варианта *kebek,* который стал нормативным вариантом в современном татарском языке, как и послелог *šikelle*.

2. Послелоги, управляющие направительным падежом, употребляются для выражения ограничения по времени или места. В исследуемых произведениях их немного: ***taba*** (таба) и фонетический вариант ***taban*** (табан) ‘к; по направлению к’: *Öjenä* ***taban*** *očdy* [КД: 12], ‘Полетел домой...’; *qujynyndan ber čupräkkä čornağan astroläb čyğaryb*, ***qojašqa taba*** *baryb äjtde* ... [Әлфу: 164] ‘Он вынул из-за пазухи астролябию, завернутую в тряпку, направил на солнце и сказал...’;

čaqly (чаклы) ‘до’: *qačanğa* ***čaqly*** *bu tar ojamyzda jabylyb toryrmyz* (KD: 7), «до каких пор будем сидеть взаперти в нашем гнездышке»; *Qojy* ***awyzyna čaqly*** *tub tuly su ide* [КВ: 33] ‘Колодец до самых краев был полон водой...’;

qaršy (каршы) ‘на; в’: *qarğa belän šağal* ***moηa qaršy*** *töšdelär* (KD: 66), «ворона с шакалом возражали ему»; Ber*är bajğyš* ***ber-berenä qaršy*** *utyryr* [КВ: 105] ‘Две совы сидели друг-против друга’; *Qaza* ***uğyna qaršy*** *qalqan tabylmas* [КД: 11] ‘Не найдется защитный щит против стрел наказания …’ и др.

3. Послелоги, управляющие исходным падежом. Из этой группы в произведениях жанра кысса активно представлены следующие: ***soη*** (соң)**,**

soŋra (соңра) ‘после’, ‘после того как’, ‘потом’, которые перешли в современный татарский язык без каких-либо изменений. Они выражают действие, после которого начинается другое действие: *namaz* ***qyldyqdan soŋra*** *kälimäi šähädät kitereb* ... [Әлҗилдү, 5: 102] ‘После молитвы он прочитал слова исповедания веры…’; ***sälämdän soŋra*** *balalar öčen küb qajğydamyn dib jazylmyš* ... [Әлҗилдү, 2: 4] ‘После приветствия написано: я сильно беспокоюсь о детях…»; ***soŋra*** *jegerme jäšenä* ***jitkänče*** [ТН: 3] ‘Потом, пока не достиг двадцати лет…’; *ilčelärne zyjäfät qylğandan* ***soŋ*** [Әбу: 13] ‘После чествования гостей....’; *bičara qartnyŋ* ***kijemenä, soŋra*** *saqalyna jitde* [КД: 73] ‘(Огонь) добрался до одежды, потом до бороды бедного старика’; *Säğyjd atasynyŋ qullaryn übeb* ***soŋra*** *eš wä käsebkä* ***kerešmäkče buldy*** [ТН: 4] ‘Сагид поцеловал руки отца и потом хотел приступить к работе’; ***sinnän soŋ*** *täxetkä kem utyryr* [КВ: 40] ‘Тот, кто после тебя унаследует трон’; ***mondan soŋ*** *kešedä ixtijar qalmas* ... [КВ: 18] ‘После этого у человека не остается сила воли’; ***mondan soŋ*** *monyŋ kebek gönahny ešlämägez*... [КВ: 19] ‘Впредь не грешите..’; ***täğamdän soŋ*** *xatyn uğlandan xäbär* [КВ: 43] ‘После трапезы женщина спросила, что нового слышно о парне...’; ***soŋra qawyšqannyŋ*** *zäwyq wä safasy jänä artyğraq bulyr* [КД:8] ‘После радость встречи будет еще сильнее’; ***soŋra*** *padišah* ***čyğarğa teläb*** *šäjxdän röxsä ütengäč* [КД:3] ‘Потом царь попросил шейха разрешения выйти..’; *tuj ämerlären jirenä* ***jitkergännä soŋ*** [ТН: 3] ‘После завершения свадебных дел…’; ***mondan soŋ*** *xatynyŋ belän jat* [ТН: 3] ‘После этого ложись со своей женой…’. Активное употребление других послелогов, управляющих исходным падежом, в текстах кысса не наблюдается.

В произведениях встречается группа вспомогательных имен существительных, выполняющих роль послеложных слов. Они употребляются в направительном, исходном и местно-временном падежах в форме принадлежности III лица единственного числа:

- ast (ас(т)) ‘низ’: *šah* ***jurğan astynnan*** *ğaräb bulyb awyrular tawyšy kebi tawyš berlän ah-wah didekdä* ... [Әлфу: 49] ‘Когда шах, притворившись рабом,

из-под одеяла охал и ахал...’; ***taš astynnan*** *čyğu belän qarčyğa totyb alyb ašamyš itde* ... [Әлҗилдү, 2: 111] «как только он вышел из-под камня, ястреб поймал его и съел...’; *Any padišahnyη* ***ajaq astyna*** *čäčäjem*... [КД: 3] ‘Это я сброшу под ноги правителя…’; *Täwarix kitablarynda riwat qilyb jazalar, ğacäm jortynda Xankin isemle ber oluğ padišah bar ide, jide äqlim anyη* ***quly astynda*** *ide* [КВ: 2] ‘В исторических книгах повествуя пишут, что в Персии жил-был великий царь по имени Ханкин, в его подчинении были семь провинций...’; *ber bajnyη* ***östäle astynda*** *surätdä qarawylylyqda* [КД: 15] ‘Я являюсь сторожом под столом одного из богачей…’;

- ***öst*** (өс(т)) ‘верх’: ***jasdyq östenä*** *ber jawlyqğa töreb ille altyn qujdym* ... [Әлфу:141] ‘Я положил на перину завернутые в платок пятьдесят золотых монет...’; *Any* ***küz östendäge*** *qaš kebek ğaziz tota idelär* [КД: 13] ‘Им дорожили, как зеницу ока…’;

- ***eč*** (эч) ‘в’: *ägär küηelenä oxšamasa ber* ***comğa ečendä*** *qajtarmaq ixtijaryn šart qyldylar* [ТН: 5], «если не понравится, то договорились вернуть в течение недели»; *bän bunlarny ošbu meη dä ber* ***kičä ečendä*** *tuğyrdym*, [Әлҗилдү, 6: 381] ‘Я их родила в течение этих тысячи и одной ночи, *ul jegetne sarajda,* ***sandyq ečendä*** *asrar ide* [КВ: 95] ‘ Того парня она держала во дворце, в сундуке…’; ***qajyq ečendä*** *ber sandyq bar irmeš, bäne šul sandyqğa salyb alyb kitdelär* ... [Әлфу: 150] (…и в лодке тот сундук, в который меня положили и увезли...); ***Qutyrčyq ečendän*** *aq atlasğa jazylğan ber jazu tabyldy* [КД: 4] ‘В шкатулке нашли записку, написанную на белой атласной ткани …’; *ber jäšel* ***japraq ečendä*** *qujyb xälwä kitereb* [Әлҗилдү, 2: 17] (Принесла сладости, завернутые в зеленом листе...) и др.

Таким образом, в исследуемых произведениях послелоги и послеложные слова выполняют различные грамматические функции и наиболее активные в народно-разговорном языке представлены в нескольких значениях. Для них характерна фонетическая вариантность, наиболее активные затем перешли в современный татарский язык. Грамматические

функции и значения, зафиксированные в произведениях свойственны и для современного татарского литературного языка.

4.7.2. Союзы

В тексте изучаемых произведений также активно используются сочинительные и подчинительные союзы.

Сочинительные союзы по функциональному признаку можно разделить на соединительные, противительные и разделительные союзы.

Среди соединительных союзов активно употребляются союзы *häm* ‘и’, ‘да’ в значении ‘и’ и *wä* ‘и’: *tăğam* ***häm*** *šäräb kitereb* ... [Әлҗилдү, 5: 22] ‘Принесли лакомства и напитки…’; *išagemne birde* ***häm*** *cilkamneη cäraxäte dä tözälde* ... [Әлҗилдү, 5: 17] ‘Она вернула мне осла, и рана на плече зажила…’; *sin räxät* ***wä*** *safada* ... [Әлҗилдү, 5: 112] ‘Ты живешь спокойной и благополучной жизнью…’; *härkem ğafil* ***wä*** *baliğ bulyb un dirham aqča urlasa* [КВ: 20] ‘Каждый, кто будучи совершеннолетним, украдет десять пиастров денег…’; *ike wäzire bar ide, bere bik ğalim* ***wä*** *bere bik nadan ide* [КВ: 39] ‘У него были два визиря, один – очень умный и другой – очень глупый’; *ul jirneη hawasy* ***wä*** *jäm jäšel bolynnary* ***wä*** *ağačlary* ***wä*** *sulary wä čäčäkläre* ***wä*** *gölläre bik kilešde* [КД: 9] ‘Ему пришлись по душе и воздух, и зеленые луга, и деревья, и вода, и цветы’; *altyn kömeš* ***wä*** *hič padišah xäzinäsendä bulmağan tansyq zatlar tabdylar* [КД: 3] ‘Нашли золото, серебро и небывалые в сокровищнице царя редкостные вещи’; *ul šähärdä ğalimlär* ***wä*** *ğylme nucum belgečläre küb ide* [ТН: 39] ‘В том городе было много ученых и астрологов’; *šulqadär axmaq* ***wä*** *tintäk ide* [ТН: 82] ‘До такой степени был тупым и глупым..’; *kešeneη xönär* ***wä*** *mäğrifäte bulğanda malğa ixtijacy bulmas* [ТН: 5] ‘Когда у человека есть профессия и образованность, у него не будет страсти к богатству’; *riwajän äxbär* ***wä*** *näqyjlän äsär ošbu tariq üzrä riwajät qylyrlar ki* [Әбу: 3] ‘Рассказчики повествуют таким образом…’; *Šul qyznyη ber märtäbä qarawy bäğremne pärä pärä qylyb ğaqylymny pärišan* ***wä*** *üzemne zar wä ğarjan*

itde [Әбу: 26] ‘Один взгляд этой девушки разорвал мое сердце, лишил меня разума, и заставил меня стонать и плакать’.

Союз *häm* употребляется вместо частицы *-da/-dä: carijä qulyndağy bala* ***häm*** *türäneŋ uğly ide* ... [Әлҗилдү, 5: 7] ‘…и ребенок на руках рабыни был сыном этого чиновника …’; *qyz* ***häm*** *qyjssasyny bašyndan alyb axyryna qadär söjlägäč* ... [Әлҗилдү, 2: 3] ‘… и девушка рассказала о своих приключениях от начала до конца’; *soŋyndan üze* ***häm*** *hälaq buldy* [КВ: 14] ‘В конце концов и сам погиб ‘; *ul kičäne* ***häm*** *ač susyz ... ütkärde* [КД:10] ‘Ту ночь он провел голодный и без воды…’. *ajağyndağy awny* ***häm*** *sütde* [КД:11] ‘Также развязал веревку на ноге’; *tutyjnyŋ tärbijäsen* ***häm*** *aŋa tabšyrdy* [ТН: 6] ‘Ухаживать за попугаем поручил тоже ей’; *Xälwäfrüšneŋ* ***häm*** *ašasy kilgän ide* [Әбу: 43] ‘… и продовец сладостей хотел кушать…’.

Также в текстах исследуемых произведений зафиксированы союзы *jänä* ‘снова’, ‘еще’ и *däxi* ‘еще’: ***jänä*** *jöz altyn arttyryb* ... [Әлҗилдү, 6: 197] ‘Еще добавил сто золотых…»; *bu kön wäzir bik ütende* ***jänä*** *zindanğa jibärdem* [КВ: 35] ‘Сегодня визирь очень просил сына, которого я снова отправил в тюрьму’; *ğajsä ğaläihi sälam* ***jänä*** *julyna kitde* [КВ: 35] ‘Пророк Иса снова пошел своей дорогой...’; *bäxetem wä däwlätem* ***jänä*** *qajtyb äwälge xälem kiläčäkder* [КВ: 43] ‘Мое счастье и богатство снова вернутся и все будет как прежде’; ***jänä*** *äbul-Xarisqa möräcäğat kilde* [Әбу: 72] ‘Снова поступило обращение к Абуль-Харису…’; *qawyšqannyŋ zäwyq wä safasy* ***jänä*** *artyğraq bulyr* [КД:10] ‘Радость встречи будет еще сильнее’; *berničä waqytdan soŋ* ***jänä*** *alarny jidyryb bajağy särnädib safarei xaqynda räjläreη söjlärgä bojyrdy* [КД:7] ‘Через некоторое время он снова собрал их и приказал поведать ему что они думают о путешествии на Сарандаб..’; *ikenče märtäbä* ***däxi*** *kürergä muštaq idelär* [КВ: 37] ‘Хотели увидеть его второй раз’; *čypčyq* ***däxi*** *küb zamandan birle ana čypčyq janyna barğany juq ide* [КВ: 41] ‘Воробей еще давно не посещал свою подругу…’; *padišah* ***däxi*** *tabibqa küb mal bireb änğam insan qyldy* [КВ: 17] ‘Царь еще подарил целителю много богатств, чем осчастливил его...’; *berničä köndän soŋ padišah xäzrätläre* ***jänä*** *diwan tärtib qyldy* [Әбу: 53]

‘Через несколько дней правитель снова собрал канцелярию’; *näwbät qyzğa qalğač qyz* ***däxi*** *üz tarafyndan…äjtde Säba padišahynyη döxtärendän…*[Әбу: 11] ‘… когда очередь дошла до девушки, то девушка, еще, со своей стороны, … сказала: «Я из дочерей Сабейского царя…»’; *män* ***däxi*** *šulaj qotylyb kitärmen…* [ТН: 83] ‘Я таким образом еще смогу освободиться…’; *ul jeget* ***däxi*** *qyzny xalas itärgä süz bireb* [ТН: 83] ‘Этот парень еще обещал спасти девушку’; *jäğni bir kečkenä et balasyn tärbijä qyldym üsderdeb, et bulyb jitkäč mane talab ajağyma jabyšdy* ***däxi*** *beräwne uq atarğa üğrätdem üğräneb jitkäč üzemne atdy* [КВ: 11] ‘... т.е. я воспитал и вырастил щенка, когда вырос, напал на меня и схватил за ногу. Еще другого учил стрелять из лука. Как только научился, выстрелил в меня…’;

Противительные союзы

Противительный союз *läkin* ‘однако’, ‘но’ выражает противопоставление одного предмета, явления или действия другому: *morady xalyqnyη malyn almaq dügelder,* ***läkin*** *xäjläsen, ütkenlegen izhar qylmaqdyr...* [Әлҗилдү, 5: 17] ‘Ее цель – не овладение богатством людей, однако она хочет продемонстрировать свои возможности …’; *kölgänem bašqa eš öčender,* ***läkin*** *söjlämäm ...* [Әлфу: 11] ‘Я смеялся по другой причине, но об этом не скажу…»; *qulyndağy jözege suğa töšde* ***läkin*** *batmady* [КВ: 42] ‘Перстень его упал в воду, но не утонул..’; *bu uğlan tärbijä belän üssä dä* ***läkin*** *xäzerge xälendä tärbijäne qAбyl itmäs* [КВ: 32] ‘Этот парень, хотя и получил хорошее воспитание, но при его нынешнем состоянии он неуправляем’; *Sine süwäm dib äjtälär,* ***läkin*** *yšanyrğa jaramas* [КВ: 54] ‘Говорят, что любят тебя, но верить им нельзя...’; *Bäjdäba xäkim padišahqa baqdy,* ***läkin*** *Räj mälik hič süzläšmäde,* [КД: 245] ‘Мудрец Байдаба взглянул на правителя, однако царь Рай ничего не сказал …»’; ***Läkin*** *ğyjbarätendä ğaräb wä farsy süzläre küblek säbäble bäğze adämlär fajdasyndan mäxrümlärder...* … [Әбу: 3] ‘Однако, из-за обилия арабо-персидских слов в составе, некоторые люди не могут воспользоваться…’.

Союз *ämma* ‘а’, ‘но’, ‘однако’: ***ämma*** *ğali Marjamny kürgäč ğaqly bašyndan kideb* ... [Әлҗилдү, 6; 201] ‘Однако, увидев Марьям, Али потерял рассудок…’; ***ämma*** *mälik Šärqan alğan carijä seŋlese irkänne belmäj* ... [Әлҗилдү, 2: 3] ‘Однако, царь Шаркан, не знал, что купленная им рабыня является его сестрой…’; *küŋelem mänem bašqa närsädä* ***ämma*** *män siŋa itäğat qylmam* [КВ: 41] ‘Моя душа занята другим, и я тебе подчиняться не буду...’; ***ämma*** *ul irlär ber berenең xälen hič ber belmädelär* [КВ: 157] ‘Однако, эти мужчины друг о друге ничего не знали..’; ***ämma*** *büksäse bušab qanatlary salpyraiğan ide* [КД:10] ‘Однако, желудок его был пуст и крылья опущены’; ***ämma*** *küŋele Särandab tawlarynda säir itde* [КД:6] ‘Однако, он уже мысленно прогуливался в горах Сарандаб’; ***ämma*** *säfär mäšäqatlären söjläb juqqa süz ozajtma…* [КД: 8] ‘Однако, рассказывая о тяготах путешествия, зря не тяни время…’; ***ämma*** *zinhar xaram muradtan ziker qylmaqdan saqlansyn* [ТН: 87] ‘Однако, пусть воздержится от использования его в запретных целях’; ***Ämma*** *Säjjid Jaxja äfände äjtde…* [Әбу: 112] ‘Однако, господин Саид Яхъя сказал…’; ***Ämma*** *šäkär dib ašağany, ağu kebek tojylyr ide* (Абу: 240) ‘Что бы он ни ел, все казалось ему отравой’; ***Ämma*** *mäxäbbät därjasy qajnasa, bus wä där äğuš wä badäji lä'lijni nušidän, jäğni übešmäk, qočynmaqdan mäŋeğ juqdyr* (Абу: 27) ‘Если даже море любви начнет бушевать, поцелуй и объятие, и напиток рубинового вина т.е. поцелуи и объятия не запрещаются’.

Союз *gärčä* «хотя»: *gärčä sine xäläleŋdän tyjmyjmyn* [ТН: 39] ‘Хотя я не запрещаю того, что тебе разрешено’; ***gärčä*** *mänem xosusymda sineŋ xäer xawanlyğyŋ mäğlüm bulsa da* [ТН: 85] ‘Хотя и твоя доброта мне известна…’; ***gärčä*** *mänem küŋelemdä siŋa … mäxäbbät köčleder* [ТН: 5] ‘Хотя и в моей душе пылает сильная любовь к тебе…’; ***Gärčä*** *atam xälwäče ide* [Әбу: 18] ‘Хотя отец мой был пекарем....’; .

В тексте произведения «Тутынаме» зафиксированы случаи использования вышеуказанных союзов одновременно: ***ämma läkin*** *mäne kemgä qujyb kitärseŋ* [ТН: 6] ‘Однако, кому ты меня оставляешь..’; ***ämma läkin***

tyšqa qarasalar taŋ atyb … jaqtyrmyš ide [ТН: 88] ‘Однако, когда выглянули наружу, уже рассвело’.

Xälbuki ‘но’, ‘однако’: ***xälbuki**, bu räxätda wä safada* ... [Әлҗилдү, 5: 17] ‘Однако (ты живешь) спокойной и благополучной жизнью…»; ***xälbuki**, bu mänem sarajymnyŋ här ber tašyn ğyjfritlär köčkä qujğannardyr…* [КВ: 42] ‘Однако, каждый камень моего дворца ифриты еле-еле поднимали…’; ***xälbuki** bu qadär jyraq säfärgä kitmägeŋneŋ xikmäte nider* [ТН: 6] ‘Однако, в чем же секрет дальней поездки’.

В некоторых случаях в той же функции употребляется и арабское слово *bäs*: ***bäs** bän sezne onydyb* ... [Әлҗилдү, 2: 5] ‘Однако, я забыл о вас…’; ***bäs** ana čypčyq šeltä qylyb äjtde* [КВ: 41] ‘Однако, воробей предупредил его’; ***bäs** ul jeget šul biknеŋ xezmätendä čağynda* [КВ: 40] ‘Однако, когда парень служил у этого бека…’; ***bäs** beräw bar oluğ täŋre cabbar xäzrätenä tämam ixlas belän mönäcät qylyrğa kerešde* [КД:10] ‘Однако, от всей души начал молиться единственному, сущему Всевышнему’; ***bäs** üget nasixät bireb atalyq xaqyn ütädeŋ* [ТН: 6] ‘Но своим советом ты выполнил долг родителя...’; ***bäs** monyŋ ügrätüe bujynča* [ТН: 6] ‘Однако, следуя его подсказкам…’; ***bäs** xuca säğid anyŋ xäteren juatu öčen därja satuynyŋ fajdasyn bašynnan ajaq bäjan qyldy* [ТН: 6] ‘Но, с тем, чтобы успокоить её, Сагид подробно рассказал о пользе речной торговли’.

Разделительный союз *jäki* ‘или’, ‘либо’ употребляется для соединения перечисляемых явлений и предметов: *any mändän artyq söjämeseŋ **jäki** andan qurqamysyŋ* [КВ: 41] ‘Ты его больше меня любишь или ты его боишься...’; ***jäki** säfäreŋ uŋmaj ber bälägä julyqtyŋmy* [КД: 10] ‘Или твое путешествие сложилось неудачно и ты попал в беду…’;

jäjsä ‘либо’, ‘или’: *sin päjğambärneŋ oluğ säxabälärendänme **jäjsä** kečeräkdänme* [КВ: 103] ‘Ты из высокопоставленных сподвижников пророка или из небольших?’; *sin färeštäme **jäki** pärime…*[Әбу: 16] ‘Ты ангел или черт?’.

Подчинительные союзы

Из подчинительных союзов в языке произведения употребляются союзы *čönki* ‘так как, ибо, потому что’; *ägär* ‘если’; *jäğni* ‘то есть’; *ki* ‘что’; *xättä* ‘даже’; а также *bälki* ‘возможно’ и *juqisä* / *juqsa* ‘иначе’:

1) подчинительный союз персидского происхождения *čönki* ‘так как, ибо, потому что’ употребляется для связи причинно-подчинительного предложения с главным: *bän säŋa xäjer istärem,* ***čönki*** *ataŋdan xäjer kürdem* ... [Әлҗилдү, 6: 197] ‘Я тебе желаю добра, потому что твой отец сделал мне много хорошего…’; ***čönki*** *šahzadä ber qoš balasyna oxšaš* [КВ: 43] ‘Потому что принц подобен птенцу’; *uğlannyŋ moradyn aŋlady* ***čönki*** *ğyjlem öč törleder* [КВ: 38] ‘Он понял желание парня, так как знание бывает трех видов…’; ***čönki*** *qaläm belän mal cyjylyr qylyč belän mämläkät alynyr* [КВ: 38] ‘Потому что при помощи пера можно скопить богатство, при помощи меча можно завоевать царство’; *Zina xatynnarnyŋ* ***čönki*** *itäge qysqadyr* [КВ: 40] ‘Потому что у распутных женщин подол короткий…’; ***čönki*** *bu wasijätlär padišahlyqnyŋ nigeze wä däwlät julynyŋ citäkčeseder* [КД:10] ‘Потому что эти заветы являются основой царствования и государства’; ***čönki*** *bu mäče qarčyqnyŋ ničä jyllyq juldašy ide* [КД:10] ‘Потому что этот кот был многолетним спутником этой старушки’; ***čönki*** *ber jyl mäğarädä jatyb, ğoli biabanğa biŋzäleš, jäğni biğajnihi urmandağy šüräle kebek bulğan ide.* [Әбу: 17] ‘… так как, прожив целый год в пещере, они походили на степных привидений, то есть на шурале…’; *jänä minem jörägem qajnar,* ***čönki*** *padišahlyqnyŋ milke wä cany xarab bulyrğa bara* [ТН: 7] ‘Опять мое сердце начинает кипеть, так как царство начинает разрушаться... ’; ***čönki*** *xälwäfrüš Äbuğalisinadan küb närsä üğränmeš ide* [Әбу: 72] ‘Потому что продовец сладостей многому научился у Абугалисины’.

2) условный союз *ägär* ‘если’ выражает зависимость главного предложения от условно-придаточного предложения: ***ägär*** *sin anyŋ xaqynda kölär itsäŋ, bän säŋa meŋ altyn biräm* ... [Әлҗилдү, 5: 21] ‘Если ты можешь насмехаться над ним, то я дам тебе тысячу золотых…’; ***ägär*** *süzem döres*

čyqmasa ikenče söjlämäm [КВ: 42] ‘Если мое слово окажется неверным, я больше не буду говорить’; ***ägär*** *jyğlağan bulsam seznең här qajsyңyz miңa šeltä qylğan bulyr ideңez* [КВ: 44] ‘Если бы я плакал, то все вы меня бы осудили’; ***ägär*** *beräwneң tyčqanlary timer ašyj torğan bulsalar* [КД: 75] ‘Если у кого-то мыши могли съесть железо...’; ***ägär*** *kütärmägän bulsam xäšärätkä azyq bulyr ide* [КД:10] ‘Если бы я его не поднял, он бы достался насекомым’; ***ägär*** *küңelenä oxšamasa ber comğa ečendä qajtarmaq ixtijaryn šart qyldylar* [ТН: 5] ‘Если не понравится, то договорились вернуть в течение недели’; ***ägär*** *dönjağa bala kilmäkne teläsäң meң aqča sadäqa bir* [ТН: 39] ‘Если захочешь родить ребенка, то подай в качестве милостыни тысячу монет’; ***ägär*** *bu xäjlä bujyna kitsä ide qatğan hälaq bulyr ide* [ТН: 96] ‘Если поддался бы этому обману, то точно пропал бы…’.

3) изъяснительный союз *jäğni* ‘то есть’ служит для разъяснения суть действия, явления и лиц: *säneң oluğ ataң,* ***jäğni*** *anaң atasy mälik Xardub bäңa äjtde* [Әлҗилдү, 2: 93] ‘Твой дед, т.е. отец твоей матери, царь Хардуб сказал мне ...’; *döbdöbä ğazimä ilä,* ***jäğni*** *zur barabanlar, ujynlar ilä ...* [Әлҗилдү, 5: 19] ‘…то есть играли на больших барабанах…’; *etlär kileb täğamny jijeb qujdylar,* ***jäğni*** *ašab beterdelär...* [КВ: 72] ‘Пришли собаки и съели еду...’; *Musa ğasasyn* ***jäğni*** *tajağyn alyb ul Gad qaweme östenä jörde* [КВ: 27] ‘Муса, взяв свою волшебную палку, напал на людей племени Гад’; ***jäğni*** *bolarny awlarğa tozaq tözelgän ide* [КД:10] ‘То есть для них была устроена ловушка’; ***jäğni*** *säfärendän bik razyj bulyb* [КД:9] ‘То есть был очень доволен своим путешествием’; *borynğy zamanda ber braxman,* ***jäğni*** *pub bar ide* [ТН: 135] ‘В древние времена жил-был некий брахман, т.е. поп...’; ***jäğni*** *biğajnihi urmandağy šüräle kebek bulğan ide.* [Әбу: 17] ‘… они походили на степных привидений, то есть на шурале’; *xälwäfrušlär* ***jäğni*** *xälwä satučylar uramyna turğy kilde* [Әбу: 17] ‘… дорога привела его на улицу продавцов сладостями…’; *Äbuğalisinanyң wilajätenä* ***jäğni*** *tuğanyna…* [Әбу: 3] ‘С момента рождения Абугалисины’; *mäğribdä,* ***jäğni*** *iң qojaš bajyšy tarafyna…*[Әбу: 4]‘На западе, т.е. в сторону заката солнца…’;

4) союз *xätta* ‘даже’ имеет усилительное значение: ***xättä*** *ban ul ujny ečemdäge iŋ äğlä urynğa qujdym* ... [Әлҗилдү, 2: 3] ‘Даже эту мысль я сохранил в душе…’; *kärwanymyzny talab, qulymda* ***xättä*** *ber pära da qalmady* ... [Әлҗилдү, 5: 19] ‘Караван наш ограбили, у меня даже ни гроша не осталось…’; ***xättä*** *bu jäšlek fikereŋ berničä waqytdan soŋ üzeŋä dä jaramas* [КД:10] ‘Даже эта твоя идея через некоторое время тебя самого не устроит’; ***xättä*** *ata anasynyŋ xälen sorašyrğa barmas ide* [ТН: 3] ‘Даже не ходил к родителям проведать их’; ***xättä*** *šul qadär jyğlady ki xuca Säğidneŋ eče ut kebi jandy* [ТН: 6] ‘Даже так плакала, что у Сагида душа стала гореть’.

5) *ki* «что»: *ber ükčä ordy* ***ki*** *Simruğ ni očrağanyn belmäde očyb* [КВ: 41] ‘Один раз пнул так, что Симруг улетел, не помня, что ему навстречу попался…’; beldem ***ki*** *däwlätem kämal tabqan imeš*... [КВ: 43] ‘Я узнал о том, что будто бы мое богатство стало сказочным…’; *täwarixlarda jazylybdyr* ***ki*** *Hidstanda ber däwlätle padišah bar ide* [КД:2] ‘В книгах по истории написано о том, что жил-был в Индии богатый царь’; *män belämen* ***ki*** *sineŋ miŋa mäxäbbäteŋ xaqdyr* [ТН: 6] ‘Я знаю, что твоя любовь ко мне настоящая’; *sinnän telim* ***ki*** *mäne satyb alasyŋ wä oluğ fajdalarğa irešäseŋ* [ТН: 5] ‘Я хочу, что ты купил меня и стал богатым’; *riwajät qylyrlar* ***ki*** *hicrätneŋ öčjöz jitmeš öčenče jylynda Buxara wiläjätendä šäcäğ digän awylda ber ata ber anadan igez ike bala dönjağa kileb berenä Äbuğalisina ikenčesenä Äbulxaris dib isem qujdylar* [Әбу: 3] ‘…повествуют таким образом, что в триста семьдесять третьем году по хиджре в деревне Шаджаг Бухарской области родились от одной матери и одного отца два близнеца, одного назвали Абу Али Сина, другого Абуль-Харис’; *Äbuğalisina belde* ***ki****, qyzny birmäk tügel, mömkin bulsa qanyn ečär ide* [Әбу: 294] ‘Абу Гали Сина знал о том, что он не только не хотел выдать девушку (замуж за него), а (букв.) готов был кровь его выпить (то есть погубил бы его)’; *Äbuğalisina šul qadär ziräk wä ütken zihenle čapak bala ide* ***ki****, täğbir mömkin tügel…* [Әбу: 4] ‘Абу Гали Сина был настолько проницательным, остроумным ребенком, бойким на язык, что уму

непостижимо...’; *kičä bulğač Šahräzad dijär ki* ... [Әлҗилдү, 5: 20] ‘Вечером Шахрезад сказала, что…’.

6) союз *bälki* ‘но, а, но и’: *jaxšylab joqyğa kitkäne juq ide* ***bälki*** *jal itärlek waqyt da ütkäne juq ide* [КД:10] ‘Он почти не спал, но и время для отдыха еще не прошло’; ***bälki*** *här ešne … aqrynlyq belän qylsyn* [КД:10] ‘Но пусть каждое дело делает не торопясь’.

Союз *bälki* ‘но, а, но и’ в тексте произведений «Кырык вәзир кыссасы» и «Тутыйнәмә» передает значение предположения и выступает в значении ‘возможно’, ‘наверное’: *män bulmasam mämläkät sineŋ qulyŋdan moŋarčy kitkän bulyr ide* ***bälki*** *bašyŋ da kitär ide*... [КВ: 36] ‘Если бы не я, то ты давно потерял бы свое царство, а возможно, и свою голову …’: ***bälki*** *ah ormaq miŋa lajyqdyr* [ТН: 7] ‘Возможно, я достойна жалости’; *sez* ***bälki*** *qabul itmässez* [ТН: 4] ‘Наверное, вы не примете…’; ***bälki*** *uğlannyŋ jawyzlyq šomlyğy mäzkür siksän izgelärne juldan čyğaryb fäsik itmešder* [ТН: 4] ‘Возможно, скверный парень так повлиял на эти восемьдесят святых, что сбил их с истинного пути’; *bičara Mahšäkär därdemä* ***bälki*** *därman bulyr dib …* [ТН: 8] ‘Бедная Махшакар, подумала о том, что её стремлениям суждено будет сбыться…’.

7) союз *juqisä* / *juqsa* ‘иначе’: *uğlanny üter* ***juqisä*** *eš bozyqqa kitär* [КВ: 34] ‘Убей парня, иначе дела будут плохи’; *Söläjman ğaläjhi sälam janyna män täfärrüc öčen genä baramin,* ***juqisä*** *mänem andan hič pärwam juqdyr* [КВ: 41] ‘Я к пророку Сулейману (мир ему) иду развлекаться, у меня перед ним никакого страха нет’; *bu süzne ikeneče märtäbä äjtmä,* ***juqsa*** *üzeŋ belärseŋ ...* [КВ: 40] ‘Это слово больше не повторяй, иначе сам узнаешь…’.

4.7.3. Частицы

В языке рассматриваемых произведений активно употребляются модальные, вопросительные, экспрессивно-эмоциональные, определительно-уточняющие частицы:

1) собственно-модальная - *dyr /-der: bar öjeŋä, qarčyq* ***andadyr*** ... [Әлҗилдү, 5: 5] ‘Иди домой, старушка наверняка там…’; *suğyš jaxšy eš* ***tügelder*** [КВ: 14] ‘Война, само собой, плохое дело..’; *täwarixlarda* ***jazylybdyr****…*

[КД:2] ‘В книгах по истории написано…’; *šundyj ber jegetder güzällekdä hič misaly* ***juqdyr*** [ТН: 82] ‘Такой это парень, что в красоте нет ему подобных’; *däwlätle bulmaq ber kürkäm* ***ešder*** [ТН: 6] ‘Быть богатым – прекрасное дело’; *ber olyğ* ***köjmäder*** [Әбу: 61] ‘Большая лодка…’;

Модально-волевая частица *-sana /-sänä* употребляется для выражения смягченной просьбы: *xat jazğannyŋ seŋlesenä* ***uqysana*** ... [Әлҗилдү, 5: 56] ‘Прочитай-ка (письмо) младшей сестре автора письма…’; *miŋa* ***äjtsänä*** *mänem xälemä čara taba alyrsyŋmy* [КД:11] ‘Скажи-ка мне, ты не сможешь ли мне помочь…’; *niček ul xäjlä* ***öjrätsänä*** [ТН: 84] ‘Что это за хитрость, расскажи, будь любезен…’.

2) вопросительная частица *-my/-me*, относясь к отдельному слову или целому предложению, образует их вопросительную форму: ***sezgäme****, jä* ***bezgäme*** *baralyq*... [Әлҗилдү, 5: 23] ‘Пойдем к вам или к нам?’; *siŋa ber doğa* ***qylajyqmy*** [КВ: 52] ‘Совершим ли в честь тебя молитву?’; *sin* ***cülärme,*** ***ğaqyllymy,*** *juqsa mäzäx söjliseŋ* [КВ: 107] ‘Ты сумасшедший или слишком умный, иначе бы так не шутил’; *xatyn* ***siŋamy*** *tiešle,* ***miŋamy*** *tiešle, padišah xökem itsen* [КВ: 109] ‘Кому достанется женщина, тебе или мне, пусть царь рассудит’; *totqynda qalyr* ***idemme***... [КД:11] ‘Оставался бы я в плену?’; *säfäreŋ uŋmyj ber bälägä* ***eläkteŋme*** [КД:11] ‘Путешествие твое сложилось неудачно, и попал ты в беду? ‘; *män bu xatynny bašyma* ***bälägäme*** *ijärtämen* [ТН: 83] ‘Я эту женщину беру с собой на свою беду?’; *nadanlyğyŋa ikrar* ***qylamysyŋ****?* [Әбу: 70] ‘Ты подтвердишь свою тупость?’.

3) экспрессивно-эмоциональные частицы *qyp-, qap-, tub-, tyb-, jäm-, iŋ, -da /-dä*: *uly* ***qyp****-qyzyl sufyj ulğanny küreb* ... [Әлҗилдү, 6: 188] ‘Разглядев в сыне типичного ханжу…’; ***qyp****-qyry mäjet ulmyšlar* ... [Әлҗилдү, 5: 123] ‘Превратились в высохшие трупы…’; ***qyb****-qyzyl qanğa bujalyb jatalar* [ТН: 133] ‘Лежат красные, в крови’; *cire qap-qara* [Әлҗилдү, 2: 58] ‘Земля черным, черна…’; ***tub*** *tuly su buldy* [КВ: 33] ‘(Колодец) полностью заполнился водой’; *ğörbät ber öjder anda xurlyq* ***tub*** *tulydyr*... [КД:8] ‘Скитание – это дом, который полон позором…’; ***tyb*** *tynyč urmanda kük göreldäwdän wä jäšen jäšnäwdän* …

äjterseŋ qyjämät buldy... [КД:11] ‘От небесного грохота, от сверкания молнии, в ранее тихом лесу словно наступил конец света…’; *ul jirneŋ hawasy wä **jäm** jäšel bolynnary wä ağačlary wä sulary wä čäčäkläre wä gölläre bik kilešde* [КД: 9] ‘Ему пришлись по душе и воздух, и зеленые луга, и деревья, и вода, и цветы’; ***jäm** jäšel ülän östendä ber baj macles qylmyšlar* [Әбу: 92] ‘На зеленой траве накрыли богатый стол…’; ***iŋ** zur manara...* [Әлҗилдү, 5: 125] ‘Самый большой минарет…’;

частица *-da /-dä* употребляется для подчеркивания какого-либо слова: *qaršy toryrlyq köče bulmasa **da** anyŋ belän oryš bašlady* [КД:10] ‘Несмотря на то, что силы у него иссякли, вступил в драку’; *taftiš äjläsäm **dä**, alardan ber xäbär dä ala almadym ...* [Әлҗилдү, 2: 3] ‘Сколько ни искал, никаких сведений о них не получил…’;

В функции определительно-уточняющей частицы используется арабское слово *xalis* «настоящий, словно»: ***xalis** qara ğaräb buldy ...* [Әлҗилдү, 5: 26] ‘Стал, словно как чернокожий раб…’.

ВЫВОДЫ ПО IV ГЛАВЕ

1. Морфологическая структура произведений рассматривалась в контексте языковой ситуации, сложившейся в конце XIX – начала XX века. В рамках текстов кысса мы попытались выявить основные пути становления морфологических норм татарского литературного языка, определить взаимоотношения традиций старотатарского литературного и народно-разговорного языка, продемонстрировать функциональный потенциал инвариантных форм, впоследствии ставших литературной нормой современного татарского языка.

2. Имя существительное составляет основной словарный фонд произведений. Для арабо-персидских заимствований и тюркских слов единственное число выражается нулевой формой окончания. Единичность в текстах передается также аналитическим способом при помощи числительного *ber* ‘один’. Грамматическим показателем множественного

числа выступает аффикс *–lar/-lär* без фонетических вариантов на *-нар/-нәр*. Множественное число также выражается формой ломанного множественного числа арабских заимствований. В текстах произведений жанра кысса наблюдается вариативность, касающаяся графофонетики: لار и لر . Множественность передается также сочетанием морфологического и семантического способов: при помощи количественных числительных, в арабских заимствованиях в форме двойного множественного числа.

3. Категория принадлежности имени существительного представлена разнообразными формами и вариантами форм. Их большая часть является показателем преемственности старотатарской письменной традиции. Это отражается как в синтетических формах, так и в аналитических. Семантика и грамматические формы, зафиксированные в произведениях, активны и в современном татарском языке. Функционироание форм принадлежности показывает общность языка кысса с языковыми особенностями фольклорных текстов.

4. В изучаемых произведениях мы наблюдаем функционирование смешанного типа (огузо-кипчакских) падежных аффиксов, которое наблюдается в народно-разговорном татарском языке. Грамматические значения падежных форм свидетельствуют о стабильности семантического ядра тюрко-татарского языка, формировавшегося в древнем языке и дошедшего до наших дней. Нестабильность глухих вариантов падежных аффиксов в разных падежах показывает специфику становления фонетических норм современного литературного языка.

5. Категория сказуемости выражается морфемным, морфемно-синтаксическим способами. Анализ показал активность данной категории в языке изучаемого периода, хотя в современном татарском языке она утратила свой функциональный потенциал. Активным является морфемно-синтаксический способ, который характеризуется присоединением аффикса сказуемости существительному, прилагательному, частицам, послелогам и сочетанием его с личным

местоимением единственного и множественного чисел. В то же время заметили тенденцию снижения активности в произведениях аффиксов 1-го и 2-го лица. Наиболее часто встречается использование аффикса 3-го лица, который впоследствии частично сохранился в разговорной речи и диалектной подсистеме татарского языка.

6. Функционально-семантическая категория определенности и неопределенности выражается падежными аффиксами, формами притяжательности, местоимениями, числительными, которые распространены в народно-разговорном языке.

7. Анализ фактического материала показывает, что в текстах исследуемых произведений большое место уделено качественным прилагательным, наиболее активно представлены прилагательные положительной степени сравнения. Сравнительная и превосходная степени широко представлены в текстах произведений «Кырык вәзир кыссасы» и «Калила и Димна». Сравнительная степень выражена синтетическими формами, наблюдается также образование сравнительной степени аналитико-синтетическим путем. Превосходная степень передается способом редупликации и усилительными частицами. Редупликация сокращенных форм качественных прилагательных встречается в словах тюрко-татарского происхождения. Редупликация полных форм прилагательных наблюдается как в исконно татарских, так и заимствованных словах. В отличие от современного татарского языка, в анализируемых произведениях мы наблюдаем активность частицы *ğajät* (гаять). Уменьшительная степень качественных прилагательных в текстах кысса не наблюдается. Используемые относительные прилагательные преимущественно образованы полифункциональными аффиксами *–ly* (1) и *–syz*. В произведениях, наряду с тюрко-татарскими прилагательными, представлено большой пласт арабо-перидских заимствований. Основная часть имен прилагательных в тех же грамматических формах широко используются и в современном татарском литературном языке.

8. В произведениях жанра кысса использовано довольно большое количество числительных, среди которых наиболее распространены количественные числительные, в семантике которых представлены как номинативные так и культовые значения. Другие разряды числительных употребляются пассивно и их рамматические формы и значения прослеживаются и в современном татарском литературном языке.

9. Особенностей становления современного татарского литературного языка наглядно демонстрирует употребление местоимений в текстах кысса. Было выявление преобладание базовых местоимений тюрко-таатрского происхождения. Функционирующие в произведениях местоимения отличаются фонетической вариативностью. Наряду с традиционными формами старотатарского литературного языка, заметили активность лексем народно-разговорного языка. Употребление в пределах одного произведения различных фонетических вариантов показывает специфику становления грамматических норм современного татарского литературного языка. В текстах кысса употребляется нехарактерные для современного татарского литературного языка случаи склонения местоимений (например, *sezlar, ošbunda*). Анализ семантики местоимений показал, что, кроме основных значений, характерных для данной части речи, местоимения приобретают предметное значение. В текстах представлена полная парадигма личных местоимений. Указательные и вопросительные местоимения, сочетаясь с отдельными лексическими единицами, могут преобретать значения множества, большого количества предметов, явлений или указать на длительность по времени и выражать значение образа действия.

10. Выявили, что активное употребление глаголов связано с повествовательной особенностью жанра произведений. Одной из особенностей произведений является активное употребление глаголов в форме основного залога, другие залоги представлены чуть реже. Выражение способа действия синтетическим путем не так распространено

в произведениях Способ действия глаголов в текстах преимущественно представлен аналитическим путем. Для выражения способа действия аналитическим способом участвуют вспомогательные глаголы, активные в современном татарском литературном языке. Наиболее активной является модель деепричастие на *–yb-/eb* (–ып/-еп/-п) + вспомогательный глагол. Данная модель часто употребляется для выражения завершения, результата и направления действия. Этот факт еще раз доказывает ранее высказанную мысль о том, что в произведениях жанра кысса на первый план выходит повествование действий и событий, а не описание событий. Наряду с традиционными моделями используется и редкие формы выражения способа действия. Формы и модели выражения способа действия свойственны народно-разговорному языку и отражают специфику татарского языка. Они активно функционировали в языке исследуемого периода, и большая часть широко используется в современном татарском языке.

11. Заметна многочисленность грамматических показателей категории лица, что связано с одновременным употреблением традиционных нормативных вариантов письменного языка и грамматических форм народно-разговорного языка. Многочисленность грамматических показателей обусловлено и графо-орфографической вариантностью в языке исследуемого периода. В текстах кысса категория лица представлено различными грамматическими формами, которые сохранили свои значения, заложенные в ранние этапы развития татарского языка и отражающие особенности народно-разговорного языка. Эти грамматические формы и значения, претерпев незначительные изменения, существуют и в современном татарском литературном языке. Временные формы изъявительного наклонения в основном представлены в парадигматическом значении, синтагматические значения представлены в единичных случаях. Выявлена активность формы прошедшего категорического времени на *-dy/-de;* параллельное употребление форм

прошедшего результативного времени кипчакского варианта на *-ğan /-gän, -qan /-kän* и огузской формы на *-myš / -meš*. Из аналитических форм встречаются формы *-r, -ar/-är, -yr/ -er* + глагол *ide* и *- ğan /-gän ide* / *-myš / -meš ide*. В современном татарском языке данные формы не используются в парадигме прошедшего времени, а передают значение желательного наклонения. Выяснили, что в текстах наряду с формой будущего неопределенного времени *-r, -ar/-är, -yr/-er* довольно активно функционирует более поздняя форма *-ačaq /-äčäk*.

12. Желательное наклонение представлено формой *-ajym /- äjem, -ajyq/ -äjek* и конструкциями *mil itärgä* «хотеть», «желать», *arzu idärgä / qylarğa* «хотеть», «желать». Функционально-семантическое поле желательного наклонения включает также лексические средства, в семантике которых заложены семы «хотеть», «желать», «захотеть», «пожелать». В роли данной категории в единичных случаях выступает сослагательное наклонение и архаичная огузская форма *-alyq /-älek, -alym/-älem*. Грамматический показатель желательного наклонения, претерпев фонетическое изменение (*-айым<-ыйм*), стал нормативным показателем современного татарского литературного языка. Часть языковых средств выражения желания перешли в современный язык, а некоторые считаются устаревшими (*istärgä; -alyq /-älek, -alym/-älem*).

13. Условное наклонение представлено аффиксом *–sa/-sä,* который функционирует залоговыми формами, с аффиксом отрицания. В сочетании с частицей *da, dä* выражает уступительную модальность. Фонетический глухой вариант частицы *ta, tä* в текстах кысса не зафиксирован.

14. Формы повелительного наклонения отличаются многозначностью. В произведениях «Тысяча и одна ночь» и «Абугалисина» представлены и огузские формы, широко используемые в старописьменном литературном языке.

15. Формы причастия, кроме основной функции, часто субстантивируются и употребляются в значении имени действия. Некоторые формы (*-ğanda*), принимая аффиксы местно-временного падежа функционируют в значении деепричастия. Наряду с кипчакскими формами, характерными для народно-разговорного языка, реже употребляются огузские формы *-dyq /-dek, -myš/-meš, -muš/-müš.* Причастия на форму *–ačaq*, распространенной в исследуемом периоде и являющейся одной из показателей литературной нормы, в текстах кысса употребляется крайне редко.

16. В текстах кысса наиболее активно представлены формы деепричастия на - *ып, -гач,- ганчы,* другие формы отличаются пассивностью. Они, кроме парадигматических значений, употребляются и в переносных значениях, например, для выражения действий, следующих непосредственно друг за другом и объединенных общим смысловым ядром. Наиболее активной и многофункциональной является деепричастие на форму *-yb /-eb*. Форма деепричастия на *-a /-ä* (-а/-ә) встречается редко, она употребляется в аналитических конструкциях для выражения способа действия глагола. Замечено, что в текстах кысса путем редупликации деепричастия на *-a /-ä* выражается продолжительность и многократность действия. В татарском переводе «Тысяча и одна ночь» Ф. Халиди и “Тутыйнаме” Г. Фаезханова параллельно деепричастию *-ğač /-gäč* в том же значении наблюдается употребление османско-турецкой формы *-dyqda / -dekdä*. У других авторов она не зафиксирована, впоследствии форма вышла из употребления.

17. Инфинитив представлен формами-*yrğa / -ergä, -mağa /-mägä* и выражает разные значения, а также употребляется в аналитических конструкциях в функции деепричастия для выражения способа действия и модальных значений. В языке исследуемых произведений зафиксированы имена действия, образующиеся аффиксами *- u /-ü, -maq /-mäk.* Архаичная форма на *-maq /-mäk* активна в текстах

кысса. Употребляясь с падежными аффиксами, она выражает различные грамматические значения.

18. Наречие представляет активный лексический пласт, функционирующий в народно-разговорном языке. По способу образования чаще употребляются корневые основы, сложные наречия, образованные путем сложения местоимений и имени существительного. Парные наречия и наречия с аффиксом сравнительной степени на *–рак* выступают в роли интенсификатора признака.

19. Послелоги и послеложные слова выполняют различные грамматические функции и наиболее активные в народно-разговорном языке представлены в нескольких значениях и для них характерна фонетическая вариантность. Самым продуктивным в текстах кысса из этой группы является послелог *belän* (белән) и его фонетические варианты *berlän / belän* и *ilä* , означающий значение ‘вместе’. Грамматические функции и значения, зафиксированные в произведениях свойственны и для современного татарского литературного языка.

20. Лексический состав союзов преимущественно представлен заимствованной лексикой. Состав и грамматические значения частиц в текстах кысса обширный. Большинство используемых частиц активны и в современном татарском языке.

Таким образом, детальный анализ морфологических особенностей вторичных текстов показал, что морфологическая система этих произведений практически полностью совпадает. По нашему мнению, этот показатель свидетельствует о схожести языка всех вторичных текстов данного периода между собой. Вторичные тексты создавались на базе татарского языка рубежа XIX–XX веков и отражают те тенденции, которые наблюдались в языке исследуемого периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научные концепции, связанные с происхождением татарского языка, картиной формирования его литературного варианта, вопросами и проблемами периодизации, отличаются многообразием, пестротой. Татарское языкознание в целом представляется достаточно развитым, усиливающемся на перекрестке отечественной лингвистики и «внутренних» национальных филологических традиций. При этом одно из наиболее актуальных направлений татарского языкознания XXI столетия, на наш взгляд, - выявление механизмов и средств обогащения литературного татарского языка.

Одним из ключевых экстралингвистических факторов, влияющих на формирование и развитие татарского литературного языка и культуры, являются мусульманская цивилизация, исламская религия. Языковые традиции, заложенные с момента возникновения ислама и обогащенные в последующие периоды созданными в арабском мире трудами, переведенными с древних западных источников работами, позже синтезировавшие с иранской культурой, оказали прямое воздействие на тюрко-татарскую культуру. Мы, опираясь на проведенный в рамках диссертационного исследования анализ комплекса языковых, художественных источников, пришли к выводу, что с самого начала распространения ислама особая конституирующая мировоззрение, языковую культуру роль принадлежала внешним прямым контактам. Что касается литературного наследия, речь может идти об интенсивных формах взаимодействия, взаимовлияния внешних и внутренних контактов. Арабская, персидская и тюрко-татарская культуры были вовлечены в единое пространство, центральным компонентом которого выступал ислам. При этом религиозный фактор стал структурообразующим, ведущим к сближению разных культур.

Рассмотрев на разных уровнях языковые особенности произведений, созданных на старотатарском языке, и актуализируя точки зрения ученых-предшественников ученых, мы выявили, что арабо-персидские заимствования проникли под влиянием исламской религии и служат показателем аристократического языка. Народно-разговорный язык составлял основу произведений и был понятен широкому кругу читателей. Преобладание народно-разговорных элементов в литературном языке на последующих этапах развития староататарского литературного языка только усиливается. К началу XIX века старотатарский язык предстает как синтез форм собственно татарского, арабского, персидского, чагатайского и османо-турецкого языков. Литературное наследие этого периода показывает, что параллельно с аристократическим тюрки появляются произведения, написанные на старотатарском литературном языке, в которых активно используется прошедшие в определенной степени обработку и подчиненные нормам литературного языка того времени лексика и грамматические формы народно-разговорного языка. Старотатарский литературный язык, продолжая функционировать в письменных литературных памятниках, обогащается новыми языковыми явлениями, грамматическими формами и стилистическими средствами.

Среди письменных памятников немало произведений, которые были созданы на основе определенного прототипа – прототекста. Для татарской литературы таким прототипом послужили памятники персидско-таджикской и арабской литератур. Вместе с тем необходимо акцентировать внимание на том, что художественные вторичные тексты, возникшие под влиянием этих «чужих» литератур, не являются прямыми переводами. Авторы, используя уже известные сюжеты и мотивы арабских и персидских произведений, и, опираясь на их композицию, создали оригинальные произведения на татарском языке, которые были обогащены сюжетами и мотивами местной среды. Таким образом, в рамках татарского литературного процесса возникло

синтетическое начало, обусловленное естественностью присутствия арабского, персидского и собственно тюрко-татарского элементов.

Тексты кысса, которые стали объектом комплексного анализа нашего исследования, относятся к данному срезу произведений. Индивидуальная манера и стиль автора, взаимодействие формы и содержания, стилеобразующие факторы, языковое и стилистическое своеобразие, способы переосмысления первоисточника и интерпретация текста в рамках родной культуры автора или переводчика, взаимодействие разных языковых пластов и систем в рамках одного произведения – все это послужило основанием для изучения произведений с точки зрения междисциплинарного подхода.

Было установлено, что на язык текстов кысса оказали существенное влияние такие субъективно-психологические факторы как личный опыт авторов, их свободное владели арабским, персидским и турецким языками, отношение к развитию языковой системы, использование для раскрытия смысла текста своих писательских талантов.

В ходе интерпретации произведений было выявлено, что все рассматриваемые произведения, сохранив композицию и жанровые особенности оригинала или турецкого перевода, были дополнены новыми сюжетами и элементами, адаптированы для татарского читателя. Эти вторичные тексты смогли соединить арабско-персидские литературные и языковые традиции с фольклорными мотивами своего народа, в них находят отражение и собственно авторские элементы повествования.

Исследовательское обращение к жанровым особенностям и анализ стилистических средств подтверждают их взаимообусловленность. Рассмотренные нами стилистические приемы восходят к традициям стиля письменного литературного языка анализируемого периода. В языке произведений переплетены элементы народно-разговорного и старотатарского литературного языка. Анализ показал, что эти произведения привнесли в татарскую литературу новые сюжеты, обогатили татарский язык новыми стилистическими средствами и лексическимми единицами,

способствовали формированию новых лингвокультурных реалий. Трансформации, наблюдаемые в текстах кысса, случились в связи с потребностями и возможностями как непосредственно самого языка исследуемого периода, так и в системы мировоззрения татарского читателя.

Изучение общих для всех произведений сценариев трансформации позволило сделать вывод о том, что авторы-переводчики сумели передать в адекватных пропорциях восточную экзотику и литературные традиции, сохраняя структуру текстов оригиналов. Особое внимание было уделено назидательно-дидактическим аспектам – активно использовались хадисы из Корана, комментировались фрагменты религиозного и морально-этического содержания; синтезируя языковые средства старотатарского литературного и народно-разговорного языков, переводчики смогли передать эстетическую и смысловую нагрузку кысса. Эти особенности способствовали широкой популярности произведений среди татар на протяжении многих веков. Они стали тем источником религиозных, этических, дидактических, философских знаний, который в течение столетий служил татарскому народу.

Исследование лексическо-семантических особенностей произведений, относящихся к жанру кысса, проведено в рамках выделения специальных тематических групп с учетом экстралингвистических факторов, влияющих на формирование и развитие семантики слов. В рамках диссертационной работы было установлено лексическое ядро изучаемых произведений и определены их семантические особенности, проследили развитие семантики в диахронии.

Исследование показало, что в текстах заметно активное функционирование различных вариантов лексем, генетически восходящих к разным языковым группам, которые служат для обозначения широкого спектра понятий и представлений. Проведенный анализ лексического состава произведений позволил нам проследить процесс лексико-семантических изменений, происходящих в языке конца XIX - начала XX века и проявить специфические детали и проблемы процесса становления татарского литературного языка. Выявлено, что в литературном языке рассматриваемого

периода семантическая дифференциация отдельных групп слов (например, наименования быта, живой природы и др.) еще не полностью была установлена. В процессе развития языка на последующих этапах постепенно произошла такая дифференциация.

Изучив лексический состав произведений, мы выделили следующие лексико-семантические элементы: заимствования - специфические слова и выражения, которые проникли в национальный язык преимущественно из арабского и персидского языков; семантические дивергенты - слова и выражения, которые, имеют одинаковую форму в языке оригинала или в языке-посреднике, но отличаются своим смысловым содержанием в татарском языке; слова и выражения, которые при одинаковом содержании в языке оригинала, в языке-посреднике имеют специфическую форму выражения в татарском языке; слова и выражения, которые в современном литературном татарском языке имеют различную частоту употребления или различную стилистическую окраску.

С лексико-семантической точки зрения было выявлено, что тексты кысса не сводятся к простой трансформации текста при переводе: они позволяют судить о ментальности и языковых особенностях не только транслирующего, но и принимающего народа.

Лексический состав произведений образует единый контекст арабско-персидских литературных и самобытных языковых традиций народно-разговорного языка в оригинальной интерпретации авторов, сумевших объединить эти особенности и сделать их востребованными татарским читателем.

В процессе исследования мы определили, что тематическая группа «Религиозная лексика» наиболее подвержена влиянию восточной культуры. Как и многие памятники литературы Востока, переведенные в конце XIX - начала XX века на татарский язык произведения в жанре кысса также включают в себя комплекс устойчивых религиозных мотивов, которые, в свою очередь, нашли отражение в лексике анализируемых текстов. Они

представлены преимущественно в номинативных значениях и употребляются для обозначения объектов действительности.

Семантический и функциональный диапазон таких базовых лексико-тематических групп, как «Человек», «Соматизмы», «Природа», «Действия и состояние человека», «Термины родства» и др. весьма обширный и большинство из них широко представлены в современном татарском языке. Доминантой в этих группах выступают лексемы тюрко-татарского происхождения, демонстрирующие богатство и своеобразие народно-разговорного языка. Для этих тематических групп не характерно частое лексическое варьирование, однако четко наблюдается разветвленная семантическая деривация.

Лексический состав произведений указывает на продолжение традиций старотатарского литературного языка. Также регистрируется стремление авторов отыскать наиболее приемлемые варианты слов, которые отражали бы природное своеобразие татарского национального языка. Образование новых наименований на базе татарского языка, гибридные варианты, а также попытки включения европейских заимствований в тексты показывают основные пути становления современного татарского литературного языка.

Результаты исследования в лексико-семантическом аспекте имеют значение и с точки зрения влияния на современный татарский язык, поскольку в текстах обнаруживаются слова, образованные по традиционным моделям словообразования татарского языка, которые вполне могли бы заменить существующие в литературном языке варианты.

Комплексное изучение лексико-семантической самобытности текстов кысса дает основание полагать, что авторы текстов кысса, регулярно включая в состав произведений элементы народно-разговорного языка, внесли существенный вклад в становление современного татарского литературного языка, в основе которого – разговорный язык.

При изучении морфологической структуры произведений внимание было сфокусировано на выявлении основных путей становления

морфологических норм татарского литературного языка, взаимоотношений традиций старотатарского литературного и народно-разговорного языка. Мы попытались продемонстрировать функциональный потенциал инвариантных форм, впоследствии ставших литературной нормой современного татарского языка.

Имя существительное составляет основной словарный фонд произведений. Исследование грамматических категорий имени существительного показало, что большинство грамматических форм и грамматических значений, присущих этим формам, свойственны народно-разговорному языку. Грамматические значения категорий имени существительного свидетельствуют о стабильности семантико-грамматического ядра тюрко-татарского языка, формировавшегося в древнем языке и дошедшего до наших дней. Также наблюдается влияние арабского языка, которое, прежде всего, проявлено в употреблении формы ломанного множественного числа, формы двойного множественного числа в составе арабских заимствований. Преемственность старотатарской письменной традиции отражается как на уровне синтетических, так и в аналитических формах категории принадлежности, в функционировании смешанного типа падежных аффиксов, категориях сказуемости. Нестабильность глухих и носовых вариантов грамматических форм де-факто иллюстрирует сложные и многоаспектные пути становления фонетических норм современного литературного языка. Грамматические значения и грамматические формы, зафиксированные в произведениях, активны и в современном татарском языке. Они также свидетельствуют о близости языка кысса к лингвостилистическим особенностям фольклорных текстов.

Анализ значительного комплекса источников показал, что в текстах исследуемых произведений большое место уделено качественным прилагательным положительной степени сравнения. Сравнительная и превосходная степени широко представлены в текстах произведений «Кырык вәзир кыссасы» и «Калила и Димна». Сравнительная степень выражена

синтетическими формами, наблюдается также образование сравнительной степени аналитико-синтетическим путем. Превосходная степень передается способом редупликации и при помощи усилительных частиц. Редупликация сокращенных форм качественных прилагательных встречается в словах тюрко-татарского происхождения. Редупликация полных форм прилагательных наблюдается как в исконно татарских, так и заимствованных словах. Уменьшительня степень качественных прилагательных в текстах кысса нами не зафиксирована. В произведениях, наряду с тюрко-татарскими прилагательными, представлен большой пласт арабо-перидских заимствоваваний. Основная часть имен прилагательных широко используется и в современном татарском литературном языке.

Местоимение представлено тюрко-татарскими лексическими единицами и отличается многозначностью. Авторы даже в рамках одного произведения актуализировали лексемы народно-разговорного и старотатарского письменного языка, тем самым демонстрируя пути поиска приемлемых вариантов и особенности становления современного татарского литературного языка. Анализ функциональных особенностей местоимений показал, что авторы использовали широкий спектр семантики местоимений, распространенной в разговорном языке.

Функциональная активность глаголов обусловлена повествовательной особенностью жанра произведений. Одной из них является активное употребление глаголов в форме основного залога, другие залоги представлены реже. Способ действия глаголов в текстах преимущественно представлен аналитическим путем. Для выражения способа действия аналитическим способом участвуют вспомогательные глаголы, активные в современном татарском литературном языке. Наиболее активной является модель деепричастие на *-yb/-eb* (–ып/-еп/-п) + вспомогательный глагол. Данная модель часто употребляется для трансляции завершения, результата и направления действия. Этот факт еще раз доказывает ранее высказанную мысль о том, что в произведениях жанра кысса на первый план выходит

повествование действий и событий, а не их описание. Наряду с традиционными моделями используется и редкие формы выражения способа действия. Формы и модели выражения способа действия свойственны народно-разговорному языку, репрезентируют специфические черты татарского языка. Они повсеместно представлены в языке исследуемого периода, и большая часть широко используется в современном татарском языке.

Тексты кысса отличаются многочисленностью грамматических показателей категории лица, что связано с одновременным употреблением традиционных нормативных вариантов старотатарского письменного языка и грамматических форм народно-разговорного языка. Многочисленность грамматических показателей обусловлено и графо-орфографической вариантностью в языке исследуемого периода. Грамматические формы категории лица сохранили свои значения, заложенные на ранних этапах развития татарского языка. Претерпев незначительные изменения, они существуют и в современном татарском литературном языке.

Временные формы изъявительного наклонения в основном представлены в парадигматическом значении, синтагматические значения наличествуют в единичных случаях. Выявлена активность формы прошедшего категорического времени на *-dy/-de.* В отдельных случаях было обнаружено параллельное употребление кипчакских и огузских форм времен изъявительного наклонения. Выяснили, что в текстах, наряду с формой будущего неопределенного времени *-r,-ar/-är,-yr/-er,* довольно активно функционирует более поздняя форма *-ačaq /-äčäk.*

Основная форма желательного наклонения используется и в современном языке. Кроме грамматической формы для выражения данного наклонения используются архаичные с точки зрения современного татарского литературного языка заимствовоанные конструкции и огузские формы, а также введены в оборот лексические средства, в семантике которых заложены семы «хотеть», «желать», «захотеть», «пожелать».

Формы повелительного наклонения отличаются многозначностью. В произведениях «Тысяча и одна ночь» и «Абугалисина» представлены и огузские формы, широко используемые в старописьменном литературном языке.

Формы причастия, кроме основной функции, часто субстантивируются и употребляются в значении имени действия. Некоторые формы (*-ğanda*), принимая аффиксы местно-временного падежа, функционируют в значении деепричастия. Наряду с кипчакскими формами, характерными для народно-разговорного языка, реже употребляются огузские формы *-dyq /-dek, -myš/-meš, -muš/-müš*. Причастия с суффиксом *–ačaq*, распространенным в пределах исследуемого периода и являющимся одним из показателей литературной нормы, в текстах кысса употребляется крайне редко.

В текстах кысса наиболее распространены три формы деепричастия: на *-ып, -гач, -ганчы*, которые, помимо парадигматических значений, употребляются и в переносных значениях. Другие формы отличаются пассивностью. Наиболее активным и многофункциональным является деепричастие с суффиксом *-yb /-eb*. Форма деепричастия на *-a /-ä* (-а/-ә) встречается редко, она употребляется в аналитических конструкциях для выражения способа действия глагола. В ходе исследования было замечено, что в текстах кысса путем редупликации деепричастия на *-a /-ä* выражается продолжительность и многократность действия. В татарском переводе «Тысяча и одной ночи» Ф. Халиди и «Тутыйнаме» Г. Фаезханова параллельно деепричастию *-ğač /-gäč* в том же значении наблюдается употребление османско-турецкой формы *-dyqda / -dekdä*. У других авторов она не зафиксирована, впоследствии форма вышла из употребления.

Инфинитив представлен формами*-yrğa / -ergä, -mağa /-mägä* и выражает разные значения, а также употребляется в аналитических конструкциях в функции деепричастия для выражения способа действия и модальных значений. В языке исследуемых произведений зафиксированы имена действия, образующиеся аффиксами - *u /-ü, -maq /-mäk*. Архаичная

форма на *-maq /-mäk* активна в текстах кысса. Употребляясь с падежными аффиксами, она выражает различные грамматические значения.

Наречие представляет собой активный лексический пласт, функционирующий в народно-разговорном языке. По способу образования чаще употребляются корневые основы, сложные наречия, образованные путем сложения местоимений и имени существительного. Парные наречия и наречия с аффиксом сравнительной степени на *–рак* выступают в роли интенсификатора признака.

Изучив функционирование вспомогательных частей речи в произведениях, мы пришли к выводу, что послелоги, послеложные слова и частицы основаны на народно-разговорном языке и для них характерна фонетическая вариантность. Лексический состав союзов преимущественно представлен заимствованной лексикой.

Детальный анализ морфологических особенностей вторичных текстов показал, что морфологическая система этих произведений практически полностью совпадает. По нашему мнению, этот релевантный в контексте заявленной проблематики диссертационного исследования факт свидетельствует о схожести языка всех вторичных текстов данного периода между собой.

Таким образом, изученные нами произведения создавались на основе определенного прототекста на базе татарского языка рубежа XIX–XX веков и отражают те тенденции, которые наблюдались в языке исследуемого периода. В этих произведениях наблюдается синтез восточных литературных традиций и языковых традиций с фольклорными мотивами татарского народа, а также собственно авторских элементов повествования. Впервые представленный в истории татарского языкознания репрезентативный комплекс переводных произведений исследуемого периода доказывает их оригинальность как самостоятельных произведений. Многофакторный гуманитарный анализ в контексте становления и развития современного татарского литературного языка позволяет заявить их жанровую,

стилистическую и языковую общность. Комплексное исследование текстов кысса второй половины XIX – начала XX века с жанровой, стилистической, структурно-композиционной, лексико-семантической и морфологической характеристикой в историко-культурном контексте демонстрирует специфику становления современного татарского литературного языка.

Список литературы

Источники

1. ابوعلي سينا قصه سي ديمكله مشهور تخيلات ننك ترجمه سي.عبدالقيوم عبدالناصر اوغلي ننك ترجمات و تصنيفاتندندر. قزان اونيويرسيتيتي ننك طبع خانه سنده باصمه اولنمشدر ١٨٩٤ نچي يلده. ١١٢ ب. = Әбугалисина кыйссасы димәклә мәшһүр тәхйиләтнең тәржемәсе = Рассказы Абугалисины. Казань, Изд. Казанского университета, 1894. – 112 с.
2. الف ليلة و ليلة،بو منكده بركيچه كتابنى ترجمه قيلدم عثمنلى تركي تلندن روسيه داكى مسلمانلر تركى تلينه محمد فاتح ملا حماد اوغلى خالدي،١٨٩٧ سنهده ٢١٢ ب =.Әлф ләйлә вә ләйлә= Тысяча и одна ночь. Т. 1. Казань, Изд. Казанского университета, 1897. – 212 с.
3. الجلد الثاني ترجمة الف ليلة و ليلة ايكنچى جلد منكده بركيچه ترجمه سيننك. بو منكده بركيچه كتابنى ترجمه قيلدم عثمنلى تركي تلندن روسيه داكى مسلمانلر تركى تلينه محمد فاتح ملا حماد اوغلى خالدي ١٨٩٧ سنه ده. اوشبو مننك ده بر كيچه كتابى قزان اونيويرسيتيتى نكن طبع خانه سنده بصمه اولنمشدرل قزان اويازى توبان قرصى آولى حاجى شمس الدين حسين اوغلىننك ورثه لري خراجاتي ايلان اول مرتبه ١٨٩٨ يلده ١٦٠ ب. = Әлҗилдү әс-сәни тәржәмәти әлф ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 2. Казань, Изд. Казанского университета, 1898. – 120 с.
4. الجلد الثالث ترجمة الف ليلة و ليلة. اوچنچى جلد منكده بركيچه ترجمه سيننك. بو منكده بركيچه كتابنى ترجمه قيلدم عثمنلى تركي تلندن روسيه داكى مسلمانلر تركى تلينه محمد فاتح ملا حماد اوغلى خالدي اول مرتبه باصلوى قزان اونيويرسيتيتى نكن طبع خانه سنده بصمه اولنمشدرل ١٨٩٩ سنه ده. ٣١٨ ب. = Әлҗилдү әс-сәлисү тәржәмәти әлф ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 3. Казань, Изд. Казанского университета, 1898. – 286 с.
5. الجلد الرابع ترجمة الف ليلة و ليلة. درتنچى جلد منكده بركيچه ترجمه سيننك. بو منكده بركيچه كتابنى ترجمه قيلدم عثمنلى تركي تلندن روسيه داكى مسلمانلر تركى تلينه محمد فاتح ملا حماد اوغلى خالدي اول مرتبه باصلوى قزان اونيويرسيتيتى نكن طبع خانه سنده بصمه اولنمشدرل ١٨٩٩ سنه ده. ٣١٨ ب. = Әлҗилдү рәбигу тәржәмәти әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 4. Казань, Изд. Казанского университета, 1899. – 318 с.

6. الجلد الخامس ترجمة الف ليلة و ليلة. بشنچى جلد منكده بركيچه ترجمه سيننك. بو منكده بركيچه كتابنى ترجمه قيلدم عثمنلى تركي تلندن روسيه داكى مسلمانلر تركى تلينه محمد فاتح ملا حماد اوغلى خالدي اول مرتبه باصلوى قزان اونيويرسيتيتى نكن طبع خانه سنده بصمه اولنمشدرل ١٨٩٩ سنه ده. ١٩٢ ب.=Әлҗилдү хәмисү әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 5. Казань, Изд. Казанского университета, 1899. – 192 с.

7. الجلد السادس ترجمة الف ليلة و ليلة. الطنچى جلد منكده بركيچه ترجمه سيننك. بو منكده بركيچه كتابنى ترجمه قيلدم عثمنلى تركي تلندن روسيه داكى مسلمانلر تركى تلينه محمد فاتح ملا حماد اوغلى خالدي اول مرتبه باصلوى قزان اونيويرسيتيتى نكن طبع خانه سنده بصمه اولنمشدرل ١٨٩٩ سنه ده. ٣٨٢ب = Әлҗилдү сәдисү әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 6. Казань, Изд. Казанского университета, 1899. – 382 с.

8. طوطي نامه. عبدالعلام فيض خان اوغلي نك ترجماتندن. مطبعة كريميه، قزانده ١٩١٦. ١٧٥ ب. =Тутыйнәмә =Тутыname, Казань, Матбага Каримия, 1916. – 175 с.

9. كليله و دمنه كتابي. بو كتاب باصمه اولنمشدر قزان اونيويريستيني ننك طبع خانه سنده١٨٨٩ نچى يلده. ٨٧ ب. = Кәлилә вә Димнә китабы = Книга Калилы и Димны. Казань, Изд. Казанского университета, 1889. – 87 с.

10. قرق وزير قصه سي، عثمانلى تلندن ترجمه قيلنوب قزانده اوچونچى مرتبه باصلدى. عبدالقيوم عبدالناصر اوغلي ننك ترجماتنداندر. قزانده انيويرسيتيت طبع خانهسنده باصما اولنمشدر ١٨٨٣ سنه ده.١٦٠ ب. = Кырык вәзир кыйссасы = Рассказы сорока визирей. Казань, Изд. Казанского университета, 1883. – 160 с.

Научная литература

Литература на русском языке:

11. Абилов Ш. «Кутадгу билиг» в булгаро-татарской литературе / Ш. Абилов // Советская тюркология. – 1970. – № 6. – С. 77 – 89.

12. Алеева А. Х. Исследование языка путевых записок XVШ века «Исмагил ага сәяхәтнәмәсе»: специальность 10. 02. 02 ”Языки народов Российской Федерации”: дис. ... канд. филол. наук / Алеева А. Х. – Казань, 1990. – 132 с.

13. Аминева В. Р. Теоретические основы сравнительно-сопоставительного литературоведения / В. Р. Аминева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 105 с.
14. Аминева В.Р. Заимствования литературные / В.Р. Аминева // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Т. 1. – Казань: Инст. тат. энцик. АН РТ, 2008. – С. 270-271.
15. Амирханов Р. М. Татарская социально–философская мысль средневековья (XIII–сер. XVI вв.): в 2 кн. Кн.1. / Р. М. Амирханов. – Казань: ИЯЛИ, 1993. – 124 с.
16. Амирханов Р. М. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII–сер. XVI вв.): в 2 кн. Кн. 2. / Р. М. Амирханов. – Казань: ИЯЛИ, 1993. – 111 с.
17. Арабская средневековая культура и литература: сб. ст. / сост. И. М. Фильштинский. – М.: Наука, 1928. – 216 с.
18. Арзамазов А. А. Контексты художественного обновления национальной литературы / А. А. Арзамазов. – Ижевск: Шелест, 2018. – 291 с.
19. Арзамазов А. А. Литература народов России. Литература народов Крайнего Севера и Дальнего Востока / А. А. Арзамазов. – М.: Юрайт, 2021. – 248 с.
20. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
21. Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» / Я. С. Ахметгалеева. – М.: Наука, 1979. – 191 с.
22. Багдасарян О. Ю. Теоретические подходы к изучению вторичных текстов / О. Ю. Багдасарян // Филологический класс. – 2014. – № 1 (35). – С. 130 – 139.
23. Байрамова Л. К. Аксиологический татарско-русский фразеологический словарь / Л. К. Байрамова. – Казань: Фэн, 2019. – 232 с.
24. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М.: Рус. яз., 1985. – 944 с.

25. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. –240 с.
26. Баширова И.Б. Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола: автореф. … д-ра филол.наук / И.Б. Баширова. – Казань, 2000. – 68 с.
27. Беликов В. И., Крысин В.И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 315 с.
28. Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур: ст. / П. Н. Берков. – Л.: Худ. лит., 1981. – 495 с.
29. Благова Г. Ф. О принципах лингвистического исследования тюркских текстов / Г. Ф. Благова // Вопр. языкознания. – 1977. – № 6. – С. 97 – 107.
30. Благова Г. Ф. Периодизация литературных тюркских языков в архивных работах академика А. Н. Самойловича / Г. Ф. Благова // Вопр. языкознания. – 1997. – № 2. – С. 160 – 164.
31. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В. А. Богородицкий. – Казань: Татар. гос. изд-во, 1934. – 34 с.
32. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 2 / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
33. Большаков О. Исламский мир в VII – начале XIII в. / О. Большаков // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Казань: Рухият, 2006. – Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь – С. 532 – 560.
34. Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка) / М. П. Брандес. – М.: Высш. шк., 1988. – 127 с.
35. Будде Е. Ф. Очерк истории современного литературного русского языка / Е. Ф. Будде. – Репр. изд. 1908 г. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 146 с.
36. Валеев Н. М. В мире нравственных исканий (исследование по проблемам русско-татарских литературных связей на основе творчества классика

татарской литературы Фатыха Амирхана) / Н. М. Валеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985 – 120 с.

37. Валеев Н. М. Гармония культур: избр. тр. / Н. М. Валеев; предисл. М. Х. Хасанова. – Казань: Фэн, 2001. – 328 с.
38. Валеева Н. Г. К понятиям адекватности и эквивалентности в научном переводе / Н. Г. Валеева // Вестн. РУДН. Сер. Вопр. образования. Языки и специальность. – 2006. – № 1. – С. 17 – 21.
39. Валеева-Сулейманова Г. Мусульманское искусство татар Среднего Поволжья: Истоки и развитие / Г. Валеева-Сулейманова // Исламское искусство в Волго-Уральском регионе. – Казань: Фэн, 2002. – С. 27 – 51.
40. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): специальность 10. 02. 04 «Германские языки»: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Вербицкая М. В. – М., 2000. – 47 с.
41. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Л.: Худ. лит., 1940. – 648 с.
42. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. - М.: Высш. шк., 1989. – 404 с.
43. Виноградов В. В. Литературный язык / В. В. Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – С. 288 – 297.
44. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1967. – 140 с.
45. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 784 с.
46. Гаджиева Н. З. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении) / Н. З. Гаджиева. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 220 с.
47. Гайнетдинов М.В. Литература XVIII века / М.В. Гайнетдинев // Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. – Казан: Фән, 1999. – С.181–199.

48. Гайнуллина Г. Ф. Морфологические особенности поэмы Кутба "Хосров и Ширин" (XIV в.) / Г. Ф. Гайнуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – 239 с.
49. Галиуллина Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 349 с.
50. Галиуллина Г. Р. Современная татарская разговорная речь: идентификационные признаки и социальная дифференциация / Г. Р. Галиуллина, Э. Х. Кадирова, Г. К. Хадиева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. – 220 с.
51. Галиуллина Г.Р. Тюрко-татарская лексика как проекция национального менталитета / Г.Р. Галиуллина А.Ш. Юсупова, Э.Н. Денмухаметова, Г.К. Хадиева. – Казань: РИЦ «Школа», 2011. – 120 с.
52. Ганиев Ф. А. Избранные статьи / Ф. А. Ганиев. – Казань: Паравитта, 2010. – 335 с.
53. Ганиева Р. К. Традиции Восточного Ренессанса в тюркских литературах Средневековья и Нового времени / Р. К. Ганиева. – Казань: Фэн, 2014. – 272 с.
54. Гарипова Г.Ф. Морфологические особенности поэмы Кутба "Хосров и Ширин" (XIV в.): специальность 10. 02. 02 «Языки народов Российской Федерации (татарский язык)»: дис. ... канд. филол. наук / Гарипова Г.Ф. – Казань, 2003. – 245 с.
55. Гиганов И. И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная: [литогр.] / И. И. Гиганов. – СПб.: Импер. АН, 1801. – 187 с.
56. Гилемшин Ф. Ф. Татарский перевод "Тысяча и одной ночи" (языковые и стилистические особенности): специальность 10. 02. 06 «Тюркские языки»: автореф. дис. канд. филол. наук / Гилемшин Ф.Ф. – Казань, 1998. – 19 с.

57. Гилязутдинов С.М. Персидско-татарские литературные связи (X - начало XX в.) / С.М. Гилязутдинов. – Казань, 2011. – 211с.

58. Гимадеева Л. И. Историко-лингвистический анализ языка газеты "Терджиман" (1883 – 1918) И. Гаспринского: специальность 10. 02. 06 «Тюркские языки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гимадеева Л. И. – Казань, 2000. – 20 с.

59. Гринцер П. А. Древнеиндийская проза. (Обрамленная повесть) / П. А. Гринцер. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 268 с.

60. Гринцер П. А. Обрамленная повесть / П. А. Гринцер // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1968. – Т. 5. – Стб. 370 – 371.

61. Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура (Домонгольский период, X – нач. XIII вв.) / Г. М. Давлетшин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.

62. Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие) / Г. М. Давлетшин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 429 с.

63. Давлетшин Г. М. Ислам и мусульманская культура в истории татарского народа. Ч. 1 / Г. М. Давлетшин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2013. – 154 с.

64. Давлетшин Г. М. Духовная культура Казанского ханства / Г. М. Давлетшин // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. 4. Татарские государства XV – XVIII вв. – С. 532 – 542.

65. Димерчезаде А. М. Сравнительный метод Махмуда Кашгари / А. М. Димерчезаде // Сов. тюркология. – 1972. – № 1. – С. 31 – 42.

66. Дымант Ю. А. Соотношение первичности и вторичности в произведениях В. В. Набокова: специальность 10. 02. 19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Дымант. – Воронеж, 2017. – 243 с.

67. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин — М.: "Прогресс", 1979. – 318 с.
68. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. - 676 с.
69. Зайнуллин Г. Г. Во имя Аллаха…: Татарская богословская литература XVIII – начала XX веков и ее языковые особенности / Г. Г. Зайнуллин. – Казань: Магариф, 1999. – 238 с.
70. Зайнуллин Г. Г. Татарская богословская литература XVIII – начала XX веков и ее стиле-языковые особенности: специальность 10. 02. 02. «Языки народов Российской Федерации»: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Зайнуллин Г. Г. – Казань, 1999. – 107 с.
71. Зайнуллин Г. Г. Татарская версия «Калилы и Димны». Дис. канд. филол. наук / Зайнуллин Г.Г. – Казань, 1987. – 181 с.
72. Закиев М. З. К вопросу о категории падежа в тюркских языках / М. З. Закиев // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – С. 207 – 219.
73. Закиев М. З. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков / М. З. Закиев // Сов. тюркология. – 1975. – № 5. – С. 3 – 11.
74. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка / М. З. Закиев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 463 с.
75. Закиев М. З. Татарская грамматика. Т. III: Синтаксис / М. З. Закиев. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. – 576 с.
76. Закирова Г. К. Синонимы в языке тюрко-татарских письменных памятников периода Золотой Орды: специальность 10. 02. 02 «Языки народов Российской Федерации»: автореф. дис. канд. филол. наук / Г. К. Закирова. – Казань, 2007. – 28 с.
77. Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении / Р.Р. Замалетдинов. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС: Казань: Магариф, 2004. – 239 с.

78. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы изучения / Е. А. Земская. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.

79. Зинченко В. П. Психологические основы педагогики / В.П. Зинченко. — М.: Гардарики, 2002. - 431 с.

80. Ибн аль-Мукаффа. Калила и Димна / Ибн аль-Мукаффа. – М.: Худ. лит., 1986. – 303 с.

81. Иванов М. И. Татарская грамматика / М. Иванов. – Казань, 1842 (Тип. Имп. Казан. ун-та). – 311 с.

82. Измайлов И. Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности / И. Л. Измайлов // История и современность. – 2011. – № 2 (14). – С. 34 – 51.

83. Измайлов И. Ислам в Улусе Джучи / И. Измайлов, М. Усманов // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – С. 599 – 617.

84. Ислам: энцикл. словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.

85. Исламов Р. Ф. Золотая Орда и мамлюкский Египет: письменное наследие и культурные взаимосвязи / Р. Ф. Исламов. – Казань: Матбугат йорты, 1998. – 250 с.

86. Исламова А. И. Исследование языка тюрко-татарского памятника XIV века "Дастан-и Джумджума Султан" Хисама Кятиба: специальность 10. 02. 06 «Тюркские языки»: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Исламова А. И. – Казань, 1998. – 20 с.

87. Исмайлов Х. Канон – инвариант восточного литературного процесса. Проблемы методологии ориенталистики / Х. Исмайлов, Р. Султанова // Теория литературы: в 4 т. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. – Т. IV. Литературный процесс. – С. 82 – 95.

88. Исхакова А.Р. “Кысас ал-анбия” Насреддина Рабгузи / А.Р. Исхакова.– Казань: Гуманитария, 2005.– 180 с

89. Казанская лингвистическая школа: Кн. 1. Казанская тюркологическая лингвистическая школа / сост. М. З. Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 422 с.
90. Карасик В. И. Типы вторичных текстов / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф. (5 – 7 февр. 1997, Волгоград) / ВГПУ. – Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ун-та: Перемена, 1997. – С. 69 – 70.
91. Касимова С. В. Содержание и границы понятия "вторичный текст" / С. В. Касимова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 28 – 31.
92. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 159 с.
93. Комиссаров В.Н. - Теория перевода / В.Н. Комиссаров. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
94. Конрад Н. И. Запад и Восток: ст. / Н. И. Конрад. – М.: Наука, 1972. – 496 с.
95. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – М.: ИКПА, 1990. – 512 с.
96. Короглы Халыг. Сюжет о Йусуфе и Зулейхе в тюркских литературах/ Х. Короглы // Поэт-гуманист Кул Гали: Материалы юбилейных торжеств и научной конференции, посвященных 800-летию со дня рождения и 750-летию его поэмы «Кысса-и Йусуф». – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 263 с.
97. Кузьмина Х. Х. Лексика поэмы "Кысса-и Йусуф" Кул Гали / Х. Х. Кузьмина. – Казань: ДАС, 2001. – 98 с.
98. Курбатов Х. Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х. Р. Курбатов. – М.: Наука, 1978. – 221 с.
99. Курбатов Х.Р. Языковые особенности при атрибуции литературных памятников / Х.Р. Курбатов // Истоки татарского литературного языка: Сб. ст. – Казань, 1988. – С. 117–125.

100. Лазуткина Е. М. Термин «литературный язык» / Лазуткина Е. М. // Терминология и знание: матер. III Междунар. симпозиума (8 – 10 июня 2012, Москва). – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2013. – С. 375 – 383.

101. Ларионова Е. И. Современная турецкая литературная сказка: типология и эволюция жанра: специальность 10. 01. 03 «Литература народов стран зарубежья»: дис. ... канд. филол. наук / Ларионова Е. И. – М., 2009. – 259 с.

102. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – М.: Книга по Требованию, 2013. –160 с.

103. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.

104. Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов / Л. М. Майданова // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург: Полиграфист, 1994. – С. 81 – 104.

105. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности / С. Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.

106. Материалы по татарской диалектологии: сб. ст. – Казань: ИЯЛИ, 1955. – 138 с.

107. Махмутов М. И. Мир ислама / М. И. Махмутов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – 615 с.

108. Махмутова Л. Т. Названия частей тела и внутренних органов человека и животных общетюркского происхождения / Л. Т. Махмутова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: Изд-во КФ АН СССР, 1979. – С. 146 – 151.

109. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка / Л. Т. Махмутова. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

110. Махмутова Л. Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики. Краткий анализ и приложение / Л. Т. Махмутова // Исследования по

исторической диалектологии татарского языка. – Казань, 1982. – Т. 2. – С. 68 – 154.

111. Мещерский Н.А. История русского литературного языка / Н.А. Мещерский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981 – 279 с.

112. Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и восточная классика / Х. Ю. Миннегулов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – 383 с.

113. Миннегулов Х. Ю. Этапы развития тюрко-татарской, античной и русской литератур / Х. Ю. Миннегулов. – Казань: Ихлас, 2014.– 287 с.

114. Миннуллин Б. К. Татарская газета «Борхане Таракки». Лингвистические исследования / Б. К. Миннуллин. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2012. – 300 с.

115. Миннуллин Б. К. Характеристика глагольной системы газеты «Борхане Таракки». Личные формы глагола / Б. К. Миннуллин // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: матер. Междунар. тюркологической конф., посвящ. 80-летию Фуата Ганиева (Казань, 20 – 21 сентября 2010). – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2011. – С. 296 – 299.

116. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Московский Лицей, 1996. — 207 с.

117. Мирхаев Р. Ф. Огузско-турецкий компонент татарского литературного языка (конец XIX – начало XX в.) / Р. Ф. Мирхаев. – Казань: ИПИ АН РТ, 2007. – 208 с.

118. Мирхаев Р. Ф. Система форм существования татарского языка в конце XIX – начале XX вв. / Р. Ф. Мирхаев, И. Г. Гумеров // Филология и культура. – 2015. – № 1 (39). – С. 49 – 53.

119. Мухаметзянова Л. Х. Татарские книжные Дастаны: история становления жанра и поэтика: специальность 10. 01. 02 «Литература народов Российской Федерации»; 10. 01. 09. «Фольклористика»: дис. ... д-ра филол. наук / Мухаметзянова Л. Х. – Казань, 2015. – 376 с.

120. Мухамметрахимова Р.З. Язык поэтических произведении Г. Утыз-Имяни. Дисс. … канд. фил. Наук / Мухамметрахимова Р.З. – Казань, 1990.- 190 с.

121. Наджип Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века: автореф. дис ... д-ра филол. наук / Наджип Э.Н. – М., 1965. – 96 с.

122. Наджип Э. Н. О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков / Э. Н. Наджип // Сов. тюркология. – 1970. – № 6. – С. 48 – 55.

123. Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сараи и его язык. Ч. 1. / Э. Н. Наджип. – Алма-Ата: Наука, 1975. – 209 с.

124. Низамов И. М. Татарская речь. Функционирование и развитие речевой системы в массовой коммуникации / И. М. Низамов. – Казань: Матбугат йорты, 2002. – 271 с.

125. Нуриева Ф. Ш. Исследование языка памятника XVI века «Нахдж ал-Фарадис»: специальность 10. 02. 06 «Тюркские языки» дис. … канд. филол. наук / Нуриева Ф.Ш. – Казань, 1993. – 180 с.

126. Нуриева Ф. Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари / Ф. Ш. Нуриева. – Казань: Фэн, 1999. – 208 с.

127. Нуриева Ф. Ш. Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды: специальность 10. 02. 02 “Языки народов Российской Федерации” автореф. дис. ... д–ра филол. наук / Нуриева Ф. Ш. – Казань, 2004. – 39 с.

128. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золтоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – 376 с.

129. Нуриева Ф. Ш. Общий взгляд на формирование и функционирование Золотоордынского литературного языка / Ф. Ш. Нуриева // Вопр. языкознания. – 2005. – № 6. – С. 59 – 66.

130. Очерки истории распространения исламской цивилизации: в 2 т. Т. 1. От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. – М.: РОССПЭН, 2002. – 688 с.

131. Полубиченко Л. В. Филологическая топология: Теория и практика: специальность 10. 02. 04 «Германские языки»: дис. ... д-ра филол. наук / Полубиченко Л. В. – М., 1991. – 576 с.

132. Поэт-гуманист Кул Гали: Материалы юбилейных торжеств и научной конференции, посвященных 800-летию со дня рождения и 750-летию его поэмы «Кысса-и Йусуф», Казань: Татар кн. изд-во, 1987. – 264 с.

133. Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии / В. В. Радлов. – Томск, 1887 (Типолитогр. Михайлова и Макушина). – 26 с.

134. Рамазанова Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке: в 2 кн. Кн 1. / Д. Б. Рамазанова. – Казань: Татар кн. изд-во, 1991. – 88 с.

135. Рамазанова Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке: в 2 кн. Кн 2. / Д. Б. Рамазанова. – Казань: Татар кн. изд-во, 1991. – 190 с.

136. Салимова Д. А., Тимерханов А.А. Двуязычие и перевод: теория и опыт исследования / Д. А. Салимова, А. А. Тимерханов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 286 с.

137. Салихов Ш. А. Роман в таджикской литературе XX века (проблемы формирования жанра): специальность 10. 01. 03 «Литература народов стран зарубежья»: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Салихов Ш. А. – Душанбе, 2011. – 63 с.

138. Самойлович А. Н. Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века / А. Н. Самойлович. – СПб., 1914 (Тип. Импер. АН). – 82 с., [56 с. староараб. паг.]

139. Самойлович А. Н. Богатый и бедный в тюркских языках / А. Н. Самойлович // Тюркское языкознание. Филология. Руника / сост. Г. Ф. Благова, Д. М. Насилов. – М.: Вост. лит., 2005. – С. 291 – 330.

140. Сафиуллина Ф. С. Развитие синтаксического строя татарского литературного языка в советский период (простое предложение) / Ф. С. Сафиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 230 с.

141. Сафиуллина Ф. С. Синтаксис татарской разговорной речи / Ф. С. Сафиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 253 с.

142. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. — Москва: Наука, 1988. – 244 с.

143. Сибгатуллина А. Т. Религиозно–суфийские мотивы в татарской литературе / А. Т. Сибгатуллина // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С. 423 – 484.

144. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 568 с.

145. Современный татарский литературный язык. В 2-х частях. Москва: Наука, 1969, 1 часть. – 380 с.

146. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: Словообразование и морфология / под ред. М. З. Закиева, Л. З. Шакировой. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – 150 с.

147. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология / сост. Р. Р. Замалетдинов, М. Р. Саттарова, С. С. Сафонова, О. А. Чупрякова, З. Ф. Юсупова; под ред. Р. Р. Замалетдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 180 с.

148. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. / Под ред. Э. Р. Тенишева и А. В. Дыбо. — М.: Наука, 2006. — 912 с.

149. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / под ред. Э. Р. Тенишева. – М.: Наука, 1997. – 799 с.

150. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / под ред. Э. Р. Тенишева. – Москва: Наука, 1988. – 557 с.

151. Средневековая татарская литература (VIII – XVIII вв.) / под ред. Ш. Ш. Абилова. – Казань: Фэн, 1999. – 240 с.

152. Тагирджанов А. Влияние поэмы «Йусуф и Зулейха» Фирдоуси на «Кысса-и Йусуф» Кул Гали / А. Тагирджанов // Поэт-гуманист Кул Гали: матер. юбилейных торжеств и науч. конф., посвящ. 800-летию со дня рождения и 750-летию его поэмы «Кысса-и Йусуф». – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С. 139 – 154.

153. Татарская грамматика: в 3-х т. Т.1.– Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 584 с.

154. Татарская грамматика: в 3 т. Т. 2. Морфология / под ред. М. З. Закиева. – Казань: Татар. кн. издат., 1992. – 396 с.

155. Татарско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 863 с.

156. Тенишев Э. Р. Избранные труды / Э. Р. Тенишев – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 256 с.

157. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. – Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с

158. Тенишев Э. Р. Тюркоязычных письменных памятников языки / Э. Р. Тенишев // Языки мира. Тюркские языки: сб. ст. – М.: Индрик, 1997. – С. 35 – 46.

159. Тенишев Э.Р. О языке поэмы «Кыссаи Йусуф» Кул Гали / Э.Р. Тенишев // Поэт гуманист К. Гали. – Казань, 1987. – С.137–145

160. Терминология и знание: матер. III Междунар. симпозиума (Москва, 8 –10 июня 2012) / под ред. С. Д. Шелова. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2013. – 386 с.

161. Троянский А. С. Краткая татарская грамматика / А. С. Троянский. – Казань: Изд-во дух. учебн. упр., 1860. – 234 с.

162. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. - М.: Аспент пресс, 2000. – 351с.

163. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар / Д.Г.Тумашева. — Казань: КГУ, 1968. - 182 с.

164. Тумашева Д.Г. Старотатарская деловая письменность и историческая диалектология / Д.Г. Тумашева, Ф.М. Хисамова // Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. – Уфа, 1986. – 165 с.

165. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар / Д. Г. Тумашева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с.

166. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 1. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996. – 576 с.

167. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 2. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996. – 640 с.

168. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 3. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996. – 624 с.

169. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 4. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996. – 640 с.

170. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 5. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996. – 640 с.

171. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 6. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996. – 608 с.

172. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 7. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996. – 752 с.

173. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 8. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996. – 784 с.

174. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. / М. А. Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. — 223 с.

175. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. / М. А. Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 318 с.

176. Усманов М. А. История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время / М. А. Усманов // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН

РТ, 2009. – Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – С. 3 – 15.

177. Усманов М. А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII – XVI вв. / М. А. Усманов // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М.: Наука, 1985. – С. 177 – 185.

178. Успенский Б. А. История русского литературного языка как межславянская дисциплина / Б. А. Успенский // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 80 – 92.

179. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.) / Б. А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.

180. Фасеев Ф. С. Краткий грамматический справочник татарского языка / Ф. С. Фасеев // Татарско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. – С. 807 – 863.

181. Фасеев Ф. С. Старотатарская деловая письменность XVIII века / Ф. С. Фасеев. – Казань: Татар. кн. издат., 1982. – 171 с.

182. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. - М.: Наука, 1981 – 327 с.

183. Хабибуллина Э. К. Языковые трансформации при переводе татарской литературы на турецкий язык: специальность 10. 02. 02 «Языки народов Российской Федерации»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хабибуллина Э. К. – Казань, 2016. – 19 с.

184. Хайри А. Повествование о путешествии Ахмеда Ибн Фадлана, написанное во время поездки в 921 – 922 годах в Булгарское государство (новое в переводе на русский язык и научных комментариях) / А. Хайри. – Казань: Слово, 2013. – 511 с.

185. Хакимзянов Ф.С. Булгарский литературный язык или же литературный язык Булгарский эпохи? / Ф.С. Хакимзянов // Тенишевские чтения. – 2008. – С. 37– 41.

186. Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф. С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 191 с.

187. Хакимзянов Ф.С. О поволжском варианте среднетюркского литературного языка / Ф.С.Хакимзянов // Историко-лингвистический анализ старописьменнных памятников. – Казань, 1983. – С.3–24.

188. Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар / Ф. С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1978. – 206 с.

189. Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии / И. Хальфин. – Казань, 1809 (Тип. Имп. Казан. ун-та). – 106 с.

190. Хас-Хаджиб Ю. Благодатное знание / Ю. Хас-Хаджиб. – М.: Наука, 1983. – 558 с.

191. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Гали-бека: Автореф. диссер. канд. филол. наук / Хисамиева З.А. Уфа, 1980. - 20 с.

192. Хисамов Н. Ш. Поэма «Кисса-и Йусуф» Кул Али / Н. Ш. Хисамов. – М.: Наука, 1979. – 251 с.

193. Хисамов Н.Ш. Сюжет Йусуфа и Зулейхи в средневековой тюрко-татарской поэзии XIII–XV вв. (Проблема версий): Дисс. ... д-ра филол. наук / Хисамов Н.Ш. М., 1996. 364 с.

194. Хисамов Н. Ш. Поэты XVI века Кутб, Хорезми, Хисам Кятиб, Сайф Сараи и социально-философская проблематика их творчества / Н. Ш. Хисамов // История татарской литературы средневековья (VII – XVIII вв.). – Казань, 2003. – 353 с.

195. Хисамов Н. Ш. Сюжет Йусуфа и Зулейхи в тюрко-татарской поэзии XIII – XV вв. (проблема версий) / Н. Ш. Хисамов. – Казань: Идел-Пресс, 2001. – 215 с.

196. Хисамова Ф. М. Причастие в современном татарском литературном языке: специальность 10. 02. 06 «Тюркские языки»: автореф. дис. … канд. филол. наук / Хисамова Ф. М. – Казань, 1970. – 27 с.

197. Хисамова Ф. М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI – XVII вв. / Ф. М. Хисамова. – Казань, 1990. – 154 с.

198. Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России / Ф. М. Хисамова. – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – 408 с.

199. Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – нач. XIX вв.) / Ф. М. Хисамова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 405 с.

200. Шамарова Г.Б. Язык дастанов А. Уразаева-Курмаши «Кисса-и Буз Джигит» и «Кисса-и Тахир-Зухра. (Истоки и традиции). Дисс. … канд. фил. Наук / Шамарова Г.Б. – Казань, 1991. – 166 с.

201. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка: Репр. изд. / А.А. Шахматов. - М.: Индрик, 2002 – 367 с.

202. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

203. Шкловский В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. – М.: Федерация, 1929. – 265 с.

204. Шор Р. Бенфей / Р. Шор // Литературная энциклопедия: в 11 т. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. – Т. 1. – Стб. 450 – 451.

205. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Гос. пед. изд-во, 1957. – 188 с.

206. Юналеева Р. А. Тюркизмы в русском языке: на материале названий одежды: специальность 10. 02. 01 “Русский язык”: дис. ... д-ра филол. наук / Юналеева Р. А. – Казань, 1984. – 476 с.

207. Юсупов Р. А. Теория и практика перевода / Р. А. Юсупов. – Казань: ТГГПУ, 2010. – 366 с.

208. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 318 с.

209. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Тат. книго. издат., 1986. – 287 с.

210. Юсупов Ф. Ю. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола / Ф. Ю. Юсупов. – Казань: Фэн, 2004. – 592 с.

211. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Рос. Энцикл., 2000. – 685 с.

212. Якубинский Л.П. Язык и его функционирование: Избр. работы / Л.П. Якубинский. - М.: Наука, 1986 – 205 с.

Литература на татарском языке:

213. Алпаров Г. Х. Шәкли нигездә татар грамматикасы (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәҗрибә) / Г. Х. Алпаров. – Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926. – 164 б.

214. Алпаров Г. Х. Сайланма хезмәтләр / Г. Х. Алпаров. – Казан: Татгосиздат, 1945. – 329 б.

215. Алпаров Г. Х. Сайланма хезмәтләр / Г. Х. Алпаров. – Казан: Мәгариф, 2008. – 287 б.

216. Әдәбият белеме: Териннар һәм төшенчәләр сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2007. – 231 б.

217. Әдипләребез: биобиблиогр. белешмәлек: 2 томда. Т. 1 / төз. Р. Даутов, Р. Рахмани. – Казан: Татар. китап нәшрияты, 2009. – 751 б.

218. Әдипләребез: биобиблиогр. белешмәлек: 2 томда. Т. 2 / [төз. Р. Даутов, Р. Рахмани]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 734 б.

219. Әмирхан Ф. Әсәрләр: дүрт томда / Ф. Әмирхан. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 1 том: Хикәяләр. 1907–1922. – 478 б.

220. Әхмәтҗанов М. И. Сайланма хезмәтләр. / М.И. Әхмәтҗанов. – Казан: ТӘһСИ, 2019. – 336 б.

221. Әхмәтҗанов М. И. Кереш / М. И. Әхмәтҗанов // Татар әдәбияты тарихы: 7 томда. Татарстан Республикасы Фәннәр акад. Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать ин-ты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – Т. 2. XV – XVIII гасырлар. – Б. 5 – 14.

222. Әхмәтҗанов М. И. Казан ханлыгы чоры (XV–XVI гасырлар) татар әдәбияты / М.И. Әхмәтҗанов // Тарихи-документаль ядкәрләр тарихы: 7 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – Т. 2. – Б. 25–31

223. Әхмәтҗанов М. И. Яңа археологик табышлар һәм аларны татар әдәбияты тарихын тикшерүдә куллану: специальность 10. 01. 02 «Литература народов Российской Федерации»: филол. фән. … д-р дис. / Әхмәтҗанов М. И. – Казан, 1998. – 421 б.

224. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда. Т. I / Р. Г. Әхмәтьянов. – Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. – 543 б.

225. Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда. Т. II. / Р. Г. Әхмәтьянов. – Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. – 567 б.

226. Бәширова И.Б. Сәнгатьле чәчмә әсәрләр теле.- Казан: Тат. кит. нәшр., 1979.-96 б.

227. Бәширова И. Б. Иске татар язма әдәби теле / И. Б. Бәширова // Татар әдәби теле тарихы. Т. 1. – Казан: ТӘһСИ, 2015. – Б. 21 – 206.

228. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле.Семасиология / И.Б. Бәширова. – Казан, 2010. – 532 б.

229. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык / И.Б. Бәширова. – Казан, 2008. – 340 б.

230. Бәширова И. Б. Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы / И. Б. Бәширова. – Казан: Казан дәүләт технология университеты нәшр., 1999. – 528 б.

231. Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. – 580 б.

232. Вәлиди Җ. Сайланма хезмәтләр. Әдәби тел, грамматика, диалектология һәм лексикография мәсьәләләре / Җ. Вәлиди. – Казан: Мәгариф, 2007. – 272 б.

233. Вәлиди Җ. Татар теле грамматикасы / Җ. Вәлиди. – Казан: Корылтай, 1919. –172 б.

234. Гайнетдинов А.М. Аднаш Хафизның «Сиражел-колүб» әсәре һәм татар әдәбиятында аның традицияләре / А.М. Гайнетдинов. –Казан: ТӘһСИ, 2014. – 168 б.

235. Гайнетдинов М.В. Идел буенда гомумтөрки әдәбият һәм Насретдин Рабгузыйның “Кыссасел әнбия” әсәре / М. Гайнетдинов // Татар әдәбияты тарихы: 8 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – Т. 1. Борынгы чор һәм Урта гасырлар. – Б. 252 – 279.

236. Гайнетдинов М. В. “Төрки”дә дә без – әсәрле, эзлебез... / М. В. Гайнетдинов // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. – Казань: ИЯЛИ, 1992. – С. 90 – 95.

237. Гайнуллин М. Х. XIX йөз татар әдәбияты / М. Х. Гайнуллин. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – 655 б.

238. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. –Казан: Тат. кит. нәшр., 1993.- 848 б.

239. Җәләй Л. Тукай телендә фигыльләр / Л. Җәләй // Совет әдәбияты. – 1938. – № 4. – Б. 58–66.

240. Җәләй Л. Татар теленең тарихи морфологиясе (очерклар) / Л. Җәләй. – Казан: ИЯЛИ, 2000. – 288 б.

241. Җамалетдинов Р. Р. Тел һәм мәдәният: Татар лингвокультурологиясе нигезләре / Р. Р. Җамалетдинов. – Казан: Мәгариф, 2006. – 351 б.

242. Зәкиев М. З. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис / М. З. Зәкиев. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1958. – 242 б.

243. Зәкиев М. З. Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы һәм пунктуациясе / М. З. Зәкиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 256 б.

244. Зәкиев М.З. Татар халкы тарихы: (этник тамырлары, оешуы һәм киләчәге) / М.З. Зәкиев. – Казан, 2008. – 544 б

245. Зәкиев М. З. Татар теленең синтаксик төзелеше / М. З. Зәкиев. – Казан: Ихлас, 2013. – 392 б.

246. Исламов Р. Ф. Мәмлүкләр әдәбияты һәм “Төрки Шахнәмә” / Р. Ф. Исламов // Татар әдәбияты тарихы. Т. 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – б. 379- 391.

247. Кадирова Э.Х. Казан ханлыгы чоры (XV-XVIг.) иске татар язма әдәби телен өйрәнүнең торышы/ Э.Х. Кадирова //Түркий тиллер фольклоры ҳәм тарийхының әҳмийетли мәселелери: улыўма уйғынлық ҳәм миллий өзгешелик атамасындағы халықаралық илимий-теориялық конференция материаллары. Нөкис: НМПИ баспасы, 2019. С.131-137.

248. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф. Казан, Татар. кит. нәшр., 1983. – 443 б.

249. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф. Казан, «Дом печати», 2008. - 604 б.

250. Курбатов Х.Р. Хәзерге татар әдәби теленең стилистик системасы / Х.Р. Курбатов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. – 191 б.

251. Курбатов Х.Р. Татар әдәби теленең алфавит һәм язу тарихы / Х.Р. Курбатов. – Казан: Татар.кит. нәшр., 1999. – 139 б.

252. Мәхмүтов Х. Ш. Борынгы сүзлекләр / Х. Ш. Мәхмүтов // Татар әдәбияты тарихы: 6 томда / ред. Ш. Ш. Абилов, Н. Ш. Хисамов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – Т. 1. Урта гасырлар дәвере – Б. 510 – 528.

253. Миңнегулов Х. Й. Алтын Урда чоры язма мәдәнияте / Х. Й. Миннегулов // Татар әдәбияты тарихы: 7 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 1 т. Борынгы чор һәм урта гасырлар. – Б. 240 – 252.

254. Миңнегулов Х. Й. “Кисекбаш китабы”/ Х. Й. Миңнегулов // Татар әдәбияты тарихы: 7 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр, 2014. – 1 т. Борынгы чор һәм урта гасырлар. – Б. 240 – 252.

255. Миңнегулов Х. Й. Тажеддин Ялчыгол / Х. Й. Миңнегулов // Татар әдәбияты тарихы: 7 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 2 т. – Б. 339 – 359.

256. Миңнегулов Х. Й. Хисам Кятибнең “Җөмҗөмә солтан” әсәре / Х. Й. Миңнегулов // Татар әдәбияты тарихы: 7 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 1 т. – Б. 292 – 300.

257. Миннегулов Х. Й. Шәрык һәм татар әдәбиятында кысалы кыссалар. (Поэтика һәм әдәби багланыш мәсьәләләре) / Х. Й. Миннегулов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1988. –108 б.

258. Мөхәммәтшин З.М. Фатих Халидинең иҗат мирасы / З.М. Мөхәммәтшин. – Казан: Таң – Заря, 2001. – 160 б.

259. Мөхәммәдъяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырь / Мөхәммәдъяр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 336 б.

260. Насыйри К. Әбүгалисина кыйссасы димәклә мәшһүр тәхыйләтнең тәрҗемәсе... / К. Насыйри. – Дүртенче мәртәбә басылмышдыр. – Казан: ун-т тип., 1898. – 112.

261. Насыйри К. Сайланма әсәрләр: ике томда / К. Насыйри. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – Т.1 – 34 б.

262. Насыйри К. Сайланма әсәрләр: ике томда / К. Насыйри. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. – 2 т.. – 318 б

263. Низамов И. М. Татар социолингвистикасы / И. М. Низамов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2006. – 152 б.

264. Низамов И. М. Татар социолингвистикасы хэрэкэттэ. 2 китап. / И. М. Низамов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2011. – 301 б.

265. Нуриева Ф. Ш. Болгар дәүләте чоры. Идел буе төрки язма әдәби теленең морфологик үзенчәлекләре. Алтын Урда чоры Идел буе төрки-татар язма әдәби теленең морфологик үзенчәлекләре / Ф. Ш. Нуриева // Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / фәнни ред. Ф. М. Хисамова. – Казан: ТӘһСИ, 2017. – II т. Морфология. Грамматик категорияләрнең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – Б. 42 – 194.

266. Нуриева Ф. Ш. Мәхмүд әл-Болгари һәм аның "Нәһҗел-Фәрадис" әсәре / Ф. Ш. Нуриева // Татар әдәбияты тарихы: 7 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 1 т. – Б. 330 – 339.

267. Рамазанов Ш. А. Татар теле буенча очерклар / Ш. А. Рамазанов. – Казан: Тат. кит. нәшр, 1954. – 200 б.

268. Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге / Э. И. Сафина. – Казан: ТӘhСИ, 2018. – 184 б.

269. Сафиуллина Ф. С. Татар телендә сүз тәртибе / Ф. С. Сафиуллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 150 б.

270. Сафиуллина Ф. С. Тел дигән дәрья бар... / Ф. С. Сафиуллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 136 б.

271. Сибгатуллина Ә. Т. Илаһи гашыйклар юлыннан (Суфичылык турында очерклар) / Ә. Т. Сибгатуллина. – Казан: Кыйбла, 1999. – 144 б.

272. Сибгатуллина Ә. Т. Татар дини суфи әдәбияты / Ә. Т. Сибгатуллина. – Казан: Казан. ун-ты нәшр., 2013. – 184 б.

273. Таһиржанов Г. Т. Тарихтан – әдәбиятка / Г. Т. Таһиржанов. – Казан: Тат. кит. нәшр, 1979. – 167 б.

274. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадыйрова; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. – Казан: ТӘhСИ, 2015. – I т. Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 696 б.

275. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадыйрова, Р. Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – II т. Морфология. Грамматик категорияләрнең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 888 б.

276. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, М. З. Вәлиева, Г. Ф. Гайнуллина, Х. Х. Кузьмина; фәнни ред. Ф. С. Баязитова. – Казан: ТӘhСИ, 2019. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кис. – 528 б.

277. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, М. З. Вәлиева, Р. Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф. С. Баязитова. – Казан: ТӘhСИ, 2020. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кис. – 588 б.

278. Татар әдәбияты. XIX йөз: Югары уку йортлары өчен. – Казан: Таткнигоиздат: укыту-педагогик әдәбият редакциясе, 1957. – 654 б.

279. Татар әдәбияты тарихы: 7 томда. 2 т. XV – XVIII гасырлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 471 б.

280. Татар әдәбияты тарихы. Урта гасыр дәвере. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 567 б.

281. Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. М. З. Зәкиев; ред. Ф. М. Хисамова. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан : ТӘhСИ, 2015. – Т. I. – 512 б.

282. Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. М. З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан : ТӘhСИ, 2016. – Т. II. – 432 б.

283. Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. һәм автор М. З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан : ТӘhСИ, 2017. – Т. III. – 536 б.

284. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: I т. – Казан: ТӘhСИ, 2015. – 712 б.

285. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: II т. – Казан: ТӘhСИ, 2016. – 748 б.

286. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: III т. – Казан: ТӘhСИ, 2017. – 744 б.

287. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: IV т. – Казан: ТӘhСИ, 2018. – 760 б.

288. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: V т. – Казан: ТӘhСИ, 2019. – 908 б.

289. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

290. Татарча-русча сүзлек / ред. Ф. Ә. Ганиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 523 б.

291. Тенишев Ә.Р. “Кыйссаи Йосыф” поэмасының теле/ Ә.Р. Тенишев // Мирас.– 1994. – № 1. – Б. 30–31.

292. Тумашева Д. Г. Көнбатыш себер татарларының теле. Грамматик очерк һәм сузлек / Д. Г. Тумашева. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1961. – 240 б.

293. Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле. Морфология / Д. Г. Тумашева. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1978. – 211 б.

294. Фасеев Ф. С. Кол Галинең “Кыссаи Юсеф” поэмасы / Ф. С. Фасеев // Татар теле һәм әдәбияты: бишенче китап. – Казан: ТӘТИ, 1976. – Б. 154–173.

295. Фәизхан Г. Тутый намә китабы / Г. Фәизхан. – Казань: Типолит. наследников М. Чирковой, 1896. – 142 б.

296. Фәнгә багышланган гомер: Нурмөхәммәт һәм Фәһимә Хисамовларның 80 яшьлегенә / төз. Э. И. Сафина. – Казан: ТӘһСИ, 2017. – 304 б.

297. Хаков В.Х. Тел һәм стиль мәсьәләләре / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ нәшр., 1961. – 160 б.

298. Хаков В.Х. Татар теле стилистикасына кереш / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ, 1963. – 168 с.

299. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы буенча очерклар / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан, 1965. – 120 б.

300. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше / В.Х. Хаков. – Казан: КДУ нәшр., 1972. – 224 б.

301. Хаков В.Х. Стилистика һәм сүз сәнгате / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: Тат. кит.нәшр., 1979. – 158 б.

302. Хаков В.Х. Татар әдәби теленең совет чорында үсеше. 20–30 нчы еллар / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ нәшр., 1985. – 150 б.

303. Хаков В. Х. Татар әдәби теле тарихы (Әдәби телнең үсешен диахроник һәм синхроник аспектта тикшерү) / В. Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 329 б.

304. Хаков В.Х. Татар әдәби теле: (Стилистика) / В.Х. Хаков. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1999. – 302 б.

305. Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе (Татар әдәби теленең үсеш тарихыннан) / В.Х.Хаков. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2003. – 295 б.

306. Ханбикова Ш. С. Синонимнар сүзлеге / Ш. С. Ханбикова, Ф. С. Сафиуллина. – Казань: Хәтер, 1999. – 256 б.

307. Хангилдин В.Н. Татар теле грамматикасы / В.Н. Хангилдин. – Казан. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 641 б.

308. Хангилдин В.Н. Татар теле культурасының кайбер мәсьәләләре / В.Н. Хангилдин. – Казан, 1976. – 94 б.

309. Хисамов Н. Ш. Мәхмүд Кырымлының “Йосыф вә Зөләйхә”се - Кол Галинең “Кыйссаи Йосыф”ына беренче нәзыйрә / Н. Ш. Хисамов // Әдәби мирас һәм текстология: (мәкаләләр җыентыгы). – Казан, ТӘһСИ, 2008. – 51-58 б.

310. Хисамова Ф. М. XVIII йөз татар эш кәгазьләренең тел үзенчәлекләре / Ф. М. Хисамова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 162 б.

311. Хисамова, Ф. М. Татар теле морфологиясе : югары уку йортлары өчен дәреслек / Ф. М. Хисамова. – Казан : Мәгариф, 2006. – 334 с.

312. Хисамова Ф. М. Туган тел һәм милләт язмышы / Ф.М. Хисамова // Tatarica. – 2013. – № 1. – Б. 23 – 35.

313. Хисамова Ф. М. Татар теленең тарихи грамматикасы: Фонетика. Морфология / Ф. М. Хисамова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. – 183 б.

314. Яхин Ф. З. Борынгы һәм урта гасырлар татар әдәбияты: Югары уку йортлары һәм мәктәпләр өчен дәреслек-кулланма / Ф. З. Яхин. – Казан: Раннур, 2011. – 188 б.

Литература на иностранных языках:

315. الف ليلة و ليلة. المجلد الاول. دار المكتبة الهلال. بيروت، ٢٠٠٩. = Тысяча и одна ночь. 1 т. – Бейрут: Дарул-мактабатил-хилал, 2009. – 415 с.

316. الف ليلة و ليلة. المجلد الثاني. دار المكتبة الهلال. بيروت، ٢٠٠٩. = Тысяча и одна ночь. 2 т. – Бейрут: Дарул-мактабатил-хилал, 2009. – 431 с.

317. الف ليلة و ليلة. المجلد الثالث. دار المكتبة الهلال. بيروت، ٢٠٠٩. = Тысяча и одна ночь. 3 т. – Бейрут: Дарул-мактабатил-хилал, 2009. – 456 с.

318. الف ليلة و ليلة. المجلد الرابع. دار المكتبة الهلال. بيروت، ٢٠٠٩. Тысяча и одна ночь. 4 т. – Бейрут: Дарул-мактабатил-хилал, 2009. – 440 с.

319. تاريخ قرق وزير. طابع و ناشري امنيت كتبخانه سي. مطبعة ابو الضيا ١٣٢١. = История сорока везирей. – Стамбул: Абу Дайя Пресс, 1903. – 261 с.

320. تاريخ قرق وزير. = История сорока везирей. – Стамбул: [Б. и.], [Б. г.]. – 156 с.

321. تاريخ قرق وزير. محمد جمال افندينك مطبعه سنده طبع اولنمشدر. استانبول، سنه ١٣٠٣. История сорока везирей. Издано в типографии господина Мухаммада Джамала. – Стамбул, 1885 (тип. М. Джамала). – 261 с.

322. ترجمة الف ليلة و ليلة. الجلد الاول. = Arabian nights = Tercume-i elf leylet ve leylet = Тысяча и одна ночь: сказки. Т. 1. – Стамбул: [Б. и.], 1870. – 392 с.

323. ترجمة الف ليلة و ليلة. الجلد الثاني. = Arabian nights = Tercume-i elf leylet ve leylet = Тысяча и одна ночь: сказки. Т. 2. – Стамбул: [Б. и.], 1870. –391 с.

324. ترجمة الف ليلة و ليلة. الجلد الثالث. = Arabian nights = Tercume-i elf leylet ve leylet = Тысяча и одна ночь: сказки. Т. 3. – Стамбул: [Б. и.], 1870. – 368 с.

325. ترجمة الف ليلة و ليلة. الجلد الرابع. = Arabian nights = Tercume-i elf leylet ve leylet = Тысяча и одна ночь: сказки. Т. 4. – Стамбул: [Б. и.], 1870. – 289 с.

326. طوطي نامه = Тутинаме. – Каир: Булак, 1927. – 212 с.

327. طوطي نامه. = Тутинаме. – Стамбул: Дар ас-Султана ас-Сунния, 1931. – 206 с.

328. كتاب كليلة و دمنة. طبع بنفقة كتبخانة "الملة" في قزان ١٣٢٩ سنة. ٢٣٦ ص. = Книга Калилы и Димны, напечатанная на средства кутубхана “Миллят”. – Казань: Миллят, 1911. – 236 с.

329. كنجينهء حكمت. هذه حكاية رئس الحكماء اخي ابي الخارث و هو ابو علي سينا = Канжинаи хикмет. Это история главы мудрых, брата Абуль-Хариса, и он – Абу Али Сина. = Рассказ Абугалисина. – [Б. м.]: [Б. и.], [Б. г.]. – 137 с.

330. Benfey T. Panchatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Bd. 1 – 2. – Leipzig; Brockhaus, 1859. – 611 s.

331. Jolles A. Einfache Formen: Legende, Sage, Mythe, Rătsel, Spruch, Kasus, Memorabile, Mărchen, Witz. – Halle: Niemeyer, 1956. – 272 s.

332. Seyyid Y. Gencîne-i hikmet'i (metin-inceleme) doktora tezi Danisman Yrd. Doç. Dr. Sükrü Fatih ÜLKEN / Seyyid Y. – Izmir, 2011. – 484 s.

333. Türk dılının etımolojı sözllügü: Sosyal Yayınlar Badıalı. Cad.14. / ed. Ismet Zekı Eyuboglu. – Istanbul, 1995. – 782 s.

Электронные ресурсы:

334. Липатова И. А. Сказки "Тысяча и одна ночь" как источник по истории ментальности востока / И. А. Липатова, А. И. Назарова. – Текст: электронный // Вестн. Чуваш. университета. Сер. Гуманитар. науки. – 2003. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/skazki-tysyacha-i-odna-noch-kak-istochnik-po-istorii-mentalnosti-vostoka (дата обращения: 14. 11. 2021).

335. Корпус татарской художественной литературы / *кардәш* . – Текст: электронный. – URL: http://litcorpus.antat.ru/index.html (дата обращения: 14. 11. 2021).

336. Татарский национальный корпус «Туган тел» / *карендәш.* – Текст: электронный. – URL: http://tugantel.tatar/search/word/карендәш/page/3?groupBy=context (дата обращения: 14. 11. 2021).

337. Тукай Г. Пара лошадей / Г. Тукай; пер. В. Думаевой-Валиевой. – Текст: электронный // Избранное. – URL: http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1907-god/para-loshadej-per-v-dumaevoj-valievoj (дата обращения: 14. 11. 2021).

338. Шамарова Г. Б. Грамматические особенности языка дастанов Курмаши / Г. Б. Шамарова, Р. Ш. Хурматуллина. – Текст: электронный // Филологические науки. – 2017. – № 2, ч. 1. – URL:

https:// https://cyberleninka.ru/article/n/skazki-tysyacha-i-odna-noch-kak-istochnik-po-istorii-mentalnosti-vostoka] (дата обращения: 15. 06. 2021).

339. Юсупова А. Ш. Термины животноводства и птицеводства в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века / А. Ш. Юсупова. – Текст: электронный. – URL: https://kpfu.ru/staff_files/F952895073/radlov.pdf (дата обращения: 14. 11. 2020).

340. Kiziltan M. Kirk vezir. Docu-islâm dünyasının ortak hikâyeler külliyatından biri / M. Kiziltan. – Text: electronic // Islam Ansiklopedisi. – URL: https://islamansiklopedisi.org.tr/kirk-vezir (дата обращения: 14. 11. 2020).

341. Zal Ü. Kirk vezir hikâyeleri'nin karşilaştirilmasi (Uppsala ve İstanbul metinleri) / Ü. Zal. – Text: electronic // International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. – 2015. – Vol. 10 / 12. – URL: https://turkishstudies.net/turkishstudies?mod = makale_ing_ozet&makale_id=18830 (дата обращения: 15. 11. 2021).

Приложение №1

Таблица символов транслитерации

Обозначение на основе кириллицы	Обозначение на основе латинской графики	Обозначение на основе арабской графики	Обозначение на основе кириллицы	Обозначение на основе латинской графики	Обозначение на основе арабской графики
А а	A a	(ه)ه, ا, آ	У у	U u	و, ا
Ә ә	Ä ä	ئ(, ه)ه , ا	Ү ү	Ü ü	و, ا
Б б	B b	ب	Л л	L l	ل
Җ җ	C c	ج	М м	M m	م
Ч ч	Č č	ج, چ	Н н	N n	ن
Д д	D d	د	В в	V v	ۋ, و
Э э,	E e	و, ا(, ي)ى	С с	S s	س, ص, ث
Ф ф	F f	ف	З з	Z z	د, ز, ذ, ض, ظ
Г г	Ğ ğ	ع, غ	Т т	T t	ت, ط, د, ة
Г г	G g	ك, گ, غ	Р р	R r	ر
К к	K k	ق, ک, ك	Х х	X x	ح, خ
К к	Q q	ق	Й й	J j	ى(ي)
Ң ң	Ю ŋ	ڭ, ك, ڭ	В в	W w	و, ۋ
Һ h	H h	ه	О о	O o	و, ا
Ш ш	Š š	ش	Ө ө	Ö ö	و, ا
П п	P p	ب, پ	Ы ы	Y y	ى(, ي)ا, و
И и	I i	ه, ا , اي(, ي)ى	Ж ж	Ž ž	ژ

Приложение №2

Список сокращений

[Әбу] - Әбугалисина кыйссасы = Рассказы Абугалисины (на татарском языке).

[Әлфу] - Әлфу ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь (на татарском языке).

[Әлҗилдү, 2] - Әлҗилдү әс-сәни тәрҗәмәти әлф ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 2. (на татарском языке).

[Әлҗилдү, 3] - Әлҗилдү әс-сәлисү тәрҗәмәти әлф ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 3. (на татарском языке).

[Әлҗилдү, 4] - Әлҗилдү рәбигу тәрҗәмәти әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 4. (на татарском языке).

[Әлҗилдү, 5] - Әлҗилдү хәмисү әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 5. (на татарском языке).

[Әлҗилдү, 6] - Әлҗилдү сәдисү әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 6. (на татарском языке).

[ИСВ] – История сорока визирей (на османо-турецком языке)

[Канжинаи] - Канжинаи хикмет = Рассказ Абугалисина (на османо-турецком языке).

[КВ] – Кырык вәзир кыйссасы = Рассказы сорока визирей (на татарском языке).

[КД] – Кәлилә вә Димнә китабы= Книга «Калила и Димна» (на татарском языке).

[ККД] – Книга Калилы и Димны (на арабском языке).

[ТН] – Тутыйнәмә =Тутынаме (на татарском языке).

[Тутинаме] – Тутинаме (на османо-турецком языке).

[Тысяча] - Тысяча и одна ночь (на арабском языке).

[Tercume] - Tercume-i elf leylet ve leylet = Тысяча и одна ночь: сказки, (на османо-турецком языке).